

Марина
Сербинова

ЧЁРНЫЙ ТУМАН
Где я, там смерть

...Вместе с необыкновенным даром, способностью видеть за гранью этого мира, мать передала ей и проклятие. Страшное проклятие, пришедшее через поколения и источник которого затерялся в далеком прошлом. Это сломало ее мать, лишив рассудка и превратив в чудовище. Сможет ли с этим жить она, дочь шлюхи и убийцы-психопатки, во власти страшных видений, которые открывали ей будущее, позволяли видеть мертвых... тех, кто уже пал жертвой ее проклятия и тех, кого это только ожидало? Невидимой тенью за ней следует беспощадная смерть, не прикасаясь к ней и забирая тех, кто рядом...

А может, эти смерти просто случайность, видения — не дар, а страшная болезнь, обрекшая ее мать провести остаток жизни в психиатрической клинике, болезнь, перешедшая по наследству? Может, ей суждено повторить судьбу матери, превратиться в такого же кровожадного монстра и также сгинуть за решетками среди сумасшедших?..

ЧЕРНЫЙ ТУМАН. Где я, там смерть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Глава 1

Лето было в самом разгаре. Несмотря на то, что еще не было и девяти часов утра, солнце уже светило и пекло всюду. Небо было чистым и ясным. С океана дул легкий ветерок, немного разгоняя жару и освежая. Погода обещала быть превосходной весь день и невольно способствовала поднятию настроения и оптимизма. В такие дни всегда все должно быть хорошо, все должно получиться, а неприятности и огорчения обязательно пройдут мимо, отложив свои пакости на более подходящее для них время. По крайней мере, в такой день не хотелось думать ни о чем плохом.

И в это прекрасное утро произошло настоящее чудо.

Кэрол торопливо набрасывала последние штрихи макияжа, стоя перед зеркалом. Волосы ее свободно струились по плечам золотистыми локонами, и она все еще не могла решить, собрать ли их или оставить так. Узкая розовая блузка очень шла ей, подчеркивая стройный стан и тонкую талию, черная юбка облегла округлые соблазнительные бедра, едва доставая до колен.

Девушка нервничала, руки ее дрожали, поэтому красилась она сегодня немного дольше, чем обычно.

Глаза блестели от сдерживаемых слез, но это были слезы радости.

— Мам! Они приехали! — донесся до нее сильный детский голос. — Ты скоро?

— Уже иду!

Быстро обув туфли на высокой шпильке, Кэрол схватила сумочку и выскочила из спальни. Сбежав вниз по лестнице, она увидела, как Патрик открывает входную дверь, со счастливой улыбкой встречая Куртни и Джорджа Рэндэла — своих горячо обожаемых бабушку и дедушку. Одновременно мальчик потянулся к обоим, и они присели, заключив его в нежные объятия. Маленькие ручонки крепко обхватили сразу обе шеи, и он звонко поцеловал в щеку сначала Куртни, потом Джорджа, заставив их лица засиять широкими довольными улыбками.

Кэрол тоже улыбнулась, подходя к ним. Поприветствовав гостей, она каждого поцеловала в щеку. Поначалу, когда Джордж Рэндэл только стал ее свекром, она робела перед ним и не знала, как себя вести с этим суровым на вид и весьма сдержанным в проявлении всяческих чувств мужчиной. Но когда он впервые взял на руки новорожденного внука, заглянул в одеяло и увидел в облаке кружев маленькую темноволосую головку, пухлосекое личико и сердито смотрящие на него серые глазки, он так расчувствовался, что, держа ребенка одной рукой, другой сгреб в охапку наблюдающую за ним Кэрол и со смехом поцеловал ее в лоб.

— Спасибо, девочка! Спасибо, что побеспокоилась о старике и вняла моим мольбам, в отличие от моего сына — обалдуя, — пошутил он и стал тщательно разглядывать младенца. — О, он так похож на Джека! Я его уже обожаю!

Мальчик был назван в честь отца Куртни, оба Рэндэла не возражали.

Таким образом Кэрол хотела отдать дань своей любимой Куртни за все то, что та для нее сделала, показав тем самым, как много она для нее значит и как она ей благодарна. Куртни, не ожидавшая ничего подобного, была безумно счастлива. Думала ли она, что когда-нибудь она будет держать на руках внука, который, к тому же, будет носить имя ее горячо любимого отца? И не имело значения, что в этом мальчике не было ни капли ее крови,

Куртни об этом даже не вспоминала. Ее сердцу не было никого роднее и любимее, чем этот крохотный малыш. Его невозможно было не любить. Даже Рэй с удовольствием с ним нянчился, когда Кэрол приезжала к ним в гости.

Ненависть Рэя к Джеку не ослабевала, и Куртни, и Кэрол были уверены, что он не будет питать особой любви и к его сыну, но опасения их были напрасны. Поначалу Рэй действительно косо и хмуро смотрел на малыша, но его сердце вскоре оттаяло. Несмотря на то, что Рэй так и не смирился с замужеством Кэрол и никогда не упускал случая это продемонстрировать, отношения с девушкой у него постепенно наладились.

А Кэрол простила его за то, что он отказался присутствовать на ее свадьбе. Они заключили перемирие, иначе и быть не могло, и Куртни, и Кэрол об этом знали, потому что все дело было в Рэе, в том, что он затеял этот конфликт из-за свадьбы, а он сердиться долго не умел. К тому же, он искренне любил Кэрол, а потому полюбил и ее ребенка, несмотря на то, что тот был как две капли воды похож на ненавистного Рэндэла, а не на Кэрол. А в знак перемирия он даже подарил ей машину, и сам учил ее водить, не смотря на недовольство Джека. Но Кэрол подарок приняла, и с удовольствием брала у Рэя уроки вождения, потому что он был не только превосходным водителем, но и мягким терпеливым учителем. У нее были права, но опыта было мало, и она боялась ездить по городу. В результате занятий с Рэем она утратила свой страх и неуверенность на дорогах. К тому же, она была просто в восторге от своей машины. И пыталась сгладить обиду Джека, которую тот затаил в душе. Дело было в том, что когда он предлагал ей купить машину, Кэрол отказалась, сославшись на то, что боится садиться за руль. А теперь с радостью разъезжала на машине, подаренной Рэем, но только потому, что тот сам взялся за ее обучение и избавил ее от всякой неуверенности. Джек, конечно, все понимал, помня, что, предлагая ей машину, не предложил научить ее хорошо водить и приучить к дорогам, да и времени у него на это не было, в отличие от бездельника Рэя. Но все равно остался недоволен всем этим, косо поглядывая на роскошную машину Кэрол и подумывая о том, как от нее избавиться. Не прошло и пары месяцев, как машину угнали и так и не нашли, словно она сквозь землю провалилась. Кэрол рыдала за своей машиной, безумно расстроившись, но Рэй среагировал мгновенно, подогнав прямо к дому другую машину, еще лучше первой, которая сгорела на следующий же день.

Кэрол долго не разговаривала с Джеком, понимая, что это его рук дело, хоть он и невозмутимо все отрицал. Рэй тоже понимал, но упрямство его порой не знало предела, особенно, когда дело касалось Джека.

Он купил Кэрол еще одну машину, но на этот раз девушка отказалась, понимая, что ни один, ни другой не останутся в своем споре. Попросив Рэя не обижаться, она отказалась от подарка, и поехала с Джеком выбирать себе новую машину, на которой ездила и по сей день.

Патрик рос красивым мальчиком. Как и у Джека, у него были каштановые волосы, внимательные, стального цвета глаза, обаятельная улыбка и такой же цепкий взгляд, который словно вонзался в то, на что он смотрел, будь то человек, животное или предмет. Чем старше становился Патрик, тем больше он гордился своим сходством с отцом, перед которым благоговел и трепетал. Он знал, что его папа самый лучший, самый умный и сильный. Его знали все, уважали и боялись. Папа мог все. Мальчик пытался во всем ему подражать, затаив в своем детском сердечке мечту стать таким же, как он.

Джек был хорошим отцом и нежно любил своего сына. Он по-прежнему много работал, днем дома практически не бывал, да и по ночам не всегда, разъезжая по командировкам.

Популярность его росла, и теперь за его услугами обращались со всего мира. Джек оставался на высоте и также не знал поражений, он стал образцом, стимулом и кумиром всех начинающих юристов, мечтающих о карьере. Он по-прежнему оставался фанатиком своей работы, но нельзя было сказать, что семья для него имела меньшее значение.

Он очень старался совмещать работу и семью, делал все, чтобы они «уживались» вместе. Он разрывался и лез из кожи вон, чтобы не допустить того, чтобы его сын чувствовал себя чем-либо обделенным, особенно вниманием и любовью. Это было тяжело, очень тяжело. Другой бы не выдержал такой нагрузки, такого бешеного и тяжелого ритма жизни, где нужно успеть все и везде, и в работе, и в семье, не ущемляя ни то, ни другое. Вернее, ущемлять все же приходилось, но пока Джеку удавалось сохранять в этом равновесие.

Если сегодня он уезжал в командировку, оставляя семью, то завтра, отложив все дела или переложив их на своих помощников, посвящал себя только семье. Он умудрялся успевать и там, и здесь, ловкий и изворотливый по своей натуре. Кто-то, может быть, и сломался бы, но не он. Он был сильным. Он мог все. Он уставал от через чур активной жизни, которая, можно сказать, даже изнуряла его, из-за чего он иногда становился раздражительным и злым. Постоянная дележка времени между работой и семьей не позволяла ему расслабиться, ни умом, ни телом. Он знал, что так будет, поэтому и откладывал создание семьи на далекое будущее, дабы семья не мешала его работе. Но, несмотря на свои планы и расчеты, он женился. Теперь он не мог сказать определенно, жалеет ли он об этом или нет. Он жалел, что не может полностью посвятить себя любимому делу, целиком отдаваться работе, как раньше, но не мыслил уже своей жизни без Кэрол и Патрика. Они тоже были ему нужны. Нужна была их любовь — то, чего ему так недоставало в прошлом. Он не ощущал себя больше одиноким. И ему нравилось быть нужным и любимым. А восхищенный, полный обожания и преклонения взгляд маленького сына, был лучшим лекарством от усталости, сомнений и уныния. Жизнь Джека словно раздвоилась, в ней теперь было две цели, два смысла. Раньше — только работа, а теперь еще и сын. Он очень хотел, чтобы его мальчик был счастлив, чтобы, став взрослым, всегда только с гордостью и любовью говорил о своих родителях, вспоминал с удовольствием и радостью свое детство.

Патрик так был на него похож, что порой Джек видел в нем себя, а потому еще больше старался для мальчика, как будто, оказавшись в собственном прошлом, заботился о себе. И мальчик отвечал ему любовью, которое плавило его жесткое, очерствевшее еще в детстве сердце.

Кэрол тоже не разочаровала его, оказавшись преданной и терпеливой женой. Именно такой, как он предполагал. Он не ошибся и на этот раз. Ей, конечно, не нравились то, что он куда-то уезжает, что так много времени уделяет работе, но она старалась его понять. Она знала, что его работа — это его жизнь, что без нее он просто не существует. Он и работа — это одно целое, и разъединять их бесполезно. В глубине души она была уверена в том, что если бы ему пришлось выбирать, он бы выбрал работу, а не ее и Патрика. Поэтому она не пыталась препятствовать его работе и становиться между ним и нею, считая, что неизбежно проиграет, разрушив их семью и потеряв его. Да, она скучала, когда его не было рядом, ей его патологически не хватало, было одиноко и тоскливо по ночам, когда он уезжал, без его горячей, не остывающей любви, на которую у него всегда находились желания и силы, каким бы усталым он не ложился в постель.

Но иначе быть не могло. Может быть, со временем, он все же поостынет к работе,

удовлетворившись карьерой, и станет больше принадлежать им. А пока его отбирали посторонние люди, которые нуждались в его помощи. А молодость и врожденная энергичность давали ему достаточно сил и для работы, и для сына, и для жены...

И с того мгновения, когда она ответила «да» на его предложение, она ни разу ни на миг не пожалела об этом. С ним было не просто. Его характер мог вывести из себя любого, но Кэрол не впервой приходилось сталкиваться с тяжелыми сложными людьми. Когда ей не хватало терпения, и хотелось все бросить и уйти, послав его ко всем чертям со своим отвратительным нравом и ядовитым языком, она вспоминала Элен, что помогало ей преодолеть порыв. «По сравнению с мамой, Джек — божий одуванчик», — думала она, и эти выводы ее успокаивали, позволяя стойко вынести дурное настроение Джека и переждать, когда он смягчится.

О смерти мамы она узнала, когда они с Джеком вернулись из свадебного путешествия. Ей сказали, что она умерла, когда их не было, поэтому Элен похоронили без нее. Кэрол лишь оставалось поехать на могилу. Джек пожелал ее сопровождать. Он сам получал свидетельство о смерти, и Кэрол даже предположить не могла, что в документе поставлена ложная дата, на две недели позже настоящей, когда скончалась Элен.

Не знала, что послужило причиной ее смерти, что ее мать убили всего несколько слов, спровоцировав сердечный приступ. Не знала, кто произнес эти роковые губительные слова, и что это были за слова. А Джек не собирался рассказывать ей об этом, никогда, потому что знал, что она не простит ему смерть матери, которую оплакивала, несмотря ни на что. Но он не жалел, что наказал эту женщину за Кэрол и избавил девушку от этой бестии, отравляющей ей жизнь и заставляющей страдать.

По наследству Кэрол достался мотель, принадлежавший матери, в котором с тех пор, как Элен была помещена в клинику, заправляла Пегги Силвия. Еще до ареста Элен составила документ, в котором передавала право управления Пегги на случай, если сама она отойдет от дел. Завещание Элен не оставила, поэтому большое двухэтажное здание автоматически перешло в право собственности ее дочери.

До смерти Элен Кэрол ни разу не показывалась там, не питая особой любви к дому, в котором прожила столько лет. Но после того как не стало матери, она все-таки поехала туда. Прошла по комнатам, задержавшись на несколько минут в той, что когда-то принадлежала ей. Теперь здесь был номер для постояльцев. Посидела на кухне с Пегги, Меган Аркетт и Руи Ланкастер, которые услужливо угощали ее чаем.

Женщины, увидев ее впервые за столько лет, были шокированы. Разглядывая украдкой молодую красивую женщину, хорошо и со вкусом одетую, пахнущую дорогими духами, с обручальным кольцом, усыпанным бриллиантами, на тонком ухоженном пальце, они не могли поверить в то, что перед ними та самая Кэрол, которая когда-то жила здесь, та маленькая, вечно худая замухрышка с задумчивым печальным взглядом. И только этот взгляд остался прежним.

Кэрол пила чай, не слушая болтовню женщин, которых когда-то так ненавидела. Она помнила и не могла простить того, как они унижали ее, как были с ней жестки и безразличны. Только к Пегги она относилась иначе. Эта маленькая пухленькая женщина с огненно-рыжими волосами, веселым большим ртом и громким смехом проявляла к ней сочувствие, тайком жалея девочку, но вынуждена была это скрывать, потому что боялась Элен. И именно благодаря Пегги Кэрол вырвалась из ада, в котором жила. Женщина позвонила Рэю, своему кузену, уверенная в том, что он отец девочки и сказала, что если он

не заберет дочь, с ней случится беда. Пегги спасла ее от обезумевшей матери, подарила ей другую жизнь. И Кэрол никогда об этом не забывала.

Только в тот день она узнала, что Барбара умерла от СПИДа еще пять лет назад. Кэрол разглядывала кухню и старалась вспомнить Мадлен, которая когда-то давно царила в этой комнате. Но все, что сохранилось в ее памяти от образа бедной старушки — это огромный тучный силуэт, длинное платье и белоснежный передник.

Она чувствовала, что в этом большом доме чего-то очень не достает, чего-то неотъемлемого и важного.

Кэрол знала, чего. Его хозяйки. И Кэрол было как-то странно находится здесь и не чувствовать присутствия матери.

Все здесь ее угнетало.

Сначала она решила продать мотель и навсегда забыть о его существовании, но потом передумала.

Джек посоветовал отреставрировать здание и переквалифицировать в приличное заведение, комфортабельный мотель, который может приносить ей неплохой доход, так как стоит в удачном месте на оживленной трассе. Подумав, Кэрол решила так и поступить. Пегги она предложила стать управляющей. Женщина, выслушав о ее планах, с восторгом согласилась. Кэрол помнила о ее мечте завязать с грязной жизнью, и предоставляла ей такую возможность. Пегги без колебаний согласилась.

Рут Ланкастер и Меган Аркетт Кэрол попросила уехать. По доброте душевной, сначала Кэрол решила не выставлять их на улицу, оставив в качестве горничных, например, но Джек, узнав об этом, категорически выступил против.

— Ты должна избавиться от них. Тебе не удастся перестроить репутацию мотеля — а это будет нелегко, учитывая, что плохую репутацию этот мотель наживал столько лет — если ты оставишь в нем этих шлюх. Я бы на твоём месте и управляющей взял менее известную в округе своим прошлым женщину, а Пегги выставил бы... Но, раз ты так на ней настаиваешь, пусть будет она, но остальных ты должна выгнать! — сказал ей тогда Джек.

Кэрол всегда с ним советовалась и делала так, как он говорил. А он всегда интересовался ее делами, и находил время помогать и даже что-то брать на себя, как, например, позаботиться о новой репутации старого мотеля и финансировании всего проекта. Кэрол контролировала реконструкционные работы. Ломались внутренние стены, возводились новые, меняя реконструкцию. Реставрировалась крыша, фасад, менялись двери, окна, лестницы...

Когда работы были закончены, здание преобразилось и изнутри, и снаружи. Был набран персонал, Пегги, которая во время работ жила в квартире Моники и Мэтта, куда на время пригласила ее Кэрол, вернулась и приступила к обязанностям управляющей. Женщина была в восторге от переродившегося мотеля.

Она и сама изменилась, Кэрол об этом позаботилась, и настолько, что никто из местных жителей даже не подумал, что заправляющая новым мотелем строгого и почтительного вида женщина — одна из шлюх, живших здесь недавно. Пегги сделала короткую строгую стрижку, модную и красивую, покрасив волосы в черный цвет, который оказался ей больше к лицу, чем рыжий. Кэрол лично водила ее в салон красоты к Жоржу, где она и перевоплотилась, а потом по магазинам, создавая новый гардероб, соответствующий теперь ее положению и образу жизни. Пегги безропотно отдала себя в руки Кэрол, и в результате была в восторге — она не только похорошела, но и стала моложе выглядеть. Еще Кэрол

поручила Рэю заняться ее фигурой, и тот уступил просьбе под влиянием только что заключенного перемирия с девушкой. И за четыре месяца, что реставрировался мотель, он заставил кузину сбросить двадцать килограмм. Кэрол не знала, что он там с ней делал, и только могла предположить, как он мучил бедную женщину, чтобы добиться такого результата. Но Пегги ни разу за все это время не пожаловалась, переполненная решимостью изменить и себя, и свою жизнь к лучшему. Результат действительно был потрясающим. Со вкусом подобранная хорошая одежда, стильная прическа, умеренный красивый макияж, стройная подтянутая фигура — и это была уже не Пегги Силвиа, а абсолютно другая женщина. Теперь у нее было и другое имя, потому что Пегги не захотела оставлять от прошлой жизни ничего, даже имени. В мотель она вернулась Наоми Стeward. А немного позже она попросила разрешения у Кэрол поселить в мотеле, где жила сама, усыновленную ею десятилетнюю девочку. Кэрол, естественно, не была против, даже съездила познакомиться с малышкой, купив ей целую кучу подарков. Девочку звали Мелиса. Смотря, как девочка играет с новыми куклами, Кэрол вспомнила себя маленькую. Мелиса, как и она когда-то, будет расти в этих стенах, и Кэрол надеялась, что этот ребенок будет здесь более счастлив, чем она. По крайней мере, на Мелисе не будет того пятна позора, что было на ней только потому, что она здесь жила — теперь репутация у мотеля была совсем иной. Только для тех, кто знал Кэрол раньше, она навсегда так и осталась дочерью шлюхи, воспитанницей публичного дома. Местные жители смотрели на нее с прежним презрением и отвращением, поэтому Кэрол редко навещала родные места, полностью передав управление мотеля Пегги, которая превосходно с этим справлялась, а сама оставалась только владелицей.

В день открытия мотеля, который они с Джеком осветили пышным празднеством, пригласив всех местных жителей на банкет, Кэрол неожиданно встретила с Кейт Блейз, пришедшей на праздник со всеми остальными.

Несмотря на то, что последний раз они виделись еще детьми, а было это на похоронах Эмми, и Кэрол хорошо помнила этот день, несмотря на это, они обе сразу узнали друг друга. Лицо Кейт вытянулось от изумления и какого-то сомнения, словно она не могла поверить в то, что смотрит на ту самую Кэрол, которую когда-то так ненавидела. Кэрол, в свою очередь, разглядывала ее. Взгляды их столкнулись, подобно мечам, высекая искры холодной ненависти в глазах. Кэрол вдруг стало тяжело дышать, и весь мир словно сузился вокруг нее и начал давить со всех сторон. В груди запекло, и этот жар поднимался с каждой секундой, что она видела Кейт, которая не отводила дерзкого взгляда. Оставив своего спутника, невысокого молодого человека, которого Кэрол не знала, Кейт ленивой пренебрежительной походкой направилась к ней.

Сердце Кэрол бешено забилося в груди, а челюсти непроизвольно сжались. Как в детстве, ей вдруг захотелось наброситься на нее с кулаками и разбить в кровь ее обманчиво милое и невинное личико. Кто-то взял ее за руку и нежно пожал. Оторвав взгляд от Кейт, Кэрол увидела рядом Джека.

— Что с тобой? Тебя всю трусит... — изумился он и посмотрел на приближающуюся к ним девушку. — Кто это?

Кэрол не успела ответить. Кейт остановилась напротив и мило улыбнулась.

— Привет, Кэрол.

Кейт стала красивой девушкой. Нежная персиковая кожа, зеленые кошачьи глаза, тонкие розовые губы.

Ее рот никогда не нравился Кэрол, она считала, что он портит ее лицо и делает его

отталкивающим. Но для нее ее лицо всегда было отталкивающим, как и она сама. Кейт не носила больше на макушке длинный конский хвост из прямых песочных волос. Наоборот, она постриглась, обрезав свои роскошные волосы. Стрижка делала ее немного старше своего возраста. Все так же аккуратно и хорошо одета. Все те же высокомерие и надменность на лице, и жесткий неприязненный взгляд, которым она смотрела на Кэрол.

Тонкие губы презрительно изогнулись, когда Кэрол не ответила на приветствие. Взгляд Кейт метнулся на Джека, стоявшего рядом с девушкой.

— Надеюсь, вы будете более вежливы со мной, — с кокетливой улыбкой она протянула ему руку. — Я Кейт. А вас я узнала. Вы Джек Рэндэл. Верно?

Джек улыбнулся в ответ и пожал протянутую ему руку.

— Здравствуйте. Приятно познакомиться.

— Мне тоже. А вот Кэрол, как мне кажется, не очень приятно меня видеть, — заметила она с ехидной усмешкой. — Я не хотела с ней дружить в школе, и она все еще на меня за это сердится. Оставь, Кэрол. Пора забыть свои детские обиды.

Джек, бросив взгляд на Кэрол, еще больше удивился. Никогда он не видел ее такой злой. Она буквально побелела от злости, испепеляя ненавистным взглядом эту очаровательную девушку.

— Разве ты живешь здесь? — выдавила из себя Кэрол охрипшим голосом. — Я думала, вы с родителями переехали...

— Родители живут здесь. А я часто приезжаю их навестить... и положить цветы на могилу сестре, — голос Кейт дрогнул и приобрел металлические нотки. Черты лица ее заострились и помрачнели. К своему негодованию Кэрол расслышала в ее последних словах упрек в свой адрес. Невероятно, но эта фурия по-прежнему винит ее в смерти Мэг, не желая признать вину за собой!

— Что, совесть мучает? — бросила Кэрол безжалостно.

— Да нет, она не меня должна мучить.

Их перепалка была прервана вмешательством молодого человека, того самого, что являлся спутником Кейт. Бесцеремонно сдвинув свою спутницу в сторону, он в немом восторге уставился на Кэрол.

— Ни хрена себе! — воскликнул он. — Кэрол, это ты, что ли? Как ты изменилась!

Кэрол в замешательстве взглянула на него и только теперь, присмотревшись, узнала в нем Тома Фокстера.

— Это же я, Том! Фокстер!

— Привет, Том, — она сдержанно улыбнулась ему, чувствуя легкое разочарование. В детстве Том был намного привлекательнее, и ей всегда казалось, что из него должен вырасти настоящий красавец. Но до «настоящего красавца» ему было далеко. Он стал каким-то обычным, не бросался в глаза, как в детстве. Обычный симпатичный парень, и Кэрол, ожидавшей большего, он показался совсем не таким интересным, как раньше. Озорные карие глаза и задорные веснушки, покоровшие когда-то ее юное сердце, не притягивали больше, безвозвратно потеряв над ней свое очарование. Зато сердце Кейт, судя по всему, все еще было в его власти.

— Как поживаешь? — наседали он, пожирая Кэрол своими блестящими глазами, которые с дерзостью пользующегося успехом ловеласа оценивающе скользили по ее телу. — Выглядишь потрясающе. Просто красавица.

— Спасибо, Том, — равнодушно отозвалась она.

— Слышал, мамаша твоя, наконец-то откинулась, — он размашисто махнул рукой в сторону отреставрированного мотеля. — Здорово ты все здесь переделала. Говорят, теперь это будет просто мотель. Я имею ввиду... что ты значительно сократила список предоставляемых услуг, — деликатно поинтересовался он. — Это так?

— Так.

— Я всегда знал, что ты не такая, как твоя мамаша. Ты теперь здесь будешь жить?

— Нет.

— А где?

— Я живу в Сан-Франциско.

— Здорово! Потрясающий город. Еще никогда там не был, но всегда хотел посмотреть.

А теперь, есть у кого остановиться...

Кэрол удивленно приподняла бровь. Он что, в гости напрашивается? Уж не собрался ли он за ней приударить? Судя по его откровенно игривому взгляду, так и было. Что ж, этого и следовало ожидать, еще в детстве в Томе проявлялись задатки бабника.

Том поднял взгляд на молчаливо наблюдавшего за ним Джека, которого словно только сейчас и заметил.

— О, прошу прощения, я не поздоровался, — он энергично пожал Джеку руку. — Том.

— Джек.

— Понимаете, увидел Кэрол, и просто обалдел. Она была всегда такой невзрачной, тусклой, что ли, а теперь вдруг такая потрясающая женщина! Чудеса, да и только! Вы не находите, Джек?

— Нет.

Том озадаченно посмотрел на него, возмущенный его неприветливостью. Потом его осенило.

— А вы кто? Я имею в виду... вы приятель Кэрол?

— Не совсем. Муж.

Уголки губ у Тома досадливо опустились. А у Кейт глаза на лоб вылезли.

— Вы серьезно? — спросила она у Джека. — Вы — ее муж?

В ее устах это звучало, как что-то невероятное и из ряда вон выходящее. Джек смерил ее недоуменным взглядом.

— Да, муж. А что в этом удивительного?

— Все. Просто вы и... она... — непроизвольно в голосе Кейт прозвучало такое презрение, что Кэрол с трудом удержалась от того, чтобы не врезать ей по морде.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, — пожал плечами Джек, хотя Кэрол не сомневалась в том, что он все прекрасно понял. — Извините, но мы вынуждены вас оставить. Нас ждут другие гости. Приятно было познакомиться.

Обняв Кэрол за талию одной рукой, он увлек ее за собой.

— Эй, а как поживает Даяна? — окликнул Том. — Вы все еще дружите?

Кэрол обернулась и улыбнулась.

— Да, мы дружим. У нее все превосходно. Она делает успешную карьеру в шоу бизнесе. Купи любой престижный журнал, и ты найдешь там ее фотографию, сам увидишь, какой она стала.

— Я не совсем понял... — растерялся Том. — Так кем она работает?

— Она модель, Том. Известная модель.

Том почему-то сник от ее слов.

— Как увидишь ее, передай от меня привет, — подавлено сказал он.

— Обязательно.

Скрывшись в толпе, они с Джеком остановились и сняли с подноса проходящего мимо официанта по бокалу шампанского.

— Это и есть твоя первая любовь? — с улыбкой спросил Джек, не скрывая своего разочарования.

— Мальчиком он был гораздо приятнее, — оправдывающимся тоном ответила Кэрол.

— Самый обыкновенный самец.

— Да уж! Сама не пойму, что я в нем тогда нашла.

Встретившись взглядами, они неожиданно рассмеялись. Обняв ее, Джек весело чмокнул ее в лоб.

— А с этой девушкой тебе лучше не сталкиваться, — заметил он. — Я уж испугался, что ты ее прямо там и прикончишь. Я тебя такой никогда не видел.

— Она со своей сестрой убила Тимми, натравив своего пса. Она хотела спалить нас заживо, — голос Кэрол задрожал, а на глаза навернулись слезы. — Она убила Эмми! И я ненавижу ее!

— Отомстить хочешь? — невозмутимо поинтересовался Джек.

Кэрол замерла, вскинув на него расширившиеся глаза.

— Отомстить?

— Ну да. Тебе сразу станет легче, если ты накажешь ее за смерть Эмми. И Эмми будет отомщена. Неотмщенным нет покоя на том свете.

— Но как?

— Мы что-нибудь придумаем, — глаза Джека сузились и заблестели, как у хищника, почуявшего очередную жертву. — Только подумаем об этом завтра. Сегодня у нас праздник.

Через неделю после этого разговора Кэрол прочитала заметку в одной из газет о том, что некая Кейт Блейз была подвергнута жестокому нападению собаки, породы ротвейлер. Свидетели утверждают, что хозяином собаки был пожилой мужчина, который сумел отозвать пса до того, как животное успело бы нанести девушке смертельные раны, и скрылся вместе со своей собакой. Хозяин и собака были объявлены в розыск, но пока безрезультатно. Жизнь пострадавшей вне опасности, но девушка безнадежно изуродована.

Отложив газету, Кэрол посмотрела на своего мужа, который держал на коленях маленького Патрика.

Джек улыбнулся ей.

— Ну, что, отметим удачное свершение первой части нашего плана возмездия? — с ухмылкой проговорил он и, передав ей сына, поднялся. Достав из бара два бокала и бутылку шампанского, он вернулся на место.

Кэрол, словно онемев, наблюдала, как он с улыбкой разливает вино в бокалы. Лицо ее было белым, как шапочка на головке копошившегося у нее на коленях малыша. Дрожащей рукой она взяла предложенный Джеком бокал. Его взгляд задержался на ней.

— Что с тобой? — удивился он.

— Джек... то, что мы с ней сделали... это ужасно... чудовищно, — выдавила она.

— Да. Но не настолько, если сравнить с тем, что их собака сделала с Тимми. Я не знал этого мальчика, но когда я представляю, что произошло с этим маленьким ангелочком, даже я содрогаюсь... Не будь размазней, Кэрол. Ничто в этом мире не должно оставаться безнаказанным. Я уверен, что Эмми даже не колебалась бы, чтобы отомстить за него... или

за тебя.

— Джек, я думаю, с нее хватит.

— Нет. Это только за Тимми. А еще есть твоя Эмми, ее родители, которых сломала гибель дочери, покалеченная Даяна, и твоя боль. Я уже не говорю о погибшей Мэг и оплакивающих ее родителях. И все это дело рук одной всего лишь Кейт. Погибшие невинные дети, столько горя, которое она принесла всем этим людям и лично тебе.

— Она была ребенком, — попыталась найти оправдание Кэрол.

Джек холодно рассмеялся.

— Что ж, тогда мне даже представить страшно, на что она способна теперь! А ты не боишься, что она может опять захотеть с тобой расправиться? Я заметил, что она жутко ненавидит тебя и, похоже, винит в смерти сестры. К тому же, ей в голову может прийти мысль, что это ты устроила нападение ротвейлера, ведь наверняка она не забыла, как погиб Тимми Спенсер. Нельзя щадить своих врагов, ибо они не пощадят тебя.

— Я понимаю, Джек, я все понимаю. Мне казалось, что ненависть моя к ней не знает границ. Но я не могу, — простонала Кэрол. — В моей жизни и так много смертей... и на моей совести тоже. Эмми уже не вернуть...

— И пусть ее убийца и дальше радуется жизни и губит другие человеческие жизни! Мы сделаем так, как задумали, Кэрол. Сомневаться надо было раньше. Мы начали, и отступать не будем. Я не привык идти на попятную.

— Разве мы мало ее наказали, изуродовав ее лицо?

— Мало. Она принесла слишком много зла и горя. Пришло время платить по счетам. Пусть немного насладится своим уродством, пострадает, помучается, а через какое-то время мы заставим ее вспомнить о пожаре... пусть на себе почувствует, какого это — сгореть заживо.

Джек с непринужденной улыбкой пригубил из бокала, с нежностью наблюдая за оживленно гукающим малышом. Кэрол молчала, не отрывая пристального взгляда от мужа, а потом тихо спросила:

— Джек, почему ты такой злой?

— Почему ты думаешь, что я злой? — искренне удивился он.

— Ты выбрал себе работу, которая подразумевает помощь людям, и ты им помогаешь. Ты всегда помогал мне. И для Куртни очень много сделал. Но по сути своей ты очень злой. Иногда мне даже становится страшно.

— А ты не бойся. Если не дашь повода, я не сделаю тебе ничего плохого, — резко ответил он и, встав, отшвырнул бокал с шампанским, который разбился о стену. Кэрол вздрогнула.

— Не обижайся. Я же просто хотела узнать, почему. Ведь люди не рождаются злыми и жестокими, они такими становятся.

— Наверное, я таким родился, — он ехидно скривился. — Потому что еще моя обожаемая мамочка об этом говорила.

— Прости, Джек, я не хотела...

— Ничего, все считают меня чудовищем.

— Я не говорила...

— Разбирайся сама со своими врагами. Пусть они тебя затопчут, я и пальцем не пошевелю! — он наклонился к ней, упершись руками в подлокотники кресла, и неприятно оскалился. — Кэт ты размозжила голову без колебаний, мстя за своего несчастного Мэтта, и

я не заметил, чтобы ты раскаивалась. А ведь не Кэт пустила пулю ему в голову. Ее вина только косвенная. А если подумать, то в чем, собственно она виновата? Только в том, что он любил ее так, что спятил? Видимо, Эмми не так тебе дорога и не стоит того, чтобы ты за нее мстила и обременяла ради нее свою совесть. Зато больной психопат, убивший трех девочек, стоит.

Забрав у нее Патрика, он ушел, оставив опешившую и в очередной раз раненную его безжалостным острым языком девушку обдумывать его слова.

А через восемь месяцев после этого разговора, в маленьком домике, принадлежавшем Кейт Блейз, был страшный пожар, оставивший после себя лишь пепел. Но Кейт каким-то чудом удалось спастись. Выбравшись из охваченного огнем дома, она бесследно пропала. Даже ее родители не знали, что с ней случилось, и куда исчезла их дочь.

Джек был в ярости.

— Я найду ее, обещаю, — успокоил он перепуганную Кэрол. — А если она хотя бы попытается навредить нам, я ее тут же прихлопну. Но я найду ее быстрее, чем она успеет подумать о мести...

Впервые в жизни Джек потерпел поражение. Он не нашел Кейт Блейз.

Она просто исчезла, словно стертая с лица земли.

— Она испугалась, потому и сбежала. Ее родители действительно ничего о ней не знают. Вряд ли она когда-нибудь выберется из своего укрытия, в котором забилась, как загнанный заяц. И ее цель — это скрыться от нас, а не мстить. Она не осмелится. А если осмелится, то это будет самая большая ошибка в ее жизни, — говорил тогда Джек. — Я никогда не подпущу ее ни к тебе, ни к нашему сыну. Даже не думай об этом.

Рядом с ним Кэрол чувствовала себя надежно. Но когда он уезжал, это ощущение он забирал с собой, и она снова становилась в собственных глазах уязвимой и беззащитной. Но время шло, а Кейт не появлялась. Кэрол расслабилась и перестала о ней думать. Кейт никогда не была дурой. Она знала, что собой представляет Джек Рэндэл, и, скорее всего, понимала, что ей он не по зубам. И Кэрол, спрятавшаяся за его спиной, была недостижима. Рэндэл убьет ее, Кейт, прежде, чем она успеет дотянуться до Кэрол, и Кейт это знала. Если у нее и был какой-нибудь шанс для мести, то только в том случае, если Кэрол расстанется со своим мужем. Может быть, где-то далеко, спрятавшись в своем чудо-убежище, которое не удалось разыскать лучшим сыщикам мира, она и лелеяла эту надежду, не предполагая, что Джек никогда не допустит развала своей семьи и не отпустит мать своего сына и свою жену ни при каких обстоятельствах. Что еще ребенком он зарекся создавать семью раз и навсегда... А это означало, что у Кейт не было шансов.

Кэрол редко перечила Джеку. Советы его только помогали, и с его умом и знаниями было трудно тягаться. Кэрол и не пыталась. Конфликты между ними случались, в основном, когда он был в дурном расположении духа. Вспыльчивый и несдержанный, он нередко срывал на жене плохое настроение. В такие моменты Кэрол просто старалась держаться в стороне и не попадаться под горячую руку. Так же она поступала, живя с матерью, поэтому не видела в этом ничего необычного и предосудительного. Успокоившись, Джек раскаивался в своей несдержанности и всегда извинялся, если обидел или нагрубил. И только благодаря Кэрол они уживались вместе, к тому же, совсем неплохо, и Джек это понимал. И даже удивлялся порой ее стойкости и терпению, сознавая, что бывает трудно выносимым. Но эта женщина его выносила и, похоже, без особого напряжения. Если он начинал вести себя агрессивно, она просто удалялась. Если он просил прощения, она прощала, не желая

затягивать конфликт. И в глубине души Джек был благодарен ей за то, что она к нему снисходительна и относится с пониманием. Он сам не был в восторге от некоторых черт своего характера, а особенно оттого, что не может с ним совладать.

Но в одном Кэрол шла ему наперекор, не смотря на то, что знала, как ему это не нравится. Она отказывалась продать квартиру Моники и Мэтта.

Все там оставалось нетронутым. Только одежду, принадлежащую Монике, Кэрол раздала бездомным. Перед освобождением Мэтта она помогла Монике сделать ремонт, поэтому долго не прикасалась к квартире с новым. Она редко ее посещала. А если и приезжала, то украдкой от Джека, только когда он был в командировке. Вытирала пыль, мыла, пылесосила. И предавалась воспоминаниям. Здесь она хранила свои сокровища. Фотографии и видеозапись их с Мэттом свадьбы, его письма, которые он писал ей в тюрьме, сделанные его руками статуэтки. Смотрела фотографии и запись свадьбы... и плакала. Всегда плакала. Теперь без истерики, без криков и содроганий, а безмолвно, с бесконечной тоской, словно слезы сами по себе бежали из ее глаз на неподвижное, застывшее от горькой безнадежности лицо.

Она смирилась, но боль ее от этого не уменьшилась. Разве что отчаяние уже не душило ее так, как прежде. Из этой квартиры она сделала памятник. Здесь был мирок, принадлежащий только ей и Мэтту. И Монике.

Когда-то они сидели за этим столом, празднуя освобождение Мэтта, безмерно счастливые, полные надежд и желаний. Думали, что станут одной семьей, Моника собиралась растить внуков, а она и Мэтт — любить друг друга и быть вместе всю жизнь. А за их спиной уже стояла смерть и ухмылялась, потешаясь над наивными мечтами. Но все равно они успели стать семьей, друг для друга. И для Кэрол, которая привязалась всем сердцем к этим людям. Они были семьей, а это было их жилье, и ни за что на свете Кэрол не отказалась бы от этой квартиры, от воспоминаний, которые она в себе хранила, и от их призраков. Она утешалась надеждой, что души Мэтта и его матери находятся здесь, видят ее, ждут, когда она к ним приедет.

Здесь она могла полежать на постели в спальне, вспоминая, как они с Мэттом занимались на ней любовью, стараясь, чтобы мама их не услышала.

Обнимая подушку, она представляла, что обнимает его, что он лежит рядом, живой, красивый...

Здесь ее мысли не мог подслушать проницательный Джек.

После пяти лет совместной жизни страсть ее поутихла и уже не была такой безрассудной и всепоглощающей. И когда огонь этой страсти немного опустился, она не нашла там ничего хотя бы похожего на то, что она чувствовала к Мэтту. Бывает ли любовь разная? Или одна любовь из двух — вымышленная? Если да, то какая?

Задумавшись над этим один раз, Кэрол делать этого больше не стала.

Она была уверена в том, что Джек нужен ей, и без него не представляла своей жизни. Она любила его, ревновала, безумно скучала, когда его не было рядом, и была спокойна и счастлива, когда он был с ней. Но, задавшись однажды безумным вопросом, чтобы она сделала, если бы Мэтт каким-то чудом оказался жив, она нашла в своем сердце только один непреклонный ответ — она бы ушла с ним.

Она не знала, что однажды в ее обитель пришел Джек, воспользовавшись дубликатом ключа от входной двери, который сделал украдкой от Кэрол. Что он просмотрел вставленную в видеомэгнитофон кассету с записью ее венчания с Мэттом и все фотографии,

прочитал письма, которые они друг другу писали. Увидел на полочке ненавистную фотографию в серебряной рамке и снова, как когда-то давно, опрокинул ее.

Потом свалил все это в кучу и полил бензином из принесенной им канистры. Разбрызгав бензин по всей квартире, Джек бросил зажженную спичку в собранную кучку на полу, которая мгновенно вспыхнула высоким пламенем, быстро расползавшимся по комнате. Развернувшись, Джек вышел из квартиры, прихватив канистру с собой, и тщательно запер за собой дверь.

Дубликат ключа и канистру он выбросил в мусорный бак в другом конце города.

Дом, в котором находилась квартира Моники и Мэтта, сгорел. Во время пожара никто из жителей не пострадал, если не считать потерю жилья.

Так произошла между ними первая серьезная ссора за время их совместной жизни.

Кэрол набросилась на него, как разъяренная кошка, догадавшись, что это он сжег ее квартиру, и обнаружив, что могила Мэтта исчезла. А Джек, не сдержавшись, ударил ее, взбесившись от ревности.

Той ночью она захлебывалась в рыданиях, впервые за время своей замужней жизни, чувствуя, как в груди возродилось знакомое чувство ненависти к Джеку. Узнав, что он лишил ее всего, что было ей так дорого, уничтожив все, что могло бы напоминать о Мэтте, не оставив ей ни одной его фотографии, что он осквернил его могилу и украл его тело, она вышла из себя настолько, что готова была его убить. Разбитое лицо лишь усилило ее неприязнь и негодование. Она вдруг вспомнила о том, как давил Джек на Мэтта, загоняя его в угол, толкая в пропасть, вспомнила, что в смерти Мэтта есть его доля вины. И даже теперь он не успокаивается, не оставляя Мэтта в покое даже после смерти. Это же надо было додуматься похитить его из могилы, взять на душу такой грех только для того, чтобы она не ходила туда. Но ведь Мэтт ее муж, она обязана ухаживать за его могилой. Как можно требовать, чтобы она о нем забыла? Он был, и этого никак не изменить. Но Джек считает, что ему и это по силам — вычеркнуть его из ее прошлого, заставить забыть, как будто его и не было никогда... Неужели он действительно полагает, что уничтожив вещи, которые о нем напоминали и разворотив его могилу, он сотрет из ее памяти этот отрезок прошлого? Зачем? Чем ему помешал теперь уже мертвый Мэтт? Какую угрозу мертвый может нести живому? За что он осквернил его могилу? Бедный, бедный Мэтт! Даже после смерти не ведает он покоя.

Кэрол знала, что не простит этого Джеку. Она могла понять и простить все, и то, что он сжег квартиру со всем, что она хранила там в память о Мэтте, и то, что ударил. Но только не то, что он прикоснулся к могиле. Это было уже слишком. Всему должен быть свой предел. Джек Рэндэл не знал предела, ни в чем, считая, что ему дозволено все.

На следующее утро после ссоры, когда Джек, собрав чемодан, уехал в командировку, Кэрол собрала вещи Патрика, взяла кое-что из своей одежды и ушла в квартиру, подаренную Куртни на двадцатилетие.

Джордж Рэндэл, не найдя невестку и внука дома, нашел их в ее квартире. Увидев разбитое лицо девушки, он, казалось, растерялся. Ничего не спросив и не сказав по этому поводу, он понянчился с Патриком и ушел.

А ночью в квартиру ворвался разъяренный Джек, которому за границу позвонил отец и призвал к ответу, чего не стал делать с невесткой. Бросив все, Джек ближайшим рейсом вернулся в город. Одной рукой схватив Кэрол, другой — завернутого наспех в одеяльце малыша, он вытащил их из квартиры, впихнул в машину и привез домой. Там, качая на руках

раскричавшегося ребенка, он с хмурым лицом расхаживал по комнате, не замечая застывшую в кресле жену. Когда Патрик заснул, Джек отнес его в спальню и уложил в кроватку. Вернувшись к Кэрол, он наклонился к ней. Девушка вызывающе перехватила взгляд его почерневших от злости глаз.

— И что это значит? — опасно спокойным голосом спросил он.

Кэрол опустила голову, тяжело дыша от обиды и негодования.

— Думаешь, если притащил меня сюда силой, я не смогу уйти еще раз? — тихо прошипела она. Схватив ее за подбородок, он поднял ее лицо. У Кэрол похолодела кровь в жилах от его взгляда. В ней вдруг проснулся страх перед этим человеком, который ей уже доводилось испытывать и про который она уже успела забыть.

— Нет, ты не сможешь уйти, — заверил он. — Никто из нас не уйдет, даже если оба мы будем этого хотеть, потому что у нас есть сын. Мой сын никогда не пройдет через то, что довелось пройти мне. Если в твою голову опять взбредет мысль разрушить семью, подумай о нем. И о том, что тем самым ты собственного ребенка сделаешь несчастным — ему придется расти без мамы.

Кэрол обмерла.

— Хочешь сказать, что отберешь у меня сына?

— Я не собираюсь отбирать у тебя сына. Но не позволю, чтобы ты отобрала его у меня. Так что подумай над этим и сделай выводы.

Сказав это, он развернулся и ушел спать в кабинет.

Кэрол осталась сидеть в кресле, прислушиваясь к новому неприятному ощущению, которое появилось у нее в эти мгновения. Что-то похожее она испытывала, когда ее посадили в камеру и закрыли за ней дверь на замок.

Она поняла, что Джек не отпустит ее. Он говорил вполне серьезно. По крайней мере так казалось. В глубине души она была рада, что он забрал ее и привез домой, что они с Патриком нужны ему, и он полон решимости не отпускать их от себя. Она не ожидала, что этот гордый надменный мужчина примчится за нею с другого конца света, как только узнает, что она ушла. Она была зла и обижена, и таким образом просто пыталась это продемонстрировать, но расставаться с ним она не хотела. Одна мысль о том, чтобы потерять его, причиняла ей муку. Когда он вернул ее и дал понять, что не отпустит, она вздохнула с облегчением. Она и не хотела, чтобы он ее отпускал.

И, если бы он и не пришел за ней, она бы все равно вернулась сама.

Но он пришел. И это снова сделало ее счастливой, не смотря на то, что они пока так и не помирились.

Единственное, что ей не понравилось — это его угроза отобрать Патрика. Но, скорее всего, он просто хотел ее запугать.

Они не разговаривали друг с другом целый месяц.

Джек пропадал в командировках, намеренно не желая находиться дома. Патрик был тогда еще совсем маленьким, и не мог понять происходящего. Кэрол первая этого не выдержала, и пошла на примирение, приготовив к возвращению Джека из-за границы роскошный ужин и решив, что больше не отпустит его, если он, перепаковав свои чемоданы, сменив поношенную одежду на чистую, снова соберется уехать, как делал это вот уже второй месяц, показавшийся девушке вечностью. Она очень страдала из-за их ссоры и безумно по нему скучала. Впервые за это время она встретила его с улыбкой, и он, не дав ей сказать и слова, бросил чемоданы, и набросился на нее с поцелуями. Они так истомились друг по

другу, что даже не дошли до спальни, занявшись любовью на полу в холле. И перемирие было таким же горячим и пылким, как и ссора.

Он долго отказывался сказать, куда перезахоронил Мэтта, но потом все-таки признался. Кэрол безумно расстроилась, потому что это было очень далеко, и при всем желании она не могла теперь ездить на могилу с той частотой, как раньше. Но этого и добивался Джек. Он заверил, что за могилой ухаживают, и ей не стоит беспокоиться, что ее первый муж канет в лесных зарослях. А еще он пригрозил, что если она туда поедет, он снова перезахоронит тело, и она никогда не узнает, куда...

И как бы не сердилась Кэрол, он был непреклонен.

— Езжай к нему, разве я тебе запрещаю? — говорил он. — Только его могилу ты увидишь в последний раз. Я буду перетаскивать его с места на место, пока ты не выкинешь его из своей головы.

— Нет, не надо, оставь его в покое... хоть после смерти, — пытаюсь скрыть подступивший слезы, отвечала Кэрол. — Я не поеду к нему...

И она не ездила на могилу, хотя вся ее душа рвалась туда. Она не может к нему поехать, но, по крайней мере, она знает, где он. И когда-нибудь, когда ревность Джека уляжется, она сможет снова ходить туда, где покоился прах ее звездочки...

Жизнь вошла в свое русло, ни о ссоре, ни о том, из-за чего она произошла, никто из них вслух не вспоминал. Но так, как прежде, уже не было. Для Кэрол. Холодная стена появилась между нею и Джеком, стена, которую она сама невольно возвела себе, так и не простив ему поджога, осквернения могилы и бессовестного шантажа, того, что он ее принуждал, заставлял... В душе у нее прочно засели обида и протест. И она даже не подозревала, что они, капля за каплей, медленно отравляют ее любовь. Она не могла больше увидеть Мэтта на фотографиях или видеозаписи, не могла подержать в руках прекрасные статуэтки, созданные его талантливыми руками, не могла посидеть у его могилы, ухаживать за ней, отдавая дань своей первой любви, своему мужу. Все это злило ее, заставляло страдать и приводило в отчаяние.

Даже если Джек это и замечал, а, скорее всего, так и было, он все равно оставался непреклонным, не позволяя хотя бы один раз навеститься на могилу первого мужа. Кэрол украдкой попросила Рэя проверить, действительно ли Мэтт находится там, где сказал Джек. Рэй, хоть и не был в восторге от подобной просьбы, все же выполнил ее. Кэрол немного успокоилась, узнав, что Джек не солгал. А на душе у нее заскреблись кошки, когда она вдруг поняла, что ее мужем был человек, которому она не доверяла. Слова которого проверяла. Изменится ли это когда-нибудь, или прошлое так никогда и не позволит ей снова научиться доверять Джеку, как она это делала до того, как это доверие было ею потеряно?

С Даяной они помирились через год после свадьбы, задолго до того, как произошла памятная ссора между Кэрол и Джеком, оставившая в сердце девушки осадок. Прекрасная топ-модель сама позвонила. Не вспоминая о конфликте, вызванном замужеством Кэрол, они долго делились друг с другом тем, как прошло время их прерванной дружбы. Осторожно Даяна поинтересовалась у Кэрол, как протекает ее семейная жизнь. И Кэрол искренне ответила, что они с Джеком счастливы, а теперь, когда родился малыш — вдвойне. Даяна помолчала, а потом, вздохнув, сказала, что рада за нее. Но почему-то Кэрол не поверила ее словам. Что-то изменилось в Даяне, в ее голосе, и Кэрол почувствовала это, хотя Даяна и пыталась сделать вид, что забыла о конфликте, и он никак не влияет на их возобновившиеся отношения.

Но каждый раз, когда они случайно заговаривали о Джеке, между ними сразу появлялось какое-то неприятное напряжение. Но они продолжали дружить. Не смотря ни на что, Кэрол знала, что они обе дороги друг другу, что обеим нужна эта дружба. У Кэрол была семья, но не было подруг. А Даяна была в душе очень одинока, и Кэрол это понимала. Они вместе ездили в гости к Берджесам с маленьким Патриком, подолгу сидели у могилки Эмми, усыпав ее цветами, и вспоминали детство. Вспоминали Эмми, Тимми, Спайка. И в эти моменты они всегда становились не просто подругами, а родными друг другу людьми, которых сроднила сама жизнь.

Немного позже у Даяны появился загадочный поклонник, который ежемесячно, с удивительной регулярностью, пополнял ее счет в банке. Как не ломала девушка голову, она так и не поняла, кто это мог быть. Перебрав в уме всех знакомых, она пришла к выводу, что это, скорее всего, один из поклонников, который каким-то образом разнюхал номер ее счета. Даяна подолгу обсуждала это с Кэрол. Они вместе гадали, пытаясь понять, что все это значит, и каковы намерения этого таинственного воздыхателя, опасно ли это и стоит ли обо всем сообщить в полицию. Вдруг это какой-нибудь маньяк...

Но если у этого человека и была какая-то мания, то пока она проявлялась только в том, чтобы отдавать ежемесячно свои деньги, кладя их на чужой счет. Даяна с нетерпением и возрастающим любопытством ожидала, когда же ее щедрый воздыхатель, наконец-то, объявится или даст о себе знать не только растущей суммой в банке. Но время шло, а ничего не происходило.

Девушки недоумевали. Даже предпринимали попытки самим узнать, кто за всем этим стоит, но у них мало что получилось. Деньги пересылались анонимно, и выяснить, от кого и откуда им не удалось. Заинтригованная и обеспокоенная, Кэрол попросила Джека разоблачить этого таинственного и очень странного поклонника, введя его в курс дела. Но он отказался помочь.

— Делать мне больше нечего, кроме как выслеживать поклонников твоей эгоистичной подружки! — фыркнул он. — Пусть покопается в своей хорошенькой бестолковой голове, наверняка, это кто-то из бывших любовников.

— Зачем бывшим любовникам ежемесячно снабжать ее деньгами, и ничего не требовать взамен, да еще скрываться? Не логично.

Джек пожал плечами.

— Когда дело касается любви, логика обычно отсутствует. Я живой тому пример. Женился, вопреки своей логики и планам... Пусть подумает над тем, кто мог знать или узнать — и каким образом — номер ее счета. Ведь в банке такую информацию не дают. Значит, этот человек или знал его, будучи ее знакомым, или узнал это у тех, кто мог знать... Это же элементарно. Всего лишь стоит немного напрячься и пораскинуть мозгами.

— Может, для тебя и просто. А для нас — нет.

— Я не буду помогать твоей подруге. Пусть сама разбирается со своими мужиками. Еще этим я не занимался! И ты не забивай себе голову этой чушью, занимайся лучше сыном.

Ее примирение с Даяной Джек воспринял в штыки. Даже пытался переубедить Кэрол и не завязывать этой дружбы, говоря что-то вроде того, что разбитой чашки не склеишь, а если и склеишь, то трещины останутся, и чашка все равно рано или поздно развалится. Кэрол ощущала эти «трещины», но отказаться от Даяны не хотела и не могла. И не понимала, почему Джек так категорично и непримиримо настроен против Даяны, с которой даже не был знаком. Кэрол виделась с подругой, когда та приезжала в город. Они встречались в кафе

или отеле, в котором останавливалась Даяна. Никогда она не принимала предложения Кэрол погостить у нее, а не тратиться на отель. И к ней домой приходила только, если Джек находился в командировке в другом городе. Кэрол сразу поняла, что она не желает встречаться с Джеком и решительно избегает возможных столкновений. Кэрол не настаивала на том, чтобы познакомить их. Они отметили пятую годовщину свадьбы, а Даяна и Джек так и не познакомились, ни разу не встретившись. Похоже, они оба взаимно не горели таким желанием. Но Кэрол не огорчалась по этому поводу. Не хотят — и не надо. Ей только спокойней. В глубине души она боялась, что Джек не останется равнодушен к красоте Даяны, если они все же встретятся. Но, скорее всего, это были пустые и напрасные страхи. Ведь он видел ее фотографии, признавал ее красоту, но говорил о ней с пренебрежением, даже с каким-то презрением. И Кэрол тайком им гордилась. Зря она боится. Джек не такой, как все мужчины. Он сильный и своенравный, и даже женская красота сама по себе, без дополнений, какая бы она не была, не может заставить его потерять голову. А он демонстративно выказывал свое мнение о том, что за красотой Даяны скрывается обычная пустышка. Кэрол яростно ему на это возражала. Человек, которого так потрепала жизнь, как Даяну, не может быть «пустым». Но Джек оставался при своем мнении. Однажды он даже сказал такое, что Кэрол задохнулась от негодования и возмущения.

— Она относится к категории женщин-кукол, как я их называю, с которыми с восторгом немного поиграют, а потом откладывают пылиться на полку, потому что быстро надоедают. Может быть, время от времени о ней и вспоминают, чтобы похвастаться друзьям ее красотой. Она не будет счастлива в любви. Таких, как она, просто трахают, а не любят и, тем более, не женятся. Если кто и возьмет ее в жены, то только какой-нибудь закомплексованный, готовый отращивать ветвистые рога, неудачник, для того, чтобы иметь возможность похвастаться тем, что у него такая красавица — жена.

— Не смей, Джек! Ты же ее не знаешь, как ты можешь судить и, тем более, говорить такое? Даяна очень сильная и волевая женщина. Она сама пробивается в жизни и все, чего она добилась — только ее заслуга. Включая то, что она ходит, а не сидит в инвалидном кресле. Она не кукла! Она — личность, и личность сильная, умеющая бороться за себя, не смотря на все жестокости ее жизни...

— В том-то и дело, что она умеет бороться только за себя. Больше ее никто не интересуется, а ты — и подавно. Она способна любить и воспринимать только одного человека — себя, любимую. Не верь ей. Она лживая и лицемерная. Подставит подножку при первой же возможности, ударит в спину.

Но Кэрол обижали его слова. Ей не нравилось, что он плохо говорит о Даяне, об их многолетней дружбе. Он ничего не знает, не понимает...

Четыре года ежемесячно на счет Даяны продолжали поступать деньги. Девушки уже отчаялись понять, что к чему, потому что загадочный поклонник так и не дал о себе знать за все это время.

И вот однажды раздался телефонный звонок, и Кэрол услышала в трубке громкие рыдания Даяны.

— Я знаю, кто это. Сядь, Кэрол, а то упадешь...

После этого разговора Кэрол немедленно заказала билеты на самолет, извинилась перед сыном за то, что не сможет поехать с ним в парк, и ему придется на этот раз развлекаться

без нее, в обществе бабушки и дедушки.

Мальчик внимательно посмотрел на нее своими пронзительными отцовскими глазами. Ему было почти пять лет, но иногда Кэрол казалось, что на нее смотрят взрослые, все понимающие глаза Джека.

— Что-нибудь случилось, мама? Я видел, как ты плакала...

— Нет, милый, ничего не случилось. Мне просто нужно навестить тетю Даяну. Очень нужно. Ты же не обидишься на меня за то, что я не пойду с вами?

Патрик отрицательно качнул головой. Улыбнувшись, Кэрол поцеловала его и на мгновение прижала к груди.

— Иди, встречай бабушку и дедушку, а я сейчас приведу себя в порядок и приду.

— Опять будешь краситься? — сморщился мальчик. — И зачем ты это все время делаешь?

— Чтобы быть чуточку красивее, чем я есть на самом деле.

— Ты и так красивая. Если бы не была красивой, папа бы на тебе не женился.

Кэрол засмеялась и погладила его по голове.

— А папа знает, что ты уезжаешь? — подозрительно поинтересовался мальчик.

— Когда он приедет, я обязательно расскажу ему об этом.

— Он не любит тетю Даяну, и ему не нравится, когда ты с ней встречаешься.

Кэрол ошеломленно вскинула брови.

— Почему ты так думаешь?

— Я знаю, и все. Ты не должна делать то, что не нравится папе. Ты должна его слушаться.

Кэрол нахмурилась. Ей не понравились эти слова.

— «Слушаться» должны такие маленькие детки, как ты. А взрослые сами решают, что делать. Мы с папой советуемся, вместе что-то решаем, но и он, и я не всегда должны спрашивать друг у друга разрешения. Есть ситуации, в которых нужно спрашивать, а есть такие, которые мы можем решить сами...

— Неправда, папе не нужно спрашивать разрешения, ни у тебя, и у кого-нибудь другого. Он все делает и решает сам. Потому что он самый умный. А ты должна спрашивать у него разрешения. И не делать то, что ему не нравится. Папа умнее, он лучше все знает.

Кэрол изумленно смотрела в маленькое хорошенькое личико.

— Конечно, папа очень умный. Поэтому он меня понимает. Нам не всегда все нравится, и папе, и мне, но нужно уметь считаться с желаниями других и уступать друг другу. Так мы с папой и поступаем.

Мальчик угрюмо пожал плечами, и у Кэрол появилось неприятное ощущение, что ей не удалось его переубедить.

— Тетя Даяна тебе дороже папы, раз ты дружишь с ней, зная, что ему это не нравится. Я расскажу ему, что ты к ней ездила, пока его не было, и он тебя поругает! — в глазах мальчика сверкнуло злорадство и, прежде чем Кэрол успела что-либо сказать, он развернулся и убежал.

Озадаченная, она проводила его взглядом, но вскоре забыла на время о словах мальчика, поглощенная и слишком потрясенная тем, что сообщила Даяна, чтобы думать о чем-нибудь другом.

— Кэрол, что-то случилось? — встревожилась Куртни, с первого взгляда поняв, что девушка чем-то потрясена, сразу заметив покрасневшие от недавних слез глаза.

— Мама едет к тете Даяне. Это она ее так расстроила, — встрял в разговор взрослых Патрик.

— Что с Даяной? — испугалась Куртни, которая всегда хорошо относилась к единственной подруге Кэрол.

Глаза Кэрол снова наполнились слезами, но за пеленой слез Куртни с удивлением разглядела какую-то безумную, лихорадочную радость.

— Куртни, ты себе даже не представляешь...

Джордж, не желая вмешиваться в женский разговор, подхватил Патрика на руки и, улыбнувшись Кэрол, вышел на улицу со словами:

— Надеюсь, у твоей подруги все наладится. Не волнуйся, мы с Патриком проведем потрясающий день. Куртни, мы подождем на улице.

Когда за ним закрылась дверь, Куртни требовательно посмотрела на Кэрол.

— Ну?

Лицо Кэрол осветила счастливая улыбка.

— Помнишь, я рассказывала тебе о таинственном поклоннике Даяны? Так вот, он, наконец, объявился. Это... это Тимми, — девушка в радостном возбуждении затрясла изумленную Куртни за плечи. — Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Не совсем. Какой Тимми?

— Ее брат! Он жив, он не погиб тогда!

— Этого не может быть. Ты меня разыгрываешь? — по глазам Кэрол Куртни поняла, что она говорит правду. — Но где же он был все это время?

— Я не знаю, где он был, но знаю, что сейчас он у Даяны дома. И я его увижу... Нашего маленького белокурого ангелочка... Видимо, все-таки есть на свете Бог...

Пять месяцев назад Даяна приобрела уютную трехкомнатную квартирку в Лос-Анджелесе, на которую копила не один год. Это была квартира ее мечты. Она располагалась в новом небоскребе, почти в центре, в хорошем и чистом районе. Оживленность улиц не было помехой, так как Даяна, находясь в своем новом долгожданном гнездышке, парила над этими улицами на тридцать пятом этаже. Она с гордостью и юмором одновременно называла себя теперь небожительницей. Квартира была изумительной и стоила выложенной за нее баснословной суммы. Хотя комнат было всего три, они были большими и просторными. Окно в спальне занимало все место во внешней стене, от потолка до пола, открывая вид на город. Едва въехав в квартиру, Даяна позвонила Кэрол, чтобы поделиться своей радостью и настоятельно требуя, чтобы та приехала посмотреть. Кэрол уступила и примчалась к ней, отвезя Патрика к Рэю, которого мальчик обожал за его роскошные машины, на которых тот с удовольствием его катал, демонстрируя свое водительское мастерство с долей безрассудства и мальчишеской шаловливости, за футбольную карьеру в прошлом, хоть и неудавшуюся, за крепкую спортивную фигуру, которая спровоцировала в малыше цель иметь такую же, а также за то, что тот начал обучать его игры в теннис. Куртни была на работе, но Кэрол даже не сомневалась в том, что Патрик, с обычной радостью согласившийся поехать к дяде, прекрасно и с пользой проведет время. Рэй, оставаясь в душе мальчишкой, нашел подход к сердцу Патрика сразу, как только тот начал что-то понимать, выходя из младенческого возраста. Рэй развивал в мальчике интерес к спорту, внушая, что если он будет не только таким умным, как его папа, но и физически сильным и крепким, как он, Рэй, то станет образчиком настоящего мужчины. Патрик с завидным упорством и искренним интересом учился владеть ракеткой, с восторгом наблюдал за тем, как Рэй качает мускулы в тренажерном зале. «Я хочу быть умным и знаменитым, как папа, и красивым и сильным, как дядя Рэй...» — сказал однажды мальчик маме. Кэрол казалось, что Джек ревновал сына к Рэю, с которым у него отношения так и не сложились, но, не смотря на это, он не препятствовал их общению, считаясь с желаниями мальчика и не желая его травмировать, разлучая с горячо любимым дядей. Странно, как получилось — Куртни была для него бабушкой, он ее так и называл, а Рэй — дядей. Видимо, даже у ребенка не поворачивался язык назвать его дедушкой. Рэю по-прежнему нельзя было дать больше тридцати лет, он выглядел молодым цветущим мужчиной в самом расцвете сил. Зрительно разница в возрасте между ним и Куртни увеличивалась. Куртни выглядела на свои года, оставаясь ухоженной, тщательно следившей за собой женщиной, медленно, но неизменно стареющей. Рэй, словно ей назло, в этом ее не поддерживал, заставляя жену чувствовать себя рядом с ним старухой... Только взгляд выдавал его истинный возраст.

Квартира Даяны очень понравилась Кэрол. Девушки сидели на газетах прямо на полу, так как вокруг были только голые стены, а мебель полностью отсутствовала, и пили шампанское, отмечая новоселье. Хотя, новосельем это пока трудно было назвать. Только спустя три месяца, обставив квартиру новой мебелью и приведя ее в жилой вид, Даяна пригласила ее и Джека на официальное новоселье. Джек, как и следовало ожидать, отказался. Кэрол тоже не поехала, зная, что муж останется недоволен, если она пойдет на

праздник без него, да к тому же Патрик заболел, и у Кэрол появилась правдивая и веская причина остаться дома. Даяна не обиделась.

Поднимаясь на лифте в одиночестве, Кэрол смотрелась в зеркало на стене, проверяя макияж и поправляя волосы. Руки ее дрожали от волнения и крайнего возбуждения. Она все еще не могла поверить в то, что Тимми жив, до сих пор находясь в шоковом состоянии. Чудеса в ее жизни случались редко, а такие — и давно. Жизнь отбирала у нее дорогих людей, но не возвращала. И вдруг такой щедрый подарок! Ей не терпелось узнать, что к чему, увидеть его, посмотреть, каким он стал. В ее памяти и воображении он все еще оставался маленьким мальчиком с ангельской внешностью, и, как не старалась, она не могла представить себе его другим, взрослым мужчиной. Ей с Даяной по двадцать шесть лет, ему, следовательно, двадцать четыре. Она представляла, как встретится с ним... Узнают ли они друг друга, или годы сделали их друг для друга неузнаваемыми? Помнит ли он ее, их дружбу? Не винит ли ее в том, что случилось в парке много лет назад, когда он стал жертвой Убийцы, заступившись за нее маленьким мальчиком, как винила себя она сама? Что почувствует она, кого увидит — абсолютно чужого незнакомого человека или ее горячо любимого братика, друга, каким он для нее когда-то был, ее Тимми, о котором так страдала и горевала до сегодняшнего дня? Она обнимет его и поцелует в щеку, как делала в детстве, когда его щечка была нежной, гладкой и мягкой. Даяна ничего толком не объяснила, сама пребывая в шоке.

— Он сейчас в душе, приезжай, устроим ему сюрприз, — сказала она и бросила трубку, уверенная в том, что Кэрол так и сделает. Она не ошиблась.

Кэрол уже была здесь. Подойдя к двери ее квартиры, она в каком-то оцепенении нажала на кнопку звонка.

«Этого не может быть, — крутилось у нее в голове. — Она меня разыгрывает. Я ее убью».

Дверь распахнулась и на шею Кэрол бросилась ликующая Даяна.

— Боже, мне так страшно, — прошептала она, зажмурившись. — Ущипни меня, Кэрол, чтобы я поняла, что не сплю... что у меня снова есть брат...

— И ты меня ущипни. Если ты не подшутила надо мной.

— Подшутила? — Даяна отстранилась и взглянула на нее изумленными глазами. — Ты что, спятила? Разве я могу этим шутить?

— Я не могу поверить, — оправдывающимся тоном сказала Кэрол.

— Понимаю тебя, потому что я — тоже. Входи же, чего торчишь на пороге?

Схватив Кэрол за руку, она втощила ее в квартиру.

— Где он? — шепотом спросила Кэрол.

Улыбка вдруг растаяла на ее лице и Даяна растерянно посмотрела на подругу.

— Он ушел. Видишь ли, я не выдержала и сказала, что ты едешь сюда, а он... сбежал. Пойдем, выпьем кофе.

Даяна повела ничего не понимающую Кэрол на кухню.

— Сбежал? Но почему?

— Чтобы с тобой не встречаться.

На лице Кэрол появилось недоуменно-обиженное выражение.

— Как же так? — шепнула она подавлено. — Хочешь сказать, что он сбежал от меня? Почему? Он меня ненавидит... из-за того, что произошло тогда в парке?

— Что? Нет, при чем здесь это! Он тебя не ненавидит. Просто он очень изменился, Кэрол. Очень, — в голосе Даяны промелькнула затаенная грусть, что означало, что эти

изменения пришлось ей не по душе. Она замолчала, разливая горячий кофе в маленькие чашечки из автоматической кофеварки.

— Пойдем в гостиную, — проговорила она, беря в руки одну из чашек.

Кэрол поднялась и, захватив кофе, последовала за ней, с трудом сдерживая слезы разочарования.

В глаза бросилась разложенная на софе мужская одежда и открытые чемоданы на полу. Подойдя ближе, Кэрол с удивлением увидела среди рубашек и джинсов военную форму.

— Я начала разбирать его вещи, — сказала Даяна, сгребая одежду в охапку, и перенесла ее на широкое кресло. — Присаживайся. Некоторое время он поживет у меня, и я выделяю ему эту комнату. Он еще не решил, останется ли он в Лос-Анджелесе, или обоснуется в другом месте. Хочет купить себе квартиру. Но я его больше никуда не отпущу. Уговорю приобрести квартиру здесь, как можно ближе ко мне.

— А это у него откуда? — все еще стоя у софы с чашкой горячего кофе в руках, Кэрол указала пальцем на форму.

— А-а, это форма. Он солдат. Был.

— Солдат? — Кэрол ошеломленно опустилась на софу, вдруг вспомнив свои сны во время забвения в больнице. Надо же, какое совпадение!

— Десантные войска, сержант. Он так сказал. Я в этом не очень разбираюсь.

— Он служил в армии?

— Не знаю. Он сказал, что он наемник. Вроде как служит по контракту. Подписывает договор и отправляется на войну, как на работу, за которую, по его словам, неплохо платят.

— На войну? — глаза Кэрол расширились от изумления, она еще раз посмотрела на форму, пытаясь представить того нежного ласкового белокурого мальчика, этого ангелочка, в этой форме, на войне, с оружием в руках. Нет, она не могла совместить это в своем воображении.

— Тимми — наемный солдат? — с сомнением переспросила она.

Даяна глубоко вздохнула.

— Представь себе. Такая вот профессия. Я же говорю, он совсем другой теперь. Он позвонил в дверь, а я его не узнала. Стоит передо мной здоровенный парень в потрепанных джинсах и какой-то нелепой рубашке, с чемоданами у моих дверей, позади него сидит огромный пес, пялится на меня, и этот так смотрит на меня, что я подумала, что это какой-нибудь сумасшедший поклонник и хотела уже захлопнуть дверь и вызвать полицию. А он улыбнулся и говорит мне «Привет, сестренка». Я присмотрелась, и чуть в обморок не свалилась. Потом набросилась на него с ругательствами и угрозами вызвать полицию. Естественно, что я не поверила. Он мог быть просто похож на Тимми, но он не мог быть им... я так думала. А он и говорит «Какая ты стала красивая! Не то, что я ...». И тогда я поняла, что это на самом деле он. Эта собака... собака Блейз... она его изуродовала.

— Изуродовала? — голос Кэрол осип от ужаса. — Сильно?

Даяна удрученно опустила голову.

— Он был бы очень красивым, но его лицо обезображено шрамами. И не только лицо. Это ужасно. Когда он вышел из душа в одних штанах, я увидела его шею, руки и торс... а он специально сделал так, чтобы я увидела, и грустно так улыбнулся. «Видишь, какая насмешка судьбы. У такой известной топ-модели и такой уродливый брат. Я скоро уеду, и никто не увидит нас вместе, не волнуйся». А я обозвала его дураком и сказала, что он самый красивый на свете, а шрамы мужчине только украшают и делают интереснее. «Да, может быть, но не

такие» — ответил он. И мне стало так его жалко. Не будь этих шрамов, он был бы само совершенство! — Даяна в отчаянии посмотрела на подругу. — Я поняла, что он очень закомплексован, стыдится этих шрамов... И, мне кажется, что он избегает женщин. Скованный какой-то, замкнутый, молчаливый, вытягивала из него почти каждое слово. Даже меня стесняется, робеет, что ли... Как не родной. Чужой, отстраненный, холодный даже. Взгляд какой-то настороженный. Может, отвык просто? Виделись-то еще детьми.

— Может быть. Так ты думаешь, что он не захотел встретиться со мной только из-за внешности? Постеснялся?

— Да, наверное. Не обижайся на него. Представляю, какого ему...

— Главное, что он жив, — твердо сказала Кэрол и, вспомнив про остывший кофе, сделала глоток. — Я не обижаюсь. Только скажи ему, что зря он так... со мной. Хотя, то, что мы дружили в детстве, вовсе не означает, что мы друзья теперь. Если он не хочет, я не стану настаивать. Просто передай ему, что я очень рада, что он жив.

— Передам. Но вы еще обязательно увидите, я уверена. Дадим ему немного времени, пусть обвыкнется, обоснуется... Он же только с войны, наверное, еще не осознал, что здесь нет врагов и не надо стрелять. Несколько лет подряд провел на войне. Представляешь, ушел с пистолетом. Спрятал под майку и пошел себе гулять по городу. И эта его собака следом поперлась. И зачем он ее с собой притащил? Теперь вся квартира псиной провоняется, — Даяна скривилась, сморщив нос. — Ну, да ладно, пусть... Похоже, он очень любит этого пса, и тот, как вроде, умный, дрессированный, Тим, как с человеком, с ним разговаривает. Тим назвал его Спайком. И это немецкая овчарка. Улавливаешь смысл? Помнишь, как Спайк Эмми спас ему жизнь и как он горевал о собаке?

Кэрол кивнула.

— Я переживаю, — вздохнула Даяна. — Вдруг арестуют за этот пистолет, или, того хуже, натворит чего!

— Не переживай. Он же понимает, где находится, — успокоила Кэрол.

— Понимает! А вдруг зацепит кто, а он возьмет и голову ему прострелит, по привычке просто?

Кэрол с изумлением на лице смотрела на подругу, снова позабыв про кофе.

— Знаешь, ты вот говоришь, а я слушаю и не могу представить, что ты говоришь о Тимми, — призналась она. — Как наш ангелочек может взять и вот так запросто кого-нибудь «по привычке» убить? Что это за привычка такая страшная? Может, ты преувеличиваешь? Если он служил в армии, это вовсе не означает, что он убивал. Он сам тебе об этом рассказал?

— Нет.

— Ну, вот видишь! Сама себе навывдумывала всякие страсти и сидишь, боишься.

— Тогда зачем он взял с собой пистолет?

— Не знаю. Но уверена, не для того, чтобы кого-нибудь пристрелить во время прогулки. Может, он продать его хочет.

— Хорошо бы, — вздохнула Даяна. — А то у меня мурашки по коже от него. Знаешь, мне даже как-то не по себе. словно это не Тимми, а кто-то другой. Если бы ты его увидела, ты бы меня поняла. Не знаю даже, что меня больше шокировало — то, что он жив, или то, каким стал.

— Так может, это и не он? — осторожно проговорила Кэрол. Даяна бросила на нее быстрый взгляд.

— Он, даже не сомневайся. Во-первых, внешне мы с ним очень похожи. Во-вторых, он знает и помнит то, что мог знать только Тимми. Это он.

— Где же он был столько времени? Почему только сейчас дал о себе знать? Он тебе рассказал?

— Вкратце, — откинувшись на спинку софы, Даяна приготовилась рассказывать историю Тимми. — Я, конечно, потом расспрошу у него поподробнее, и тебе все расскажу. В общем, он говорит, что, когда на него напал Убийца, поблизости была одна старуха, которая все видела. Помнишь, он как-то жаловался, что его преследует какая-то сумасшедшая?

— Помню, — кивнула Кэрл. — Он ее очень боялся. А мы не обратили на это внимания. Эмми еще посмеялась над ним, обозвав трусишкой. Он очень оскорбился.

— Да. Так вот, когда сестры Блейз сбежали, оставив свою собаку догрызать Тимми, а ты свалилась в обморок, эта старуха сумела отогнать собаку и забрала Тимми к себе домой. Там она его выходила, сама. Как оказалось, в прошлом она была известным хирургом, а после смерти сына немного помутилась рассудком, опустилась, стала пить. Как говорил Тимми, она только на вид казалась такой страшной, а на самом деле была безобидной несчастной старухой, сломанной горем. Она преследовала его, потому что он напоминал ей сына. Она, как выразился Тимми, сшила его по кусочкам, потому что собака его изрядно порвала, и не позволила умереть. Она прятала его у себя дома, а, когда он немного окреп, увезла в Израиль, на свою родину. Тимми плохо помнит этот момент. Говорит, что она все время колола ему что-то, объясняя, что это для того, чтобы ему не было так больно. Говорит, что когда действие наркотика заканчивалось, он начинал терять сознание от боли, — глаза Даяны наполнились слезами, когда она представила себе страдания Тимми. — У него было переломано несколько костей, порваны ткани на лице и теле, разорвано горло, в результате чего были повреждены голосовые связки. Когда она увезла его за границу, он все еще был в бинтах, с наполовину перебинтованным лицом, и не мог издать ни звука. Как она умудрилась вывезти его из страны, он не знает. Он был в таком состоянии, что не мог ей помешать. Только позже, когда старуха умерла, он нашел у нее документы на усыновление, всякие справки о его рождении, отказе от него родителей, пребывании и воспитании в приюте. Причем, старуха дала ему другую фамилию, с которой ему пришлось жить много лет, так как, кроме фальшивых документов, которые раздобыла для него старуха, других у него не было. Вот он и жил с ней, деваться ему некуда было. Как я поняла, он неплохо относился к этой старухе, не смотря на то, что она его похитила. С жалостью и сочувствием о ней говорил. Она его очень любила, просто души не чаяла, жила им. Пить перестала, начала следить за собой. В общем, стала снова нормальной женщиной, только немного странной, устроилась на работу санитаркой в военный госпиталь. Все свои сбережения, накопленные еще во время врачебной практики, потратила на операции по восстановлению голосовых связок и лечение в госпитале, в результате чего он снова мог говорить. Определила его в школу. Тимми смирился, понимая, что вернуться домой, по крайней мере пока, ему не удастся. Но вскоре посещать школу отказался, не выдержав издевательств и насмешек детей, стал прятаться от людей дома, гулял только в безлюдных местах, где никто не тарасил глаза на его шрамы.

Когда ему было пятнадцать, старуха умерла, а его усыновила какая-то богатая вдова. Но он не захотел с ней жить и сбежал, украв у нее свои документы. Стал бродягой, — Даяна удрученно замолчала.

— Бродягой? — поразила Кэрл. — Но почему он не захотел жить с этой вдовой?

Ведь он мог погибнуть на улице!

— Значит, почему-то не захотел. Он не сказал, почему. Но что-то там было, что-то такое, о чем он не хочет рассказывать, — Даяна задумчиво накручивала пепельный локон на палец. — Я все равно у него вытяну, почему он предпочел улицу своей новой опекунке.

— Наверное, она плохо с ним обращалась, — предположила Кэрол.

— Тогда зачем делать из этого тайну? Так бы и сказал. А то глаза спрятал, щеки покраснели. Может, она его домогалась?

— Бог с тобой, у тебя одно на уме! — махнула на нее рукой Кэрол. — Он же совсем мальчишка тогда был!

— Пятнадцать лет. Мы же не знаем, как он выглядел в этом возрасте, может, уже и не мальчишкой. Каждый по-разному развивается и растет.

— Но зачем взрослой женщине домогаться такого молоденького парня?

— Люди разные бывают, — пожалала плечами Даяна. — Кто-то тащится по тем, кто намного старше, а кто-то — наоборот. А он хорош собой, несмотря на шрамы.

— Да ерунда все это! Опять ты сама себе что-то выдумываешь! Не поладил просто с этой женщиной, вот и сбежал.

— Настолько не поладил, что несколько лет шлялся по миру, собирая еду из мусорных баков и воруя вместо того, чтобы жить и горя не зная в хоромах одинокой вдовы? Сдружился с каким-то бездомным парнем-карманником, отправились с ним бродить по городам, на мир посмотреть. Так и шлялись по миру несколько лет, а потом вдвоем записались в армию, отправились на войну. По окончании контракта получил деньги и вернулся в штаты, в наш городок. Стал меня разыскивать. Узнал, что бабушка давно умерла. А какие-то болваны сказали ему, что я погибла в пожаре, а ты стала калекой, и тебя забрал отец, потому что мать поместили в психушку. Вот, идиоты, хотела бы я знать, кто это все так напутал! — Даяна покраснела от злости и негодования. — Он так расстроился, что не стал больше ничего выяснять и снова уехал. Подписал новый контракт, снова взялся за оружие. Представляешь, ведь мы могли с ним так и не встретиться, считая друг друга мертвыми, если бы он не увидел мою фотографию в каком-то журнале. И он меня узнал! Представляешь, узнал! Он тогда лежал в госпитале после ранения. Попросил этого своего друга-карманника меня разыскать, но о нем ничего пока не говорить, потому что я все равно не поверю. Этот уличный проныра узнал не только мой адрес, но и адрес моего агента, и даже мой счет в банке! Тимми хотел сначала мне написать, а потом побоялся, что я не поверю его письмам, посчитаю, что меня кто-то разыгрывает. Решил, что лучше приехать самому, встретиться с глазу на глаз, чтобы я его увидела и поверила, что он не умер. После госпиталя ему пришлось вернуться на войну, потому что контракт был только подписан, да и денег хотел заработать, чтобы приехать ко мне не нищим и не становиться мне обузой. Стал пересылать анонимно мне деньги, чтобы помочь. И вот, наконец-то, приехал. Пришел ко мне и ошаршил. Вот все, что я знаю.

Некоторое время они молчали, задумавшись о невеселой истории их горячо любимого Тимми. Не удивительно, что он изменился. Никто не останется прежним после всего того, что ему довелось пережить. Улица и война меняют людей, оставляют свой отпечаток. Кэрол не могла представить себе его ни бродягой, ни солдатом.

— Кстати, — улыбнулась Даяна. — Этот карманник приехал вместе с ним. Похоже, они неразлучны. Тимми сказал, что он по уши в меня влюблен еще с тех пор, как разыскивал меня, и мечтает со мной познакомиться.

— Ну, и что ты на это ответила? — Кэрол тоже улыбнулась.

Даяна пренебрежительно фыркнула.

— Что я могла ответить? Сказала, что у меня уже есть мужчина. Не буду же я встречаться с этим бродягой и вором!

В голосе ее прозвучали надменные нотки и презрение.

— Надеюсь, ты не сказала так Тимми, — сказала Кэрол. — Он мог очень обидеться. Ведь он его друг. К тому же, Тимми был таким же бродягой.

— Конечно, я так не сказала. Я же не дура!

— Но ведь теперь они не бродяги. Они военные. А что планирует Тимми? Вернется в армию, или станет гражданским?

— В армию он не вернется. Не сможет. Комиссовали его после второго ранения.

— Чем же он будет теперь заниматься?

— Не знаю. Он сказал, что они с другом уже нашли работу.

— Какую? Насколько я понимаю, у них нет никакого образования.

— Не только образования, но и гражданства. Тимми хочет вернуть себе настоящую фамилию, доказать, что является гражданином Америки, получить новые документы. Спрашивает у меня, как можно это сделать, но я ничего в этом не понимаю и вряд ли смогу ему помочь.

— Я спрошу у Джека. Попрошу его помочь.

— Было бы здорово, — сдержанно ответила Даяна, спрятав большие синие глаза. Кэрол почувствовала, что упоминание о Джеке снова вызвало между ними неприятное странное напряжения.

— Расскажи мне еще о Тимми, — Кэрол перевела разговор с Джека на ее брата. Так было всегда. Слыша имя Джек, Даяна замолкала, а Кэрол пыталась сменить тему.

— Какой он из себя? — продолжила Кэрол.

— Высокий, — как-то растерянно ответила Даяна, словно думая о чем-то другом.

— Ты тоже не маленького роста, — улыбнулась мягко Кэрол.

— Ну, да. Не было б у меня подходящего роста, не было бы и моей карьеры. Родителя наши высокие были, и мама, и папа. Похожи мы с ним очень. Красивый. Фигура хорошая. Мог бы тоже стать звездой шоу-бизнеса... — она на секунду замолчала и грустно вздохнула, вспоминая, видимо, о его шрамах. — Голос у него как-то не подходит к внешности, тихий такой, сиплый, с надрывом, как простуженный. Наверное, из-за травмы голосовых связок. Взгляд серьезный, тяжелый стал, но улыбка такая же нежная. Кажется таким же светлым, чистым и обаятельным, каким в детстве был, помнишь?

— Все так же похож на ангела? — нежно улыбнулась Кэрол.

— Похож, только уже не на того ангела, только что спустившегося с небес, а на ангела, побывавшего в аду...

Кэрол напрягала воображение, пытаясь нарисовать себе его образ.

— Как жаль, что он ушел. Мне так хотелось с ним встретиться.

— Еще встретитесь, обязательно.

— Если хочешь, я могу помочь тебе приготовить для него комнату, — предложила Кэрол.

Даяна кивнула. Вымыв чашки на кухне, они занялись гостинной. Передвинули большой диван с середины комнаты к стене, переместили еще кой-какую мебель, чтобы Тимми было удобнее. Развешивая его одежду в шкафу, Даяна морщила хорошенький точеный носик.

— Надо срочно обновить его гардероб. Или у него абсолютно нет вкуса, или он не придает никакого значения тому, что надевать. Завтра же потащу его по магазинам, а все эти тряпки выброшу. Ой, что это?

Нащупав что-то в кармане брюк, она вытащила оттуда сложенный прямоугольником кусок газеты. Повесив брюки на руку, девушка развернула бумажку и побледнела.

— Кэрол, погляди, — Даяна подняла над развернутым обрывком газеты маленький прозрачный полиэтиленовый пакетик, в котором был какой-то белый порошок.

Кэрол подошла ближе, не отрывая взгляда от пакетика.

— Что это? — почему-то шепотом спросила она, словно боялась, что их кто-нибудь услышит.

Открыв пакетик, Даяна пальцем коснулась белого порошка, понюхала, потом решительно попробовала на вкус.

— Кокаин.

Обе они замерли, смотря друг на друга расширившимися глазами.

— Боже, — выдавила Даяна. — Он еще и наркоман!

— Может, это не его... — растерянно пролепетала Кэрол, в ужасе разглядывая пакетик. — Может, это его друг сидит на наркотиках...

Дрожащими руками Даяна поспешно завернула пакетик в газету, стараясь сделать так, как было, чтобы Тимми не заметил, что его разворачивали.

После нескольких попыток, она, наконец, удовлетворилась результатом и положила сверточек обратно в карман. Повесив брюки на вешалку в шкаф, она села в кресло и в отчаянии обхватила голову руками.

— Что же мне теперь с ним делать? — простонала она.

— Для начала просто с ним поговорить, — Кэрол присела на подлокотник кресла, стараясь выглядеть спокойно. На самом деле она была шокирована. Тимми — урод, Тимми — бродяга, Тимми наемный солдат, а теперь еще и наркоман! Не слишком ли для одного человека? Для мальчика, которого они знали?

— Но что я ему скажу? — проскулила Даяна жалобно.

— Спроси его об этом прямо.

— Думаешь, он вот так сразу признается, что он наркоман?

— Какой смысл ему скрывать? Ты все равно уже знаешь и со временем поймешь, правда это или нет. Главное, правильно начать разговор. Без упрека и осуждения, с участием, спокойствием и пониманием. Покажи ему, что любишь его, что он дорог тебе, что не станешь читать ему нравоучения и в чем-либо обвинять. Не дави, если не признается. Может, это действительно предназначено не для него. Постарайся сделать так, чтобы он подумал, что ты ему поверила, если он начнет все отрицать. А сама просто присмотрись к нему, понаблюдай, и скоро сама поймешь, солгал он или нет. А, кстати, где это ты научилась разбираться в наркотиках?

— Да у меня парень один был... я его потом бросила. Он кокаин нюхал. Я, конечно, не пробовала, но из любопытства изучила, что это такое. Кэрол, а если Тим все-таки наркоман, что мне делать?

— Я не знаю, — Кэрол удрученно покачала головой. — Все зависит от того, как он сам к этому относится. Если понимает, что нужно завязывать, и готов попробовать, то это хорошо. Тогда вопрос лишь в том, насколько сильно он уже успел подсесть на порошок и потребуется ли ему профессиональное лечение. А если он не захочет бросать, то ты вряд ли

сможешь что-нибудь сделать. Разве что стараться его уговорить завязать.

Даяна тяжело вздохнула и откинулась на спинку кресла.

— Ой, так разнервничалась, что голова заболела. Ты не принесешь мне таблетки? — она бросила из-под длинных ресниц на подругу вдруг странно сверкнувший взгляд. — Они в спальне, в нижнем ящике комода.

Кэрол отправилась за лекарством, понуро опустив голову, искренне озабоченная Тимми. Присев у широкой кровати, Кэрол выдвинула нижний ящик и порылась в коробочке с лекарствами. Отыскав нужное, она закрыла ящик и уже хотела подняться, как какой-то странный блеск привлек ее внимание. Присмотревшись, она заметила, что из-под комода слегка выглядывает какой-то предмет, переливающийся серебряным блеском. Опустив руку, Кэрол осторожно вытащила его из-под комода. Это была ручка. Разглядев ее, Кэрол почувствовала, как вся кровь разом отхлынула от лица, а потом резко прилила обратно, отчего кожа запекла от неожиданного жара. Таблетки выскользнули из ее руки, но она даже не заметила этого, продолжая сжимать другой рукой серебряную ручку, которая начала дрожать в ее пальцах, грозясь выскочить.

— Не может быть, — прошептала она сама себе, и в изнеможении опустилась на пол, закрыв на мгновение глаза и прижав руку с зажатой в ней ручкой к груди, в которой лихорадочно забилось сердце. Ей стало вдруг тяжело дышать.

Несколько минут она так сидела, не двигаясь, с тяжело вздымающейся грудью и плотно сжатыми губами. Потом открыла глаза и снова взглянула на ручку, которая была ей, несомненно, знакома. Но мало ли на свете таких ручек, почему она решала, что она принадлежит именно *ему*, а не кому-то другому?

Это была очень дорогая ручка, выплавленная из серебра и украшенная брильянтом. Именно такую ручку она подарила Джеку на пятилетний юбилей их свадьбы, совсем недавно. Ему подарок очень понравился, и он не расставался с этой ручкой, насколько Кэрол знала. Но это не может быть та самая ручка. Она не могла находиться в спальне Даяны, под ее комодом для белья. И она зря так испугалась.

Подобрав с пола лекарства, Кэрол встала и, глубоко вздохнув, постаралась взять себя в руки. Зайдя на кухню, она набрала в стакан воды и вернулась в гостиную. Отдав Даяне таблетки и стакан, Кэрол протянула ей ручку.

— Смотри, я нашла это под комодом. Ты потеряла?

Отставив стакан в сторону, Даяна взяла ручку и стала внимательно разглядывать.

— Нет, это не моя.

Кэрол опустилась в кресло и зажала коленями дрожащие руки.

— Тогда, наверное, кто-то ее потерял, — как можно беспечнее сказала она.

— Наверное, — тихо отозвалась Даяна. — Тим в моей спальне не был, да и вряд ли у него может быть такая дорогая вещица. Остается любовник. Должно быть, он и обронил.

— Любовник, — сама не зная, зачем, повторила Кэрол, и сердце больно заныло у нее в груди. — А с кем ты сейчас встречаешься? Ты мне не рассказывала.

— А! — Даяна пренебрежительно махнула рукой. — Давнишний, я с ним еще до твоей свадьбы... второй, встречаться начала. Вот, до сих пор не отпускает. С квартирой мне помог, сама бы я ее не осилила деньгами.

— Состоятельный? — напряженно улыбнулась Кэрол, внимательно смотря на нее.

— Да, не бедствует, — Даяна закинула пару таблеток в рот и запила водой.

— А почему же замуж за него не выйдешь, раз уже столько лет вместе?

— Он женат, — неожиданно резко ответила Даяна и, порывисто встав, пронзила Кэрол пристальным злобным взглядом. Кэрол решила, что просто задела ее за больное, потому такая и реакция.

— А жена его знает о вашей связи? — ненавязчиво поинтересовалась она.

— Куда ей — дура дурой, дальше своего носа ничего не видит, — с откровенной неприязнью ответила Даяна.

— Понятно, — поколебавшись, Кэрол решилась на откровенность. — Представляешь, у Джека такая же ручка.

Пожав плечами, Даяна небрежно бросила ручку на стол.

— Надо будет вернуть. А может, если не помнит, где потерял, подарю ее Тиму. Ой, голова раскалывается, пойду, полежу, — она направилась в спальню. — Пойдем со мной, поваляемся, поболтаем.

— Я, пожалуй, поеду. Вдруг Тимми вернется, а я еще здесь. Он ведь не хотел со мной встречаться, — не без горечи добавила Кэрол.

— Все-таки обиделась. Понимаю, — Даяна бросила на нее потеплевший сочувствующий взгляд. — Подожди, не уходи. Я сейчас переоденусь и провожу тебя.

— А если Тимми придет...

— Я дала ему ключи, не волнуйся, — Даяна скрылась в спальне.

Глаза Кэрол невольно устремились на серебряную ручку. Поддавшись какому-то дикому безотчетному порыву, она схватила лежащую тут же на столе скрепку и кончиком прочной проволоки нанесла на поверхность ручки тонкую, едва заметную царапину. Потом, выронив и ручку, и скрепку из рук, она выскочила из комнаты.

Даяна проводила ее до такси и, прощаясь, вдруг крепко обняла.

— Я люблю тебя, сестренка. Очень люблю, — с чувством прошептала она и заглянула Кэрол в глаза каким-то страдальческим взглядом.

— И я тебя люблю, — улыбнулась Кэрол. — Поцелуй от меня Тимми.

Сев в такси, она чувствовала, что Даяна провожает ее взглядом. Обернувшись, она увидела, как та вытирает под глазами слезы.

Даяна не развеяла ее сомнения, даже наоборот. Казалось, она делала это специально. Случайностью ли было то, что она послала Кэрол за лекарствами, и что Кэрол нашла эту ручку, или это было подстроено? Могло ли быть так, что Даяна таким образом хотела ей на что-то намекнуть, на что-то, чего не могла сказать в лицо? Но зачем Даяне самой себя разоблачать, в таком случае?

Нет, этого не может быть. Даяна и Джек даже не знакомы. Даяна не могла соблазнить ее мужа. И Джек не мог, он любит ее, Кэрол... а Даяну терпеть не может. К тому же, Даяна сказала, что встречалась с этим мужчиной еще до того, как они с Джеком поженились. Если бы это был Джек, Даяна бы сразу позвонила похвастаться этим. Эта ручка принадлежит другому человеку, а Даяна, узнав, что у Джека такая же, и все еще тая в душе обиду, решила, наверное, помучить ее, заставить усомниться и подозревать Джека в измене. А может, даже поссорить их. Но за все годы их совместной жизни Джек ни разу не дал ей повода усомниться в нем. Ее подозрения нелепы и не поддаются никакой логике. Это все ревность. Джек верен ей. И ей должно быть стыдно за то, что ей даже в голову могло прийти такое безумие, такой бред. Вот бы посмеялся Джек, узнав об этом. И наверняка выразительно покрутил бы пальцем у виска, высказывая о ней свое мнение.

Безучастно разглядывая из окна такси проносящиеся мимо улицы Сан-Франциско, Кэрол мечтала поскорее оказаться дома. Она надеялась, что в их с Джеком гнездышке ее оставят все сомнения, все нелепые мысли, которые она никак не могла выкинуть из своей головы. День не казался уже таким радостным и добрым. Встретиться с Тимми так и не удалось, а то, что она о нем теперь знала, угнетало и смущало, потому что она так и не смогла заставить себя представить, что мальчик, которого она знала, и этот человек, о котором рассказывала сегодня Даяна — одно и то же лицо. На смену бурной радости, которой она отреагировала на воскрешение Тимми, пришли жалость и сочувствие. Сердце ее обливалось кровью, когда она начинала представлять все то, через что пришлось пройти Тимми, и маленьким мальчиком, и мужчиной. Война, два ранения, нанесшие какой-то непоправимый вред его здоровью, эти шрамы, которые, наверное, для молодого парня, просто самое настоящие проклятие, лишившее его полноценной жизни, женской любви...

Кэрол надеялась, что все-таки встретится с ним, хоть когда-нибудь. Только если это случится, она уже будет готова к тому, что это будет не тот ласковый нежный Тимми, которого она так любила, а абсолютно другой человек. Маленький ангелочек все-таки умер тогда, в парке, а может быть, он умирал потом, медленно и мучительно, покидая сердце маленького мальчика и забирая невинный ангельский облик из его изуродованного тела.

Расстроенная и подавленная, Кэрол расплатилась с таксистом и поспешила домой. Почему-то она ощущала себя усталой и вымотанной, хотелось от души поесть, принять душ и упасть в кровать. Именно так она и собиралась поступить. Патрика привезут только вечером, так что она вполне может позволить себе поспать.

Окинув взглядом большой красивый дом, в котором она жила со своей семьей уже пять лет, Кэрол улыбнулась. Этот дом был свадебным подарком ей и Джеку от Куртни. Кэрол уже успела привязаться к этому месту, Джеку дом тоже нравился. Он продал свою квартиру, а домработницу забрал с собой в новый дом. Нора была уже не молодой вдовой, давно работающей у Джека и успевшая прикипеть к нему сердцем. Эта была маленькая и юркая чернокожая женщина, к тому же, она обладала железными нервами и всегда с поразительной невозмутимостью выслушивала упреки, если Джек оставался в ее работе чем-то недоволен. Выслушивала, приносила извинения, исправляла или никогда так больше не делала, беспрекословно подчиняясь хозяину. Но Джек редко бывал ею недоволен, а просто так никогда не придирался. Придаться к работе Норе было трудно. Кэрол сразу с ней поладила. Джек платил Норе высокий и щедрый оклад, тем самым демонстрируя, что ценит ее. Как-то разговорившись с ней, Кэрол узнала, что Нора никогда не болела пневмонией, а когда Джек пришел из госпиталя — и подавно, будучи здоровой и работоспособной. Нора еще очень тогда удивилась, когда Джек вдруг отправил ее в отпуск, да еще в такой момент, когда она ему была просто необходима. Женщина не на шутку перепугалась, подумав, что он решил подыскать ей замену. Заметив, что к нему каждый день стала приходить молодая симпатичная девушка, Нора совсем упала духом, посчитав, что он захотел взять на ее место помоложе и посимпатичнее. Но когда она позвонила Джеку и прямо спросила, нуждается ли он еще в ее услугах или ей стоит начинать поиски другого рабочего места, он рассмеялся и заверил, что никогда не отпустит ее. «Так надо, Нора. Отдыхай пока, я оплачу эти дни, как рабочие. Я позвоню и скажу, когда ты можешь приступить к работе» — сказал он ей тогда.

Кэрол, узнав о бессовестном обмане, лишь улыбнулась, простив Джеку эту маленькую ложь во имя того, чтобы она была рядом. Уже тогда он был к ней неравнодушен, раз так хотел ее присутствия, что обманом заманил в свою квартиру.

Вспомнив об этом, Кэрол почувствовала, как посветлело в душе, а всякие подозрения испарились. Она знала, что Джек любит ее. Она была в этом уверена. Джек, который никогда не считал нужным скрывать свое отношение к кому-либо, давно бы уже дал знать не только ей, но и всем остальным, если бы разлюбил ее. Может, в этом случае он и не бросил бы ее из-за своих идеологических семейных принципов, но ее жизнь тогда бы стала невыносима, Кэрол знала это. Она бы стала его тяготить и раздражать, Джек стал бы воспринимать семью, как ловушку, в которую угодил, и, не отличаясь сдержанностью, начал бы выплескивать свое недовольство и разочарование. Его глаза все еще светились нежной любовью, его поцелуи были такими же страстными...

Окончательно успокоившись, Кэрол почувствовала вину за то, что всего одной ручки и глупых козней Даяны хватило, чтобы она усомнилась в Джеке. В Джеке, который так много для нее сделал, который так старался быть хорошим мужем, так дорожил своей семьей. Ни за что он бы не поставил под угрозу их семью, в этом Кэрол была уверена.

Настроение ее приподнялось, а самочувствие чудесным образом вдруг улучшилось. И только теперь она заметила, что у дома стоит какая-то женщина. Увидев, как Кэрол подошла к двери, женщина бросилась к ней.

— Прошу прощения!

Кэрол повернулась к ней.

— Да?

Женщина вдруг смутилась и вся как-то сжалась под ее взглядом. Она была намного ниже Кэрол ростом, худая до изнеможения, и очень плохо одета, производя впечатление нуждающегося и нездорового человека. В руке у нее был большой чемодан на колесиках.

— Вы здесь живете? — почти жалобно спросила она.

— Да. А что?

— А Джек Рэндэл тоже здесь живет?

Кэрол насторожилась, внимательнее взглядевшись в незнакомку и пытаясь понять, что ей нужно. Женщина, заметив ее напряжение, засуетилась, видимо испугавшись, что девушка не захочет с ней больше разговаривать и уйдет.

— Вы, должно быть, его жена? А я... я его мама.

Кэрол опешила, оторопело уставившись на женщину. А что, если она лжет? Зачем матери Джека ни с того ни с сего понадобилось навестить давно брошенного и забытого сыночка? Прочитав сомнение на ее лице, женщина торопливо вытащила из сумочки фотографию и протянула девушке.

— Вот, взгляните. Это Джек, Джордж и я... правда, это очень старая фотография, — женщина выдавила извиняющуюся улыбку.

Взяв фотографию, Кэрол взглянула на нее. Действительно, на снимке был Джордж Рэндэл, только намного моложе, эта самая женщина, и мальчик лет одиннадцати, который, судя по внешности, вполне мог быть Джеком. Кэрол вспомнила его детские фотографии, и окончательно убедилась, что это он.

Продолжая держать фотографию в руке, Кэрол растерянно посмотрела на женщину.

— Здравствуйте, — изумленно выдавила она первое, что пришло в голову.

— Здравствуйте, — улыбнулась женщина. — Меня зовут Рамона, вы, наверное, знаете, Джек говорил.

— Кэрлайн, — представилась Кэрол, подумав о том, что Джек никогда не говорил, как зовут его мать. Он вообще о ней редко говорил. Почти никогда.

— А Джек сейчас где? Чернокожая женщина в вашем доме сказала мне, что его нет.

— Джека нет в городе, он в командировке.

— Вот как? — Рамона огорченно сдвинула тонкие брови. — А когда же он вернется?

— Я точно не знаю, он представляет в суде интересы одного из своих клиентов, дело сложное, и не известно, насколько растянется процесс, — вежливо объяснила Кэрол.

Женщина растерянно мялась на месте, то сжимая, то разжимая пальцы на ручке чемодана.

— А вы не будете против, если я побуду до его возвращения у вас? — женщина бросила на Кэрол умоляющий взгляд и, видя, что девушка колеблется, смущенно краснея, добавила. — Все свои деньги я истратила на проезд. У вас такой большой дом, вряд ли я вас стесню.

— Дело не в этом... — Кэрол запнулась, а затем приветливо улыбнулась. — Конечно, проходите. Извините, что я сразу не пригласила, я просто не ожидала...

— Понимаю, — с умным видом кивнула Рамона.

Открыв двери, девушка пропустила гостью вперед.

— О-о! — восторженно протянула та, оглядывая просторный холл. — Как у вас хорошо!

Нора, лениво ласкающая щеткой из мягких пушистых перьев разнообразные фигурки зверей и всевозможные статуэтки, выстроенные на стеклянных полочках вдоль стены, ловко смахивала пыль с этих хрупких вещей. Это была коллекция Патрика, которую постоянно пополнял Джек, привозя ему все новые экземпляры со всего мира. На полочках можно было найти как бесценную безделушку, так и довольно дорогую стоящую вещь, но сердцу мальчика были дороги и те и другие одинаково. Он так гордился своей коллекцией, что попросил родителей позволить выставить ее в холле, чтобы все, кто приходил в дом, могли видеть ее. Как-то раз, проводя тщательную уборку в спальне хозяев, Нора перебирала шкафы и нашла на одной из полок коробку, в которой оказалась завернутая в мягкий бархат гипсовая фигурка женщины, имеющей поразительное сходство с Кэрол. Когда Нора показала находку девушке, та вдруг побледнела и, выхватив статуэтку из рук домработницы, торопливо завернула в бархат. Но рядом был Патрик и успел заметить статуэтку. Бросившись к матери, он стал умолять показать ему ее. Кэрол уступила ему, не видя иного выхода. Если Патрик чего-то хотел, он сначала просил, потом умолял, а, если его просьба все-таки не удовлетворялась, глаза его темнели и он превращался в разъяренного и неуправляемого дьяволенка, вопящего, дерущегося и готового сокрушить все и всех вокруг. Подобные всплески агрессии и злобы он стал проявлять еще в пеленках, но это приписывали к обычным детским капризам. Но с возрастом вспыльчивость и агрессия росли, становясь все более неуправляемыми и жесткими, и родители его забеспокоились. В своем недовольстве мальчик проявлял не детскую жестокость, мог со всех сил ударить или укусить, будь перед ним свой или чужой. А его взгляд в такие моменты по-настоящему пугал взрослых своей дикой злостью, как у маленького звереныша, готового вырвать свое зубами и ногтями и разодрать каждого, кто попытается помешать. Его уже боялись сверстники, дети постарше, и даже взрослые, которые предпочитали сделать все, чтобы не разозлить его. Патрик был легким на руку, и Кэрол часто приходилось выслушивать упреки и жалобы поколоченных им детей. Патрик дрался жестоко, в основном нападавая первым, не задумываясь о последствиях наносимых им телесных повреждений. Однажды он пятикилограммовой гантелей ударил какого-то мальчика по лицу, раздробив нос, выбив зубы и сломав челюсть. Шокированный Джек сумел замять скандал и унять конфликт, пометив пострадавшего в дорогую частную

клинику, где мальчику был проведен ряд пластических операций лучшими хирургами страны, взяв на себя все расходы, а так же выплатив родителям ребенка огромную сумму в качестве компенсации за моральный ущерб в обмен за неразглашение случившегося. Пострадавшая сторона согласилась уладить конфликт полюбовно, взяла деньги и сдержала слово, и пресса так и не пронюхала о происшествии. А Патрик был анонимно поставлен на учет к частному детскому психиатру, и был вынужден посещать его каждую неделю. Если кто и мог справиться с этим ребенком, так это Джек. И только ему мальчик беспрекословно подчинялся, инстинктивно чувствуя, что отец намного сильнее и бороться с ним бесполезно. Джек не говорил это вслух, но Кэрол знала, он считает, что склонность мальчика к физическому насилию досталась ему от родной бабушки, Элен. А может, и от нее, Кэрол. Он не сказал об этом, но наверняка сравнивал драки сына с тем, что и его мама не гнушалась физических расправ в детстве, за что даже была исключена из школы. А случай с гантелями не мог не напомнить о случае с Буддой, которым Кэрол до смерти забила Кэтрин Френсис. Сам Джек всегда избегал драк, потому что драться толком и не умел и спортивностью не отличался. Но Кэрол не была согласна с тем, что у нее, как у матери, есть склонность к насилию. Он считала себя тихим и безобидным человеком... если упустить случай с Кэт. Но довести так, как ее, можно любого человека. Это было отчаяние, невыносимая боль, которые истощили ее и замучили до грани помешательства, требуя и не находя выхода... И они вырвались и обрушились на Кэт, которую Кэрол считала виновницей всех несчастий Мэтта. Словно вскрылся давно назревавший и невыносимо болевший гнойник в ее душе, и девушка медленно, но верно пошла на поправку. Теперь она казалась абсолютно счастливой и довольной жизнью. А драки в школе были только самообороной. Они с Эми никогда никого не били ни за что, и в основном, жертвами их расправ были сестры Блейз.

Физически Патрик был здоров и крепок. Явных психических отклонений психиатр пока не замечал, списывая поведение мальчика на счет испорченного излишними потаканиями семьи характера. В, общем, избалованный, эгоистичный, очень упрямый и излишне требовательный ребенок, не желающий идти на уступки и компромиссы, считающий, что в отстаивании своего все способы хороши. А жестокость свойственна всем детям, кому-то в большей, кому-то в меньшей степени. Это немного успокоило его взволнованную семью. Психиатр продолжал работать с Патриком, считая, что нужно обязательно исправлять мальчика, пока его личность и характер окончательно не сформировались. Патрик ненавидел доктора и отказывался покориться, затаив в душе обиду на родителей, считая, что если они заставляют его ходить к психиатру, значит, уверены в том, что он сумасшедший. Потом он вроде бы смирился, поутих, став послушным и кротким, вспышки агрессии и злости прекратились. Кэрол и Джек радовались, принимая изменения в поведении сына, как положительный результат психотерапии, но доктора это не ввело в заблуждение. Он заверил их в том, что мальчик просто притворяется, будучи на удивление хитрым и умным для своего возраста, и пока прекращать сеансы нельзя, потому что доктор безрезультатно бьется о непробиваемость мальчика, как рыба о лед. Но Патрик спокойно заявил родителям, что доктор просто тянет из них деньги. Джек сменил трех психиатров, но все говорили одно и то же. В конце концов, Джек решил пока отменить визиты к психиатрам, боясь травмировать этим ребенка, который начал открыто называть себя сумасшедшим, и приготовился к тому, что родители скоро отправят его в психушку. Поведение Патрика изменилось к лучшему, и Джек предпочел поверить собственному ребенку, чем врачам. «Ребенок психически здоров, мы добивались того, чтобы психиатр повлиял на его поведение. Мальчик изменился, и

психиатры ему больше не нужны», — говорил Кэрол тогда Джек. Кэрол не возражала, полностью доверяя мнению мужа. Неприятности с Патриком пока не повторялись. Он перестал бросаться на людей, истерик не закатывал. Если чего-то хотел, то просил с ласковой невинной улыбкой. Не известно, как остальные, а лично Кэрол от этой «ласковости» становилось не по себе, и она пугала ее еще больше, чем ранее яростные истерики, потому что от нее веяло неискренностью и холодом. На хорошеньком личике была нежная улыбка, он вежливо говорил своим сладким подкупающим голоском, но взгляд становился мрачным, холодным и таким же непримиримым, словно предупреждал, что если не будет так, как хочет он, он не простит и припомнит. В отличие от Джека, Кэрол предпочитала уступить, нежели разозлить и обидеть Патрика. Но иногда она заставляла себя отказывать. Почему-то Патрик мирился и не таил обиду, когда это делал Джек, но на маму всегда сердился, молча, выражая свою обиду и негодование только тем, что подолгу следил за ней злыми глазами. Словно он признавал авторитет отца, и не желал признать авторитет матери. Создавалось впечатление, что он готов был подчиняться только отцу, и никому больше.

Когда Патрик стал выпрашивать у нее статуэтку, чтобы поместить в свою коллекцию, Кэрол отказала ему, игнорируя недоуменный взгляд Норы и помрачневшее лицо сына. Уже много лет она прятала эту статуэтку от Джека, и это была единственная вещь, напоминающая о Мэтте, которую она держала дома, в спальне. Это было все, что осталось у нее после пожара, но Джек об этом не знал, а если бы узнал, она бы лишилась и этого.

Кэрол снова спрятала статуэтку, но на следующий день Джек с изумлением увидел вещь в коллекции Патрика. Увидела и Кэрол.

— Папа, посмотри, что у меня есть! — подпрыгивал мальчик и, как ни в чем ни бывало, радостно улыбался, протягивая Джеку статуэтку. — Это же мама! Здорово, правда?

Джек кивнул, взяв статуэтку в руки. Сердце Кэрол замерло, когда она подумала, что он разобьет ее или сделает вид, что уронил.

— Мам, а кто ее сделал? — Патрик схватил ее за руку, подняв сверкающие глаза.

Джек метнул на нее ледяной взгляд. Кэрол растерялась, не зная, что ответить. За нее ответил Джек.

— Ее вылепил один больной психопат, который думал, что влюблен в твою маму...

— Ух, ты! — в восторге воскликнул мальчик, бросив на Кэрол восхищенный взгляд. — В тебя был влюблен настоящий психопат? Маньяк-убийца?

— Да, страшный маньяк, убивший трех девочек.

— Джек! — бледнея, воскликнула Кэрол.

— Но твоя мама его отвергла и вышла замуж за меня, а он от горя застрелился.

— Класс! Мама, какая ты смелая, что отвергла настоящего маньяка! А ты, пап, разве ты не боялся, что он тебя убьет?

— Конечно, не боялся.

— Какой ты смелый! А что он сделал с этими девочками? Наверное, он их сначала насиловал, а потом отрезал головы... или вообще по кусочкам резал, да? — со странной пугающей радостью предположил Патрик.

Джек нахмурился.

— Это ты по телевизору насмотрелся и наслушался таких ужасов?

— Нет, сам придумал. Так что, он отрезал им головы... живьем?

— Нет, ничего такого он не делал, — вмешалась Кэрол. — Папа пошутил, Патрик. Да,

Джек?

Джек перехватил ее взгляд и упрямо сжал губы.

— Он не отрезал их головы. И тебе не надо об этом думать. Те, кто причиняют зло, всегда плохо кончают. Наоборот, нужно помогать людям, как я.

— А в школе один мальчик сказал, что ты маньякам помогаешь, а они выходят на свободу и опять убивают. Сказал, что его мама говорит, что тебя за это Бог накарает.

Джек покраснел.

— Нельзя верить всему, что тебе говорят, сынок. Люди бывают злые и любят говорить всякие гадости, чтобы кому-нибудь досадить. На, возьми свою статуэтку и поставь на место, — Джек отдал мальчику фигурку, игнорируя полный негодования взгляд Кэрол.

— Зачем ты так? — с горечью упрекнула она, когда они остались вдвоем.

— Я просто сказал правду. Если эта правда колет тебе глаза, то я ни при чем, — равнодушно отозвался Джек, не глядя на нее и выпуская в окно густую струйку дыма.

А однажды Кэрол услышала, как Патрик, показывая свою коллекцию друзьям, восторженно и с гордостью рассказывал, что фигурку, изображающую его маму, слепил больной психопат, маньяк-убийца, который живьем отрезал головы маленьким девочкам, а потом расчленил тела... Закрывшись в спальне, Кэрол долго плакала. Она любила Джека, но бывали моменты, когда она его ненавидела.

Она решительно забрала статуэтку у Патрика и отвезла ее на хранение Куртни, которая с молчаливым пониманием приняла вещь. Куртни не стала ее прятать, наоборот, поставила ее на рабочем столе в кабинете, чтобы любоваться своей дорогой девочкой, которой ей очень не хватало. И однажды застала Рэя, разглядывающего фигурку и поглаживающего ее пальцами с такой чувственностью, будто он прикасался к живой женщине. Побагровев от ярости, Куртни отобрала у него статуэтку, обозвав большим придурком, и запретила заходить в кабинет.

А Патрик, лишившись самой интересной для него игрушки, в досаде перебил половину своей коллекции. Джек рассердился и перестал пока привозить ему фигурки. Поэтому вот уже два месяца на полочке не появлялось новых экземпляров. Патрик в обиде забросил коллекцию, даже не подходя к ней. Но Нора продолжала ежедневно проделывать одну и ту же кропотливую работу, заботливо, тщательно смахивая пыль с уцелевших фигурок.

Кэрол оторвала ее от этого занятия, попросив приготовить комнату для гости. Захватив огромный чемодан, Нора потащила его в комнату для гостей. Кэрол очень хотелось есть, так, что болел желудок, поэтому она отправилась на кухню, не дожидаясь, пока Нора освободится, чтобы подать обед. Разогрев еду, Кэрол проворно накрыла на стол и пригласила свою гостью присоединиться. Внимательно наблюдавшая за ней Рамона не отказалась и с благодарной улыбкой села за стол.

— Выпьте чего-нибудь? — предложила Кэрол.

— Спасибо, мне нельзя.

— Глоток вина.

— Ну, хорошо, только один глоток, — сдалась женщина, разглядывая покрытую пылью бутылку кроваво-красного вина. Обтерев бутылку полотенцем, Кэрол откупорила ее и разлила вино в бокалы. Ей ужасно хотелось выпить, наесться до отвала и забыться мертвецким сном на несколько часов.

— За наше с вами знакомство, — Рамона улыбнулась, приподняв бокал.

Кэрол улыбнулась в ответ и коснулась своим бокалом ее бокала. Она невольно

заметила, что женщина сделала только один глоток, как и говорила, и поставила бокал, так больше к нему и не прикоснувшись. Зато мать Джека с аппетитом и удовольствием съела все до крошки, а потом попросила горячего крепкого чая.

Кэрол убрала со стола и заварила чай. Она чувствовала неловкость. Судя по всему, Рамона испытывала то же самое. Уже за чашкой чая, она попыталась завязать дружеский разговор.

— Вы очень красивы... — смущенно заметила она. — И прекрасный человек, это сразу видно. Джек выбрал себе хорошую женщину. Он всегда выбирал только самое лучшее.

— Спасибо, — застенчиво улыбнулась Кэрол.

— Давно вы вместе?

— В прошлом месяце отметили пятую годовщину нашей свадьбы.

— Дети есть?

— Сын. Патрик, — голос Кэрол переполнился нежностью. — Он сейчас с бабушкой и дедушкой, в парке гуляют.

— С вашими родителями?

— У меня нет родителей. Он с Джорджем и Куртни, женщиной, воспитавшей меня.

— Ваши родители умерли? — Рамона с сочувствием взглянула на нее черными, как угольки, глазами.

— Мама умерла. А отца у меня никогда не было, — спокойно ответила Кэрол.

Рамона глотнула кипятка и поставила чашку на блюде.

— А Джек? Какой он теперь? Такой же упрямый и несговорчивый? — спросила она, не поднимая глаз. — В детстве с ним было нелегко. Как вы с нимживаетесь?

Кэрол бросила на нее удивленный взгляд. Эта женщина говорит так, будто бросила своего ребенка только из-за того, что с ним было нелегко и они «не ужились».

— Джек дорожит теми, кого любит, делает все ради нас и ради того, чтобы мы были счастливы. Он очень умный и сильный мужчина, с характером, но это не мешает нам «уживаться» вместе.

— Любите его? Можете не отвечать, итак вижу, что любите, — Рамона глубоко вздохнула. — Он молодец. Им можно гордиться. Карьера, признание, известность, семья... Честно говоря, я не думала, что из него что-то получится... хорошее. Он всегда был злым мальчиком. У него никогда не было друзей. Он не прощал обид и всегда мстил. Он... и сейчас такой?

— Бывает, — уклончиво ответила Кэрол, прекрасно понимая, что скрыто под словами этой женщины. Ее интересовало, как отреагирует ее сын на встречу с ней. Но Кэрол не собиралась никоим образом вмешиваться в их отношения.

— А что он говорит... обо мне? — с мукой спросила Рамона. — Как относится? Что мне ожидать от него, милая девушка, скажи мне, ты же знаешь. Он... сердится на меня?

Кэрол молчала, разглядывая свою чашку. Что она могла ответить — что Джек ненавидит ее? Что обещал вышвырнуть за дверь, если она когда-нибудь к нему заявится? Понимает ли эта женщина, какую душевную травму нанесла ему, бросив его, забыв о нем? Сказать ей об этом? Что ее поступок навсегда лишил его доверия и уважения к женщинам, превратив в женоненавистника? Кэрол знала только двух женщин, к которым он питал уважение и благосклонность — Куртни и Кармен Берджес. Ну, и хотелось бы надеяться, что и она, Кэрол, была в числе этих исключительных женщин, хотя бывали моменты, когда она в этом начинала сомневаться. А его мать была источником всей его злости и ненависти,

превратив его в ожесточенного и озлобленного человека. Это хочет услышать Рамона? Или она надеется, что брошенный сын бросится к ней с объятиями и слезами радости, забыв обо всем и простив только за то, что она все-таки вспомнила о нем? Этого Кэрол представить не могла.

— Скажите, зачем вы приехали? — тихо спросила Кэрол.

Рамона снова тяжело вздохнула.

— Я хочу попробовать наладить наши отношения... все исправить. Ведь он мой сын. И он нужен мне. И я ему нужна. Потому что мама всегда нужна. Вы со мной не согласны?

Кэрол внимательно посмотрела на нее.

— Я согласна, — она сделала ударение на том, что это только ее мнение. Но Джек был иного мнения. По крайней мере, он так демонстрировал. Но может быть так, что в глубине души он все-таки мечтал вернуть мать, ее любовь, как Кэрол всегда мечтала, не смотря ни на что. Не известно, как на самом деле он отреагирует, увидев ее, может вся спесь и обида сразу забудутся, и он не станет отталкивать мать. Простит ее, и они помирятся. Так бы поступила Кэрол на его месте. Но наладить отношения со своей мамой ей так и не удалось, Элен ненавидела и отвергала ее до последнего.

— Я надеюсь, у вас все наладится, — искренне проговорила Кэрол.

— Я тоже надеюсь, что все будет хорошо.

Они надеялись, потому что ни одна, ни другая не знали Джека до конца. Рамона не подозревала даже, как жестоко отомстил ей сын. Не знала, что три года назад, в один ясный солнечный день, он определил ее дальнейшую судьбу. Этот день ничем ей не запомнился, он просто смешался с множеством других дней, и она никогда о нем не вспоминала, не догадываясь, что он стал для нее роковым. В этот день она была записана на прием к дантисту для удаления зуба. Она была уже в кресле, когда доктора и медсестру срочно вызвали к главврачу. Она сидела спиной к дверям, разглядывая деревья за окном, и не слышала, как в кабинет кто-то вошел. Это был стройный мужчина в медицинском халате и хирургической маской на лице.

Подойдя к столику с инструментами, он остановился и пристально посмотрел на пациентку. Рамона повернулась к нему и улыбнулась.

— Вы замените доктора Смита?

— Нет, доктор сейчас придет и продолжит лечение, — ответил мужчина приятным, хорошо поставленным голосом. — Я пока приготовлю инструменты, чтобы не терять вашего драгоценного времени. Расслабьтесь, доктор Смит профессионал, он удалит зуб так, что вы даже не заметите. Главное, это анестезия. Один укол — и вы ничего не почувствуете.

Рамона снова откинулась на кресло и глубоко вздохнула, пытаясь унять нервную дрожь. Как бы не успокаивал ее этот приятный молодой человек с внимательными серыми глазами и уверенным голосом, она все равно боялась. Одно только слово — дантист, уже внушало ей ужас, и она с огромным трудом заставила себя сегодня прийти на прием.

— У вас есть дети? — мягко и слегка небрежно поинтересовался молодой человек, видимо, желая отвлечь ее от невеселых мыслей, беря со столика приготовленный шприц с анестезией.

— Да, у меня прекрасный мальчик, Шон, ему уже шестнадцать. Он мечтает стать врачом, — охотно поделилась Рамона, продолжая смотреть в окно.

— Прекрасно. Дети — это прекрасно.

Произнося эти слова, мужчина снял иглу со шприца и бросил в ведро для отходов, затем

опустил руку в карман халата и достал маленькую пластмассовую коробочку. Открыв ее, он очень осторожно взял лежащую в ней иглу и надел на шприц, после чего положил его на место. Но ничего этого Рамона не увидела.

Коснувшись ладонью плеча женщины, он заглянул ей в глаза, когда она к нему повернулась.

— Желаю удачи, — сказал он, и по тому, как прищурились его глаза холодного стального оттенка, она поняла, что он улыбнулся под маской.

— Спасибо, — поблагодарила Рамона.

— Пожалуйста, — глаза его вдруг сверкнули странным недобрым огнем, он выпрямился и вышел из кабинета. А Рамона постаралась расслабиться, не без удовольствия думая об этом молодом докторе. Если бы все врачи были так обходительны и вежливы!

«Какой приятный молодой человек. Очень приятный», — подумала она. А взгляд, которым он посмотрел на нее напоследок... это ей только показалось!

Она не знала, что только что разговаривала с собственным сыном. И это был не Шон.

Когда Джек отсутствовал дома, он ежедневно, в основном вечером, звонил, чтобы поговорить с женой и сыном. Позвонил и сегодня, никогда не изменяя своему правилу. Кэрол в это время уже приготовилась ко сну, и лежала в постели, читая книгу. Ожидая звонка, она с улыбкой сняла трубку.

— Привет, любимый.

— Привет, — устало отозвался он, и Кэрол поняла, что он не в духе или сильно вымотался за день. — Как вы?

— Ничего. Патрик остался у Куртни до завтрашнего вечера. Можешь позвонить ему туда.

— Ага, хорошо.

— А как твои дела? Как процесс?

— Нормально. Думаю, буду дома дня через два. Сделаю все, чтобы следующее заседание было последним. Обвинение выдвинуло новые улики, сейчас работаю над опровержением.

Кэрол давно перестала интересоваться, виновен ли его очередной клиент или нет. Как однажды с ухмылкой ответил ей Джек: «Мои клиенты все невиновны».

— Устал?

— Устал. Хочу домой.

Видимо он очень устал, раз признал это, да еще и готов был предпочесть дом работе. В последнее время он действительно выглядел усталым и подавленным, и это беспокоило Кэрол. И как бы она не уговаривала, он отказывался менять свой ритм жизни, и даже не хотел сделать себе отпуск.

— Как ты смотришь на то, чтобы провести пару недель на гавайских пляжах?

Кэрол ушам своим не поверила.

— Когда?

— Ну, вот закончу с этим процессом, улажу кое-какие вопросы... Может, через неделю.

— Джек, ты хорошо себя чувствуешь?

— Не знаю. Мне кажется, у меня стало меньше сил. Раньше я так не уставал, — удрученно ответил он и вздохнул. — Может, старею?

— Джек, нужно проверить кровь. Ты должен был это сделать еще два месяца назад! Мы никуда не поедим, пока ты не проверишь кровь, — Кэрол вдруг почувствовала, как сердце сжал нешуточный страх.

— Проверю. Как приеду, сразу пойду и сдам. Может, опять придется глотать таблетки.

Снова тяжелый вздох.

— Джек, этим нельзя пренебрегать и откладывать на потом. Я понимаю, что тебе некогда, что у тебя работа, и мы. Кровь — это серьезно, нельзя с этим шутить.

— Да знаю я. Сказал, сдам, — Джек начал раздражаться.

— А у меня две новости, — сменила тему Кэрол. — Причем, абсолютно невероятные.

— Да? И что же это за новости? — без энтузиазма поинтересовался он, зевая в трубку.

— Помнишь мальчика, с которым я дружила в детстве, Тимми? Брат Даяны.

— Ну?

— Оказывается, он жив! И это он пополнял счет Даяны в банке... — Кэрол захлеб начала рассказывать, что к чему изумленно молчавшему Джеку и закончила просьбой помочь Тимми с документами.

— Ладно, посмотрим, — уклончиво ответил на это Джек и недовольно добавил. — Значит, опять была у Даяны. Ни к чему хорошему ваша дружба не приведет. Вот увидишь.

— Я хотела увидеть Тимми.

— Зачем? Собралась возобновлять вашу дружбу? Выкинь это из головы, сразу предупреждаю. Если твою лицемерную подружку я все еще терплю, то какого-то там друга — не собираюсь, — в его голосе появились ревнивые нотки. — Вы уже не дети, если ты забыла. Он взрослый парень, а ты замужняя женщина, и у вас не может быть теперь ничего общего... разве что постель. Так что забудь о своем друге детства. Жив — и Бог с ним. Порадовалась, и забыла.

— Не волнуйся, он даже не захотел со мной встретиться.

— Вот и прекрасно. Он начинает мне нравиться. А вторая новость? Еще кто-нибудь ожил? — он усмехнулся.

— Можно и так сказать, — Кэрол помолчала, кусая губы от волнения.

— Что ты молчишь? — напрягся Джек. — Что там еще случилось?

— Это твоя мама... — начала Кэрол, но он ее перебил:

— Умерла?

— О, Господи, почему сразу «умерла», Джек? Она приехала. Она хочет с тобой встретиться.

— Когда она в следующий раз позвонит, пошли ее к черту.

— Джек, она не звонила, она пришла прямо домой. И попросилась остаться до твоего возвращения.

— Надеюсь, ты не впустила ее в дом? — голос его посуровел.

Кэрол сжалась.

— А что я могла сделать? Она твоя мать...

— К черту! — вдруг вскричал Джек. — Какая, к черту, мать! Как ты могла впустить ее в мой дом? Что бы ноги ее там не было, слышишь меня? Выстави ее, немедленно!

— Джек, она говорит, что у нее нет денег, как я выставлю ее на улицу?

— Ах, так она за деньгами приехала?

— Нет, Джек, ты не правильно меня понял. Ей нужен ты.

— Я? — он нервно, с затаенной горечью рассмеялся. — Боже мой, моя нежная добрая девочка, какая же ты у меня все-таки наивная!

— Знаешь, Джек, разбирайся сам со своей матерью, — обиделась Кэрол. — Приезжай, и делай с ней, что хочешь. Выставляй за дверь, посылай к черту, а я не могу... и не имею права.

— Нет, моя хорошая, ты сделаешь то, что я тебе скажу. Дашь ей деньги на гостиницу или обратный билет и выпроводишь ее из дома. Сейчас же. Если хочешь, можешь даже вызвать для нее такси, чтобы совесть тебя не замучила.

— Но уже поздно. Я попрошу ее уйти завтра утром.

— Нет, немедленно. Не спорь со мной, Кэрол. Она больна. И я не хочу, чтобы она навредила тебе или Патрику. Откуда ты знаешь, зачем на самом деле она пришла? Эта женщина — ходячий мертвец. У нее СПИД. Вдруг она хочет поделиться своей болезнью?

Один укол зараженной иглой — и все дела, нет ничего проще.

— Джек, ты серьезно? Это правда... что у нее СПИД? — обмерла Кэрол. — Откуда ты знаешь?

— Я все знаю, пора бы уже к этому привыкнуть. Она не любит меня, и я ей нужен, как собаке пятая нога. И я сомневаюсь, что она пришла в мой дом с добром. Одно из двух — или ей что-то от меня нужно, или хочет напоследок сделать мне гадость, чтобы жизнь сладкой не казалась.

— Но зачем ей делать тебе гадости, Джек?

— Ну, знаешь, как бывает — если мне плохо, пусть и другим плохо будет. Логика твоей матери, между прочим. Почему моя не может думать точно так же? В любом случае, у меня нет причин ей доверять. Убери ее из нашего дома от греха подальше. А я приеду — разберусь. Можешь на меня все спихнуть, если тебе неловко. Так и скажи — Джек не хочет, чтобы вы оставались здесь. Пусть проваливает. Скажи, я не буду с ней встречаться.

— Ты уверен? Может...

— Уверен. У меня давно уже нет матери, а эта женщина мне чужая. И для нее же будет лучше, чтобы мы не встретились.

— Джек, но ведь у нее такая... страшная болезнь. Она ужасно выглядит, худая, бледная. Может, ей совсем немного осталось. Может, это ваш последний шанс помириться.

— Никаких шансов.

— Даже... теперь? Неужели тебе ее не жалко?

— Представь себе, не жалко. А почему я должен ее жалеть? Меня никто никогда не жалел. Кроме тебя.

— Неужели ты ее не простишь... даже перед смертью?

— Ну, почему же, прощу, может быть, но после смерти. Вот сдохнет, и прощу. Но ни на похороны, ни на могилу не пойду, никогда.

— Джек, нельзя быть таким.

— Можно, любовь моя, даже нужно. Что такого в том, что я не хочу ее видеть? Это она так поставила, а не я. Она вычеркнула меня из своей жизни, я сделал то же самое. Почему теперь я должен что-то менять? Я не хочу. Я привык к тому, что у меня нет матери. И у меня нет никакого желания ее приобретать, к тому же больную и никчемную. Пусть отправляется умирать туда, где была все эти годы.

— А если ей нужна помощь? Может, у нее нет денег на лечение, и от этого зависит ее жизнь, — не сдавалась Кэрол, не соглашаясь с ним.

— Это ее проблемы.

— Джек... не надо. Ты же можешь потом об этом пожалеть, только поздно будет.

Он потерял терпение, взорвавшись.

— Отстань от меня, слышишь? Я же сказал, мне глубоко наплевать на эту суку! Я и пальцем для нее не пошевелю. А если ты сейчас же не выставишь ее... пеняй на себя!

Он бросил трубку. Посидев несколько минут в задумчивости, Кэрол накинула шелковый халат и с тяжелым вздохом вышла из комнаты.

Рамона только посмотрела на нее понимающими глазами, как будто слышала ее разговор с Джеком или просто ожидала подобной реакции с его стороны.

— Я пыталась... — с мукой в голосе выдавила Кэрол.

— Не надо, я все понимаю, — мягко перебила ее женщина. — Я сейчас уйду, не беспокойтесь.

Кэрол ждала ее в холле, чувствуя, как скребут на душе кошки. Она понимала обиду Джека, но не могла понять его непримиримости и такой жестокости. То, как он поступал — это неправильно. Так нельзя. Может быть, в другой ситуации, но не теперь, когда эта женщина пришла к нему, стоя одной ногой в могиле. Кэрол чувствовала жалость и сочувствие к этой маленькой, изможденной болезнью, обреченной женщине. У Джека не сердце, а камень. Его злопамятность и мстительность не знает границ, и порой Кэрол от этого становилось страшно. Когда она видела его таким, она начинала его бояться.

Увидев спускающуюся по лестнице Рамону с большим чемоданом, который она с трудом волокла за собой, Кэрол бросилась к ней, чтобы помочь. Несмотря на вялые протесты, она забрала чемодан и сама спустила его с лестницы. Потом, смущенно краснея и пряча глаза, протянула женщине деньги.

— Не подумайте ничего плохого, пожалуйста. Это... от меня. Думаю, они вам понадобятся. Я хотела бы вам помочь.

— Спасибо, — улыбнулась Рамона и невозмутимо взяла деньги.

— Если... если вам нужна будет помощь, позвоните мне. Джек не узнает, если не захотите.

— Спасибо еще раз. Но помощь мне вряд ли понадобится. Мне уже ничто не поможет. Но все равно, спасибо вам. За все спасибо. Я буду молить Бога за вас и вашего сына... когда буду там, — Рамона бросила взгляд вверх.

Уже у двери она обернулась и еще раз посмотрела на девушку.

— Может быть, единственное, о чем я вас попрошу — позаботьтесь о моем сыне. Шонн хороший мальчик. Я бы очень хотела, чтобы с ним была такая женщина, как вы. Джек не достоин вас. Найдите себе другого мужчину.

— Я присмотрю за вашим сыном... Шонном, — голос Кэрол похолодел. — Простите, а к кому вы пришли сюда? Как я понимаю, у вас один сын. Тогда вы ошиблись адресом — Шонн здесь не живет.

И она решительно закрыла дверь, чувствуя, как глаза наливаются слезами. Поднявшись вверх, в спальню, она позвонила Джеку и извинилась, сказав, что эта женщина ушла, и она, Кэрол, никогда больше не пригласит ее в дом. Джек был прав. У него не было матери, потому что для Рамоны его не существовало... по крайней мере в качестве сына. Только зачем она тогда приходила, для Кэрол так и осталось не ясно.

Как и предполагал, Джек вернулся домой через два дня. Кэрол и Патрик ждали его с нетерпением. Его не было больше двух недель, и они успели дико за ним соскучиться, хоть и были привыкшими к его частым отсутствиям. Радость Патрика от встречи с отцом удвоилась, когда тот показал привезенную фигурку какого-то безобразного идола, мастерски вырезанного из дерева. Кэрол промолчала, удивляясь восторгу Патрика, которым он отреагировал на подарок, на ее взгляд, совсем не привлекательный. Но Джек и Патрик ее мнения не разделяли. Кэрол отправилась на кухню распорядиться, чтобы Нора подавала ужин, оставив их вдвоем обсуждать историю и происхождения этого жуткого идола. Патрик слушал отца с открытым ртом, словно этот идол сейчас был для него самым важным на свете. Кэрол улыбнулась, радуясь тому, что Джек, наконец-то, перестал сердиться на мальчика за то, что он так плохо обошелся с его подарками, и возобновил пополнение коллекции.

Древний индейский идол был помещен на почетное место на полочку в коллекцию, и

семья отправилась ужинать. Джек, вопреки обыкновению, не стал принимать с дороги душ, даже не переоделся. Он просто скинул пиджак, оставшись в элегантных черных брюках и лиловой рубашке, которая не только превосходно смотрелась со строгим черным костюмом, но и очень ему шла. Джек был очень придирчив к выбору одежды, стремясь выглядеть безупречно. Впрочем, положение обязывало. Но и без изрядной доли самолюбия не обходилось. Даже в этом Патрик ему подражал, стараясь перенять деловой и элегантный стиль отца. В школу мальчик ходил только в костюмах, позволяя себе иногда обходиться без пиджака, как Джек, находясь в офисе или просто в не официальной обстановке. В своем пятилетнем возрасте Патрик походил на маленького делового бизнесмена или чиновника. Кэрол казалось это забавным и лишним для мальчика, но она не противилась странным желанием сына быть маленькой копией отца. Патрик даже разговаривал, как он, подражая словам, интонациям и голосу, отчего у него уже выработалась привычка говорить четко и правильно, без запинок и заиканий. Никто не удивился, когда Патрик заявил, что хочет стать юристом. Наверное, иначе и быть не могло.

Сегодня Джек выглядел как никогда уставшим и понурым. Именно поэтому он сразу сел за стол, не искупавшись и не переодевшись с дороги. Он сказал, что после ванны у него не останется сил на ужин с семьей, и он попросту завалится спать голодным. Молчаливый, с бледным лицом он сидел за столом, вяло ковыряясь в тарелке, и время от времени улыбался и кивал неумолкающему Патрику, который рассказывал о том, как прошло время в его отсутствие. Кэрол тоже почти не ела, потеряв аппетит, и встревожено наблюдая за мужем.

— Джек, ты плохо себя чувствуешь? — не выдержала она, пытаясь не показать своего волнения.

— Просто устал. И хочу спать. Все время хочу спать, — он тихо засмеялся, видимо, сам над собой.

— Со мной тоже так бывает, а по утрам — постоянно, просто глаза не открываются, — беспечно отозвался Патрик. — Ты всегда так рано встаешь, пап, тебе надо отоспаться как следует, и все.

— Джек, ты заедешь завтра к мистеру Тоундсу? — спросила Кэрол.

Мистер Гарольд Тоундс был личным врачом Джека, наблюдающим его с тех пор, как у того обнаружилась наследственная склонность к лейкемии, то есть, уже более двадцати лет. Но Патрику об этом знать было пока не обязательно.

— Первым делом, не беспокойся, — Джек бросил на Кэрол нежный взгляд, на этот раз, видимо тронутый ее беспокойством, которое иногда казалось ему навязчивым. Но без этого беспокойства и участия он вряд ли бы смог теперь обходиться. Чувствовать себя любимым, нужным, иметь рядом того, кому не безразличны твои проблемы и ты сам, когда все остальные озабочены только тем, как бы взвалить на него свои проблемы — он всегда в этом нуждался, и это его не только успокаивало, но и делало счастливым. Кроме отца, никогда не демонстрирующего свои теплые чувства к нему, и циничной прессы, никого и никогда не интересовало, что происходит в его жизни, в душе, словно у него не было ни того, ни другого, и он существовал только как юрист, живущий лишь для того, чтобы решать проблемы других.

Мало кто задумывался над тем, что он человек, с сердцем, с какими-то желаниями, мыслями, не имеющими отношения к законам и преступникам, что он грустит и веселится, устает и болеет — в глазах общества он был хорошо отрегулированной, никогда не дающей сбои и не выходящей из строя машиной по решению проблем с законом. Как профессионала,

его рвали на части, женщины по-прежнему на него охотились, как охотятся за знаменитостями или богатыми сильными мужчинами, за что он неизменно их презирал, но просто как человек он никого не интересовал. Он был рад, что смог создать свой маленький мирок, в котором были только он, Кэрол и Патрик, и никому больше не было входа туда. И этот мирок он ревностно охранял, никого к нему не подпуская, исключая даже самую возможность, что он может быть разрушен. Как дикий зверь он готов был на смерть стоять за свое логово, за свою территорию. А Кэрол, Патрик — это была только его территория.

Выбрав Кэрол, он ни разу не пожалел об этом. Она была именно той женщиной, которая была ему нужна, и с которой он мог жить. Искренняя, преданная, легко предсказуемая и покорная... в большинстве случаев. Она его любила, дорожила семьей, и соглашалась жить по его правилам. Один лишь взгляд ее красивых грустных глаз мог усмирить его и заставить раскаяться в грубости или раздражительности. Он испытывал к ней какую-то особенную нежность, еще задолго до того, как понял, что влюблен. Она с самого начала вызывала в нем желание защищать ее, покровительствовать над ней. И она хотела, чтобы у нее был покровитель. Она всегда его искала, сначала в Эмми, потом в Куртни, теперь в нем. Она не была уверена в своей жизни, она боялась ее, чувствуя себя уязвимой и незащищенной. Такое восприятие окружающего мира было заложено в ней еще в детстве, и это уже нельзя было исправить. Рядом с ним она ничего не боялась, он это чувствовал, и ему было приятно. К тому же, он уже просто привык к тому, что она стала неотъемлемой частью его жизни, что всегда была рядом. Он считал ее своей собственностью, как счета в банках, как созданная им юридическая компания, как принадлежащее ему имущество. Она принадлежала ему, ее жизнь принадлежала ему, ее любовь, и она не имела право ни на что, что не могло бы принадлежать ему, на что-то только свое, что нельзя разделить с ним. Она должна жить только для него и для Патрика. Мальчик был единственным, с кем он соглашался ее разделить. Мужчины стали сторониться ее и обходить стороной, как только она стала его женой, но только те, кто об этом знал. Незнакомые же мужчины проявляли к ней повышенный интерес, и не было такого случая, чтобы она вышла на улицу, и к ней кто-нибудь не пристал. После родов она как-то изумительно похорошела, стала еще более женственной, сбросив остатки юной незрелости. В ней ничего не осталось от девочки, теперь это была молодая женщина с загадочным проникновенным взглядом, за которым чувствовались многочисленные тайны, которые она сама никогда не откроет тому, кто о них не знал. И именно этот взгляд заинтриговал Джека, когда он впервые ее увидел. Нежный женственный облик в сочетании с привлекательной внешностью и всегда безупречным внешним видом притягивал к ней мужчин, что страшно нервировало и раздражало Джека. Он знал, что она верна ему и так, скорее всего, будет всегда, но каждый заинтересованный мужской взгляд на свою жену воспринимал, как посягательство. Он даже хотел нанять для нее телохранителя, чтобы оградить от всяких попыток со стороны незнакомцев завязать знакомство, но Кэрол на это только рассмеялась.

Когда она ездила в гости к Куртни, где встречалась с Рэем, Джек был в особенном напряжении. По возможности, он всегда пытался ее сопровождать. А скрытое желание в глазах Рэя, когда он смотрел на нее, выводило Джека из себя. Если другие только делали попытки, то этот лис охотился на нее, и уже давно. И Джек слишком хорошо помнил сцену в ее спальне, когда он вырвал перепуганную девушку из его насильственных объятий. Рэй хотел ее изнасиловать, и не было никаких гарантий, что он не попытается сделать это снова. Даже если Рэй не намеривался прибегать к насилию, он вполне мог позволить себя

распускать руки, что Джек видел не один раз раньше, а ему совсем не хотелось, чтобы этот красавчик прикасался к Кэрол. Джек знал, что она никогда не расскажет, если Рэй себе что-нибудь позволит и начнет приставать, потому что отношения между мужчинами и без того были предельно напряженными. Чтобы не произошло между ней и Рэем, она будет молчать, чтобы Джек не вздумал вершить расправу над ним. Наоборот, она всячески пыталась убедить мужа, что уже и думать забыла о том, что когда-то Рэй ее домогался. Только Джек предпочитал верить собственным глазам, а не ей. Может, Рэй и не делал попыток, но это был лишь вопрос времени, как считал Джек. Он безумно ревновал ее к этому вечно молодому плейбою, который был через чур хорош собой. Видеть, как он каждый раз раздевает девушку глазами, угадывать, что он делает с ней в мыслях — это для Джека было истинным испытанием его самообладания. Он стискивал зубы, чтобы держать себя в руках, потому что Рэй был единственный, кто провоцировал в нем порывы дать волю кулакам, на этот примитивный, как всегда считал Джек, способ выяснять отношения. Рэй демонстративно отказывался признавать его мужем Кэрол, воспринимая, как досадное недоразумение, временное, к тому же. В Джеке давно уже назревало желание расправиться с этим наглым упрямым жеребцом, и только нежелание причинять боль Куртни и горячо любящему Рэю Патрику удерживало его до сих пор. Но Джек знал, что потребуется лишь один толчок, чтобы он забыл обо всем и всех и позволил себе, наконец-то, выкинуть Рэя из своей жизни раз и навсегда. Но пока этот хитрый лис был осторожен. Но как только он посмеет прикоснуться к Кэрол, как только станет приставать, Джек его уничтожит, сразу же, даже не задумываясь. Джек не сомневался, что если это произойдет, он узнает об этом. Стоило только спросить у Кэрол, чтобы понять, что происходит между ней и Рэем. Джек сразу поймет, лжет она или говорит правду. Она никогда не была искусной и изощренной лгуньей, по мнению Джека, она вообще не умела врать. И это всегда вызывало у него добрую снисходительную улыбку. Он всегда испытывал жалость к людям, лишенным способности убеждать в своей искренности, говоря неправду. Умная ложь может быть весьма полезным помощником по жизни, Джек не видел в ней ничего предосудительного, не редко прибегая к ней в работе. Разве не обманывает он суд, убеждая в невиновности своих подзащитных, если они на самом деле виновны? Защита виновных — это ложь и обман, но его это не смущало, и он чувствовал себя не менее комфортно, чем когда защищал невиновных. Он относился к той категории людей, для которых все средства хороши и важен только результат. И он уже подумывал на досуге, как устранить изрядно поднадоевшего Рэя так, чтобы самому остаться в стороне, чтобы даже проницательная Куртни не догадалась, что это его рук дело. А пока он выпрашивал у Кэрол о поведении Рэя каждый раз, когда она ездила к Куртни без него.

— К Куртни ездила? — поинтересовался он и на этот раз.

— Да, мы ездили, даже с ночевкой! — встрял Патрик, не дав ей ответить. — Я с дядей Рэем плавал в бассейне, он учил меня плавать на спине и прыгать в воду вниз головой! А потом они с мамой играли в теннис, и мама победила, представляешь! А дядя Рэй так разозлился, что ущипнул ее за зад.

Джек выпрямился, опустив вилку, которую так и не донес до рта.

— У него эта привычка еще с тех пор, как я была девочкой, — Кэрол улыбнулась, беспечно пожав плечом. Джек промолчал, и это было дурным знаком. Это даже было хуже того, когда он начинал ругаться.

— Джек, так ты сможешь Тимми? — поспешила она сменить тему.

— А что там нужно? Установить и доказать, что он является пропавшим несколько лет

назад Тимоти Спенсером? — вспомнил Джек. — Ладно, я поручу это одному из своих ребят. Это не сложно. Только с условием, что ты не будешь возобновлять отношения с этим Спенсером.

— Спасибо, Джек. Я завтра же позвоню Даяне и скажу ей об этом, если ты не против.

— Пусть передаст своему брату, чтобы приезжал в офис. Если я буду на месте, пусть зайдет ко мне, интересно на него взглянуть. А если нет, тогда пусть спросит Зака, я поручу ему это дело, — распорядился Джек.

Кэрол благодарно улыбнулась и на некоторое время замолчала. Джек не заметил, как она нервно сжимала пальцами салфетку, слишком усталый и спешивший поскорее закончить ужин, чтобы пойти отдыхать.

— Джек, ты пользуешься все еще моим подарком... ну, ручкой, которую я тебе подарила? — собравшись с духом, спросила она, стараясь выглядеть как можно непринужденнее.

— Конечно, — он бросил на нее слегка удивленный взгляд. — А почему ты спрашиваешь?

— Да так, — Кэрол пожала плечами. — Просто сон приснился, что ты вроде бы ее потерял, вот и решила спросить. Сам знаешь, какими вещами у меня бывают сны.

Он кивнул, заметно мрачняя лицом. Руки Кэрол вдруг задрожали.

— Ты ее потерял, Джек?

— Прости меня, сам не знаю, как так получилось... — тихо проговорил он. — Я не хотел тебе говорить, чтобы не расстраивать. Все-таки подарок. Я сам очень расстроился... даже пожалел, что всегда ее с собой таскал.

Он замолчал, увидев, как вдруг сжалась Кэрол, так низко опустив голову, что он не мог разглядеть ее лица. А она с силой зажмурилась и стиснула зубы, потому что вдруг захотелось закричать, во весь голос. Ей стало плохо, словно силы разом покинули ее, и тело отяжелело настолько, что его тяжесть стала невыносимой. А может, это не тело, может, это так давит ее вновь обрушенный мир, который снова погреб ее под своими обломками? В первый раз ее мир рухнул, когда умерла Эмми. Второй — когда погиб Мэтт. Она вновь и вновь выкарабкивалась и пыталась строить свой мир заново. Зачем? Чтобы он снова развалился и раздавил ее, нанося, может быть, уже смертельные раны, от которых не оправиться?

— Ну, вот видишь, ты расстроилась, как я и думал. Думаю, я обронил ее в офисе, или засунул в какую-нибудь папку и забыл. Я поищу. Ты сердисься на меня?

Она словно не слышала его, со странным вниманием разглядывая узор на салфетке, впав в какое-то оцепенение. Протянув руку, Джек нежно сжал пальцами ее хрупкую изящную кисть и что-то хотел сказать, но в этот момент вошла Нора, помешав ему.

— Джек, тебя там какая-то женщина спрашивает. Отказалась представиться, — не успела Нора закончить, как следом за ней без приглашения вошла и гостья.

— Джек, это я.

Кэрол подняла голову, узнав голос Рамоны. Она робко остановилась за спиной у Норы, не решаясь сделать больше ни шага, и почти умоляющими глазами смотрела на Джека. Кэрол тоже перевела взгляд на него.

Он сидел, выпрямив спину и, изумленно приподняв бровь, разглядывал свою мать. Повисло напряженное молчание. Патрик с интересом наблюдал за взрослыми, не понимая, что происходит. Выскочив из-за стола, он подбежал к гостье.

— Здравствуйте! — вежливо поздоровался он. — Меня зовут Патрик. А вы кто?

— Патрик, сядь на место, — металлическим голосом приказал Джек. — Разве ты не знаешь, что маленьким детям с чужими нельзя разговаривать?

— Но ведь она тебя знает, значит, она не чужая.

— Меня знает вся страна, и почти весь мир, и это не значит, что все свои, Патрик. Сядь.

Уловив в голосе отца суровые нотки, мальчик послушно занял свое место за столом. И полным именем Джек называл его только тогда, когда сердился. Рамона, наконец-то, решилась заговорить.

— Джек, можно мне поговорить с тобой? Пожалуйста. Это очень важно.

— Важно? Неужели? А для кого? — с мягкостью в голосе, за которой отчетливо чувствовалась холодная ненависть и презрение, ответил Джек с полуулыбкой на губах.

— Пожалуйста, Джек, — повторила женщина с отчаянием.

Улыбка растаяла на его губах, которые вдруг чуть заметно скривились от отвращения.

— Я ужинаю, разве ты не видишь? Подожди меня на улице, — бросил он пренебрежительно и отвернулся.

— Хорошо, — тихо согласилась Рамона и, понуриив голову, вышла из комнаты. Нора отвернулась, чтобы скрыть свое ошеломленное лицо, и поспешила удалиться.

Кэрол встала и вышла из-за стола.

— Пойдем, Патрик.

Мальчик сполз со стула и взял ее за руку, мгновенно подчинившись.

Что-то в голосе мамы, в ее взгляде встревожило его чуткое детское сердечко, заставив почувствовать какую-то неожиданную перемену в ней.

— Мамочка, хочешь, я почитаю тебе книжку? — спросил он, с тревогой вглядываясь в ее лицо, когда они пришли в его комнату. Она кивнула.

Они сели на диван, и Патрик пристроил на колени свою любимую книгу. Но вскоре он заметил, что мама его совсем не слушает.

— Мам, тебе не интересно?

Она повернулась к нему и попыталась улыбнуться, но у нее получилась только какая-то нелепая гримаса. Тогда она вдруг наклонилась и положила голову ему на колени. Патрик ласково погладил ее по волосам.

— Тебе плохо? — спросил он.

— Нет, мой хороший. Я просто устала. Очень устала.

— Ты обиделась на папу, я знаю, потому что он потерял твой подарок. Не обижайся, он же нечаянно. Он найдет ручку, обязательно найдет, вот увидишь.

Кэрол приподнялась и улыбнулась, поглаживая его по нежной щечке.

— Мам... у тебя глаза больные. Ты заболела?

— Может быть, самую малость, чуть-чуть. Не беспокойся, я отдохну, и все пройдет.

— Прими таблетки, обязательно.

— Хорошо, — наклонившись, она поцеловала его.

Патрик обнял ее и прижался к ее груди.

— Я люблю тебя, мам. Ты у меня самая лучшая.

— Я тоже тебя люблю, котенок. Очень люблю.

— И папу тоже?

Улыбка ее стала горькой, но она все же заставила себя это сказать.

— И папу тоже. Я пойду, прилягу, хорошо?

— Иди, мам, лежи. А-то ты совсем какая-то больная. И не забудь выпить таблетки.

С тревогой мальчик проводил ее взглядом и, тяжело вздохнув, уткнулся в книгу. Такой, как сейчас, он видел маму впервые, и ему это очень не понравилось. Потому что в ее глазах он увидел слезы и горе. Такой взгляд он видел однажды у собаки, попавшей под колеса отцовской машины... И он не мог понять, почему мама смотрит так же.

Посидев несколько минут за опустевшим столом, Джек вздохнул и поднялся. Подойдя к бару, он налил себе виски и одним большим глотком опустошил стакан. Руки его дрожали. Вот и настал тот момент, которого он ждал столько лет. Его мать здесь, она пришла к нему. Не потому, что раскаялась, не потому, что он был нужен ей, нет. Он это знал и не заблуждался на этот счет. Она бы никогда не пришла, если бы он сам ее не заставил. Только сама она, скорее всего, даже не догадывалась об этом. Не знала, что это он разрушил ее новую семью, стерев с лица земли того, ради которого она бросила свою первую семью... Что это он не позволил ей быть счастливой и жить так, как ей хотелось, что он стоял за всеми несчастьями и неудачами, начавшими ее преследовать с гибели ее горячо любимого мужа, когда она вбивалась из сил, чтобы не позволить своему маленькому Шонну умереть от голода. Она не обратилась за помощью к первому мужу и оставленному старшему сыну, который делал головокружительную карьеру, становясь знаменитым и богатым. Джек не знал, почему она этого не сделала. Он толкал ее в пропасть, вынуждая приползти к ним на коленях и молить о помощи, хотя бы ради своего обожаемого младшего сына, но она с отчаянием цеплялась за жизнь, выбиваясь из сил, разбиваясь в кровь, но так и не пришла. Она боролась одна, и боролась яростно, не сознавая, что борется не с полосой невезения и ставшей вдруг тяжелой жизнью, а с собственным сыном, что эта борьба бесполезна, потому что он был безжалостен. И чем упрямее она сопротивлялась, тем сильнее ему хотелось ее раздавить, раз и навсегда. Но он не спешил. Ему интересно было наблюдать за ней. Она оказалась сильной женщиной. Она не пыталась больше найти себе другого мужчину, оплакивая погибшего мужа, и не щадила себя, чтобы прокормить и поставить на ноги их ребенка. Она работала до изнеможения на самых грязных и унижительных работах, но ее мальчик учился в престижной школе и всегда был хорошо одет. А Джек не мог понять, почему так? Как можно любить одного ребенка, отдавать ему всю себя, все силы, жить только ради него, и так безразлично относиться к другому? Почему она так безумно любит Шонна, и почему ей не нужен он, Джек? Чем же он хуже, что в нем не так, что она так безжалостно выкинула его из своей жизни, из своего сердца и мыслей? Он любил ее мальчиком, никогда не обижал, не грубил. Он не мог понять, чем это заслужил. Почему, за что она причинила ему столько боли, ему, обыкновенному ребенку? Он задавался этими вопросами маленьким мальчиком, украдкой плача по ночам в подушку и стыдясь своих слез, он гадал над этим и теперь, став взрослым мужчиной, который больше не умел плакать. И он хотел знать ответы. Его любовь к той, что когда-то была ему матерью, давно умерла и возродиться вновь не могла. Свое чувство мести он удовлетворил. Он уступит ее просьбе и выйдет к ней на улицу, где она терпеливо его ожидала, но только затем, чтобы посмотреть ей в глаза и узнать ответы на мучающие его столько лет вопросы. Почему? Почему она ни разу даже не позвонила ему с того самого дня, когда оставила его? Откуда такое безграничное равнодушие? Сколько раз он попадал в больницу после покушений, и наверняка она знала об этом, потому что эта новость облетала все средства информации, газеты, радио, телевидение, и она никогда не предприняла попытки узнать, что с ним, нужна ли ему помощь. Неужели ее материнское сердце ни разу не откликнулось на его страдания и

боль, неужели она спокойно отворачивалась, слыша по телевизору о произошедшем с ним несчастье, тут же забывала об этом и думала только о том, как бы оплатить учебу Шонну в следующем месяце, где найти денег ему на новую одежду и карманные расходы, а то, что ее старшему сыну было в этот момент плохо и жизнь его, возможно, висела на волоске, не имело для нее абсолютно никакого значения?

Джек считал, что боль от этого давно покинула его. Но сейчас он вдруг понял, что она все еще таилась в его сердце, забитая гордыней и ненавистью на самое дно. Когда он увидел ее, его детская обида и горечь вдруг переполнили его, стали душить и терзать, как в детстве. И это его разозлило еще сильнее. Он неожиданно понял, что, не смотря на то, что он наказал эту женщину, отомстил за себя, это все равно ничего не изменит, он всегда будет чувствовать себя отверженным, не нужным, и рана в его сердце никогда не заживет... он просто привык к ней, и потому уже не ощущает, но она по-прежнему остается там. И сейчас он это почувствовал.

Захватив пачку сигарет, он не спеша вышел из дома.

Рамона, которая до этого стояла, устало прислонившись спиной к стене, сразу выпрямилась, не отрывая от него глаз. Бросив на нее безразличный взгляд, Джек прикурил и спокойно выпустил дым из легких в прохладный вечерний воздух, прислушиваясь к шуму прибора. Он всегда мечтал жить возле океана, на самом берегу. И Куртни, выбирая им дом, приняла во внимание его давнюю мечту, хоть он и не просил ее об этом, даже не зная, что она собирается подарить им на свадьбу дом. Это тронуло его за сердце, и он простил Куртни то, что она противилась тому, чтобы он был с Кэрол. Сейчас отношения между ним и Куртни были как никогда хорошие. Она успокоилась, видя, как он старается быть Кэрол хорошим мужем, что стал хорошим отцом, приняла все-таки в серьез его любовь. И, в отличие от Рэя, воспринимала, как члена семьи.

Джек чувствовал, как мать его разглядывает. Он молчал, спокойно курил и не смотрел на нее, позволяя себя изучать.

— Какой ты стал, — с нежностью, удивившей его, сказала она.

— Какой? — равнодушно отозвался он, продолжая смотреть куда-то перед собой.

— Взрослый... красивый. Мужчина. А вроде бы только вчера был совсем маленьким. Уже семья своя, ребенок. Хороший мальчик, очень на тебя похож. И жена у тебя хорошая, очень она мне понравилась. Любишь ее?

Джек пренебрежительно промолчал, лишь слегка усмехнулся. Уж не думает ли эта женщина, что он будет рассказывать ей о своих чувствах, о своей личной жизни, откровенничать об отношениях с любимой женщиной?

Забавно. Столько лет не проявлять к нему интереса, не видеть, а теперь спрашивать, любит ли он свою жену. Как будто ей это интересно. Джеку вдруг стало противно. Вся эта ситуация вызвало в нем какое-то отвращение.

— Как ты живешь? — продолжала она, ничего не замечая.

— Почитай в газетах.

Рамона улыбнулась.

— Да, ты стал таким знаменитым. Многого добился. Я вижу, что удача сопутствует тебе. У тебя есть все, и я рада за тебя. Слава, деньги, успех, любовь прекрасной женщины... — она на мгновение замолчала. — Береги ее, Джек, не обижай. Это счастье, когда рядом такая женщина.

Отшвырнув сигарету, он резко повернулся и пронзил ее полыхнувшим ненавистью

взглядом.

— Ты пришла давать мне советы и учить, что делать? Очнись, дорогая, и посмотри, кто стоит перед тобой. Тебе ли меня учить? — губы его скривило презрение и отвращение. — Что это, запоздалый на два десятка лет голос матери из кучи говна и мусора, рассказывающий мне, как надобно жить? Тебе есть, что привести мне в пример, что есть у тебя, к чему бы мне захотелось стремиться, а? Расскажи, может, тогда я прислушаюсь к твоим советам.

Он сложил руки на груди и с насмешливой ухмылкой выжидающе смотрел на нее. Рамона опустила взгляд.

— Я просто хотела... я же от души... Я понимаю, что ты... Это голос не из говна и мусора, а из сердца. Моего сердца.

— У тебя есть сердце? — искренне изумился он.

Она медленно подняла на него глаза.

— Да, — серьезно ответила она. — Я понимаю, Джек, что у тебя есть право меня упрекнуть, но ведь теперь ты взрослый человек, к тому же очень умный, видел и знаешь жизнь, и ты должен меня понять. Я встретила другого мужчину, когда уже жила с твоим отцом, и я полюбила его, по-настоящему, и я не могла отказаться от этой любви, потому что это сделало бы меня несчастной на всю жизнь. Мы все имеем право на счастье, на любовь. Я оставила тебя не потому, что ты мне был не нужен, просто... Дэвид не хотел чужого ребенка, он хотел своих детей. Я надеялась, что ты поймешь меня, когда вырастешь... когда сам познаешь, что такое любовь. Я оставила тебя, потому что знала, что Джордж позаботится о тебе, что тебе будет хорошо с ним, лучше, чем со мной и Дэвидом. Я не напоминала тебе о себе, чтобы ты забыл меня, чтобы не причинять тебе боль, отказываясь забрать тебя к себе. Пойми, у меня была другая семья, и тебе не было в ней места. Ты бы не смог жить с нами, не с твоим характером. Да ведь ты бы и не пошел, я знаю. Тогда почему же ты сердишься на меня? За что? За то, что хотела чуточку счастья? Что не пожертвовала собой ради того, чтобы тебе было хорошо? Ну, прошло бы несколько лет, ты бы стал самостоятельным, начал строить собственную жизнь, завел бы свою семью, а я бы осталась у разбитого корыта, с нелюбимым мужчиной, со сломанной жизнью и упущенным счастьем...

— Ну, а что же у тебя есть сейчас? — холодно спросил Джек. — Счастье, любовь, жизнь, которой хотела? Получила ли ты, что хотела?

— Мое счастье было не долгим, Джек, — подавлено призналась Рамона. — Дэвид погиб, и я осталась одна. И с тех пор моя жизнь — это только борьба за выживание. Мне было плохо и очень тяжело, но я понимала, что сама выбрала себе дорогу, которая, к сожалению, оборвалась...

— А ты не думала о том, что совершила ошибку, не жалела о своем выборе?

— Нет. Если бы время повернулось вспять, я поступила бы также.

— Вот как. А мысль вернуться к нам тебе приходила в голову?

— Приходила. Только совесть мне этого не позволила. И я знала, что ни отец, ни ты не примете меня назад. Вы оба не умеете прощать.

— Если знаешь, зачем пришла?

— Я пришла, потому что мне больше не к кому пойти... потому что ты мой сын, моя плоть, моя кровь. С Джорджем мы давно уже чужие люди, а с тобой нас связывают неразрывные узы. Не смотря ни на что, мы друг другу самые близкие и родные.

— Правда? — Джек поморщился, развеселившись от ее слов. — Что-то не чувствую.

— Ну, не надо, сынок, не насмехайся. Перестань меня...

— Не называй меня так, я тебе не сынок! — вдруг зарычал он, мгновенно изменившись в лице. — И не смей говорить, что я твой сын! Благодаря тому, что ты не совалась в мою жизнь, никто не знает, кто моя мать, что собой представляет и как живет. И я не хочу, что бы узнали. Не дай Бог, пресса пронюхает, позора не оберешься.

— Ты стыдишься меня? Но почему? Я честная женщина, я зарабатываю себе на жизнь честным трудом.

— Кем? — презрительно фыркнул Джек. — Поломойкой? Официанткой? Нет уж, спасибо. Слишком разный уровень, слишком велика разница. Ты на дне, я наверху. Вот и сиди там, в своем дерьме, и не высовывайся, меня не пачкай.

Рамона покачнулась, но Джек не пошевелился, чтобы поддержать ее.

— Ах, — чуть слышно простонала она.

— Что ты ахаешь, сука? Ахать надо было, когда с мужиком своим трахалась. Потаскуха, какого хрена приперлась в мой дом?

— Не смей! — вдруг повысила голос она. — Не смей так со мной разговаривать! Я не потаскуха!

— А кто же? Как еще назвать женщину, бросившую своего ребенка ради мужика? Только потому, что он не захотел этого ребенка! Конечно, любовник важнее, что там до ребенка, в само-то деле! Можно и других нарожать, так ведь?

— Хорошо, Джек, хорошо, я потаскуха, я согласна со всем, что ты говоришь и еще скажешь, — она вдруг упала на колени и прижалась к его бедрам, обхватив их руками. — Джек, ты можешь ненавидеть меня, но ведь твой брат ни в чем не виноват. Он не делал ничего тебе плохого, так ведь? Шонн хороший мальчик, и он мечтает познакомиться с тобой. Он восхищается тобой, гордится тем, что ты его брат. Не отталкивай его, пожалуйста!

— У меня нет братьев! — фыркнул Джек, пытаясь оторвать ее от себя. — И сестер тоже. Я один. Я всегда был один.

— Нет, у тебя есть брат, есть! Ему сейчас девятнадцать, он совсем молоденький, не опытный, и такой еще беспомощный... А ты сильный, ты умный, ты высоко поднялся, тебе все по силам...

Джеку удалось оторвать от себя ее худые цепкие руки, и он неприятно засмеялся.

— Ах, вот в чем дело! Подыхать собралась и решила спихнуть мне своего ублюдка? Не выйдет.

— Я просто прошу немного позаботиться о нем, помочь. Что тебе стоит, Джек? Он твой брат. Вы должны дружить, общаться, поддерживать друг друга, ведь вы родные друг другу люди. Ведь у тебя и правда никого нет из родственников, кроме отца, но ведь он не вечен. А твоя семья, твоя женщина — сегодня есть, а завтра нет, а вот брат...

— Прикуси язык, гадина! Моя семья будет всегда! И моя женщина всегда будет со мной. А больше мне никто не нужен, а тем более какой-то мальчишка, будь он хоть самым Господом Богом!

— Джек, я умираю. Сжался, дай мне умереть спокойно, с мыслью, что с моим мальчиком все будет в порядке, что у него будет такой покровитель, как ты... Я не прошу многого. Просто не отказывайся от него. Направь его, помоги в этой тяжелой жизни, где ты смог пробиться... Он совсем один, у него никого нет. И у него нет влиятельного отца, который бы помог ему...

— Мне никто не помогал, никто не направлял. Я всего добился сам, и мой отец не

имеет к этому ни малейшего отношения. Вот и твой любимчик пусть сам о себе заботится. Нечего с материнской шеи на мою перескакивать.

— Но, Джек! Ну не будь ты таким упрямым и злым! Мсти мне, если хочешь, но мальчик-то при чем?

— А ты свое уже получила. И хахаль твой — тоже. Думали, что после того, как унизили меня и отца, будете жить долго и счастливо? Есть мудрая поговорка — на чужом несчастье счастья не построишь. А на несчастье ребенка — и подавно.

Джек поднял женщину с колен и, больно сжав худые костлявые плечи, наклонился к ее лицу.

— Хочешь, я расскажу тебе перед смертью, как умер твой возлюбленный... на самом деле?

— Откуда ты можешь знать? — прошептала она, оцепенев под прицелом пронзительных стальных глаз.

— Откуда? А ты догадайся, — он тихо и зло засмеялся.

Рамона задрожала в его руках.

— Это ты? Ты убил моего Дэвида?

— Я? Я этого не говорил, — Джек покачал головой, оскалившись. — И тебя я не убивал. Ты сама умрешь. Я просто натравил на тебя смерть, и она подбирается к тебе, медленно, но неизбежно. Видишь, мне все подвластно, даже она.

— Нет, нет, этого не может быть, — качала головой Рамона. — Ты просто хочешь, чтобы я так подумала. Ты не мог убить Дэвида. Его случайно ударило током, это был несчастный случай. А моя болезнь... я даже не знаю, откуда она взялась, моя болезнь. Но ты уж точно не можешь иметь к этому никакого отношения.

— Конечно, я ни при чем. Это доктор Смит уколол тебя зараженной иглой. Ай-ай-ай, как он мог, за что? Ты могла бы подать на него в суд, но, боюсь, теперь уже поздно — ничего не докажешь. Можешь просто навестить его и поблагодарить. Думаю, ему будет приятно.

Силы вдруг оставили женщину, и она скользнула на пол, но Джек не позволил ей упасть.

— Так, припадок и истерик мне тут устраивать не надо. Убирайся подальше от моего дома и падай там, сколько тебе влезет! И молись, чтобы мне не пришлось в голову раздавить и твоего ублюдка. Семья у нее, видите ли! Сын! Ты забыла, что есть еще один сын, и зря. Вот я, посмотри. Тот, кто разрушил твою жизнь. Не сын, а враг. И тебе следовало об этом знать. Умирай спокойно, твоего сына я не трону. Он действительно не виноват в том, что ты его родила... как и я.

— Ты... ты дьявол! — в ужасе простонала Рамона.

— Боже, какие мы суеверные! Всего лишь чертенок, милый и безобидный, а вот с дьяволом ты встретишься совсем скоро. Он расскажет тебе о том, как нехорошо обижать его маленьких чертят, — Джек резко расхохотался, развеселившись собственной шутке.

От его смеха Рамону бросило в дрожь. Она развернулась и бросилась прочь под издевательский хохот и улюлюканье Джека.

— Эй, мамочка, мамочка, ну куда же ты? Опять меня бросаешь? — подражая детскому голосу, кричал он ей вслед веселым голосом. — Тебя ждет новая семья — на кладбище? Что ж, на этот раз я не сержусь. Иди к ним, мамочка, раз ждут, и будь счастлива! Ха-ха-ха!

Следующие два дня Кэрол находилась как в тумане. Она не замечала, что происходит вокруг, не слышала, что ей говорили, ошеломленная, оглушенная, ощущая лишь постоянную тупую ноющую боль в груди, занозой вонзившейся в сердце. Она просидела в спальне, сказав всем, что плохо себя чувствует, как забившийся в норку загнанный напуганный зверек, пытающийся спрятаться от опасности. Она не понимала, что происходит. И не хотела понять. Наоборот, хотелось зажмуриться, закрыть уши, и ничего не видеть, ничего не слышать, ничего не знать. Знать было слишком страшно. Она боялась, ужасно боялась. Боялась боли, которая уже начинала вонзаться в ее сердце свои ядовитые иголки, боялась разочарования. Она даже не решалась все обдумать, гоня от себя прочь мысли, казавшиеся ей безумными. И лишь на третий день она набралась мужества и открыла глаза на то, чего не хотела видеть. Поразмыслив, она попыталась немного себя успокоить и унять бурное воображение. Джек потерял ручку. Такую же ручку она нашла в спальне Даяны. Но это не значит, что это ручка Джека. Это могло быть просто совпадением. Или козней Даяны, пытавшейся омрачить ее отношения с мужем. Может, Даяна все еще надеется заполучить Джека, хочет разлучить их? Кэрол уже не доверяла ей. Даяна изменилась после их ссоры, она стала казаться Кэрол неискренней, а иногда Кэрол даже замечала в ее взгляде ненависть. Джек ее предупреждал, что их дружба не приведет ни к чему хорошему. Может, стоит, наконец, к нему прислушаться? Зачем нужна подруга, которая мечтает о твоём муже? Это уже не подруга, это враг. И вот уже начинаются какие-то недоразумения, Кэрол мучается безумными мыслями и нелепыми подозрениями, какими они выглядят ей в собственных глазах, подозревает Джека во всех смертных грехах, позволяя ревности отравлять любовь и иссушать ее душу, на радость коварной подружке. Она не верит больше Даяне. А Джеку?

Она задавала себе этот вопрос, украдкой изучая внимательным взглядом его лицо, когда он лежал рядом в постели, без особого интереса слушая новости, передаваемые по телевизору. С тех пор, как она увидела его в первый раз, он почти не изменился, только выглядеть стал чуть старше. В отличие от Рэя, время вносило свои вроде бы не заметные, но неизбежные перемены в его внешность, он выглядел на свои года, не более, не менее. Она любовалась молодым мужчиной, полным сил и здоровья... по крайней, мере так казалось. У него был не менее энергичный и полный жизни взгляд, чем раньше, и ничего вроде бы не изменилось. Только за последние месяцы в чертах его лица появилась усталость, на первый взгляд не заметная. Никто этого не замечал, кроме Кэрол. И ее это очень беспокоило. Она всегда помнила о его наследственной болезни, и любое его недомогание пугало ее, вызывая страшные мысли — а не болезнь ли это прокрадывается незаметно в его организм?

И сейчас, когда он вот так лежал, утомившись за день, расслабившись и не замечая, что она на него смотрит, эта усталость была более выражена в его неподвижном лице, чем днем, когда он чем-то занимался, когда врожденная энергичность светилась в его взгляде, не позволяя разглядеть затаившуюся внутри усталость. Кэрол вдруг так остро почувствовала, насколько он ей дорог, как нужен, что от переполнивших ее чувств на глаза выступили слезы.

Она понимала, что эта постоянная усталость не нормальна для молодого энергичного

мужчины. Она знала, что это дает о себе знать склонность к болезни. И он тоже это знал. Но он не любил об этом говорить. Кэрол знала, что он боится этой болезни, но он скрывал свой страх. Вот где угроза. Настоящая угроза. С этим надо бороться, а не с Даяной. И Кэрол стало стыдно. Страшная болезнь тянет свои цепкие когти к ее любимому, а она забивает себе голову всякой ерундой, какими-то ручками, глупой ревностью, подозрениями. Верит ли она Джеку? Может быть, в чем-то нет. Но в его любовь она верила. Верила в то, что в этом отношении он надежен, он не предаст. Она может не доверять ему в чем-то другом, сомневаться и даже побаиваться, но только не в этом. Он даже никогда повода ей не давал усомниться в его верности, она не замечала в нем желаний разнообразить свою сексуальную жизнь с другими женщинами, чтобы он проявлял к кому-нибудь подобный интерес. С женщинами он был таким же холодным и пренебрежительным, как и всегда. И Кэрол это нравилось. Все эти пять лет она ощущала себя единственной, прочно сидевшей на своем пьедестале, куда он ее возвел, высоко над всеми остальными, которые оставались далеко внизу, даже не дотягиваясь до нее, а не то чтобы занять ее место. Казалось, она была единственной женщиной, имевшей для него значение, если, конечно, не брать во внимание Куртни. Джек любил ее. Он принадлежал ей, он — ее мужчина. И пока он любит ее, пока она ему нужна, он не допустит, чтобы что-то разрушило их любовь. В этом Кэрол была уверена.

Заметив, что она на него смотрит, Джек повернулся и ласково ей улыбнулся. Только ей он так улыбался. И еще Патрику. А больше такие улыбки он не дарил никому. Кэрол этого никогда не замечала.

— Джек... ты любишь меня? — невольно вырвалось у нее.

— А что? — лукаво спросил он, поддразнивая. Увидев, что она почему-то не расположена шутить, он потянулся к ней, обнял и прижал к груди.

— Тебя что-то тревожит, любовь моя? Ты сама не своя уже два дня. Что происходит?

— Мне что-то нездоровится.

— А ты, случайно, не беременна? — улыбнулся он.

— Да вроде бы нет, — не уверенно отозвалась Кэрол и вздохнула. — Что-то не спокойно мне, Джек. Ноет в груди, ноет, а почему — не пойму. Вот смотрела сейчас на тебя, и вдруг так сердце защемило от любви... почувствовала, как ты мне дорог, как нужен. Так нужен, что аж страшно стало.

— Почему же страшно? — он погладил ее по плечу, положив голову на белокурую макушку.

— Потому что я потеряла Мэтта... Прости, что напоминаю об этом, я знаю, что тебе неприятно, но я хочу сказать, что это так больно, так нестерпимо... Я не хочу тебя потерять. Поэтому я боюсь. Ты не подумай, что я говорю о смерти, нет... На свете есть много других вещей, которые могут разлучить людей.

— Нет ничего, что может нас разлучить, кроме смерти. Я умирать не собираюсь в ближайшую тысячу лет, и тебе не разрешу, — он засмеялся. — Так что тебе не о чем беспокоиться. Я тебя люблю. И я никогда тебя не оставлю. И ты меня не оставишь, я не позволю. Так что ты обречена быть со мной, и только со мной, успокойся, если ты именно этого и хочешь.

— Да, только этого. Джек... а тебе ни разу не хотелось завязать отношения с другой женщиной... ну, или просто переспать?

Он взял ее за подбородок и поднял к себе хорошенькое личико. В глазах его заискрилось

веселое удивление.

— Это еще что за мысли там у тебя в головке копошатся? Я что, сделал что-то не так, если у тебя возникают такие вопросы? Или, может быть, тебе их кто-то вбивает в голову, а? Ну-ка, признавайся.

— Но ведь многие мужчины так делают. Например, Рэй...

— Рэй? Любовь моя, я не Рэй! — обиделся он. — Говорю, я тебя люблю, и ты единственная женщина, которая мне нужна. Ты устраиваешь меня по всем параметрам. И в постели тоже. Так что хватит заниматься всякой ерундой и тратить время на бессмысленную ревность... — он наклонился, чтобы поцеловать ее, но вдруг нахмурился. — Кстати, о ревности. По-моему, у меня поводов ревновать больше, чем у тебя. У меня нет непримиримых поклонниц, мечтающих затащить меня в постель, а у тебя такой поклонник есть. И он меня начинает раздражать. Но это не все. Как насчет того, что за тобой постоянно волокутся мужчины, стоит тебе выйти из дома одной? Тебе все это нравится, а, честно? Неужели ни разу не хотелось завязать отношения с каким-нибудь симпатичным парнем... или просто переспать?

Кэрол засмеялась.

— Представь себе, ни разу не хотелось!

— А почему? Неужели не попадались такие, которые в состоянии соблазнить женщину?

— Ну, почему же... попадались привлекательные мужчины. Но все равно не хотелось.

— Почему? — настойчиво повторил он.

— Потому что у меня есть ты. И ты лучше всех. Я тебя люблю, и влечет меня только к тебе. Даже до того, как мы поженились... мне не хотелось, чтобы ко мне прикасался кто-нибудь другой. Я мечтала о тебе. Наверное, ты меня приворожил, признавайся?

— Конечно, приворожил, но только потому, что ты до этого приворожила меня. И я еще никогда так долго не желал женщину, так долго не ждал... как мне пришлось ждать, когда ты станешь моей.

Словно вспомнив о томлении, так мучавшем его в то время, о своей ревности, когда она принадлежала другому, о том, что вынужден был сдерживать свой порыв, свои желания, не смея к ней прикасаться, он стал с жаром ее целовать, лаская стройное нежное тело, как будто все еще хотел компенсировать свое воздержание в ту пору...

Его страсть успокоила растревоженное сердце Кэрол. Он все еще ее желал. Зачем ему другие? Что еще ей нужно, чтобы ему верить? Он любил ее, хотел, дорожил ею. Какие еще ей нужны доказательства и заверения? Что еще можно требовать от мужчины?

Она обнимала его, отвечая на его ласки, целовала в нежные теплые губы. Он научил ее целоваться так, что их поцелуи стали еще более сладкими, он научил ее любви, научил, как доставлять ему удовольствие. Она знала о нем все, что ему нравится больше всего и что не очень нравится, он постарался, натаскивая ее для себя. А Кэрол получала ни с чем несравнимое удовольствие, видя наслаждение на его лице, стараясь, чтобы ему было с ней хорошо, чтобы хотелось еще. А ему всегда хотелось. Кэрол даже казалось, что если бы не работа, не дела и не напряженный ритм его жизни, он бы готов был проводить все время в постели, предаваясь удовольствиям. Его страстность, чувственность, то, с каким упоением и самозабвением он всегда отдавался своим ощущениям — это имело над Кэрол какую-то особенную власть, ей это очень нравилось и всегда провоцировало в ней ответную чувственность и пылкость. Эта страстность была заразительна. Нет, у Кэрол даже мысли не возникало о близости с кем-то другим. Она обожала Джека. Ей было хорошо с ним, и она

была уверена, что никто другой не способен дать ей то, что давал он в постели. Изучив ее лучше, чем она сама себя знала, он неизменно этим пользовался, заставляя всегда желать его ласк, и ни в чем не знал от нее отказа. И Кэрол даже представить себе не могла его в постели с другой женщиной. Не могла и не хотела, потому что одна лишь мысль, что он когда-то бывал с другими, причиняла ей нестерпимую боль и душила дикой ревностью. «Он мой, мой, мой!» — всегда твердила она, когда ревность касалась ее сердца, и то, чтобы он принадлежал другой, для нее казалось просто невозможным.

Она забыла обо всех своих нелепых мыслях о Даяне, отдаваясь ему, своему мужчине. И никогда еще она не делала этого с такой жадностью, с какой-то яростью и отчаянием, словно он ускользал из ее рук, словно это происходило в последний раз.

Извернувшись под ним, она столкнула его с себя, опрокинула на спину и вскочила сверху. Упершись ладонями ему в плечи, она прижала его к простыням с какой-то странной злостью и стала безумствовать над ним, не замечая его удивленного взгляда. Казалось, она пыталась его подавить, подчинить, утвердить над ним свою власть, чтобы он это понял. Понял, что он принадлежит только ей, и никогда не будет иначе. Понял или нет, но ему это понравилось, понравилась эта ее непонятная злость.

Откинувшись на подушки, он вцепился руками в изголовье кровати, и тихо стонал, тяжело дыша приоткрытым ртом. Смотря на него, Кэрол вдруг поняла, какую власть над ним имеют чувственные удовольствия, как он слаб и безволен перед ними, что, когда они одолевают его, его плоть полностью подчиняет себе его волю, превращая в своего раба. Казалось, в такие моменты для него ничего не существует, кроме собственных ощущений, которые поглощали его настолько, что он становился сам на себя не похож, из сильного мужчины превращаясь в раба своего тела, которое начинало им управлять, а не он — им. И вместе с тем он подчинялся тому, кто дарил ему это удовольствие. И как никогда раньше Кэрол захотелось почувствовать свою власть, утвердиться в ней. А ее злость все росла, превращаясь в странную жестокость, которая вдруг поднялась в ней после трех дней боли, ревности и сомнений.

Ему хочется удовольствий? Что ж, хорошо, он их получит.

Отстранившись от него, прервав безумный ритм сладострастных движений, чем вызвала у него протестующий возглас, она стала ласкать его тело. Он расслабился, перестав возражать и прикрыв от удовольствия глаза.

Но вскоре наслаждение на его лице сменилось выражением муки. Она доводила его до грани, но не позволяла дойти до конца. Раз, второй... Когда она попыталась отстраниться в самый последний момент в третий раз, он схватил ее за волосы, и прохрипел:

— Хватит! Что ты делаешь?

Но она резко вырвалась с такой яростью, что у него в ладони остался клочок волос.

— Эй, куда? — он поймал ее за руку, когда она отодвинулась от него.

— Ты же сам сказал «хватит»!

— Я сказал, хватит меня мучить! Ты что, собралась бросить меня в таком состоянии? — он дрожал, притягивая ее к себе. Кэрол попыталась воспротивиться, но он, потеряв терпение, опрокинул ее на спину и несколькими мощными толчками избавился от ставшего невыносимым напряжения. Потом в бессилии откинулся на простыни, тяжело дыша.

— Боже, что за бес в тебя вселился, а, ангелочек ты мой? — вдруг рассмеялся он и, приподнявшись, схватил ее за ногу и поцеловал в коленку. — Но, должен признаться, мне понравилось... Никогда еще не испытывал таких приятных мук... Теперь моя очередь

издеваться. Моя месть будет беспощадной.

Когда он ее отпустил, Кэрол сползла с постели на пол и встала на ослабевшие трясущиеся ноги. Лицо ее горело от стыда, когда она думала о том, что Патрик или Нора могли услышать ее стоны и крики, которые она не могла сдержать во время сладких пыток, которым ее подверг безжалостный Джек. Боже, стыд-то какой... Пять лет спать в одной постели, и так и не научится держать себя в руках. Патрик еще слишком мал, чтобы понять, но что подумает Нора?

Кэрол взглянула на мужа. Его это никогда не волновало и не смущало. Он бы не стал более сдержанным, даже если бы знал, что под дверью их спальни столпился весь город! Бесстыжий. Как только Патрик подрос и стал сам прибегать к ним в спальню, Кэрол стала настаивать на том, чтобы на дверь поставить замок. Джек считал это лишним, и даже когда мальчик застал их в постели в неподходящий момент, нисколько не смутился, сделав вид, что не произошло ничего страшного.

— Я не собираюсь рассказывать своему сыну, что мы нашли его в капусте и делать тем самым из него идиота! В его возрасте я уже имел полное представление о том, что происходит между мужчиной и женщиной, и как появляются дети. И, как видишь, это не помешало мне вырасти нормальным мужчиной, — сказал он тогда Кэрол.

— Это не значит, что он должен видеть, как мы занимаемся любовью! И он еще слишком мал, чтобы думать о таких вещах! — спорила Кэрол, и этот спор она выиграла. Замок на дверь в спальню был поставлен.

Но Кэрол все равно стала ощущать в присутствии сына смущение после этого досадного случая. Ей казалось, что он стал как-то иначе смотреть на них с Джеком, глаза его блестели совсем не детским интересом. А однажды он задал Джеку такой вопрос, что она едва не свалилась со стула, на котором сидела.

— Пап, а когда мне можно будет трахаться? Долго мне еще ждать?

Джек поперхнулся, так как дело было за ужином, и Кэрол, покрасневшей до ушей, пришлось пошлепать его между лопатками, чтобы он прокашлялся. Джек строго посмотрел на сына.

— Нельзя так говорить, Рик. Это плохое слово. Где ты его услышал?

— Да все так говорят.

— Ты так говорить не должен. Это некрасиво. Разве ты слышал когда-нибудь, чтобы я говорил плохие слова? — Джек хитро решил воспользоваться страстью мальчика к подражанию ему, к чему прибегал уже не впервые, обнаружив, что этот способ воздействия на малыша безотказен.

— А как нужно говорить?

Джек тяжело вздохнул, заметив укоряющий взгляд жены, который словно говорил — вот видишь, к чему привела твоя беспечность, теперь сам выкручивайся!

— Это называется секс или любовь.

— А в чем разница?

— Разница? — Джек озадачено почесал подбородок. — Ну, понимаешь, есть просто секс, а есть любовь. Любовь — это когда ты с женщиной, которая тебе очень нравится. А просто секс... это когда без любви...

Джек замолчал, не уверенный в том, что говорит то, что нужно, возможно впервые в жизни. По взгляду Кэрол он понял, что она не одобряет его объяснений.

— А что, это можно делать и без любви? И потом совсем не обязательно жениться? — с

восторгом спросил Патрик. — А девчонки в школе говорят, что если я их только поцелую, я уже должен жениться!

— Нет, Рик, ты никому ничего не должен, запомни это, когда дело касается женщин. А жениться надо только тогда, когда тебе самому этого захочется, тебе, а не какой-нибудь девчонке.

Патрик о чем-то задумался, потом, вспомнив, что так и не получил ответ на свой вопрос, повторил его.

— Так, а когда мне можно будет *это* делать?

— Когда станешь мужчиной.

— И когда это будет?

— Еще не скоро, Рик.

Мальчик огорченно поник.

— А ты меня потом научишь? — тихо попросил он.

Джек тепло ему улыбнулся.

— Думаю, к тому времени ты уже будешь сам все знать. Мы с тобой вернемся к этой теме, но попозже, хорошо? Но если у тебя будут вопросы, ты можешь спрашивать, но только не в присутствии мамы. Ни к чему ей слышать наши мужские разговоры.

И Кэрол оставалось только гадать, о чем они шепчутся, не посвящая ее в свои тайны, и чему учит его Джек. Она очень надеялась, что он понимает, что внушать ребенку свое пренебрежение и ненависть к женщинам совсем ни к чему. Но Джек был умным мужчиной, и Кэрол не думала, что он научит сына чему-нибудь такому, что впоследствии могло бы причинить ему вред.

А однажды, принимая душ, она заметила, что Патрик, спрятавшись за дверью, в щелочку за ней подглядывает. Смущенная и растерянная, она рассказала об этом Джеку, но он отреагировал на поступок сына более спокойно, чем она, не удивившись и не возмущившись поведению сына. На следующий день он купил мужской журнал с фотографиями обнаженных женщин и закрылся с Патриком в его комнате, не слушая протесты жены, которая считала, что мальчику еще рано разглядывать женскую наготу.

— Если его это уже интересует, значит, не рано. Это нормальный здоровый интерес, который проявляют все дети. Он удовлетворит свое любопытство и пока на этом успокоится, — уверенно отрезал Джек. — А я ему в этом просто помогу. Не беспокойся, я покажу и расскажу ему только то, что нужно знать в его возрасте, не более.

Кэрол уступила. Когда дело касалось Патрика, она слепо доверяла Джеку. Он мужчина, сам был когда-то мальчиком, и ему легче понять сына, чем ей, которая и с мальчиками-то не общалась, кроме Тимми.

Джек любит Патрика, никогда не причинит ему вреда, и он лучше нее знает, что делать в таких щекотливых ситуациях.

Как и говорил Джек, удовлетворив свое любопытство, Патрик быстро об этом забыл, переключив свое детское внимание на более безобидные и невинные вещи, не вызывающие беспокойства у Кэрол.

Иногда, смотря на мальчика, она представляла себе Джека в таком возрасте. Это легко было сделать, потому что Патрик так сильно походил на него не только внешностью, но и нравом. Но Кэрол не хотела, чтобы он перенял все черты характера своего отца. Было много чего такого в Джеке, чего бы Кэрол не хотела видеть в своем сыне. Не хотела, чтобы сын когда-нибудь причинил ей такую боль, которую причинял ей Джек.

Смотря на обнаженного мужа, раскинувшегося на постели в усталости и блаженстве, лежащего на животе, вытянув стройное тело и медленно погружающегося в спокойный сон, она почувствовала, как по лицу побежали слезы. И в этот момент она вдруг поняла, как любит его. Странно, что она поняла это только тогда, когда эта любовь стала рушиться и ускользать от нее. Когда осознала, что этот потрясающий мужчина и его любовь может принадлежать не только ей...

Бесшумно она ушла в ванную комнату.

Включив душ, она села на дно ванны и, сжавшись под теплыми струями воды, беззвучно разрыдалась, чувствуя, как разрывается в груди сердце. Разрывается, разрывается, и все никак не разорвется. Странно, а она думала, что сердце ее умерло, когда погиб Мэтт. Лучше бы так и было. Когда оно, несчастное, наконец, разорвется, и она никогда больше не будет чувствовать боль?

Утром, собираясь на работу, Джек разбудил ее нежным поцелуем.

Кэрол с трудом разлепила опухшие от слез веки и сонно взглянула на него.

— Не хотел тебя будить, но вчера я забыл тебе кое-что сказать, а сейчас вспомнил и не удержался, чтобы тебя не порадовать. Смотри, — он показал ей серебряную ручку и широко улыбнулся. — Я нашел ее вчера!

— Нашел? Где? — пробормотала Кэрол хриплым со сна голосом, приподнимаясь в постели. Увидев ручку, она задрожала, чувствуя, как ее бросило в жар.

— В своем кабинете в офисе. Как я и думал, я засунул ее в одну из папок с документами, — ответил он, завязывая галстук и положив ручку на столик. — Я теперь боюсь носить ее с собой. Пусть пока полежит дома. Буду ей пользоваться здесь. Ну, теперь ты на меня не сердись?

— Нет.

— Вот и прекрасно. Значит, теперь я могу ехать и работать спокойно, — наклонившись, он поцеловал ее в губы. — Кстати, вчера приходил в офис твой друг детства. Я с ним познакомился.

— И... что ты можешь о нем сказать? Даяна говорит, он очень изменился.

— Ну, если она ожидала увидеть десятилетнего мальчика, то естественно, что она разочаровалась, — засмеялся Джек. — Как я могу ответить на твой вопрос, если вчера я видел его впервые в жизни? Скажу только, что он мне не понравился.

— Почему?

— Не знаю, но почему-то не понравился. Может, потому что на вид он один, а внутри совсем другой. Люди с обманчивой внешностью всегдастораживают, особенно волки в овечьих шкурах.

— Думаешь, Тимми такой? — с сомнением возразила Кэрол. — Но он был добрым и открытым мальчиком.

— Я не знаю, каким он был. Может, его невинная ангельская внешность уже тогда вводила в заблуждение. Но взгляд у него совсем не ангельский. Кстати, ты знаешь, что он был на войне снайпером?

— Нет. А ты откуда знаешь? Он тебе что-то рассказывал?

— Да, конечно, из него слова не вытянешь. Я сам навел кое-какие справки, из любопытства, — он лукаво улыбнулся жене. — Ты же знаешь, иногда я бываю очень любопытным.

— Не иногда, а всегда. Ты всегда и везде суешь свой симпатичный нос, удивительно, что его до сих пор не отхватили! — ласково проворчала она. — И что ты накопал про Тимми?

— Твой ангелочек первоклассный убийца, и его очень ценили в армии. Только после второго ранения, которое пришлось в голову, у него появились проблемы с координацией, поэтому военачальники помахали ему ручкой и вышвырнули из армии.

— Бедный Тимми!

— Вот и представь себе — смотрит так, будто целится в тебя и примеряется, куда пулю пустить, хотя нет ни капли злости или неприязни, а просто равнодушная привычка. Невыносимый взгляд, у меня аж мурашки по спине бегали... Мне даже показалось, что у него под курткой пистолет, представляешь? Не удивительно, что он мне не понравился. Мне казалось, что стоит мне отвернуться, и он пустит мне пулю в голову... просто так, по привычке.

— Да, ладно тебе, Джек, не надо мне эдакого монстра рисовать, навывдумывал, чтобы я с Тимми не хотела увидеться!

— Да увидься, если так хочется. Я ревновать не буду, после того, как рожу его увидел. В постель к нему только с закрытыми глазами и ложиться, — Джек ухмыльнулся. — На ощупь он, может, и приятен, а на вид... Хотя, я ему сочувствую, не сладко, наверное, жить, когда женщины от тебя отворачиваются. А был бы красивым парнем, если бы поганая метла по нему не прошла...

— Не говори так, Джек, не надо, — тихо сказала Кэрол.

— О, только не надо его жалеть! Может, еще и приласкаешь его, несчастного, дашь ему то, чего не хотят давать другие женщины? Не переживай, для того и существуют профессиональные шлюхи, были бы деньги. А деньги у этого парня есть, пока. Может, найдется девчонка, которая выйдет за него, и не за таких выходят. А жалость ему не нужна, он к ней не привык, гордый, сразу заметно. Зак поможет ему с документами, и пусть живет себе спокойно, где-нибудь от нас подальше. Второго влюбленного в тебя поклонника мне не нужно, мне и одного хватает...

Бросив взгляд в зеркало, Джек поправил волосы и, приблизившись к Кэрол, запечатлел на ее губах нежный поцелуй.

— Ну, все, я пошел. Увидимся вечером. Я завезу Патрика в школу.

Захватив ручку, он вышел из комнаты.

Полежав некоторое время, Кэрол с неохотой встала, услышав, как запищал на столике телефон. Это была Куртни.

— Доброе утро, Кэрол. Как ты себя чувствуешь? Полегчало?

— Да... вроде бы...

— Ты придешь сегодня на работу?

— Да. Я уже собираюсь. Извини, я опоздаю, Джек меня только что разбудил.

— А как он себя чувствует?

— Сегодня выглядел веселым, бодрым.

— Когда будут результаты анализов?

— Завтра.

— Боже, хоть бы все было в порядке! — вздохнула Куртни. — Ладно, встретимся в офисе, там и поговорим.

Положив трубку, Кэрол накинула пеньюар и вышла из комнаты.

Ежась от озноба, хотя в доме было тепло, она спустилась на первый этаж и направилась в кабинет Джека. Вокруг было пусто и тихо. Джек и Патрик уехали. Нора, скорее всего, отправилась за продуктами, что обычно делала в это время. И Кэрол вдруг почувствовала себя ужасно одинокой и всеми покинутой, оставшись один на один с правдой, горькой или нет, которая либо освободит ее от тяжести подозрений, вернув мир и спокойствие в ее сердце, либо станет очередным ударом.

Войдя в кабинет, она решительно подошла к рабочему столу Джека и взяла в руки серебряную ручку, которая стояла на подставке отдельно от всех остальных ручек и карандашей. Замерев, она долго смотрела на поблескивающую гладкую поверхность ручки. И лицо ее стало приобретать такой же цвет...

Та самая ручка. Та самая царапина, оставленная скрепкой в квартире Даяны. «Должно быть, любовник обронил. Надо будет вернуть». Любовник. Любовник.

Никогда раньше Кэрол не воспринимала это слово с таким отвращением и горечью, какими теперь отозвалось оно в ее душе. Любовник. Какое мерзкое, грязное, противное, отвратительное слово. И имя Джек показалось ей не менее отвратительным. И он сам.

С яростным воплем она бросила ручку через всю комнату. Ударившись о стену, та упала на пол и закатилась под стеллаж. А Кэрол упала на колени и, вцепившись в волосы, истошно закричала.

Распластавшись на полу и громко рыдая, она не видела, как открылась дверь и на пороге показалась перепуганная ее криком Нора. Побледнев, она молча смотрела на безутешно плачущую девушку. Поддавшись порыву, Нора шагнула к ней, но затем отступила назад и, печально понуриив голову, бесшумно вышла, закрыв за собой дверь.

Через некоторое время Кэрол на ватных ногах вышла из кабинета и вернулась в спальню. Тщательно умывшись, она причесалась и медленно оделась.

Нора, спрятавшись за колонной в холле, с тревогой наблюдала, как девушка спустилась по лестнице и вышла на улицу, бледная, с застывшим, скованным страданием лицом и блестящими от слез глазами. Впервые в жизни Нора видела, чтобы Кэрол вышла из дома не подкрашенной, с небрежно лежащими волосами.

До той самой минуты, когда оказалась под дверями квартиры Даяны, Кэрол не могла совладать с собой и остановить слезы, безудержно бегущие по лицу. Люди смотрели на нее, а она отворачивалась и прикрывала лицо рукой, но взять себя в руки не могла.

Долго стояла она под дверью, нажимая кнопку звонка, хоть никто и не открывал. Она чувствовала, что Даяна там, но не хочет с ней встречаться.

Прижавшись лбом к двери, Кэрол застонала.

— Ну, почему? Даяна, почему?

Ей показалась, что за дверью кто-то всхлипнул.

Отвернувшись, Кэрол ушла. Странно. Даяна сама открыла ей правду, а теперь отказывается поговорить.

Может, боится? Или стыдно? А может, ей нечего сказать?

Весь день Кэрол бесцельно бродила по Лос-Анджелесу. Подолгу сидела то в одном кафе, то в другом, попивая крепкий коньяк, чтобы унять нервную дрожь и успокоиться.

К вечеру она вернулась домой, еле стоя на ногах, но веселая, улыбающаяся. Безудержно хохоча, она на подкашивающихся ногах прошла мимо хмуро смотрящего на нее мужа, пропуская его вопросы мимо ушей и, упав на кушетку, мгновенно отключилась.

Утром она проснулась с ужасной головной болью в спальне.

Поднявшись, она, покачиваясь, отправилась в душ. Джека уже не было. Искушавшись и почистив зубы, она вернулась в постель и закрыла глаза.

Ее покой нарушила появившаяся в дверях Куртни.

— Ну? — требовательно спросила она, опускаясь на край постели.

Девушка заползла под подушку, не ответив.

— Где ты вчера была весь день? Джек места себе не находил, когда узнал, что ты собиралась на работу и не появилась там. Как сквозь землю провалилась! Отвечай, чего спряталась?

Стащив с девушки подушку, Куртни наклонилась и заглянула в бледное осунувшееся лицо.

— Ты что, вчера пила? — сморщив нос, удивилась Куртни. — А ну, рассказывай, что произошло? Вы что, опять с Джеком поссорились?

— Нет.

— Тогда что?

— Ничего. Все в порядке.

— Девочка, кому ты врешь, да еще так нагло? Что он сделал на этот раз? Опять перезахоронил Мэтта?

Кэрол вдруг села и устремила на Куртни внимательный грустный взгляд.

— Скажи, Куртни, ведь ты так любишь Рэя, как же ты можешь вынести то, что он бывает с другими женщинами?

Куртни побледнела, сразу все поняв. Опустив голову, она обескуражено покачала ею.

— Почему ты с этим мирисься? Почему терпишь? Это же... это же невыносимо! И так унижительно, — шептала Кэрол, и голос ее дрожал от боли и отчаяния. — Я все время задавалась этим вопросом, никак не могла понять, как ни старалась. Я думала, что никогда не смогу тебя об этом спросить. Ты такая сильная мужественная женщина... почему ты позволяла ему так с собой поступать все то время, что вы были вместе?

Куртни помолчала. Лицо ее потемнело.

— Когда я выходила за Рэя замуж, я знала, что он меня не любит и никогда не полюбит, знала, что он идет на это только для того, чтобы обеспечить себе ту жизнь, о которой мечтал — без нужды и забот. Я знала, что он приносит себя в жертву ради роскошной жизни, знала, что он добровольно залетает в золотую клетку, где будет иметь все, но все равно будет несчастлив, обрекая себя на жизнь с той, которая ему даже не интересна... Но я думала только о себе и о своих желаниях, потому что на самом деле я страшная эгоистка, моя девочка. Потому и расплачиваюсь за свой эгоизм. Ведь я даже теперь не хочу его отпускать, видя, как несчастен он со мной, что несчастна я сама от этого. Когда я его встретила, я влюбилась в него с первого взгляда, влюбилась, как ненормальная. В него нельзя было не влюбиться. Я просто проходила мимо спортивной площадки и увидела, как он играет в футбол с друзьями. И я стояла и смотрела, потому что не могла отвести от него взгляд. И в тот момент я поклялась себе, что он станет моим. Навсегда. Он был совсем еще мальчиком, обездоленным детдомовцем, который вышел в этот мир и не знал, как в нем жить. И ухватился за меня, как за спасительную соломинку, которая не даст ему утонуть. А я этим воспользовалась. Я знала, что он влюблен в другую девушку, с которой рос в детдоме, в твою мать, но это не только не поколебало меня, но наоборот, я с еще большим рвением отняла его у нее. Я поломала его жизнь, свою, и жизнь Элен, которая махнула рукой на жизнь и на себя, потеряв его. Как видишь, мы с ним оба расплачиваемся за свое малодушие, я за эгоизм,

он за корысть. Я не виню его в том, что он ищет за пределами дома то, что не может найти в доме — любовь и страсть. Я не могу его заставить себя любить и желать. Но и отдать другой женщине не могу. Мой эгоизм силен и по сей день. Он спит с женщинами, но он не любил ни одну, для него это развлечение, азарт, вкус жизни. Но я знаю, что он хочет любви, а я не могу ему это позволить, не могу отдать его той, которую бы он любил, как никогда не любил меня. Потому что привыкла считать его своим, и в своей обиде на то, что он не дал мне любви, жестока. Что-то вроде того, знаешь — не захотел любить меня, не сможешь любить никого, — Куртни горько улыбнулась. — А что до того, что измены унижают... Я сама себя унизила так, как никто и никогда, в тот день, когда выходила замуж за человека, зная, что он не хочет меня, покупая его, пользуясь его безысходностью и неумением приспособиться в жизни. Я сама себя обрекла на все это. И я никогда не жаловалась. Я хотела, чтобы он был со мной, я этого добилась. И как тогда, так и теперь я живу с ним, зная, что он любит другую женщину и страдает от этого.

— Но ведь мама умерла, — тихо заметила Кэрол.

— Я говорю не о ней.

Встретившись с глазами Куртни, Кэрол почувствовала, как загорелось лицо. Но Куртни взяла ее за руку и погладила, спрятав наполненные болью глаза.

— Ты не виновата. Он просто перенес свою любовь к Элен на тебя, ведь вы с ней так похожи. И его я не виню. Может быть, где-то в глубине души, если быть честной самой с собой, я его даже жалею. Одному Богу известно, что тяжелее — быть с любимым человеком и страдать оттого, что он тебя не любит, или жить с нелюбимой и страдать от безнадежной любви к той, с которой навсегда разделен.

Они долго молчали. Потом Кэрол прижалась щекой к ее коленям и заплакала, омывая их слезами.

Куртни с нежностью гладила ее по затылку.

— Наверное, ты ненавидишь меня, — шепнула Кэрол.

— Нет. Я не могу тебя ненавидеть. Ты забрала его сердце, но оно никогда не было моим. Мне принадлежит его тело, а его ты никогда брала. И не возьмешь, я знаю. И он знает. И он меня за это ненавидит. Потому что из-за меня ты никогда не примешь его любовь. И я его ненавижу. Ненавижу за то, что он заставил меня ревновать к тебе... За то, что вторгся между нами, возжелав ту, что стала мне дочерью.

— Я принесла тебе столько боли... я никогда себе этого не прощу. Лучше бы я никогда не приезжала в твой дом, не вторгалась в твою семью... — Кэрол сжалась в комочек, как побитый щенок.

— Это бы ничего не изменило... разве что, я так и осталась бы одинокой, никому не нужной женщиной, заикленной на неверном муже. Ты принесла радость в мой дом, ты оживила его. А теперь ты подарила мне Патрика. И теперь я знаю, что мне не угрожает тоскливая одинокая старость, потому что у меня есть вы — ты и Патрик. И поверь мне, это самая большая радость в моей жизни, самая большая удача.

Оторвав Кэрол от колен, Куртни обняла ее.

— Послушай, что я скажу тебе, девочка. Изначально я была против того, чтобы ты была с Джеком, но я поняла, что он любит тебя и ценит вашу семью. Я знаю, что тебе с ним нелегко, но до сих пор ты справлялась. Даже если у него и были связи с другими женщинами, это не значит, что он тебя разлюбил. Многие мужчины изменяют женам, которых искренне любят, разделяясь на любовь и просто секс. Но не все жены готовы с этим

мириться и прощать неверность. Это уже кто как. Но не обвиняй Джека, пока у тебя остается хоть капля сомнения в его неверности. Я знаю, что у него не растут за спиной ангельские крылышки, но я так же знаю, как он умен и хитер. Я уверена, если бы он действительно тебе изменял, ты бы никогда об этом не узнала. Он бы никогда не допустил, и уж он-то в состоянии справиться с таким банальным и простым делом, как сокрытие измены, и не быть разоблаченным и пойманным такой простушкой, как ты!

Засмеявшись, Куртни потрепала ее волосы. Кэрол улыбнулась, почувствовав, как полегчало на сердце от ее слов.

Она привела себя в порядок, и они с Куртни, выпив чая на кухне, поехали в офис. Вскоре туда позвонил Джек.

— Ну, хоть сегодня ты мне объяснишь, что с тобой происходит? — сердито проворчал он в трубку. — Где и с кем ты вчера целый день шлялась, а? И кто тебя так напоил?

Услышав в его голосе ревнивые нотки, Кэрол почувствовала ни с чем несравнимое удовольствие. Но она не знала, что ему ответить. Она не успела придумать объяснение. Пусть помучается, поревнует...

— Мне сейчас некогда разговаривать, Джек. Поговорим вечером дома.

— Ну, хорошо. Надеюсь, сегодня ты никуда не сбежишь?

— Нет, не беспокойся.

— Намерена целый день провести в офисе? — наседал он.

— Да, я буду здесь.

— Я еще позвоню... проверю. И скажу Куртни, чтобы никуда тебя больше не отпускала. Мне вчерашних сюрпризов больше не надо! А вечером тебе придется объясниться, так что подготовься, — довольно угрожающим тоном сказал он, но Кэрол лишь горько усмехнулась в ответ и положила трубку. Хотела бы она выслушать его объяснения. Только это все равно ничего не даст. Если он изменяет, он все равно выкрутится и не признается. И тогда она уж точно никогда не узнает правду. Она ломала голову над тем, как вести себя дальше и что делать, когда раздался телефонный звонок, и она услышала в трубке голос Даяны, сдавленный и дрожащий.

— Приезжай ко мне, прямо сейчас. Только ради Бога, не выдавай меня ему... он меня убьет... Но я... я так больше не могу.

И связь оборвалась.

Дрожащими пальцами Кэрол набрала номер офиса Джека. Секретарь сказала, что он недавно ушел.

— А куда, он не сказал?

— Нет. Но сказал, что сегодня уже не вернется.

— Спасибо.

Бросив трубку, она схватила сумочку и, выскочив на улицу, прыгнула в первое попавшееся такси, которое помчало ее в аэропорт. Ее всю трясло, и она ничего не соображала. И только в Лос-Анджелесе она стала приходить в себя и сразу же усомнилась в том, что поступает правильно. Может быть, это какая-нибудь хитрая ловушка, подстроенная Даяной, дабы разрушить ее семью, а она покорно в нее бежит, как слепая, обезумевшая от ревности дура? Даже если Джек там, это еще не значит, что он любовник Даяны. Она могла заманить его туда обманом, как и ее. Позвонить и сказать ему что-то вроде того, что и ей. Мол, хочешь убедиться в неверности своей жены, приезжай, она встречается со своим любовником у меня дома, а я, как подруга не могу ей отказать, но «так больше не могу».

Кэрол вдруг испугалась. А вдруг в квартире Даяны сейчас находится какой-нибудь мужчина, она туда придет, и в этот момент заявится Джек, и тогда уже ей, а не ему, придется выкручиваться из этой ситуации.

Кэрол два раза разворачивалась и шла в обратную сторону, но все же, в конце концов, оказалась у дверей Даяны. Не будет ей покоя, если она уедет и так и не узнает правду. Она протянула было руку к звонку, но заметила, что дверь приоткрыта, и оттуда доносятся голоса. Ее обдало жаром. Она узнала голос Джека.

Открыв двери, она бесшумно вошла и замерла на месте с гулко колотящимся сердцем. Даяна и Джек, как вроде не будучи знакомы, ругались в соседней комнате друг с другом совсем не как незнакомые и чужие...

— Джек, милый, я клянусь тебе, я ничего ей не говорила! С чего ты взял, что она что-то знает? Откуда ей знать?

— Откуда? — огрызнулся он грубо. — Только от тебя, больше никак!

— Я ничего не говорила. Тебе просто показалось, что она...

— Мне не показалось! Я хорошо ее знаю! И я хочу знать, какое отношение ко всему этому имеет моя ручка.

— Господи, какая еще ручка?

— Которую она мне подарила на годовщину! Не притворяйся, ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Ни с того ни с сего вдруг спросила, не потерял ли я ручку, а когда узнала, что потерял, отреагировала так, будто горе какое-то на нее обрушилось, сжалась вся, оцепенела, лицо спрятала, чтобы я не заметил. Три дня просидела в спальне, не выходила. Смотрит на меня все время украдкой, так пристально, как зверек раненный. Кажется, говоришь? Почему то, что я потерял какую-то ручку, так сильно ее расстроило? А когда я ей эту ручку принес, она испугалась и совсем не обрадовалась. И пропала на целый день, и заявила вечером пьяная в стельку! А ручка моя опять пропала. Так что, давай, будь добра, объясни мне все это.

— При чем здесь я? У нее и спроси!

— Послушай, ты дурака из меня не делай. Думаешь, я не понял? Не ты ли стащила у меня эту ручку и сделала так, чтобы Кэрол обнаружила ее ненароком здесь? Когда она была у тебя? Да вот же, совсем не давно, так ведь? И она увидела здесь мою ручку, не так ли? А ты потом подложила ее в папку, дабы, я, дурачок, ни о чем не догадался!

— Джек, это бред! Как бы я положила ее тебе в папку? Ты сам ее туда положил и просто забыл или не заметил.

— Да, конечно, вот такой я идиот! Положил и забыл! А зачем ты вчера приезжала ко мне в офис, а?

— Потому что я соскучилась.

— Нет, для того, чтобы засунуть ручку в папку!

— Да нет же, Джек!

— Я тебе говорил, чтобы ты не смела звонить мне и приходить ко мне в офис, какого хрена ты приперлась? Нервы потрепать мне решила?

— Джек, но никто ничего не понял, к тебе же приходит много людей по работе...

— Заткнись! Я предупреждал тебя, чтобы ты не лезла в мою жизнь, в мою семью!

— Но я и не лезу. Если Кэрол о чем-то и догадывается, то не по моей вине. В конце концов, Джек, не такая уж она и дура...

— Да ей бы в голову такое даже не пришло, если бы не ты!

— Джек, ну почему ты так боишься, что она узнает? Сколько можно ее обманывать?

— Ты права. Больше мы с тобой не увидимся, никогда.

— Нет, я не это имела в виду. Оставь ее, Джек, ну чего ты так в нее вцепился? Пусть узнает о нас, и уйдет. И мы сможем быть вместе.

— Фу, ну что ты несешь? У нас семья, она моя жена и я не хочу, чтобы она уходила! Не начинай опять свое нытье, ты меня уже достала!

— Но разве она единственная женщина, которая может быть тебе женой? Мы создадим свою семью, я рожу тебе детей.

— У меня уже есть и жена, и семья, и ребенок. Я тебе уже говорил, чтобы ты даже не думала лезть в мою жизнь. Если ты мне навредишь, я тебя убью, ясно тебе?

— Но почему ты так жесток со мной? Почему ее жалеешь, а меня нет? Чем я хуже? Ведь я намного красивее ее. Она тебе не ровня. Она ничего собой не представляет, всю жизнь только и делала, что с одной шеи на другую перескакивала. А я... я столько добилась, сама, я сделала карьеру, я популярна, знаменита, как и ты. Тебе не кажется, что я больше подхожу тебе? Почему ты женился на ней, а не на мне?

— Хватит, Даяна, не зли меня своими дурацкими вопросами!

— Ах, Джек, какой же ты упрямый! Только она тебя все равно бросит, вот увидишь, потому что она никогда тебя не любила! Она всегда любила и будет любить только Мэтта, уж я-то, ее лучшая подруга, как никто другой об этом знаю! А я тебя люблю, больше жизни люблю! — рыдала Даяна.

— Мэтт мертв. Она любит меня.

— Но все равно бросит, когда узнает о том, что мы вместе! Она не простит тебя, я знаю! Это она только с виду такая мягкая и покладистая. Размозжит тебе голову, как несчастной Кэт, и поделом тебе, скотине!

— Хватит чушь нести! Голова уже от тебя разболелась. Так, помолчи и послушай теперь меня. Ты исчезаешь из нашей жизни, понятно? Обрываешь вашу нелепую дружбу, и забываешь меня, ясно тебе?

— Ты что, с ума сошел?

— Нет, не сошел. Собирай вещи и улетай куда-нибудь подальше. Я не хочу, чтобы из-за тебя разрушилась моя семья.

— Как же так, Джек? Ведь мы столько лет были вместе, а теперь ты гонишь меня? Почему меня, а не ее?

— Господи, Даяна, мы никогда не были «вместе», не выдумывай! За этот год мы всего-то пару раз виделись...

— Ну и что? Виделись же. Значит, мы нужны друг другу, как бы ты не противился! Ведь ты помнишь обо мне, ты приходишь ко мне и наставляешь рога своей обожаемой и драгоценной жене! Или я не единственная, с кем ты ей изменяешь? Думаешь, я не знаю, что ты напропалую трахаешь почти всех красоток, которые тебе попадают? Уж я-то не такая дура, как она, мне голову ты не заморочишь!

— Да, только от тебя сцен ревности я терпеть не намерен. Я все сказал. И учти, я тебя предупредил. Сделаешь так, как я велю, или я сам позабочусь о том, чтобы ты исчезла из моей жизни...

— Джек, ну подожди, не уходи! Не обижайся, пожалуйста, ты же знаешь, это я сгоряча все говорю. Прости меня. Хорошо, я сделаю так, как ты хочешь. Ты же знаешь, я всегда делаю то, что хочешь ты, и никогда — того, чего хотелось бы мне. Потому что я тебя люблю.

Безумно люблю. Не оставляй меня, пожалуйста, я этого не переживу.

— Даяна, я тебе никогда ничего не обещал, и мы ничем друг другу не обязаны, разве ты забыла? — его голос смягчился. — Ну, не плачь. Мне больно видеть твои слезы. Найди себе мужчину и выходи замуж. Это все, что я могу тебе сказать.

— Но мне никто не нужен, кроме тебя, любимый. Как, как мне это пережить, как с этим справиться? Ах, Джек, ну почему все так несправедливо в жизни? Почему я должна отказаться от тебя, почему должна так страдать? Ради любви к тебе я предала Кэрол, а ведь ближе ее у меня никого не было и нет... И что же, получается, я зря принесла такую жертву? Для чего — чтобы потерять тебя? Ты разбиваешь мне сердце, ломаешь мою жизнь ради нее. Почему, почему? Почему ты не хочешь быть со мной?

— Ну, перестань, не начинай опять. Я уже все тебе объяснял тысячу раз.

— Я ненавижу ее.

— Не говори так.

— Она отобрала тебя у меня! Ну зачем мне теперь жить? Джек, умоляю, будь со мной. Я буду любить твоего сына, как родного, мы вместе будем его растить, и у нас будут еще дети! Я буду хорошей матерью и женой, лучше, чем она, потому что в отличие от нее, я тебя люблю! Ты мучаешь нас обеих. Отпусти ее, пусть идет к Рэю. Он сто лет уже по ней сохнет.

— Заткнись! — разозлился Джек.

— Не делай вид, что ты ее ревнуешь. Ведь ты не любишь ее, она тебя просто устраивает, потому что ты ее и выбрал в жены. Но тебе с ней скучно и не интересно, как в жизни, так и в постели...

Прижимаясь спиной к двери, Кэрол зажмурилась, чувствуя, как горячие слезы заливают лицо. Это оказалось невыносимым. Хотелось убежать и больше не слышать ни слова. Но она не могла пошевелиться, тело онемело, отказываясь подчиняться. Стало трудно дышать, а к горлу подкатывала противная тошнота.

— Да что ты понимаешь! — услышала она усталый голос Джека.

— А что тут понимать? От нее ты бежишь ко мне, ты сейчас стоишь здесь, со мной, а не с ней у себя дома! И у тебя еще может повернуться язык сказать, что ты ее любишь? Не надо, молчи, я не хочу это слышать.

— Я пришел, чтобы разобраться в том, что ты успела натворить за моей спиной, чтобы просветить Кэрол. И предупредить в последний раз, что если она о чем-нибудь узнает, ты об этом очень пожалеешь.

— Я знаю, Джек, не пугай меня, ты и так меня запугал достаточно за все эти годы. Я молчала раньше, почему ты думаешь, что я теперь поступаю иначе?

— Потому что я это знаю.

— Ты ошибаешься.

— Я не ошибаюсь, и я не собираюсь с тобой спорить. Мне пора.

— Нет, ну куда же ты? Неужели ты меня даже не поцелуешь? Разве ты не соскучился?

— Даяна, все, хватит. Все кончено.

— Но раз уж ты пришел... раз это наша последняя встреча... побудь со мной, в последний раз. Ты же сам хочешь, я вижу. Пусть нам запомнится этот день не только одной болью и горечью...

Наступила тишина. Открыв глаза, Кэрол оторвалась от двери. Лицо ее вдруг полыхнуло жаром, а сердце яростно забилося в груди. Кровь в ней вскипела и забурлила, а челюсти задрожали так, что застучали зубы.

На негнущихся ногах она решительно пошла вперед. В гостиной уже никого не было, но на стуле лежал небрежно брошенный пиджак Джека. Подойдя к спальне, она медленно отворила дверь. Ей казалось, что все происходит во сне, а не в реальности. Оцепенев, она с удивлением смотрела на Джека, который сидел на постели, целуя примостившуюся у него на коленях полуголую Даяну. Ошарашено Кэрол смотрела на его руки, ласкающие ее обнаженную грудь, на ее руки, которыми Даяна стаскивала с него рубашку. И вдруг помимо воли, у Кэрол вырвался из груди хриплый стон, и она схватилась за дверь, чтобы не упасть, когда словно все силы разом покинули ее тело.

Джек вздрогнул и посмотрел на нее поверх голого плеча Даяны.

Кэрол выпрямилась и встретилась с его глазами. Он резко побледнел, потом вспыхнул и залился густой краской. А в глазах его промелькнуло выражение, напоминающее ужас. И он вдруг резко столкнулся с собой Даяну, да с такой силой, что она упала на пол. Обернувшись, та посмотрела на Кэрол и закричала:

— Скажи ему, что это не я! Скажи, что я не виновата, что ты сама пришла! Скажи, что я тебе ничего не говорила!

— Сама и скажи, — Кэрол удивилась своему ровному спокойному голосу. Боль вдруг ушла, а силы вернулись, и Кэрол обнаружила, что стоит прямо и смотрит Джеку в глаза. А он не выдержал и отвел взгляд. Тогда она развернулась и вышла, уверено и спокойно. Вид распластанной на полу голой Даяны рассмешил ее, и она не смогла сдержать смех. Боже, как глупо они выглядят! Зачем он оттолкнул Даяну, когда она все равно уже увидела их вместе. «Это не я! Я не виноват! Она сама!» — только этих слов ему еще и не хватало. Красный, как свекла. И никогда еще Кэрол не видела его таким перепуганным. Когда она подходила к входной двери, ее уже разбирал безудержный хохот, и она не могла остановиться. Никогда в жизни ей еще не было так смешно. И никогда ее смех не был таким горьким и невеселым. Она смеялась, а из глаз ее хлынули слезы.

— Кэрол!

Услышав его голос, она рванулась к лифту и нажала кнопку вызова.

— Кэрол, подожди!

Она вскочила в лифт как раз в тот момент, когда Джек вылетел из дверей.

— Стой!

Он подскочил к лифту, но двери сомкнулись прямо у его носа. Кэрол услышала, как он с силой ударил по двери лифта и разразился ругательствами. Подняв руку, она с кривой болезненной улыбкой помахала ему, не задумываясь над тем, что он не видит ее.

И вдруг грудь ее сдавило страшной силой, горло перехватило, и она не могла ни вздохнуть, ни закричать. Горечь и отчаяние так переполнили ее, что Кэрол показалось, что они ее задушат. Она умрет прямо здесь, в лифте, на радость этим двум подлецам. Двери лифта разошлись, и Кэрол бросилась на улицу, на свежий, спасительный воздух, потому что здесь нечем дышать, и воздух какой-то горький и тошнотворный...

Выскочив через парадные двери, она столкнулась с высоким мужчиной с такой силой, что ее отбросило назад, и только молниеносная реакция незнакомца уберегла ее от падения, когда он успел схватить ее и удержать на ногах.

— Простите, — чуть слышно пролепетал он смущенно странным голосом, очень низким и хриплым, как будто надорванным.

Даже не взглянув на него, Кэрол вырвалась и побежала дальше, не отдавая себе отчета в том, куда и зачем. Потом на глаза ей попала какая-то лавочка и, сев на нее, она спрятала

лицо в ладонях. Она сидела так, пока к ней не подошел полицейский и вежливо поинтересовался, не нужна ли ей помощь. Тогда она встала и, поймав такси, поехала в аэропорт. Она знала теперь, куда идти и кому излить свою безумную боль.

А некоторое время спустя она уже сидела на тихом маленьком кладбище и горько плакала, прижимаясь щекой к холодной надгробной плите.

— Эмми, Эмми, утешь меня. Объясни мне, почему? Объясни, я не могу понять — почему?

Но Эмми молчала и лишь с нежностью и любовью смотрела на нее с фотографии на надгробье своими красивыми черными глазами. А Кэрол жалась к ней, ища спасения. Вокруг нее снова были одни руины, весь мир снова обрушился, и только это надгробье всегда стояло не рушимым. Это было единственное в ее жизни, что не поддавалось страшным ударам и выстаивало, когда все вокруг крушилось. И Кэрол казалось, что если она будет держаться за этот холодный камень с фотографией ее дорогой Эмми, то и она тоже выстоит и не упадет...

Уже темнело, и Кэрол с неохотой подумывала о том, что пора уходить, когда вдруг увидела Даяну. Высокая и стройная, с длинными развевающимися на ветру волосами, она красивой походкой приближалась к ней, держа в руках большой букет цветов. Ее фигура была не менее прекрасна, чем ее лицо. Она была выше Кэрол на целую голову, но, не смотря на высокий рост, казалась хрупкой и очень нежной. Ее можно было назвать худощавой и тонкой, но не худой. Все в ней было красивым, казалось, не было ни одного изъяна, только одно совершенство. Прямая осанка, высокая налитая грудь, осиная талия, плавный изгиб бедер, крепкие ягодицы и длинные стройные ноги. Зная все достоинства своего тела, Даяна в основном всегда носила тесную, плотно облегающую ее соблазнительные формы одежду, и наслаждалась жадными взглядами мужчин, которые поедали ее голодными глазами с широко открытыми от изумления и восторга ртами. Вот и сейчас на ней была шелковая блузка с глубоким декольте, а узкие вельветовые брюки подчеркивали тонкость ее талии и совершенство ног. И только походка ее была не такой уверенной и безупречной, как обычно, из-за того, что тонкие высокие каблуки ее дорогих туфель проваливались в мягкую землю, заставляя ее идти на носочках, чтобы не потерять равновесия.

И впервые в жизни ее красота больно полоснула Кэрол по сердцу, вызвав безмерную тоску. Отвернувшись, чтобы не видеть ее, Кэрол устремила взгляд на фотографию Эмми. Вот сейчас, у могилы Эмми, их горячо любимой подруги, они встретятся и посмотрят друг другу в глаза. Чтобы сейчас сказала им обеим Эмми? Кэрол знала, что Эмми поддержала бы ее. Эмми всегда была на ее стороне, она любила ее больше, чем Даяну. Как странно, что именно здесь, у ее могилы, будут вести они свой тяжелый разговор...

Остановившись рядом, Даяна присела и положила цветы на могилку.

— Привет, Эмми, — с горечью в голосе сказала она. — Вот мы снова обе здесь, и я, и Кэрол. Только теперь мы с ней далеки друг от друга даже больше, чем ты от нас... Как так получилось, мы не знаем. Мы обе страдаем, и одной из нас нет места рядом с тем, который дорог нам обеим. Рассуди нас, Эмми. Кто виноват, и кто должен отступить? Кому любовь, а кому страдание? Кэрол, — Даяна подняла взгляд на неподвижную подругу, продолжающую смотреть на фотографию Эмми, — я знала, что ты здесь. Знала, что ты придешь именно сюда. И я приехала, чтобы поговорить с тобой. Нам нужно поговорить, Кэрол, не молчи и не делай вид, что ты меня не видишь и не слышишь. Я знаю, что тебе больно, но моя боль не меньше.

Кэрол посмотрела на нее и только сейчас заметила, что у нее разбито лицо.

— Что это? — выдавила она изумленно.

Даяна горько усмехнулась.

— Джек очень разозлился. Я же просила тебя сказать ему, что я ни при чем, но ты не захотела. Разве ты не знаешь, каким он может быть в ярости? Если бы не пришел Тим, он бы меня, наверное, убил. А ты ведь этого и хотела, да?

Губы Кэрол тронула улыбка.

— Я не думала, что он набросится на тебя с кулаками, у вас же такая трогательная любовь!

— Смеешься. Понимаю. Только мне помнится, он и на тебя с кулаками бросался. Любовь здесь ни при чем.

Кэрол промолчала.

— Ты представить себе не можешь, что было, когда ты убежала! Настоящий кошмар! Не хорошо было вот так сбегать. Пришла, натворила дел — и в кусты! Бросила меня ему на растерзание! Попробуй, докажи, что это не я его подставила!

— Но ведь это ты его подставила. Я застала тебя в постели со своим мужем, и еще должна тебя защищать и покрывать перед ним?

— Но ведь мы договорились. Я открываю тебе правду, а ты меня не выдаешь. Ведь я шкурой своей рискую, разве ты не знаешь Джека? Он такое не прощает.

— Разбирайся сама со своим любовником, а меня оставьте в покое. Спасибо, конечно, что за пять лет ты все же решила сказать мне правду, ты настоящая подруга.

— Я хотела сказать, но он мне не позволял, он мне угрожал, понимаешь? Думаешь, мне легко было все эти годы? Думаешь, мне приятно было тебе лгать?

— Думаю, что да, — грустно ответила Кэрол, не смотря на нее. С безучастным видом разглядывала она надгробья вокруг. — Расскажи мне теперь, все расскажи, раз пришла. Когда и как это началось, как продолжалось все эти годы?

Даяна привстала и села на лавочку. Вздыхнув, она поправила роскошные пепельные локоны.

— Помнишь, я хотела с ним познакомиться? Так вот, мне удалось. Мы стали встречаться и даже вместе ездили отдыхать на Ямайку.

— А почему ты мне не сказала?

— Да ведь мы с тобой тогда не созванивались, вспомни. А я хотела сделать тебе сюрприз и сообщить, что выхожу за него замуж, когда он сделает мне предложение. А получилось, что это ты сделала мне такой сюрприз. Мы встречались почти полгода, правда не так часто, как мне хотелось бы, но и я, и он очень занятые люди. Я так мечтала, так ждала, что он сделает мне предложение, а он сделал, но только не мне. Вот сволочь!

— Когда ты узнала, что я выхожу за него замуж, почему ты мне не сказала, что у вас роман? — холодно спрашивала Кэрол.

— Так я была уверена, что ты знаешь! Ведь я же тебе говорила, что ты отбираешь у меня мужчину, что он мой, разве ты не помнишь?

— Я не восприняла твои слова буквально. Я не знала, что между вами что-то было. Если бы знала, никогда бы не вышла за него.

— Правда? — в голосе Даяны появилась надежда и нежность. — Ах, какие мы обе дуры, если бы тогда поняли друг друга, ничего бы этого не было!

— А после свадьбы... вы продолжали встречаться?

— Кэрол, ведь я первая начала с ним встречаться, и это ты отобрала его у меня. Ты, а не

я у тебя. И я просто не захотела его отдавать. Он тоже не хотел обрывать нашу связь, его это вполне устраивало. И я уверена, что помимо нас у него еще было много других женщин. Он же похотлив, как племенной жеребец, и привык менять женщин, как свои галстуки.

— Почему же ты была с ним, в таком случае? После того, как он женился на мне, спал с нами обеими, зная, что мы близкие подруги? Как ты могла это терпеть? Разве... разве у тебя нет гордости? Ладно, я не знала, но ты... ты все знала, и все равно позволяла ему так поступать!

— Ах, Кэрол, ты говоришь так, потому что просто не любишь его, а я люблю, как безумная. Жить без него не могу. Да, он сволочь, он скотина, но он все равно мне нужен, даже таким... а может, именно таким...

Кэрол обескуражено покачала головой, не понимая. Нет, она никогда не сможет понять.

— И что ты теперь намерена делать? — осторожно поинтересовалась Даяна, испытывающее смотря на нее.

— Я пока не знаю. Я еще не пришла в себя... после всего. Меня как будто оглушили.

Даяна схватила ее за руки и крепко сжала, причиняя боль.

— Откажись от него! Отпусти! Ведь все равно ты не любишь его так, как я! А я никогда не смогу от него отказаться, слышишь? Я скорее умру... или убью тебя, или себя, или всех нас троих, потому что я не могу больше выносить эту пытку, не могу! Брось его, оставь, сама, потому что он никогда этого не сделает, из-за Патрика. Только ты можешь разрешить эту ситуацию и поставить все точки над *i*. И должна это сделать! Отпусти, ведь ты понимаешь, что он не любит тебя, что он женился только ради того, чтобы у его ребенка была семья!

Кэрол молчала, тоскливо разглядывая в сумерках личико Эмми.

Патрик. Как же Патрик? Как лишить его семьи, так важной для ребенка, семьи, которой не было ни у нее, ни у Джека? Отчаяние охватило Кэрол, когда она поняла, что больше всех в этой ситуации пострадает ее маленький, ни в чем не повинный сын. Даже если его родители по-прежнему будут жить вместе, все уже будет по-другому, и ребенок обязательно почувствует перемену и то, что между родителями больше нет согласия и мира, как бы они не пытались это скрыть. Если не увидит, то почувствует своей тонкой любящей детской душой неприязнь и напряжение между родителями, и будет страдать от этого. Их мирок рухнул, и видимость того, что он все еще существует, не спасет от страданий их маленького мальчика. Не было больше семьи, теперь был мираж, одно название, как говорят. Не будет тепла, любви, доверия. Между ней и ее мужем разверзлась пропасть, и пропасть эта была бесконечной для Кэрол. А была ли семья вообще когда-нибудь, была ли любовь, были ли они мужем и женой, такими, какими должны быть? Или то, что она воспринимала, как счастье, как любовь, как жизнь — опять всего лишь хорошо замаскированное шатким настилом дно пропасти с острыми камнями, куда ей суждено срываться вновь и вновь, выползая и снова падать, разбиваясь о беспощадные камни, уже красными от ее крови? И Кэрол вдруг поняла — как только она перестанет надеяться на что-то другое и верить в то, что ее жизнь может быть благополучной и счастливой, она перестанет и так страдать. Если не подниматься наверх, то и падать не придется. Не будет такой боли и разочарований оттого, что надежды не оправдались, что она снова обманывалась, принимая желаемое за действительное, веря в иллюзии, которые вдруг развеивались в тот момент, когда она приобретала уверенность и радовалась тому, что судьба дала ей шанс, осветив ее жизнь и благословив своей улыбкой.

Всего того, чем она жила эти пять лет, того, во что верила и что делало ее счастливой, на самом деле изначально просто не существовало. Джек не предавал ее, он просто лгал и

притворялся с самого начала, еще до того, как их соединили брачными узами перед Богом и людьми. Он построил их семью на том, на чем она не могла удержаться — на своей связи с Даяной, которую не пожелал прервать даже после свадьбы и поддерживал все это время. Это был тщательно замаскированный вулкан, на котором стояла все эти годы их семья, и которой, наконец-то, извергся, уничтожив все... Но самое страшное было то, что Кэрол об этом не догадывалась, она ничего не видела и не замечала, и если бы не Даяна, так могло продолжаться еще Бог знает сколько времени. Если бы, конечно, сам Джек не захотел что-либо изменить, оставив одну из них.

Кэрол с горькой усмешкой мысленно отдала должное и поаплодировала потрясающему таланту Джека лгать и скрывать все, что считал нужным, что бы это ни было, и так мастерски притворяться. Bravo! Как же тут не восхититься? Видимо, он все же ошибся в выборе профессии — ему надо было быть разведчиком и шпионом, цены бы ему не было! Или, может, это она такая дура?

— Ты не любишь его, ты найдешь себе другого мужчину, а Джека отдай мне, потому что я без него жить не могу! Он изначально был моим, и ты не должна была отбирать его у меня, не должна, тогда бы мы не были обе так несчастны! — упав на колени, Даяна уронила голову ей на руки и разрыдалась. — Я потому и решилась пойти против него и открыть тебе глаза, чтобы ты бросила его, чтобы он стал только моим.

Кэрол смотрела на нее, на то, как она плачет, и с отвращением отстранила ее от себя.

— Скажи, за все это время ты хоть раз подумала обо мне? — тихо спросила она.

— Конечно, я думала. Ведь ты мне так дорога, я так тебя люблю!

— Правда? А сегодня ты говорила, что ненавидишь меня.

— А разве ты меня не ненавидишь теперь? Это ревность, Кэрол. А ревность штука страшная, это я на себе испытала. Да и ты теперь, наверное, тоже. И все равно, в глубине души, я тебя продолжаю любить. Когда ревность уйдет, уйдет и неприязнь. Наверное, так, как прежде, уже никогда не будет... Отдай мне Джека, и я все забуду. И ты забудешь, когда полюбишь другого мужчину и будешь с ним счастлива, и мы со смехом будем вспоминать, когда грызлись из-за мужчины, как две полные дуры.

— Отойди от меня, Даяна. Нам не о чем больше говорить. Даже если у тебя и было что-то с Джеком, будь ты мне настоящей подругой, ты бы отвергла его после свадьбы и не стала бы спать с ним у меня за спиной и все скрывать. Это так подло... так мерзко.

— А почему я должна была его отвергать, почему? — голос Даяны сорвался на крик, она подскочила, сжав кулаки, готовая наброситься на Кэрол. — Я его люблю! И он мой! Ведь ты не захотела отказаться от него, когда я тебя об этом умоляла перед свадьбой, ты наплевала на меня и на мои чувства и вышла за него, зная, как я страдаю! Только правильно говорят, что на чужом несчастье счастья не постоишь! Вот и ты не построила, Кэрол, размыло твое счастье моими слезами, как песочный домик волной! Думаешь, мне тебя жалко? Ни капельки! Ты жила в счастье и радости, с ним, наслаждаясь его любовью, зовясь его женой, а я в это время изводилась от боли и тоски по нему. Кого из нас стоит пожалеть? Тебе сейчас больно? А мне так больно было все эти пять лет, и никто меня не пожалел! И я готова бороться за свою любовь, за своего мужчину, и я буду сражаться с тобой до смерти, слышишь?

— Ради Бога, Даяна, успокойся, — насмешливо отозвалась Кэрол. — Я не собираюсь с тобой сражаться за... за него, — в ее голосе отразилось презрение. — Он мне больше не нужен. Мне даже вспоминать о нем противно. И, в отличие от тебя, у меня все еще осталась

капля самоуважения. Оставьте меня в покое, оба. Это все, чего я теперь хочу.

На лице Даяны отразилась такая радость, что Кэрол стало так горько и обидно, как никогда. Мгновенно успокоившись, Даяна уселась обратно на лавку и с нежной улыбкой взглянула на подругу.

— Ты обещаешь? Обещаешь уйти от него, подать на развод? Обещаешь не мешать нам?

— Да пошла ты... — устало отозвалась Кэрол и, выпрямившись, понуро побрела мимо надгробных плит, сложив руки на груди и съежившись от пронзительного ветра, которой пробирал ее всю неприятным холодом, достающим до самого сердца, наполняя его льдом и тяжестью.

В темнеющем небе уже был виден бледный и тонкий зарождающийся месяц. Скоро появятся и звезды, а среди них и ее звездочка, которая взглянет на нее сверху и скажет — так тебе и надо. За то, что отдалась тому, кто меня погубил ради обладания тобою, за то, что простила и доверилась ему, зная, что доверять нельзя, что любила и мирилась с тем, что он осквернил мою могилу, сжег мой дом, за то, что три года не была на моей могиле только потому, что он того не хочет. За то, что отдалась ему после того, как я поплатился жизнью ради того, чтобы этого не произошло, и тем самым осквернила нашу любовь. За то, что стала его женой, когда перед Богом навеки отдана мне, что произносила ему клятвы, которые давала мне перед Богом и людьми, когда нас соединял священник...

Подняв голову, Кэрол виновато посмотрела на небо.

Странно, но теперь она не ощущала Джека своим мужем после пяти лет брака, и не хотела ощущать.

Она думала, что он ее муж, ей так казалось, ей того хотелось. Но сегодня она поняла, что ее мужем был и всегда будет только один человек — Мэтт, даже если она еще сотню раз выйдет замуж, не смотря на то, что их брак был длиною всего в несколько дней. Нет, это был брак на вечность. И пусть он был душевнобольным, пусть на руках его была человеческая кровь, он был и будет для нее самым светлым, самым чистым, самым лучшим... Он был таким на самом деле, пока болезнь не поглотила его душу... И только думая о нем, Кэрол могла хоть немного отвлечься от болезненных мыслей о Джеке, пытаясь найти забвение в своей первой любви.

Даяна догнала ее и молча пошла рядом с низко опущенной головой.

«Наверное, чтобы скрыть от меня свою радость», — печально подумала Кэрол. И внезапно ее захлестнули такие гнев и неприязнь, что только невероятным усилием воли она удержала себя от того, чтобы не наброситься на подругу с кулаками, не выдрать прекрасные волосы, не разодрать и не разбить красивое лицемерное лицо. Но разве этого хватило бы, чтобы наказать за то, что Даяна сделала с нею, с ее жизнью? Нет. Но Кэрол не испытывала желания мстить и наказывать. Пусть Бог их рассудит и сам накажет ту, что была виновата.

— Я останусь у Берджесов. А тебе лучше уехать. Вдвоем нам там делать нечего, — сказала она.

— Да, я уеду. Я приехала только за тем, чтобы поговорить с тобой. И попросить о двух вещах. Оставить Джека и... раз этот вопрос уже решен, тогда я попрошу тебя еще об одном.

— Даяна, есть предел твоей наглости?

— Только ты можешь помочь в этой ситуации. Ты должна уговорить Джека не трогать Тима. Понимаешь, я же не все тебе еще рассказала. Говорю, это был какой-то кошмар! Джек набросился на меня, и как раз пришел Тим... Боже, я думала он убьет его! — Даяна в ужасе схватилась за голову.

— Кто кого? — равнодушно поинтересовалась Кэрол.

— Тим — Джека! Он набросился на него, как зверь, когда увидел мое разбитое лицо. Боже, как он его бил, если бы ты видела... я чуть с ума не сошла, — Даяна вытерла ладонью побежавшие по щекам слезы. — Ей, Богу, когда Тим оставил его, я думала, что Джек умер!

Резко остановившись, Кэрол посмотрела на нее.

— Тимми так сильно его побил?

— Не то слово. Живого места на нем нет. В больницу увезли. Теперь ты понимаешь, что он сделает с Тимом, когда очухается? Он же его просто убьет, — Даяна в отчаянии застонала. — Но ведь Тим только заступился за меня, и я не хочу, чтобы он пострадал теперь из-за этого. Его, конечно, никто не просил вмешиваться, и я сердита на него за это. Надо же, так избить Джека! Он просто зверь какой-то, самый настоящий!

Кэрол молчала, неподвижно стоя на месте и сложив руки на груди.

Ветер трепал ее волосы и заставлял глаза слезиться, хотя не только ветер был тому причиной. Даяна заглядывала ей в лицо, нетерпеливо переступая с ноги на ногу и проваливаясь высокими тонкими каблуками в мягкую землю.

— Ну, что ты молчишь? Ты поговоришь с Джеком? — спросила она.

— А почему ты сама с ним не поговоришь?

Даяна понурила голову.

— Он меня не слушает. А тебе уступит, если ты его хорошо попросишь, особенно теперь, когда чувствует перед тобой вину. А на меня он злится.

— Сомневаюсь, что у меня получится.

— Получится, вот увидишь!

Кэрол устремила на нее пристальный взгляд.

— Почему ты так уверена, что он откажет тебе и уступит мне?

Даяна злобно поджала пухлые розовые губки.

— Просто попроси и все, — процедила она сквозь зубы. — Я не за себя прошу, а за Тима. Или тебе все равно, что твой Джек с ним сделает?

— О, он сразу стал «моим» Джеком, — усмехнулась Кэрол. — Хорошо, я поговорю с ним. Я не хочу, чтобы еще и ни в чем не повинный Тимми пострадал в этой ситуации.

— И еще... последнее, и я сразу от тебя отстану, — Даяна помолчала, опустив глаза под возмущенным взглядом подруги. — Ты же все равно решила порвать с Джеком... пожалуйста, скажи ему, что я его не выдавала. Скажи, что ты случайно пришла, без предупреждения, и сама не ожидала его там застать. Пожалуйста, Кэрол, ну сделай это для меня! Убеди его!

— Может, мне еще уговорить его жениться на тебе? — ледяным голосом проговорила Кэрол. — Извини, Даяна, но у меня просто нет слов. Не выводите меня, я и так с трудом держусь.

— Хочешь меня ударить? — Даяна вызывающе выпрямилась. — Ну, давай, посмотрим, кто кого. Я тоже с удовольствием бы выместила на тебе всю ту боль, которую испытала по твоей милости.

Кэрол бросила на нее переполненный презрением взгляд.

— Дерись из-за своего обожаемого Джека с другими, а я не собираюсь. Много чести такому подлецу, — она быстро пошла вперед, желая оторваться от назойливой подруги.

— Ой-ой-ой, какие мы гордые! Струсил!

Кэрол не обернулась. Даяна не пыталась больше ее догнать, но снова прокричала вслед:

— Вот видишь, я была права, когда говорила, что ты не любишь его!

— Да, права, — отозвалась Кэрол, не оборачиваясь. — Я его ненавижу.

Узнав, что Джек в больнице, Кэрол изменила свои планы и не пошла к Берджесам, у которых собиралась переночевать, а вернулась домой, где ее ждал взволнованный Патрик. Когда мальчик бросился в ее объятия со слезами, она почувствовала себя виноватой перед ним, что где-то ходит, думая только о себе, вместо того, чтобы быть с ним. Мальчик знал, что отец в больнице, и взахлеб расспрашивал у нее, что случилось. Он был уверен, что все это время она была в больнице. Кэрол не стала его переубеждать. Как она могла объяснить пятилетнему ребенку, почему не поехала в больницу к его отцу? Успокоив мальчика, она заверила его, что с папой не случилось ничего страшного, сказав, что он просто подрался. Патрик был шокирован.

— Но ведь папа никогда ни с кем не дрался! Он считает, что это... — он наморщил лобик, вспоминая нужно слово. — Примитивно, вот!

— Ну, почему же, случалось и ему подраться, — улыбнулась Кэрол, вспомнив, как однажды сцепились Джек и Рэй, разгромив ее палату и подняв на уши всю больницу. — Иногда бывают такие ситуации, когда хочешь — не хочешь, а приходится, хотя бы для того, чтобы обороняться.

Да, когда-то Джек дрался за нее, отстаивая их любовь, забыв о своих принципах, и делал он это с такой яростью, как будто в него вселились все бесы ада, которые помогли ему дать Рэю достойный отпор, когда тот попытался вышвырнуть его из палаты у нее на глазах с угрозами и требованиями не приближаться к ней больше. Их схватка была жуткой, и Кэрол тогда очень перепугалась. Это потом она вспоминала об этом с улыбкой, про себя с любовью и нежностью называя обоих драчунов дурачками, которые повели себя, как вздорные мальчишки, после чего оба ходили с разбитыми лицами и кулаками на забаву другим. Но с тех пор ей частенько стало казаться, что Джек и Рэй не против снова померяться силами и начистить друг другу морды. Похоже, их воинственный пыл не уменьшился после той драки, а только усилился. И до сегодняшнего дня она была уверена в том, что Джек ее любит. Он дрался с Рэем, он спорил с Куртни, вцепившись в нее, Кэрол, мертвой хваткой так, что никто не смог бы его оторвать от нее — но зачем? Ведь уже тогда у него была Даяна. Понятно, зачем он соблазнил ее, Кэрол, чтобы отомстить, унизив и отвергнув, как она его, сделать больно. Тем не менее, он пришел, когда она попала в беду, и вытащил ее из тюрьмы. Допустим, он сделал это не ради нее, а ради Куртни, которая бросилась ему в ноги, моля спасти ее девочку, хотя Кэрол чувствовала, что Куртни здесь ни при чем. Допустим и то, что он женился на ней ради ребенка, хотя он никогда не отличался благородством и правильностью... При этой мысли на глаза ее вновь навернулись слезы. Если так, зачем нужно было разыгрывать такую любовь, что даже Куртни в нее поверила? Что для него значит Даяна? Зачем все это, почему? Кэрол не могла понять. Эти мысли причиняли нестерпимую муку, поэтому она гнала их прочь, пытаясь убедить себя в том, что все эти «зачем» и «почему» не имеют значения. Она не хотела знать ответы, уверенная, что они причинят ей еще большую боль. По крайней мере, она не хотела об этом думать сейчас.

Обнимая Патрика, она терлась лицом о его плечо, украдкой вытирая слезы. Ее маленький мальчик, сынок, которого она любила всем сердцем. Его маленькие ручки

обнимают ее, это не иллюзия, не обман, и это — самое главное. А все остальное не имеет значения. К черту Джека, к черту Даяну, к черту эти ставшие для нее пустыми и горькими пять лет... гори оно все синим пламенем. У нее оставалось самое главное, то, что теперь являлось смыслом и центром ее жизни — ее сын. И она будет думать о нем, а не о Джеке и Даяне, и даже не о себе. Она не будет больше карабкаться наверх, падать больше нельзя, потому что она может потянуть за собой сына. Она будет жить для него, его жизнью, раз своя собственная у нее не выходит. Он ее огонек, который согреет ее оледеневшее сердце, который развеет любой мрак в ее душе и выведет из самой глубокой пропасти, залечивая своей искренней детской любовью любые раны, как целебный бальзамом.

Кэрол глубоко вздохнула, чувствуя, как тяжесть, давившая на грудь, немного отступила, и отчаяние тоже ослабило свою хватку. Только боль не уменьшилась. Но это поправимо. Пройдет время и заберет с собой ее муку. Она не одинока. И она не потеряла свою семью. Ее семья — это Патрик. Пусть он будет рядом, пусть любит ее и называет мамой, а больше ей ничего не нужно.

— Мам, ты возьмешь меня завтра в больницу к папе? — спросил мальчик, заглядывая ей в глаза.

— Конечно, мой хороший. Завтра мы поедем к папе, — Кэрол погладила его по голове. Патрик пристально смотрел на нее своими пронзительными серыми глазами, умными и серьезными.

— Не плачь, мам. Папа поправится. Я думал, с ним что-то случилось, а он всего лишь подрался. Это не страшно, не переживай. Его синяки заживут, и он придет домой.

Кэрол лишь улыбнулась и поцеловала его в нежную мягкую щечку, радуясь тому, что Патрик не знал, как не хочет она, чтобы папа приходил домой. Как не хочет идти завтра к нему в больницу... Но пойдет, потому что мальчик не поймет ее и осудит, если она этого не сделает. И только сейчас она вдруг осознала, что даже не знает, где находится Джек и куда завтра вести Патрика.

Когда она уложила мальчика спать, позвонила Куртни.

— Ну, наконец-то! — облегченно выдохнула она, услышав голос Кэрол. — Куда ты опять пропала? Что за дурацкая у тебя появилась привычка проваливаться сквозь землю без предупреждения? Ты знаешь, что произошло с Джеком?

— Знаю, — тихо ответила Кэрол.

Куртни помолчала.

— Можно, я сейчас приеду?

— Куртни, пожалуйста, не обижайся, но я сейчас хочу побыть одна. Я не могу сегодня об этом говорить, может быть, завтра, — Кэрол снова сорвалась и заплакала.

— Я понимаю. Не надо ничего говорить, если тебе тяжело, я сама все поняла. Мне позвонили из больницы и, когда я туда приехала, я наткнулась на Даяну. Да, такого я даже от Джека не ожидала. Скажи мне только... как давно это продолжается?

— Давно, Куртни. Он был с ней еще до того, как мы... переспали в первый раз.

— Ах, — только и смогла вымолвить Куртни, которая не нашлась, что на это сказать. Помолчав, она снова встревожено спросила:

— Может, мне все-таки приехать?

— Не надо, я в порядке, — голос Кэрол окреп, она выпрямилась, пытаясь свое униженное и разбитое состояние подавить уязвленной пострадавшей гордостью, которая от этого отчаянно старалась себя показать так, как никогда. — Я не буду больше плакать. Я

обещаю. Я сильная. Я уже пережила слишком многое, чтобы убиваться из-за измены мужчины. В моей жизни было столько страшного, столько смертей, что то, что произошло теперь — мелочь по сравнению со всем. Я потеряла Эмми и Мэтта, я пережила их смерть. Что мне эта оплеуха от Джека и Даяны — больно, но не смертельно.

Она засмеялась.

— Поговорим завтра, Куртни. А вообще, думаю, это не стоит того, чтобы об этом говорить. Есть более интересные и важные темы, например, о том, что каникулы скоро закончатся, а мы так и не свозили Патрика в Диснейленд. Давай съездим на выходные? Возьмем Джорджа, если он не будет занят, Рэя, и поедем, повеселимся.

— Прекрасная идея, — Куртни улыбнулась.

— А Джек пусть валяется на больничной койке и залечивает свои синяки и попрунное мужское самолюбие, пострадавшее из-за того, что его так отходил мальчишка! — Кэрол снова засмеялась.

Она не видела, как печально понурила голову Куртни, расслышав в ее голосе откровенную ненависть и неприязнь к тому, кто все еще был ее мужем и отцом ее ребенка. Но Куртни решила на этот раз не вмешиваться. Она знала, что ее девочка жестоко ранена и унижена, Куртни понимала ее чувства, но в данной ситуации решать должна только она, так, как подсказывает ей сердце и разум. И Куртни чувствовала, что на этот раз она не нуждается в советах и поддержке. Что-то произошло в ее душе. Она больше не пасовала, не прогибалась и не ломалась под ударами судьбы, как бывало раньше, она, наконец-то, поняла, что она не такая слабая, как всегда считала, что ее ничто не сломало, и она через все прошла. И может идти дальше по своей трудной, колючей и коварной дорожке, усыпанной камнями и ямами. «Оплеуха» от Джека и Даяны, как она выразилась, пошатнула ее, но в результате привела к тому, что Кэрол лишь крепче стала на ноги, приняв борцовскую стойку. От этого у Куртни немного полегчало на сердце, потому что она очень испугалась, что это сломает ее девочку, и без того хлебнувшую достаточно горя. Куртни было очень больно и обидно за нее, и она никогда не простит Джеку того, как он поступил с этой преданной доброй девочкой, даже если сама Кэрол его простит, и они помирятся. Но наказывать его Куртни не собиралась, твердо решив не вмешиваться. Она знала, что Кэрол не простит, даже если не уйдет от него ради Патрика. Он сам себя наказал, потеряв любовь такой прекрасной женщины, как Кэрол. И он был достаточно умен, чтобы это понимать. Сама Куртни предпочитала бы, чтобы они расстались. Она знала, что, если они будут и дальше жить вместе, их жизнь превратится в ад, и от этого Патрик может пострадать еще сильнее, чем от развода. Потому что не будет больше нежной, любящей и терпеливой Кэрол, с улыбкой выносившей отвратительный нрав Джека и прощавшей ему грубость и несдержанность, так как не осталось в ней теплоты и нежности к нему. А ее обида и злоба и характер Джека — это было несовместимо.

Они больше не говорили об этом. Куртни рассказала, что Джек не захотел оставаться в Лос-Анджелесской больнице и попросил какого-то приятеля перевезти его в госпиталь Сан-Франциско на своем самолете. А Даяну Куртни в приступе ярости вышвырнула из больницы еще в Лос-Анджелесе, пригрозив не показываться, пока Кэрол все еще оставалась женой Джека.

Попрощавшись с Куртни, Кэрол отправилась в ванную. Там, лежа в горячей мыльной воде, она стала петь, громко, так, как ей всегда хотелось, но она не могла, забитая еще в детстве своей жестокой матерью, которая всегда грубо затыкала ей рот. Может, у нее и нет голоса, может, она не умеет петь, и фальшивит — не важно. Она будет петь, потому что ей

всегда этого хотелось.

И, прорвавшись сквозь этот тяжелый комплекс, сковывавший ее всю жизнь, она почувствовала, будто ослабевают цепи, которые ограничивали ее движения и не давали вдохнуть полной грудью.

«Я буду петь, — подумала она. — Даже если это никому не нравится. Да, да, теперь я буду петь, всегда. Громко, на весь мир, всем назло. У меня хороший голос, и пошли к черту все, кто так не считает».

Утром Кэрол всячески старалась поднять свое настроение.

Включив ритмичную музыку, она весело подпевала, пританцовывая по комнате и упрямо не обращая внимания на тупую боль в груди. Занялась зарядкой, после чего почувствовала прилив бодрости и сил. С удовольствием нарядилась, уложила волосы, красиво оделась. Смотря на себя в зеркало, она подарила себе улыбку.

— Ты красавица, — сказала она своему отражению впервые в жизни. — Только перестань смотреть такими грустными глазами.

И вдруг Кэрол с восторгом обнаружила, что у нее все-таки есть то, что красивее, чем у Даяны. Глаза. У нее прекрасные глаза, и в этом Даяна ей проигрывает, потому что у ее глаз нет этой трогательной и проникновенной печальной красоты, они не так прозрачны и чисты, они не обладают взглядом, проникающим в сердце. Как-то она спросила Джека, почему он передумал и решил взяться за дело Мэтта, а он ответил: «Из-за ваших глаз». Он все время выделял ее глаза и как будто восхищался ими. Может, он и женился на ней из-за глаз? Подумав об этом, Кэрол горестно хмыкнула. Пустоплет.

Но он прав. У нее поразительные, просто изумительные глаза, и, скорее всего, этим они обязаны именно той толике печали, которая всегда так не нравилась Кэрол. Весьма довольная собой, Кэрол покинула комнату, уверенная в своей неотразимости. Может, она не такая красивая и идеальная, как Даяна, но она вполне могла гордиться своей внешностью. И поблагодарить за нее Элен. Нет, она не позволит Джеку втоптать ее в грязь и лишиться самоуверенности, из-за того, что бегал к другим женщинам, потому что она какая-то не такая. Это не она «не такая», это он такой.

— Мам, какая ты сегодня красивая! — с восторгом заметил Патрик.

— Спасибо, мой хороший, — просияла Кэрол. — А кто, по-твоему, красивее, я или тетя Даяна?

— Конечно, ты, — уверенно ответил мальчик. — Тетя Даяна похожа на куклу на витрине.

Кэрол расхохоталась, сильнее, чем следовало бы.

У госпиталя она заметила девушку-калеку, просящую милостыню. У несчастной не было ног. Кэрол и Патрик подошли к ней и подали щедрую милостыню.

— Смотри, какая она красивая, и какие печальные у нее глаза, — шепнул мальчик матери на ухо. — Наверное, она никогда не будет счастливой, потому что ее никто не возьмет замуж.

— Ну, почему же, Патрик? Может, она найдет свое счастье в чем-нибудь другом. Не все, кого берут замуж, бывают счастливы...

Когда мальчик отвернулся, Кэрол быстро сняла с пальца обручальное кольцо и бросила его в тарелочку для подаяний, которую держала в руках девочка.

Патрик первым влетел в палату, Кэрол неторопливо вошла следом.

Мальчик озадачено стоял у постели и разглядывал лицо отца, ища непострадавшее место, куда можно его поцеловать. Кэрол замерла за его спиной, с удивлением разглядывая молчаливо смотрящего на мальчика Джека. Он был неузнаваем. Все его лицо было разбито, покрытое страшными гематомами и ссадинами, на переносицу был наложен гипс, на нижней челюсти красовалась шина. Поцелую приткнуться было негде. Даже лоб был разбит, припухший от удара... или ударов. Но Патрик все же отыскал местечко и с любовью чмокнул отца в висок. Губы Джека тронула легкая улыбка.

— Привет, пап! Как ты?

— Папе, наверное, нельзя, разговаривать, — сказала мальчику Кэрол, заглядывая в хорошенькое детское личико. — Видишь, у него челюсть болит.

— О-о, — огорченно протянул малыш. — Сильно болит, пап?

— Нет, — выдавил Джек хрипло.

— Значит, ты можешь разговаривать? — обрадовался Патрик.

— Да... немного. И плохо.

— Нет, пап, нормально, все понятно, не волнуйся. А ты их тоже так сильно побил?

— Кого?

— Ну, тех хулиганов, которые на тебя напали? Мама сказала, что их было трое, но ты не испугался и не убежал. Ты молодец, пап! Лучше быть храбрецом с синяками, чем трусом без синяков! — сумничал Патрик.

Джек поднял взгляд на Кэрол, но она сразу же отвела глаза.

— Привет, Джек. Эдак по тебе поганая метла прошлась! — не удержалась она, вспомнив его слова о Тимми, которые были ей так неприятны.

— Мам, а как это — поганая метла?

— Это просто выражение такое, образное. Побудь пока с папой, а я пойду, поговорю с врачом.

Поставив для мальчика стул к кровати, Кэрол вышла из палаты, чувствуя на себе пристальный взгляд мужа. Боль и горькая обида вновь заговорили в ней с первоначальной силой, когда она встретилась с ним взглядом, но она была полна решимости держать себя в руках. Безмерно уязвленная гордость не позволяла ей дать понять ему, как глубоко она была ранена, как страдает. Он, конечно, понимает, что это было для нее ударом, при том неожиданным, но Кэрол не хотела, чтобы он знал, насколько сильным. Нет уж, ни он, ни Даяна не увидят, какой несчастной они ее сделали. Они уже достаточно над ней поглумились, хватит. А еще больше ей не хотелось, чтобы Джек ее жалел, ни он, никто другой. Да, впервые в жизни ей не хотелось, чтобы ее пожалели. Потому что сейчас это было бы унижительно и противно.

Всегда ей хотелось человеческого сочувствия, понимания, жалости. Джек создавал вид, что он всегда ее жалел, поэтому якобы и помогал. Не из жалости ли он на ней, бедненькой, обиженной жизнью и людьми, женился? Фу, как отвратительно! Не жалел он ее, вранье это все. Не пожалел же, соблазнив и вышвырнув, не пожалел, пять лет наставляя рога с ее единственной и горячо любимой подругой. И было бы противно, если бы он стал демонстрировать нежную жалость к ее разбитому сердцу теперь. Пусть себя пожалеет и свою обожаемую любовницу. Хотя, похоже, он вообще не способен к жалости.

Да, Тимми постарался, когда бил Джека. Доктор довел до ее сведения, что у пострадавшего в двух местах сломана челюсть, а также нос и два ребра. Кроме того, было два

вывиха — на запястье и в локтевом суставе правой руки, а также многочисленные ушибы и гематомы. В общем, выслушав диагноз, Кэрол пришла к выводу, что у Тимми довольно тяжелая рука. Впрочем, у него и в детстве были крепкие кулачки, хоть и маленькие.

В некотором замешательстве Кэрол вернулась в палату. Перед ее мысленным взором все еще стоял образ нежного мальчика, маленького и хрупкого, каким она помнила Тимми, и никак не могла себе представить, что все эти травмы — его рук дело. Как же это Джек позволил так себя избить, неужели не смог защититься? В драке с Рэем он показался Кэрол довольно ловким и сильным, и даже Рэй не смог с ним тогда справиться, хотя был гораздо крупнее и спортивнее. И оба тогда отделались синяками. Сейчас же все обстояло намного жестче. Тимми жестокий. И, похоже, умеет постоять за себя и за других получше Рэя и Джека вместе взятых. Что ж, наверное, это не удивительно. Должно быть, его этому научили улица и война. И одно, и другое одинаково беспощадны. Что ж, оставалось только надеется, что это отобьет у Джека всякое желание поднимать руку на женщину. Хотя надежды эти были пусты. Джек не из тех, кого можно чем-либо запугать и приструнить. Его можно только разозлить. А в том, что Тимми его разозлил, Кэрол не сомневалась. Только вряд ли он отдавал себе отчет в том, как опасно злить Джека. Тимми только что приехал из-за границы, где прожил почти всю жизнь, и вряд ли имел представление о том, кто такой Джек Рэндэл, и что он из себя представляет. Доктор сообщил Кэрол, что Джек отказался что-либо говорить о произошедшем, и не стал писать заявление на обидчика, когда приходил полицейский. Естественно. Джек никогда не писал никаких заявлений в полицию, со своими обидчиками он предпочитал разбираться сам. И для них это было гораздо хуже.

Как только она снова вошла в палату, взгляд Джека впился в нее и почти не отрывался, но Кэрол упрямо избегала смотреть ему в глаза. Во-первых, ей становилось нестерпимо больно, а во-вторых, она не хотела, чтобы он увидел эту боль. Она была спокойна и молчалива, тихонько сидя на стуле, предоставив Патрику завладеть всем вниманием отца. Но мальчику это не удавалось. Джек только делал вид, что слушает его, кивал и улыбался, что-то с трудом говорил в ответ, но глаза его все время были устремлены на Кэрол, и, судя по всему, мысли — тоже. Кэрол хотелось бы знать, о чем он думает, когда смотрит на нее. Ей всегда казалось, что он считает ее душой. Теперь она в этом была уверена. Что ж, с этим трудно было не согласиться. Она устала оттого, что он всегда заставляет ее чувствовать себя душой. Ни с одним другим человеком у нее не возникало таких неприятных ощущений.

«Может, я не такая умная, как он, но я не дура. Это он делает из меня дуру, потому что я ему верю. В этом и заключается вся моя наивность и глупость — в том, что я ему верю», — думала Кэрол, разглядывая свои руки.

Хватит. Хватит быть душой. Хватит позволять ему водить себя за нос и постоянно обманывать. Кэрол уже затруднялась определить, где была ложь, а где правда между ними, начиная с первого дня их знакомства, и вряд ли он когда-нибудь даст ей ответ на этот вопрос. А если и ответит, то она все равно уже не поверит. Его ложь обходилась ей слишком дорого. Его ложь ломала ей жизнь второй раз. Но самое страшное, что от его лжи пострадала не только она.

Чтобы чем-то себя занять и отвлечься от его невыносимого взгляда, Кэрол навела порядок в тумбочке у кровати, аккуратно разложив медикаменты. Потом достала из сумки пепельницу, зажигалку и блок сигарет. Она знала, что без этих вещей Джек не может обходиться. Бросив на него взгляд, она заметила, что он улыбается.

— Тебе разрешают здесь курить? — немного растеряно спросила она, распечатывая

коробку.

— Пусть попробуют запретить. Я уже чуть не умер, но здесь никто мне не принес и поганого окурка, как я не просил. Я им всем припомню, вот только встану. Думал, так и сдохну тут от нехватки никотина.

Кэрол молча распечатала пачку и, достав одну сигарету, протянула ему. Приподняв здоровую руку, Джек с нежностью погладил ее кисть. Кэрол не пошевелилась и не подняла глаз, терпеливо ожидая, когда он возьмет сигарету, потом поднесла ему зажигалку, помогая прикурить. Пододвинув пепельницу к краю тумбочки, чтобы ему удобнее было сбивать пепел, Кэрол вернулась на свое место.

Посидев еще немного, она снова поднялась, убрала стул к стене, обращаясь к Патрику:

— Сынок, нам пора. Мне на работу, а папе надо отдыхать. Если хочешь, я скажу Норе, чтобы она привезла тебя сюда сегодня еще.

Поцеловав Джека в висок, Патрик выжидающе посмотрел на маму, удивляясь, как это она забыла поцеловать его, когда они пришли, и не забудет ли поцеловать на прощанье. Раньше она никогда не забывала. Мальчик привык к тому, что родители всегда целуются при встрече и расставании. Джек тоже не отрывал от нее глаз.

Кэрол поняла, чего ждет сын, но не смогла заставить себя это сделать.

Максимум, на что она была способна, это на скупую неискреннюю улыбку.

— Поправляйся, Джек. Если что, звони. Пойдем, Патрик.

Недоумевающий мальчик пошел за ней к дверям.

— Пока, пап! Я сегодня еще приеду. Мам, а ты разве не приедешь сегодня еще?

— Конечно, приеду. Заеду после работы.

Джек проводил их погрузившимся взглядом, расслышав, как Патрик спрашивает:

— Мам, почему ты не поцеловала папу? Ты что, забыла?

Смех Кэрол.

— Так куда ж его целовать, сынок? Все места для поцелуев заняты синяками! Ему будет больно.

— Он, наверное, обиделся.

Что ответила Кэрол, Джек уже не слышал.

Вечером она не заехала, как обещала, но Патрик об этом не узнал.

Джек лежал в полном одиночестве, нарушаемом лишь появлением медсестер и врача, предоставленный себе и своим невеселым мыслям. Позвонив своей секретарше, он сказал, что приболел и просил не беспокоить, никому и не при каких обстоятельствах. Ему совсем не хотелось, чтобы распространялись слухи о том, что с ним произошло. А из тех, кто знал, никто не приходил. Лишь Патрик заехал к нему ближе к вечеру, да отец забежал высказать то, что он о нем думает. Джек с отсутствующим и равнодушным видом выслушал его ругательства и оскорбления, а потом, когда отец выпустил пар, тихо сказал:

— Уйди, отец, и без тебя тошно.

— Тошно? Это хорошо. Значит, остатки ума у тебя еще какие-то есть. Сейчас они тебе не помешают, чтобы наладить отношения с женой. И еще я тебе скажу, мой голубок, вот что! Хочется гулять, умей оградить от этого свою семью и жену, а не можешь этого сделать, тогда изволь быть порядочным мужем, и не мучай девчонку!

Разглядывая сына, Джордж как-то очень печально покачал головой.

— Если бы мне попалась в свое время такая женщина...

Не договорив, он в сердцах махнул на сына рукой и ушел, хлопнув дверью. А Джек

отвернулся и закрыл глаза, злобно поджав губы.

Куртни не пожелала проведать его, но он ничего другого и не ждал.

Зато на следующий день заглянул Рэй.

— Поправляйся поскорее, сучонок. Уж больно у меня по тебе кулаки чешутся, сил нет терпеть. Ты ответишь за то, что обидел Кэрол. За нее я тебя убить готов. А пока ты здесь валяешься, я утешу мою бедную девочку. Вдруг она пожелает тебе отомстить? Я готов ей в этом помочь, — с красивой ехидной улыбкой дразнил он побелевшего от его слов больного.

Джек в ярости швырнул в него пепельницу, но Рэй увернулся и, подойдя ближе, пнул его в перетянутую бинтами грудь. Но тут зашла медсестра, и Рэю пришлось удалиться, оставив Джека корчится от боли на кровати.

— А курить вредно! — насмешливо бросил Рэй перед тем, как выйти за дверь, захватив все его сигареты с собой.

Кэрол приехала вечером с Патриком, привезя вкусные гостинцы от Норы. Заметив, что сигарет у Джека нет, она удивленно посмотрела на него.

— Ты что, все выкурил за день?

Он отрицательно качнул головой и отвернул искажившееся от ярости лицо.

— Я схожу, еще куплю, — сказала Кэрол, не став больше задавать вопросов. Оставив Патрика с отцом, она ушла, но вскоре вернулась с новым блоком сигарет.

На этот раз они пробыли в больнице намного дольше, чем вчерашним утром. Кэрол не спешила уводить Патрика от Джека, давая возможность мальчику с ним пообщаться. Ребенок тосковал по нему, всегда, когда его не было рядом. Она также молчаливо сидела на стульчике, наблюдая за мужем и сыном. Украдкой смотрела она на Джека, но когда он устремлял на нее свой взгляд, всякий раз прятала глаза. А когда он отводил взгляд, снова смотрела, истязая свое сердце болезненной ревностью и вопиющей тоской. Смотрела и вспоминала, как ловко он притворялся все эти годы, что не знаком с Даяной, что презирает ее и питает к ней чуть ли не неприязнь. Как невозмутим был, когда Кэрол рыдала перед свадьбой после ссоры с Даяной, как утешал и пытался убедить не придавать такое значение своей никчемной подружке, без зазрения совести, нагло врал прямо в глаза.

«Даяна не уводила у меня Тома. Он никогда мне не принадлежал» — говорила Кэрол.

«А я никогда не принадлежал ей» — сказал он.

Странно, что она помнила их разговор, такой давний. Она вспомнила о том вечере впервые с тех пор. И воспоминания полезли ей в голову таким мощным потоком, стоило Кэрол дать им волю, что ей стало казаться, что ее мозг не выдержит и взорвется. События, обрывки разговоров, слова проносились перед ее мысленным взором с такой скоростью, что голова ее стала тяжелой, а потом появилась быстро нарастающая боль. Облокотившись о тумбочку, Кэрол подперла ладонью щеку и прикрыла глаза, пытаясь загнать поглубже в себя подкатывающие к самому горлу рыдания. Нет, больше ни одной слезы. Только не из-за этого. Перешагнуть и забыть. Так учил ее Джек, и теперь она перешагнет через него. Не были и другие воспоминания, радостные, теплые, наполненные любовью. Их любовью. Казалось, что она была, эта любовь. И эти сладкие приятные воспоминания почему-то причиняли еще большую боль, став вдруг такими горькими, что о них хотелось забыть в первую очередь.

— Кэрол... тебе плохо? — услышала она его встревоженный голос и, вздрогнув, словно он подслушал ее мысли, открыла глаза и выпрямилась.

— Нет. Голова болит, — ответила она, и снова спрятала глаза под его пристальным

взглядом. Господи, ну чего он так смотрит и смотрит, издевается, что ли? Чего он пытается высмотреть? Ее мысли?

Кэрол почувствовала себя усталой и обессиленной. Тело налилось тяжестью. Захотелось лечь и не двигаться.

— Мам, ты совсем белая какая-то стала, — заметил Патрик. — Ты опять заболела?

— Сядь сюда, пожалуйста, — Джек погладил ладонью простынь рядом с собой. — На секундочку.

— Иди к нам, мам, правда, чего ты сидишь в сторонке, как чужая? — поддержал отца мальчик и, взяв ее за руку, поднял со стула и подвел к кровати. Джек перехватил у Патрика ее руку и усадил на постель. Кэрол не посмела сопротивляться в присутствии Патрика, даже когда муж обнял ее и привлек к себе, заставив наклониться, лишь инстинктивно напряглась всем телом, противясь всем своим существом. Положив ладонь ей на затылок, Джек прильнул к ее губам в нежном поцелуе, не стесняясь мальчика. Кэрол задохнулась от ярости. Это нечестно, пользоваться присутствием сына и так себя вести! Ну и наглец! Позавчера на ее глазах он выцеловывал Даяну, а теперь еще смеет прикасаться к ней?

Боже, как он умел целовать... словно разом высасывал все силы, а у нее их и так мало осталось. Мышцы ее расслабились, а к глазам подступили слезы. Захотелось упасть и разревется от души прямо на его груди, вымаливая ответы на мучавшие ее вопросы. Простонать, показывая ему как ей больно, как плохо — ну почему? Почему? Зачем, зачем он так с ней поступил, зачем так ранил?

Оторвавшись от ее губ, он осыпал поцелуями ее лицо, придерживая за скулы, и прижал его к своей груди. Кэрол зажмурилась, чтобы не закричать. А так захотелось. Закричать... и проснуться. Понять, что это только сон. Увидеть его рядом, в их постели, такого близкого, любимого, родного. Своего. Только своего, и ни чьего другого. Понять, что он принадлежит ей, только ей. Что их любовь существует на самом деле. Что он любит ее, и никто ему больше не нужен, что когда он ей это говорил, он не лгал.

— Я люблю тебя, — зашептал он дрожащим слабым голосом.

Кэрол вздрогнула и попыталась отстраниться, но он с каким-то отчаянием еще крепче прижал ее к себе, не обращая внимания на боль в поломанных костях.

— Ну, прости меня, — шепнул он уже в самое ухо, чтобы Патрик не слышал. — Прости!

Она напряглась, упершись руками ему в грудь, понимая, что делает ему этим больно. Но ей хотелось, чтобы ему было больно. О, с каким бы удовольствием она его ударила, со всех сил, так, как когда-то научила ее Эмми!

Подняв к себе ее лицо, он заглянул в большие голубые глаза, которые полыхнули на него такой непримиримой неприязнью, что это шокировало его, несмотря на то, что он понимал ее обиду и гнев. Медленно он разжал пальцы, отпуская ее.

Кэрол улыбнулась ему, чтобы Патрик не заметил, что между ними происходит. Джек выдавил из себя ответную улыбку дрожащими губами.

— Пап, мы пойдем, — решительно сказал Патрик. — Мама плохо себя чувствует, я вижу. Глаза опять больные. Она заболела еще в тот день, когда ты сказал, что потерял ручку с брильянтом, только не хочет признаваться, чтобы мы не заставили ее идти к врачу. Она никогда не хочет к ним ходить. Скажи ей, пап, что надо сходить. Она тебя слушает. Она всегда тебя слушает. Заставь ее сказать, что у нее болит, пока еще сильнее не разболелось. В школе нам говорили, что нельзя запускать болезни.

— Хорошо, Патрик, я завтра же схожу к врачу, — улыбнулась Кэрол.

На душе было гадко. Она лжет собственному сыну, и от этого чувствовала гнев и отвращение к себе и к Джеку. Она уподобляется ему, обманывая того, кто ей верит, кто ее любит, и чувствовала себя ужасно. Как Джек может так спокойно, бесстрастно и легко делать то, что ей приходилось заставлять себя делать с таким трудом? Наверное, все же правы были те, кто говорил, что у него нет сердца и совести.

Она приходила в больницу каждый день, но никогда — одна. В основном, с ней был Патрик. В его присутствии они не могли и словом обмолвиться о том, что стало между ними. Джек понимал, что она просто не хочет оставаться с ним наедине, не хочет говорить, и недоумевал, почему? Разве нечего ей ему сказать? Он приготовился ко всему, к истерикам и слезам, к упрекам и ненависти, но уж никак ни к молчанию, которое становилось невыносимым и все больше давило на него, заставляя нервничать. И впервые в жизни он не мог угадать ее мысли. Она молчит и просто неотрывно смотрит, когда думает, что он этого не замечает. О чем она думает? Джек не мог этого выносить. Взгляд ее грустных глаз пробирал его до костей, скребком проходясь по нервам. А когда он спросил, где ее обручальное кольцо, она просто сказала, что потеряла его. Кровь в нем тогда закипела, но он вынужден был держать себя в руках из-за присутствия Патрика. В конце концов, мальчик стал его раздражать, и он уже не радовался, видя, как он входит в палату с Кэрол снова и снова. И злился на нее за то, что отгородилась сыном от него.

Они выходили из здания больницы и гуляли по двору. Кэрол поддерживала мужа под руку, Патрик скакал рядом, и так они медленно ходили по аллеям, как обычная дружная и благополучная семья. И со стороны никто бы не подумал, что под этим кажущимся благополучием зияет пропасть...

А однажды Кэрол и Патрик приехали с Рэем. Это было после двух дней отсутствия, когда Джек был предоставлен сам себе на выходные. Кэрол сказала, что они едут в Диснейленд. Только Джек не предполагал, что помимо Куртни и Джорджа, с ними ездил еще и Рэй.

Несколько отстраненно Джек слушал восторженные рассказы сына о проведенных в сказочном городке выходных, поглядывая на Рэя, стоявшего за спиной у сидевшей на краешке стула Кэрол. Опершись ладонью о спинку стула, Рэй вызывающе повелительно возвышался над девушкой, дразня Джека насмешливым взглядом. Кэрол посвежела и посветлела лицом, глаза ее снова заблестели после веселых выходных, которые отвлекли ее от печали. Она улыбалась и казалась веселой. И это очень не нравилось Джеку. Быстро же она оправилась от потрясения. Уж не этому ли красавчику она этим обязана? Джек бледнел от злости, когда Патрик рассказывал, как веселил их дядя Рэй. Они участвовали во всяких конкурсах и отхватили целую кучу призов. Но самый интересный конкурс, по мнению Патрика, был тот, когда принцу нужно было вызволить из башни принцессу, пройдя ряд испытаний и взобравшись на высокую башню к окошку принцессы. Отбирались три пары на роль принца и принцессы, и Рэй затащил Кэрол на этот конкурс почти силой. От принцессы ничего не требовалось, кроме того, чтобы ждать своего спасителя у окошка в сказочной башне, переодевшись в соответствующее роли платье. С легкостью справившись с испытаниями быстрее всех, Рэй закинул «кошку» в окошко башни, как того требовали правила, взобрался по веревке наверх, влез внутрь и под восторженные овации вынес из башни освобожденную принцессу.

— Маме и дяде Рэю надели короны, а Рэю еще дали меч и накинули на плечи длинный

плащ. Пап, он на самом деле стал похож на настоящего принца, представляешь! Всем так понравилось, и за него все болели с самого начала, потому что наш Рэй такой красивый! — с восхищением Патрик смотрел на своего дядю. — Из мамы и дяди получились такие классные принцесса и принц, что им подарили сказочную одежду и короны, и дали пригласительные билеты на сказочный бал, который будет проводиться зимой, чтобы они им нравились, представляешь, пап? Здорово, правда?

— Для принца он уже несколько староват, — съязвил Джек, ударив Рэя по больному.

— Но ведь никто даже не заметил, он выглядит совсем молодым, — возразил Патрик и добавил несколько смущенно. — А еще все подумали, что он мой папа, поэтому подарили мне костюм гнома и тоже дали билет на бал. Их заставили поцеловаться, но ведь ты не будешь сердиться, пап? Ведь это все понарошку. Бабушка Куртни не сердилась, а ведь все подумали, что он мамин муж, а не ее, но она нисколько не обиделась.

Джек ничего не ответил. Лишь бросил на Кэрол почерневший взгляд, но она не заметила, подняв лицо к Рэю и улыбаясь ему, развеселившись при воспоминании о конкурсе.

— Знаешь, пап, я только сейчас заметил, как дядя Рэй не подходит бабушке. Было бы лучше, если бы она вышла замуж за дедушку Джорджа. Вот с ним они как-то лучше смотрятся. И она нравится дедушке.

Рэй рассмеялся.

— Я ей уже говорил — выходи за Джорджа, вы прекрасная пара. А она краснеет и обзывает меня идиотом!

— Да, что-то что, а в людях Куртни всегда разбиралась! — фыркнул Джек, одарив Рэя презрительным взглядом. Тот не стал препираться, лишь положил ладонь на плечо Кэрол, пользуясь тем, что в присутствии Патрика Джек вынужден вести себя ограничено, и даже сдерживать свой колючий ядовитый язык.

— А сегодня Рэй подарил мне такого огромного медведя, пап, ты бы его видел, он как живой! Я хотел взять его с собой, чтобы тебе показать, но мама сказала, что с медведем мы в машине не поместимся, — не умолкал Патрик, не замечая, что доводит отца до белого каления. — А еще у Рэя новая машина, такая красивая, я никогда таких не видел! «Астон Мартин» называется, правильно, дядя?

Тот кивнул.

— Мы на ней приехали. А потом поедем кататься по ночному городу, Рэй нам пообещал.

Похоже, мальчику не терпелось поскорее покинуть больницу, чтобы отправиться на прогулку, и он бросал на мать нетерпеливые взгляды, ожидая, когда она скажет, что пора уходить. Как только мальчик замолчал, в палате повисла напряженная тишина и неловкость. Оказалось, что троим взрослым нечего сказать друг другу, чтобы поддержать разговор.

Но в этот момент открылась дверь, и вошел Джордж.

Поздоровавшись с Кэрол и Рэем, он обнял Патрика, и в последнюю очередь пожал руку сыну.

— Это твой «Астон» припаркован у входа? — повернулся Джордж к Рэю. — Хорош, ничего не скажешь! Сколько ж ты за него выложил?

Пока Джордж и Рэй обсуждали новую машину, Патрик томился на стуле, разглядывая взрослых. А Джек снова стал испепелять взглядом жену. И впервые за эти дни она подняла на него глаза и открыто встретила его взгляд, холодно и вызывающе. Но под этим вызовом и холодом вопила такая тоска, что теперь Джек сам отвел взгляд и виновато понурил голову.

Когда Кэрол, Рэй и Патрик ушли, Джордж уселся на стул и впери́л в сына тяжелый взгляд.

— Лежишь? Ну, лежи, лежи. А в это время этот красавчик обхаживает твою жену. Да и сына тоже. Уж не метит ли он на твоё место, а, Джек?

— Я сам разберусь в своей личной и семейной жизни, отец, не лезь ко мне! — огрызнулся тот.

— Ага, злишься. Что ж, я бы тоже злился на твоём месте. На себя. Только пока ты тут лежишь и злишься, Рэй вертится около твоей жены. И, должен тебе заметить, он умеет поднять ей настроение и развеселить, в то время, когда ты обижаешь и предаешь. Нет вернее способа подобраться поближе к обиженной мужем женщине! О чем ты только думаешь, Джек? Ждешь, когда он уложит ее в постель? Или тебе все равно?

— Не уложит, — уверено возразил Джек. — Она никогда на это не пойдет.

— Не строй из себя дурака. Только дурак может быть уверен в этом, а ты не дурак. Этот парень никого ни во что не ставит, ни тебя, ни Куртни. Он поцеловал Кэрол на моих глазах, на глазах Куртни и твоего сына, и это было далеко не скромный дружеский поцелуй. Он наглый, ему на все и на всех наплевать, я это понял, когда он к ней прикоснулся. И он ее хочет. Это слепому видно, и благодари Бога, что твой сын этого еще не может заметить! Пока.

Джек покраснел.

— К тому же он хорош собой и умеет соблазнять женщин, а твоя жена тоже женщина, если ты забыл, и очень обиженная женщина. Ты уверен в том, что она молча будет рыдать в подушку, а ты не подумал, что она может поступить иначе? Ведь когда получаешь по морде, всегда хочется дать сдачи, согласись? — Джордж ехидно улыбнулся.

— Она не такая. Я знаю.

— Она не была такой раньше, но люди могут меняться, когда их заставляют пройти через боль и унижение. Ты не можешь знать наверняка, что сейчас происходит у нее в душе, и какова реакция на все то, что ты натворил... Вы уже говорили об этом?

— Нет, она не хочет оставаться со мной наедине.

— Неужели она так и ничего тебе не сказала?

— Об этом — ни слова.

— Странно. Обычно в таких ситуациях всегда хочется высказаться...

— Она всегда была немного странной. Для меня.

— Что ж, могу сказать, что ее молчание мне не нравится. Сомневаюсь, что она хочет просто закрыть на все глаза и сделать вид, что ничего не произошло, чтобы спокойно жить дальше, как прежде.

— Она не носит обручальное кольцо. Говорит, что потеряла.

Джордж угрюмо промолчал. Задумавшись, он некоторое время сидел неподвижно. Потом решительно выпрямился и снова посмотрел на сына.

— Значит так. Я забираю Патрика, и мы проведем пару недель в Париже. Или где-нибудь еще, не важно. А ты в это время все улаживай здесь. Я не допущу, чтобы мальчик видел ваши разборки! Хоть поубивайте друг друга, только не на глазах у ребенка.

Джордж поднялся, собираясь уходить.

— И подумай все-таки о Рэе, если не хочешь, чтобы у тебя выросли рога. Хотя, я думаю, он замахнулся на что-то большее. Я посмеюсь над тобой, если он станет мужем Кэрол, и будет воспитывать твоего сына! А может, так будет лучше? Он будет их любить, а ты

сможешь беспрепятственно прыгать из одной постели в другую к кому захочешь — и все в результате довольны. Подумай, сынок, подумай!

Неприятно ухмыляясь, он скрылся за дверью, оставив Джека в одиночестве. Некоторое время тот лежал, мрачно разглядывая стену, потом поднялся и медленно вышел из палаты. Отыскав телефон, Джек по памяти набрал нужный номер и, пока в трубке раздавались длинные гудки, прикурил.

Ему ответил приятный и вежливый мужской голос, хорошо ему знакомый.

— Здравствуй, — сказал Джек.

— Рад тебя слышать. Как работа, семья?

— С божьей помощью.

— Как здоровье? — в голосе послышалась легкая насмешка.

— Все-то ты знаешь! — буркнул Джек. — Ладно, давай о деле. Есть один человечек, о котором я бы попросил тебя позаботиться, пока я здесь в больнице.

— Конечно, Джек, для тебя — все, что могу. Имя?

— Рэй Мэтчисон, родственник мой, как бы. Хороший парень, только за чужими женами увивается, боюсь, как бы в неприятности не попал.

— Не волнуйся, пригляжу я за твоим родственником. Поправляйся.

Джек повесил трубку и, затянувшись, улыбнулся.

Ну, вот и все. Можно считать, что избавился. Давно надо было, а он все терпел, столько лет, позволяя этому ничтожеству глумиться над собой. Хватит. Этот Рэй прямо колючка в заднице, и не только для него, но и Куртни, и Кэрол. Всем будет лучше, когда его не станет. Куртни погорюет, да вздохнет свободно. И у отца шанс появится. Глядишь, поженятся. И Кэрол, наконец, избавится от его домогательств. Патрик о нем вскоре и не вспомнит, он ребенок. И отец престанет демонстрировать свое презрение из-за того, что он до сих пор от него не избавился, терпя такое отношение и выходки этого наглеца.

Проходившая мимо молоденькая медсестра бросила на него игривый взгляд и кокетливо улыбнулась.

Он улыбнулся в ответ и, затушив сигарету, вернулся в палату уже с совсем другим настроением.

Уже на следующий день Джордж и Патрик вылетели во Францию.

Удивленная Кэрол едва успела собрать вещи мальчика, но возразить свекру не посмела. Может, оно и к лучшему, что Джордж решил отправиться с внуком в небольшое путешествие по Европе. Патрик был в восторге.

Перед тем, как уйти, Джордж посмотрел невестке прямо в глаза и сказал:

— Я никоим образом не хочу вмешиваться, но одно все-таки скажу. Джек любит тебя. А Патрик любит вас обоих. И я очень надеюсь, что к нашему возвращению ты найдешь свое обручальное кольцо, — он лукаво улыбнулся и по-отечески поцеловал ее в лоб.

Кэрол не смогла ему ничего сказать в ответ. Она знала, что Джордж Рэндэл хорошо к ней относится и, хоть он никак это не показывал, чувствовала, что он осуждает Джека. И то, что даже Джордж сейчас на ее стороне, послужило ей хоть и маленьким, но утешением.

А вечером она отправилась в больницу одна.

Джек пожелал выйти на улицу, и они снова прогуливались по аллейке, только на этот раз без Патрика.

Видя, что ему тяжело идти, Кэрол взяла его под руку, но он вдруг обнял ее за плечи.

— Не надо, — подавлено шепнул он, когда она попыталась отстраниться. Проглотив горький ком, Кэрол опустила голову и, не сказав ни слова, медленно пошла по аллейке рядом с ним. В эти мгновения она почувствовала себя слабой и ужасно несчастной. Джек подвел ее к одной из лавочек, и они сели на нее. И Кэрол все же отстранилась и слегка отодвинулась от него. Он прикурил. Он ждал, когда они останутся вдвоем, ждал и даже хотел неизбежного тяжелого разговора с выяснением отношений, но теперь, когда ничто этому не препятствовало, он тоже молчал, как и она. Он вдруг подумал, что может так лучше — молчать, ничего друг другу не говорить, не вспоминать то, что встало между ними. Может, Кэрол готова простить и забыть обо всем, потому и не хочет это обсуждать? Он надеялся на это. Ведь она умела прощать. У нее было мягкое и доброе сердце. Может, она просто боится его потерять? Боится, что их семья разрушится, что он бросит ее и уйдет к Даяне, потому и притихла? Куда ей деваться, куда уходить? Вряд ли она найдет лучшую жизнь, отказавшись от этой, и лучшего мужчину. Так размышлял Джек. От таких, как он, не уходят, тем более, такие беспомощные, как она. Тысячи женщин завидуют тому, что она его жена. Ей повезло, что он выбрал ее, и она должна это понимать. Она живет в роскоши, не зная ни в чем нужды, ее муж — молодой, обеспеченный и знаменит на весь мир, сильный и могущественный человек, вращающийся в среде самых сильных мира сего. А кто она? Что она может, окажись без поддержки Куртни? А выйти замуж за человека его уровня, ей вряд ли удастся второй раз.

Что ж, вполне естественно, если она решит молча проглотить обиду. Ей есть чего терять и ради чего жертвовать своей гордостью. К тому же она любит его, в этом Джек был уверен не меньше, чем в том, что сам ее любит.

— Джек, я хочу тебя попросить, — наконец-то, нарушила молчание Кэрол. — Если хочешь, это будет моя последняя просьба.

— Ну почему же последняя? — нежно улыбнулся ей он. — Я по-прежнему готов выполнять все твои просьбы. Кроме, конечно, освобождения маньяков тебе в любовники.

Последнее замечание Кэрол пропустила мимо ушей.

— Я прошу тебя за Тимми.

Изменившись в лице, он бросил на нее быстрый взгляд.

— Как ты можешь просить меня об этом? Ты заботаешься о нем, и это после того, что он со мной сделал?

Кэрол отвернулась, смотря куда-то перед собой. Лицо ее окаменело.

— Он заступился за сестру. Разве на его месте ты не поступил бы также?

— Заступился? Нет, милая моя, он не заступился, он избил меня до потери сознания, и я не собираюсь это стерпеть.

— Тогда надо было защищаться. А после драки кулаками не машут. Не смог постоять за себя, значит, теперь ничего пытаться дать сдачи, это нужно было делать тогда. Насколько я знаю, все было по-честному в вашей схватке, и ты хочешь мстить ему лишь за то, что он оказался сильнее? Не знаю... как-то не по-мужски это, если в честной схватке не победил, исподтишка потом бить.

Джек залился краской. Ему показалось, или он слышит в ее голосе презрение и скрытую насмешку?

— К тому же, ты получил по заслугам. Скажешь, нет? Чему ты злишься? Тому, что хотел побить женщину, а вместо этого побили тебя? Думал помериться силами с женщиной, а

пришлось — с мужчиной? Я понимаю, конечно, что с мужчиной драться тяжелее, но это не повод для того, чтобы мстить тому, с кем сцепился и кому проиграл.

— А ты и рада, что он меня побил и унизил, да? Смотришь на меня и злорадствуешь, мол, так тебе и надо?

— Нет, я не злорадствую. Но так тебе и надо. Подло поднимать руку на женщин, пользуясь тем, что они слабее и не могут дать тебе достойный отпор. И слава Богу, что еще есть мужчины, которые считают своим долгом защищать женщин... от таких, как ты. И наказывать за женщину.

— Тебе что, подружку свою ненаглядную жалко стало? Она тебя не пожалела!

— Ты тоже! — резко бросила Кэрол, но тут же осеклась и тихо продолжила. — Я ее не жалею. И тебя тоже. И сама в жалости не нуждаюсь, я не убогая какая-нибудь, чтобы меня жалеть. Просто когда-то ты и мне лицо разбил, и я считаю, что это неправильно. Только за меня не кому было тогда заступиться... чтобы защитить от собственного мужа!

— Я просто сорвался тогда, ты вывела меня из себя, ты же знаешь, — голос Джека стал глухим и совсем тихим. — И я... я попросил у тебя прощения. Но, как я теперь вижу, ты меня так и не простила.

— Нет, я простила. Но сейчас ты мне даешь понять, что такие вещи не прощаются, что я неправильно тогда поступила, закрыв на это глаза. Надо было мстить, как ты собираешься мстить Тимми. Только как-то не так у тебя все выходит, Джек. У тебя все и всегда виноваты, но ты — никогда. Ты всегда наказываешь тех, кто обидел тебя, считаешь, что раз виноваты, значит, заслужили расправы. Все, кто угодно, но только не ты. По-моему, в этой ситуации виноват только ты один, и в том, что над тобой учинили расправу — тоже. Других наказываешь, а когда с тобой так поступают, не нравится? Может, нам с Даяной объединиться и последовать твоему примеру — отомстить тебе?

Повисло напряженное молчание. Кэрол удивленно ждала, когда Джек начнет в ответ жалить ее своим языком, но он почему-то молчал. Лишь слышалось его тяжелое гневное дыхание.

— Ну, так что? Все же намерен мстить Тимми?

— Ты же знаешь, что я не благородный рыцарь, и никогда не пытаюсь такового изображать, и я никому не позволю безнаказанно отправлять меня на больничную койку! Этот сопляк горько пожалеет о том, что поднял на меня руку! — резко отозвался Джек. — Мне плевать, что ты об этом думаешь. Я расквитаюсь и с этой гадиной, и с ее братцем!

Кэрол пожала плечами.

— Что ж, то, что тебе на меня плевать, я уже поняла, мог бы и не говорить. Я знала, что тебя бесполезно просить. Только учти, что если ты тронешь Тимми, ты за это заплатишься. Я клянусь тебе в этом памятью моей Эмми.

Она не смотрела на мужа, но могла представить выражение его лица.

— Ты что, угрожаешь мне? Из-за этого мальчишки?

— Да, Джек. Этого мальчишку я в обиду не дам, никому, — с невероятной для нее жесточенностью сказала она. — И я сделаю все, чтобы тебе помешать.

— Значит ты на его стороне и против меня, своего мужа. Почему? Только из-за того, что вы дружили в детстве?

— Не только. Просто я считаю, что он не тот, кто заслуживает наказания в этой ситуации. Он поступил правильно по всем законам и человеческим понятиям, как мужским, так и женским. А правых наказывают только трусы и подлецы!

Джек задохнулся, резко выпрямившись, но тут же невольно согнулся от боли, которой отозвалось его тело на неосторожное порывистое движение.

Кэрол продолжала спокойно сидеть рядом, и, повернувшись, посмотрела на него. Красиво очерченные чувственные губы ее дрогнули от отвращения.

— Почему ты всегда расправляешься со своими врагами исподтишка, украдкой, а, Джек? Почему никогда не действуешь открыто, смотря человеку в глаза, а не нанося удар в спину? Хочешь выяснить отношения с Тимми, позвони ему, встреться, как мужчина с женщиной, а не жаль исподтишка, как змея, которая только так и может постоять за себя. Но ты этого не сделаешь, так ведь, Джек, потому что по-другому ты не умеешь и не можешь? И потому что ты боишься Тимми.

— Хватит, Кэрол, — голос Джека опасно похолодел. — Я понимаю, что ты злишься, но не перегибай палку. Ты знаешь, я этого не потерплю.

— А что ты мне сделаешь? Ударить? Или выгонишь из дома? А, может, всадишь в меня иголку, зараженную СПИДом? Это верный и безопасный способ избавиться от негодивших тебе родственников, так ведь?

— Что ты несешь? — прохрипел Джек, наклоняясь к ней и хватая за руку.

— Ты забыл, Джек, что окно нашей спальни находится как раз над парадной дверью! Тебе следовало тише говорить о своих страшных тайнах, когда глумился над своей матерью!

Он смертельно побледнел. Кэрол вырвала свою руку из сильных пальцев и оттолкнула его от себя. А он неожиданно сгорбился и уронил голову на руки, спрятав лицо в ладонях.

Кэрол растерялась, удивившись такому не свойственному ему поведению. А он сидел, тихо, молча, неподвижно, выглядя таким несчастным и подавленным, каким она никогда его не видела. Сердце ее пронзила внезапная боль и, поддавшись внезапному порыву, она положила ладонь ему на затылок и с любовью погладила мягкие шелковистые волосы. Он не пошевелился, но тихо сказал:

— Я не делал этого. Я просто хотел, чтобы она так думала. Я хотел, чтобы она раскаялась, пожалела, хоть перед смертью! Чтобы поняла, какую боль мне причинила, которая толкнула меня на такую жестокую месть. Но на самом деле, я ничего ей не делал! Как ты могла подумать, что я погубил собственную мать? Она сама себя погубила, понимаешь? Жизнь ее наказала, а не я! А я все равно ее любил, ведь ты тоже любила свою мать, не смотря ни на что, потому что эта любовь заложена в человеке самой природой. А сопротивляться природе бесполезно, она нас создала и она сильнее. Мы просто хотим думать, что можем ей воспротивиться.

Он поднял лицо и посмотрел на Кэрол переполненными страданием глазами, он, который всегда стремился выглядеть только сильным и не подвластным никаким слабостям.

— Только ты можешь понять мои чувства, потому что мы с тобой одного поля ягоды, отвергнутые матерями. Ты... ты мне веришь? Веришь, что я ей просто солгал, что не делал ничего из того, что ей сказал?

— Верю, — чуть слышно ответила Кэрол. Но на этот раз она не была с ним честна. Ей хотелось верить, но что-то ей мешало. Смотря на него, она вдруг поняла, а может быть, просто почувствовала, что он мог это сделать. Поняла, что не знает до конца того, с кем прожила рядом пять лет. И ей стало страшно. Она была шокирована, когда услышала его разговор с матерью. Ее бросило тогда в дрожь от человека, который был ей мужем. Всю ночь она не сомкнула глаз и смотрела на него, пока он спал. С ужасом и страданием смотрела. Но все-таки предпочла не задумываться о том, что за сердце бьется в груди любимого мужчины

и сколько зла и жестокости оно способно в себя вместить. Но становилось страшно при мысли, что может настать момент, когда это может обернуться и против нее. И она невольно вспомнила предостережения Рэя, когда он говорил, что Джек страшный человек.

«Он не просто плохой человек, он страшный человек. Посмотри ему в глаза, и ты сразу все поймешь», — говорил ей Рэй. А она на него за это сердилась. «Он подставил мне подножку. Не повернулся, не встретил лицом к лицу, а подставил подножку. В этом он весь и есть». Сколько времени ей потребовалось, чтобы начать замечать то, что Рэй разглядел сразу! А она думала, что Рэй так говорит только из ревности и неприязни к Джеку, чтобы очернить его в ее глазах.

«Посмотри ему в глаза, и ты поймешь».

Невольно Кэрол внимательно пригляделась к его глазам. Джек не стал отворачиваться. Не в его привычках было прятать глаза. К тому же он понимал, почему она так пристально на него посмотрела, так, как никогда раньше не смотрела, с тревогой, даже страхом.

Но она видела лишь ставшие для нее такими родными, такими любимыми глаза, умные, серьезные, пронизательные, которые всегда смотрели ей в самую душу и читали ее мысли. Сколько раз она смотрела в них, хорошо изучив и зная все выражения и взгляды, появляющиеся в его зеркалах души, как говорят люди. Надменность и высокомерие, доля презрения и насмешки почти всегда присутствовали в его взгляде и были основными, но появлялись и нежность, и улыбка, и веселье, и грусть. Как и у любого другого человека. Ей нравились его глаза. Имели они над ней какую-то странную силу и власть. Она находила их красивыми. Она привыкла к ним. Но когда они только познакомились, она почему-то цепенела под его взглядом, терялась. Он словно выбивал почву у нее из-под ног, заставляя чувствовать себя жалкой и ничтожной. Это ощущение возникало у нее и теперь, только уже не так часто. Но она никогда особо не задумывалась, почему это происходит. А теперь задумалась. Она хотела понять, почему ей становилось так не по себе и что именно ее беспокоило. Но сейчас она не видела во взгляде Джека ничего такого, что могло бы напугать или даже насторожить. Конечно, так открыто его разглядывая, она ничего и не увидит. Он не позволит. Лишь случайный взгляд в какой-то определенный момент может позволить увидеть то, что есть на самом деле, а не то, что он хочет показать. Например, когда он выходил из себя и злился, его взгляд становился страшным и от него бросало в дрожь, по крайней мере, Кэрол. Но был и другой взгляд, еще страшнее, от которого леденела кровь. Лишь однажды Кэрол удалось его заметить, но она запомнила его на всю жизнь. Они сидели тогда в ресторане, обсуждая освобождение Мэтта, и это выражение у него в глазах появилось при словах «любой ценой». Холодная равнодушная жестокость, не знающая преград и сомнений. Взгляд акулы, с которой его сравнивают, которая движется к своей цели со смертельной непреклонностью, как охотник, не знающий пощады и преследующий свою жертву до конца. Может, только в то самое мгновение и только тогда она увидела истинного Джека Рэндэла, его сущность, его душу.

Как жесток и непреклонен он был с Кейт Блейз, к которой не питал абсолютно никакой неприязни и которая лично ему не сделала ничего плохого. Он подбил на страшную месть, которую сам и придумал, ее, Кэрол, и он получал от этого удовольствие. Он с улыбкой и непринужденностью поднимал бокал с шампанским за то, что сломал жизнь молодой красивой девушке, которая имела несчастье стать его целью для уничтожения.

Да, Кэрол боялась его, и чем дальше, тем сильнее. Он действительно акула, самая настоящая, и люди не просто так дали ему это прозвище, люди, более пронизательные, чем

она, такие, как Рэй. А она залезла в аквариум с этой акулой и думает, что приручила ее. Но только это он ее приручил, а не она его. Знал ли он, что она его боится? Он не может этого не знать. Интересно, что он думает об этом? Ему нравится, или он не придает этому значения, привыкший к тому, что его всегда побаивались?

И вдруг странная тревога сдавила ей сердце, и Кэрол почувствовала, как похолодело лицо. Это кровь отступила, заставляя кожу побледнеть. Она хорошо знала это ощущение. Ощущение страха. Предчувствие чего-то ужасного.

Она отвернулась, чтобы он не заметил, что с ней происходит, и, откинувшись на спинку лавочки, закрыла на мгновение глаза. К горлу подкатила тошнота. Давно с ней это не происходило, давно не появлялось у нее это чувство, которого она боялась больше всего на свете. Это снова подкрадывается беда. Смерть. Кого теперь она выбрала? Кого на этот раз у нее отберет?

Открыв глаза, она быстро повернулась к Джеку.

— Ты узнал результаты анализов? Как твоя кровь?

Он недоуменно посмотрел на нее, удивленный столь резкой и неожиданной сменой темы их разговора, и тем, что она вспомнила про какие-то там анализы, когда между ними такое творится. Но он невольно улыбнулся и погладил ее по руке. Вот она, его настоящая Кэрол. Она задается целью казаться злючкой и пытается кусаться, но у нее никогда это не получается, потому что она тут же забывает об этом, подавляемая порывами своего чуткого доброго сердца.

— Если бы что-то было не так, Гарри бы позвонил, — мягко сказал он.

— А кому это надо, доктору или тебе? — неожиданно вспыхнула Кэрол. — Что за идиотская беспечность, Джек? Или жизнь тебе не мила?

Он удивился еще больше.

— Эй, ты чего на меня так бросаешься?

— Все думают, что они неуязвимы, что с ними не произойдет чего-нибудь по-настоящему плохого, с кем-нибудь — может быть, но только не с ними! Ты тоже так думаешь, да? Только перед смертью все равны, но не каждому предоставляется возможность удивиться напоследок — нет, этого не может со мной случиться, я не могу умереть! Может! Каждый может! И я, и ты! Я знаю, знаю! Я вижу это всю свою жизнь! Вижу, как умирают люди, как дети, так и взрослые.

— Что с тобой, Кэрол? Успокойся, — Джек взял ее за плечи, встревожено заглядывая в лицо. — Не надо меня хоронить. Молчи, не говори такие вещи, накличешь беду.

— Она от меня приглашений не дожидается, — дрогнувшим голосом сказала Кэрол, вспомнив слова Мэтта, и страшное отчаяние охватило ее.

— Ты... ты что-то чувствуешь? — серьезно спросил Джек, и на лице его промелькнул страх. — Твоя интуиция тебе что-то подсказывает? Кто, Кэрол? Я?

— Я не знаю... Я ничего не знаю. Но я боюсь. Боже, это никогда не кончится! Я не могу так больше, не могу!

— Все будет хорошо, — Джек обнял ее, и она порывисто прижалась к его груди. Он почувствовал, что она дрожит. Поразительно. Если бы он не видел это собственными глазами, он никогда бы не поверил. Он подумал о Рэе и о том, что уже его приговорил. Как, как она может чувствовать подобные вещи, такие, как опасность и смерть? Это дано животным, но чтобы человек...

Она отстранилась так же резко, как и бросилась в его объятия. Какая-то потерянная и

встревоженная, она поднялась и тихо бросила:

— Пойдем. Я провожу тебя в палату.

— А куда ты так спешишь? Уж не Рэй ли тебя дожидается? — Джек встал и выпрямился, сверху вниз изучая ее пристальным взглядом.

— Нет, — рассеяно ответила она, словно и не заметила в его голосе ревности и скрытой угрозы. — Но я заеду к ним, узнаю, все ли в порядке. Что-то беспокоит меня.

Она молчала, погружившись в свои мысли, пока они возвращались в палату. Джек всю дорогу косился на нее, но она как будто и забыла, что он идет рядом.

— Я сама завтра заеду к доктору Тоундсу и узнаю, как обстоят дела с твоей кровью, — вдруг сказала она, прервав молчание.

Джек остановился и повернул ее лицом к себе, взяв за плечи.

— Кэрол, глупо делать вид, что ничего не произошло. Мне не хочется говорить об этом, и я понимаю, что тебе — тоже. Но нам придется. И так будет лучше. Нельзя молчать, потому что тогда это так и будет стоять между нами, а я не хочу. Я хочу, чтобы у нас с тобой все было по-прежнему, так, как раньше...

— Жить со мной, мороча мне голову, и спать с Даяной... и с кем там еще, не знаю! Нет, ты знаешь, что-то мне так не хочется, — Кэрол ехидно ухмыльнулась.

— Ты же поняла, что я имел в виду, — тихо проговорил он.

— Джек, оставь меня в покое, — Кэрол стряхнула со своих плеч его руки. — Я не хочу с тобой ни о чем разговаривать.

— Почему? Ну не верю я, что тебе нечего мне сказать. Выскажись, и давай обо всем забудем и больше никогда не вспомним.

— Забудем? — удивилась Кэрол. — Ну да, почему нет, мелочь-то какая! Вот я и говорю, не стоит об этом даже и говорить.

— Нет, поговорить надо.

— Пойди, поговори с кем-нибудь другим о своих любовных подвигах, раз так хочется. А мне пора идти, Джек.

— Нет, стой! — резко и почти грубо он схватил ее за руку, но сразу же смягчился и с улыбкой погладил ее пальцы. — Ну, не надо так, Кэрол, не будь такой. Ведь я же все равно знаю, какая ты на самом деле. Ты приходишь сюда, ко мне, заботишься, беспокоишься, не смотря ни на что... хоть и напускаешь безразличный вид.

— Я все еще твоя жена, — холодно напомнила она. — Я должна приходить, хотя бы перед людьми и сыном.

— Я не поверю, если ты скажешь, что ты приходишь сюда только поэтому, что до меня тебе нет никакого дела. Так не бывает, чтобы любимый человек вдруг в один миг стал безразличен. Ведь ты любишь меня.

Не поднимая глаз, Кэрол высвободила от него свою руку, чтобы он не заметил, как она задрожала. Вот гад! Продолжает мучить, мало ему! Зачем, зачем он ее трогает, ее любовь, ее чувства? Поиздеваться хочет, посмеяться?

Он подошел ближе. Совсем близко. Она напряглась, готовясь оттолкнуть его, если он приблизится еще хоть на сантиметр.

— Не молчи, милая. Ударь меня, обругай, сделай хоть что-нибудь, только не смотри на меня своими печальными глазами и не молчи! Неужели кроме Тима Спенсера и моей крови тебе нечего больше мне сказать?

— Нет, нечего, — Кэрол пожалала плечами.

— И ты даже не хочешь потребовать у меня объяснений?

— А мне и так все ясно.

— Что тебе ясно?

— Что я полная дура.

— Не надо так, котенок...

Кэрол вздрогнула, вскинув на него расширившиеся глаза. Джек покраснел, сообразив, что назвал ее так, как всегда называл Мэтт. А она отреагировала так, будто он воткнул в нее иголку, и это его разозлило. Все-таки все еще им болеет, все еще страдает... иначе не реагировала бы так остро и болезненно. Но она ничего не сказала, спрятав налившееся слезами глаза. А Джек не стал заострять на этом внимание, сейчас это неуместно и не к чему. Их собственные отношения нужно выяснить, а не ее отношения с Мэттом.

— Ты не дура. Это я... я нехорошо поступил, я признаю. Но я тебе постараюсь объяснить, я хочу, чтобы ты поняла...

— Джек, — устало перебила Кэрол, — не надо ничего объяснять.

— Но почему?

— Да потому что, чтобы ты мне не сказал, я все равно тебе не поверю, неужели ты не понимаешь? Ни сейчас, ни потом — никогда! Тебе верить — себя не уважать... и не щадить. Ты не умеешь и не хочешь быть честным и откровенным, даже с теми, кто тебя любит, ты привык так жить, или тебе просто нравится — я не знаю — но я так не могу и не хочу! Я не такая, — Кэрол дрожала от переполнявших ее горьких чувств и эмоций, но старалась держать себя в руках. — У меня к тебе только один вопрос, и может быть, ты все же ответишь мне честно — зачем? Зачем ты на мне женился?

— Потому что я тебя люблю.

— А! — она разочаровано махнула рукой. — Я так и знала, ты не умеешь говорить правду.

— Но это и есть правда.

— Странная какая-то правда. Ты встречался с Даяной, а я зачем тебе понадобилась, а? Неужели ты женился из-за ребенка? Почему ты не женился на ней? Жил бы с ней, а не со мной, и бегать никуда не надо было, лгать, скрываться. К чему все это, зачем такие сложности, когда могло быть все просто?

— Если бы я хотел на ней жениться, я бы женился. Но я не хотел. Мне нужна была ты. А ребенок тут не причем. Ну, может быть, он просто ускорил нашу свадьбу, но я планировал ее уже давно.

— Ах, да, припоминаю, ты об этом что-то такое говорил. Ты искал себе в жены женщину не для любви, а для удобства, с которой тебе было бы легче жить, беспрепятственно морочить ей голову и вешать лапшу на уши, чтобы она сидела себе тихонько в уголке и не мешала тебе жить, а заботилась бы о тебе и о детях, помогая поддерживать идеальную семью, о которой ты так всегда мечтал. А что же, Даяна не подошла? Или она из тех женщин, которые рождены для любви, а не для домашнего рабства?

— Я тебе уже говорил, из «каких» она женщин. На таких не женятся, таких просто трахают, — он осекся и покраснел до корней волос, спрятав глаза. Кэрол отвернулась, тяжело дыша.

— Я люблю тебя, Кэрол, и всегда любил. А она... она ничего для меня не значит. Ну, прилипла она ко мне, пока мы с тобой в ссоре были, но у нас даже романа не было, и даже какими-либо отношениями это назвать трудно. Так, времяпрепровождение ради

удовлетворения естественных потребностей, понимаешь?

— Ты же знал, что она моя подруга, что я люблю ее и что она у меня одна. Джек, это... это так подло. Ты ведь специально это сделал? Мстил мне, да?

— Нет, Кэрол. Просто так получилось.

— Хорошее объяснение. Так получилось, что я женился на тебе, не порвав с твоей подругой ни до, ни после свадьбы! Так зачем ты женился? Чтобы обманывать меня с моей лучшей подругой? Другую кандидатку в жены не мог найти, если уж на Даяне жениться не хотел? Или тебе именно меня нравится мучить?

— Послушай, что я тебе говорю! — повысил голос Джек. — Я же сказал, я люблю тебя! Я не хотел тебя мучить или обижать. Если бы не эта гадина, ты бы не узнала... — он снова осекся. — Господи, да я виделся с ней всего-то несколько раз за эти пять лет! Я догадываюсь, что она там тебе наплела какой-нибудь слезливую любовную драму из романа про великую любовь, но это все не так. Она для меня просто красивая женщина, а ты... ты — это все! Господи, ну пойми же ты, пожалуйста! Я люблю тебя, я люблю нашу семью, но я мужчина, понимаешь, я мужчина...

— Да, я понимаю. Это достойное оправдание, — снова перебила его Кэрол, тихо и спокойно. — Думаю, это все объясняет. Ты мужчина, и этим все сказано. Но неужели все мужчины такие?

В ее вопросе прозвучали горечь и отчаяние.

— Ты говорил, что не такой, как Рэй, и я верила. Но, в принципе, в этом ты мне не лгал — ты действительно не такой, как Рэй. Ты намного хуже!

Джек попытался ее обнять, притянув к себе.

— Кэрол, солнышко... Я собирался с ней порвать. Я клянусь тебе, что никогда больше не увижусь с ней. Я не буду тебе больше лгать. Я исправлюсь. Вот увидишь. Дороже тебя и Патрика у меня никого нет.

— Патрик — может быть, да, он тебе дорог и нужен. Но не я.

— Ты мне нужна еще больше.

— Да, потому ты и бегал от меня... Но неужели Даяна правда ничего для тебя не значит? Тогда ради чего ты причинил мне такую боль, так со мной поступил? Ради чего разрушил нашу семью, твою семью, которая тебе так дорога, как ты всегда говорил, а? Если бы ты ее любил, я бы могла это как-то понять, но если нет?.. Скажи мне правду, если любишь ее, тогда я хоть что-то пойму в твоём поступке! Лгать больше нет смысла. Любишь ее — будь с ней. Меня оставь в покое.

— Да не люблю я ее, не люблю! — завопил Джек, потеряв над собой контроль. — Сколько мне повторять, что я тебя люблю, тебя! И буду я с тобой, а не с ней!

— Нет, со мной ты уже точно не будешь! — фыркнула Кэрол. — Сделай милость — иди к ней, меня не трогай. Она замуж за тебя собирается, а я твоей женой быть больше не хочу, так что путь свободен, вперед. Впрочем, что вы там решите, меня не касается.

— Даже не думай об этом, я тебя предупреждал. Я не позволю тебе уйти и поломать нашу семью.

— Это ты ее поломал. Впрочем... была ли она вообще когда-нибудь, эта семья? А в твоём позволении я больше не нуждаюсь.

Кэрол отвернулась, чтобы уйти, но потом остановилась и медленно обернулась.

— Не все мужчины такие... — скорее больше себе, чем ему сказала она задумчиво. — Мэтт не был таким.

— Твой муж я, а не он, — бросил Джек грубо.

— Ты? — она сосредоточила на нем свой взгляд. — Нет. Ты — любовник Даяны, ты был им еще до того, как мы поженились, и оставался им все это время. И будь им впредь, раз так нравится. Пять лет все-таки достаточный срок, значит, не так она тебе безразлична, как ты мне тут пытаешься доказать. Давай будем считать наш брак недействительным. Это не было браком, это был просто обман. Причем, бессовестный и очень жестокий. Хватит, Джек. Тебе самому не кажется, что с меня достаточно? Оставь меня в покое. Меня и моего мужа... точнее, его могилу. Ты не позволял мне даже навещать его могилу, а сам так поступал...

Лицо Джека мрачнело все больше от ее слов, а взгляд твердел, становясь жестоким и злым. Он смотрел на нее так, будто хотел испепелить.

— Значит, ты хочешь, чтобы мы расстались, я правильно понял? — глухо сказал он.

— А ты считаешь, что после всего мы сможем быть вместе? — вопросом на вопрос ответила Кэрол.

— Да, считаю. Я все исправлю. Я сделаю так, чтобы ты снова смогла мне доверять. Нельзя вот так взять и все разрушить, сгоряча, от обиды. Оно того не стоит. И я знаю тебя. Ты отойдешь, ты простишь, может не сразу, но со временем, и все у нас будет хорошо.

— Потому ты и поступаешь со мной так — уверен, что я все прощу? Поэтому со мной можно делать все, что угодно? Ты ошибся, Джек. Я не Господь Бог, я просто человек. Бывают вещи, которые не можешь простить при всем желании. И я устала прощать. У меня сердце, а не камень в груди. Всю свою жизнь я только и делала, что терпела и мирилась с тем, что мне не нравилось. И я поняла, что это будет продолжаться до бесконечности, если я и дальше позволю так с собой обращаться.

— Этого больше не будет, я обещаю. Все будет иначе. Ну, что мне сделать, чтобы ты поверила, что нужна мне? Стал бы я тебя уговаривать, упрашивать, если бы было не так, а, подумай сама? Тебе не кажется, что я уже наказан за свою ложь? Поломанные кости, вывихи и синяки, да еще такое унижение — этого, ты считаешь, не достаточно? Не думай, что я оказался в больнице только из-за Даяны. Твой дружок бил меня не только за сестру, но и за тебя, — он печально улыбнулся, увидев, как ее удивили его слова. — Так что можешь считать, что я наказан за то, как поступил с тобой. Ведь я был с ним знаком, если ты помнишь, он знал, что я твой муж. Он сказал, что столкнулся с тобой у входа, и ты была похожа на безумную. А когда увидел меня в квартире Даяны, даже спрашивать ни о чем не стал. Впрочем, и дурак бы понял, что к чему. И чуть не убил меня. Тебе этого мало? Бог с ним, с этим мальчишкой, не трону я его, и сестричку его — тоже, если ты просишь. Пусть, я получил по заслугам. Я признаю.

— Ты обещаешь?

— А ты обещаешь дать мне еще один шанс?

— Это шантаж?

— Нет, это крик души, — он улыбнулся и погладил ее по щеке. — Видишь, ради тебя я готов даже поступиться своим уязвленным самолюбием, а ты знаешь, что это для меня значит и чего стоит. Знаешь, что никогда раньше я так не поступал.

— Знаю, поэтому не верю тебе.

— А ты поверь.

Кэрол ничего на это не ответила. Отвернувшись, она молча ушла.

Джек смотрел ей в след, пока она не скрылась за углом. Никогда еще он не чувствовал в

ней такого сопротивления, которое скрывалось за ее молчанием. Только сопротивляться ему было бесполезно. Будет так, как хочет он. Эти две девчонки сделали из него дурака, сговорившись и поймав в расставленную ловушку, как кролика. Это привело его в бешенство. Быть облапошенным девчонками — что может быть унижительнее? На Кэрол он не злился. Но Даяна... Эта девица слишком много на себя взяла, несмотря на то, что он ее не раз предупреждал. Только не на того напала, ничего у нее не получится. Какой же надо быть душой, чтобы так его разозлить? Она пытается разрушить его жизнь, его семью, разлучить с любимой женщиной — на что она рассчитывает, интересно? Кэрол сказала, что Даяна собирается за него замуж? Смешно до слез. Она еще большая дура, чем он думал. Но за свою дурачность она еще поплатится. Потому что свою ловушку она поставила не на кролика. И ее брат, этот чертов ангелочек с подпорченной физиономией, пожалеет, что вернулся с того света. Главное, чтобы об этом не узнала Кэрол.

Джек снова подошел к телефону и неторопливо набрал номер.

— Добрый вечер, Гарри. Извини, что беспокою в нерабочее время. Что ты скажешь о моей крови? Каков счет и кто ведет — белые или красные?

Открыв двери и увидев перед собой Кэрол, Дороти радостно улыбнулась и, поцеловав ее в щеку, пропустила в дом.

— Ты как раз вовремя. Я собиралась подавать ужин.

— Хорошо. Я голодна, как зверь, — улыбнулась Кэрол. — Куртни в кабинете?

— А где ж ей еще быть?

— А Рэй дома?

— Дома. Только что слонялся по дому, не знал, чем заняться. Ладно, я побежала накрывать на стол, а ты собирай всех и приходите в столовую через десять минут.

Дороти поспешила на кухню, откуда доносились наиприятнейшие ароматы, от которых пустой желудок Кэрол сжался и заныл от голода. В предвкушении вкусного ужина в компании Куртни и Рэя, Кэрол направилась в кабинет. Она любила приходить в этот дом, который стал ей родным, где провела столько беспечных и счастливых часов. У нее по-прежнему была здесь своя комната. И у Патрика тоже была комната. Они часто приезжали сюда с ночевкой или даже на несколько дней, когда Джек бывал в командировках. Патрик тоже всегда с удовольствием приходил сюда.

Куртни изучала какие-то бумаги, когда Кэрол вошла в кабинет.

— Кэрол... что-нибудь случилось?

— Да нет, просто пришла, — Кэрол пожалала плечами. — Дома сейчас так пусто. Не хочу туда идти.

Куртни улыбнулась и вышла из-за стола. Кэрол шагнула к ней и обняла.

— Куртни, я тебя люблю.

— Кэрол, точно ничего не случилось? — женщина недоуменно заглянула ей в лицо, отстраняясь.

— Нет. Тоска какая-то на меня напала, нестерпимая. Хочу побыть с вами. Мне всегда здесь так спокойно, так хорошо. А Джордж звонил сегодня тебе?

— Да, полчаса назад я с ним разговаривала. У них все в порядке. Тебя что-то тревожит? Взгляд у тебя какой-то странный...

— Да, что-то нехорошо мне, — Кэрол потерла ладонью грудь, слегка скривившись. — Непокойно. Страшно.

Куртни ласково погладила ее по голове и улыбнулась.

— Все будет хорошо, моя девочка. У тебя просто стресс, после всего, что произошло, поэтому и появляются все эти неприятные ощущения, тревоги, страхи. Как Джек?

— Поправляется.

— А ваши отношения?

Кэрол пожалала плечами и грустно покачала головой.

— Ах, Куртни, сердце разрывается, когда смотрю на него. Как подумаю, что мы с ним расстанемся, так ноги подкашиваются... А как представлю его с Даяной... как будто кипятки в душу заливают, и больно, и печет, сил нет терпеть... ненавижу его так, что убить готова.

— Я понимаю тебя. Это очень больно, но это можно вытерпеть. Здесь ты уж ничего не

поделаешь, остается только перетерпеть. А что ты решила? Уйдешь или будешь жить с ним дальше?

— С ним? Нет, не хочу, не могу.

— Правильно, малышка, наконец-то, открылись твои глазки! — раздался за ее спиной радостный голос Рэя. — Сваливай, пока он тебя не доконал. Возвращайся к нам, уж мы с Куртни тебя здесь в обиду не дадим! Я же тебе сразу сказал — гнилой он мужик, нельзя с ним связываться.

Кэрол обернулась.

— Привет, Рэй.

— Привет, малыш, — он приобнял ее за талию и запечатлел звонкий поцелуй на щеке. — А ты к нам в гости или уже насовсем?

— Пока в гости, — улыбнулась Кэрол.

— В больнице у него была? Не пойму, зачем ты к нему едешь? На твоём месте, я бы даже думать о нём забыл. Хоть бы он сдох уже, что ли, надоел совсем. Чего этот малый его так слабо побил? Надо было уж до конца, чтоб не очухался.

— Ладно, Рэй, хватит языком плести, что попало, — осадила его Куртни. — Пойдемте ужинать, Дороти, наверное, уже накрыла.

Она вышла из кабинета, Кэрол пошла следом, украдкой отбиваясь от Рэя, который игриво хватал ее за руки сзади и дергал за волосы, идя за ней по пятам и ребячась, как проказливый мальчишка.

Когда они рассаживались по местам, он достал из своей коллекции бутылку вина и, откупорив, поставил на стол.

— Есть повод выпить, — заявил он, разливая вино в бокалы. — За то, что Кэрол, наконец, избавилась от этого уroda в галстуке!

— Рэй, прекрати! Радоваться тут нечему, — строго взглянула на него Куртни. — Когда ты научишься думать, прежде чем говорить?

— Ладно, тогда давайте выпьем за Джека, — невозмутимо продолжил Рэй веселым тоном. — За то, что он такой идиот! Вот дурак, правда, Куртни? Потерять нашу Кэрол, да еще так глупо! Пусть теперь локти кусает. А он будет их кусать, Кэрол, будь уверена. Ты теперь, главное, не ведись у него на поводу, а то опять мозги тебе задурит...

— Ладно, Рэй, давай поговорим о чем-нибудь другом, — тихо проговорила Кэрол, понуриив голову.

Он тяжело вздохнул.

— Ну, прости меня, малыш. Давай выпьем за тебя и за Патрика, — он поднял бокал. — Чтобы все у вас было хорошо, и никогда вы не грустили.

На этот раз женщины поддержали его тост и подняли свои бокалы.

После ужина они расположились в кабинете. Куртни сидела за столом, шурша бумагами, а Кэрол и Рэй поставили между собой журнальный столик и принялись играть в карты. Куртни украдкой наблюдала за ними. Игра их становилась все более шумной и азартной. Кэрол ожила, расшевелилась, глаза ее заблестели. Она то смеялась, когда Рэй проигрывал, то ругалась с ним, обвиняя в жульничестве. Так было всегда. Рэй всегда мог заставить ее открыться, расслабиться, еще с тех пор, как она была девочкой. Если они начинали в чем-то соревноваться, будь то теннис, карты или что-нибудь еще, это происходило всегда очень бурно, с эмоциями, и лично Куртни всегда было интересно понаблюдать за ними в такие моменты. Они казались ей такими забавными и смешными,

как два упрямых капризных ребенка, желающих победить во что бы то не стало. Она знала, что их девочка пришла к ним, потому что ей очень плохо, пришла за поддержкой, утешением. Знала, что Кэрол хорошо здесь, с ними. Потому что они были ее семьей. Той настоящей семьей, которой, как Кэрол привыкла считать, у нее никогда не было. Но она находила здесь успокоение и любовь, она смеялась и веселилась здесь, с ними, в этом доме, словно, приходя сюда, оставляла за дверью все свои горести и погружалась в другой мир, мир теплый и ясный, где ей было хорошо и уютно, где она была счастлива и только теперь могла это понять, потому что не могла найти счастье за его пределами. И стремилась сюда, как мотылек к огоньку, который его согреет и развеет мрак вокруг.

Куртни чувствовала затаенную радость, представляя, что Кэрол и Патрик теперь будут жить здесь, когда уйдут от Джека. Эта радость заставляла ее чувствовать себя виноватой, но Куртни всегда этого ожидала. Она знала, что рано или поздно это произойдет, что Кэрол и Джек не смогут быть вместе и разбегутся. Может, оно и к лучшему. С Джеком слишком тяжело. Для Кэрол, простой и бесхитростной, жизнь с таким, как он, не принесет ей ничего хорошего. Это было ясно изначально. Только Куртни наивно понадеялась на любовь, хоть и знала, что одной любви мало для того, чтобы удерживать друг подле друга мужчину и женщину. Ведь любовь разная, и каждый любит по-своему. И когда эта любовь оказывается слишком разной, и понятия о том, какая любовь должна быть, не совпадают, все рушится. Кэрол найдет себе другого мужчину, она молода и красива. А может быть, другого мужчины больше не будет. Разочаровавшись в Джеке, она не признает больше мужчины в своей жизни, и будет поклоняться тому, кто по-прежнему жил в ее сердце, и который, по видимому, никогда его не покинет — своему Мэтту, и их любви, которая в ее глазах была настоящей, такой, как должна быть, и которой у нее никогда уже не будет, без него. Этого Куртни боялась больше всего. Кэрол обратилась к ней с просьбой, прося помочь добиться разрешения на кремирование останков Мэтта, дабы его прах, помещенный в урну, всегда был рядом с ней. И чтобы Джек не смог больше отнять у нее ее Мэтта и не издевался над его могилой. Зацикленность Кэрол на Мэтте пугала порой Куртни, как сейчас, когда девушка обратилась к ней с подобной просьбой. Куртни знала, что Кэрол продолжает думать о нем и страдать, но Джек отвлек ее от этого, не избавив, но отвлекая ее от прошлого. А что будет теперь? Она может замкнуться в себе и уйти в свое прошлое, к Мэтту, и не пожелать возвращаться, холя и лелея свою трагичную любовь, когда любовь Джека для нее потеряна. А так и до помешательства не долго, учитывая, к тому же, ее нестабильную психику. Куртни решила помочь ей. Пусть прах Мэтта будет в безопасности и при ней, может, тогда она успокоится, если перестанет жить в постоянном страхе, что Джек может снова разворошить могилу и похитить у нее ее мужа, навсегда. И когда Куртни пообещала помочь, Кэрол сразу как-то успокоилась. Куртни и самой не нравилось, что Джек таким образом шантажирует Кэрол. Да и то, что он делает с телом Мэтта тоже слишком. Пусть он, конечно, при жизни был чудовищем и причинил много зла, но право покоя после смерти у всех одинаково, и не дело это, перетаскивать его с места на место, не по-божески. Нельзя делать такие вещи. Джек не боится ни людей, ни черта, ни Бога, и не проявляет никакого уважения. А зря. Ему этого не простят. И настанет момент, когда ему придется за это ответить, перед всеми. Только, наверное, и тогда он пошлет всех к черту, и людей, и Бога, и самого черта. Таков был Джек. И изменить его было невозможно. Поэтому Куртни и хотела, чтобы Кэрол с ним рассталась. Для Кэрол так будет лучше. И для Патрика тоже.

— Тише, чего расшумелись? — ласково проворчала Куртни, бросив веселый взгляд на

споривших игроков. — Вы мешаете мне сосредоточиться. Мне нужно работать.

— Куртни, он жульничает! Скажи ему!

— Я не жульничал!

— Жульничал! Ты всегда меня дуришь, я знаю! И я не отдам тебе выигрыш! — Кэрол накрыла ладонями кучку банкнот, лежащих на столике. Разгневанный Рэй попытался оттолкнуть ее руки и забрать деньги.

— Это мой выигрыш! Убери от него свои лапки!

Схватив деньги, Кэрол пронзила его предупреждающим взглядом.

— Ты играл нечестно, значит, это не твой выигрыш.

— Хорошо, тогда давай начнем заново.

— Нет уж, хватит, я никогда больше не буду с тобой играть! Ты прохвост и обманщик! Я забираю себе все деньги, как компенсацию за моральный ущерб.

— Ба, умная какая стала! Понабралась от своего муженька-адвоката всякой дряни, только здесь это не пройдет! Давай сюда деньги!

Он вскочил с кресла и стал отнимать у нее свой выигрыш. Кэрол отчаянно уворачивалась, прижав ладони с зажатыми в них купюрами к груди.

— Прекратите, что вы в самом-то деле... как маленькие. Драться за сто долларов! Я дам каждому из вас по пятьсот, только дайте мне сосредоточиться на документах! — строго сказала Куртни, но в ее голосе слышался сдерживаемый смех.

— Дело не в деньгах, как ты не понимаешь! — отозвался Рэй, пытаясь разжать руки девушки. — Ты смотри, сильная какая, кто бы мог подумать! Куртни, скажи ей!

— Куртни! Скажи ему! — в отчаянии вскрикнула Кэрол, когда он все-таки вырвал у нее деньги. — Рэй, так не честно! Мало того, что жульничал, так еще и силу свою применяешь!

— Я жульничал? А ты не жульничала? Я же сам тебя этому научил! Тоже мне, правильная какая! Потому и злишься, что это я тебя обжулил, а не ты меня!

Куртни с улыбкой покачала головой. Да, она помнила, как еще очень давно Рэй учил ее хитростям и уловкам шулерства. И когда они брали в руки карты, начиналась борьба, кто кого ловчее обведет вокруг пальца. Когда Кэрол проигрывала, она всегда злилась и начинала обвинять его в обмане, и клялась-божилась, что никогда больше не станет с ним играть. И за обладание выигрышем они устраивали драки. Но когда выигрывала, более самодовольную и хитрющую физиономию, чем у нее, во всем свете сыскать нельзя было.

Сердце Куртни защемило. Как же сильно любит она этих двоих, их дурачества, которые порой безумно ее раздражали, но без которых ее жизнь была бы такой скучной и пресной. А потом появилась ревность. И наблюдая за ними сейчас, она чувствовала сладость и горечь одновременно. Ей было и хорошо, когда она смотрела на них, и плохо. Хорошо от сознания того, какими они стали друг другу родными и близкими, она, Рэй и Кэрол, оттого, что они счастливы, когда все вместе, как прежде. И плохо от того, как изменился Рэй. Он бродил по дому угрюмый и неприкаянный, как зверь в клетке, и совершенно менялся в присутствии Кэрол. И видеть это Куртни становилось все тяжелее. Тяжело было видеть его красоту, свежесть, молодость, которые словно и не собирались его покидать, его задорную мальчишескую улыбку, которая еще больше молодила его не тронутое морщинами лицо с такой же упругой, не увядающей кожей, не блекнувшей и не теряющей цвета молодости, такие как легкий румянец, как матовый смугловатый оттенок, такой же насыщенный и свежий, как двадцать лет назад. Его телу и фигуре завидовали юноши, мечтая выглядеть так же. Он был здоров, крепок и полон сил. И рядом с ним Куртни чувствовала себя старухой.

Она была старше него, и к ней время было не так снисходительно. Ей и в молодости не нравилось свое отражение в зеркале, она понимала, что и тогда не была красавицей, но сейчас ее внешность заставляла ее страдать. Время безжалостно разделило ее и ее любимого, оно унесло ее далеко вперед, а его оставило позади, ее превратило в старуху, а ему позволило остановиться в расцвете своих сил и красоты. Разница в возрасте теперь казалась намного больше, чем была на самом деле.

Как будто судьба давала ей понять, какие они разные, он и она, что он создан не для нее, что он не ее мужчина, а она завладела им силой против самой природы и судьбы. Он принадлежал другой женщине, Куртни всегда это знала. И звали эту женщину Элен. Куртни помнила ее в молодости. Элен была ослепительно красива. Но не это привязало к ней Рэя. Он и она росли вместе и дружили с детства, одинокие и никому не нужные. Вот тогда, будучи еще девочкой, Элен и взяла его сердце. Только она, Куртни, отобрала у нее Рэя, что сломало и Элен и ее жизнь. А теперь, как по насмешке судьбы, спустя много лет, Куртни, уже немолодая, увядающая женщина, видит свою соперницу, все такую же молодую и прекрасную. Видит такого же молодого и красивого Рэя, такой же огонь тайной любви в его глазах. Любви к ней. Белокурой, стройной, с большими прозрачными глазами, к которым невозможно было остаться равнодушным. Она здесь, в ее, Куртни, доме, и Куртни ее любит. Любит, не смотря ни на что, потому что полюбила еще до того, как она превратилась в Элен и стала соперницей. Словно Элен вернулась, чтобы все-таки взять то, что ей принадлежало — Рэя, теперь, когда Куртни стала стара и еще менее привлекательна, чтобы забить ее своей молодостью и красотой и отобрать мужа.

Грустно разглядывала Куртни Кэрол поверх очков, не уставая поражаться ее сходству с матерью. Она даже смеялась так же, и голос был таким же, как у Элен в молодости. Что это — наказание? Упрек? Демонстрация того, что она, Куртни, вмешалась в планы самой жизни, разлучив этих двоих, которых судьба все равно воссоединила прямо у нее под носом, причинив ей такую боль? Не для того ли жизнь сохраняет Рэю молодость и привлекательность, чтобы он смог вернуться в прошлое, к своей возродившейся возлюбленной, такой юной и прекрасной, и составить ей подходящую пару, ту, что должна была состояться еще много лет назад? Ну, как после такого не поверить в судьбу?

Ни Кэрол, ни Рэй не догадывались о ее мыслях, поглощенные своим спором. Все закончилось тем, что Кэрол обиделась и ушла, буркнув ему, чтобы он подавился своим выигрышем.

— Шарлатан! — фыркнула она напоследок перед тем, как закрыть дверь.

Опустив лист бумаги, поверх которого украдкой наблюдала за ними, Куртни с упреком покачала головой, смотря, как Рэй с довольной физиономией засовывает отобранные у девушки деньги в карман.

— Рэй, ну как тебе не стыдно? Взрослый мужчина, а так себя ведешь!

— Ну, я же выиграл. Она была не права.

— Рэй!

— Ну, ладно, ладно. Пошел мириться, — он поднялся и с улыбкой вышел из кабинета.

Лицо у Куртни помрачнело, уголки губ печально опустились, но она снова уткнулась в договор, который никак не могла изучить. Она сосредоточилась, не обращая внимания на занывшее от ревности сердце и не думая о том, что Рэй намеренно рассердил Кэрол, вынудив ее уйти, чтобы пойти следом за ней «мириться» и остаться с ней наедине. В такие моменты Куртни казалось, что она его ненавидит так, что готова убить. Единственное, что

ее утешало, так это то, что он всего лишь в очередной раз обломает свои зубы о твердость ее девочки.

Кэрол отправилась на кухню поболтать с Дороти, зная, что старушка всегда скучает по ней. Да и сама Кэрол ее искренне любила, и всякий раз, когда была здесь, находила время посидеть с ней за кружкой чая и поговорить.

Но едва они только уселись поудобнее, как в кухню вплыл своей гибкой плавной походкой Рэй. Увидев Дороти, он вздохнул, даже не пытаясь скрыть своего раздражения, и, недолго думая, подсел к ним.

— Я тоже хочу чая, — сказал он Дороти.

Та хотела встать, но Кэрол придержала ее за руку.

— Рэй, иди отсюда. Мы хотим поболтать, по-женски, понимаешь?

— Ну, так я тоже умею болтать «по-женски», так что я впишусь в вашу компанию, не беспокойся. Дороти, чай, пожалуйста.

— Сиди, Дороти, я сама сделаю, — Кэрол встала и вышла из-за стола.

Рэй наблюдал за ней, разглядывая ее фигуру, не стесняясь Дороти, которая опустила не одобряющий взгляд в чашку с дымящимся чаем.

— Почему ты меня прогоняешь? — обижено спросил он. — Я, как-никак, соскучился!

— У тебя найдется занятие поинтереснее, чем сидеть здесь с нами, например, пойти потратить нечестно выигранные деньги, которые ты у меня отобрал!

— Ну, не сердить, малышка. Знаешь, как я их потрачу? Я добавлю к этим деньгам еще и куплю для тебя подарок.

Кэрол промолчала, поставив перед ним чашку с чаем.

— Что ж, наслаждайся чаем и болтай «по-женски» с Дороти, раз так хотел, а я пошла к Куртни. Извини, Дороти, мы посидим с тобой завтра.

Она вышла из кухни, а он поспешил следом, даже не прикоснувшись к чаю. Дороти красноречиво сплюнула ему вслед и, поднявшись, стала убирать со стола.

— Ну, погоди! Кэрол! Не обижайся, я молю тебя о прощении! — Рэй догнал ее и остановил, схватив за руку. — Ты же знаешь, что я просто дурачусь.

— Хорошо, Рэй, только отстань от меня, — раздраженно отозвалась Кэрол, вырывая у него свою руку. На лице его отразилась обида, и Кэрол раскаялась в своей грубости. Да, ей очень плохо, она зла и раздражительна, но он-то тут не при чем.

— Рэй, извини, я не хотела, просто я... я... — она отвернулась, чувствуя, как к глазам подкатили слезы.

Он тяжело вздохнул.

— Я понимаю, можешь не объяснять.

— Скажи мне... ведь ты же мужчина, — с отчаянием прошептала она, не поворачиваясь к нему лицом. — Рэй, ближе тебя у меня больше нет никого из мужчин... теперь. Я... я просто не могу понять...

Он подошел к ней сзади и обнял за плечи, стараясь, чтобы это походило на дружеское объятие.

— Дело не в тебе, солнышко, поверь мне, это он такой. Он просто не оценил то, что имел. Тебя.

— Даяна... она очень красивая.

— Да, и что с того? Не надо искать ему оправдание, Кэрол. Он этого не стоит. Он тебя не стоит. Брось его. Он будет так поступать с тобой и дальше. Не позволяй. Заставь его

пожалеть. Пусть жалеет всю жизнь. Ты достойна лучшего. Он не единственный мужчина на свете. Ты не останешься одна. Найдется тот, кто будет тебя любить и ценить... тебя и твоего сына, — тихо говорил Рэй, с трепетом вдыхая запах ее волос. — Ты молода, ты так красива... И ты... ты самая лучшая из женщин...

Отстранившись, Кэрол обернулась и посмотрела на него больными глазами. Медленно отступила от него. Губы ее задрожали.

— А ты... ты когда-нибудь говорил эти слова своей жене?

Рэй растерялся, с изумлением приподняв брови.

— Не говорил. А почему? Или такие слова существуют только для того, чтобы обольщать других женщин за спиной у жены? Ты всю жизнь изменял Куртни, зная, что заставляешь ее от этого страдать. Думаешь, я забыла, как ты сам смотрел на Даяну? Не удивлюсь, если окажется, что и ты побывал в ее постели. И Джек, и ты, вы одинаковые, вы оба... — голос ее сорвался от подкативших к голу слез. — Я презираю вас... обоих. И всех, подобных вам! Лучше всю жизнь быть одной.

Развернувшись, она бросилась прочь от опешившего Рэя.

Сокрушенный, он задумчиво постоял на месте, затем пошел за ней в кабинет Куртни. Кэрол сидела в кресле, держа в руках статуэтку Мэтта, и, опустив голову, разглядывала ее. Покосившись на нее, Рэй пристроился в другом кресле.

Пока его не было, Куртни успела сообщить Кэрол, что договорилась о кремации, которую можно будет провести уже послезавтра. Кэрол пожелала присутствовать. Куртни пообещала ее сопровождать. На этом их разговор был прерван, и они замолчали, когда появился Рэй.

Заметив, что хорошего настроения у Рэя заметно поубавилось, Куртни не удержалась от ехидной улыбки.

— Ну, так что, вы помирились? — поинтересовалась она, разглядывая мужа.

— Да, конечно, — отозвался тот, вызываяще перехватив ее насмешливый взгляд.

Потом он некоторое время сидел молча, о чем-то задумавшись и, время от времени, поглядывая на Куртни. Та поняла, о чем он думает и, встречаясь с его глазами, сурово поджимала губы и едва заметно качала головой.

Но Рэй вдруг резко поднялся, решительно смотря ей в глаза.

— Мы должны ей показать, Куртни!

— Сядь, немедленно, и закрой рот! — угрожающе зашипела она.

— Она все равно узнает! И она должна знать! Давай, хоть мы будем с нею честны и не будем ничего скрывать!

Кэрол, выйдя из задумчивости, оторвала взгляд от статуэтки и недоуменно посмотрела на Рэя, потом на Куртни.

— О чем вы говорите?

Куртни пронзила Рэя яростным взглядом.

— Когда-нибудь я тебя убью!

— Хорошо, только пусть Кэрол не думает, что мы ее обманываем, — Рэй подошел к столу и протянул руку. — Давай.

Куртни устремила на Кэрол странный взгляд, от которого сердце девушки сжалось от предчувствия чего-то очень нехорошего. Никогда Куртни на нее так не смотрела... с такой болезненной жалостью и сочувствием, даже когда Кэрол не в состоянии была поднести ложку ко рту самостоятельно. Никогда эта «железная леди» не позволяла себе такого

взгляда, а сейчас не удержалась. Почему же?

Кэрол медленно поднялась, чувствуя, как холодеют руки, наблюдая, как Куртни открыла ящик стола и что-то достала. С удивлением, Кэрол увидела, что это всего лишь газета.

— Я хотела оградить тебя от этого, но... Рэй прав, ты бы все равно узнала, — глухо проговорила Куртни и отдала газету Рэю, который, обернувшись, протянул ее девушке.

Кэрол медленно развернула ее, и кровь бросилась ей в лицо, стоило ей увидеть только заголовок на первой странице.

«Жена Джека Рэндэла — шлюха и психопатка!»

Кэрол опустила в кресло, быстро пробегая глазами по строчкам, не замечая, с какой тревогой и страданием на нее смотрят Куртни и Рэй.

«Кэролайн Рэндэл, бывшая Ландж, и в девичестве Мэтчисон, родилась и выросла в придорожном борделе, будучи дочерью одной из ее обитательниц, а именно, самой владелицы непристойного и весьма знаменитого в Фарго местечка, пользующегося в свое время популярностью у дальнобойщиков и не только... Кэролайн Мэтчисон, судя по всему, была просто досадным недоразумением, браком в работе ее матери, Элен Гран, которая так ненавидела ее, что даже не пожелала дать ей свою фамилию. Ремесло матери девочка переняла, когда ей не было еще и четырнадцати, и в силу своей юности пользовалась у клиентов большей популярностью, чем взрослые женщины. Местные жители хорошо помнят и Элен Гран, и ее дочь. Девочка никогда не отличалась хорошим поведением, была агрессивна и изводила сверстников в школе, не раз избивала девочек. Впрочем, этому никто не удивлялся. Мать девочки не считала нужным заниматься ее воспитанием, с раннего детства уготовив ей жизнь проститутки. Элен Гран скончалась пять лет назад в психиатрической лечебнице, где провела семь лет после того, как ее признали виновной в совершении нескольких жестоких убийств, а также она была признана невменяемой и помещена в больницу. Из-за произошедшего недоразумения, в результате которого Рэй Мэтчисон был введен в заблуждение Элен и ее дочерью, которые убедили его в отцовстве, он согласился забрать девочку к себе. Обстановка и декорации сменились, но девочка осталась прежней. Когда выяснилось, что Рэй Мэтчисон не является ее отцом, она его соблазнила, оплатив черной неблагодарностью его жене, принявшей юную проститутку в свою семью, из-за чего Кэролайн была выгнана из дома. Далее она выходит замуж за оправданного и освобожденного стараниями Джека Рэндэла Мэттью Ланджа, прославившегося обвинением в зверских убийствах трех малолетних девочек и отсидевшего за решеткой восемь лет. Но муж ее погибает после свадьбы спустя всего несколько дней в автокатастрофе. Спустя некоторое время Кэролайн обвиняется в убийстве Кэтрин Френсис, первой жены Мэттью Ланджа, но так же, как и мать, Элен Гран, признана психически нездоровой и отправлена на принудительное лечение в психиатрический госпиталь. А, выйдя оттуда, становится женой одного из самых преуспевающих и популярных адвокатов — Джека Рэндэла. Что побудило знаменитого юриста жениться на женщине с такой биографией и с такой болезнью, как наследственная маниакальная шизофрения, можно только гадать. Известно, что она родила ему сына, но и мальчик за свои пять лет уже успел попасть под наблюдение психиатров из-за своей наследственной склонности к насилию и жестокости. Как выяснилось, до женитьбы у Джека Рэндэла был роман с известной топ-моделью Даяной Спенсер, но в силу чрезвычайной занятости обоих, они вынуждены были встречаться не так часто, как хотели. Воспользовавшись этим, Кэролайн Мэтчисон, как профессиональная «жрица любви» с многолетним опытом, склоняет адвоката к близости, а потом, шантажируя беременностью и

пользуясь его убеждениями в том, что каждый ребенок должен иметь полноценную семью, вынуждает жениться. Но от своей любви, потрясающей и прекрасной Даяны, он не смог отказаться и поддерживал с ней тайную связь, которую вынужден был тщательно скрывать от своей жены, убийцы и психопатки, дабы не подвергать опасности любимую.

Что это — насмешка судьбы? Джек Рэндэл, знаменитый громкими и потрясающими мир делами о маньяках, в защиту которых выступал, получает в жены потомственную маньячку-психопатку, и кровожадного звереныша в сыновья, скорее всего, тоже будущего страшного убийцу. Или адвокат настолько равнодушен к маньякам, что решил окружить ими себя не только в профессиональной деятельности, но и в личной жизни? Или жена и сын — маньяки — это кара Господня за то, что давал свободу убийцам?...»

Кэрол опустила газету на колени и молча уставилась куда-то перед собой неподвижным взглядом.

Куртни и Рэй взволнованно смотрели на нее.

Присев рядом с девушкой на корточки, Рэй осторожно вытащил у нее из-под рук газету и, смяв, бросив в корзину для мусора. Подняв на Кэрол заискивающий взгляд, он погладил ее по коленке.

— Солнышко, ты в порядке? — мягко шепнул он.

Кэрол не ответила, продолжая смотреть в одну точку. Куртни поднялась и вышла из-за стола.

— Кэрол! — окликнула она твердым голосом.

Девушка перевела глаза на нее.

— Что?

Заметив их встревоженные взгляды, она слабо улыбнулась, но улыбка получилась жалкой и горькой.

— Я в порядке, не волнуйтесь. Я привыкла... привыкла к такому... Там, где я жила, меня до сих пор презирают и смотрят с отвращением. Когда я была совсем маленькой, я не могла понять, почему меня все ненавидят и отвергают, почему другим детям не разрешают со мной играть, почему они меня прогоняют и обижают. И с каждым годом все только усиливалось, и я... я стала воспринимать это, как должное, как неизменную часть своей жизни... вернее, как саму жизнь, не такую, как у нормальных, достойных уважения людей. Жизнь отверженной, клейменной позором и грязью. Ничего уж тут не поделаешь. Моя мать была права, когда говорила мне, что я никогда не отмоюсь. Но Патрик... зачем они трогают Патрика? — в голосе ее появилась ярость. — Неужели и на нем будет это клеймо? Тогда я не хочу быть его матерью, чтобы он страдал из-за меня и моей матери, как я всю жизнь обречена страдать из-за нее! Не хочу, чтобы меня стал стыдиться и презирать собственный ребенок, когда кто-нибудь ему расскажет что-то наподобие того, что написали в этой газетенке!

— Кэрол, никогда не смей так говорить! У людей злые языки, но нельзя им позволить себя забить, — решительно и твердо сказала Куртни. — Когда Патрик подрастет, ты сама ему все объяснишь.

— Объясню? Но что я ему объясню? Что меня всю жизнь все презирали и ненавидели? Что мать продала меня в тринадцать лет? — сорвалась Кэрол, забыв о том, что Рэю, вытаращившему от потрясения глаза, последний факт был не известен. — Что я убила женщину и лечилась в психушке? Рассказать, кем была его бабушка? Думаешь, Куртни, если я сама ему это все расскажу, он станет относиться ко мне иначе, не будет презирать и

ненавидеть?

— Совсем не обязательно все ему рассказывать. Некоторые вещи ему знать совершенно не нужно, — все также твердо ответила Куртни. — И совсем не обязательно, что кто-нибудь ему расскажет. К тому времени, как он подрастет достаточно, чтобы что-то понять, все уже забудется.

— Забудется? Нет, Куртни, сегодня я поняла, что никогда и ничего не забывается. Мой родной город все помнит, а теперь мое клеймо прокаженной увидела вся страна...

— Да кто верит всем этим газетам, Кэрол? Думаешь, ты первая, кого облили грязью? Бери пример с Джека, он никогда не обращал внимания на это, а уж ему, как никому другому, столько раз кости в грязи перемывали!..

— Солнышко, — осторожно подал голос Рэй, решившись вклиниться в разговор. — Если бы ты не была женой знаменитого человека, никто бы не стал интересоваться тем, кто ты и что там у тебя было в прошлом. И как только ты исчезнешь из жизни Джека, все сразу же обо всем забудут, и о тебе, и о том, что о тебе писали. А через месяц об этом уже никто и не вспомнит. Ты и Патрик сможете жить спокойно и нормально, и никто не станет копаться в твоей прошлой жизни и посвящать в нее мальчика, просто потому, что никому до этого нет никакого дела.

— Сомневаюсь, чтобы теперь Джек сам хотел, чтобы я оставалась его женой, — заметила Кэрол с горькой усмешкой.

— Я еще раз повторю, что Джек никогда не придавал значения тому, что говорит о нем пресса, — жестко повторила Куртни.

— А я так не могу. И Даяна об этом знала. Знала, куда больнее ударить, — лицо Кэрол вдруг исказилось от боли. — Как она могла?

— Значит, ты догадалась? — кивнула Куртни.

— Конечно, это Даяна. С ее слов составлена эта статья. Только она и Берджесы думают, что Мэтт погиб в аварии, потому что ты сама им так сказала. Если бы журналисты сами копались в моем прошлом, они бы знали, как Мэтт погиб на самом деле, — Кэрол снова скривилась, на этот раз от отвращения. — И еще эта трогательная пострадавшая любовь между ней и Джеком... Кому еще надо об этом писать, если не ей? Даяна... она же знала, как ни кто другой, как тяжело мне было в детстве, как я страдала от того, как ко мне относились люди. Как... как же она могла?

— Она задалась целью убрать тебя с дороги, вот и убирает, — мрачно ответил Рэй. — Причем, самыми беспроблемными и эффективными способами.

— Я это поняла, — тихо отозвалась Кэрол. — Добивается того, чтобы я не смогла остаться с Джеком, если захочу.

— Но ведь ты и так не захочешь? — насторожился Рэй.

— Я устала. Пойду отдыхать, — улыбнувшись обоим, Кэрол тяжело поднялась с кресла и отправилась в свою комнату.

Рэй, подавленный и расстроенный, остался сидеть с Куртни, надеясь услышать от нее, как помочь их девочке во всей этой ситуации с Джеком, Даяной и ее кознями.

— Ты заметила, что она больше не плачет? На нее это не похоже, — тихо обратился он к Куртни.

— Заметила. И это мне не нравится. Лучше бы она плакала.

Куртни резко замолчала, а Рэй изумленно выпрямился в кресле, подняв лицо к потолку. Сверху доносился приятный сильный голос, громко и неожиданно запевший какую-то

невеселую, но красивую песню.

— Что это? — выдавил он.

— Это Кэрол, — ответила не менее удивленная Куртни. — Она поет.

— Но я никогда в жизни не слышал, чтобы она пела!

— Я тоже.

Посмотрев на Рэя, Куртни неожиданно улыбнулась.

— Надо же, оказывается, у нее есть голос! Песни вместо слез... даже не знаю теперь, нравится мне это или нет.

— Мне не нравится, — заявил Рэй. — Это странно. Может, она опять... ну, немного не в себе?

— Нет, с ней все в порядке. Просто она сильная девочка. Разве ты этого еще не понял, Рэй? Очень сильная. Знаешь, у древних индейских племен был такой обычай... Сильные воины, попавшие в плен, пели во время пыток, демонстрируя свое мужество и силу, и тогда мучители проникались к нему уважением, и прекращали пытки.

— И что, отпускали на свободу?

— Нет, убивали, избавляя от мук.

— Ну, и к чему ты это рассказала?

— Только к тому, что наша Кэрол — настоящий воин...

— Хм, тогда я надеюсь, что это не последняя ее песня, избавляющая от мук смертью!

— Не последняя. В наше время люди более жестоки, чем прежде, — Куртни грустно вздохнула, постукивая красивыми ухоженными пальцами по столешнице. — Она выдержит и пройдет через свои пытки до конца... потому что осознала, что она это может.

Ночью Куртни и Рэя разбудил отчаянный вопль.

Рэй подскочил, как ошпаренный, и в трусах и босиком вылетел из спальни. Куртни, торопливо накинув пеньюар, поспешила следом.

Кэрол растерянно сидела на кровати, прячась под одеялом, Рэй присел рядом, заглядывая ей в лицо и что-то тихо говоря. Кэрол посмотрела на остановившуюся в дверях Куртни.

— Извините... сон плохой приснился, — пролепетала она смущенно.

— Куртни, ее всю трясет, — обернулся взволнованный Рэй.

— Пойди к Дороти, попроси валерьянки. Она, скорее всего, тоже проснулась, и уже спешит сюда. Успокой ее и скажи, что все в порядке. И надень штаны! — добавила раздраженно Куртни и подошла к кровати, не взглянув на проскользнувшего мимо мужа.

Присев на постель, она обняла Кэрол за плечи и обнаружила, что та действительно сильно дрожит.

— Что с тобой, милая? Что тебя так напугало? — ласково спросила она и погладила Кэрол по щеке. Девушка устремила на нее наполненные ужасом и отчаянием глаза, а потом уткнулась ей в грудь и тихо застонала.

— Что-то случится... я чувствую. Это смерть, Куртни, я вижу ее... я чувствую ее... Боже, если Джек... Я больше этого не переживу!

— Успокойся, Кэрол. Все будет хорошо. Тебе просто кажется. Это стресс сказывается.

— Нет, мне не кажется! Не кажется! — Кэрол скривилась и вдавила дрожащие стиснутые руки в грудь. — Мне больно... здесь внутри. Очень больно. И я слишком хорошо знаю эту боль.

Она вдруг разразилась безудержными рыданиями.

— Я не хочу! Не хочу! Куртни, помоги мне! Помоги мне, умоляю! Ведь можно же что-то сделать, как-то этому помешать, остановить! Я не хочу больше никого хоронить, не хочу! Легче умереть самой! Почему умирают все вокруг меня, а не я? Пусть возьмет меня, пусть возьмет, и перестанет мучить!

— Кэрол, успокойся! — Куртни встряхнула ее и строго посмотрела в лицо. — Ты несешь чушь, прислушайся сама! Я понимаю, что ты расстроена, но нельзя же так... Хочешь опять угодить в госпиталь?

— Никто мне не верит. И Мэтт мне не поверил, — голос Кэрол неожиданно прозвучал очень устало и безнадежно, она отстранилась и легла на бок, перестав плакать. — Иди, Куртни, отдыхай. Со мной все в порядке. Это всего лишь сон.

— Я посижу с тобой, пока ты не уснешь...

— Не надо. Уходи.

— Хорошо, только... прости меня, если я была резка. Ты должна беречь себя, ради сына, понимаешь? Нельзя заикливаться на всякой ерунде, ведь у тебя слабая психика... нельзя ее изводить. Тебе реальных бед хватает, не надо придумывать другие, не существующие, и усугублять свои страдания.

— Хорошо, Куртни, — покорным безжизненным голосом отозвалась Кэрол.

Наклонившись, Куртни поцеловала ее в висок.

— Постарайся уснуть. Кстати, у тебя красивый голос. Мы с Рэем заслушались, как ты пела.

— Правда? — Кэрол подняла на нее засветившиеся тихой радостью глаза.

— Да. Надеюсь, теперь ты не будешь прятать от нас свой голос, и мы сможем слушать тебя, хоть иногда?

— Да... я... мне всегда нравилось петь.

— Вот и пой, моя девочка. Пой.

Погладив ее по плечу, Куртни встала и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь. Наткнувшись на Рэя, она преградила ему дорогу.

— Где тебя носит? Хоть за смертью тебя посылай!

— Так, пока Дороти валерьянки накапала, пока я ходил, надевал штаны... — оправдывался он, держа в руках стакан с резко пахнущей настойкой. — А что, она уже уснула?

— Уснула!

— А это как же? — он растерянно посмотрел на стакан.

— Неси обратно. Или сам выпей, крепче спать будешь.

— Не-е, не хочу. Может, ей все-таки лучше выпить?

— Давай сюда, я отнесу, — Куртни хотела забрать у него стакан, но он отдернул руку.

— Нет, я сам!

Проигнорировав ее заблестевший негодованием взгляд, Рэй решительно обошел ее и скрылся за дверью в спальне Кэрол. Мгновенье Куртни стояла на месте, тяжело дыша, потом медленно пошла к себе, даже не обернувшись на закрытую дверь комнаты Кэрол.

Увидев, как входит Рэй, Кэрол натянула на голые плечи одеяло, но не поднялась. Присев у постели, он с нежной улыбкой протянул ей стакан.

— Выпей, солнышко.

— Не надо.

— Пей. Что же я, зря бегал?

Высунув руку из-под одеяла, Кэрол слегка приподнялась и взяла стакан. Выпив настойку, вернула его Рэю.

— Спасибо.

— Тебе уже полегче?

— Да, не волнуйся. Можешь идти спать.

Опустив голову, он повертел в руках стакан и вдруг тихо сказал:

— Я не спал с Даяной.

— Что?

— Никогда. Я хочу, чтобы ты это знала. А Куртни... да я плохо поступал с ней, но только потому, что мне всегда было тяжело с ней. Я не пытаюсь оправдаться и пожаловаться на то, какой я вот такой весь несчастный, потому что я сам сделал этот выбор. Я просто ее не любил... как женщину, как жену. Привык со временем, и все.

— Не понимаю, зачем ты мне это говоришь? — резко сказала Кэрол, приподнявшись на локте и неприветливо смотря на него.

— Я хочу, что бы ты поняла, что если бы я жил с любимой женщиной, я вел бы себя иначе, — он устремил на нее свои красивые лукавые глаза и слегка улыбнулся. — Я от всего устал. От той жизни, которой живу, от Куртни и всех остальных женщин. Мне ничего больше не нужно из того, чем я жил раньше. Моя жизнь стала мне отвратительна и невыносима, я хочу ее изменить.

— Изменить? И как? — насторожилась Кэрол. — Бросить Куртни?

Он осторожно взял ее за руку, поставив локти на мягкую постель.

— Я сделал ошибку, потому и не знаю покоя. Я хочу все исправить, пока еще не поздно.

— Не поздно? Ты прожил с Куртни столько лет, а теперь решил бросить и строить себе новую жизнь? А о ней ты подумал?

— Подумал. Только у нас все равно с ней нет жизни вдвоем. Только оба мучаемся, вот и вся жизнь. Она несчастлива со мной, всегда была несчастлива. А ведь она еще может стать счастливой. Она нравится Джорджу Рэндэлу, я уверен, если бы она стала свободной женщиной, он бы сделал ей предложение. Он восхищается ею, преклоняется, он будет любить ее так, как я не смог любить... и не смогу. Мы должны попытаться найти свое счастье, и я, и она. Прожить жизнь без любви, без взаимности... зачем?

— Она любит тебя.

— Но я ее не люблю! И я не могу больше быть с ней! Я пытался! Но теперь я хочу другого... Хочу жить с любимой женщиной, хочу нормальную семью, хочу детей! Разве многого я хочу? Разве не имею я право жить так, как многие мужчины, быть мужем, быть отцом? Раньше я думал, что это не имеет для меня значения, что мне все это не нужно... но теперь... теперь я понял, что нужно. *Теперь* нужно.

Отняв у него свою руку, Кэрол молчала, пытаясь проглотить застрявший в горле горький ком. Подлец. Сломал женщине жизнь, а теперь хочет сбежать. Не хочет больше жить с не молодой бездетной женщиной, с которой жил столько лет! Любви ему, видите ли, захотелось! После столько лет брака! Спихватился!

— Я... я подал сегодня на развод. Она еще не знает...я... я не решаюсь ей сказать.

Кэрол резко выпрямилась, смотря на него широко раскрытыми глазами, которые заблестели при свете торшера от слез.

— Я нашел работу. Хорошую работу, ведь у меня, как-никак, университетское

образование... Конечно, на зарплату я не смогу жить так, как привык, но это не важно. Главное, я теперь не буду от нее зависеть.

— Ты все продумал... подготовил... тайком! Рэй, как ты можешь делать это с ней?

— Я не хочу причинять ей боль, но я не могу больше так жить. И не буду. Я женился на ней совсем мальчишкой, мне еще едва восемнадцать стукнуло, я был растерян и напуган, я не знал, как строить свою жизнь, а мне хотелось не просто жить, а красиво жить... Куртни этим воспользовалась. Она всегда обращалась со мной, как с любимой собачонкой. Захотела — отпихнула, унизила, обругала, захотела — погладила! А я мужчина! И я это докажу, и ей, и тебе — всем! Я не такой беспомощный и никчемный, как вы думаете!

— Рэй, никто и никогда так не думал.

— Думали... Даже я сам так думал. И я докажу всем... и себе, что это не так. Я очень хочу, чтобы ты меня поняла, чтобы не осуждала. Ведь ты меня понимаешь? — он умоляюще взглянул на нее.

— Нет, не понимаю, — жестко отрезала Кэрол. — Уходи, я хочу спать. Ты и так здесь засиделся, Куртни не дай Бог чего подумает!

— Мне плевать, что подумает Куртни! — взъярился Рэй. — Чтобы она там не подумала, она будет права! Я не хочу идти к ней, в ее постель, я хочу быть здесь, с тобой. Она знает, что я тебя люблю. И ты знаешь. Все знают.

— Тебе кажется, что ты любишь меня, потому что я похожа на маму. Но я не она, Рэй, опомнись! Я не Элен!

— Элен? При чем тут Элен? Я знаю, что ты не Элен, что я, больной, что ли? Ты не такая, как она. Вы с ней только внешне похожи. Но ты совсем другая. Элен всегда была властной, жесткой, требовательной, агрессивной, а ты... ты другая, — он привстал и сел на постель.

— Я ничего больше не хочу слушать. Уйди, Рэй. Выйди из моей комнаты, немедленно! Или я позову Куртни! И никогда сюда больше не приду.

— Хорошо-хорошо, я уйду! — он поднял руки, отодвигаясь от нее. — Не сердись на меня. Не обижайся. Я же не виноват, что так получилось. Думаешь, мне самому это нравится? Мало приятно любить женщину, которая тебя отвергает и принадлежит другим мужчинам, — он подавлено опустил голову. — Это чертовски больно, девочка. Ты жалеешь Куртни, а со мной всегда так жестока.

Кэрол расслышала, как он судорожно сглотнул.

— Иногда я даже хочу, чтобы она умерла. Может, тогда ты бы согласилась быть со мной, — он вздрогнул от неожиданности, когда она в ярости ударила его по лицу.

— Не смей так говорить... даже думать, никогда!

— Ладно, — печально согласился он. — Знаю, тебя бы больше устроило, если бы умер я. Ты бы не стала по мне плакать, только радовалась бы, что теперь между тобой и твоей обожаемой Куртни ничего не стоит!

— Рэй, хватит, прошу тебя! Не надо так говорить. Я люблю вас обоих, ты же знаешь.

— Мне нужна другая любовь.

— Другой никогда не будет.

Он наклонился и прижался лбом к ее коленям.

— А если бы... если бы не Куртни? Если бы мы с тобой встретились при других обстоятельствах? Тогда ты бы могла меня полюбить?

— Я не знаю, Рэй. Зачем ты задаешь такие бессмысленные вопросы?

— Не бессмысленные. Просто я хочу понять, ты отталкиваешь меня как мужа Куртни, или как мужчину?

— Какая разница, Рэй?

— Большая, Кэрол. Ответь мне. Пожалуйста.

— Как мужчину, которого любит Куртни.

Он поцеловал через одеяло ее колени и поднял к ней засиявшее улыбкой лицо. Кэрол испугалась, подумав, что сказала не то, что нужно было. Задержав ногами, она скинула с колен его руки и отодвинулась.

— Кэрол, — прошептал он, — если бы ты захотела, я бы мог стать тебе таким мужем, который тебе нужен. Не таким мужем, каким я был Куртни. Нет. Я бы никогда тебя не обидел, не предал, чтобы ты обо мне сейчас там не думала. Я бы так тебя любил... и Патрика. Я бы жил только для вас.

— Рэй, я тебя знаю, ты дал бы фору и Казанове, и Дон Жуану! Ты никогда не сможешь быть хорошим мужем, ни для кого. Так что не глупи и забери заявление, потому что вряд ли найдется женщина, которая будет тебя терпеть, как Куртни!

Уголки губ его обижено опустились, но Кэрол это абсолютно не тронуло. Обмотавшись одеялом, она сползла с кровати по другую сторону и встала. С облегчением она увидела, что он тоже встал. Подойдя к двери, Кэрол открыла ее и замерла, недвусмысленно смотря на него. Он медленно подошел, высокий, стройный, гибкий, с обнаженным мускулистым торсом. Как это случалось с ней довольно часто, Кэрол вновь невольно подумала о том, какой же он все-таки привлекательный. Эти мысли всегда сопровождала какая-то тихая грусть, но сейчас Кэрол почувствовала только злобу. Она ненавидела весь мир. И всех мужчин.

— Я знаю, ты злишься на меня и осуждаешь за мою любовь, — тихо сказал он.

— Осуждаю? — она ухмыльнулась. — Да я тебя ненавижу за это, ты слышишь — ненавижу!

Схватив его за руку, она со всех сил рванула его к двери и, толкнув в спину, выставила из комнаты и захлопнула дверь.

— Сволочь, — простонала она и опустилась на пол, беззвучно расплакавшись от обиды и боли за Куртни. Подумать только, он желает смерти Куртни только ради того, чтобы удовлетворить свою похоть! Лучше сам пусть сдохнет, скотина! И действительно, сразу всем полегчает. По крайней мере, ей и Куртни — точно.

Утром Кэрол поехала в больницу к доктору Тоундсу.

Он приветливо ее встретил, но его взгляд сразу не понравился Кэрол, она не могла понять, чем именно, но тело ее забило в нервной дрожи. Он посмотрел на нее только один раз, а потом стал прятать глаза.

Кэрол замерла на стуле, чувствуя, как безумное отчаяние и панический страх заползают в ее сердце.

«Нет, нет, нет! Только не это! Господи, умоляю! Хоть раз в жизни, откликнись на мою мольбу!», — кричала она про себя.

Доктор бросил на нее взволнованный взгляд.

— Господи, вы побелели, как снег! — он, едва опустившись на стул, подскочил и бросился к шкафчику, открыл его и стал что-то торопливо искать. — Джек вам уже сказал, как я понимаю? Не нужно отчаиваться, медицина в наше время может творить чудеса!

Главное, не нужно сдаваться.

Он подскочил к ней и протянул какие-то таблетки.

Кэрол невидящим взглядом уставилась на его раскрытую ладонь.

— Что это?

— Это успокоительное. Выпейте, — он другой рукой протянул ей стакан с водой, но девушка вдруг закатила глаза и рухнула со стула на пол.

— Боже... — простонал доктор и, поставив стакан и отбросив таблетки, поднял молодую женщину с пола и аккуратно положил в большое кожаное кресло в углу кабинета. Веки ее дрогнули и приоткрылись. Доктор взял тонкое запястье и замер на мгновение, прислушиваясь к пульсу.

Когда у Кэрол окончательно прояснилось в глазах, она увидела, что он склонился над ней со шприцом в руках.

— Что вы делаете? — прошептала она.

— Вам полегчает, — отозвался он и уверенно ввел иглу в вену на ее руке. — У вас неравномерный и слишком редкий пульс. Сердечными заболеваниями не страдаете?

— Как вроде... нет.

— Проверьте сердце, обязательно, — прижав кусочек ваты к месту укола, он как-то нервно и неестественно улыбнулся. — Посидите так чуть-чуть, не вставайте. Вам сейчас станет легче.

Он отошел и выбросил использованные шприц и ампулу в урну.

— Так он вам не сказал, — проговорил доктор. — Мы говорили с ним вчера, и я подумал... впрочем, не важно.

— Что с ним? — прохрипела Кэрол.

— У него плохая кровь.

— Насколько... плохая?

Доктор помолчал.

— Ему нужно будет лечь в больницу. Я не могу сказать, на сколько. Но я постараюсь ему помочь.

Он снова подошел к девушке, захватив с собой стул, и сел напротив нее. Внимательно посмотрев ей в глаза, он твердо проговорил:

— И вы должны ему помочь. Вы должны его поддержать, вы понимаете? Нельзя, чтобы человек отчаивался. Когда пациент теряет надежду, мы, доктора, становимся бессильны. Нужно сопротивляться болезни, бороться с ней, только тогда ее можно победить. А тот, кто сдается, тот и проигрывает.

Доктор задумчиво разглядывал свои руки, опустив взгляд, чтобы не видеть глаз девушки, потому что смотреть в них сейчас было невыносимо.

— Я давно наблюдаю Джека, еще с детства. Я знаю, что, кроме вас, его не кому поддержать. И вы должны мне помочь. Я буду лечить его тело, а вы возьмете на себя его душу, то, что у него вот здесь, — он коснулся ладонью сердца. — А там сейчас такое твориться... сами понимаете. Так что...

— Я поняла вас, мистер Тоундс, — Кэрол встала и выпрямилась. — А теперь... я могу идти?

— Я вызову для вас такси, я боюсь отпускать вас в таком состоянии.

— Мне уже лучше.

— Вы очень бледны. У вас белые губы. Пожалуйста, не возражайте мне, — сев за стол,

он снял трубку и заказал такси.

Поблагодарив его, Кэрол покинула кабинет и вышла на улицу. Отвернувшись от прохожих, она прижалась к холодной стене здания, и беззвучно разрыдалась, не в силах больше бороться с отчаянием и болью.

Чьи-то руки мягко оторвали ее от стены и развернули. Кэрол увидела перед собой доктора Тоундса.

— Я хотел убедиться, что вы благополучно сядете в такси, — он отвел взгляд от ее искаженного горем лица. — Все будет хорошо. Джек сильный человек, очень сильный. Главное, чтобы он не утратил желание бороться, и тогда он победит. Ведь он всегда побеждает, верно?

Девушка слабо кивнула, пряча залитое слезами лицо.

— А теперь успокойтесь. Не надо плакать. Все не так плохо, уверяю вас. Ваш муж подлечится, и вы с ним проживете долгую и счастливую жизнь. Вместе.

Подъехало такси, и доктор заботливо усадил в него девушку.

Затем стоял и смотрел вслед, пока машина не исчезла в потоке дорожного движения.

По дороге Кэрол взяла себя в руки и успокоилась. Достав из сумочки зеркало, привела в порядок лицо, поправила волосы. Она попросила водителя высадить ее возле Собора и, расплатившись, пошла в церковь. Впервые в жизни.

Она просидела там несколько часов, уставившись неподвижным взглядом на большое святое распятие. В ее глазах застыло выражение муки и мольбы. Если не Он, то кто ей поможет, кто это остановит? Кто еще в силах отогнать смерть, которая стоит рядом с ней и забирает каждого, кто к ней приблизится? Кто избавит ее от этого страшного проклятия? Как спасти Джека? Как воспротивиться, не отдать его своей страшной беспощадной спутнице — смерти? Она отняла Мэтта. А теперь хочет забрать Джека. Нет, это нельзя допустить. Надо что-то делать.

И она вдруг вспомнила о проклятии матери. Вспомнила ее слова о том, что видела их с Джеком в тумане, что их «ничто не спасет». А потом вспомнила о сумасшедшей старухе, которая предрекла Джеку умереть молодым. А еще эта сумасшедшая говорила, что она, Кэрол, будет причиной его смерти. Она вопила, как резанная о том, что она, Кэрол его погубит, чтобы Джек спасался, чтобы прогнал ее от себя, пока не поздно, «отпустил», иначе умрет. Но ведь тогда они были едва знакомы, не могла же сумасшедшая знать, что он станет ей мужем! Эта старуха предсказала смерть Мэтта, когда она встретила с ней во второй раз. Старуха знала, что Элен прокляла ее. Как она могла это знать? Старуха сказала, что видит вокруг нее тьму и смерть.

Нет, эта старуха не просто сумасшедшая. Она действительно что-то видит, что-то знает. И возможно, она сможет дать какие-то объяснения тому, что происходит, а может быть, даже помочь. Может, она в силах избавить ее от этого, снять проклятие? Экстрасенс. Медиум. Конечно, вот к кому надо обратиться за помощью! Как же она раньше об этом не подумала? Ей нужен человек, наделенный особым даром видеть за рамками обычного, видеть то, чего не могли видеть другие. И, похоже, эта нищенка именно такой человек.

Кэрол приняла твердое решение найти ее. Во что бы то ни стало. Только бы эта старуха была жива. Кэрол решила не медлить и сегодня же отправиться туда, где видела эту женщину. Но сначала она заехала в больницу к Джеку.

Ей казалось, что все на нее теперь смотрят по-другому, с удивлением, отвращением и

неприятно. Лечащий врач Джека прошел мимо, даже не взглянув на нее. Может, он просто задумался и не заметил ее или не узнал, но Кэрол после вчерашней статьи везде мерещилось презрение и пренебрежение, которые были ее бичом бесконечно долгих четырнадцати лет, пока она не спряталась в доме Куртни от всего.

Она специально подошла к одному из киосков, чтобы узнать, продается ли еще эта мерзкая газета со статьей о ней, но тут же торопливо отошла и поспешила прочь, низко опустив покрасневшее лицо — этой «сенсацией» пестрели чуть ли не все издания, которые она успела ухватить взглядом перед тем, как сбежать.

Войдя в палату, она нерешительно остановилась в дверях, смотря на Джека. Он спал. Потихоньку, стараясь не стучать каблуками, она подошла к нему и осторожно присела на краешек кровати. Он открыл глаза.

— Джек... как ты?

Голос ее предательски задрожал, а на глаза снова навернулись слезы.

— Ты была у Тоундса? — тихо спросил он. — Он сказал тебе, что можно потихоньку готовиться к похоронам знаменитого Джека Рэндэла? Это событие облетит весь мир, поэтому все должно пройти по высшему разряду, так ведь?

— Замолчи... не говори так... не надо, — она почувствовала, как из глаз хлынули слезы, и отвернулась, прикрыв лицо рукой. — Все будет хорошо.

— Хорошо? Да, только не у меня. Разве ты не понимаешь, Кэрол? Я умираю. Ты рада? И разводиться не надо, так ведь? Кстати, я тебе не говорил... когда родился Патрик, я составил завещание.

— Джек, пожалуйста! — простонала Кэрол.

— Я все оставляю тебе и нашему сыну, включая мою юридическую компанию. Вы никогда ни в чем не будете нуждаться. Ты будешь богатой вдовой.

— Замолчи! — взвизгнула Кэрол, подскочив. — Замолчи, дурак!

Он сложил губы в ехидную ухмылку, смотря на нее.

— Надеюсь, хоть когда сдохну, ты меня простишь?

Силы покинули Кэрол и, согнувшись, как старуха, она снова присела на постель. Наклонившись, она прижалась к перевязанной груди Джека и спрятала на ней свое мокрое лицо. Плечи ее горестно сжались, так, словно она боялась, что ее кто-нибудь ударит сзади, и Джек обхватил их руками и крепче прижал ее к себе.

— Кэрол... Кэрол, — чуть слышно проговорил он, — ведь ты не бросишь меня... теперь?

Она отчаянно замотала головой, не поднимая.

— Ты обещаешь?

— Обещаю.

— И ты... ты простишь меня?

Некоторое время она молчала и не шевелилась, продолжая лежать в его объятиях.

— Пожалуйста... Кэрол. Мне и без того...

— Да, я прощаю, — перебила она, не дав ему договорить. — Не думай больше об этом. Главное, чтобы ты поправился. Все остальное не важно.

— Я поправлюсь, обязательно, ради того, чтобы доказать тебе, что я больше не разочарую тебя, никогда. Чтобы мы снова могли быть счастливы. Чтобы вместе растили нашего сына... и рожали других.

Он тихо засмеялся счастливым смехом и погладил длинные кудрявые волосы Кэрол.

— Если бы ты оставила меня... я бы не стал бороться. Без тебя моя жизнь не имеет больше смысла. Но теперь, когда я знаю, что ты со мной, я буду жить дальше. Я тебе это обещаю. Ты веришь мне?

Она подняла голову, посмотрела на него покрасневшими мокрыми глазами и улыбнулась.

— Верю.

— А ведь говорила, что никогда больше не поверишь? — лукаво прищурился он. — Точно веришь?

— Верю, Джек. Верю в то, что ты все можешь. Все. Я всегда это знала и никогда не сомневалась. Ведь ты так обожаешь опровергать слово «невозможно»!

Он засмеялся и погладил ее по щеке.

— Скажи, почему ты передумала со мной расставаться? Почему не бросила меня одного в... в такой ситуации?

— Ты сам знаешь.

— Я хочу, чтобы ты сказала.

Уголки губ Кэрол грустно опустились, и она тихо сказала:

— Потому что я люблю тебя.

Обхватив ладонями ее лицо, он притянул его к себе и с чувством поцеловал бледные дрожащие губы.

— Запри дверь, — страстно прошептал он прямо ей в рот.

— Нет, Джек, — она сразу напряглась и попыталась отстраниться, но он не отпустил.

— Да, любовь моя. Я так по тебе соскучился. А ты разве нет?

— Но ты болен...

— Да, и я одной ногой в могиле, поэтому не хочу терять ни минуты, если мне все-таки придется умереть. Может, нам с тобой так мало осталось времени... Помогите мне отвлечься... забыться, хоть на немного... Потому что мне... мне страшно, Кэрол.

Она ничего не ответила, встала, подошла к двери и повернула замок.

Потом медленно разделась под пристальным взглядом мужа и вернулась в его объятия.

Некоторое время спустя она, слегка шокированная, покинула больницу. Не думала она, что когда-нибудь снова окажется с ним в постели после всего, да еще и получит от этого такое удовольствие. Но она забыла обо всем, наслаждаясь его любовью, на которой поставила большой и жирный крест, отдалась ему с прежними самозабвением и страстью, поверив ощущению, что они снова принадлежат друг другу, только друг другу, и иначе быть не может. Только в этой сладости, в этом мгновении счастья, вдруг вернувшегося к ней, была ощутимая горечь и привкус горя... Она обнимала его, целовала, любовалась любимым лицом, а сердце ее обливало кровью и слезами.

Она не была уверена, но ей даже показалось, что эти слезы бежали и по лицу, когда она тихо постанывала от удовольствия в его объятиях. Но потом ощущение счастья, пусть даже такого странного и горького, вновь покинуло ее. Одеваясь, она чувствовала себя опустошенной и еще более несчастной. То, что между ними произошло, не доставило ей морального удовлетворения, даже наоборот, в душе было почему-то так гадко, так неприятно, как будто ее унизили, подавили, сломали и затоптали. Да, Джек затоптал сейчас ее гордость и волю, надругался над ее обидой, болью, над ее оскорбленными чувствами.

Она сама себя сломала, заставив себя сделать то, что не могла и не хотела. Ради него.

Она ощущала, как что-то ломается внутри, когда произносила слово «прощаю», когда обещала остаться с ним.

Это не важно. Ничего не важно. Только бы он жил.

Только отправившись на поиски нищенки, Кэрол вспомнила, что встречала ее в двух разных городах, а не в одном. Сначала она решила поискать в местном аэропорту, возле которого они с Джеком впервые наткнулись на эту старуху. Но поиски ее не увенчались успехом. Только один из охранников помнил эту сумасшедшую, которая ошивалась здесь когда-то давно, приставая к людям. Но потом она исчезла, и он больше никогда ее не видел.

День клонился к вечеру, и Кэрол решила отложить на завтра посещение другого аэропорта, возле которого видела старуху во второй раз, год спустя, уже с Мэттом. Судя по всему, нищенка каким-то образом перебралась туда из Сан-Франциско. Но если она ничего не узнает о старухе и там, то все ее надежды на встречу с ней рухнут. Кэрол не представляла, как можно было бы найти ее. Разве что попросить об этом Джека. Но тогда придется объяснить, что ей понадобилось от этой сумасшедшей. А ее объяснения будут звучать, как бред ненормальной... Джек был единственный, кто более-менее серьезно воспринимал ее предчувствие, но он понимал это только как интуицию, в существование которой верил. Но о проклятиях, всяких там загробных мирах, экстрасенсах и ясновидящих, он даже слышать никогда не хотел. Более того, его это раздражало. Он был уверен, что те, кто утверждал о существовании особого дара, все эти медиумы — всего лишь мошенники. А проклятия, иные миры, колдовство и вся остальная подобная ерунда — выдумки человечества, дабы разнообразить свое существование.

Кэрол отбросила мысли об этом до завтра и вернулась домой.

Поговорила с Джорджем по телефону, убедившись, что у них с Патриком все хорошо. Сказать ему о Джеке она не нашла в себе сил. Разговаривая с сыном, она не ощущала тревогу. Нет, ему ничего не угрожает. *Она* пришла не за ним. Теперь ясно, кто *ей* нужен. Джек. К нему *она* тянет свои костлявые руки. Только на этот раз Кэрол будет с ней бороться. Будет бороться за жизнь Джека, как за свою собственную. Нет, даже больше, потому что его жизнь ей дороже, она это поняла сегодня.

Она собрала чистые вещи для Джека, белье, носки, рубашки и пару джинсов для прогулок. Положила сверху блок сигарет и антиникотиновую жвачку. Вспомнила о том, что он сказал, что у него закончилась туалетная вода, и аккуратно поставила в сумку с вещами запечатанный в коробку новый флакон. Потом подумала, и положила фотографию, на которой были запечатлены она, Джек и Патрик, и которая стояла у изголовья их постели, как какой-то символ или талисман их счастливой семьи.

По дороге в больницу она заскочила в кондитерский магазин и купила пирожных и коробку конфет. Джек был страшным сладкоежкой, и она только удивлялась, как это до сих пор не отразилось на его фигуре. Зато он не любил фрукты, и никогда их не ел. В общем, он любил все то, что вредило его здоровью, не больно об этом задумываясь и не пытаясь себя ограничить, даже в курении. А курил он много. Кэрол казалось, что слишком много. Но когда она пыталась ему что-то сказать по этому поводу, он только посмеивался над ней да подшучивал. Однажды Кэрол увидела в каком-то журнале статью о вреде курения с фотографиями легких, пораженных никотином, и показала ему. Он внимательно посмотрел на снимки и хмыкнул.

— У меня такого нет, — сказал он жене, — У меня давно уже вместо легких фильтр от сигарет!

И рассмеялся над собственной шуткой. Разворошив окурки, он показал ей потемневший от никотина фильтр.

— Вот, погляди, кусочек моих легких. Выглядит совсем не плохо и не страшно.

— Да ну тебя, Джек! Я тебе серьезно говорю, а ты... — обиделась тогда Кэрол.

Ни разу после того, как отдала ей обручальное кольцо, Кэрол больше не видела девочку-калеку возле госпиталя. И сейчас, вспомнив о том, что сделала, Кэрол вдруг остановилась, как громом пораженная внезапной мыслью. Есть примета, что потеря обручального кольца — к смерти супруга. Не навлекла ли она беду на Джека, избавившись от кольца? Не то, чтобы Кэрол верила подобным приметам... но мысль эта все же очень ее расстроила.

Она встретила Джека по дороге в палату. Широко улыбнувшись, он заключил ее в объятия и горячо поцеловал, не стесняясь посторонних. Кэрол смущенно потупилась, отстранившись. Заметив, что на них смотрят, она тихо сказала:

— Пойдем в палату. Я тебе вещи принесла...

Он кивнул и забрал у нее сумку, а свободной рукой сжал ее кисть и повел за собой. Кэрол уже не в первый раз задалась вопросом, почему его не выписывают? С того дня, когда он попал сюда, прошло уже три недели. Он не только прекрасно передвигался, но и, как она смогла сегодня убедиться, оправился достаточно для того, чтобы давно уже покинуть больницу. Она не задавала его доктору вопросы о выписке, ее все устраивало. Пока он здесь, Кэрол могла не думать о том, чтобы собирать свои вещи и вещи Патрика и переезжать в квартиру, подаренную Куртни. Она до последнего оттягивала этот момент, потому что даже сама мысль об этом приводила ее в такое отчаяние, что начинало казаться, будто нет смысла жить дальше.

Она подозревала, что Джек сам попросил доктора попрiderжать его в больнице, понимая, что только это удерживает подле него жену. Только теперь в этом не было необходимости. Ему предстояло сменить отделение травматологии на более страшное место — отделение доктора Тоундса в онкологическом госпитале. Само напоминание об этом месте вызывало в Кэрол животный ужас, и у нее подкашивались ноги, когда она представляла, что Джек окажется там. Она утешалась только его решительным настроем и довольно хорошим настроением. Он так спокоен и беспечен, потому что уверен в том, что справится и с этим, или он просто настолько силен и отважен, что не пасует даже перед собственной смертью?

Кэрол крепче сжала его руку пальцами и прижалась к его плечу, идя рядом по коридорам больницы. Ей хотелось держаться вот так за него всю свою жизнь. Чтобы всегда он был рядом, сильный, решительный, умный. Невозможно было представить, что его что-то может одолеть и сломать. Ведь он может все. Ему все по силам. Он пережил пять покушений на свою жизнь, легко, беззаботно, с насмешливой ухмылкой. Его пять раз пытались убить, и не смогли. Ничего его не берет, даже смерть. И теперь не возьмет. Он не дастся. Если Кэрол еще во что-то и верила, так это в то, что ее мужа невозможно сломать. Он не сломается даже тогда, когда будет умирать...

Невольно Кэрол вспомнила Мэтта, бездыханного, неподвижного, и вдруг эта картина сменилась другой — Джек, такой же... и его сердце не бьется под ее ухом, он не чувствует и не отвечает на ее поцелуи... такой молодой, такой красивый и... мертвый.

Кэрол содрогнулась и тряхнула головой, отгоняя невыносимое видение. Она не должна

так думать, никогда, ни на секунду не подпускать к себе эти мысли.

Они зашли в палату. Джек прикрыл за ними дверь, и, поставив сумку прямо на кровать, расстегнул. Когда он увидел фотографию, лицо его осветилось улыбкой. Бережно, с любовью поставил он рамочку на тумбочку у изголовья кровати. Потом притянул к себе Кэрол, обняв за талию, и нежно поцеловал. Отстранившись, Кэрол просунула между собой и ним коробочку с пирожными.

— Смотри, что я тебе принесла, — она улыбнулась.

— О-о, — довольно протянул он, беря из ее рук коробку. — Боже, что еще надо для счастья, когда есть жена, которая знает, что тебе нужно и что необходимо и не надо ей об этом даже напоминать!

— Не знаю, чего тебе не хватало, — чуть слышно отозвалась Кэрол, отворачиваясь, и подойдя к шкафу, повесила его рубашку на вешалку. — Как там говорила Даяна — что тебе со мной скучно, и в жизни, и в постели?

Он, сначала сникший от ее первых слов, резко выпрямился.

— Нет! Это не так! Кого ты слушаешь? — голос его задрожал от нахлынувшего на него гнева.

Кэрол лишь невесело улыбнулась, собирая из шкафа его одежду, которую хотела забрать домой для стирки. Он подошел сзади и обвил руками ее талию.

— Что-что, а уж с тобой не соскучишься, вытаскивая из тюрьмы для тебя маньяков и потом сражаясь с ними за тебя, — с ласковой усмешкой сказал он ей на ухо. — Или спасая от тюрьмы тебя...

— Это было давно.

— Ну, так спасибо, что хоть передохнуть немного дала! Зато теперь я готов к новым подвигам во имя любви! — он развернул ее лицом к себе. — Я снова буду бороться за то, чтобы быть с тобой... и думаю, на этот раз мне придется намного тяжелее. Но ведь мы справимся, да, Кэрол? Со всем справимся?

Она снова смягчилась и, подняв руку, погладила его по щеке.

— Справимся, Джек. Иначе и быть не может.

— Тогда поцелуй меня.

Положив ладонь ему на затылок, Кэрол мягко наклонила его голову и с любовью поцеловала в губы. С искренней любовью, но теперь очень горькой. Интересно, он чувствует, что ее любовь так изменилась? Что нет в ней прежней радости и счастья, и никогда больше не будет?

Они вместе разобрали сумку, разложили в шкафу вещи, а те, что были, небрежно уложили в сумку. Пока Джек распечатывал новый одеколон, Кэрол открыла тумбочку, чтобы положить туда блок сигарет.

— Не надо! — вдруг воскликнул Джек, подскочив к ней. — Я сам положу!

Кэрол не повернулась к нему, спокойно смотрела несколько секунд на газеты, лежащие на полочке, потом, как и собиралась, положила коробку с сигаретами прямо поверх газет и выпрямилась.

— Не беспокойся, Джек, я уже читала.

— Читала? — лицо его скривилось в какой-то виноватой кислой гримасе. — Я не хотел, чтобы ты увидела эти статьи... эту грязь. Не обращай внимания, милая. Обо мне они и не такое писали... Надо быть выше.

— Я же говорю, Джек, не беспокойся, — холодно сказала Кэрол. — Я привыкла.

То, с каким смирением и обреченностью она это произнесла, повергло Джека в тихое бешенство. Лицо его приняло жестокое и, вместе с тем, болезненное выражение.

— Я... я их всех порву! Издательства, которые выпустили номера с этим дерьмом, этих чертовых писак-журналистов! Я обещаю тебе! — прорычал он.

— Зачем, Джек? Какой от этого толк? Они просто делают свою работу, — равнодушно возразила Кэрол.

— Пусть делают, но не за счет моей семьи! А если это прочтает Рик? Мне даже подумать об этом страшно! Я не позволю... я не стерплю... Я игнорировал, когда эта чертова пресса всегда и везде за мной ползала, как шавка, покусывая за пятки, но я не позволю трогать тебя... и Рика! Они перегнули палку, они разозлили меня, очень разозлили. Я переверну весь этот журналистский вертеп с ног на голову, и пусть об этом узнает весь мир, чтобы никто больше не посмел трогать меня и мою семью!

Кэрол взглянула на него. Он стоял, сложив руки на груди, вызывающе распрямив плечи, и глаза его горели недобрым огнем. Да, он разозлился. И, похоже, теперь многим не поздоровится.

— Просто нужно было выбрать себе другую жену, прошлого которой тебе не нужно было бы скрывать и стыдиться, а потом наказывать кого-то за то, что о ней написали!

— Я не стыжусь, не смей так говорить! — Джек побагровел, и взгляд его стал еще более страшным. — Они написали столько всякого вздора и чуши...

— Но там есть и правда, разве нет? Искаженная, но правда. Тебя так разозлило то, что все узнали о том, какая у тебя жена? Дочь шлюхи и убийцы-психопатки, выросшая в притоне, невинность которой продана за сто баксов...

— Замолчи! — Джек подскочил к ней и грубо схватил за руку. — Сейчас же замолчи!

— Но ведь это еще не все, это — только начало моей веселенькой истории... — она прервалась, когда он рванул ее к себе и стиснул в объятиях.

— Хватит. Не надо, — простонал он. — Не надо, моя хорошая. Нет в этой статье ни слова правды о тебе. О том, какая ты есть на самом деле. Люди, они же как свиньи, они жаждут грязи, они зарываются в нее и не хотят видеть ничего другого. Если бы они написали правду, то, что ты — самая лучшая в мире женщина, никто бы не стал это читать, это не интересно, понимаешь? Вот если облить все грязью и кровью — тогда да, все сразу же сбегутся и в восторге будут в этом плескаться, как свиньи...

— Станный ты, Джек. Наверное, я никогда так и не пойму, почему и зачем ты женился на мне, — тихо сказала Кэрол, прижатая к его груди. — Где была твоя умная и расчетливая голова, а?

— Она всегда при мне, — улыбнулся он. — Моя женитьба на тебе — это мой самый искренний и самый правильный поступок за всю мою жизнь.

Она подняла к нему немного удивленное лицо.

— И что, ты все еще хочешь, чтобы я и дальше была твоей женой, теперь, когда все считают, что я потомственная шлюха и маньячка-психопатка?

Он вдруг засмеялся и стал гладить ее щеку пальцами, смотря с такой любовью, что Кэрол почувствовала, как на мгновение снова в нее поверила.

— Я обожаю маньяков, разве ты не знала?

— И шлюх?

— А кто шлюха?

— А кто маньяк?

Они вместе рассмеялись, и Джек, приподняв ее над полом, закружился на месте. Кэрол зажмурилась и прижалась к его губам, но он все равно не остановился, хохоча сквозь поцелуй.

Резко и громко захлопнувшаяся дверь заставила их вздрогнуть от неожиданности. Прервав радостное кружение и сладкий поцелуй, они одновременно повернули головы к двери и замерли. Перед ними стояла Даяна.

— Привет! — ее нервная улыбка походила на оскал или гримасу ярости, а глаза метали молнии, которыми она как будто хотела обратить в пепел их обоих. — По какому поводу такой смех, что по всей больнице слышно? Поделитесь, я тоже хочу посмеяться.

Джек медленно опустил Кэрол на пол, но не выпустил из объятий, наоборот, прижал к себе еще плотнее, тяжело задышав. Но она вдруг решительно отстранилась от него сама. Джек увидел, как сразу изменилась она в лице, побледнела, напряглась, как плотно сжались ее губы, пытаюсь сохранить неподвижность и не скривиться от боли.

Даяна тоже это заметила и сразу приободрилась. На лице ее засияла нежная улыбка, когда она перевела взгляд на Джека.

— Как ты, милый? Рада, что тебе уже лучше.

Он хотел что-то резко ответить, но вместо этого у него вырвалось отчаянное:

— Кэрол!

Он рванулся к ней и хотел схватить за руку, когда она бросилась к двери, но Кэрол ловко увернулась и, задев плечом вызывающе не посторонившуюся с ее пути подружку, выскочила из палаты. Она не видела, как спустя мгновение Даяна была отброшена от двери с такой силой, что ударилась о стену, а Джек вылетел в коридор, не слыша, как его окликнула Даяна, пытаюсь остановить.

Догнав Кэрол, он схватил ее за руку и повернул к себе.

— Не уходи, не надо! Пойдем назад, в палату. Я ее не звал... я вышвырну ее, я...

— Джек, люди смотрят. Не забывай, теперь всем известно о вашей трогательной и печальной любви! И я не пойду туда, я не собираюсь быть помимо всего еще и посмешищем для тех, кто все это видит! Сам с ней разбирайся, а я не хочу, чтобы завтра написали о том, что я, маньячка и психопатка, бросалась на твою возлюбленную!

Джек медленно отпустил ее руку, бледный и расстроенный.

— Хорошо, как скажешь. Но я обещаю, что я...

Она развернулась и ушла, не став его слушать.

Джек стоял неподвижно и смотрел на нее, пока она не скрылась за углом, потом, заметив, что на него смотрят любопытные пациенты, резко развернулся и пошел назад. Бледное лицо его начало темнеть...

Даяна отважно ждала его возвращения, подавляя нервную дрожь в теле и чувство страха, который она испытывала перед ним.

Джек вошел в палату и, закрыв дверь, прижался к ней спиной.

Даяна перепуганными умоляющими глазами встретила его тяжелый взгляд. Она молчала, проглотив от страха язык, и только смотрела на него сквозь пелену слез, которые, вырвавшись, побежали по ее лицу. А Джек подумал о том, что, должно быть, сейчас плачет Кэрол.

— Пришла, чтобы убедиться в том, что у тебя ничего не получилось, девочка? — тихо проговорил он, и от его голоса девушка вся сжалась от ужаса. — Кому ты подножку поставила, сама хоть понимаешь, дрянь? Решила распорядиться моей жизнью, мною? А о

своей жизни ты подумала?

— Джек, Джек... — застонала она, умоляюще протягивая к нему руки.

— Да, я Джек, угадала, — фыркнул он. — Мы с Кэрол помирились, как ты сама видела, и у нас снова все хорошо, ясно тебе? И так будет всегда. А если ты еще хоть раз сунешься к нам, я тебя убью.

— Джек, ну пойми же ты меня... — зарыдала она.

— Я понял. И оценил все, что ты сделала, будь уверена. Особенно твои интервью. Я не забуду.

— Какие интервью? — вскинулась Даяна.

Он подошел к тумбочке, достал газеты и приблизился к девушке. Она вскрикнула от неожиданности, когда он ударил ее газетами по лицу.

— *Кто* мой сын? Кровожадный звереныш? Будущий убийца-психопат?

— Джек, я здесь ни при чем! Что ты, я не могла... зачем мне... про сына... ведь я люблю Рика...

— А моя жена шлюха и сумасшедшая? — лицо его перекопилось, и он вдруг вцепился в нежное горло девушки и так встряхнул, что она захрипела и закатила глаза. — Ты хоть понимаешь, что ты с ней сделала, ты, гадина?

— Это не я! Не я!

Он отпустил ее и, отвернувшись, тяжело оперся руками о тумбочку, шумно и тяжело дыша.

— Никогда не думал, что ты такая... Да еще и полная дура, ко всему. Разве можно завоевать мужчину, разрушив его жизнь и навредив тем, кого он любит? Ты сама до этого додумалась или кто подсказал?

— Я просто хотела, чтобы ты понял, что она тебе не пара, чтобы у тебя открылись глаза, и ты, наконец, отцепился от нее!

Он искоса взглянул на нее. Рот его презрительно изогнулся.

— Ты надеялась открыть мне глаза? Боже, это даже смешно. Неужели ты думала, что я ничего о ней не знаю? Я знаю, знаю о ней все, даже больше, чем ты!

— Ты плохо знаешь ее саму, раз так уверен, что она останется с тобой, — голос Даяны вдруг окреп и стал жестче. — Да она сбежит! Сбежит от своего позора, и никогда и близко к тебе больше не подойдет, спрячется, забьется в какую-нибудь щель и носа не высунет! И нечего было высовываться и забывать свое место! Она рождена быть изгоем, это ее судьба, и я не понимаю, Джек, если ты все знал, как ты мог на ней жениться? Зачем? Чтобы ее позор, ее грязь легли на тебя и на твоих детей?

— Не лезь не в свое дело, Даяна. И закрой рот, пока я еще в состоянии держать себя в руках, — сквозь сжатые зубы процедил Джек.

Даяна подошла к нему и положила руку ему на плечо.

— Джек, — ласково прошептала она, — но ведь я говорю серьезно. Ты напрасно думаешь, что она останется твоей женой после этого... Унизительная и мерзкая слава — это то, от чего она стремилась и мечтала избавиться с тех пор, как вылезла из пеленок. Она уже когда-то сбежала от нее и от своей матери, сбежит и сейчас, от тебя. Подумай, ну зачем тебе, такому мужчине, все это нужно? У тебя есть я. У меня тоже есть слава, но иная, и, в отличие от Кэрол, я могу ею гордиться. И мне не нужно убегать от своего прошлого, от себя... от тебя.

— Нет, ты заблуждаешься. Как раз таки от меня тебе и нужно убегать, если хочешь

сохранить свою шкуру!

— Джек, я не боюсь тебя. Я знаю, что ты не сделаешь мне ничего плохого... после всего, что между нами было...

— Напрасно надеешься. Убирайся и не смей больше показываться мне на глаза... и приближаться к моей жене! А если ты сделаешь еще какую-нибудь пакость... — зубы его вдруг скрипнули, и Даяна испуганно отшатнулась от него.

— Я все сказал. Иди.

— Джек...

— Я даю тебе шанс образумиться. Если ты исчезнешь из моей жизни и не станешь больше в нее лезть, я, может быть, не стану тебе мстить. И твоему брату. В твоих интересах постараться сделать так, чтобы у меня с Кэрл все как можно быстрее наладилось, исправить то, что ты натворила... если не хочешь, чтобы я сломал твою жизнь... и тебя. Так что давай, иди и подумай. И хоть раз в жизни, пораскинь мозгами, чтобы спасти себя, любимую. Иди, я сказал! — потеряв терпение, он схватил ее за руку и выставил за дверь.

Потом упал на постель, уткнувшись лицом в подушку, чтобы сдержать распирающие его ругательства.

Вот сука, все испортила! Он старался-старался наладить отношения с Кэрл, и она уже почти перестала ему сопротивляться, почти стала прежней ласковой мягкой Кэрл, а тут явилась эта сука — и все под откос!

Ничего. Ничего, он все снова наладит. Главное, что Кэрл не думает больше о том, чтобы расстаться. А Даяну он накажет.

Перевернувшись на спину, он прикурил и, приподнявшись на подушках, начал обдумывать план мести. Да, он отомстит. Ни на мгновение не задумался он над тем, делать это или нет. Ту долю симпатии, что он испытывал к Даяне раньше, он в себе больше не находил, и даже ее внешняя привлекательность утратила свою власть над ним под напором кипевшей в нем злости и досады на то, что эта девчонка с ним сделала. Он сделает вид, что простит ее. Пусть она так думает, дабы ее метко стреляющий братец не вздумал снова ее защищать. Сначала, он разберется с этим воякой, а уж потом никто не помешает ему сделать с Даяной то, что ему заблагорассудится. Он не просто сломает ей жизнь, он растерзает ее на кусочки так, что она никогда больше не сможет собрать все воедино. Потому что никто и никогда еще не пытался сделать то, на что осмелилась она — разрушить его жизнь, чтобы к чему-то принудить.

Он так задумался, что не сразу заметил, что Даяна стоит в дверях и смотрит на него. А когда увидел, вздрогнул от неожиданности и тихо выругался, разозлившись на то, что испугался. Она стояла, бедная и неподвижная, как будто была не живым человеком, а всего лишь изображением на странице какого-нибудь журнала.

— Ты хорошо подумал, Джек? — тихо спросила она.

Он фыркнул и сел, положив локти на колени.

— О чем я должен был подумать, куколка? — елейным голосом и с фальшивой опасной улыбкой поинтересовался он.

Она не сдвинулась с места и также тихо сказала:

— О том, что будешь с ней, а не со мной.

— Нет, милая, об этом я даже не думал, — он издевательски засмеялся.

— А я? Как же я?

— А что ты? — Джек пожал плечами. — Разве я когда-нибудь тебе что-нибудь обещал

или дал повод подумать, что между нами возможны серьезные отношения?

— Нет.

— Так какие претензии, деточка? — лицо его снова ожесточилось. — Чего ты привязалась? Отцепись от меня!

— Отцепись? Отцепись?! Да как ты можешь! — вдруг завопила Даяна.

— Заткнись, чего орешь! Мало меня опозорила? — Джек подскочил и всплеснул раздраженно руками. — Господи, ну почему мне всегда такие бабы прилипчивые попадают? Неужели такие понятия, как женская гордость и самолюбие нынче не в почете? Посмотри на себя, ты молода, ты знаменита, ты потрясающе красива и у твоих ног валяются мужчины — чего тебе от меня надо?

— Любви.

— Ты прекрасно знаешь, что я люблю Кэрол. Ты всегда это знала.

— А я? Кем была для тебя я? Просто игрушкой?

Он озарился веселой улыбкой.

— Да. А разве ты этого не знала? Или ты думала, что я женился на Кэрол и вспоминал с тебе раз в год — и все это от великой любви к тебе?

Даяна покраснела, и лицо ее исказила ярость.

— Но я думала... я надеялась...

— Ну и дура!

Он с усмешкой зажал зубами сигарету и прикурил.

— Все? Тогда свободна.

— Что ж... не хочешь... тогда я заставлю тебя, — дрожащим голосом проговорила она.

— Заставишь? Интересно, как? — он окончательно развеселился, забавляясь ситуацией.

— Мы дождемся, когда она придет домой, ты позвонишь ей и скажешь, что между вами все кончено. Иначе... иначе я сейчас пойду и убью ее.

— Боже, как страшно. Ну, давай, иди. Только подумай сначала о том, что потом я сделаю с тобой.

— А мне терять нечего. Я слишком далеко зашла, и сама это понимаю. Понимаю, что ты намерен испортить мне жизнь... окончательно, за то, что я сделала. Поэтому, раз я начала все это, я пойду до конца. Я решила, что ты не будешь с ней, и ты не будешь. А потом можешь делать со мной все, что тебе заблагорассудится. Да, убей меня, потому что пока я жива, я не подпущу к тебе больше ни одну женщину.

— Ты больная! — снова ухмыльнулся Джек. — Боже, ну почему у меня никогда не получается нормально расстаться с женщиной? Одни истерички кругом! Одни грозятся самоубийством, другие — тем, что убьют всех остальных женщин в мире, дабы я никому не достался... вот бред. Ни у кого из моих знакомых никогда не было подобных ситуаций. Я прямо суперменом себя ощущаю, что из-за меня все бабы с катушек слетают, — он расхохотался.

Его смех оборвался, когда Даяна медленно достала из сумочки большой тяжелый пистолет.

— Можешь издеваться и смеяться надо мной, сколько твоей душе угодно, но ты сделаешь так, как я тебе сказала. Ты мне потом только спасибо скажешь, что я оторвала тебя от этой дряни. Ты к ней просто привык, но на самом деле ты любишь меня... ведь ты не забыл меня за все эти годы... ты просто упрямишься, потому что я тебя выдала. Но нам будет хорошо вместе... как всегда было хорошо, разве нет?

Кэрол не смогла заставить себя уйти. Она стояла и смотрела на вход в больницу в ожидании, когда выйдет Даяна. Джек обещал вышвырнуть ее. Что-то он не спешил это сделать. Прошло уже больше двадцати минут с того момента, как она стоит здесь и ждет, как полная дура. Сцепив на груди дрожащие от нервного напряжения руки, она сквозь пелену слез смотрела на дверь, изнемогая от жестокой муки, которая с каждой минутой все усиливалась. Перед глазами у нее была сцена, нанесшая ее сердцу неизлечимую рану — Джек и Даяна, страстно целующиеся на постели...

Она все время гнала прочь от себя эту навязчивую картину, которая преследовала ее постоянно. Она пыталась бороться с собственным воображением, которое с упрямой настойчивостью пыталось нарисовать ей, как это все между ними происходило, причем в мельчайших подробностях. Не всегда у нее получалось отогнать эти мысли. Но никогда еще они не одолевали ее так, как сейчас.

Мука ее достигла предела, а ревность помутила рассудок. Забыв про гордость и вообще про все на свете, кроме одного — того, что они сейчас там, вдвоем, наедине, она решительно направилась к двери больницы, задыхаясь от душивших ее рыданий, которые она, призывая на помощь всю свою волю, пыталась сдержать. Она не сомневалась уже в том, что сейчас происходит в палате Джека, но и не задумывалась над тем, зачем она хочет опять поставить себя в такую унижительную и невыносимую ситуацию, и лишний раз убедиться в том, что Джека никогда и ничего не заставит измениться, что она остается дурой и марионеткой в его руках, которой он лжет и ни во что не ставит...

Он думает, что она ушла, ему и в голову не придет, что она может вернуться. Почему бы не запереть дверь палаты и не скрасить свое одиночество со своей давней обожаемой любовницей? Только она вернется, чтобы увидеть так это или нет, и к черту гордость. Она должна знать. И если это так, она никогда больше не подойдет к нему. А если он будет подыхать, то путь делает это в обществе своей любовницы!

Кэрол уже протянула руку к двери, когда ее окликнул тоненький девичий голос.

— Миссис! Подождите!

Кэрол резко обернулась, чтобы убедиться в том, что обращаются действительно к ней, и увидела девочку-калеку, подъезжающую к ней на кресле-каталке. Остановившись, девочка застенчиво улыбнулась и протянула руку, в которой блеснуло брильянтами обручальное кольцо Кэрол.

— Вот... вы потеряли. Я болела и не могла выйти из дома, но я надеялась вас здесь встретить...

Кэрол растерянно уставилась на кольцо в маленькой узкой ладошке.

— Возьмите.

— Но я... я его не теряла, — пролепетала Кэрол. — Я вам его подарила.

— Нельзя дарить обручальные кольца. А я видела, что вы сняли его с пальца, на котором носят обручальные кольца, — девушка смотрела на нее красивыми ласковыми карими глазами с какой-то странной понимающей улыбкой, как будто она знала все, что с ней произошло и почему она избавилась от кольца.

— Мне оно больше не нужно, а тебе... тебе может пригодится. Оно очень дорогое, ты можешь заложить его и получить хорошие деньги, а можешь оставить себе, если оно тебе нравится.

— Нет, я не люблю драгоценности. Мою старшую сестру убил грабитель за ее

украшения. И продавать я его не пойду. Могут спросить, откуда у нищей калекки появилось такое кольцо, и уж никто не поверит, если я скажу, что это милостыня прохожей... скажут, что я его ukrала. Нет, драгоценности приносят несчастье. Заберите. Пожалуйста. Или я его просто выброшу. Если хотите мне помочь, лучше дайте мне денег.

Кэрол дрожащей рукой взяла кольцо и надела на палец. Потом достала из сумочки все деньги, которые у нее были, и положила в узкую ладошку девушки.

— Спасибо, — Кэрол признательно и печально улыбнулась ей.

— И вам спасибо, — кивнула девочка. — Меня зовут Эмили. Я всегда здесь сижу, днем.

— Эмми? — голос Кэрол дрогнул. — А меня Кэрол.

— Вы очень красивая. И, наверное, богатая, — заметила девушка. — Но я никогда не видела таких печальных глаз, как у вас. Мне всегда думалось, что если бы у меня была красота и деньги, я бы была самой счастливой на свете. Ну, вернее, красота-то у меня не хуже вашей, но к ней недостает небольшой детали, — она легко засмеялась и подвигала тем, что у нее осталось от ног.

Кэрол почувствовала, что почему-то краснеет, ощутив чувство вины, как будто это лично она виновата в несчастье этой девочки. Она смеется, это дитя, так легко, так весело, словно ее совсем не печалит свое изувеченное тело и не менее изувеченная жизнь. А она плачет и убивается из-за того, что муж изменяет. Кэрол ощутила такую разницу между горем девочки и своим собственным, и оно против того показалось таким маленьким и ничтожным, что Кэрол устыдилась своей слабости перед силой своей новой знакомой.

Присев перед девочкой, Кэрол улыбнулась и взяла ее за руки.

— Эмми, а где ты живешь?

Девушка смутилась и спрятала глаза.

— Мне больше нравится, когда ко мне обращаются полным именем.

— А родители у тебя есть, Эмили?

— Есть. Мама.

— Значит, ты живешь с мамой?

— Ну, вроде как... — девочка пожала плечом, сжимаясь еще сильнее от какого-то только ей понятного стыда. — Но в теплое время года я не хожу домой. Мама пьет, и мой отчим... он пристаёт. Говорит, что я хоть и безногая, но очень хорошенькая.

— Знаешь что, а поехали ко мне в гости?

— Как это — в гости? — опешила девушка.

— Ну, так, в гости. Ты только не думай ничего плохого, тебя никто не обидит. У меня дома кроме домработницы никого нет. Поужинаем, поболтаем. Чего тебе здесь сидеть, к тому же, погляди, дождь собирается.

Мгновенье девушка пристально изучала ее взглядом, а потом вдруг ослепительно улыбнулась.

— Хорошо, поехали. Но вы, кажется, собирались зайти в больницу, забыли?

— Ты подождешь меня? Я быстро, туда и обратно.

— Подожду, а куда мне деваться? — снова улыбнулась девушка.

Кэрол улыбнулась в ответ и поднялась, поправляя сумочку на плече.

И тут заметила, что Эмили смотрит куда-то поверх ее плеча, словно кто-то подошел к ней сзади. Кэрол резко обернулась и подняла взгляд, так как мужчина, стоявший рядом, был очень высоким, и ее взгляд сначала уперся ему в грудь. Кэрол сразу узнала его и потеряла дар речи от неожиданности, вытаращив удивленные глаза на смуглое от загара лицо со

знакомыми ей, не смотря на сильные изменения, правильными чертами. Узнала поразительные ярко-синие глаза, которыми ей так нравилось когда-то любоваться, улыбку, которая теперь стала робкой и застенчивой, совсем не такой, как в детстве, задорной и шаловливой. Его волосы были такими же красивыми, только теперь с совсем другой стрижкой, более короткой, которая, впрочем, не могла скрыть их необычайную красоту. Они также блестели и переливались, словно каждый волос был вылит из смешанных золота и серебра, а под светом уличных фонарей в вечернем сумраке вообще казались какими-то фантастическими шелковыми нитями. Такие же волосы, только длинные, были у Даяны, и Кэрол восхищалась ими каждый раз, когда видела. Но в детстве украдкой досадовала на то, зачем природа дала мальчику такие волосы, лучше бы подарила их ей, девочке.

Он стоял так, что темная тень падала на него сбоку, наполовину затемняя лицо, видимо, как раз ту часть, где были шрамы, которые сейчас при таком освещении Кэрол не могла разглядеть. Поэтому она невольно открыла рот, ошеломленная тем, каким необычайно красивым он ей показался в это мгновение.

На нем была тонкая водолазка с высоким горлом, полностью закрывающим шею, приятного бледно-пепельного цвета, каким отливали и его волосы, которая плотно облегла его крепкий стройный стан, подчеркивая плавные линии широких сильных плеч и рельефной груди, а узкие длинные рукава не скрывали хорошо развитые мускулы его рук. Большие кисти с длинными пальцами были такими же смуглыми, как и лицо, он зацепился ими за карманы серых узких джинсов, и эта поза казалась и вызывающей и скованной одновременно.

Когда взгляд Кэрол молнией скользнул по его фигуре, она нашла ее довольно привлекательной, можно сказать, соблазнительной для женского взгляда. И теперь она поняла, почему Джек не смог дать ему отпор. Люди такого роста обычно кажутся непривлекательно длинными и узкими, как будто насильно вытянутыми, и многие сутулятся, как будто все время боятся что-нибудь задеть головой, но он был прямым и раскрытым, распрямляясь во весь свой рост и как будто даже не замечая того, что намного выше других. Он не выглядел длинным, он был просто большим человеком, это слово подходило больше, или крупным. Все в нем было пропорционально, телосложение и рост гармонировали и дополняли друг друга, и все в целом выглядело потрясающе привлекательным.

Кэрол точно помнила, что этих вещей, в которые он был сейчас одет, у него не было, когда они с Даяной разбирали его сумку. Видимо, Даяна все-таки взялась за брата, заставив его круто сменить стиль и качество одежды, и, к тому же, навязала свой собственный, главным стимулом которого было подчеркивать красоту фигуры. Что ж, если было, что подчеркнуть — почему бы нет? Что-что, а вкус у Даяны был всегда, и Тимми, судя по всему, полностью ей доверился в составлении своего нового имиджа. Кэрол была уверена, что теперь весь его гардероб состоит только из тех вещей, которые выбрала сама Даяна, которая превратила своего обожаемого брата в вызывающе соблазнительного плейбоя, как тех, которых можно было увидеть в журнале или в телевизионной рекламе. Да, она была, несомненно, права, когда говорила, что по нему подобная карьера плакала. Но чувствовалась в его облике какая-то суровость, которая опровергала предположение, что он подходит для позирования перед камерами и прогулок по подиуму. Может, для этого бы подошла только одна его внешность, но не он сам. Что-то было в нем такое, что не позволяло представить его за подобным занятием. Создавалось стойкое впечатление, что он из тех мужчин, которые относятся с презрением к шоу-бизнесу и ни за какие деньги не позволят затянуть себя туда,

тем более в роль модели. В чертах его лица угадывался крутой нрав, у него была военная выправка, слишком уж мужественный вид, подходящий более для солдата, нежели для модели, и тяжелый глубокий взгляд серьезного, повидавшего виды человека тяжелой и жестокой закалки. Нет, даже если бы у него не было шрамов, Даяне ни за что бы не удалось загнать его под камеры для съемок, Кэрол теперь была в этом уверена. Но неужели то, что смогла за секунды сразу понять она, не разглядела Даяна, считая, что только шрамы мешают реализации головокружительной карьеры и сокрушаясь и досадуя на них, как на помеху к счастью и истинному предназначению ее красавца-брата? Только в этом красавце жил бродяга и солдат, и вряд ли в нем сможет ужиться кто-то еще. Чувствовалось, что он личность состоявшаяся и утвержденная настолько, что не подвластна никаким изменениям.

Кэрол показалось, что они целую вечность вот так стояли и разглядывали друг друга, обдумывая свои впечатления. Она заметила, что он тоже с интересом ее изучает, при том так пристально и так подробно, что она, в конце концов, смутилась и, опустив глаза, увидела, что у его ног присела собака, немецкая овчарка. Это был крупный и очень красивый пес, ухоженный и холеный. Судя по тому, как блестела и переливалась его шерсть и какой энергией блестели глаза, он был молод, здоров и полон сил. Должно быть, это тот самый пес, о котором рассказывала Даяна, который ходит за своим хозяином по пятам и в котором тот души не чаает. И имя ему было Спайк. И этот пес был очень похож на того самого Спайка... Закрыв пасть, собака посмотрела прямо ей в глаза и склонила набок голову, как будто немного удивленно и вопросительно, словно спрашивая — о, а ты кто такая и чего ты на меня пялишься?

— Прошу прощения, вы Кэрол Мэт... то есть, Рэндэл? — прервал он затянувшееся молчание тихим голосом, который Кэрол показался знакомым. Нет, в этом голосе не осталось ничего от того голоса, который когда-то давно она знала и даже до сих пор помнила, но где-то она уже слышала именно этот голос, тихий, хриплый, как будто надорванный.

— Тимми! — воскликнула она и удивленно, и радостно, снова подняв на него глаза.

— Привет, — он спрятал свои все такие же прекрасные светлые глаза, ярко выделяющиеся на смуглом лице, и смущенно потупил голову, как-то сжавшись под ее взглядом. — Вообще-то, так меня уже давно никто не называет.

— Неужели ты меня узнал? — не поверила Кэрол.

— А почему нет? Ты же меня узнала.

— Но тебя нельзя не узнать!

— Я что, совсем не изменился? — он улыбнулся одним уголком рта.

— И да, и нет. Даже не знаю, как сказать, — Кэрол тоже улыбнулась, широко и приветливо, смотря на него ласковым нежным взглядом, каким всегда смотрела на него в детстве. — Но вижу, что твоя мечта стать высоким и красивым сбылась.

— Не совсем, — еще тише сказал он.

— А, по-моему, очень даже «совсем», — подала голос Эмили, и, взглянув на нее, Кэрол увидела, что она заворожено, с нескрываемым восторгом смотрит снизу вверх на возвышающегося над ней молодого человека. — Вы самый высокий и самый красивый из всех, кого я когда-либо видела!

Он слегка скосился на нее, как будто боялся повернуть голову, чтобы не осветилось все его лицо. На его губах была та же полуулыбка, только теперь она стала какой-то невеселой.

— А ты самая красивая из всех девушек, которых видел я, — мягко проговорил он,

смотря ей в лицо и намеренно не опускаясь ниже, как будто там было все так же, как и у других.

— Вы, наверное, актер или фотомодель, да? — предположила девочка с такой уверенностью, что Кэрол улыбнулась.

— Нет. Я солдат. Был.

— Ух, ты! — восхитилась Эмили, и, похоже, это ей понравилось еще больше, чем то, о чем она подумала. — И на войне были, на настоящей?

— Был, — сдержано ответил он.

— А девушка у вас есть? Или вы уже женаты?

— Нет и нет, — ответил он сразу на два вопроса.

— Нет девушки? Я вам не верю. Вы врете!

Он резко отвел от нее взгляд и уткнулся им себе под ноги, потом медленно поднял на Кэрол.

— Я хотел спросить... я ищу Даяну.

Лицо Кэрол мгновенно окаменело. Ее больно кольнуло то, что он пришел искать свою сестру к Джеку.

— Да, она там, — сухо сказала Кэрол, отводя глаза.

Он замялся на месте, видимо, ощущая неловкость и смущение.

— Я заберу ее... мы уедем, — виновато проговорил он. — И я... я не позволю ей вернуться сюда... не подпущу к нему... к вам... И прости меня, пожалуйста, за то, что я побил твоего мужа... наверное, я не имел право вмешиваться...

— Имел, потому что он поднял руку на твою сестру. И тебе не за что извиняться, ни перед ним, ни передо мной.

— А почему же ты здесь, если она там? — он осекся и покраснел, сообразив, что задал глупый и бестактный вопрос, и виновато продолжил, не дожидаясь ответа, — Где он лежит?

— Думаю, она рассердится на тебя, если ты вмешаешься, — холодно предупредила Кэрол, избегая его взгляда.

— Но я должен. Понимаешь, она... она стащила у меня пистолет, — он покраснел еще больше, когда Кэрол устремила ошеломленный взгляд прямо в его глаза. — Она очень расстроена, ничего не хочет слышать и понимать... Она похожа на одержимую, она не в себе, и я боюсь... как бы чего не натворила сгоряча.

— Так чего же мы здесь стоим? Пойдем скорее! — Кэрол схватила его за руку и рванулась к двери больницы, но он остановился, хотя руку свою у нее не отнял.

— Нет, я сам пойду, тебе не надо. Она сама не своя... она может тебе навредить. И у нее пистолет. Лучше иди домой, Кэрол. Я с ней сам разберусь.

— Но... если она уже применила пистолет против Джека? — ужаснулась Кэрол, не замечая, с какой силой вцепилась в его руку от волнения.

— Если бы она в него выстрелила, уже бы вся больница на ушах стояла, — успокоил он и нерешительно накрыл ее кисть, сжимающую его предплечье, своей большой ладонью. — Но, думаю, мне все-таки надо поторопиться, мало ли что.

Теперь, когда он не прятался в тени, и его лицо осветилось светом фонарей, Кэрол вдруг увидела его шрамы. Один длинный, волнообразный, прерывающийся примерно на полсантиметра посередине, выющийся по щеке странным страшным узором от виска и к нижней челюсти. В тени не было видно, но, скорее всего, шрам опускался на шею, и возможно, еще дальше.

Этого Кэрол уже не могла узнать. На виске и скуле были заметны еще несколько мелких узких рубцов. И еще один короткий шрам между самым большим шрамом и ухом.

Кэрол поспешно отвела взгляд, но он успел заметить его и, вспомнив о своих шрамах, о которых на мгновение позабыл, мучительно покраснел и отступил он девушки, выскользнув из держащихся за него рук.

— Желаю тебе удачи, Кэрол. Мы вряд ли еще увидимся, — его хриплый низкий голос, так не подходивший к его внешности, прозвучал неожиданно мягко и, прежде чем она успела что-нибудь сказать в ответ, он развернулся и легко вбежал в здание больницы.

Его пес спокойно уселся под дверь и с невозмутимым видом стал ждать своего хозяина, хотя тот даже не посмотрел на него перед тем, как уйти, не говоря уже о каких-либо командах, типа «жди».

Кэрол грустно смотрела на закрывшуюся за ним дверь. Ей совсем не хотелось, чтобы они больше не увиделись. Да, он сильно изменился, стал совсем другим, но все же это был он, Тимми, и ей безумно хотелось с ним поговорить, пообщаться, разглядеть повнимательней. Но, видимо, он этого не хотел, стыдясь своих шрамов. Да и обстоятельства так неудачно сложились.

Одного Кэрол не могла понять. Что такого ужасного они все, Джек, Даяна, и сам Тим, увидели в этих его шрамах? Да, шрамы, но, судя по их разговорам и отношения к этому самого Тима, она ожидала увидеть что-нибудь гораздо хуже. Собака может нанести лицу ущерб и пострашнее, а у него всего лишь кожа на щеке пострадала, но сами черты-то были в полном порядке... и не плохие черты. Дай бог такие бы каждому. Раздули из мухи слона, и Тим в первую очередь! Какой же он урод? О каком таком безобразии они говорили? Да, шрамы, мало привлекательного, но ведь на таком красивом лице! Наверное, именно это и шокировало. Но о том, что бы в постель с ним и только с закрытыми глазами — это Джек уж слишком преувеличил. И насчет взгляда — прицела тоже. Взгляд, как взгляд, ничего такого Кэрол не заметила. Может, лишку тяжеловатый, но и только. Ведь в целом Тим очень привлекателен, разве он сам этого не видит? Или он настолько заиклился на своих шрамах, что только их и замечает, когда смотрит в зеркало? Или то, что над ним смеялись в детстве и с жалостью смотрели теперь окружающие, породило и поддерживало в нем этот комплекс неполноценности, уродства? Да, скорее всего, так и было. Наверное, именно люди были тому причиной, что он стал стыдиться своей внешности до такой степени. И еще, должно быть, тяжело переносить это тому, кто был рожден таким красивым, и за десять лет привык к восхищенным взглядам и уверенности в том, что так будет всегда — и вдруг почувствовать себя уродом, вызывающим лишь жалость и толику отвращения к мало приятным на вид рубцам на его лице и теле. Ранен ли он уже был женщинами по этому поводу? Наверное, да, раз так от них шарахается. Такой красивый парень... неужели шрамы так мешают его отношениям с девушками? Кэрол невольно задалась вопросом, стала бы она сама с ним встречаться... и покраснела, когда поняла, что вряд ли. Каждой девушке хотелось, чтобы рядом с ней был пусть не такой красивый, но и без таких бросающихся в глаза примет парень и пусть лучше проходят мимо него, не замечая, чем таращат ошеломленные глаза и тычут пальцем — глянь, какие у этого парня шрамы! Откуда, интересно, и почему?... Вот не повезло, так не повезло! Несчастный, а мог бы быть таким красивым... Наверное, подобные мысли и появлялись у каждого, кто его видел.

— Пресвятая Дева, что у него с лицом? — услышала она рядом голос Эмили, судя по которому можно было понять, как она поражена и разочарована. Кэрол тяжело вздохнула.

Ну вот, пожалуйста. И, наверное, подобным образом реагируют и остальные. Теперь понятно, почему так скован и зажат Тим. Бедный мальчик! Кэрол осеклась... так, как она думает каждый, и он каждый раз читает эти мысли на лицах людей. Он, мужчина, солдат, и можно только предполагать, как могут унижать его и злить подобные мысли и высказывания со стороны окружающих.

— Так что с ним? — нетерпеливо повторила вопрос Эмили, настойчиво вперившись в Кэрол взглядом.

— В детстве на него напала собака, — коротко и нехотя объяснила та.

— Собака? — взгляд Эмили перескочил на сидящую рядом овчарку. — Как же он не боится их после такого? И не... не ненавидит?

— Другая собака спасла ему жизнь, — пожала плечами Кэрол.

— Как странно... и необычно, — заметила девушка. — А все равно он очень красивый, правда?

— Да, — Кэрол улыбнулась.

— И шрамы эти его совсем не портят... только он не совсем обычно смотрится. Наверное, мне не стоило спрашивать про девушек, сделала ему неприятно, но ведь я не видела... Ну, и дуры они все, значит! — пылко воскликнула она возмущенно, потом вдруг как-то вся сразу сникла, и личико ее сделалось несчастным. — Ну, вот, случилось то, чего я боялась больше всего на свете.

Кэрол вопросительно заглянула ей в глаза, приподняв бровь. Девушка тяжело вздохнула.

— Я влюбилась! Как увидела его — и сразу влюбилась, по уши! Только, я понимаю, что он никогда на меня даже не посмотрит, хоть и сказал, что не видел таких красивых, как я. Но у них, по крайней мере, были ноги... А что толку от моей красоты, только отчим досаждаёт, сволочь!

Кэрол почувствовала, как грудь наполняется состраданием, таким сильным, что она даже не нашлась, что ответить, поглощенная им.

— Ну, что, ты едешь со мной? — ласково улыбнулась она после короткого замешательства.

— Нет, я подожду, когда он выйдет. Хочу взглянуть на него еще раз, хоть одним глазочком, — с затаенной мукой проговорила девушка. — А Даяна... кто она ему?

— Сестра.

— А-а, ну ладно...

— Я бы не хотела с ней встречаться, поэтому я поеду, так что, если ты все-таки хочешь...

— Нет. В другой раз, — девушка улыбнулась, извиняясь, но тон ее был решительным.

— Тогда, может быть, завтра?

— Хорошо, давай завтра.

— Ну, тогда до завтра, — наклонившись, Кэрол пожала маленькую узкую ладонь девочки. Та снова улыбнулась, смотря на нее красивыми карими глазами. И вдруг Кэрол заметила, что в них блеснут слезы, и тут же почувствовала, как у самой защипало глаза.

— А впрочем, я все-таки тебя подожду, — передумала она. — Только не здесь, ладно? Я буду в кафе через дорогу, а потом подойду к тебе, мы поймем такси и поедим ко мне, хорошо?

— Хорошо, — безразлично отозвалась девушка. — А знаешь, у меня сегодня День рождения.

— О, так это же здорово! Вот мы его и отпразднуем, как подобает, с ужином, шампанским и огромным юбилейным тортом со свечами! — весело воскликнула Кэрол. — И сколько нам нужно купить свечек?

— Шестнадцать.

— Что ж, тогда я пока позвоню из этого кафе Норе и попрошу приготовить нам ужин и накрыть праздничный стол.

— А кто такая Нора? — вяло и без энтузиазма поинтересовалась Эмили.

— Она помогает по хозяйству.

— А, домработница.

— Ну, я тогда пошла, — Кэрол указала рукой на стеклянный фасад здания, на противоположной стороне улицы, на первом этаже которого было кафе. — Смотри, я буду тебя оттуда видеть.

— Хорошо, — все также отстраненно и безучастно ответила девушка.

Казалось, что вся прежняя жизнерадостность полностью покинула девочку. Она не была больше похожа на веселого и беспечного ребенка, не унывающего от осознания своей неполноценности. В ее глазах вдруг появилась безнадежность и смертельная тоска, как у человека, который перестал понимать, для чего ему нужно жить. Как у девушки, почувствовавшей вкус любви, но для которой эта любовь была лишь жестокой раной, из которой капля за каплей будет вытекать ее жизнь. Как у женщины, осознавшей, что она обречена на одиночество...

Кэрол заколебалась.

— Эмили... а может не надо ждать? Поехали, а?

— Я хочу его увидеть. Ведь, наверное, я никогда его больше не повстречаю, ведь он сказал, что уедет. Как я могу отказаться от самого счастливого момента моей жизни? Не хочешь, не жди меня.

— Я подожду, — поспешно ответила Кэрол и, улыбнувшись ей напоследок, перешла дорогу и зашла в кафе. Позвонив Норе, она устроилась за столиком у самой стены из стекла и, попивая горячий кофе и жуя булочку, стала с тяжелым сердцем наблюдать за девочкой.

Эмили подкатила кресло к собаке, терпеливо ожидающей у входа больницы хозяина, и с улыбкой бесстрашно погладила пса по голове. Тот не воспротивился, и даже лизнул ее за руку, завиляв хвостом.

Выпрямившись, девушка застыла в неподвижной напряженной позе, сложив руки, а потом, спустя несколько минут, вдруг поникла и подавлено скрючилась в кресле, низко опустив голову. Кэрол разглядела, как она вытирает ладонью лицо, и порывисто отвернулась, сцепив челюсти и сощуриив наполненные слезами глаза. Господи, смотреть на это было невыносимо.

Эмили вскинула голову, когда скрипнула дверь и замерла, широко распахнул глаза, увидев того, кого ждала.

Тим раздраженно и довольно грубовато тащил за собой Даяну, держа ее за руку повыше локтя. Девушка предпринимала вялые попытки освободиться. Другой рукой он держал ее сумочку, видимо, отобрав ее у сестры, и в которой, должно быть, и лежал пистолет. Они ругались.

Тим прошел мимо застывшей в кресле девушки, даже не заметив ее.

Лениво поднявшись с места, Спайк неторопливо двинулся за ним.

Лицо Эмили исказилось, а ладони судорожно вцепились в подлокотники, она подалась

вперед и порывисто вскрикнула:

— Извините!..

И осеклась, испугавшись того, на что осмелилась.

Он, поглощенный перебранкой с Даяной, не заметил, сколько отчаяния и мольбы прозвучало в голосе девушки, но обернулся на ее голос. На мгновение на лице его отразилось растерянность, затем он отпустил Даяну и быстро вернулся. Эмили, заморожено смотря на него, расслышала, как он пробормотал себе под нос виноватое «Ах да, конечно!..».

Достав из кармана джинсов купюру, он с теплой улыбкой развернул вверх ладонь девушки и положил в нее деньги, не догадываясь, как бьется и трепещет в груди девушки сердечко, и как оно вдруг остановилось, когда она осознала, что он делает...

— Извини, я забыл, — сказал он и, выпрямившись, отвернулся и поспешил к сестре.

Подойдя к обочине, он взмахнул сильной рукой, подзывая припаркованное неподалеку такси и, когда то подъехало, впихнул в нее Даяну, запустил пса, ловко запрыгнувшего в салон, захлопнул дверь, а сам сел рядом с водителем. А через пару секунд такси скрылось за поворотом.

Эмили продолжала неподвижно сидеть в кресле, держа в раскрытой ладони купюру. Кэрол поспешно открыла сумочку и достала деньги. Бросив их на столешницу, она подскочила и бросила еще взгляд на улицу.

Эмили подъехала к самому краю дороги и остановилась. Кэрол выбежала на улицу и замахала девушке руками, подумав, что та собралась ехать к ней через дорогу и давая понять, что сама к ней подойдет.

Но девушка вдруг приподнялась и на мгновение остановила свой взгляд на Кэрол. И Кэрол сразу поняла, что она задумала.

— Эмили! Не надо! — завопила она страшным, не своим голосом и рванулась к ней через дорогу. Но девушка, с силой оттолкнувшись от коляски, бросилась прямо под колеса проезжающей мимо машины.

Кэрол увидела, как машина слегка подпрыгнула, наехав на хрупкое тело и, отчаянно завизжав тормозами, остановилась. На сером асфальте остался кровавый след от шин... и скрюченное неподвижное тело девочки. А ее уже бесчувственная ладонь продолжала сжимать смятую купюру...

Кэрол не помнила, как она пришла домой.

Тело девочки увезли в морг, кто-то из докторов больницы, возле которой она постоянно просила милостыню, дал адрес ее матери полиции. Заметив это, Кэрол подошла к доктору и тоже попросила адрес, сказав, что была знакома с девочкой, и хотела бы предложить ее матери помочь с похоронами.

Она была в шоке, впад в оцепенение, и действовала автоматически, как заведенная кукла. Ее мозг пока еще отказывался принять то, что видели ее глаза.

Вспомнив, что отдала почти все деньги девочке, а остатки мелочи оставила в кафе, она поднялась в палату Джека, чтобы взять денег у него. Увидев ее, он побледнел, так перепугавшись, что руки его затряслись. В остекленевших глазах Кэрол застыло выражение ужаса и как будто удивления, на лице не было ни кровинки, губы судорожно сжаты.

— Кэрол, что случилось? — он вскочил с постели, смотря на нее недоуменными глазами.

— Деньги, — бездумно сказала она. — Мне нужны деньги.

— Какие деньги? Да что с тобой? Что случилось? Даяна... она что-то сделала тебе?

— Даяна? — Кэрол непонимающе уставилась на него, как будто не понимала, о чем он говорит. — Нет, деньги. Мне нужны деньги на такси.

— Тебя что, ограбили?

— Нет, я их отдала Эмили. Их увезли в морг.

— Кого увезли в морг? — не мог ничего понять ошеломленный Джек.

— Деньги.

Джек, не моргая, смотрел на нее, застыв посередине палаты.

Кэрол остановила на нем вдруг ставший осмысленным взгляд.

— Что ты на меня так уставился? Я что, не ясно выражаюсь? Дай мне денег, черт возьми!

— Объясни, что случилось. Ты не в себе, Кэрол.

— Я в себе, Джек. Я просто прошу у тебя денег, что в этом странного? — лицо ее начало приобретать нормальный живой цвет, а глаза нетерпеливо загорелись раздражением. — Я отдала деньги Эмили, девочке, которая просила милостыню под больницей, как вознаграждение за то, что она вернула мне кольцо...

— Она нашла твое кольцо? — обрадовался Джек, сразу опустив взгляд на ее руку и убедившись, что оно действительно на ней. — Так это же здорово! Тогда почему ты такая вся перепуганная и странная, как будто за тобой гонялась только что целая стая приведений? Какой морг? И почему твои деньги увезли в морг?

— Их увезли вместе с телом Эмили, — спокойно объяснила Кэрол. — Ее сбила машина.

— О, господи! И ты это видела?

— Да...

— Тогда понятно, — он подошел к ней и обнял. — Бедная моя девочка, только и этих зрелищ тебе не доставало... Сядь, посиди и успокойся.

— Нет, я пойду, — решительно возразила Кэрол, отстраняясь. — Деньги давай, или мне пешком идти?

— Я не отпущу тебя в таком состоянии.

— С моим состоянием все в порядке, если не считать, что сейчас я психану и уйду из-за того, что мне так долго приходится выпрашивать у тебя денег!

— Господи, да при чем тут деньги? — вздохнул он и, подойдя к шкафу, открыл дверцу. Вынув из кармана рубашки бумажник, он достал деньги и передал Кэрол. Схватив купюры, она развернулась к двери.

— Подожди, я провожу тебя домой, — окликнул Джек, доставая из шкафа брюки. — Только переоденусь, и поедем.

— Не надо.

— Надо.

Но она выскочила за дверь, не став больше с ним спорить. Джек бросился следом.

— Как приедешь, позвони дежурной медсестре, она позовет меня к телефону, я договорюсь! — крикнул он ей вслед. — И аккуратней, больше без всяких приключений! Сразу домой, поняла?

— Хорошо, — отозвалась Кэрол.

Она нашла квартиру, в которой жила мать Эмили, и одного взгляда на женщину и на ее жилище было достаточно, чтобы понять, что несчастной девочке долго придется

дождаться, когда мать заберет ее для похорон...

Эмили сказала неправду. Ее мать не пила, она была наркоманкой. И отчим тоже. И судя по обстановке их квартиры и тому, в каком та была состоянии, Кэрол поняла, что этим двоим просто не за что будет похоронить девочку, даже если они и пожелают это сделать. Мать была во вменяемом состоянии, и беззвучно плакала, бесцельно бродя по квартире. Полицейские здесь уже побывали и сообщили прискорбную новость.

Когда Кэрол предложила взять на себя похороны, женщина, не задумываясь, согласилась, и даже благодарно улыбнулась. Похоже, она была нормальной и доброй женщиной до того, как стала законченной наркоманкой. В благодарность Кэрол попросила только фотографию ее дочери.

— Мы были знакомы, — объяснила она, и, уловив в ее голосе глубокую скорбь, женщина молча принесла то, что она просила.

— Она была хорошей девочкой, но ей было тяжело здесь, с нами, — неожиданно сказала она. — Сами понимаете... мать из меня никудышная стала... Она и ног-то по моей вине лишилась. Маленькая была, о ржавый гвоздь поцарапалась, а я... я попустила. Вот и отрезали ей ножки, моей малышке. Пять годочков всего было.

Спрятав лицо в ладонях, женщина отвернулась и убежала в другую комнату. Из кухни выплыл осоловелый мужик с наполовину подкатанными глазами и направился к Кэрол. Та попятилась к двери.

— Крошка... иди сюда, побалуемся...

Кэрол выскочила из квартиры и бросилась вниз по лестнице, на улицу. Поймав такси, поехала, наконец-то, домой, не замечая, что продолжает сжимать в руках фотографию, на которую даже не успела взглянуть.

Войдя в просторный холл ставшего за пять лет родным дома, Кэрол растерянно остановилась, вслушиваясь в неприятную тишину. Зачем она сюда приехала? В этот огромный, опустевший дом, который теперь наполнял ее сердце тоской и холодом, а не согревал и не радовал так, как раньше?

Навстречу ей вышла Нора.

— Вы одна? — удивилась женщина. — А для кого же праздничный стол, торт и шампанское?

— Извините, Нора... все отменяется, — губы Кэрол нервно задергались и, резко отвернувшись, она выскочила снова на улицу и, перегнувшись через перила крыльца, разразилась судорожными рыданиями.

— Что-нибудь случилось? — раздался за спиной голос Норы.

Кэрол выпрямилась, но не повернулась к ней, вытирая слезы с лица.

— Ничего, Нора... не беспокойся. Я поеду к Куртни, переночую у нее.

— Вам не кажется, что то, что ваш муж в больнице, еще не значит, что вы не должны показываться здесь, дома, и жить в другом месте?

— Я еду в дом, где выросла, к Куртни, а не в «другое место», — резко ответила Кэрол, продолжая стоять к ней спиной. — И мой муж ничего не имеет против.

— Это вы так думаете, потому что он вам это позволяет. Странное желание сбегать из собственного дома... предпочитая его общению с чужой для вас женщиной. Или, быть может, вы ездите туда не к ней?

Кэрол захлестнула волна гнева и, обернувшись, она устремила на женщину загоревшийся взгляд.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что своим поведением вы обостряете ревность своего мужа к... к мистеру Мэтчисону. Вы проводите там больше времени, чем допустимо и, учитывая...

— Если мне понадобится ваш совет в том, что и как мне следует делать, я вас об этом спрошу, — сдержанно перебила ее Кэрол. — А теперь, извините... мне пора.

— Джек звонил уже раз десять. Он очень обеспокоен. Говорил, что вы давно уже должны были быть дома, и переживает, почему вас так долго нет.

— У меня были дела, можете так и передать, когда он в следующий раз позвонит.

— Он просил, чтобы вы сами ему позвонили, как только приедете. Он волнуется, — в голосе Норы слышались возмущение и упрек.

— Хорошо, я сейчас позвоню, — холодно согласилась Кэрол и пошла в дом. Нора поспешила следом.

— Еще вас спрашивал доктор Тоундс.

Кэрол резко остановилась и обернулась к ней. Кровь у нее в жилах похолодела от мгновенно охватившего ее страха.

— Тоундс? Что он сказал?

— Что ему надо с вами поговорить. Он оставил свой домашний телефон и просил вас перезвонить ему, как только...

— Ясно, спасибо, Нора.

— Номера телефонов доктора Тоундса и дежурной медсестры в отделении травматологии — в блокноте на телефонном столике в зале, — невозмутимо продолжила Нора и удалилась. Не смотря на то, как спокойно и равнодушно она держалась, Кэрол почувствовала ее неприязнь и обиду. Но сейчас ей на это было наплевать. Она разозлилась на женщину, но не за попытку вмешаться в то, что ее не касалось, а за явное осуждение и наглое высказывание подозрения в любовной связи с Рэем. А своему обожаемому Джеку она, эта Нора, не хочет ли высказать свое мнение о том, что ему следует и не следует делать? На это она никогда не осмелится, Джек быстро поставит ее на место, да так, что та и рта больше не захочет открыть. А с ней, Кэрол, значит, можно себе позволять так себя вести?

Вырвав из блокнота страничку с номерами телефонов, Кэрол пошла в кабинет Джека, чтобы позвонить оттуда, чтобы любопытная Нора не слышала разговор. Сначала Кэрол, не в силах справиться с волнением, позвонила доктору, но вежливый женский голос сказал, что в данный момент он подойти не может, и попросил перезвонить через десять минут. Тогда Кэрол набрала номер отделения травматологии и попросила к телефону Джека. Он сразу же откликнулся в трубке, как будто сидел рядом с телефоном и вырвал трубку из рук медсестры, как только понял, что звонит она.

— Кэрол, где тебя черти носят? — гаркнул он в бешенстве.

Кэрол ответила ему ледяным молчанием, которое действительно подействовало на него охлаждающе. Чувство собственной вины перед ней сделало из него прямо-таки паймальчика, с усмешкой подумала Кэрол. Надолго ли?

— Где ты была, милая? Я так беспокоился, — уже мягче спросил он.

— Я немного прогулялась, чтобы успокоится, — равнодушно солгала ему Кэрол, не чувствуя в себе никакого желания делиться с ним ни произошедшим, ни своими чувствами и мыслями. Раньше с ней никогда такого не было, по крайней мере, за время их совестной жизни.

Что хочет ей сказать доктор Тоундс? Что такое срочное и важное, что он искал ее, когда

они только сегодня виделись, и даже просил позвонить ему домой? Кэрол почувствовала, что силы и мужество вновь покидают ее. Может, Джек ей скажет что-то об этом? Сама спросить его она не решалась. Вдруг доктор не сообщал ему то, что хотел сказать ей? Но Джек не упоминал ни о докторе, ни о своей болезни. Он рассказывал о своем разговоре с Даяной, о пистолете, о Тиме, который вовремя забрал свою прибабахнутую сестренку. Кэрол молча слушала, не вставляя ни слова, и Джек тоже вдруг резко замолчал.

— Ты мне не веришь? — напряженно спросил он после паузы.

— Неужели потребовалось столько времени для того, чтобы выставить ее за дверь, как, ты мне говорил, ты собирался это сделать? — не выдержала Кэрол, поддавшись мучительной ревности и недоверию.

— Ты думаешь, что я... — он задохнулся от возмущения. — Кэрол! Спроси у Тима, если мне не веришь! Он скажет тебе, что когда он пришел, она держала меня на мушке и угрожала! Я выставил ее, а она опять приперлась, пистолет из сумочки достала... ну я же тебе рассказывал! Почему ты мне не веришь? Неужели ты думаешь, что после того, как мы с тобой помирились, и ты дала мне возможность исправить свои ошибки, я стану опять тебе лгать? Или... или того хуже?

— Я не знаю.

— Кэрол, я же пообещал, что я никогда не буду тебе больше лгать. И ты должна мне поверить, если мы хотим, чтобы у нас все было хорошо. Или... или ты помирилась со мной только потому, что рассчитываешь вскоре от меня избавиться другим, более надежным способом?

— Не смей так говорить, Джек! — встрепенулась Кэрол.

— Тогда зачем ты мучаешь меня?

— Я не мучаю тебя, Джек. Просто мне тяжело верить тебе... снова, — откровенно призналась она.

— Я понимаю, любимая, понимаю. Но ты должна мне верить, слышишь меня?

— И ты... ты будешь откровенным со мной?

— Я уже с тобой откровенен, разве ты этого не видишь, не ощущаешь?

По его голосу она поняла, что он улыбается. Знал бы он, как ей хотелось ему верить. Слушать и знать, что он говорит ей правду, что не посмеивается над ней про себя, вода в очередной раз за нос, как наивную глупую дурочку.

— Как ты себя чувствуешь? — сменила она тему.

Он тяжело вздохнул в трубку.

— Ужасно одиноким и тебе не нужным!

— Почему — не нужным?

— А разве нужным?

— Да.

— Очень?

— Очень.

— Очень-очень?

Кэрол невольно улыбнулась.

— Да, Джек, ты мне нужен, очень-очень.

— И больше всех на свете? Не считая Патрика...

— Да, больше всех на свете.

— Когда ты завтра придешь?

— Утром заскочу, а потом вечером, скорее всего.

— Послезавтра меня выписывают. Выходные побуду дома, а потом... отдамся в руки доктору Тоундсу, — сказал он шутливо.

Сердце Кэрол тревожно забилося при напоминании о докторе.

— А если серьезно, Джек, как ты?

— Нормально. Немного устал. И страдаю оттого, что только послезавтра окажусь в нашей любимой постельке, с тобой...

— Джек, ты о чем-нибудь другом, помимо этого, можешь думать? — с раздражением хмыкнула Кэрол.

— Здесь, в одиночестве — нет.

— Надеюсь, ты там сейчас один, или рядышком сидит медсестра и все это слушает? Спроси, может она согласится скрасить твое одиночество.

— Кусайся, кусайся, любовь моя, я не обижусь, наверное, я заслужил. Медсестры здесь нет, она деликатно оставила меня одного. К тому же она старая и безобразная, так что уж лучше я обойдусь без ее общества, — прошептал он уже тихо, чтобы его не услышали, и засмеялся. — А как ты, солнышко? Все еще переживаешь из-за этой девочки?

— Да, мне... мне не по себе.

— Сдается мне, тебе очень «не по себе», — вздохнул он. — Ты всегда все так близко к сердцу принимаешь. Нельзя так.

— А как, если ее у меня на глазах переехали? — нервно отозвалась Кэрол, невольно повысив голос. — У меня до сих пор все перед глазами.

— Иди-ка прими горячую ванну, расслабься, прими снотворное и спать. И выкинь из головы все мысли. Поняла?

— Я не могу, Джек, все так сразу навалилось, — голос ее задрожал, Кэрол опустила лицо на ладонь, чувствуя, что готова сломаться. — Как я могу спать, как могу выкинуть из головы мысли о том, что с тобой... Джек, я так тебя люблю. Мне кажется, я сойду с ума.

— Будь сильной, девочка моя. А если я умру, перешагнешь и забудешь, как я тебя всегда учил.

— Нет, Джек, перестань, ты не должен мне говорить такие вещи, не должен. Ты... ты пугаешь меня еще больше, заставляешь терять уверенность. Как, как у тебя получается быть таким спокойным, таким... беспечным, что ли? Как будто и не происходит ничего.

— Происходит — то, что мы с тобой вместе, а все остальное уже не так важно. Я же сказал, что справлюсь. Не плачь, мой хорошая.

— Не могу...

— Можешь. Сделай так, как я тебе сказал. Прими снотворное и ложись. Тебе нужно забыться и отдохнуть. Иначе действительно можно сойти с ума. Я тоже сейчас буду спать.

— И ты сможешь?

— О, да. У меня есть одно проверенное средство — я начинаю перечитывать гражданский кодекс и засыпаю от скуки на первой же странице, — он рассмеялся, легко, непринужденно. Кэрол улыбнулась и всхлипнула, вытирая покрасневший, мокрый от слез нос.

— Откуда у тебя там кодекс?

— Отец притащил новый экземпляр с внесенными поправками, только я их все уже знаю, и вообще, я занимаюсь уголовщиной, а не этой мутотенью... Но отец считает, что адвокат моего уровня должен знать все, и при том наизусть. Так я знаю, не пойму, чего еще

ему от меня надо, — проворчал Джек недовольно. — Но зато сразу засыпаю, хоть какой-то толк от этой книги! Милая, если не хочешь принимать снотворное, возьми в моем кабинете подобную книженцию, у меня их там море, попробуй почитать — уснешь максимум через десять минут.

— Как же ты все это выучил, если сразу засыпаешь? — засмеялась Кэрол.

— Так это я теперь засыпаю, когда все знаю, а раньше мне было страсть как интересно! Ладно, любимая, я пошел, пока эта старая карга не потеряла терпение и не выперла меня отсюда. Если станет грустно, звони, в любое время, я заплачу этой старухе, чтобы позвала меня к телефону ночью...

— Не надо, Джек. Я выпью снотворного, почитаю кодекс и отрублюсь до утра. И ты спи спокойно.

— Ну, хорошо. Тогда спокойной ночи, любовь моя.

— Спокойной ночи.

— Я тебя люблю!

— И я тебя люблю.

Кэрол ответила на звонкий поцелуй, раздавшийся в трубке, и нажала на рычаг. Потом закрыла глаза, набираясь мужества, и, взглянув на лежащий перед ней листик бумаги, набрала дрожащими пальцами номер доктора Тоундса. На этот раз он сам взял трубку.

— Добрый вечер, — поприветствовал он, и по его голосу Кэрол поняла, что он взволнован и очень нервничает, и окончательно упала духом, откинулась на спинку рабочего кресла Джека и закрыла глаза. Она не молила больше Господа о пощаде. Он все равно ее не слышал. Никогда. Сейчас она услышит, что Джек безнадежен, что он умрет. Она не хотела этого слышать. Может, бросить трубку? Пойти и умереть самой, чтобы так и не узнать, что ее Джек больше не будет жить...

— Миссис Рэндэл... я должен вам сказать... я должен извиниться...

— Что? — чуть слышно сказала она, и ее вопрос был больше похож на стон.

— Дело в том, что Джек здоров.

Кэрол открыла глаза, уставившись в потолок удивленным взглядом. У нее что, галлюцинации начались? Она все-таки сходит потихоньку с ума?

— Простите меня, ради Бога. Я не хотел... я никогда так не поступал, но он меня уговорил, он сказал, что если я этого не сделаю, разрушится его семья. Я сам не понимаю, как я позволил ему себя убедить...

— Джек здоров? — Кэрол оторвалась от спинки кресла и выпрямилась. — Но вы же сказали... его кровь...

— Я вам солгал. С его кровью все в порядке.

— Но как же... а его постоянная усталость, сонливость, чрезмерная утомляемость?

— Это всего лишь хроническая усталость. Есть такое, синдром хронической усталости. Он пытается прыгнуть выше собственных сил, много работает и мало отдыхает, и это сказывается на здоровье. Ему нужно всего лишь сменить темп и ритм жизни, и все наладится.

Кэрол пораженно молчала, не зная, что ответить. Тогда доктор снова заговорил сам:

— Я пытался объяснить ему, что это не метод, что так нельзя, что это жестоко по отношению к вам, но он был непреклонен. Но когда я увидел, как вы отреагировали на это, как вам стало плохо, я... я... понял, что повел себя непростительно, не по человечески, не как врач... Я не рассчитываю на ваше понимание и прощение, потому что я сам себе никогда

этого не прощу. Но я выполнил все же свой долг, я сказал вам правду. И теперь смогу заснуть спокойно, зная, что вы больше не страдаете, думая, что ваш муж тяжело болен. Конечно, я понимаю, что Джек мне этого не простит, и самое меньшее и безобидное, что он может сделать — это найти себе другого доктора. Может, поэтому я ему и уступил. Вашему мужу трудно возражать, миссис Рэндэл, ему безопаснее уступить, чем настроить против себя. Вот и я струсил... смалодушничал. Простите меня, пожалуйста.

— Спасибо, доктор Тоундс. И не думайте... Джек не узнает о том, что вы мне сказали. Спасибо.

— Извините еще раз...

— Если он спросит, утверждайте, что вы ничего мне не говорили, я подтверждаю...

— Нет, миссис Рэндэл. Я скажу ему, что это я вам все рассказал, даже если он меня за это сотрет с лица земли, скажу, что он был неправ и непозволительно жесток с вами, что нельзя пользоваться и играть на любви людей, да еще таким низким ужасным способом! Моя честь и мой долг для меня важнее, и мне стыдно, что я согнулся под ним, потупившись ими. Больше такого не будет, никогда. Я достойный человек, что бы вы сейчас обо мне не думали, и я хочу таковым оставаться, особенно теперь, когда я стар, и я хочу, чтобы люди меня уважали...

— Так и есть, мистер Тоундс. Я не сержусь, я знаю своего мужа, знаю, что он может как убедить, так и принудить... И все же я бы попросила вас не говорить ему. Не к чему это.

— Я поступлю так, как мне подскажет моя совесть и чувство собственного достоинства. Не смею больше задерживать, миссис Рэндэл. Искренне желаю, чтобы у вас с мужем все наладилось, и ему не приходилось бы больше прибегать к таким ужасным способам, чтобы вас удержать. Всего доброго.

— Всего доброго, — эхом откликнулась Кэрол и положила трубку.

Упав в кресло, она зажмурилась, но все равно из-под век брызнули слезы. В первый момент она ощущала только невероятное облегчение и радость. Но постепенно они стали вытесняться другими чувствами, не менее сильными — яростью и негодованием.

И вскоре она в бешенстве срывала одежду с вешалок в гардеробе в спальне и небрежно бросала в расставленные на полу открытые чемоданы...

Поднявшись рано утром, Кэрол первым делом решила все вопросы с организацией похорон Эмили, которые, с согласия матери девочки, были назначены на послезавтра. А потом ей позвонила Куртни и сообщила, что кремация назначена на сегодня, ровно в полдень. На вопрос Кэрол поедет ли она с ней, Куртни сухо ответила, что у нее неотложные дела. Кэрол положила трубку и некоторое время не двигалась, уронив голову на руки. Все. Она теряет свою Куртни. Из-за Рэя.

Ночью ее снова мучили кошмары, она плохо спала, и теперь чувствовала себя усталой, разбитой и раздраженной. Вчера она собрала почти все свои вещи, которые ей помог перевезти сияющий от радости Рэй в ее квартирку, подаренную Куртни. Она попросила его помочь ей с вещами, потому что чемоданы оказались слишком для нее тяжелыми, и она сомневалась в том, что сама дотащит их до своей квартиры, если возьмет такси. Свою машину она завести не смогла, и это разозлило ее еще больше. Поэтому она позвонила Куртни и попросила ее прислать Рэя с машиной. Взахлеб она рассказала Куртни о том, что случилось, не замечая, что кричит от переполнявшей ее обиды и ярости, выплескивая не уместяющиеся в ней возмущение и негодование, вызванное Джеком.

— Я чуть не умерла от горя, а он забавлялся, забавлялся надо мной! Он заставил меня сказать, что я его прощаю, пообещать, что не брошу его! Он издевался надо мной, говоря о собственной смерти, о завещании, о том, что я буду богатой вдовой! Он мучил меня и смотрел, как я страдаю, как плачу, и если бы доктор мне все не рассказал, не известно, сколько бы еще он это со мной делал! И я ему верила, я опять ему верила! Он такой жестокий, такой подлый! Он опять меня обманул! А клялся, что никогда этого больше не сделает, клялся, зная, что уже это делает! Он никогда не изменится, никогда! — на мгновение в ее голосе отразилось безумное отчаяние, как будто она хотела ему верить, но поняла, что никогда больше не сможет, и именно это заставило ее так отчаяться. Она злилась на него за то, что он отнял у нее эту крохотную надежду на то, что он искренне раскаялся и действительно хочет все исправить, попытаться быть с ней честным, что он по крайней мере хочет этого... Но ничего не изменилось. Их отношения он начал восстанавливать снова на лжи, и очень жестокой лжи. Боже, он ни в чем не знает меры, добиваясь того, что ему было нужно. Он даже не побоялся оговорить себя такой страшной болезнью, которая подстерегает его столько же лет, не побоялся говорить о смерти... А вдруг она услышит его и обрати на него свой взор? Ты меня звал? Вот, я, встречай...

— Он заставил меня лечь с ним в постель, прикидываясь напуганным и несчастным, нуждающимся в поддержке и забвении! — вопила Кэрол в бешенстве. — И я... после всего... я ему позволила! О-о, как же я его ненавижу! Какая же я дура, боже, Куртни, ну почему я такая дура?

Куртни, не перебивая, выслушала ее крики, понимая, что девушке надо сейчас выговориться и выплеснуть эмоции и чувства. Потом посоветовала успокоиться и взять себя в руки. А вскоре приехал Рэй и, не скрывая своего удовольствия от происходящего, погрузил ее багаж в машину, и с широкой улыбкой распахнул перед девушкой дверь.

— А где же твой «Астон Мартин»? — фыркнула Кэрол, находясь в преотвратительном

расположении духа, и опустила на переднее сиденье «Форда».

— А разве я тебе не говорил? Какой-то идиот зацепил меня, разнес к чертям габариты! Завтра я забираю машину из автосервиса. Слава богу, кроме долбанной фары все целое! — с досадой сказал он, явно принимая близко к сердцу неприятности со своей новой и при том обожаемой игрушкой.

Он отвез Кэрол в ее квартиру и помог затащить чемоданы.

— Может, поехали к нам, чего тебе здесь сидеть в гордом одиночестве? — предложил он, стоя в прихожей, потому что дальше девушка его не приглашала и, судя по всему, и не собиралась.

— Нет, не сегодня. Я очень устала. У меня был тяжелый день. Очень тяжелый. Я хочу только одного — выпить снотворного и не просыпаться до завтра, — подавлено отозвалась Кэрол. — Спасибо, Рэй. Ты можешь идти.

— Ты даже не угостишь меня чаем? — он легко улыбнулся, но взгляд его, не отрывающийся от девушки, был горячим и томным. Кэрол не могла его не заметить и сразу напряглась.

— У меня нет чая! — резко сказала она.

— Ну, тогда кофе.

— И кофе нет! У меня здесь ничего нет, потому что я здесь не живу! Не жила.

— Так я сбегая в магазин, что-нибудь куплю, — не отставал он.

— Не надо... Рэй, ничего не надо! Я устала и хочу лечь.

— А чем ты завтра будешь завтракать?

— За углом кафе, там и позавтракаю, не беспокойся, — Кэрол прошла мимо него к двери и, приоткрыв ее, обернулась к нему. — Рэй, у меня завтра много дел.

Она увидела, как уголки его губ обиженно поползли вниз, он подошел к двери и взялся за ручку. И вдруг захлопнул ее, прожигая девушку пристальным взглядом. Шагнув к ней, он заставил ее отступить и вжаться в стену.

— Рэй... не смей... уходи! — Кэрол почувствовала горячий прилив раздражения и злости.

— Ну, пожалуйста, — простонал он и погладил ее по щеке, наклоняясь к ее лицу и смотря в глаза, — пожалуйста, не будь такой жестокой. Не гони меня. Я так тебя люблю... так давно... мне кажется, уже целую вечность.

Кэрол собралась накричать на него, но он вдруг упал на колени и, обхватив ее ноги руками, прижался к ней со всех сил.

— Разве ты не чувствуешь, что создана для меня? Только для меня! Потому и нет тебе счастья с другими, и не будет! И я тоже буду несчастным. Мы оба будем несчастны, пока не соединимся вместе. Я и ты.

— Отпусти меня! Слышишь, сейчас же отпусти! — Кэрол схватила его за плечи, пытаясь оторвать от себя, но он не позволял. Схватив ее за бедра, он начал осыпать их страстными поцелуями. Кэрол почувствовала, как юбка ее поползла вверх, и вцепилась в его руки, чтобы помешать. Он прижал ее к себе и, скользнув под юбку, положил ладони на упругие ягодицы. Не позволяя ей отстраниться, он ласкал горячим ртом ее обнаженные бедра, насильно открытые его ласкам, и девушка не могла ему помешать, не в силах вырваться. Она лишь хватала его за мягкие золотистые волосы в попытках оторвать от себя, но он как будто и не замечал этого. Кэрол вскрикнула, услышав треск ткани, а спустя мгновение он сорвал с нее порванные трусики и со стоном прижался ртом меж стройных

бедер. Кэрол замерла, ощутив на себе его горячее дыхание, и на мгновенье веки ее сомкнулись, когда ее тело, помимо ее воли, вдруг откликнулось ему... Почувствовав неожиданную слабость, она расслабилась, позволив ему разомкнуть ее бедра. От его прикосновения ее бросило в жар, и желание разморило ее тело, но она резко взбрыкнулась и ударила его кулаком по голове. Он вздрогнул, но лишь еще сильнее ее сжал, не отпуская. Тогда Кэрол ударила еще раз и еще, и заколотила по нему кулаками, безумно испугавшись.

— Нет, нет! — хрипела она. — Отпусти! Отпусти!

Он быстро поднялся и снова схватил ее, теперь впившись в губы. Потом легко подхватил на руки и понес брыкающуюся девушку в спальню. Там, опустив ее на постель, рванул на ней блузку и набросился на полуобнаженную грудь, целуя пухлые выпуклости над белоснежными чашечками бюстгалтера. Кэрол вдруг перестала вырываться и замерла.

— Рэй, — чуть слышно позвала она дрожащим плачущим голосом. — Рэй...

Он поднял голову и, тяжело дыша, посмотрел ей в лицо.

— Не надо, пожалуйста... если ты меня действительно любишь... не надо.

Даже в темноте она увидела, как он побледнел, а лицо его перекосилось.

— Кэрол... это нечестно... — прохрипел он.

— Я не прощу тебе этого. Никогда. Хочешь взять меня силой, что ж, я не смогу тебе помешать. В этом не будет моей вины. А тебя я за это не прощу. Решай, что для тебя важнее — твоя похоть, или наши отношения.

Он замер, не двигаясь. Кэрол увидела на его лице выражение страдания. Потом он со стоном, похожим на рыдание, подскочил и вылетел из комнаты. Кэрол услышала, как отчаянно хлопнула входная дверь. Поднявшись с постели, она поправила юбку и пошла запирать дверь на замок.

Вернувшись в спальню, она легла на кровать и сжалась в комочек.

Тело била нервная дрожь. Она лежала и плакала.

Плакала, потому что сейчас поняла, что Рэй на самом деле ее любит.

Она невольно причиняет ему боль, заставляет страдать... его, того, кто однажды приехал и забрал ее в новую жизнь, жизнь, о которой она мечтала, того, кто стал самым родным и близким вместе с Куртни, кто всегда помогал, поддерживал, заботился. Да, они часто ссорились, и она злилась и сердилась на него много раз. Но она знала, что в трудную минуту он был незаменим, что он всегда поддержит ее, не смотря ни на что. Она вспомнила, как он заботился о ней после инсульта, как облегчал ее страдания своим легким веселым нравом, заставляя смеяться над собой и своими проблемами, относиться легче к трудностям, не унывать. Куртни всегда была требовательной и жесткой, она скупно проявляла свои чувства, свою любовь. А Рэй нет. Он был совсем другим. С ним было так легко, так хорошо, так уютно. Тогда ей было легче с ним, чем с Куртни. Он ничего не требовал от нее, ни сил, ни мужества, ни борьбы с болезнью и бессилием, но вместе с тем, не требуя, именно он поднимал в ней это мужество, и силы, и желание бороться.

Его легкомыслие и озорство помогли ей. То, что он не заострял внимание на ее болезни и над тем, что с ней происходит, превращая все в трудное интересное испытание, проверку на выносливость и стойкость, в игру. В игру, в которую она с удовольствием с ним играла.

Он был чутким и мягким. Он всегда знал, что нужно сказать, что сделать. Он всегда мог поднять ей настроение, развеселить, рассмешить. С ним было интересно. Порой, особенно в последнее время, Кэрол казалось, что она его ненавидит, злясь на него за то, что встал между ней и Куртни. Но на самом деле он был для нее самым лучшим, самым хорошим,

самым надежным. И очень дорогим. Не отец, не брат, не любовник, не муж, не друг, не родственник. Кто же он для нее? Давно Кэрол задалась этим вопросом, но так и не могла найти на него ответ. Для нее он был просто Рэй. Станный, необычный. Ветреный и вместе с тем надежный. Легкомысленный и серьезный. Мальчишка и мужчина. Безжалостный с одними, и сердечный с другими. Кому-то причинявший без зазрения совести боль, а какого-то утешающий от всей души. Жертвующий кем-то ради себя, и приносящий в жертву себя ради другого... Как жесток и безжалостен он всегда с Куртни, и как мягок и добр с нею... И как видна эта разница, к которой он относится к ним обоим.

Она причинила боль им обоим, и ему, и Куртни, обоим сделала несчастными. И страдает от этого сама. Она приносит только одно несчастье, всем, кто рядом с ней. Где она — там боль и слезы, там горе и смерть. Она сама есть скопление боли, слез, горя и смерти. Это есть она.

Она погубила даже несчастную девочку-калеку. Не появись она в ее жизни, не отдай ей кольцо, не подъехала бы к ней эта девочка, чтобы его вернуть, не увидела бы Тима и не потеряла бы желание жить. Дороги ее и Кэрол пересеклись всего лишь на мгновение, и этого было достаточно, чтобы путь девочки прервался, обрезанный, как от соприкосновения бумаги и ножа. Бумага — это жизненный путь девочки, а нож — путь ее, Кэрол. Она шла вперед и срезала все чужие дорожки, осмелившиеся с ней перехлестнуться.

Она заставила себя встать, постелить постель, и раздеться. И только она выпила снотворного и собралась снова лечь, как раздался требовательный звонок в дверь. Кэрол подкралась к двери и заглянула в глазок.

— Открывай, чего смотришь! — прозвучал за дверью раздраженный голос Джека. Кровь застучала у нее в висках, а дыхание стало тяжелым от нахлынувших на нее эмоций. Как он узнал? Нора... Только она могла позвонить ему и сообщить, что она собрала чемоданы и ушла. Ушла с Рэем.

— Уходи! — отозвалась Кэрол резко и неприветливо.

— Открывай, твою мать! Или я разнесу эту чертову дверь в щепки! — закричал он грубо, и Кэрол вздрогнула. Он в ярости, а она всегда боялась его в таком расположении духа. Она задрожала. В ушах ее вдруг зазвучал голос Элен, ломившейся в дверь ее комнаты:

— Открывай, дрянь!

А она сидела и тряслась от страха, моля Бога, чтобы она ушла.

Сейчас она почувствовала то же самое, словно вернулась в свое детство, в свою комнату, в которую пыталась вторгнуться опасность...

Боже, сделай так, чтобы он ушел.

Кэрол попятилась назад, отходя от двери.

— Ну, ладно. Тогда я сам открою, и пеняй на себя.

Кэрол услышала, как с той стороны задвигался в замке ключ, и окаменела, стоя перед дверью в одной ночной рубашке и тапочках. Она не пошевелилась, когда дверь резко распахнулась, и в прихожую влетел разъяренный Джек. Остановившись, он посмотрел на нее почерневшими глазами.

— Он здесь? — неожиданно тихо спросил он.

На лице Кэрол на мгновение отразилась растерянность. И тут ей стало дурно, когда она представила, что было бы, если бы Джек пришел немногим раньше... или если бы Рэй не ушел. И дверь была не заперта. Да и все равно у него был ключ.

У нее сдавило дыхание, когда она увидела позади Джека свои разорванные трусики,

лежащие у самого шкафчика для обуви. Он проскочил мимо, не заметив, но если он обернется и опустит взгляд...

Она смотрела на него, боясь отвести глаза, и не смотря больше на пол, чтобы он не проследил за ее взглядом и не увидел то, что привело ее в такой ужас. Боже, как она могла про них забыть!

Он прошел мимо нее, оттолкнув ее с дороги, вглубь квартиры, в спальню, потом в гостиную... Кэрол рванулась к двери и, схватив трусики, засунула в шкафчик. Подскочив, она обернулась и увидела, что он выходит из кухни. Резко остановившись, он сдвинул брови и прищурился, и, внимательно посмотрев на Кэрол, перевел взгляд на шкафчик. Сердце Кэрол ушло в пятки.

— Что это ты там спрятала?

Он подскочил к ней, прежде чем она смогла что-нибудь ответить, и, отшвырнув ее в сторону, упал на колени и распахнул дверцы шкафчика. Секунду он смотрел на несколько пар обуви, оставленные Кэрол здесь еще с тех пор, как она тут жила, потом стал хватать одну за другой и заглядывать внутрь. Наклонившись, Кэрол в ярости толкнула его в плечо и вырвала из рук туфлю.

— Хватит рыться в моих вещах! Убирайся отсюда, сволочь!

— Как ты меня назвала?

— Сволочь! Бессовестная лживая сволочь!

Он отвернулся и, схватив сапог, перевернул его вверх подошвой и встряхнул. С изумлением он посмотрел на упавший на пол комочек черных кружев. Кэрол наклонилась, чтобы схватить его, но Джек ее опередил. Развернув комочек, он побледнел, смотря на разорванные трусики в своих руках. А в следующее мгновение Кэрол отлетела назад и рухнула на пол, отброшенная сильным ударом. Сжав трусики в кулаке, Джек поднялся и подошел к ней. Кэрол закричала от боли, когда он ударил ее ногой в живот.

— Шлюха! Я убью тебя!

Подняв ногу, он ударил ее подошвой туфли по плечу, как будто хотел раздавить. Кэрол снова вскрикнула, сжимаясь и прикрывая голову руками.

Джек вдруг отступил от нее и, откинувшись на стену, медленно сполз на пол. Еще раз взглянув на трусики, он в ярости отшвырнул их в угол и, упершись локтями в колени, спрятал лицо в ладонях.

Кэрол медленно поднялась и на трясущихся, не подчиняющихся ногам пошла в ванную, придерживаясь рукой за стены. Убрав руки от лица, Джек смотрел ей вслед.

Включив холодную воду, Кэрол склонилась над раковиной и стала умываться, смывая кровь с разбитого лица. Она тихо вскрикнула, когда сильные пальцы больно впились в ее тело и заставили разогнуться. Повернув ее лицом к себе, Джек вжал ее в стену и схватил за подбородок.

— Смотри мне в глаза! — прорычал он, ловя ее взгляд. — В глаза, я сказал!

Кэрол замерла, остановив взгляд на его серых, сосредоточенно сощуренных глазах, которыми он пытался проникнуть в ее мысли, в ее душу.

— Ничего не было... ведь так? — прошептал он, испепеляя ее взглядом. — Отвечай и не отводи глаз.

— Нет... не было... — выдавила Кэрол.

— А что было?

Она молчала, смотря на него сухими глазами, в которых не было и намека на слезы.

— Что было? — требовательно повторил он.

— Ты меня побил, а теперь спрашиваешь, что было? — губы ее скривились в усмешке.

— Да, чтобы определиться, отпустить тебя сейчас или утопить в раковине, — серьезно ответил он. — Ну?

— Тогда сначала сам утопись, если так жаждешь справедливости, — насмехалась Кэрол. Он побелел от бешенства, но она вызывающе смотрела на него, почувствовав, что страх оставил ее. Она устала бояться. Бояться матери, бояться всего на свете, а теперь и его. И не хотела мириться со своей участью быть все время битой, сначала матерью, теперь мужем. В ней вдруг закипела кровь, все внутри забурило и выплеснулось наружу. Она попыталась оттолкнуть его, но у нее не получилось. Тогда она плюнула прямо ему в глаза и, воспользовавшись его замешательством, с яростным воплем ударила его кулаком по лицу, потом между ног, и когда он согнулся, сцепленными руками по затылку. Со всей накопившейся в ней обидой и злобой, не за эти несколько дней, а за всю жизнь. Она вдруг вспомнила, что умеет драться, что когда-то с успехом колотила сестер Блейз. Эмми учила ее этому, учила для того, чтобы она могла постоять за себя, чтобы не позволяла себя бить и обижать. «Не бойся ударить, не бойся причинить боль, — говорила ей Эмми. — Бей так, как будто от этого зависит твоя жизнь, со всех сил, бей туда, где будет больнее всего. Не позволяй себя бить, никогда и никому».

Схватив с полки стакан с зубными щетками, она разбила его о голову опешившего Джека, и выскочила из ванной. Заскочив в кухню, она схватила с подоконника вазу и, развернувшись, бросила ее в забежавшего следом мужа. Он успел прикрыться руками, и ваза угодила ему в плечо, разлетевшись на сотни осколков.

— Прекрати! — закричал он. — Ты что, спятила?

Кэрол схватила табуретку и со всех сил запустила в него.

— Убирайся! Убирайся из моего дома, мразь! — крикнула она, хватая вторую табуретку и, выставив ее ножками вперед, бросилась на Джека. Он вскрикнул, когда ножки с силой врезались в его тело и, не удержав равновесия, упал на пол. Перехватив табуретку за ножки, Кэрол занесла ее над головой и без колебаний опустила на Джека, целясь в голову, но он поднял руки и перехватил табуретку. Отбросив ее, он схватил Кэрол за руки и рванул вниз, заставляя упасть на пол. Она пронзительно закричала, но в ее голосе была только злость и ярость. Прижав ее к полу, Джек крепко сжал ее запястья, не позволяя вырваться.

— Успокойся! — прикрикнул на нее он. — Хватит! Дура, ты что, убить меня хочешь?

— Да, да, хочу!

— Не ори, а то сейчас соседи полицию вызовут! Вот чокнутая! Вся в мамашу свою бешенную! — он крепко ее сжимал, придавив к полу, не давая пошевелиться. Кэрол тяжело дышала, испепеляя его неприязненным взглядом.

— Ну, все, выпустила пар, теперь успокаивайся, — голос его прозвучал неожиданно мягко и ласково. — Подрались, теперь можно и поговорить.

— Слезь с меня! — зарычала она.

— Нет, когда буду уверен, что ты не попытаешься опять размозжить мне голову углом табуретки, тогда и отпущу. А пока лежи смирно.

Они некоторое время не двигались, неотрывно смотря друг на друга и продолжая тяжело дышать после яростной схватки. Ноздри Кэрол вздувались от ярости, губы кривились и дрожали, она напрягалась, пытаясь столкнуть его с себя. А на лице Джека отражалось любопытство и удивление.

— Не знал, что ты умеешь драться, — с усмешкой сказал он. — Ничего себе, слов просто нет! А еще не знал, что в тебе столько злости и жестокости.

— А, по-твоему, во мне должны кипеть радость и добродушие, когда меня бьют? Я не позволю тебе, ублюдок! Кто ты такой, чтобы поднимать на меня руку? Убирайся отсюда! Какого черта ты приперся, тебя никто сюда не звал! Проваливай к своей обожаемой любовнице!

— Если ты не расскажешь мне, что происходило между тобой и Рэем, я сейчас поеду к Куртни и продемонстрирую ей эти порванные трусики. Я ничего ей не скажу, кроме того, где я их нашел и кому они принадлежат, пусть она сама делает выводы. Как ты думаешь, что она подумает? — холодно проговорил Джек.

Кэрол замолчала и перестала дергаться, лишь глаза ее сузились от негодования.

— Не надо. У меня с ним ничего не было.

— Я верю тебе. Я знаю, когда ты лжешь, а когда нет. Но ведь он все-таки порвал их на тебе... Почему же он остановился?

— Потому что я попросила.

— Потому что ты попросила?

— Да. И он отпустил меня и ушел. И он больше никогда ко мне не прикоснется.

— Да ну? А почему ты так в этом уверена?

— Потому что он не хочет, чтобы я его ненавидела. И он никогда меня не обидит. Он применял силу, чтобы соблазнить, но он никогда бы не изнасиловал меня. Соблазнить не получилось, потому он остановился и ушел.

Джек сжал губы в узкую свирепую полоску.

— Боже, как трогательно! Ты хочешь убедить меня в том, какой он благородный? Что-то мне не верится...

— Благородный или нет, но он ушел, а не взял меня силой, хоть и мог, зная, что я никогда и никому об этом не расскажу, а наоборот, сделаю все, чтобы Куртни не узнала!

Джек продолжал внимательно смотреть на нее.

— Я верю тебе, — сказал он. — Но я не верю ему. Поэтому я запрещаю тебе с ним общаться. Запрещаю и близко подходить к дому Куртни. Общайся с ней на работе, у нас дома, где угодно, только бы этого прохвоста не было поблизости. И не таращ на меня свои красивые глазки, я серьезно. Я тебя предупреждаю, Кэрол. Если я узнаю, что он к тебе приблизился... тогда не обижайся. Если не хочешь, чтобы он пострадал, держись от него подальше. Ты меня знаешь, Кэрол.

— Ты не смеешь, — прошипела она. — Я тебе больше не жена! Я подаю на развод!

— Развод ты никогда не получишь, моя милая, поэтому ты будешь и дальше оставаться моей женой. Ты всегда будешь моей женой, ясно? Я даю тебе время поостыть и успокоиться. А как перебесишься, возвращайся к нам с Патриком, мы будем очень тебя ждать. Да, милая, — улыбнулся он, видя, как она бледнеет. — Патрик останется со мной.

— Нет! Это мой сын!

— А я у тебя его и не отбираю. Возвращайся домой, и он будет с тобой. А разрушить нашу семью я тебе не позволю.

— Это ты ее разрушил!

— Нет. Я не уйду, не бросаю вас. Это ты ушла, ты хочешь разбить нашу семью. Только я тебе уже говорил, что никогда этого не допущу, — глаза его вдруг вспыхнули страшным огнем. — И я не позволю тебе так со мной поступить! Бросить меня... Нет, скорее я тебя

убью... Никто и никогда меня больше не бросит! Ты не сделаешь со мной то, что сделала моя мать! Ни одна женщина так со мной больше не обойдется, я поклялся себе в этом...

В сердце Кэрол снова вполз страх перед ним.

— Я не бросаю тебя, Джек. Давай просто разойдемся, это разные вещи, — примирительно проговорила она.

— Я не хочу с тобой расходиться. Я тебя люблю, и ты мне нужна. Мне нужна наша семья. И я готов на все, чтобы ее сохранить. Разве ты этого не поняла? Я оговорил себя болезнью, я пошел на это, чтобы удержать тебя... от отчаяния... ты должна понять. Ты не можешь сердиться на меня за это. Ведь мой ужасный поступок говорит только о том, как ты мне нужна. Настолько нужна, что я бы согласился заболеть на самом деле, чтобы ты не смогла уйти. Ах, Кэрол, не мучай меня, хватит! Пойдем домой. Пойдем домой, моя любимая, — он наклонился и со страданием на лице прикоснулся к ее губам.

— Вряд ли я смогу и до двери дойти. Ты отбил мне все внутри, — с затаенной злостью усмехнулась она.

— Думаешь, мне от тебя меньше досталось? — улыбнулся он, но потом обнял ее и прижался щекой к ее щеке. — Прости меня. На меня помутнение какое-то нашло, когда я подумал, что ты с ним переспала... Я чуть не свихнулся, честное слово. Мне стало так больно... так больно... Наверное, если бы это произошло на самом деле, я бы и вправду спятил.

— Я же не спятила. Больно, говоришь? Ну-ну... Может, теперь ты хоть чуть-чуть поймешь, что ты сделал со мной, и как больно мне.

— Я понимаю. Понимаю, что ты вправе меня ненавидеть... Только очень прошу тебя — не надо.

— Отпусти меня. Я хочу встать.

Он помог ей подняться, встревожено заглядывая в лицо.

— Где у тебя болит? Куда я ударил? Я даже не помню... Давай, я отвезу тебя в больницу, пусть врач тебя осмотрит.

— И что ты скажешь? Я избил свою жену, посмотрите, доктор, все ли с ней в порядке?

— Да, и заодно попрошу осмотреть меня, сказав, что и жена избил меня, — он улыбнулся, но как-то виновато, с раскаянием и болью. — Ну, хочешь, побей меня еще стулом. Сколько хочешь, бей, хоть до полусмерти, только прости меня.

— Я не хочу тебя больше бить. Я хочу, чтобы ты ушел. Просто уйди, Джек, ладно? — она оттолкнула от себя его руки.

— Но как я могу уйти... после того, что сделал? Нет, я не оставлю тебя. У тебя есть аптечка? Нужно обработать ссадину. У тебя до сих пор кровь течет, — он наклонился, внимательно всматриваясь в ее лицо, и слегка коснулся припухшей щеки.

Кэрол отвернулась, с трудом разлепляя отяжелевший веки. Тело налилось слабостью и тяжестью. Это действовало снотворное.

— Я в порядке. Пожалуйста, Джек, уходи, — процедила она сквозь стиснутые зубы. — Убирайся!

Он выпрямился. Лицо его окаменело.

— Хорошо, я уйду. Я не буду на тебя давить. Поживи здесь столько, сколько тебе нужно, чтобы успокоиться. Но знай, что у тебя есть только один путь — домой. Я не скажу Патрику, что ты ушла от нас. Он будет думать, что тебе срочно потребовалось уехать в важную командировку. Мы будем ждать тебя, так что не задерживайся. Я беспокоить тебя не буду. Я

понимаю, что тебе тяжело, и тебе с этим нужно справиться. Помни, что мы любим тебя. Что я тебя люблю. Но не дай Бог сюда сунется Рэй... Или к тебе приблизится кто-нибудь другой. Клин клином вышибать не советую. Если к тебе хоть пальцем прикоснется мужчина... я даже не знаю, что я сделаю с тобой и с ним. Все поняла?

Кэрол повернулась к нему с тревогой на лице.

— А Рэй... ты же ничего ему не сделаешь?

— Если честно, я бы убил его только за то, что он смеет тебя желать... Но я не хочу, чтобы ты страдала и ненавидела меня, если я это сделаю. Я не трону его, но только ради тебя и ради того, чтобы у нас с тобой все наладилось. Но не заставляй меня передумать. Он будет жить только, если между вами будет сохраняться достаточное для моего душевного спокойствия расстояние. Если тебе не удастся держать его на таком расстоянии, скажи мне об этом сразу. Тогда я просто увезу тебя и Патрика. Мы уедем в другой город, дабы мне не пришлось брать грех на душу. А ты знаешь, я возьму, если придется. Одним больше, другим меньше...

Равнодушно пожав плечами, он направился к выходу. Отыскав взглядом порванные трусики, он побагровел.

— Урод, — прорычал он в сердцах сквозь зубы. — Да как он посмел...

Обернувшись на остановившуюся позади него и слегка согнувшуюся бледную Кэрол, придерживающуюся за плечо, по которому он ударил, Джек окинул ее пристальным взглядом. Страшная ревность горячей волной окатила его с головы до ног, когда он представил, как к ней прикасался этот похотливый сукин сын. И в нем самом вдруг проснулось желание... Желание утвердиться в своей власти и правах над ней, своей женщиной. И напомнить о них ей.

Она растерянно посмотрела на него, когда он передумал уходить и решительно подошел к ней.

— Я уйду... но немного позже, — жестко сказал он и, схватив ее за руку, потащил в спальню. Кэрол начала яростно вырываться.

— Нет! Я не хочу! Я не буду! Убирайся, оставь меня в покое! — она отчаянно упиралась, пытаясь вырваться. — Как ты смеешь...

— Смею, — спокойно отозвался он. — Потому что ты моя жена. И забывать тебе об этом не следует.

Он подтянул ее к себе и, обхватив руками талию, приподнял над полом. Войдя в спальню, он бросил ее на постель, и стал торопливо раздеваться. Но когда он прилег рядом с ней, то с удивлением обнаружил, что она спит глубоким беспробудным сном. Решив сначала, что она притворяется, он начал ее тормошить и щекотать. Она ужасно боялась щекотки, но сейчас лишь поморщилась и перевернулась на бок. Джек прижался к ней сзади и обнял.

Вспомнив о снотворном, которое советовал ей принять, он улыбнулся. Нежным движением он откинул ее волосы на спину и заглянул в спокойное неподвижное личико. Поцеловав ее в висок, он зарылся носом в густые белокурые волосы и тяжело вздохнул. Он знал, что она сказала ему правду, он безошибочно определял, когда она лжет, и очень раскаивался в том, что сорвался и набросился на нее. Он сам не понимал, как мог это сделать и удивлялся, как и в первый раз, тому, что ударил ее, что сделал больно, ей, такой красивой, нежной, которую ему всегда хотелось защищать и оберегать, и которую он так нежно любил. А теперь страдал оттого, что поднял на нее руку, и злился сам на себя за то,

что еще больше настроил ее против себя. И опять он зарекся, что никогда этого больше не повторится. Поостыв, он признал, что было бы еще большей глупостью принуждать ее к сексу, и то, что она уснула, не позволило ему совершить сгоряча еще одну ошибку.

Полежав с ней немного, он встал и оделся.

Она успокоится и отойдет от всего. Она вернется, потому что любит его. Потому что ей дорога их семья. И важно благополучие Патрика. Просто нужно дать ей немного времени. Не наседать, не давить, не принуждать, и тогда она сама вернется. Путь побудет одна, как хочет. Пусть почувствует, как он ей нужен, когда станет скучать по нему, по их дому. Пусть поймет, как ей всего этого не хватает, что она не готова все это потерять и так круто изменить свою жизнь, лишив себя всего — дома, семьи, любви...

Он потихоньку ушел, тщательно закрыв за собой на ключ дверь.

Кэрол осталась в одиночестве в своей квартире, продолжая спать глубоким беспокойным сном, укрытая одеялом заботливой рукой мужа...

А ночью ее мучили кошмары. Она видела плачущую Куртни. Она плакала так горько и безутешно, как будто чем-то сломленная, совсем не похожая на себя, «железную» леди. Кэрол пыталась ее успокоить и не могла.

— Это все из-за тебя! Из-за тебя! — стонала Куртни.

Она видела Рэя. Он стоял где-то далеко, как будто на скале, возле самого края обрыва. Стоял и смотрел вниз, опасно наклонившись вперед, над черной непроницаемой бездной. Вокруг него клубился темный туман, но сам он был освещен каким-то непонятным лучом бледного света, словно сверху на него светила луна или фонарь. Он наклонялся все ниже и ниже, и, казалось, вот-вот соскользнет в пропасть.

И Кэрол стала кричать ему, чтобы он отошел от края. Он обернулся и посмотрел на нее.

— Люблю тебя... Целую вечность... — слышала она его далекий слабый голос. — Вечность...

А рядом еще с большей силой раздавались рыдания Куртни.

И вдруг Кэрол увидела Джека. Он подошел сзади к Рэю и толкнул его в спину. Рэй покачнулся и замахал руками, пытаясь сохранить равновесие и балансируя на самом краю.

— Кэрол! Не гони меня! — закричал он жалобно. — Кэрол! Кэрол! Это нечестно!

Кэрол отчаянно закричала, умоляя Джека отойти и не трогать Рэя. Но Джек снова толкнул его. Перед Кэрол появилась черная пелена, и она побежала туда, где была скала, отчаянно крича. Она звала Рэя, пытаясь понять, упал он или нет. И плакала от горя. По нему. По Рэю. Она вдруг со всей силой и ясностью почувствовала, как любит его, как не хочет потерять.

И резко остановилась, ощутив вокруг себя пустоту и бесконечное одиночество. Сердце наполнилось безумной болью и тоской. Она упала и разрыдалась. Она плакала так же горько, как только что плакала Куртни.

— Это все из-за меня! Из-за меня! — повторяла Кэрол ее слова. — Рэй! Рэй!

И вдруг кто-то приподнял ее и обнял. Она увидела Рэя. Он вытирал ее слезы, прижимал к груди, успокаивая. И она тоже его обняла и разрыдалась еще громче, еще отчаяннее.

— Не надо так убиваться, малышка, не надо... пожалей свое сердечко... — шептал он. — Куртни говорила, что ты настоящий воин. Ты должна быть сильной. В любой ситуации. Даже теперь.

А потом он стал шептать ей о любви, и она не смогла его больше оттолкнуть. Он стал обнимать ее и целовать, и она позволила ему это.

— Не гони меня... Не гони... Не будет тебе счастья... Не будет... Без меня...

До сознания Кэрол стал доходить какой-то странный звук. Он становился все настойчивее и громче, и она, очнувшись от тяжелого сна, слегка разомкнула веки. Звук повторялся. Это был звонок. Кто-то звонил в дверь.

Подскочив, Кэрол сонно огляделась, пытаясь понять, где находится.

Сообразив, что лежит в постели в своей квартире, она поспешно откинула одеяло и выскочила из спальни. Сердце ее бешено колотилось, все еще наполненное болью, которую она ощущала во сне. И она вдруг поняла, кого выбрала смерть на этот раз. Она думала, что это Джек, но это не он. Это Рэй. Было глубокая ночь, и Кэрол не могла предположить, кто мог к ней прийти. Джек исчез. Может, опять Рэй?

Наткнувшись взглядом на злосчастные трусики, она подхватила их и снова засунула в шкафчик.

Выглянув в глазок, она тихо вскрикнула от ужаса, увидев Куртни.

— О, Боже! — простонала она, поспешно открывая дверь.

Куртни медленно вошла и пристально посмотрела на нее. Кэрол широко раскрытыми глазами уставилась на нее, чувствуя, что голос пропал, и она не может пошевелиться.

— Что с тобой? — тихо спросила Куртни.

Кэрол не сразу поняла, о чем она, напуганная до смерти и одурманенная снотворным.

— Что у тебя с лицом? — повторила Куртни.

Девушка произвольным движением коснулась припухшей ссадины, только сейчас почувствовав боль.

— Это... это Джек приходил. Мы поссорились.

Тонкие губы Куртни превратились в свирепую полоску.

— Завтра же ты забираешь свои чемоданы и переезжаешь ко мне. Вы с Патриком будете жить у меня. И я этого подонка и на пушечный выстрел к тебе не подпущу.

— Но он сказал, что не отдаст мне Патрика, — жалобно пожаловалась Кэрол.

— Это мы еще посмотрим, — сурово отозвалась Куртни. — Так что завтра — ко мне, и без разговоров. Жить одна ты не будешь.

— Нет, Куртни, я не буду жить у вас, не обижайся, но... нет.

— Будешь. С Рэем мы разводимся, и он уйдет. Он уже подыскал себе жилье.

Кэрол вздохнула с облегчением, поняв из ее слов, что с ним все в порядке. Тогда что здесь делает среди ночи Куртни?

— Как разводитесь? — сникла Кэрол. — Ты что, согласилась дать ему развод?

— Да.

— Но почему? Ведь ты... ты же так его любишь!

Куртни ничего на это не ответила, лишь еще раз пристально на нее посмотрела.

— Ты одна?

— Да...

— Тогда можно я пройду?

— Проходи, — растерянно кивнула Кэрол, не отрывая от нее встревоженного взгляда. Куртни была холодна с ней, как никогда. Сердце заняло в ее груди, когда она увидела, как Куртни спокойно обходит комнаты, чтобы убедиться в том, что она действительно одна.

— Куртни, что-то случилось? — осторожно спросила она.

Она обернулась и взглянула на нее своими непроницаемыми черными глазами.

— Рэй не вернулся домой.

Горло Кэрол сдавил внезапный спазм.

— И ты... ты пришла искать его ко мне? — с трудом выдавила она, смотря на Куртни широко раскрытыми и заблестевшими от слез глазами.

Куртни снова не ответила. Кэрол низко опустила голову, не выдержав ее тяжелого взгляда, по которому никогда нельзя было догадаться об ее мыслях. Кэрол сжала плечи и обхватила их руками, коснувшись стены, и тихо сказала, не поднимая головы, чтобы Куртни не увидела ее слез:

— Он помог мне занести вещи и ушел.

Страх за него, покинувший ее на эти несколько минут, вернулся. Она испуганно взглянула на Куртни.

— Боже... с ним что-то случилось?

— Нет, не думаю. Наверняка валяется в каком-нибудь баре в пьяном беспомыслии, утопив свое горе в стакане, после того, как ты его отвергла, — все также холодно сказала Куртни с таким видом, будто знала все, что здесь произошло. — Или спит в объятиях какой-нибудь красотки, выместив на ней свою неудовлетворенную страсть.

Кэрол почувствовала, как краснеет. Слова Куртни, ее тон отозвались страданием в ее душе. Куртни ненавидит ее. И она не может и не хочет больше это скрывать. «Железная» леди устала быть железной, потому что за этим прочным панцирем скрывалось сердце женщины, такое же, как и у всех, которое умело и любить, и ревновать, и страдать.

Кэрол старалась выглядеть спокойной и не показывать своего отчаяния.

— Может, все-таки следует поискать его?

— Нет. Я никогда за ним не бегала, когда он пропал, и не собираюсь, тем более, теперь.

— Куртни, думаю, на этот раз стоит. У меня плохое предчувствие. Ему грозит опасность, я чувствую. Я видела страшный сон...

— И из-за твоего сна я должна отправиться сейчас, среди ночи, искать его по городу, неизвестно где? — резко ответила Куртни. — Надо было оставить его у себя, раз так волнуешься, чтобы он не искал утешения в другом месте!

Кэрол не нашла, что ответить, убитая происходящим.

— Завтра я жду тебя с вещами. Думаю, с Джеком нам придется побороться. Без меня он тебя просто раздавит. Как только Рэй объявится, я тебе позвоню. Извини, что побеспокоила. Спокойной ночи.

И Куртни ушла, высокая, прямая, гордая. И чужая.

Закрыв за ней дверь, Кэрол вернулась в постель, чувствуя себя полностью обессиленной. Тело ее болело, но эта боль была ничем по сравнению с тем, что творилось у нее в душе. Она думала о Куртни. Думала о Рэе. Панический страх за него сводил ее с ума. Где же он? Почему не пришел домой? Неужели с ним что-то случилось? Она вспомнила Мэтта, о том, что он покончил с собой. Нет, нет, Рэй не станет этого делать... из-за нее... Но он действительно мог напиться, а ведь он за рулем.

Ужасные картины одна за другой представляли перед ее мысленным взором, а она гнала их прочь. Она горячо молилась за него, пока снотворное снова не сморило ее. Но и во сне она не нашла забвения. Страшные видения преследовали ее и там, с еще большей силой и ясностью. Она просыпалась с криками и рыданиями, и снова забывалась...

— Рэй! Рэй! Рэй! — умоляюще звала она и во сне и наяву.

Ей казалось, что она сходит с ума. Опять.

А под утро позвонила Куртни. Услышав в трубке ее голос, Кэрол почувствовала, как остановилось ее сердце. Она молчала и ждала, потому что не могла вымолвить ни слова, ни звука.

— Кэрол, ты слышишь меня? Рэй дома, можешь не переживать. Один из его приятелей нашел его в какой-то забегаловке и притащил домой. С ним все в порядке, если не считать того, что он смертельно пьян. Пьян настолько, что больше похож на мертвого, чем на пьяного. Я никогда еще не видела его в таком состоянии. Что же ты с ним сделала, девочка?

Кэрол со стоном бросила трубку. Почему Куртни стала с ней так жестока? В чем, в чем ее вина?

Утром она чувствовала себя ужасно. Плечо и подбитый глаз болели.

Если бы не кремация, она бы ни за что не высунулась сегодня на улицу. Поговорив с Куртни, она заставила себя собраться с силами и, освежившись и взбодрившись в душе, села перед зеркалом, чтобы попытаться сделать как можно незаметнее унизительное повреждение на лице. Пришлось накраситься немного сильнее, чем обычно. Но макияж не помог. Придется надеть темные очки, благо день обещал быть солнечным. Кэрол причесалась и оделась во все черное. Замерев перед зеркалом, она долго смотрела на себя.

Ей очень шел черный цвет. Светлые прозрачные глаза становились ярче, распущенные волосы золотом переливались на красивой черной блузке с глубоким декольте. Узкая юбка подчеркивала стройную красивую фигуру. С некоторым недоумением Кэрол разглядывала себя, пытаясь понять, чем так привлекала Рэя. Что заставило его, такого ветреного легкомысленного мужчину, из всех женщин влюбиться так именно в нее? У него были красивые женщины, Кэрол сама видела, во много раз красивее ее. Почему же он не полюбил ни одну из них, почему ему надо было влюбиться именно в нее и разрушить ее отношения с Куртни? Она вспомнила, что когда-то очень давно вот также стояла перед зеркалом в своей комнате в мотеле после их первой встречи и гадала, чем привлекла внимание такого роскошного мужчины? С тех пор многое изменилось в ее внешности, да и в ней самой. Теперь из зеркала на нее смотрела не худенькая девочка-подросток с узкими бедрами и плоской грудью, а взрослая женщина... очень женственная и довольно соблазнительная. Она была также красива, как и Элен. Только в Элен всегда бушевал огонь, а в ней преобладала нежность и какая-то загадочность. Она переняла от матери не только черты лица, но и фигуру. Привлекательную грудь, тонкую талию, широкие округлые бедра, длинные стройные ноги, гибкость и изящество. Кэрол часто казалось, что она просто превратилась в мать. Что Кэрол куда-то сгинула, и в ней возродилась Элен. А после смерти матери, ей стало казаться, что их сходство стало еще больше. И что-то от нрава матери тоже в ней было. Такая же бешенная, как мамаша, сказал Джек. И в чем-то он был прав. Неуравновешенность, жестокость и злоба сидели где-то в глубинах ее души. Переняла ли она их от матери, или нажила себе сама за свою нелегкую жизнь, наполненную обидами и болью, Кэрол не знала. Может, и то, и другое.

Кэрол не могла понять, почему Джек не хочет ее отпускать. Да, Патрик, семья, это, конечно, имеет для него большое значение. Но всему есть предел. Нельзя заставлять женщину, принуждать, ломать. Он без труда может найти ей замену, сотни замен. Может создать семью с той, которая будет перед ним преклоняться и любить таким, какой он есть, родит ему столько детей, сколько он захочет. Как Даяна, например. Ведь никто не разлучает его с Патриком, никто не хочет отобрать у него сына. Просто теперь они будут жить не в

одном доме, а в разных. Но Кэрол не собиралась противиться их общению. Пусть общаются столько, сколько хотят. Пусть Патрик ходит к отцу, пусть остается с ним на неделю, на месяц, насколько захочет, а потом возвращается к ней. Пусть по очереди живет у нее, и у него. Главное, чтобы именно Парику было хорошо. Хотя Кэрол сильно сомневалась в том, что Джек сможет столько времени уделять мальчику. Работа, которую он ни за что и ни на что не променяет. И вряд ли Патрик захочет слоняться в одиночестве по дому, пока его отец на работе или в командировке. Надо поговорить об этом с Джеком, спокойно, без истерик и драк. Он должен понять, что все то, что он сломал, уже не восстановишь. Ее любовь, доверие, желание быть с ним, ее уважение и симпатию.

Сняв в шею свой талисман с цветочком сирени, который ювелир превратил в изумительное украшение, она надела цепочку с крестиком. Накинув на плечи газовый черный шарфик с серебряными нитями, она надела солнцезащитные очки. Потом сняла с пальца обручальное кольцо, подаренное Джеком, и на его место надела кольцо, которое когда-то соединило ее с Мэттом.

Кольцо Джека она положила в коробочку и убрала в шкатулку с украшениями. Слезы вдруг выступили ей на глаза, но она совладала с собой и, поднеся руку к губам, поцеловала кольцо Мэтта. Она будет плакать о Мэтте, будет плакать всю оставшуюся жизнь, не стыдясь своей слабости, но она не прольет ни единой слезы из-за Джека. Она пообещала сама себе это. Хотя ей хотелось не только плакать, но и кричать от обиды и боли. Хотелось горько разрыдаться, когда пыталась замаскировать следы удара на лице, когда каждое движение руки отдавалось болью в плече. Она старалась подавить в себе страдания, но разжигала неприязнь и злобу, которые кипели в ее душе.

Звонок в дверь отвлек ее от горьких мыслей. Вздвогнув, Кэрол обернулась. Сердце забилось сильнее. Она осознала, что нервы ее напряжены до предела и готовы вот-вот разорваться. Она ощущала себя забитым со всех сторон зверьком, который не мог защититься от сыпавшихся на него ударов и с отчаянием и безнадежностью ждал очередного.

Глубоко вздохнув, Кэрол гордо выпрямилась и пошла открывать дверь. На пороге стоял посыльный с огромным букетом цветов.

— Для Кэролайн Рэндэл, — объявил он, смотря на нее с изумлением.

Кэрол улыбнулась, вспомнив, что на ней темные очки. Действительно, может показаться странным, что она в квартире ходит в солнцезащитных очках. Приняв букет, Кэрол закрыла дверь. Заглянув в открытку, она засунула ее обратно в цветы. Бросив букет на пол, она вернулась в спальню, взяла сумочку и проверила наличие документов и денег. Бросив еще один взгляд в зеркало, она поправила волосы и вернулась в прихожую. Захватив букет, она вышла и заперла дверь, не заметив, что на полу в прихожей осталась лежать выпавшая из букета открытка, в которой было написано красивым аккуратным почерком Джека «Прости меня. Я тебя люблю».

Выйдя на улицу, Кэрол без колебаний бросила букет в урну и, поймав такси, поехала в аэропорт. Сегодня ей многое надо сделать. Она плохо себя чувствовала, к тому же неловко, смущаясь из-за подбитого глаза, но постаралась не думать об этом. Это хорошо, что она не осталась дома, предаваясь своим горьким переживаниям. Хорошо, что Мэтт заставил ее сделать над собой усилие, встать и куда-то пойти. Сегодня она будет присутствовать как бы на повторных похоронах своего мужа. Так и должно было быть много лет назад. Но она не хоронила своего Мэтта. Может, потому она не знала покоя, потому он не отпускал ее,

потому ее горе продолжало коррозией разъедать ее сердце... Станет ли легче, если она отдаст должное своему любимому?

Кэрол выбросила из головы все мысли о Джеке, о Куртни и Рэе. Она не хотела думать о них. Ей хотелось забыться, отстранившись от всего, оставшись в своих мыслях наедине с *ним*, воспоминания о котором причиняли ей самую жестокую боль, и вместе с тем были самыми сладостными, дорогими и желанными. Она никогда не гнала их от себя прочь, не пыталась забыться, сбежать мысленно от *него*. Нет. Наоборот, она стремилась к *нему*, чтобы сбежать от самой себя и от людей... От Джека, от Куртни, от Рэя.

Мэтт. Мэтт. Мэтт.

Бывали моменты, когда она мечтала о том времени, когда лежала в забытьи в больнице после инсульта. Мечтала оказаться в том мире, где она пребывала тогда, в мире, который ей подарило ее подсознание. Никогда она не была счастлива в реальной жизни, как тогда, в своих снах. С ней была Эмми. В том мире был Мэтт, живой, молодой, красивый, такой, каким она увидела его впервые. Она не хотела этой жизни, особенно теперь, когда от нее ничего не осталось. На этот раз она потеряла даже расположение и доверие Куртни, ее любовь. Ее безумная страсть к Джеку отравлена раз и навсегда, от ее нежных чувств к нему ничего не осталось. Она даже не желала его больше, а мысли о близости с ним вызывали в ней отвращение и бурный протест, стоило ей подумать о том, что он прикасался к Даяне. Она презирала саму себя за то, что тогда, в больнице, когда он обманом принудил ее заняться с ним любовью, она испытала и страсть и удовольствие, как и раньше, не смотря ни на что. Она знала, что даже теперь питает слабость перед ним, как было всегда. Но признавать этого не хотела, поклявшись себе в том, что никогда больше добровольно не ляжет с ним в постель. Как бы не старалась она этого не замечать, но ее и без того никогда не отличающаяся силой самоуверенность была подорвана и сломана изменами любимого мужчины. Ну и пусть. Она никогда и не пыталась мнить себя самой лучшей и кому-то самой необходимой. Так никогда не было. Даяна красавица, она знаменита и востребована в своей профессии, она многого добилась и ей есть, чем гордиться.

А она всего лишь дочь шлюхи, которая с шеи матери перепрыгнула на шею Куртни, а потом и Джека, и ничего собой не представляет. В ее жизни есть мало, чем похвастаться, зато много такого, чего она стыдилась и что пыталась скрывать. Ее всю жизнь презирали. Она ничего не добилась в жизни, а своим образованием и теперешней работой обязана только Куртни. Куртни, мужа которой она соблазнила. Кэрол часто казалось, что ей нет места в этой жизни, что не будь ее, всем было бы лучше. И это чувство было невыносимым. Она всегда удивлялась тому, почему такой мужчина, как Джек, выбрал ее в жены. Почему же она удивилась, узнав, что в его жизни есть другая женщина... или женщины? Такая, как Даяна — красивая, сильная, успешная, достойная... Не такая, как она, всего лишь жалкая неудачница, которая приносит одни только беды.

Ну и пусть. Она не требует ни любви, ни преданности, ни от Джека, ни от кого другого. И от Куртни тоже. Пусть только оставят ее в покое. Все.

Она решила, что не поедет к Куртни, не будет жить с ней, как она хотела. Нет. Она не заслужила такого отношения от Куртни, с которым она теперь с ней обращалась. Она не виновата в том, что Элен считала Рэя ее отцом, что однажды он приехал и забрал ее, в том, что ему вдруг приспичило убедиться в своем отцовстве, что стала объектом для его вожделения. Конечно, ее можно обвинить во всем. Пусть будет так, хорошо. Ее вина есть — в том, что своим существованием она портит другим людям жизнь. Тогда пусть оставят ее в

покое. Одну, наедине со своей проклятой жизнью. Вернее, не совсем одну. С Патриком. Уж ему-то она не испортит жизнь? Или уже портит, расставаясь с его подлицом — отцом?

Пусть оставят ее в покое. Она будет жить с сыном и с тем, кому уже не может навредить. С Мэттом. В мыслях, в мечтах.

И Кэрол забыла обо всем, предаваясь воспоминаниям о нем.

А когда увидела новенький гроб, сердце ее пронзила старая, но не менее острая боль. Боль, которую она испытывала, рыдая над его бездыханным телом в самолете, высоко над землей, в небе. И она заплакала опять, так же горько и безутешно. Исчезли годы, которые прошли со дня его смерти. Она снова очутилась там, в том страшном дне. Только теперь она не могла взять его за руку, прижаться к его груди, поцеловать в губы, погладить черные густые волосы. Она не хотела знать, что там, под этой наглухо забитой деревянной крышкой. Там не было того красивого мужчины с сильным изумительным телом, каким он оставался даже после смерти, и каким она видела его в последний раз. Но все-таки там был он, ее Мэтт. А вскоре от него и того не останется. Пламя поглотит его.

Наблюдая, как гроб медленно въезжает в печь, Кэрол шептала молитвы, и просила прощение у Мэтта и у Бога. Но это было в последний раз, когда был нарушен его вечный покой, и именно ради этого она на это пошла. Она знала, что Мэтт бы не был против. Наверняка, душа его гневается и не знает покоя оттого, что Джек осквернил его могилу, перетаскил так далеко от родного края его прах и продолжает угрожать его спокойствию.

«Джек не прикаснется больше к тебе, любимый. Никогда. Я тебе обещаю. Ты теперь будешь со мной. Всегда. И он не сможет больше нас разлучить», — думала Кэрол.

А когда ей в руки дали красивую урну с его прахом, она обняла ее и так прижала к сердцу, словно обняла самого Мэтта после долгой разлуки. А потом, когда на несколько минут осталась одна, поцеловала холодный мрамор, прижалась к нему щекой, что-то нежно и горячо шепча... ему, словно он был жив и мог ее слышать. Она знала, что он слышит. Потому что он теперь был рядом, в ее объятиях. Она снова могла обнимать и целовать его, могла с ним разговаривать. Могла прижимать к своему страдающему сердцу и чувствовать, что он снова рядом.

Аккуратно положив урну в заранее приготовленную сумку, Кэрол повесила ее на плечо и вышла на улицу. Солнце ослепило ее, и она улыбнулась, подняв лицо к небу. На какой-то миг спокойствие и умиротворение снизошло на нее. Что-то согрело вдруг ее беспокойную истерзанную душу. И это была всего лишь урна из холодного камня... Нет, это был Мэтт, нежный и ласковый, который обнял ее своей сильной рукой, согревая светом и теплом, которые всегда излучал при жизни, и защищая ее от всего мира.

«Все будет хорошо, мой котенок. Я с тобой. Я никому не дам тебя в обиду. Пока я с тобой, тебе нечего и некого бояться, а я буду с тобой всегда. Я смогу тебя защитить».

Почувствовав прилив бодрости и сил, Кэрол решила заняться поисками сумасшедшей старухи. Прибыв в аэропорт, где видела ее в последний раз вместе с Мэттом, она принялась расспрашивать служащих, но никто ничего не мог ей сказать. Тогда Кэрол побродила по улицам близ аэропорта, и, наткнувшись на пару попрошайек, спросила у них о нищенке, вручив обоим по купюре. Женщина посоветовала ей обратиться к некой Изабелл, которая, по ее словам, знала всех и каждого, кто скитался на ее территории — стало быть, здесь — на протяжении пятидесяти лет.

— Я провожу тебя, — вызвалась незнакомка, и, Кэрол, кивнув, пошла за ней. Сердце ее

билось от тревоги и страха, но она продолжала послушно идти за нищенкой в какие-то трущобы, стараясь не думать о том, что ее может там поджидать. Ограбят, изнасилуют, убьют. Все может быть. Но она не могла жить так дальше. Она должна найти эту старуху и получить ответы на вопросы, мучавшие ее всю жизнь. Даже если эта старуха ничего ей не скажет, она все равно должна попытаться.

И Кэрол шла вперед, прижимая к трепещущему сердцу сумку с урной. Она представляла себе Мэтта, высокого, сильного и крепкого, что он идет рядом с ней, и это позволяло ей справиться со страхом и сомнениями.

Внезапно незнакомка остановилась.

— Жди здесь, — коротко сказала она и юркнула за угол.

Кэрол застыла на месте, робко озираясь по сторонам. Она оказалась в узеньком грязном переулочке, заваленном мусором и отбросами. Ужасно воняло. Девушка вдруг почувствовала себя последней дурой, позволив завести себя сюда какой-то бродяжке...

Горло ее сдавил спазм ужаса, когда она увидела, как со всех сторон начали выползать грязные оборванцы, подкрадываясь к ней. Вжав урну в сумке в грудь, Кэрол продолжала стоять на месте, наблюдая за ними. Один из мужчин подошел к ней ближе всех и остановился, с любопытством разглядывая. Он походил на безнадежного пьяницу, грязного, заросшего щетиной и воняющего перегаром. Но глаза его смотрели ясно и трезво, и это оказались глаза молодого и, судя по взгляду, которым он смотрел на нее, еще не все пропившего мужчины. Видимо, помимо выпивки, у него еще оставались и другие потребности.

Кэрол невольно отступила назад, попятившись от него, напуганная его жадным взглядом.

— Эй, красавица, ты что, заблудилась? — довольно приветливо обратился к ней он.

Кэрол отрицательно качнула головой, не в силах вымолвить ни слова.

— Нет? — изумился он. — Тогда что ты тут делаешь?

— Я пришла к Изабелл, — собравшись с духом, ответила Кэрол.

Ее ответ еще больше удивил мужчину. Остальные стали в замешательстве переглядываться.

— К Изабелл? Зачем?

Но ответить Кэрол не успела. Из-за угла донесся надтреснутый старческий голос, заставивший ее обернуться:

— Сгинь, Берни! И все вы — прочь!

К Кэрол медленно шла огромная толстая старуха, опираясь на костыль. Она была одета в поношенную, но чистую одежду, волосы были аккуратно собраны в пучок. Но и от нее исходил этот ужасный запах... запах немытого тела, гнили и спиртного. Остановившись напротив девушки, она подняла к ней свое сморщенное, изборожденное глубокими морщинами лицо. Ее маленькие гнойные глаза впились в Кэрол, словно два лезвия.

— Ну, что тебе надо от старой прилипалы? — резко и неприветливо спросила она.

Кэрол растерялась.

— От кого?

— От прилипалы. Старухи, которую ты ищешь. Мы зовем ее Прилипалой, потому что она все время пристает к людям со своими предсказаниями, хоть ее об этом и не просят.

— Да-да, мне нужна именно она, — оживилась Кэрол. — Пожалуйста, скажите, как мне ее увидеть?

— Зачем?

— Ее предсказания... я бы хотела поговорить с ней об этом. Когда-то она говорила мне страшные вещи... — сбивчиво начала объяснять Кэрол, но старуха ее перебила:

— Понятно. Что, сбылось?

— Да... Мне нужна ее помощь. Пожалуйста, скажите, где я могу ее найти! — взмолилась девушка.

— Какая тебе нужна от нее помощь, девочка? — все также неприветливо спросила старуха. — Ей бы самой кто помог... Иди домой, не доставай старую своими бреднями. Со своей судьбой справляйся сама, никто тебе здесь не помощник. Впрочем, что предначертано, того не изменишь. Так что не беспокой понапрасну Прилипалу.

— Она говорила, что я проклятая, — поспешно заговорила Кэрол, и в голосе ее появилось отчаяние. — Что она видела вокруг меня тьму и смерть... И это правда. Я хочу все изменить... чтобы перестали умирать дорогие мне люди. Хочу понять, почему это происходит. Может быть, она сможет мне помочь или хотя бы что-то объяснить. Пожалуйста!

Старуха пристально смотрела на нее бесцветными воспаленными глазами.

— Проклятая? — тихо переспросила она. — Она так говорила?

— Да.

Старуха попятилась от нее назад, в глазах ее промелькнул страх.

— Уходи отсюда, и никогда не возвращайся, — с угрозой в голосе прохрипела она.

— Вы верите в ее слова, так ведь?

— Да, только я не верю, я знаю. Все наши знают. Это только прохожие, на которых она кидается, принимают ее за сумасшедшую. Только она не сумасшедшая. Кто она, от бога или от дьявола, мы не знаем. Но она все видит, она все знает. И если она сказала, что ты проклятая, значит так и есть. Так что проваливай, твоего проклятия нам здесь только и не хватало!

— Где мне ее найти, скажите, умоляю!

— А почему ты в черном? — насторожилась старуха. — И что ты так прижимаешь к себе? Что у тебя там, в сумке?

— Это прах... прах моего мужа. Урна с его прахом, — торопливо объяснила Кэрол и, расстегнув сумку, показала старухе урну.

Та побелела и, отшатнувшись, перекрестилась.

— Боже... С тобой и правда смерть... Уходи отсюда, ради всего святого, уходи!

— Я не уйду, пока вы мне не скажите, где...

— Хорошо, я скажу! Только никогда больше не приближайся ко мне... проклятая смертью.

Старуха поспешно назвала адрес и исчезла за углом, ловко орудуя костью. Кэрол тоже не стала задерживаться и поспешила выбраться из этих трущоб.

Приехав по нужному адресу, Кэрол оказалась в довольно приличном районе, вошла в аккуратный чистый дом и остановилась возле опрятной двери. Некоторое время она нерешительно стояла, сильно сомневаясь в том, что нищая старуха может здесь жить. Может, Изабелл дала неверный адрес, лишь бы поскорее отвязаться от нее? Почти уверенная в этом и уже расстроенная, Кэрол без особой охоты нажала кнопку звонка, решив все же убедиться в том, что старухи здесь действительно нет. И вдруг вспомнила, что даже не знает

ее имени, чтобы спросить о ней. Не скажет же она человеку, который откроет ей дверь, что-то типа того — здравствуйте, не здесь ли живет Прилипала?

Пока она лихорадочно соображала, что говорить, дверь открылась и на пороге появилась высокая худая женщина. Кэрол застыла, смотря на ее обезображенное страшными ожогами лицо, а потом, спохватившись, смутилась и опустила взгляд.

— Кто вы и что вам нужно? — холодно и враждебно спросила женщина.

— Я ищу женщину... на вид ей около семидесяти лет, маленького роста, седая, светлые глаза. Она часто бывала возле аэропорта, просила подаяния и рассказывала прохожим об их судьбе, — сбивчиво, волнуясь, объяснила Кэрол и робко подняла взгляд на стоящую перед ней женщину. По выражению ее лица, Кэрол поняла, что женщина знает, о ком она говорит.

— Зачем она вам? — насторожено поинтересовалась она.

— Мне нужна помощь, — Кэрол не стала на этот раз вдаваться в подробности и говорить о том, что на ней проклятие, дабы от нее снова не поспешили избавиться. Но, к ее изумлению, женщина не стала больше задавать вопросов и отступила назад, молчаливо приглашая войти.

— Давно вы ее видели? — спросила она, когда Кэрол нерешительно остановилась в прихожей.

— Да, давно... шесть лет назад. Она говорила мне страшные вещи, а человеку, который был со мной, предсказала смерть. Он умер через несколько дней.

— А почему вы пришли теперь, спустя столько времени?

— Это трудно объяснить вот так, сходу... Боюсь вы не поймете. В моей жизни происходит что-то страшное и странное, я не могу это ни понять, ни остановить. Она говорила мне что-то об этом тогда, шесть лет назад, только я очень испугалась и убежала.

Женщина устремила на нее странный тоскливый взгляд и кивнула.

— Я тоже испугалась и убежала, — тихо проговорила она, — когда она сказала, что видит вокруг меня пламя. Если бы я тогда ей поверила...

Голос женщины наполнился болью и отчаянием.

— Вся моя семья погибла. Я пришла к ней за ответом, как сейчас вы, и она сказала мне, кто в этом повинен. Сказала, кто убил мою семью, кто поджег мой дом. Она рассказала мне об уликах, которые он оставил, и я смогла его посадить. Я забрала ее с улицы, теперь она живет у меня, я забочусь о ней. Вот уже три года, как она ослепла, но, пощади меня господь, она видит больше любого зрячего!

Женщина провела Кэрол по коридору и заглянула в одну из комнат.

— К вам девушка, за помощью и советом, — сказала она кому-то в комнате.

— Пусть зайдет, — услышала Кэрол знакомый неприятный голос старухи. — Только одна.

Женщина с улыбкой кивнула Кэрол и пропустила в комнату, закрыв за ней дверь. Девушка нерешительно остановилась, увидев сидящую в кресле-каталке старую женщину, ту самую, которую когда-то приняла за сумасшедшую. Теперь ее было не узнать. Сильно постаревшая, опрятная, причесанная, она производила впечатление добропорядочной и милой старушки. Только лицо ее было малоподвижным, отчего Кэрол в первый момент показалось, что перед ней восковая фигура, а не живой человек. Невидящий взгляд широко раскрытых выцветших глаз смотрел мимо, насквозь, как будто в никуда.

— А-а, — протянула старушка, словно узнала посетительницу. — Проклятые. Я же сказала, чтобы ты зашла одна.

Кэрол растерянно смотрела на нее.

— Так я одна.

Брови старухи слегка сдвинулись, а потом ее губы вдруг тронула лукавая улыбка, словно она что-то поняла.

— Да, конечно, — снисходительно согласилась она и вдруг противно захихикала, на мгновение снова став похожей на ненормальную. — Извини, я забыла, что ты слепая... как и все остальные. Бери стул, садись рядом со мной. Твой приятель постоит.

Окинув взглядом комнату, Кэрол увидела табуретку и, поставив ее напротив старухи, села, настороженно смотря на эту странную женщину. Она и правда похожа на сумасшедшую, и Кэрол вдруг усомнилась в том, что она действительно обладает каким-то сверхъестественными способностями, а не больным рассудком.

— Вы помните меня? — с недоверием в голосе спросила Кэрол. — Но ведь вы даже не видите меня!

— Я тебя ощущаю. Тебя, и то, что вокруг тебя. И я помню, как ты выглядишь. Ты блондинка, красивая, голубоглазая, хорошо сложенная. И ты напугана, страдаешь. Дай мне свои руки, — старуха повернула руки ладонями вверх, и Кэрол осторожно положила на них свои ладони. Пальцы старухи слегка сжали ее кисти. — Как твое имя, несчастная?

— Кэрол. А ваше? Простите, но я даже не знаю...

— Габриэла. Но это не важно. Мое имя ничего тебе не даст. Что ты от меня хочешь, девочка?

— Вы говорили, что я проклятая, что вокруг меня тьма и смерть. Моя мать на самом деле прокляла меня в момент рождения, и люди рядом со мной умирают. Скажите, что вы видите?

— А что видишь ты?

— В каком смысле?

— Ты ведь сама видишь. Видишь то, что вижу я. Зачем же ты меня об этом спрашиваешь?

— Я вижу? — удивилась Кэрол. — Я вижу странные и страшные сны, всю жизнь, с самого детства. Вижу какой-то черный туман, желтые глаза. Иногда, во сне, мне кажется, что я общаюсь с мертвыми. Мои сны... я очень их боюсь. Безумно боюсь. Боюсь этого странного тумана. Мне кажется, он поглощает тех, кого я люблю. Я даже стала думать, что это смерть, потому что они на самом деле умирали. Может быть, я сильно впечатляюсь от этих снов, поэтому мне начинает казаться, что я чувствую беду и смерть. Но... но мои предчувствия еще никогда не оказывались пустыми. Мой муж называет это интуицией, и он верит в мое предчувствие...

— Можно называть это интуицией. Я назову это даром. Способностью видеть за гранью этого мира. Только ты не умеешь пользоваться этой способностью, она дана тебе, но не развита.

— Но откуда у меня это? — растерялась ошеломленная девушка. — Откуда этот дар, как вы говорите?

— Он перешел тебе от матери. Но у нее он слабо выражен. Не каждому по силам сосуществовать с подобным даром, не к каждому он подходит. Твоя мать как раз такой вот не подходящий экземпляр. Она зла и жестока по своей натуре, и эти качества лишь обострила не сложившаяся жизнь. Она сломалась. Эта тяжесть оказалась ей не по силам — и дар, и проклятие... это превратило ее в чудовище, сломало ее разум. То же может произойти

и с тобой. Да, о проклятии... Вместе с этой способностью, даром видеть, мать передала тебе и проклятие. Не то, каким она одарила тебя при рождении. Настоящее проклятие, более сильное и серьезное. Оно пришло к ней, а потом и к тебе через поколения. Источник его я не вижу. Он слишком далеко. Знаю одно — у дара видеть и проклятия разные источники. Дар передается из поколения в поколение, и мужчинам, и женщинам. В какой-то момент на твой непростой род наложили проклятие. Такое проклятие не мог наложить простой человек. Ты веришь в ведьм? Не важно. Проклятие страшное. Сама в этом уже убедилась. Это как одинокий цветок посреди выжженного поля. Он стоит и наблюдает, как все вокруг него погибает в огне, который сжигает все цветы, кроме него одного... — старуха помолчала, словно мысленно наблюдая обрисованную ею картину, потом тихо продолжила. — Твоя мать прибавила к родовому проклятию и свое, лично для тебя. Это усугубляет. этом уже убедилась. Это как одинокий цветок посреди выжженного поля. Над тобою тяготеет и ее проклятие, и уже двойное, как я вижу. Твоя мать прокляла тебя еще раз с тех пор, как я тебя видела, прокляла перед своей смертью. Она прокляла не только тебя, но и твоего ребенка. Она умирала, проклиная и ненавидя тебя и твоего ребенка, — старуха закрыла свои слепые глаза, продолжая держать девушку за руки.

— Но почему? — голос Кэрол дрогнул. — Почему даже перед смертью... почему моего ребенка? Его-то за что?

Габриэла молчала. Взглянув на нее, Кэрол увидела, как дрожат ее веки, а рот приоткрыт.

— Ты хочешь знать? — тихо спросила она.

— Да, очень хочу.

— Я вижу человека... мужчину, белого, темноволосого, хорошо одетого... он в деловом костюме... Я уже видела его, с тобой. Он... он так и не послушал меня... не отпустил тебя... глупец...

— Это Джек. Он мой муж. Но какое отношение он имеет к тому, что моя мать проклинала меня и моего ребенка?

— О-о, он имеет отношение. И, думаю, тебе нужно об этом знать. Ведь это он убил твою мать.

— О чем вы говорите? Это не правда! — Кэрол хотела вырвать у нее свои руки, но старуха резко сжала их, не отпуская.

— Он наклоняется к ней и что-то шепчет на ухо, — продолжила Габриэла, не открывая глаз, брови ее сосредоточенно сдвинулись. — Я слышу... твоя мать забилась в судорогах... у нее сердечный приступ... она умерла.

— Нет, вы ошибаетесь! Вы врете! Когда она умерла, мы были в свадебном путешествии! И Джек не мог присутствовать при этом!

— Твоя мать умерла в тот день, когда ты видела ее в последний раз. Ты ушла, убежала, а он вернулся. Разве не так?

— Да, но он искал ключи...

— Нет, он убивал твою мать.

— Но ведь у нее был сердечный приступ...

— Он его спровоцировал. Возможно, он не думал, что она умрет, но он хотел заставить ее страдать. То, что он ей сказал... убило ее. Он сказал... сейчас, вспомню... «Кэрол сказала тебе неправду. Не хотела расстраивать. Она выходит замуж не за меня, а за Рэя. И ее ребенок от него».

Кэрол поражено приоткрыла рот, чувствуя, как немеет лицо.

— Но... но зачем ему такое говорить? — выдавила она.

— Тебе лучше знать. Я лишь повторила его слова. Лично я могу предположить, что он хотел сделать ей таким образом очень больно, — старуха снова сосредоточено сдвинула брови. — Тебе нужно оставить этого человека. Он плохой, темный человек... в нем много зла... Проклятие притягивает к тебе зло, людей, способных убивать, но ты должна по возможности избегать этого. И таких людей. Вокруг тебя, в тебе, и без того достаточно зла... Этот человек, твой муж, отбирает жизни, он призывает смерть, а она и так частенько к тебе навевается. Зря ты с ним связалась, ох, зря! Беги от него, и сына своего держи от него подальше. Твой сын, — старуха вдруг вздрогнула и в ужасе распахнула глаза. — Господи!

— Что? — побледнела Кэрол. — Что с моим сыном?

— Проклятый... нельзя допустить, чтобы он вырос... он не должен жить... Боже, несчастная, кого ты породила? Убей его! Убей, пока не поздно!

— Вы... вы сумасшедшая! Моему сыну всего пять лет, и он нормальный ребенок...

— Нет, он не нормальный ребенок. Впрочем, я знаю, ты все равно мне не поверишь. Тебе пока лучше не знать... ты все равно не сможешь ничего изменить... Послушай меня... тебе нельзя делать аборты. Ни в коем случае. Твои дети, они должны родиться. Они очень важны, очень.

— Какие дети? У меня не будет больше детей. Лучше скажите мне, что с Патриком? Что вы видите? Моему мальчику грозит опасность? Я чувствую, что что-то случится, что смерть за кем-то пришла, но я не думала, что за Патриком...

— Нет, не за ним. С твоим сыном не случится никаких бед, и смерть не тронет его... он нужен ей здесь... — старуха задрожала. — Считай, что твой мальчик не уязвим. Как и ты. Смерть — ваше проклятие, но вас самих она не касается... до поры до времени. Я вижу твоего сына... Он станет очень красивым мужчиной... на редкость красивым... обаятельным, здоровым и сильным. И умным. Очень умным. Как его отец. И он переймет не только его ум, к сожалению. Поэтому мальчика нужно отгородить от влияния отца. Или... наоборот, отдай его отцу, все равно ничего уже не изменишь. Пусть растит свое маленькое чудовище... А ты позаботься о других своих детях, береги и защищай их, они не так не уязвимы, как твой старший. Но они нужны... Нужны для того, чтобы избавить мир от проклятия...

— Но я не собираюсь больше рожать! Я ухожу от мужа и...

— Я знаю. Знаю, что ты не будешь хотеть этих детей. Но ты должна их родить, понимаешь? Должна. Нельзя делать аборт. Патрик не должен быть один. У него должны быть братья и сестры. Так надо. Они остановят смерть. Ты полюбишь этих детей. И когда-нибудь вспомнишь мои слова и поблагодаришь за то, что не позволила тебе сделать ошибку и избавиться от них до рождения. Поймешь, что им предначертано и для чего они появились на этот свет. К тому времени меня уже не будет в этом мире. Но я буду наблюдать за тобой из другого... Поклянись мне, что не будешь делать аборты! Поклянись, или я не скажу, где притаилась смерть на этот раз.

— Вы знаете? Значит, я не ошиблась?

— Ты же сама говорила, что никогда не ошибалась в своих предчувствиях. Только ты чувствуешь, а я могу видеть. И я скажу тебе, чтобы ты попыталась этому помешать. Хоть я и считаю, что это бесполезно. Нельзя помешать смерти, когда она кого-то наметила.

— Нельзя? Значит, я ничего не могу изменить?

— А что ты хочешь менять? Судьбы людей?

— Но ведь это проклятие... мое проклятие, которое губит остальных.

— Да. И это нельзя изменить.

— А нельзя ли как-нибудь... снять это проклятие?

— Не знаю. Я лично сделать это не могу. Повторяю, я только вижу.

— Но что же мне делать? — в отчаянии прошептала Кэрол. — Неужели, я обречена всю жизнь хоронить дорогих мне людей? Но их ведь так мало... и я не хочу, чтобы они умирали из-за моего проклятия.

— Тогда оставь их. Исчезни из их жизни. Может быть, это позволит им жить дальше. Откажись от всех, кого любишь, и они будут жить. Порви с мужем, как бы он этому не противился. Порви, если хочешь, чтобы он тоже жил. Не позволяй ему умереть, потому что его смерть понесет за собой страшные последствия, станет началом ужасного, пробудит дремлющее зло... Нельзя, чтобы он умер, нельзя. Сохранив жизнь своему мужу, ты изменишь судьбу собственных детей, в особенности Патрика. Может, тогда все обойдется.

— Я абсолютно ничего не понимаю из того, что вы мне говорите! Что я должна делать? Как может умереть Джек и как мне этого не допустить?

— Верь своим снам. Они дают тебе возможность узнать заранее. Научись их понимать. Правильно понимать. Научись использовать свой дар. Если я тебе сейчас расскажу, что и как, судьба просто обойдет тебя и слегка изменит свой сценарий, но задуманное все равно исполнит. Скажу одно — пока твой муж к тебе не приближается, он в безопасности. Впрочем, как и все остальные.

— Что же получается? Я должна быть совсем одна?

— Нет, почему же? Твои дети могут быть с тобой. Им ты никак не навредишь. Потому что они такие же, как ты. Ты передашь им и свой дар, и свое проклятие, кому-то в большей, кому-то в меньшей степени. А еще есть человек... который тоже может быть с тобой. Он должен быть с тобой. Он поможет тебе и твоим детям, поддержит вас, защитит. Этот человек тебе нужен. Ты проклята матерью, а он, наоборот, благословлен своей матерью в момент рождения. Она умерла, но ее благословение осталось, и оно защищает его. У него тоже есть что-то вроде дара, что-то совсем другое, что защищает его... Я не знаю, что это... Это свет. Много света, в нем, вокруг него. Этот свет настолько силен, что способен разогнать любую тьму, даже твою.словно он благословлен самим Господом, судьбой, жизнью... не знаю, кем или чем. Какими-то силами, которые превосходят те силы, что наслали на твой род проклятие. В нем твое спасение. Вокруг него свет, как вокруг тебя тьма. А свет всегда рассеивает тьму, когда вторгается на ее территорию. Он благословлен самой судьбой, самим проведением. Ни проклятия, ни беды, ни смерть, ни болезни не подступают к нему. И ты для него не опасна.

— И как мне узнать, что это за человек? Или он ходит в ореоле света, как ангел?

— Да, только этого никто не видит, и ты вряд ли способна это увидеть, — старуха улыбнулась и снова закрыла глаза. — Я помогу тебе. Это мужчина, и ты знаешь его, давно знаешь. Он высок, хорошо сложен... светловолос. Молод. Глаза... глаза... да, глаза светлые. Синие. Ярко-синие. Тебе повезло, девочка, потому что он, к тому же, и изумительно хорош собой. Просто красавец. Как жаль, что я таких мужчин вижу только в своих видениях, — старуха вздохнула и открыла свои неподвижные глаза. — Ну, теперь давай мне клятву. Время не терпит. Смерть уже расставила свою ловушку, и сегодня в нее попадет будущий покойничек!

Старуха неприятно захихикала.

— Сегодня? — обмерла Кэрол.

— Сегодня. Может быть, сейчас.

— Тогда говори, не тяни!

— Сначала клятва. Поклянись, что не сделаешь аборт. Ни сейчас, ни потом.

— Сейчас? Но... но разве я уже беременна?

— Нет, но считай, что почти да. Я даже уже вижу этих детишек. Это близнецы. Мальчики. Но у них будет еще и сестричка. Нет... даже две сестрички. Так что клянись мне и рожай себе на здоровье.

— Я клянусь. Клянусь, что не буду делать аборт. Только скажи мне, где смерть?

— Я видела машину, очень красивую. Цвета морской волны. Она разобьется.

— Боже, это «Астон Мартин» Рэя! И он сегодня собирался забирать его из автосервиса! — Кэрол вскочила. — Извините, можно мне воспользоваться вашим телефоном? Я должна его предупредить.

— Что ж, предупреди. Только это вряд ли остановит твоего мужа.

Кэрол резко остановилась у двери и обернулась.

— Джек? Вы хотите сказать, что это подстроил Джек?

— Ты знаешь все сама. Ты же все видела, разве нет, в своих снах?

— Да, я видела... — глаза Кэрол расширились, когда она вспомнила свой сон. — Это Рэй... Я знала, что на этот раз он... Он стоял на краю, а Джек толкнул его... Боже, Боже! Где телефон?

Кэрол выскочила из комнаты, отчаянно крича, и не слышала, что сказала ей вслед старуха:

— Научись понимать свои сны, правильно и до конца, не спеши, подумай! — покачивая головой, Габриэла вздохнула и сказала уже тише, зная, что девушка ее уже не слышит. — Ты опять все поняла не верно, не до конца.

А Кэрол уже разговаривала с Доротой, которая ответила на звонок.

— Дороти, где Рэй? Он дома? — запальчиво выкрикнула она, забыв поздороваться, и насмерть перепугав старушку.

— Дома. А что случилось, девочка? Чего ты так кричишь?

Кэрол закрыла глаза, чувствуя легкое головокружение от невероятного облегчения, и оперлась плечом о стену, чтобы не упасть.

— Ничего, Дороти, все в порядке. Просто... я плохо тебя слышу, связь плохая. Пожалуйста, пусть он возьмет трубку.

— Но он спит, насколько мне известно. Еще и не просыпался после того, как его утром притащили ни живого, ни мертвого...

— Разбуди его, Дороти. Мне нужно с ним поговорить, это очень важно.

— Хорошо, я попытаюсь.

Кэрол несколько минут терпеливо ждала, прижимая трубку к уху, и наконец-то услышала в трубке хриплый сонный голос Рэя. Боже, никогда она не замечала, каким родным, каким любимым был для нее этот голос, как приятен он ее слуху, ее сердцу. Она представила себе его в этот момент, лежащего в постели, с мученическим выражением на лице, красными глазами, с взъерошенными волосами, страдающего от жуткого похмелья. Бедный, он будет умирать сегодня весь день, и до вечера не вылезет с постели, это уж точно. А Дороти, как обычно в таких ситуациях, будет носиться вокруг него, холить и лелеять, как

большого ребенка.

— Привет, малыш, — ворчливо, но мягко сказал он.

— Привет. Как самочувствие? — Кэрол улыбнулась, поняв, что он ни в чем ее не упрекает, не винит, и даже не сердится.

— Боже... не спрашивай. Я умираю.

— Стало быть, ты сегодня никуда не планируешь выходить?

— Выходить? Нет, я и выползти-то вряд ли смогу, не то чтобы выйти, — простонал он. — Хочешь меня навестить? Приходи.

— А твоя машина? Ты же собирался забрать ее сегодня из сервиса.

— Какая машина, любовь моя? Я трубкой телефонной с трудом в ухо попал, куда мне за руль садиться!

— Ты что, не проспался еще? — ласково засмеялась Кэрол.

— Не знаю, сам еще не пойму.

— Послушай, Рэй... — Кэрол покусала губы, размышляя, как получше и поубедительнее выразиться. — Прежде чем забирать машину из автосервиса, потребууй, чтобы ее проверили.

— Зачем? Она новая, и с ней все в порядке. Мастера в ней не копались, они только заменили габариты...

— Рэй, пожалуйста, сделай так, как я тебя прошу. Не садись за руль, пока не убедишься, что с ней все в порядке. Пообещай мне.

Он помолчал, и Кэрол была уверена, что он недоуменно хмуриться на том конце провода.

— А почему ты думаешь, что с моей машиной что-то не так? — с подозрением спросил он. — Ты что-то знаешь? Говори.

— Я... я видела сон. Ты должен верить мне, Рэй. Не садись в машину...

Внезапно связь прервалась, и Кэрол с изумлением увидела, что это подъехавшая бесшумно на своем кресле старуха нажала на рычаг.

— Что вы делаете? Зачем? — растерялась девушка.

— Не занимай его линию. Сейчас ему должны звонить... и это важный звонок, а ты вмешиваешься, а этого быть не должно. Линия должна быть свободна. Положи трубку, позвонишь через пять минут. Положи, я сказала.

Тон ее не терпел возражений, и Кэрол не стала спорить, повесив трубку, отстраненно удивившись тому, как это слепая старуха так ловко и быстро нашла рычаг на телефоне.

— У тебя есть пять минут, чтобы подумать о своем сне. Ты видишь, но не понимаешь, не разбираешься в том, что твой дар тебе подсказывает. Вспомни, что ты видела. Все, от начала до конца, — проговорила старуха.

— Я все поняла. Я видела, как Джек толкает Рэя в пропасть, а Куртни плакала и говорила, что это все из-за меня. И это все так и есть. Джек ненавидит Рэя, из-за меня, потому что ревнует, а Рэй провоцирует его и ни во что не ставит. Джек опасен, а потому можно сказать, что Рэй ходит по краю пропасти. И вот Джек подходит и толкает его. Это значит, что Джек задумал его убить. Разве не так?

— Так.

— Значит, Рэй погибает, и поэтому так горько плачет Куртни и обвиняет меня в его смерти.

— Ты спешишь с выводами. Никогда не спеши, подумай получше. Джек толкал Рэя, как ты говоришь, но ты видела, чтобы он его толкнул?

— Нет, передо мной появилась черная пелена... этот проклятый туман...

— Ты не видела. Тогда с чего ты взяла, что он его столкнул? С чего взяла, что Рэй умер?

— Но разве он мог устоять... на самом краю...

— Ты не должна обдумывать, мог или не мог, анализируй только то, что видела. А ты видела только то, что Джек пытался столкнуть Рэя. Это все? После этого ты ничего не видела? Что ты чувствовала? Это тоже важно.

— Я чувствовала пустоту и одиночество. Чувствовала горе, боль. Я знаю это чувство. Это боль утраты... И я плакала, сильно плакала, и я знала, что это все из-за меня... А потом... потом меня обнял Рэй и стал утешать.

Слепые глаза старухи вдруг сверкнули странным огнем, который не могла не заметить Кэрол.

— Тогда с чего ты взяла, что он умер, если он тебя утешает? — резко и злобно бросила она.

— Но я... я подумала, что он пришел утешить меня после смерти. Ведь ко мне часто приходит Эмми и...

— Ты точно знаешь, что Эмми мертва. Но почему ты решила, что он тоже мертв, если ничто в твоём сне на это не указывало? Ты делаешь выводы, не желая видеть то, что тебе показывают!

— Но ведь еще и Куртни... она же плакала, так безутешно, и она в чем-то меня обвиняла. Если не Рэя, то кого могла оплакивать Куртни?

Старуха промолчала, уставившись перед собой невидящим взглядом.

Кэрол вопросительно смотрела на нее, но Габриэла, видимо, не собиралась ей больше помогать.

— Рэй меня утешал... Куртни плакала... Плакала Куртни. О, Боже! Плакала Куртни! Это она? Она умрет?

— Звони, и ты узнаешь, правильно ли истолковала свой сон, — холодно сказала старуха.

Кэрол взяла трубку, и вдруг ей стало дурно, а ноги начали подламываться. Страх сдавил ей горло и грудь.

— Я не могу. Я боюсь.

— Звони, — твердо повторила старуха, и Кэрол машинально подчинилась. На этот раз трубку снял Рэй.

— Рэй... — только и смогла произнести она.

— Кэрол, — простонал он. — Куртни разбилась. Мне только что сообщили. Но она жива, не пугайся. Я еду в больницу.

— Жива, — безжизненным голосом отозвалась Кэрол.

— Эй, Кэрол, малышка, не раскисай! — встревожено окликнул ее Рэй. — Где ты, дома? Давай я заеду за тобой, поедем вместе.

— Заедешь? — Кэрол встрепенулась. — На чем ты заедешь? Не садись за руль, Рэй, я же тебе говорила!

— Кэрол, извини, но сейчас не до твоих причуд. Я буду у тебя через пятнадцать... десять минут.

— Но меня нет в городе! Я...

— Тогда возвращайся. Я буду в больнице.

— Рэй! — закричала она, но он уже бросил трубку. Кэрол ошеломленно повернулась к старухе.

— Боже, он не слушает меня... Он разобьется? Он погибнет? Отвечайте, ведь вы все знаете! Зачем вы мучаете меня, просто скажите! — Кэрол схватила старуху за плечи, и умоляя, и требуя. — Что будет с Куртни?

— Твой дар все тебе уже сказал, — непреклонно ответила та.

— Господи, но почему бы просто не сказать? — простонала Кэрол плаксиво. — Скажите, просто скажите! В каком состоянии Куртни? Она выживет? Если... если она умрет, я не переживу...

— На все воля Божья, — беспристрастно ответила старуха.

— Какая вы жестокая, — из горла Кэрол вырвалось рыдание.

Она выбежала из квартиры, потрясенная, оглушенная новым страшным ударом, обрушившимся на нее.

Габриэла не пошевелилась, продолжая смотреть в никуда пустыми, ничего не выражающими глазами, и лишь тихо шепнула вслед девушке:

— Тебе страшно... Только самое страшное впереди, несчастное дитя... Когда вырастет твой сын и заставит содрогнуться весь мир...

Словно очутившись в одном из своих кошмаров, как в тумане, ничего не видя вокруг себя, Кэрол вернулась в Сан-Франциско. И только теперь вдруг вспомнила, что не знает, куда увезли Куртни, а Рэй в спешке и чрезвычайном волнении забыл ей сказать. Прямо из аэропорта она позвонила Дороти и узнала у нее, где Куртни и Рэй. Не медля, она села в такси и поехала прямо в больницу.

В приемной ей сообщили, что Куртни Мэтчисон в данный момент находится в операционной, и врачи борются за ее жизнь. Потрясенная, Кэрол отошла к стене, чтобы не мешаться, не зная, что делать, куда идти, растерявшись, перепугавшись. Она вздрогнула, когда кто-то прикоснулся к ней, и обернулась. Увидев перед собой Рэя, она вздохнула с некоторым облегчением. Он притянул ее к себе и обнял.

— Боже, Кэрол, ты белая, как эта стена, — сказал он и успокаивающе погладил ее по голове. — Все будет хорошо.

Прижавшись к его плечу, Кэрол зажмурилась, чувствуя, как слезы побежали из глаз. Продолжая обнимать, Рэй отвел ее в сторонку.

— Не плачь, — жалобно проскулил он. — А то я сам сейчас расплачусь. А мне стыдно, люди смотрят.

— Как она?

— Она в тяжелом состоянии. Ее оперируют, уже четыре часа. Пока никто ничего не говорит. Мы должны ждать. И надеяться. Наша Куртни сильная. «Железная» леди. Она справится, — голос его предательски задрожал от сдерживаемых слез. — Она сильная.

— Как это произошло?

— Она забрала мою машину из сервиса и перевернулась на ней. Машина всмятку. Я не знаю, почему это произошло, и зачем ей понадобилась моя машина, и именно этот «Астон», будь он проклят! Зачем она забрала его из сервиса, когда у нее есть своя машина, да и в гараже еще три стоит? И почему она попала в аварию, черт возьми, ведь она прекрасно водит! Полицейские сказали мне, что свидетели утверждают, что было похоже, что она просто не справилась с управлением, или сама машина вышла из-под контроля. Я буду требовать экспертизы, я уверен, что во всем виновата эта хренова колымага! Я подам в суд на эту авто сервисную компанию, я заставлю их ответить за то, что произошло с Куртни! Но ты, Кэрол, откуда ты знала, что с машиной что-то не так?

Схватив девушку за плечи, он заглянул ей в лицо. Его глаза расширились от изумления, когда он разглядел под косметикой потемневшее от гематомы припухшее веко и ссадину под тонкой бровей. Отек опускался и на щеку. Как он сразу не увидел?

— Что это? — голос у него сел и зазвучал глухо.

Кэрол отвернулась, но он положил ладони ей на виски и снова поднял к себе ее лицо. На щеках его загорелся гневный румянец.

— Это Джек тебя ударил? Мразь... я убью его...

— Не надо, — тихо отозвалась Кэрол и, убрав с лица его руки, снова отвернулась. — Не усугубляй. Я ушла от него, и не вернусь. А учиняя с ним разборки, ты только обостришь и накалишь ситуацию. Подумай лучше о *своей* жене... хотя бы сейчас.

Рэй виновато потупил голову и замолчал, забыв о том, что так и не получил ответ на свой вопрос о том, откуда она узнала, что с машиной что-то не так.

Они долго сидели и молчали. Тело Кэрол немело от страха, она почти не двигалась, застыв в напряженной позе, и только пальцы ее нервно теребили ручку сумки с урной, которую она держала на коленях. Рэй сидел рядом, наклонившись вперед и упершись локтями в колени, не поднимая головы, подавленный и расстроенный. Он наблюдал за своими пальцами, которые находились в постоянном движении, выдавая его волнение, но казалось, что сам он не замечал, что творится с его руками.

А когда к ним подошел доктор, он резко замер, подняв к нему бледное лицо, а потом порывисто встал. Кэрол подскочила с места почти одновременно с ним.

— Пойдемте со мной, поговорим, — устало сказал врач и, повернувшись к ним спиной, пошел вперед по коридору. Рэй и Кэрол поспешили за ним.

Не отрывая взгляда от доктора, он нашел ее руку и крепко сжал. Кэрол бросила на него напуганный взгляд и с силой тоже стиснула его кисть. Увидев в этот момент его лицо, его глаза, она поняла, что ему не все равно, что он также боится и переживает за Куртни, и, возможно, даже не меньше, чем она. Что для него то, что произошло с Куртни, тоже горе, и он хочет, чтобы с ней все было хорошо, чтобы все обошлось. Кэрол знала, что он никогда не пожелает Куртни плохого, чтобы он там сгоряча не говорил, знала, что боль и страх в его глазах настоящие.

И она прижалась плечом к его плечу, идя рядом с ним и продолжая крепко сжимать его руку. Все было забыто в эти мгновения, и им, и ею, все, кроме того, что они семья. Он, она и их Куртни. Они держались друг за друга, и если бы могли, так же крепко схватили бы и Куртни, чтобы не потерять ни ее, ни друг друга. Чтобы удержать, и всем вместе справиться с несчастьем, как делали это раньше.

Они вошли в ординаторскую вслед за доктором, который опустил на стул за столом и, сняв очки, устало потер пальцами глаза. Кэрол и Рэй застыли напротив него, не замечая стульев, на которые они могли бы сесть, а также того, что продолжают держаться за руки, словно напуганные дети.

— Как она, доктор? — подал голос Рэй, не выдержав.

— Присядьте, — ответил тот, надевая очки, и устремил на них внимательный взгляд. — Я не могу сказать вам чего-либо утешительного или обнадеживающего. Мы сделали все, что было в наших силах. Я даже не могу вам сказать, будет ли она жить. Пока она жива. Шансы есть, но маленькие. Она в коме. Но даже если она выживет и придет в себя... — доктор удручено покачал головой. — У нее раздроблен позвоночник, повреждены важнейшие нервы. Она никогда не поднимется с постели. Мне очень жаль.

— Разве... разве нельзя что-нибудь сделать? — не своим голосом спросил Рэй.

— Мне жаль, — повторил доктор, снова покачав головой.

— Мы можем ее увидеть?

— Не сегодня. Она в реанимации.

— А когда?

Доктор повертел ручку в руках.

— Я не могу вам сейчас этого сказать.

— Не надо мне ничего больше говорить, тем более, вы толком ничего и сказать не можете! — неожиданно вспыхнул Рэй, срываясь с места. — Я ничем не наврежу своей жене, если взгляну на нее! Я хочу ее видеть... хочу увидеть ее живой, хотя бы раз, если вы

говорите, что мало шансов! И вы не имеете права лишить меня этой возможности!

Доктор поднялся, смотря на него усталыми и даже безразличными глазами.

— Хорошо. Одевайте халат и бахилы, я вас провожу. Девушка, вы подождите в холле.

Кэрол поднялась и встретилась с взглядом Рэя, который, казалось, только что вспомнил о том, что она рядом.

— А можно нам вдвоем пойти, док? — спросил он с мольбой в голосе.

— Нет.

Рэй снова посмотрел на Кэрол.

— Иди ты.

Губы девушки дрогнули и что-то, похожее на благодарную улыбку, промелькнуло на них, но в глазах ее застыло страдание.

— Нет, Рэй, она бы хотела, чтобы пришел ты, я знаю это. И ты знаешь. Я еще увижу ее, и поговорю с ней. Иди, не задерживай доктора, пока он не передумал.

Сорвав с вешалки в углу длинный медицинский халат, Рэй торопливо натянул его на себя, потом взял из рук доктора бахилы и надел поверх туфель.

— Подожди меня, ладно? — попросил он Кэрол, когда они вышли из кабинета. Девушка кивнула и проводила его взглядом.

Он вернулся минут через десять и, не говоря ни слова, обнял ее за плечи и повел к выходу. Кэрол заметила, как покраснели его глаза, как они блестели от сдерживаемых слез. Она остановилась.

— Подожди, Рэй. Я не хочу уходить. Я буду здесь.

— Нет, Кэрол. Тебе не разрешат. К ней пока все равно не пустят. Нет смысла здесь торчать, этим мы ей не поможем. Завтра с утра приедем. А сейчас пошли, я отвезу тебя домой.

— Нет, я не пойду. Я хочу быть здесь, с ней. Я не оставлю ее одну, — из глаз ее побежали слезы, но Рэй мягко, но настойчиво снова обнял ее и решительно повел к выходу. И Кэрол не смогла ему сопротивляться, силы вдруг покинули ее, она ощущала себя безвольной, беспомощной, никчемной. Она ничем не могла помочь Куртни. Все, что она может, это только ждать. И это казалось нестерпимым.

Но у самого выхода на них налетел заскочивший в двери Джек, столкнувшись с Рэем, который, скривив с отвращением рот, грубо оттолкнул его от себя. Джек вспыхнул, и Кэрол, смотревшая на него, подумала, что он сейчас набросится на Рэя с кулаками, но, к ее удивлению, Джек сдержался.

— Она жива? — безапелляционно спросил он, обращаясь сразу к обоим.

— Ты какого черта сюда приперся? Разве тебя уже выписали? — рявкнул Рэй. — Тебе какое дело? Позлорадствовать пришел?

— Рэй, перестань, — резко оборвал его Джек. — Сейчас не время и не место... Что говорят врачи?

— Пойди и спроси, если так любопытно.

— Пойду и спрошу, не сомневайся. Только сначала убери руки от моей жены, — Джек ударил Рэя по руке, столкнув ее с плеча Кэрол.

— Если ты еще не понял, то я доведу до твоего сведения, что у тебя больше нет жены, идиот, — хмыкнул не без злорадства Рэй.

— Прекратите, вы... — прошипела в ярости Кэрол.

Джек властно взял ее за руку и притянул к себе.

— Пошли, ты расскажешь мне все по дороге, — он решительно вышел на улицу, ведя ее за собой. Рэй вышел следом и вдруг схватил Кэрол за другую руку.

— Она не хочет идти с тобой.

— Рэй, не зарывайся! — бросил Джек, злясь все сильнее.

Кэрол повернулась к Рэю и тихо сказала:

— Отпусти, Рэй. Я же просила тебя не вмешиваться...

— Черта с два! Этот ублюдок будет тебя бить, а я должен молча на это смотреть? А ну-ка, иди сюда, сукин сын, я тебе покажу, как ее обижать! — оттолкнув Кэрол, Рэй вцепился в пиджак Джека и притянул к себе.

Кэрол вскрикнула и отскочила в сторону, когда в следующее мгновение они с силой ударились о дверь, вцепившись друг в друга, как два разъяренных зверя. Дверь распахнулась, и они ввалились в холл больницы и упали на пол. Послышались испуганно-удивленные возгласы и крики. Кэрол вбежала следом и увидела, как Рэй, вжав Джека в пол, бьет его по лицу. Но уже через секунду их разняли. Двое мужчин подхватили Рэя под руки и оттащили от Джека. Кто-то помог Джеку подняться и скрутил его, когда он предпринял попытку наброситься на Рэя.

Их обоих выставили на улицу, пригрозив вызвать полицию. Сгорая от стыда, Кэрол прыгнула в такси и уехала, оставив их вдвоем выяснять отношения. Пусть делают, что хотят, хоть поубивают друг друга. Надоели уже оба хуже горькой редьки. Куртни при смерти, а они все дерутся! Все чего-то делят, никак не поделят. Идиоты. Оба. Но Кэрол была рада, что избавилась от обоих. Пусть дерутся, раз не понимают, что в этом нет никакого смысла, потому что ей не нужен ни один, ни другой.

Сейчас только Куртни имела для нее значение. На ней сосредоточилась вся вселенная, для нее, Кэрол. К горлу подкатывала тошнота, желудок скручивало, все тело дрожало от слабости. Она вдруг вспомнила, что еще ничего сегодня не ела. Зайти в кафе она не решилась, стесняясь разбитого лица и испорченного слезами макияжа.

Придя домой, она первым делом достала из сумки урну и поставила ее в изголовье кровати, потом заказала по телефону пиццу, и отправилась в ванную. Забравшись в горячую воду с обильной пеной, Кэрол расслабилась и, откинув голову, закрыла глаза. Грудь ее сотрясали рыдания, и она не пыталась их больше сдерживать. Она может позволить себе быть слабой сейчас. Плакать из-за Куртни было не стыдно. Если бы только это могло ей помочь, она бы выплакала все слезы. Она не хотела больше копаться в своих снах и выискивать правду. Не хотела знать, что будет. Потому что панически боялась. Боялась того, что они ей говорили. Она не хотела это принять, не хотела смириться с тем, на что они ее обрекают. Нет, все будет хорошо, все обойдется. Никто не умрет. Несчастье уже произошло. Куртни выжила. Значит, она будет жить дальше. А они с Рэем сделают все, чтобы снова поставить ее на ноги, они обратятся к лучшим хирургам мира, чтобы они смогли поправить ее здоровье. Даяне тоже говорили, что она никогда не сможет ходить. Врачи ошибаются. Куртни очень сильная женщина. Она не будет лежать. Она встанет и будет жить дальше, как и жила. Иначе быть не может. Такую женщину сломать не возможно. Она никогда не смирилась с тем, чтобы быть калекой. Куртни и Рэй поставили на ноги ее, Кэрол, а теперь она и Рэй поставят так же на ноги и ее, Куртни. Главное, чтобы она жила.

Выйдя из ванной, Кэрол закуталась в махровый халат, чувствуя озноб, хоть в квартире и было тепло.

Принесли пиццу, и она, заварив себе горячего чаю, съела все до крошки, запивая

кипятком. Наевшись, она почувствовала себя немного лучше. Усевшись на постели, она поставила рядом с собой урну и телефон. Позвонила в отель в Париже, где остановились Джордж и Патрик, и рассказала тестю о случившемся несчастье. Тот молча выслушал ее, потом тяжело вздохнул в трубку.

— Боже, какая беда. Куртни... Поверить не могу. Я могу чем-нибудь помочь?

— Нет. Пока нет. Никто не может. Джордж, вам лучше вернуться.

— Зачем? — в голосе его неожиданно появился холодок. — Патрик еще слишком маленький, и ему ни к чему все это видеть. Он любит Куртни и будет страдать. Думаю, нам нужно пока все же побыть здесь, пока, по крайней мере, в ее состоянии не появится какая-то определенность. И, вообще... насколько мне известно, Патрику некуда возвращаться — у него ведь больше нет семьи. А я не хочу, чтобы ребенок об этом узнал. Я не позволю травмировать моего внука. Мы вернемся тогда, когда ему будет куда возвращаться. В дом, к которому он привык, где его встретят мама и папа.

— Джордж, вы уже знаете...

— Знаю. Джек сказал мне, что ты собрала вещи и ушла, — в голосе Джорджа Рэндэла больше не было той приветливости и теплоты, с которыми он говорил с ней раньше, и это огорчило Кэрол. Он был с ней резок и зол сейчас, и она поняла, что он больше не на ее стороне.

— Постарайтесь меня понять... — умоляюще начала она, но он грубо ее перебил:

— И не подумай! Ты перегибаешь палку, девочка. Да, я согласен с тем, что Джек виноват перед тобой, что обидел тебя, но нельзя делать так, как ты делаешь — сразу обрубить все концы. Это гордыня! Ты хочешь разрушить семью, сделать несчастным своего сына только из-за своей гордыни!

— Вы многого не знаете...

— Я знаю самое главное — мой сын тебя любит! Да, он не ангел, с ним тяжело, он бывает невыносим, но он тебя любит, и ты ему нужна! Я по себе знаю, какого это, когда тебя бросает любимая женщина, и я не позволю тебе так поступить с моим сыном. Его бросила мать, не хватало еще, чтобы и жена тоже! Тогда я ничего не мог поделать, но сейчас я не допущу...

— Я не вернусь к нему. Я уже решила.

— Решила? — вдруг взревел он, заставив ее вздрогнуть от неожиданности. — Решила ты, когда выходила за него замуж! Вышла, значит живи! Нужно нести ответственность за свои решения, девочка, а не так — то хочу с ним быть, то не хочу! Мой сын, знаешь ли, не игрушка, которую, надоела — выбросила! Хочешь, не хочешь, а ты к нему вернешься. И чем быстрее ты это сделаешь, тем лучше для всех.

— Привезите Патрика...

— Нет. Мы с Джеком поговорили и решили, что пока ему лучше побыть со мной здесь.

— Джордж, умоляю вас! Я понимаю, что вы поддерживаете своего сына, но не делайте это со мной... не помогайте ему меня заставлять...

— Ну, заставлять — это грубо сказано, — он ехидно усмехнулся. — Мы, конечно, не собираемся связывать тебя и силой тащить домой, и держать там в плену. Если ты так уж решительно настроена, ничего не поделаешь. Скатертью дорога. Катись на все четыре стороны. Одна. Потому что Патрик останется с нами.

— Вы не имеете права! Я его мать! Я...

— Не распалайся, девочка, и не рассказывай мне о правах. Уж об этом я получше тебя

знаю. И скажу тебе, что чтобы ты не делала, ты не получишь сына. Можешь подавать в суд... только это даже смешно. Сама понимаешь, что ты не одолеешь нас, а тем более в нашей же стихии. Мы тогда вообще лишим тебя материнских прав и возможности видеться с ребенком.

— Господи, ну почему вы так жестоки со мной? — зарыдала Кэрол в отчаянии. — За что? В чем я-то виновата? Почему вы хотите наказать *меня*?

— Никто тебя не наказывает, девочка, — немного сбавил агрессивный тон Рэндэл. — Мы с Джеком просто не даем тебе совершить сторяча ошибку. Куда ты собралась уходить, Кэрол? Куртни тебе больше не опора. А с моим сыном ты жила, горя не знала, в роскоши, в любви. Что еще тебе надо? Ты думаешь, ты сможешь сама обеспечить Патрика, дать ему все то, к чему он привык? Или надеешься найти другого мужчину, который будет любить твоего сына так, как его любит Джек? Не будь наивной, девочка. Не ломай жизнь ни себе, не своему сыну. Ты только себе и ему хуже сделаешь, а не Джеку. Себя и его накажешь, а не мужа своего. Мой Джек один не останется — на него всю жизнь бабы толпами вешались. Погорюет и утешится, а вот ты локти потом кусать будешь, да поздно будет — назад тебя Джек не возьмет. Он не забывает обид.

Кэрол не знала, что сказать, плотая слезы и чувствуя безнадежное отчаяние. Они приперли ее к стенке, эти Рэндэлы. Они объединились, а когда они объединялись, они сметали смерчем все и всех на своем пути. И куда уж ей против них...

— Так ты мне не ответила, Кэрол, какие у тебя планы? — с насмешкой и презрением спросил он. — С чего это ты вдруг так круто решила изменить свою жизнь? У тебя есть другой мужчина? Поэтому ты так смело бросаешь Джека?

— У меня нет мужчины! — зло бросила Кэрол.

— Но это ненадолго, так ведь? Все так удачно складывается, да? С Джеком поссорились, а тут и Куртни в овощ превращается, и не помеха больше вам... тебе и Рэю. Поэтому ты и не хочешь возвращаться к Джеку? Планируете с этим плейбоем купаться в ее деньгах и радоваться жизни?

— Да как вы можете... — голос у Кэрол пропал.

— А что? Тут и дураку ясно. Уже легла с ним в постель, или ждешь, когда Куртни умрет?

— Заткнитесь, вы! — завопила Кэрол, потеряв над собой контроль, но он как будто и не услышал ее, невозмутимо продолжив:

— Что ж, ваше право. Делайте, что хотите, только Патрика с вами не будет.

— Да вы хоть знаете, что это ваш сын виноват в том, что случилось с Куртни? Что она разбилась на машине Рэя совершенно случайно, а должен был быть на ее месте Рэй! Это Джек все подстроил! И после этого я должна к нему возвращаться! Да я ненавижу его! Я готова его убить, понимаете? Убить за то, что он сделал с Куртни!

— Даже если так, то ты должна винить в этом только себя, а не Джека. Не нужно было провоцировать своего мужа и заставлять его ревновать! Ни один нормальный мужчина не станет терпеть, когда к его жене лезут в трусы, и ждать, когда ее уложат в постель! Твой ненаглядный Рэй сам нарвался! Правильно Джек сделал, если так, что решил его убрать, я бы давно уже это сделал, а он терпел, ради тебя терпел! Вместо того, чтобы его обвинять, лучше подумай о том, как ему сейчас хреново, что Куртни приняла на себя удар. Ведь он любил ее, он преклонялся перед ней, как не перед одной женщиной, я даже думаю, что он пытался найти в ней мать, которой у него не было. Пойди, и утешь своего мужчину, вместо того,

чтобы обвинять! Если искать виноватых — так это ты и твой ненаглядный сексапильный красавчик!

И Джордж в сердцах бросил трубку.

А Кэрол упала на пол, громко рыдая.

Она не слышала, как в комнату вошел Джек. Присев, он взял ее за плечи и приподнял, пытаясь оторвать от пола.

— Кэрол, ну не надо, — прошептал он. — Не плачь так. Не надо убиваться.

Он привлек ее к себе, чтобы обнять, но Кэрол яростно оттолкнула его и вскочила. Лицо ее исказилось от боли и ненависти. Джек побледнел, увидев в ее глазах безумие. Она вдруг выбежала из комнаты, он бросился следом. Но Кэрол вдруг выскочила ему навстречу из кухни и замахнулась на него большим разделочным ножом.

Вскрикнув от удивления и неожиданности, Джек отскочил назад, и лезвие пролетело мимо, не задев его. Не дожидаясь, когда Кэрол снова поднимет руку, он схватил ее за запястье и резко вывернул его, заставив ее закричать от боли и выронить нож. Тогда он размахнулся и вlepил ей звонкую пощечину.

— Ты что, спятила? Я отправлю тебя в психушку, ты, маньячка чертова, и ты там сдохнешь, как и твоя мамаша!

— Ненавижу тебя, гад, ненавижу! Это ты, ты ее убил!

— Успокойся! — Джек схватил ее за плечи и с силой встряхнул. — Никто не умер! И не умрет, слышишь меня?

Кэрол застонала от боли, пронзившей плечо, которое болело еще со вчерашнего дня, и обмякла в его руках. Джек прижал ее к себе, не позволяя упасть.

— Я тебя не прощу! Никогда не прощу! Ты ответишь... ты ответишь мне за Куртни! Я тебе убью, сволочь... убью, — она снова зашлась в рыданиях. Джек поднял ее на руки и отнес в спальню. Она не сопротивлялась, похожая на неживую безвольную куклу. Положив ее на постель, Джек достал из кармана баночку с таблетками и засунул одну Кэрол в рот.

— Глотай, — приказал он.

— Ты хочешь меня отравить? — равнодушно простонала Кэрол.

— Глотай, я тебе сказал! Дура...

В Кэрол не осталось никаких сил на сопротивление, и она проглотила таблетку. Ей было абсолютно все равно. Было бы хорошо, если бы это был яд. Веки ее отяжелели и медленно сомкнулись. В голове появилась приятная легкость, и Кэрол показалось, что она воспарила над кроватью и куда-то полетела. Последней мыслью ее было что-то, похожее на молитву или мольбу.

«Боже, не дай мне больше проснуться!».

Но Бог редко отзывался на ее мольбы...

Утром ее разбудил Джек. Открыв глаза, она увидела, как он присел на кровать с подносом в руках. В окно уже вовсю светило солнце. Джек улыбнулся ей.

— Пора просыпаться, соня. Бешеная соня, — добавил он и с ухмылкой покачал головой, словно чему-то поражаясь. — Я приготовил тебе завтрак...

Он резко прервался, когда Кэрол приподнялась и ударила рукой по подносу, опрокинув на него. Джек подскочил, скривившись от боли, обожженный горячим кофе, которое большим пятном расплылось по нежно-голубой рубашке.

— Да что ж ты делаешь? — вскричал он, разозлившись. — Я понимаю, что ты

расстроена, но не надо на мне это вымещать! Я пытаюсь тебе помочь, поддержать!

— Поддержать? — Кэрол злобно поджала губы, резко поднимаясь с постели и даже не взглянув на него больше. — Сначала ты превращаешь Куртни в калеку, а теперь пришел меня утешить?

— О чем ты говоришь? С Куртни случилось несчастье, но я при чем? Или тебе просто нужно на ком-нибудь оторваться?

— Ну, конечно, я и не ожидала, что ты признаешься. И уверена, что к тебе и не подкопаешься, не докажешь, что это ты сделал.

— Что я сделал, Кэрол?

Она порывисто повернулась к нему, скривившись от ярости.

— Хватит! Хватит притворяться и лгать! Я не могу это больше слышать и видеть! Убирайся! И не подходи ко мне больше, или я за себя не ручаюсь!

Он снял рубашку и с досадой швырнул на пол, в сердцах выругавшись.

— Объясни мне, черт тебя подери, за что ты на меня бросаешься? Ты вообще хоть понимаешь, что происходит, или у тебя окончательно крыша поехала? Куртни разбилась на машине. Это несчастный случай. Никто не виноват!

— Несчастный случай, Джек? Сдается мне, этот несчастный случай должен был произойти с Рэем, а не Куртни. Как же это ты так промахнулся, а? Теперь придется готовить еще один несчастный случай, ведь ты, как мне думается, не намерен оставить Рэя в покое. Тебя не остановит то, что по твоей вине пострадала Куртни.

Джек застыл на месте, смотря на нее расширившимися от удивления глазами.

— Ты несешь какой-то бред, Кэрол. Поехали, я отвезу тебя к доктору Гейтсу, пусть он тебя посмотрит. Может, у тебя от стресса опять... небольшое психическое расстройство? Поехали, пока ты опять кого-нибудь не убила.

Кэрол побледнела, а глаза ее налились слезами, но она только снова сжала губы, высокомерно вздернув подбородок в не свойственном ей жесте.

— Нет, на этот раз со мной пока все в порядке, — холодно сказала она. — И ты сам прекрасно знаешь, что мои слова совсем не бред. Можешь ничего мне не говорить, я и так все знаю. Знаю, что «Астон Мартин» был подготовлен для Рэя, и Куртни действительно случайно разбилась, сев за руль вместо него. Только твоей вины это не уменьшает.

— Но с чего ты это взяла?

— А еще я знаю, что из-за тебя умерла моя мама, потому что ты ей сказал, что я выхожу замуж за Рэя и жду ребенка от него. И это произошло, когда мы были там, я и ты, когда ты вернулся якобы за ключами. Зачем ты ей это сказал?

Взглянув на него, она увидела, как вытянулось его лицо и отвисла челюсть. Он стоял, как громом пораженный, уставившись на нее неподвижными широко раскрытыми глазами и с таким видом, будто не мог поверить в происходящее, в то, что слышит. И, так как он продолжал молчать, Кэрол решила сама ответить на свой вопрос:

— Ты знал, что она безумно любит Рэя, что страдает из-за него всю жизнь, знал, что это самое больное место у нее, самое слабое, потому и ударил именно по нему, так? Я и Рэй! О да, это вполне могло убить мою мать! Ну, что ты молчишь? Язык проглотил?

Но он действительно молчал, продолжая таращить на нее удивленно-перепуганные глаза.

— Ты шокирован? Еще бы! Хочешь знать, откуда мне это известно? Я скажу, — Кэрол снисходительно улыбнулась. — Ты можешь называть это интуицией, как и раньше. А еще

моя интуиция мне говорит, что если ты от меня не отвяжешься, то умрешь раньше времени. И тебе лучше вернуть мне сына. Я не отбираю его у тебя. Общайтесь с ним, сколько вам угодно. Но ко мне не приближайся. И дай мне развод.

Он лишь слабо качнул головой в ответ, давая понять, что не согласен.

— Ну и не надо, все равно я замуж больше не собираюсь, — Кэрол пожала плечами и направилась в ванную.

Джек проводил ее взглядом, все никак не в силах прийти в себя от потрясения, которое только что испытал. Она могла каким-то образом узнать про машину Рэя, правду про смерть своей матери, но она никак не могла знать, что он прошептал на ухо Элен за несколько минут до ее смерти. О том, что он ей сказал, знал только он и Элен, и больше ни одна живая душа!

По телу его пробежала нервная дрожь, и он испытал что-то близкое к ужасу. Подхватив с пола рубашку, он поспешно надел ее, сверху накинул пиджак и бросился прочь из квартиры, шокированный, как никогда в жизни.

Впервые он столкнулся с тем, чего не мог понять, и просто сбежал, чтобы успокоиться где-нибудь подальше от всей этой чертовщины и все обдумать. Всему и всегда должно быть разумное объяснение. Он найдет его, просто надо подумать...

На третий день доктора позволили, чтобы кто-то один находился с Куртни рядом. Кэрол и Рэй дежурили у ее постели по очереди. Кроме них, к ней никого больше не подпускали, потому что желающих было много. Сотрудники, коллеги, партнеры по бизнесу, многочисленные друзья. В больницу целые дни шли толпы людей, желающих навестить Куртни и предлагающих свою помощь, и многих даже Кэрол, уже не один год работающая с ней, не знала. Ни она, ни Рэй не сообщали никому о том, что, если Куртни выживет, то останется калекой. Доктора тоже молчали. Только старому другу Куртни, который был особо дорог ее сердцу, Уильяму Касевесу, Кэрол и Рэй поведали всю горькую правду. Они тоже любили его, как и Куртни. Его нельзя было не любить. Более обаятельного и теплого человека, чем он, Кэрол не встречала. Он относился к той категории людей, которые располагали к себе и вызывали слепое доверие с первого взгляда. Он был уже стар. Ему было уже за семьдесят, но он превосходно держался и казался все таким же энергичным и полным жизни и сил, каким был, когда Кэрол впервые его увидела. Куртни всегда жила с тревогой за него, сокрушаясь о его больном сердце и не надеясь, что оно отпустит старику много времени на жизнь. Но он и не думал умирать. Он жил в свое удовольствие, но старательно следовал указаниям врачей и заботился о своем здоровье. Ложился на лечение, когда требовалось, отдыхал в санаториях, соблюдал диету, не пил, не курил, не нарушал допустимые нормы физических нагрузок. В общем, как он однажды сказал Куртни, он намерен как можно дольше оставаться на земле, а не под ней. Он давно уже не работал, но всегда помогал Куртни советами или своими связями и влиянием, которые обрел за долгие годы своей успешной практики. К сожалению, он был одинок. За всю жизнь он так ни разу и не женился, но как будто и не жалел об этом. И детей у него не было. Но на удивление всем, у него до сих пор не переводились женщины, и в этом смысле его уже нельзя было назвать одиноким. Куртни рассказывала, что он всегда был жутким бабником, и безумно любил женщин, почти всех, без исключения. А женщины обожали его, все, уже без исключений. Он всегда был одинаково галантен и внимателен и к красавицам, и к самым неприметным дурнушкам. И его расположения удостаивались и те, и другие. Он говорил, что плохих и

некрасивых женщин не бывает. Что каждая женщина по-своему прекрасна, просто не всем мужчинам дано это видеть, как ему. И любая особа женского пола, хоть раз в жизни удостоившаяся чести с ним пообщаться, готова была броситься ради него и в огонь, и в воду. Кэрол на себе испытала силу его чар. Его изумительные глаза, красивые, хитрые, насмешливые, веселые и добрые, с первого же взгляда хватали за сердце и уже никогда не отпускали, не важно, будь то сердце женщины или мужчины. Мужчины тоже, в большинстве, любили его своей мужской братской любовью, и также готовы были за него и в огонь и в воду. Люди уважали его, доверяли ему, любили и были на удивление ему преданы. Такой вот это был необыкновенный человек, к которому тянулись все. Кэрол пыталась понять, в чем его секрет с той самой минуты, как увидела его. Она всегда в глубине души мечтала нравиться людям, но никогда не ощущала, чтобы это было так. Почему одних отвергают, а к другим тянутся? Как стать всеобщим любимчиком, чтобы люди слетались к тебе и ели из твоих рук, как птицы? Кэрол не могла сказать конкретно, какие такие качества в Уильяме этому способствуют, но знала, что она, как и все, такая же прирученная им птичка, которая с удовольствием садится ему на руку всякий раз, как видит, и дуреет от его присутствия, ощущая прилив невообразимого счастья каждый раз, когда встречалась с его удивительными глазами. И не могла понять, почему так. Ко всему она еще испытывала к нему чувство благодарности, помня как однажды он защитил ее от Элен, которая хотела вернуть ее себе, чтобы сломать ей жизнь, что она всегда жаждала сделать. И только благодаря ему, она осталась в доме Куртни, получив ее официальную опеку.

Но только теперь, смотря на высокого и все еще крепкого старичка с такими же, совсем не изменившимися, молодыми озорными глазами, которые по-прежнему плавил ее сердце, она думала о том, что было бы лучше, если бы он всего этого не делал. Чтобы он и Куртни позволили матери ее забрать. И тогда не принесла бы она ни Куртни, ни Рэю столько горя, не сломала бы их жизни. И она рыдала в объятиях Уильяма, когда они остались наедине в палате Куртни, куда его пропустили, сделав исключение. Ему всегда с удовольствием шли навстречу, всегда готовы были сделать исключение, наверное, потому что он сам был исключительным человеком, и люди это чувствовали. Кэрол все ему рассказала, излила ему свою разрывающуюся душу, а он слушал и гладил ее по голове, положив на свое плечо. А Кэрол казалось, что он гладит ее по самому сердцу. Она, одна из его птичек, которую он тоже любил, пыталась спрятаться в его теплых крепких ладонях, израненная и истерзанная, ища спасения и облегчения от боли... И он принял ее, закрыв своими руками на мгновение от всего мира, и она затихла, пригретая и немного успокоенная. Как было бы хорошо, если бы это мгновение превратилось в вечность, и она бы так и осталась навсегда птичкой в его надежных ласковых ладонях и смотрела бы сквозь его пальцы на мир, смотрела бы и не высывалась.

Да, она всегда была такой вот перепуганной пташкой, которая всегда пыталась спрятаться в чьих-то сильных руках. Сначала это были руки Эмми, потом Куртни, теперь она залетела опрометчиво в руки Джека Рэндэла, в злые руки, и они сжали ее и стали душить, и она не может вырваться. Он не выпустит ее, скорее он ее просто задушит, пытаясь удержать. И вот теперь, похоже, она ищет себе нового покровителя. Снова. Только эти ласковые руки слишком уже стары и бессильны, чтобы разжать мертвую хватку Джека Рэндэла, разомкнуть его молодые, цепкие и невероятно сильные пальцы с хищными острыми когтями, которыми он впивался в ее тело, подобно коршуну, и выпустить ее на свободу. Нет, ей не вырваться, никогда, если он сам не отпустит. И никто не сможет ей помочь. Она не смеет никого

просить об этом, потому что была уверена, что он растерзает каждого, кто попытается отобрать у него то, что он давно привык считать своим... А слова Уильяма убили в ней последний огонек надежды.

— Тебе лучше вернуться к нему, девочка. Я хорошо знаю Рэндэлов. Это не те люди, с которыми можно воевать. Все, кто осмеливался это сделать, проигрывали прежде, чем успевали начать. Это два зверя, моя девочка, и раз уж ты связала с ними свою жизнь, не стоит гладить их против шерсти. По-своему, они не плохие, когда не скалятся. Будь ласкова с Джеком, раз он так к тебе привязан, и он перестанет буйствовать. Не иди против него, и более надежной опоры, чем он, ты не найдешь.

— Но он же погубил Куртни, — простонала Кэрол, лежа на его старческих коленях. Он снова погладил ее по затылку.

— Этого уже не исправить. Своей ненавистью к нему ты ничего не изменишь. Подумай лучше о том, сколько еще он может совершить бед, пока ты будешь ему противиться. В твоих силах успокоить его и прекратить все это. Будь мудрее. Женщины очень мудры, намного мудрее нас, мужчин, поэтому они всегда с нами справляются, какими бы мы сильными и упрямыми не были. А если в руках женщины еще и сердце мужчины... Он твой раб, Кэрол, раз так в тебе нуждается, а не ты его рабыня. Так и только так ты теперь должна смотреть на это. Не надо думать, что ты жертва. Он не хочет тебя отпускать, потому что чувствует, что это ты его крепко держишь, может быть, даже сама того не желая. Сейчас он просто защищается, Кэрол. Защищается, потому что ты хочешь нанести ему удар в самое сердце, бросив его. Примиришься со своим мужем. Это будет самое разумное и правильное решение. Прости ему его ошибки. Все. Даже Куртни. Он просто борется за свою любовь, борется так как умеет — жестоко и беспощадно. Борьба по-другому Рэндэлы попросту не умеют. Они не признают компромиссов и ломаются напролом, обрубая под самый корень все, что мешает, а не пытаешься сдвинуть в сторону или обойти. Тем более, ты сама его любишь. Не пытайся отрицать, я же вижу. Любишь, не смотря ни на что. Может, умом ненавидишь, а сердцем любишь. Так что если тебе нужен мой совет — возвращайся. Знаешь, есть одна мудрая пословица, которая говорит о том, что мы в ответе за тех, кого приручили, — он улыбнулся своей лукавой доброй улыбкой и добавил уже от себя. — Даже если это кто-то зубастый и кусачий. Как твой Джек. Но разве ты этого не знала, когда связывала с ним свою судьбу?

Кэрол нечего было на это ответить. Не такие слова она ожидала услышать от Уильяма Касевеса. Она была уверена, что он поддержит ее в ее решении, и скажет что-нибудь вроде того, что она не должна позволять себя ломать, должна быть сильной. Возможно, она ждала от него совета, как от одного из сильнейших юристов в свое время, о том, как отвоевать сына. О разводе она уже не думала. Это не имело для нее больше значения. Если Джек не хочет давать развод и будет всячески ему противиться, что ж, она не будет тратить силы на то, чтобы стать официально свободной. Штамп в паспорте может стать для нее помехой только в том случае, если она захочет выйти замуж. А этого не будет.

Но следующие слова Уильяма отвлекли ее от мыслей о Джеке.

— Готова ли ты стать во главе компании, Кэрол?

Она резко оторвалась от его колен, выпрямившись. Глаза ее полыхнули негодованием.

— Зачем вы так говорите? Не списывайте со счетов Куртни раньше времени, она сильная, она...

— Она никогда не поднимется с постели, Кэрол, — мягко и печально перебил Уильям, смотря на неподвижную женщину, безжизненно лежащую на больничной койке. Разбитое

лицо ее было серым, без единой кровинки, а вокруг запавших глаз и тонкого рта пролегла неестественная синева. Под одеялом не было заметно, как приподнимается и опускается ее грудь при дыхании, которого не было слышно. Она дышала так тихо и незаметно, что Кэрол приходилось бороться с подступающей паникой, когда она смотрела на нее и не замечала в ней никаких признаков жизни. Она походила на мертвую.

И только равномерное попискивание прибора, который отзывался на каждый удар ее сердца, говорило о том, что в ней все еще теплится жизнь. Эти звуки постоянно раздавались у Кэрол в голове. Пип, пип, пип, пип... Где бы она не находилась, в больнице или дома, спала или бодрствовала, не на секунду не замолкали в ее ушах эти звуки. Звуки ее сердца, звуки ее жизни. Но это только радовало Кэрол, и больше всего она боялась, чтобы эти попкивания вдруг прекратились.

Ей казалось, что никогда и ничего еще в своей жизни она не боялась так, как боялась, что перестанет слышать эти звуки. Вместе с ними билось ее сердце, и она была уверена, что если они остановятся, то остановится и ее сердце.

Она обливалась слезами рядом с Куртни, прижималась лицом к ее холодной, похудевшей за эти дни руке, которая и теперь оставалась такой же красивой и холеной, какой была всегда. Девушка целовала ее изящную тонкую кисть, и она почти всегда была мокрой от ее слез. Она поправляла черные волосы Куртни, красиво укладывая их на подушке, гладила и ласкала их, перебирая пальцами. Эта женщина научила ее быть красивой, хотя никогда сама не обладала красотой. Да, Куртни не была красивой, но она всегда сияла и выглядела роскошно. Она притягивала взгляды так, как не притягивали другие обладающие красотой женщины, бросалась в глаза своей изысканностью, ухоженностью, непревзойденным вкусом, который чувствовался в каждой детали ее облика. На лице ее уже были заметны морщины, но оно по-прежнему дышало свежестью, кожа была увядшей, но такой же ухоженной и почти безупречной для ее возраста. Она оставалась такой же стройной и тонкой, ревностно следя за своей фигурой, но сильно похудела за последние годы, и Кэрол это не нравилось. Создавалось впечатление, что она усохла, и эта худоба не шла ей, учитывая к тому же ее высокий рост. Лицо ее как-то осунулось, кости щек обозначились резче и под ними появились более глубокие тени, отчего казалось, что ее изогнутый горбинкой нос стал больше, еще резче выделяясь на узком удлинённом лице. С улыбкой и чувством стыда вспоминала теперь Кэрол о том, что когда впервые увидела эту женщину, она показалась ей удивительно похожей на ворону. Черные, как смоль волосы, блестящие угольки круглых глаз, большой заостренный нос, похожий на клюв...

Что за дурацкая привычка у нее сравнивать людей с птицами или животными! Мэтт — собака, ласковая, преданная и грустная, Джек — акула, Рэй — лис, Куртни — ворона. Сама она маленькая глупая птичка, которая все время пытается присесть на чью-либо теплую ладонь, постоянно бьется обо что-то головой, куда бы ни полетела, но продолжает трепыхать своими избитыми и множество раз переломанными крыльями, сама не понимая зачем. А может она и не птичка, как ей хочется себя представлять, а черная зловещая тень самой смерти... где она появляется, появляется смерть, и они с ней одно целое, объединенные страшным проклятием.

Сколько раз Кэрол испытывала отчаянный порыв убежать подальше от Куртни, потому что ей казалось, что одним только своим присутствием она отбирает у нее жизнь, которая и без того еле теплилась в искалеченном теле. Уйти и увести за собой смерть. Но она не могла заставить себя это сделать. Она готова была ползать по полу на коленях и обливать его

слезами, жаться к Куртни, как преданная собака, любви которой не было границ, но не покинуть ее. О, если бы только она могла отдать свое здоровье, свою жизнь вместо нее, и искупить тем самым свою вину перед ней за все то горе, которое ей причинила, отблагодарить за любовь, за свою спасенную жалкую жизнь. Вот чем она отплатила этой женщине за ее доброту, причинив самое большее зло, которое могло постигнуть Куртни — потерять любимого мужчину, которым она жила, и оказаться на этой больничной койке со сломанным телом и сломанной жизнью. Могло ли приключиться с нею что-либо худшее? Куда хуже. Кэрол постоянно преследовали видения из сна, она слышала плач Куртни, которая никогда не плакала, слышала ее слова: «Это все из-за тебя!». И Кэрол чувствовала, что с каждой слезой из нее вытекает жизнь. И она роняла их на руку Куртни, жел, чтобы она впитала в себя эти капельки ее жизни.

— Возьми, возьми, Куртни, — молила она. — Возьми мои силы, мою жизнь. Прими мою любовь, мою благодарность, не будь со мной так жестока. Ты же знаешь, что никогда я себя не прощу, никогда. Как смогу я жить после того, что сделала с тобой? Забери, Куртни, мою жизнь, и спаси этим мою душу...

Она ненавидела Джека, но себя она ненавидела еще сильнее. Ненавидела так, как никогда и никого на свете. Она и раньше то не питала сама к себе особой любви и приязни, а теперь... Теперь не было ничего темнее и страшнее того, что было у нее в душе. На этот раз бремя *этой* вины было ей не по силам. Оно раздавит ее и погребет под собой.

Что-то корчилось и умирало в ней, когда она смотрела на Куртни.

То умирала Кэрол. Кэрол, которая стремилась быть благодарной, и за любовь отдававшая все свое сердце, всю себя, без оглядки, мечтавшая отдать за добро добром многократным и бесконечным. Кэрол, которая так боялась разочаровать или огорчить Куртни, которая так хотела, что бы она ею гордилась, которая больше всего боялась, что наступит момент, когда Куртни пожалеет о том, что пригрела ее у себя на груди, как только может пригреть женщина жалкого никчемного найденьша, выброшенного из этого мира, и стать ему матерью, вскормив и выхотив. А найденьш вырос и убил ее.

Да, та Кэрол умирала в ней. И она не знала, что теперь в ней останется. Может теперь ее место займет Элен? Слишком часто она стала слышать о том, что она «как и ее мать». Да, она и сама это замечала. Она набросилась на Джека с ножом. Кэрол, кроткая, тихая, боязливая, на это была не способна. А Элен, жестокая, ненавистная, неуравновешенная и зверски злобная — да. Кэрол не хотела быть такой, как Элен. Но чувствовала и замечала, что все больше становится такой же. Что это, наследственность, кровь, или подсознательное подражание матери? Она не понимала, почему Джек хочет быть с ней. В ней не осталось ничего хорошего, более того, ее неуравновешенность и вспышки жестокой агрессии делают ее опасной. Он называет ее маньячкой и грозит отправить в психушку, и между тем цепляется за нее изо всех сил. Зачем? Почему? Кэрол была отвратительна сама себе, и не могла представить, чтобы кто-то относился к ней иначе. Она всем причиняет столько зла, ее должны ненавидеть и гнать от себя прочь. И она вполне это заслужила.

Как можно причинять столько зла, когда пытаешься отвечать добром и любовью дорогим людям, когда хочешь видеть их счастливыми и здоровыми, а заставляешь их страдать, и плачешь от боли и горя вместе с ними? Кэрол недоумевала и не могла понять, как умудряется это делать.

Она заняла место в сердце Рэя, место, на котором должна была быть Куртни. А теперь Уильям Касевесговорит о том, чтобы она заняла еще и ее место в ее компании? Может, ей

занять место Куртни в этом мире, в ее жизни?

Кэрол закачала головой, как будто Касевес только что протянул ей руку, чтобы увлечь в ад. Уильям вздохнул, восприняв ее отказ по-своему, как страх не справиться с такой должностью.

— Да, я тоже склонен думать, что ты не потянешь. Но отдавать кампанию в чужие руки... Нет, Куртни ни за что бы этого не допустила. Когда она очнется, мы с ней все обсудим. Она не сможет больше управлять так, как раньше. Конечно, она может делать это и лежа в постели, но этого будет не достаточно для того, чтобы все держать в своих руках и под контролем. Уверен, что мы придем с ней к согласию, что ее кресло должен теперь занять Рэй.

Старик улыбнулся, увидев изумленный, полный сомнений взгляд девушки.

— Рэй? Вы что, серьезно?

— Я не вижу другого варианта.

— Но это невозможно. Во-первых, он никогда на это не согласится, а во-вторых, он просто не сможет! Вы же сами знаете, какой Рэй!

— Я знаю, что он обладает достаточным умом, ловким, хитрым и изворотливым, а также некоторыми знаниями, потому что я помню, что он прилежно учился в университете и окончил его довольно успешно. Жаль только, что на этом его рвение и кончилось, и он сложил ручки, предпочтя беспечную легкомысленную жизнь. Но когда-нибудь надо взрослеть и становиться мужчиной, человеком, и прекращать быть взбалмошным беспечным мальчишкой. Это время пришло. И ему придется, хочет он того или нет. А что до того, что он не сможет... Он сможет, я уверен. Я помогу ему. Я сделаю из него акулу, как когда-то мы с Патриком сделали акулу из Куртни, молоденькой тогда еще девушки. Конечно, у нее был природный дар к бизнесу и управлению, врожденная хватка и поразительная внутренняя сила, а у Рэя я таких качеств никогда не замечал. Но, возможно, он компенсирует их другими, такими, как умение входить к людям в доверие и располагать к себе, а врожденная хитрость и ловкость, такие, как у него, тоже важны в бизнесе. Думаю, главное — это заставить его захотеть, натаскать и направить по уже протоптанной Куртни дорожке. И было бы, конечно, очень хорошо, если бы Джек Рэндэл оставался и далее в этой компании и поддерживал Рэя так, как поддерживал все эти годы Куртни.

— Что-то мне подсказывает, что он не станет этого делать, — горько ухмыльнулась Кэрол. — Если его не попросит об этом Куртни. Он никогда ей ни в чем не отказывал. А теперь, после того, что натворил, и подавно...

Кэрол знала, что Рэй забрал заявление о разводе. Все ее негативное отношение к нему мгновенно испарилось. Она поняла, что теперь он не бросит Куртни. С мукой и молчаливой бесконечной печалью в красивых глазах, в которых вдруг угасли озорные игривые огоньки и задорные веселые искорки, он ожидал, когда она очнется. Он как-то сразу, разом, изменился. Стал молчаливым, тихим, замкнутым. Исчезла его мальчишеская непосредственность в повадках, взгляде, движениях. И улыбка, которую он изредка дарил Кэрол, была уже другой. Совсем другой. Не мальчишеской и жизнерадостной, а невеселой и усталой. И так необычно и непривычно было видеть его таким, что Кэрол терялась в его присутствии, словно перед ней был чужой незнакомый человек. Они мало разговаривали и встречались только у постели Куртни. Она приходила, он уходил. Он приходил ее сменить, а она уходила. Иногда Кэрол, придя в больницу, стояла под дверью и через стеклянное окошко в ней наблюдала за ним, когда он об этом не подозревал. Он сидел у постели Куртни, держал

ее за руку и смотрел на нее. Смотрел и смотрел. Один раз Кэрол видела, как он целовал ее пальцы, а потом прижался к ним лбом и вздохнул так, что весь его корпус тяжело поднялся и опустился. И Кэрол простила ему все. Простила из-за того, что был рядом с Куртни, сидел вот так у ее постели, преданно и виновато, согнув широкую спину и ссутулив крепкие плечи, которые всегда держал прямо. Простила, благодарная ему за искреннюю печаль, за его горе, за несчастный и понурый вид. Казалось, он ни о чем и ни о ком не думал, кроме Куртни, и только она имела для него значение. Кэрол наивно надеялась, что несчастье помогло ему понять, что он ошибался в своих чувствах, и на самом деле любил Куртни и она была ему нужна, а то, что он принимал за любовь к ней, Кэрол, было лишь заблуждением, очередным капризом. Он не упоминал больше о каких-либо чувствах к ней, Кэрол, казалось даже, что он вообще потерял к ней всякий интерес. Но она поняла, что это все не так, когда однажды случайно поймала на себе его взгляд. Он пришел ее сменить, и зашел так тихо, что она не заметила. Кэрол не знала, сколько он так стоял, наблюдая за ней украдкой, ничем не выдавая своего присутствия, пока она сама его не заметила. Повернулась и увидела, что он стоит у двери и смотрит на нее с такой мукой и отчаянием, что сердце ее захолонуло в груди. И тогда он опустил взгляд, а когда снова посмотрел на нее, в нем было только смирение и какая-то трагическая покорность, как у человека, который считал себя обреченным и не собирался этому сопротивляться.

Он не говорил ей этого, но Кэрол поняла, что он принял твердое решение остаться с Куртни, со своей калекой-женой, потому что иначе поступить он попросту не мог. Не мог ее бросить *теперь*. Он мог уйти от сильной и мужественной женщины, но не от обреченного беспомощного существа, в которое она превратилась. Может быть, другой на его месте махнул бы рукой на эту сломанную загубленную человеческую жизнь, и без зазрения совести пошел бы устраивать свою собственную, не собираясь себя погребать вместе с нею. Но Рэй принял иное решение, и одному Богу было известно, почему. Что им руководит сейчас, если не любовь? Сострадание? Благодарность за годы беспечной и роскошной жизни, которую ему подарила Куртни, позволив ему жить так, как ему нравилось? Или просто его совесть, которая спокойно прощала ему измены Куртни и позволяла так поступать раз за разом, оказалась жесткой и непреклонной теперь и навеки привязала его к той, страдания которой его не волновали, когда она была здоровым и полным сил человеком? Он изменял ей всю жизнь, но не изменил теперь. И сейчас, у ее постели, на которой отныне будет проходить ее жизнь и с которой она никогда не поднимется, он почувствовал свой долг и стал ей настоящим мужем, надежным, преданным, ее опорой и поддержкой. Хотя, может быть, было уже слишком поздно. И что-то подсказывало Кэрол, что он сделает все, что скажет Куртни, даже сядет в ее кресло и взвалит на себя тяжелое бремя ее империи.

Джек тоже каждый день приходил узнать о состоянии Куртни, всегда в дежурство Кэрол, чтобы не встречаться с Рэем. Обычно Кэрол дежурила днем, а Рэй ночью. Джек тоже был необычно молчалив. Врачи пропускали его в палату, и Кэрол этому несколько не удивлялась. Он приходил, смотрел на Куртни, тихо расспрашивал Кэрол о ней. Ни о чем другом они не говорили. Он садился на стул и, опустив голову, молчал. Наблюдая украдкой за ним, Кэрол гадала, какие мысли в эти мгновения у него в голове. О чем он думает? Что чувствует, смотря на женщину, которую сам отправил на эту больничную койку, уложив на ней уже навеки? После лет, прожитых с ним, он уже не был для Кэрол сплошной загадкой, и сейчас она видела, что он переживает. Можно сказать, очень переживает. И из-за случившегося, и за жизнь Куртни. Терзает ли его чувство вины, мучает ли совесть, или даже

теперь она молчит? Хотя, как можно ждать раскаяния от человека, хладнокровно уничтожившего собственную мать и не на минуту не усомнившегося в правильности своего поступка. Он никогда и ничего не прощает другим, но все позволяет и прощает себе. И сейчас его вряд ли загрызут совесть и раскаяние.

И Кэрол отворачивалась от него, потому что не могла на него смотреть. Она никогда не заговаривала с ним первая, а отвечала сквозь зубы и чуть слышно, не пытаясь скрыть своей неприязни. И каждый раз с нетерпением ждала, когда он уйдет. Его присутствие стало для нее невыносимым. Она даже дышать спокойно не могла, когда он был рядом, и задыхалась от переполнявших ее чувств и эмоций. Он никогда не задерживался более десяти минут. Посидит, как в воду опущенный, и уходит.

Домой к ней он больше не приходил, не звонил, встреч не искал, если не считать ежедневные посещения больницы. Но сюда он приходил не к ней, а к Куртни. Он избегал взгляда Кэрол, но когда она на него не смотрела, она ощущала на себе его взгляд, и снова гадала, о чем он думает. Он стал как-то странно себя с ней держать, настороженно, на расстоянии. У Кэрол появилось непреодолимое ощущение, что он ее боится. Она знала, что это невозможно, но она не могла избавиться от этого чувства. Это показалось ей забавным и очень понравилось. Наверное, она произвела на него потрясающее впечатление, когда рассказала ему о том, что узнать было просто невозможно. И он теперь сбит с толку и не может понять, каким образом она все узнала, и как ему теперь вести себя с ней дальше, чего от нее ожидать. Короче, похоже, ей удалось выбить из колеи Джека Рэндэла, что никому и никогда не удавалось. И она злобно радовалась этой своей победе над ним. Только вряд ли он долго будет оставаться таким, как шуганутый растерявшийся зверек, вскоре снова встанет в стойку и покажет свои острые зубы.

Не смотря на несчастье с Куртни, Кэрол все-таки поехала на похороны Эмили. Более того, она позвонила Тимми, чтобы попросить его приехать. Услышав в трубке голос Даяны, она холодно поздоровалась и попросила к телефону ее брата.

— Что тебе от него надо? Он не будет с тобой разговаривать! — с ненавистью прошипела Даяна.

— Позволь мне самому решать, с кем мне разговаривать, — услышала Кэрол тихий голос Тима, а через секунду он уже поприветствовал ее в трубку.

— Привет, — она почему-то страшно смутилась, и все слова разом вылетели из головы, и она замолчала, пытаясь собрать их и высказать ему. Помолчав, Тим, видимо, сообразил, что она затрудняется сказать то, что хотела, и непринужденно спросил:

— Как дела?

— Дела? — эхом отозвалась Кэрол. — Куртни разбилась.

Она была уверена, что он знает, кто такая Куртни. Наверняка, Даяна все ему о ней, Кэрол, выложила. Она услышала, как Даяна спрашивает его, что случилось. Тим ответил ей, что Куртни разбилась. Даяна ахнула.

— Что, насмерть? — воскликнула она.

— Она еще не пришла в себя. Мы надеемся, — сдержанно ответила Кэрол, расслышав вопрос. И вдруг голос Даяны прозвучал у самой трубки:

— Так катись тогда к Рэю, а Джека мне отдай!

Но, судя по всему, Тим снова отобрал у нее трубку и резко велел выйти и дать ему спокойно поговорить. Он помолчал, видимо ожидая, когда сестра уйдет, а потом тихо сказал:

— Мне очень жаль, Кэрол. Даяна говорила мне, что эта женщина очень многое для тебя сделала, и ты ее очень любишь. Я надеюсь, что все будет хорошо.

— Да... я тоже, — Кэрол проглотила ставший в горле комок. — Но я звоню не по этому. Тимми... Тим, — поправились она, вспомнив, что он предпочитает, чтобы его называли так. — Я хочу тебя попросить. Я понимаю, что мы больше не друзья и ты...

— Говори, Кэрол, — мягко перебил он. — Что я могу для тебя сделать?

— Если ты не занят завтра в первой половине дня, я бы попросила тебя приехать и кое-куда со мной сходить.

— Сходить с тобой? Мне? — он был поражен. — Куда?

— На похороны.

— Куда-куда? Какие похороны?

— Помнишь, когда мы с тобой встретились у больницы, там была девушка... в инвалидном кресле. Эмили.

— Ну... помню.

— Вот на ее похороны я и хотела бы, чтобы ты приехал.

В трубке повисло недоуменное молчание.

— Она что, умерла? Почему?

— Ее сбила машина.

— М-м-м... — растеряно промычал он. — Мне очень жаль... но при чем здесь я?

Кэрол беззвучно и горько усмехнулась. При всем, Тимми, при всем. Но, конечно, она ему не скажет.

— Я прошу это... для нее. Она бы очень хотела, чтобы ты пришел.

— Кэрол, ты меня, конечно, извини, но я ничего не понимаю, — в его голосе появилась нотка раздражения. — Я не знал эту девочку, я видел ее всего один раз в жизни...

— Этого было достаточно, — перебила его Кэрол мягко.

— Для чего достаточно?

— Для того, чтобы она тебя полюбила.

В трубке снова повисло молчание, а потом вдруг его голос прозвучал совсем низко и гневно:

— Ты что, смеешься надо мной?

Кэрол улыбнулась.

— Почему смеюсь? Нет. Я вполне серьезно.

— Но... этого не может быть, — он снова растерялся. — Что... правда?

— Да. Не пойму, почему ты так удивляешься.

Он смущенно замолчал. Кэрол почувствовала, что он все же ей не верит и пытается понять, что она от него хочет.

— Ну, так что, ты приедешь?

— Э-э, нет. Я не могу. Мне жаль, что эта девочка умерла, но я...

— Тим, пожалуйста. Ведь это совсем не сложно. Сделай это для несчастной девочки.

Он помолчал.

— Кэрол, не обижайся, но я не хочу.

— Ну, ладно. Тогда извини, — Кэрол положила трубку, почувствовав, как в груди появился холодок. Чурбан. Знал бы, что из-за него бедная девушка бросилась под колеса... А он даже не хочет приехать. Интересно, почему он так заупрямился? Все равно? Или не любит присутствовать на похоронах? Или не хочет встречаться с ней?

Но через десять минут он перезвонил, видимо, Даяна дала ему номер.

— Кэрол... куда мне подъехать? — смущенно пробормотал он в трубку.

Кэрол договорилась с Рэем, что он побудет с Куртни, пока она не освободится. Забрав свою машину из автосервиса, она заехала в аэропорт за Тимом, как они условились. Он плохо знал город, поэтому она предложила встретить его прямо там, чтобы ему не пришлось брать такси. Тим согласился.

Люди поглядывали на нее, пока она ждала его, приехав немного раньше. Она оделась сегодня так же, как позавчера, на кремации, во все черное. На ней были те же блузка, юбка и шарфик, которым она прикрывала пышную грудь в декольте, а также черные туфли на высокой тонкой шпильке. На шее снова висел ее талисман. Под темными очками она прятала подбитый глаз. Волосы были свободно рассыпаны по плечам. Одинок она стояла в сторонке, стараясь не пропустить Тима, потому что он мог не узнать ее и пройти мимо. Очки снять она не решилась. Прямая и какая-то трагичная и печальная в своем черном облачении, она неподвижно застыла на месте, игнорируя любопытные взгляды окружающих.

И вдруг она увидела Кевина Дорована. Он шел ей навстречу с чемоданом в руках и даже скользнул по ней взглядом, но, видимо, не узнал. Судя по внешнему виду, он снова преуспевал. На нем был дорогой деловой костюм, белая рубашка и галстук. Его столь официальный внешний вид сказал Кэрол, что он только что с деловой поездки... или в деловой поездке. Ведь она даже не знала, жил ли он сейчас в Сан-Франциско. Кэрол сначала решила промолчать, но когда он проходил мимо, не выдержала и окликнула его. Он остановился и посмотрел на нее. Кэрол медленно подошла к нему.

— Привет, Кевин.

Он молча окинул ее внимательным взглядом, откровенно и немного нагло разглядывая, и Кэрол поняла, что он ее узнал. Только после этого соизволил ответить на приветствие.

— Привет, — холодно сказал он. — Как поживаешь? Как Рэндэл?

— Джек в порядке. Как всегда, — Кэрол понимала, после того, как она вышла замуж за Джека, ее заверения, которые она когда-то давала Кевину, в том, что у нее ничего нет с Рэндэлом, стали в его глазах еще менее правдоподобны. Он наверняка был уверен, что она была легкомысленной девицей, решившей пофлиртовать за спиной Джека Рэндэла, из-за чего он, Кевин, так жестоко пострадал. И, судя по его тону, он не забыл обиду. Впрочем, это не мешало ему нагло разглядывать ее грудь под прозрачным шарфиком.

Кэрол чувствовала себя перед ним виноватой. Он тоже был один из тех, кому она принесла большие неприятности, хоть и невольно.

— А как ты? — с теплой улыбкой поинтересовалась она. — Вижу, что у тебя все хорошо.

— Да. Рэндэл забыл обо мне, как только я выполнил его требования, и мне удалось наладить свою жизнь и карьеру. Я даже рад, что так вышло. Куртни не больно-то торопилась повышать меня, за пять лет работы с ней я достиг лишь того, что из менеджера поднялся до начальника отдела. В компании, где я теперь работаю, я за этот же срок добился кресла генерального директора.

— Я рада за тебя, Кевин. Куртни всегда считала тебя очень талантливым и перспективным специалистом, и очень сокрушалась, когда ты ушел.

Его щеки порозовели от удовольствия.

— И я очень сожалею, что тогда все так вышло... — добавила она виновато. — Но все же я хочу, чтобы ты знал, что я была честна с тобой. Я не встречалась тогда с Рэндэлом, и

даже подумать не могла, что он станет отгонять от меня мужчин... — она беспомощно улыбнулась, а, когда Кевин улыбнулся в ответ, рассмеялась. Он тоже засмеялся и пожал плечами.

— Что ж, может и так. Глядя на тебя, не подумаешь, что ты бы осмелилась так открыто наставлять рога этой акуле. Это я понял намного позже, когда поостыл и все обдумал на трезвую холодную голову. Я поверил в то, что ты не знала, что он имел на тебя такие виды. И... прими мои запоздалые извинения за мою грубость.

— Нет, Кевин, все-таки во всем, что произошло, есть доля моей вины...

— Забудем об этом. Знаешь, а ведь я тогда был чертовски влюблен в тебя, — на лице его появилась печальная досадная улыбка. — Я даже мечтал на тебе жениться. Если бы моим соперником был кто-нибудь другой, не Рэндэл, я бы ни за что тебя не уступил.

Кэрол улыбнулась.

— Ты мне тоже понравился, Кевин, когда я узнала тебя поближе. И я очень переживала из-за того, что так тебе навредила.

— Совсем не навредила, если учесть, какую должность я теперь занимаю. В компании Куртни мне бы вряд ли удалось дойти до такого уровня... ну, по крайней мере, не так быстро. Ну, а как твоя семейная жизнь? Ты счастлива?

— Да... я была счастлива.

— Я тут недавно такую бредовую статью про тебя прочитал... Как Рэндэл такое терпит? Эта пресса вообще обнаглела, такое сочиняет, чтобы на людей побольше грязи вылить, что уже и неправдоподобно как-то выглядят эти сплетни. Уж не потому ли ты прячешься под темными очками, а? Понимаю, это так гадко, когда пресса такое делает, но ты не обращай внимания. Все понимают, что это липовая сенсация. Если тебя мало кто знает, то уж Джекто личность известная, и, я думаю, ни один человек не поверит в то, что он мог взять себе в жены такую женщину, какой тебя там попытались представить. Так что забудь.

— Да... спасибо, Кевин, — Кэрол натянуто улыбнулась. — А ты женат?

— Нет, как-то времени на это не было. Карьера. Но уже начинаю снова об этом подумывать. Вот как только найду такую, как ты, сразу и женюсь, — пошутил он и засмеялся. — Кстати, извини за бестактный вопрос... А чего это ты во все черное вырядилась? Мрачная такая, аж не по себе как-то. Как на похоронах.

— Почти. Я еду на похороны.

— Да ты что... И кого это угораздило на тот свет?

— Это одна из моих знакомых.

— Прими мои соболезнования. А как Куртни поживает?

Лицо Кэрол мгновенно окаменело, а уголки губ плаксиво поползли вниз.

— Кевин, с Куртни произошло несчастье. Позавчера она разбилась на машине. Сейчас она в коме, но врачи говорят, что она никогда уже не сможет подняться с постели.

Кевин выронил из рук чемодан, потрясенный этой новостью, и поспешно наклонился, чтобы его поднять. Кэрол заметила по выражению его лица, что он очень огорчен, и, казалось, не мог до конца поверить в то, что произошло с Куртни.

— Боже мой... какой кошмар, — пробормотал он растерянно. — Такая изумительная женщина... Я всегда преклонялся перед ней, я уважал ее так, как ни одного мужчину, восхищался... Да не один я... все в компании...

Он поднял взгляд на Кэрол, которая вдруг стала молчаливой. По тому, как кривились и дрожали ее губы, он понял, что она изо всех сил старается не расплакаться. Неловко

помявшись на месте, он поставил чемодан на пол и вдруг робко ее обнял.

— Держись, Кэрол. Я знаю, что ты ее боготворила.

Отстранившись, он заглянул ей в лицо, пытаясь разглядеть глаза сквозь темные стекла, и продолжая держать ее за плечи.

— А как же компания? На твои плечи?

— Я не знаю. Пока не до этого.

— Да, я понимаю, — он достал из кармана визитку и протянул ей. — Вот, возьми. Если у тебя будут затруднения, позвони. Я помогу тебе. Я, конечно, понимаю, что пока Рэндэл с тобой, у тебя вряд ли появятся какие-нибудь трудности, он шарит в бизнесе не хуже Куртни, и помогал ей не только в пределах своих официальных полномочий адвоката. Но все же... на всякий случай, путь у тебя будут мои координаты.

— Спасибо, Кевин. Вполне возможно, что мне действительно потребуется помощь такого опытного и умного человека, как ты, — Кэрол заглянула в визитку.

— Я всегда готов помочь и тебе, и Куртни. Только... твоему мужу это может не понравиться. Не турнет он меня куда подальше, опять разрушив мою жизнь?

Кэрол опустила голову и повертела визитку в руках. Интересно, зачем он предлагает свою помощь, если боится вызвать неудовольствие Джека?

— Пожалуй, лучше не рисковать, — она пожала плечами и вернула ему визитку. — Но все равно спасибо.

Он почему-то покраснел и сунул пластиковую карточку обратно ей в руки.

— Нет, ты возьми. Звони, если понадобится... не смотря ни на что. Не подумай, что я его боюсь...

— Я и не думала, — Кэрол положила визитку в сумочку, и окинула взволнованным взглядом вокруг, опасаясь, не пропустила ли Тима. В любом случае, он тогда должен ждать ее на улице. Но она вдруг увидела его, стоявшего на почтительном расстоянии и смотрящего в их сторону. Видимо, он узнал ее, не смотря на темные очки, и теперь терпеливо ждал в сторонке, не желая вмешиваться в их разговор. У его ног сидел Спайк, в наморднике и на поводке. Кэрол улыбнулась и махнула ему рукой.

Кевин обернулся и посмотрел на него.

Тим неторопливой упругой походкой направился к ним, низко опустив вперед голову в попытке спрятать лицо. Пес лениво шагал рядом, преисполненный достоинства и какой-то человеческой важности. Небрежно держа в руке поводок, Тим смотрел себе под ноги. У Кэрол что-то шевельнулось в груди. Вот глупый. Такой красивый видный парень, а ведет себя, как изуродованный прокаженный на последней стадии болезни. Еще бы маску нацепил. Увидев его при дневном свете, Кэрол невольно стала его разглядывать. Тогда, темным вечером, в свете фонарей, он казался ей каким-то нереальным.

Но он был именно таким, каким она видела его во сне, ну, разве что тогда он был совсем молоденьким парнем. А в реальности она увидела уже возмужалого мужчину. На нем были черные рубашка и брюки, и темный цвет невероятно шел к его бронзовой коже, сияющим пепельным волосам и необычайно ярким синим глазам. Кэрол вдруг поймала себя на том, что любит его фигурой, и поспешно отвела глаза, вспомнив про Кевина.

А тот снова подобрал с пола свой чемодан и подарил ей не совсем искреннюю, как ей показалось, улыбку.

— Ну, мне пора. Приятно было тебя увидеть, Кэрол. Кстати, забыл сказать — ты потрясающе выглядишь. Как всегда.

— Спасибо. Кевин, может тебя подвезти? Я на машине, — Кэрол бросила взгляд на часы. — И время у нас еще есть... Привет, — она улыбнулась остановившемуся рядом Тиму. — Привет, — напряженно поздоровался он, бегло взглянув на нее, и вдруг покраснел. Кевин, не успевший ретироваться, протянул ему руку и представился. Тим ответил ему крепким рукопожатием и тоже назвал свое имя. — Вы тоже на похороны? — ненавязчиво поинтересовался Кевин у него, смотря на него с плохо скрываемым любопытством.

— Да. На похороны, — сухо зато ответил Тим, видимо не очень довольный тем, что на него так пристально смотрят. Боле того, похоже, пристальные взгляды его не только раздражали, но и злили.

— Ну, так что, Кевин, тебя подвезти? — повторила вопрос Кэрол.

— Нет, спасибо. Я на такси. Только я хотел... я бы хотел навестить Куртни, если это возможно.

— Пока к ней никого, кроме меня и Рэя, не пускают. Да и она пока без сознания. Давай, я позвоню тебе, когда она придет в себя, и тогда ты сможешь ее увидеть, хорошо?

— Да, обязательно позвони мне... в любом случае. Я буду ждать. Ну, пока! Передавай от меня привет Рэндэлу! До встречи, — он снова пожал руку Тиму, приветливо улыбнувшись, и поспешил к выходу.

Кэрол посмотрела на Тима и ласково ему улыбнулась. С удивлением она увидела, как его щеки снова покрываются нежным розовым румянцем, хоть он и не видел ее взгляда под очками. Но она не собиралась избегать на него смотреть, даже если ему это было не по душе. Он должен понять, что в его внешности нет ничего такого, из-за чего на него неловко было бы смотреть. Слишком большое значение он придает этому своему недостатку и через чур ранимо к нему относится. Кэрол не могла припомнить, чтобы в детстве он умел краснеть, а теперь румянится, как девица, по поводу и без. И в такие моменты он совсем не походил на солдата, не один год побывавшего на войне и получившего два боевых ранения, а выглядел, как растерянный, без меры застенчивый мальчик. И лицо его с этим румянцем становилось каким-то по-детски нежным и совсем юным. Да, он очень изменился. Мальчиком он был бойким и живым, а теперь стал каким-то тихим и замкнутым. Однако, когда на него смотрел Кевин, он не краснел. Может, он перед девушками так робеет и стесняется?

— Ну что, пойдём? — с улыбкой сказала она ему.

Он улыбнулся в ответ одним уголком хорошо сложенного рта и пошел за ней. Но Кэрол поравнялась с ним, чтобы он шел рядом, а не отставал. Ей категорично не нравилось его поведение. Он ощущала себя тигром каким-то, от которого он в любой момент готовился удрать. Это даже смешно.

На своей десятисантиметровой шпильке она была ему по плечо. А если разуться, то окажется еще ниже. Рядом с ним она ощущала себя чуть ли не лилипуткой. Ее глаза то и дело удивленно тянулись к нему. М-да, было время, когда он сам не доставал до ее подбородка своей светловолосой трогательной макушечкой, которая все время искушала ее на поцелуи. Ну и вымахал же ее маленький Тимми!

Когда они подошли в ее машине, он вдруг решился подать голос.

— Ничего, если я с псом? Я так привык, что он всегда рядом, что без него мне не по себе. Да и он не любит оставаться один в квартире Даяны...

— А чем он может помешать? Садитесь.

Наклонившись, Тим снял с собаки намордник и отстегнул поводок. Заметив, что Кэрол

разглядывает пса, он поспешил сказать:

— Не бойся, он спокойный пес. А намордник и поводок я одеваю только по необходимости, когда приходится соблюдать правила, а на самом деле это совершенно лишнее. Но ведь людям этого не докажешь.

— А можно мне его погладить?

— Можно, — он снова улыбнулся своей странной, но красивой полуулыбкой, на этот раз легкой и веселой.

Присев перед собакой, Кэрол заглянула ей в глаза и ласково почесала за ушами.

— Спайк... ты вернулся к нам, наш герой, — тихо шепнула она, чувствуя, что в ней вдруг ожила давно забытая любовь к погибшему четвероногому другу, которая теперь обратилась к этому молодому красивому псу, так похожему на Спайка. Как две капли воды.

Подняв голову, Кэрол взглянула на Тима.

— Он так похож на Спайка... на Спайка Эмми.

— Да. Мы с Даяной ездили на могилу к ней... — грустно добавил он. — Заходили к ее родителям. Я видел их сына. Ей-богу... когда он вышел, я подумал, что это Эмми мне привиделась.

— Он мой крестник, — Кэрол выпрямилась и задумчиво посмотрела куда-то перед собой невидящим взглядом. — Ты знаешь... иногда я думаю о том, что это на самом деле Эмми... что она просто переродилась... в мальчика, как всегда мечтала. Помнишь, она все время говорила, что Бог допустил ошибку, дав ей тело девочки? — она повернулась к нему и сказала как можно шутливее. — Может, так и было, и Бог действительно решил исправить эту ошибку и дал ей другое тело, тело мальчика?

Но он понял, что она только хочет, чтобы это прозвучало, как шутка, дабы он не посчитал ее ненормальной, но на самом деле ей очень хотелось в это верить. И он серьезно кивнул.

— Ты не согласишься, но я подумал то же самое, когда увидел этого мальчика. Он не просто внешне на нее похож. У него те же самые повадки, тот же нрав... даже взгляд. Мне... мне было очень не по себе. Когда он на меня смотрел, мне казалось, что на меня смотрит Эмми. Я очень хорошо ее помню. И он встретил меня так непринужденно, будто старого друга. Даяна забавлялась надо мной, над тем, как я ошарашен. Но он... он даже кепку носит, как она... козырьком назад... и смеется... и голос...

— Да, Тимми, — кивнула Кэрол, не заметив, что назвала его, как в детстве. — Потому у меня и появляются такие сумасшедшие мысли. Я понимаю, что это бред, но... но когда я начинаю так думать, мне становится легче. Потому что я так и не смирилась с ее смертью. Я не верила в то, что Эмми, такой живой, энергичной, может вот так взять и не стать в один момент. И мне легче, когда я думаю, что вот она, снова передо мной, в теле этого мальчика, такая же веселая и живая, а не сгинула навеки под землей... А теперь, когда ты стоишь передо мной, я стала верить в чудеса. Если жив ты, то почему не может быть жива и она?

— Да... в принципе... — он неуверенно пожал плечами. — Разница лишь в том, что я и не умирал.

— Для нас ты умер. И если честно, мне до сих пор кажется, что я просто сплю, когда вижу тебя, — она сняла очки, наплевав на свой синяк, решив, что не хорошо прятаться от него под ними, и посмотрела прямо в глаза заблестевшими от слез глазами. — Все эти годы я думала о тебе... горевала, и мучилась чувством собственной вины за то, что с тобой произошло.

Он удивленно приподнял брови.

— С чего ты взяла, что в этом есть твоя вина?

— Но ведь из-за меня... из-за меня ты набросился на сестер Блейз, потому что я, как дура, расплакалась...

— Если бы мне пришлось вернуться в тот вечер, я бы поступил также, — холодно сказал он. — И я никогда, ни на один миг, не пожалел о том, что хотел за тебя заступиться. Нельзя пожалеть о том, что ты не был трусом. А я не был, никогда, ни тогда, ни теперь.

— Ах, Тимми... если бы ты только знал, как рада я, что ты жив, — она шагнула к нему и обняла, обхватив руками его крепкий стан, и прижалась на мгновение щекой к его груди. — Что у меня появилась возможность сказать тебе спасибо. Спасибо, Тимми. И прости меня, что навлекла на тебя такую беду... такой ужас...

— Ну, что ты, Кэрол... не надо... — пролепетал он смущенно, робко положив ладони ей на плечи. — Господи, я даже не думал, что ты можешь так переживать из-за этого... помнись. Столько лет ведь прошло.

— Да сколько бы ни прошло... Ты, Эмми... и Даяна — вы были моими единственными друзьями. Других у меня никогда больше и не было. Да я и не хотела. Вот, посмотри, — она отстранилась от него и открыла сумочку. — Еще до того, как произошло это несчастье в парке, я приготовила для тебя подарок, на Рождество. Я хранила его... и ты не представляешь себе, как я счастлива, что теперь могу тебе его отдать.

Она вложила в его ладонь перочинный нож, который, не смотря на долгие годы, сохранил свой первоначальный вид, благодаря ее старательным ухаживаниям. Тим в замешательстве уставился на подарок.

— Спасибо, — удивленно пробормотал он.

— Ну, а теперь садитесь в машину, а то опоздаем.

Он открыл заднюю дверь, и Спайк послушно запрыгнул на сиденье, а сам сел впереди. Почти всю дорогу они молчали. Кэрол изредка поглядывала на Тима. У него был красивый профиль. И сейчас, когда он сидел к ней так, что она не могла видеть шрамов, он казался необычайно привлекательным.

Сердце ее взволновано билось, и она не знала, почему. От того, что видела его, своего воскресшего, горячо любимого когда-то ангелочка, или потому, что рядом с ней был такой красивый сильный мужчина, волновавший ее своим присутствием? Она думала о том, каким он стал, вспоминая с мысленной улыбкой о том, что когда он был маленьким мальчиком, она пыталась представить, каким он станет, когда вырастет. Она была уверена, что из него получится потрясающий мужчина. И она оказалась права.

А еще она помнила слова слепой Габриэлы. Мужчина, благословленный и оберегаемый самой судьбой, в ореоле света, который ей не дано было видеть... Высокий, молодой, светловолосый, хорошо сложенный, с ярко-синими глазами и «изумительно хорош собой», как выразилась старуха. Человек, который может быть и должен быть с ней рядом. Которому она не сможет причинить зла, как другим. Он поможет ей, развеет тьму вокруг нее, защитит. Она давно знает его. Мать его уже мертва.

Кэрол сразу подумала о нем, о Тиме. Может, потому он был так похож в детстве на ангела, что был благословлен свыше? Его считали погибшим, но он вдруг воскрес. Жизнь была с ним сурова, но его ничего не брало. Он выжил после нападения собаки, не был сломлен трудностями безпризорной бродяжнической юности, прошел через годы войны, очухался после двух ранений... Разве нельзя было сказать, что его оберегает какая-то

неведомая сила, как говорила Габриэла о благословенном?

— Тим, — неожиданно прервала молчание Кэрол, бросив на него быстрый взгляд. — А когда ты был ранен в первый раз?

— Давно. Шесть лет назад. Мне тогда всего восемнадцать было.

— Это было весной?

— Да.

— Апрель?

Он покосился на нее.

— Откуда ты знаешь? Даяна рассказывала?

— Нет... она сказала лишь, что ты был дважды ранен. А как это произошло... тогда?

— Да обыкновенно... очередь выпустили в спину, и все, — он как-то зло усмехнулся. — В плен я попал. Вот и расстреляли.

— Господи... ужас какой, — вырвалось у Кэрол.

— Ну почему же? Совсем не ужас. После пыток я радовался, что меня к стенке поставили.

Кэрол на мгновение задержала на нем широко раскрытые глаза и судорожно сглотнула, невольно содрогнувшись.

— А как же ты выжил?

— Не знаю... выжил как-то. Повезло, наверное. Нашли в пустыне среди трупов и в госпиталь отвезли.

Он говорил об этом спокойно и невозмутимо, как о чем-то естественном и обычном, лишь едва заметная нотка горечи звучала в его голосе. Но Кэрол пробирала дрожь до костей, когда она пыталась представить то, через что ему пришлось пройти.

— Когда я был в беспамятстве, мне снился сон... я его так хорошо запомнил, — задумчиво продолжил он.

— Тебе снилась я и Эмми?

Он изумленно повернулся к ней.

— Да... а ты откуда знаешь?

— В то время я тоже была между жизнью и смертью, — медленно проговорила Кэрол, чувствуя, что уже ничему не удивляется. — И я видела во сне тебя. Ты приходил к нам с Эмми, и мы с ней удивлялись, что ты так вырос... Ты нам говорил, что ты солдат. И одет был в военную форму. Ты звал меня с собой, а я испугалась и не пошла. Не захотела оставлять Эмми. Просила тебя остаться с нами, но ты сказал, что не можешь этого сделать, и ушел.

По тому, как побелело его лицо и шокировано застыл взгляд, Кэрол поняла, что ему снилось то же самое, и улыбнулась.

— Стало быть, души наши встречались, пока тела, покинутые, валялись на больничных койках, — с иронией сказала она.

Он не нашелся, что ответить, и растерянно посмотрел на дорогу впереди, задумчиво коснувшись сжатым кулаком губ.

— Как странно, — чуть слышно сказал он спустя некоторое время. — Знаешь, почему мне запомнился этот сон? Потому что когда я очнулся и вспомнил о нем, у меня появилась странная навязчивая мысль, что ты умерла. Там, во сне, мне почему-то думалось, что Эмми умерла, и ты не должна оставаться с ней, и я хотел тебя увести. Но ведь тогда я не знал еще, что Эмми на самом деле нет в живых. Странно... правда?

Кэрол неопределенно пожала плечами. Ей казалось, что тому, кого расстреляли в плену

и кто после этого расхаживает по земле, как ни в чем не бывало, вообще затруднительно было бы еще чему-то удивляться.

— А второе ранение... если, тебе, конечно, не неприятно мое любопытство, — не удержалась она.

— Осколочное... в голову, — он вдруг улыбнулся и, раздвинув ворот рубашки, снял с шеи стальную цепочку. — Вот, погляди, хирурги на счастье отдали.

Оторвавшись от дороги, Кэрол бросила быстрый взгляд на его большую крепкую ладонь, в которой лежал его страшный талисман — четыре пули и между ними осколок размером чуть больше ногтя.

— Ну, и живучий же ты, Тимми! — ласково улыбнулась она. — Ничего тебя не берет. Так ведь?

— Ну... пока вроде так, — он тихо засмеялся и повесил цепочку на шею.

Кэрол снова улыбнулась, смотря на дорогу. Вроде бы немного расслабился, даже засмеялся. Хорошо. Очень хорошо.

Свернув с главной дороги, она остановилась возле кладбища.

— Все, приехали.

Тим вышел из машины и выпустил Спайка.

— Жди здесь, там тебе делать нечего, — бросил он псу и пошел за Кэрол. Обернувшись, она увидела, что собака легла на живот у машины и опустила голову на вытянутые передние лапы.

— Какой он у тебя умница, — заметила она Тиму.

— Не то слово. Поумнее некоторых из рода человеческого будет, — насмешливо отозвался он. — Кстати, это его мать отыскала меня среди трупов, иначе никто бы и внимания не обратил на то, что я был жив. Когда я вышел из госпиталя, я хотел выкупить ее у хозяина, но она к тому времени умерла, а мне отдали ее щенка. Спайка.

А Даяна и Джек говорили, что слова из него не вытянешь, подумала Кэрол. Она бы так не сказала. Или это она смогла так расположить его к себе? Слава Богу, и краснеть вроде бы перестал, и лицо не прячет.

У красивого, усыпанного цветами гроба над глубокой могильной ямой, рыдала мать Эмили. Кэрол подошла к ней, а Тим остановился несколько в стороне. Безутешная женщина упала в ее объятия.

— Моя девочка! — громко стонала она. — Мне сказали, что моя девочка сама бросилась под колеса! Почему? Ну, почему? Наверное, из-за меня... потому что я была ей плохой матерью... я превратила ее в калеку...

— Нет, она вас любила, — постаралась утешить ее Кэрол. — Это был несчастный случай. Она просто не заметила машину. Я видела.

— Я вам верю, верю... Моя девочка никогда бы не решилась броситься под машину, она так панически боялась боли, даже пустячной... ей бы духу не хватило...

Женщина отвернулась и снова склонилась над гробом, сжавшись от горя. Кэрол, заметив отчима Эмили, который нагло тарачил на нее глаза, холодно поприветствовала его кивком головы, и подошла к Тиму.

— Пойдем ближе. Не красиво стоять в стороне, — шепнула она ему.

Он не стал возражать.

— А что... это правда? Что она сама бросилась под колеса? — прошептал он, слегка наклоняясь к ней.

Кэрол не смогла себя заставить ответить, и даже не взглянула на него, смотря на гроб. Не хорошо лгать у гроба этой девочки. Но она должна была утешить мать, у которой груз собственной вины перед дочерью и так был тяжел. Не могла она допустить, что бы женщина еще и ответственность за ее смерть взвалила на свою совесть.

С неподвижным лицом Кэрол смотрела на гроб.

«Вот, Эмили, моя девочка, посмотри, кто к тебе пришел», — думала она и невольно бросила взгляд на Тима, который он настороженно поймал. Поспешно отведя глаза, она снова отвернулась.

Тим выпрямился и посмотрел прямо перед собой.

— Кэрол... почему ты так на меня посмотрела? — чуть слышно спросил он. — Так... будто я виноват в ее смерти.

Кэрол испугалась.

— Нет, что ты... при чем здесь ты? Тебе показалось.

— Не показалось. Я был там, где была война... и я хорошо знаю этот взгляд. Я видел его сотни раз... и у врагов, и у друзей, и у мирных жителей. На войне такие взгляды не редкость. Зачем ты меня сюда привела? Что все это значит? Если ты мне сейчас все не объяснишь, а, тем более, попытаешься обманывать, я уйду. И никогда больше к тебе не подойду.

— Я же объяснила тебе, что ты очень понравился тогда этой девочке. Она мне призналась, что влюбилась с первого взгляда... по уши... И я с легкостью в это поверила.

Он покачал головой с каким-то ожесточенным выражением лица.

— А я нет. И я не понимаю, зачем ты мне это говоришь. Ты издеваешься надо мной?

— Ну, почему же издеваюсь, Тим? Неужели так трудно поверить в то, что ты понравился девушке? — с отчаянием прошептала Кэрол.

Он вдруг резко развернулся и пошел назад к выходу. Кэрол бросилась за ним и схватила за руку.

— Пожалуйста, подожди... — она подняла на него умоляющий взгляд.

Нет, так нельзя. Нельзя, что бы он воспринимал слова о любви, как насмешку, издевательство над собой. Этот парень, похоже, совсем не верит в то, что может нравиться женщинам. Не может быть, чтобы не нравился. Он просто не хочет этого видеть, боится, заиклившись на своих шрамах. И, наверное, когда женщины проявляют к нему интерес, когда кокетничают или заигрывают с ним, он вот так же воспринимает все, думая, что над ним забавляются. Он обладал великолепным соблазнительным телом, был высок и статен, а его красивое лицо было настолько приятным, что даже шрамы на нем не выглядели отталкивающе... и они не могли настолько сильно препятствовать тому, чтобы его желали женщины. Неужели он сам это не понимает? Или он настолько одичал от бродяжнической и военной жизни?

— Скажи, зачем еще, по-твоему, я могла тебя сюда позвать? — тепло спросила она, ловя его взгляд. — Я просто знаю, что все, о чем она мечтала в последние минуты своей жизни — это еще раз встретиться с тобой. Ты помнишь, как она тебя окликнула, когда ты вышел из больницы с Даяной?

— Помню. Я... я дал ей десять долларов, — он сосредоточил взгляд на глазах Кэрол. — Так она не этого хотела... от меня?

Кэрол многозначительно промолчала.

— Я обидел ее. Но мне даже в голову не пришло... разве мог я подумать... — он растеряно замолчал и, отвернувшись, посмотрел на гроб. — Она из-за этого бросилась под

машину?

— Нет, это был несчастный случай, — твердо возразила Кэрол.

Он ничего больше не сказал, и они медленно вернулись к могиле.

Когда гроб опустили, и женщина, мужчина и Кэрол по очереди бросили на крышку по три горсти земли, он тоже подошел. Мать и отчим Эмили с удивлением посмотрели на него. Остановившись на краю ямы, Тим бросил странный взгляд вниз, как будто хотел сквозь крышку гроба разглядеть покойницу. Потом, заметив, что за ним наблюдают, наклонился и, зачерпнув ладонью земли, бросил в могилу. Подобрав упавший на землю цветок, он выпрямился и, поцеловав лепестки, бросил цветок на гроб. Кэрол увидела, как шевельнулись его губы, но не расслышала, что он прошептал.

Он подошел к ней и смущенно потупил голову, встретившись с ее взглядом. Напротив остановились мать и отчим Эмили. Пока женщина сердечно благодарила и Кэрол, и его за хлопоты о похоронах, Тим растеряно мялся на месте, а мужчина откровенно разглядывал грудь девушки под прозрачным шарфиком. И только сверкнувший недобрым огнем взгляд ее спутника, который он поймал на себе, заставил его оторвать глаза от девушки и попятиться назад.

Желая им всех благ и прощаясь, женщина остановила на молодом человеке обиженный, полный укоризны взгляд.

— Я прожила на этом свете уже много лет, но никогда не встречала такого прекрасного и великодушного человека, как ваша жена, — с упреком сказала она. — И к тому же, она еще и такая красавица.

Кэрол потеряла дар речи, поняв, что женщина приняла его за ее супруга и подумала, что это он поставил ей синяк на лице, и не смогла скрыть своей обиды за нее. Чувствуя, что краснеет, Кэрол бросила виноватый взгляд на Тима, и увидела, что его застывшее лицо пылает огнем. Но он ничего не сказал.

Когда они уже подходили к машине, Кэрол извинилась перед ним за этот конфуз. Он промолчал, уткнувшись взглядом себе под ноги, и только когда они остановились у машины, тихо спросил, посмотрев на нее:

— Он бьет тебя? Хочешь, я с ним поговорю?

Кэрол благодарно улыбнулась ему, спрятав наполнившиеся болью глаза, и покачала головой.

— Спасибо, Тим. Но все это уже не имеет значения. Я ушла от него. И не вернусь. Так что теперь тебе нет необходимости увозить сестру подальше от меня — ей не за чем больше покушаться на меня. Передай ей, что я ей больше не соперница. Пусть забирает себе это сокровище, если так хочется.

Тим злобно усмехнулся.

— Нет уж, я его к сестре на пушечный выстрел не подпущу.

Сложив руки на груди, Кэрол слегка прищуренными от солнца глазами посмотрела вдаль, на чистое голубое небо над тихим кладбищем.

— Джек очень опасный человек, Тим, — серьезно проговорила она. — Я бы очень не хотела, чтобы ты опять с ним столкнулся. Он не забудет, что ты с ним сделал. Он всегда мстит, и очень жестоко. Я никогда себе не прощу, если он что-нибудь с тобой сделает. Он мне пообещал, что забудет о тебе, но я не верю ему. Может, вам с Даяной действительно лучше уехать?

— Лучше, но не затем, чтобы спастись бегством от твоего мужа, — голос его стал

жестким и решительным, взгляд вдруг наполнился холодом, а уголки губ слегка опустились, придав его лицу презрительно — пренебрежительное выражение. — Я хочу увезти ее от него подальше, чтобы помочь ей его забыть. Она похожа на ненормальную, одержимую, готова на любые глупости и безумства. Мне ее так жалко... она страдает... и злится на меня, думает, что я ее не понимаю, что гублю ее тем, что стал между ней и ним... Она даже мне сказала, что было бы лучше, если бы я и оставался мертвым и не лез в ее жизнь...

Кэрол вздрогнула.

— Тим, она просто сейчас не в себе, ты не должен воспринимать всерьез то, что она говорит.

— Я понимаю. Знаю, что она злится на меня. Но когда-нибудь она поймет, что я хотел ей только добра... что помог, а не помешал... Она так изменилась, Кэрол. Она не была такой раньше. Но я решил, что пусть лучше она меня ненавидит, чем сломается об этого... человека. Она ничего не видит, не слышит, не хочет понимать... что не нужна ему, что он ни во что ее не ставит... что ничего хорошего ей не принесет... Никогда не думал, что любовь может так ослеплять человека и превращать его в безумца. Она похожа на больную. Но я появился как раз вовремя. Я спасу мою сестренку... даже если она меня за это возненавидит.

— А может, не стоит вмешиваться, в самом деле, а Тим? Джек теперь свободен, может, у них что и получится...

— Нет, — жестко отрезал он. — Я не допущу, чтобы моя сестра была чьей-то игрушкой. Ведь она такая прекрасная женщина... такая красавица... Она встретит мужчину, который будет ее по-настоящему любить. И еще скажет мне спасибо. А если не скажет — и не надо. Для меня главное, чтобы она была счастлива. Кроме нее, у меня никого нет.

— Но... если она так его любит... как бы хуже чего не вышло...

— Хуже быть уже не может, — он вздохнул. — Я так обрадовался, когда она мне сказала, что вы с ней все еще дружите. А потом начался весь это кошмар... Ведь пока я не наткнулся на твоего мужа в ее квартире, я ничего не знал. Если честно, еще никогда в жизни я не был шокирован так, как тогда. Никогда бы я не поверил, что Даяна... с твоим мужем... — он покраснел и осекся, сообразив, что причиняет боль Кэрол своими словами. — Извини меня, Кэрол. Мне очень жаль, что так произошло... что она так поступила...

— Не надо извиняться, Тим, ни за себя, ни за нее. Ты здесь ни при чем, а она... она не считает себя виноватой передо мной, скорее, наоборот. Все это теперь в прошлом. Все... Жаль, что и наша с ней дружба — тоже.

Он подавлено помолчал, а потом с улыбкой спросил:

— А ты не помнишь, как мы с тобой столкнулись у выхода... в тот день? Я чуть тебя с ног не сшиб, хорошо, успел удержать.

— Нет, странно, но совсем этого не помню, — растеряно ответила Кэрол, виновато взглянув на него.

— Да, нет, не странно. Ты ведь даже не взглянула на меня.

— Извини...

— Я понимаю. А я тебя сразу узнал.

— Правда? — удивилась Кэрол.

— Да.

— Я совсем не изменилась?

— Изменилась. Очень изменилась. И, возможно, если бы ты прошла мимо на улице, а

не вышла из дома, где живет Даяна, я бы и не подумал, что это ты, — он отвел глаза и снова стал заливаться своим девичьим румянцем.

Кэрол нежно улыбнулась.

— Помнится, ты совсем не хотел со мной встречаться. Я так расстроилась. Почему, Тимми?

Он резко вскинул голову и посмотрел в сторону. Лицо его ожесточилось и еще сильнее залилось краской.

— А я и жалею, что не смог избежать нашей встречи. Просто... когда Даяна рассказала, как ты обиделась и огорчилась, я не захотел тебя обидеть и пройти мимо, тогда, когда ты стояла у дверей больницы. К тому же мне надо было узнать, в какой палате Джек...

— Ах, вот в чем дело, — Кэрол старательно пыталась не показать вспыхнувшую в ней обиду. — Не хотел обижать. И сегодня приехал, чтобы не обидеть?

— Да.

— Ну, что ж, премного благодарна, — она улыбнулась. — Спасибо. Садись.

Она услужливо распахнула перед ним дверь машины. Он отступил назад.

— Нет, я погуляю по городу. Мне все равно нечем сегодня заняться. А вечером полечу в Лос-Анжелес.

— Ты хочешь гулять вокруг кладбища? Давай, я подброшу тебя в центр.

Поколебавшись, он сел в машину. Кэрол запустила Спайка на заднее сиденье, и села за руль.

— А можно мне спросить, почему? — после продолжительного молчания тихо спросила она. — Ты за что-то сердись на меня?

Он не сразу ответил.

— Я не хотел, чтобы ты увидела, каким я стал.

— Я всегда знала, что ты станешь потрясающим мужчиной. Настоящим мужчиной, — с улыбкой сказала она, и заметила, как он удивленно покосился на нее. Она поняла, что он имел в виду, и готова была на что угодно, только бы выбить у него из головы мысли о шрамах! Он придает им слишком большое значение.

— А еще я не хотел ставить тебя в неловкую ситуацию из-за данного когда-то мне слова, — с иронией сказал он и усмехнулся. — Быть моею. Забыла?

Кэрол почувствовала, что на этот раз краснеет она. Это его заявление совсем не сочеталось с образом того застенчивого, без конца краснеющего, как девица, юноши, который сложился у нее за это время. Похоже, она поспешила складывать о нем свое мнение.

— Нет, я помню. Неужели и ты помнишь? — непринужденно отозвалась она.

— Я вспомнил... когда увидел тебя, — он натянуто засмеялся. — Никогда еще я не чувствовал себя настолько обиженным жизнью, как в тот момент!

— Я же не знала, что ты жив, — тихо сказала Кэрол.

Он изумленно вскинул брови и лукаво улыбнулся уголком рта.

— Да ты никак оправдываешься? Кэрол, я же пошутил. Я не думал, что ты воспримешь всерьез, извини.

— Но ведь я действительно обещала, — также тихо сказала она.

— Мы были детьми, а дети любят давать друг другу всякие бессмысленные глупые клятвы. Но, если ты придаешь этому такое значение, то я освобождаю тебя от обещания. Если честно, я даже не думал, что мы с тобой когда-нибудь встретимся.

— Да уж, судя по тому, как ты этому сопротивлялся, вообще удивительно, что это все же произошло! — хмыкнула Кэрол.

— Останови вон там, за перекрестком. Пожалуй, мы выйдем здесь. Погуляем, посмотрим город.

— Не заблудитесь?

— Думаю, дорогу на аэропорт мне всегда подскажут.

— Я бы с удовольствием составила тебе компанию и показала город, но мне нужно в больницу, — Кэрол притормозила у обочины и повернулась к нему. Он улыбнулся ей и вышел из машины. Выпустив на тротуар Спайка, он захватил поводок и намордник, но надевать на собаку не стал. Наклонившись, он заглянул в открытое окно машины и снова улыбнулся Кэрол своей односторонней улыбкой, не размыкая губ, которой она никогда не замечала у него в детстве.

— Я рад, что мы все-таки встретились. И жалею, что вел себя, как придурок. Когда Куртни поправится, ты можешь показать мне достопримечательности этого красивого города, если захочешь. Если к тому времени мы с Даяной не уедем.

— Хорошо.

— Да, чуть не забыл. Когда я решил тебе вчера перезвонить, ну, когда передумал, Даяна сначала дала мне номер... другой номер. Она не знала, что ты ушла от мужа. А женщина, которая взяла трубку, так насторожилась, сразу выпрашивать начала, кто я такой... мне кажется, я поставил тебя в неловкую ситуацию, она, мне кажется, невесть что подумала.

— Ничего, Тим. Это всего лишь домработница, которая страдает чрезмерным любопытством. К тому же, мне могут звонить по работе. Если бы ты был моим любовником, ты наверняка бы знал, куда мне звонить.

Он вспыхнул и покраснел.

— Да, наверное. Ну, пока. Надеюсь, Куртни побыстрее поправится.

— Спасибо. Спасибо за то, что согласился приехать на похороны.

— Если ты сказала правду, то это была единственная девушка, которая меня полюбила.

Прежде чем Кэрол успела бы ему ответить, он выпрямился и пошел по улице, засунув руки в карманы брюк. Спайк бодро заковылял рядом, держа в зубах намордник и поводок.

Кэрол сидела и смотрела на них, почему-то не желая развернуть машину и уехать. Он так выделялся среди людей, которые почтительно уступали ему дорогу, наверное, из-за его внушительной фигуры и собаки, вольно идущей рядом. Кэрол не могла оторвать глаз от его высокой стройной фигуры в черном. Словно почувствовав ее взгляд, он обернулся. Кэрол покраснела, поймав себя на том, что разглядывает его крепкие, упругие на вид ягодицы...

Проезжая мимо, она махнула ему рукой. Он с улыбкой кивнул в ответ. «Подумаешь, — улыбнулась она, пытаясь себя оправдать. — На такую задницу грех не посмотреть...».

На пятые сутки Куртни пришла в себя.

Это произошло под утро, когда рядом с ней находился Рэй.

Открыв глаза, она повернула голову и увидела, что он сидит у ее постели, устало уронив голову на руки, и, судя по ровному дыханию, спит. Золотистые волосы его касались ее руки, но она этого не чувствовала.

Как будто почувствовав ее взгляд, он вздрогнул и поднял голову.

Дыхание у него перехватило.

— Куртни! Слава Богу! — воскликнул он радостно и, схватив ее за руку, горячо поцеловал.

— Рэй... где мы?

— Мы в больнице, моя хорошая, — ласково отозвался он.

— Что произошло? Что со мной? Почему я ничего не чувствую? Я не могу пошевелиться, Рэй... — в голосе ее отразился ужас.

Он опустил глаза, чтобы она не увидела, как они наполняются слезами.

— Не волнуйся, любимая. Все будет хорошо. Мы справимся. И на этот раз справимся. Ты попала в аварию. Пять дней назад. Главное, что ты пришла в себя. Значит, теперь все будет хорошо, — он нежно улыбнулся и, положив ладонь ей на голову, погладил. Куртни внимательно посмотрела ему в глаза, которые он тут же снова отвел.

— Я хочу поговорить с врачом. Приведи мне врача, Рэй, — потребовала она.

— Сейчас ночь, милая. Твой лечащий врач будет только утром.

— Значит, приведи мне дежурного врача! Иди, Рэй. Делай, что говорю, — жестко и резко приказала она.

Он поднялся и вышел, тихо прикрыв за собой дверь. В любом случае, нужно сообщить, что она пришла в себя. Бесполезно оттягивать момент, когда она узнает всю горькую правду, все равно это произойдет. К тому же, она наверняка уже сама обо всем догадалась.

Когда он привел врача, Куртни попросила его подождать за дверью.

Присев на кушетке в коридоре, Рэй в отчаянии опустил голову на руки, зарывшись пальцами в свою роскошную шевелюру. Сейчас там, за этой дверью, Куртни выслушивает свой приговор. Он ощущал себя никчемным и беспомощным. Он ничего не мог для нее сделать. Не мог что-то изменить, не мог утешить. Как можно утешить человека, навсегда утратившего возможность управлять своим телом, чувствовать его, обреченного провести остаток жизни в постели? Все, что он мог — это помочь ей жить так, как она теперь вынуждена. Поддерживать, заботиться, развлекать. Он будет ее забавлять и веселить, сделает все, чтобы облегчить ей эту страшную участь, чтобы не позволить ей отчаяться и потерять интерес к жизни. Он будет сам ухаживать за ней. Он будет носить ее на руках, чтобы она не лежала все время в постели.

О Кэрол он старался не думать. Мысли о ней причиняли боль и отбивали в нем всякую охоту размышлять о своей дальнейшей жизни. Не было у него больше никакой жизни. Эта авария поставила на нем крест так же, как и на Куртни. Когда Кэрол ушла от Джека, он загорелся такой надеждой, что решил, во что бы то ни стало, воспользоваться

предоставленным ему шансом и добиться того, о чем уже давно мечтал. Но жизнь жестко поставила его на место, раз и навсегда, уже окончательно, привязав к женщине, которую он не мог теперь бросить. Видимо, ему никогда уже не изменить своей судьбы, которую он сам однажды выбрал, а теперь задумал от нее же и сбежать.

Когда доктор вышел от Куртни, Рэй тяжело поднялся, словно тяжелое бремя давило ему на плечи, и вернулся палату. Куртни смотрела на него спокойными черными глазами. Они по-прежнему не выдавали ни ее чувств, ни мыслей. Приглядевшись, Рэй заметил, что они лишь стали блестеть больше, чем обычно. Не от сдерживаемых ли слез, которые она не хотела себе позволить даже теперь?

Он ободряюще ей улыбнулся и присел рядом на стул. Взяв в ладони ее тонкую изящную кисть, он снова ее поцеловал.

— Пожалуйста... только не отчаивайся, — умоляюще прошептал он. — Мы будем бороться. Обратимся к лучшим специалистам в мире. Вот Даяна, она же ходит, а врачи утверждали, что не сможет. Так то она... девчонка какая-то... даже сравнить с тобой нельзя... потому что ты такая женщина... Сильнее тебя вряд ли кто-нибудь еще найдется. Ведь ты всегда все могла. Все. И с этим испытанием справишься. Мы вместе справимся.

Она ничего не ответила, только неотрывно смотрела на него, так пристально, так внимательно, как никогда еще не смотрела. Грустно и ласково.

— Да, я смогла добиться всего, к чему стремилась, кроме одного... самого важного, — тихо сказала она. — Твоей любви.

— Нет, Куртни, ты ошибаешься. Я был дураком, я не понимал... Прости меня. Прости, если сможешь... за то, что только теперь осознал, что ты для меня значишь. Я забрал заявление, милая, и давай просто забудем об этом, хорошо? Как будто я никогда его и не писал. Я никогда больше не причиню тебе боль. И я не оставлю тебя, клянусь. Я буду с тобой в любом случае, будешь ли ты ходить или нет. Все не так страшно, любимая моя. Я не дам тебе скучать и грустить. Мы будем счастливы, как никогда еще не были. Я сделаю тебя счастливой, как не мог сделать за все прожитые нами вместе годы. Ты будешь счастливее, чем была, я клянусь тебе в этом. И мы будем жить долго и счастливо, как выражаются в сказках. Ты веришь мне? Веришь?

Она улыбнулась и кивнула.

А он обрадовался, как ребенок. Глаза его оживленно засияли, губы растянулись в красивой белозубой улыбке.

— Я так переживал... как ты все это воспримешь. Но я верил в тебя. Верил, что ты никогда не опустишь рук. Ты молодец. Я не сомневался. Ведь ты моя Куртни, я знаю тебя, моя любимая «железная леди», которая просто не умеет быть слабой. Я всегда тобой восхищался. И немного завидовал тому, что все-то тебе по плечу.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб. Потом, замерев на мгновение, опустил ниже, к ее губам. Куртни закрыла глаза, наслаждаясь его поцелуем. Как давно он ее так не целовал, она уже и не могла вспомнить, когда это было в последний раз. Ей казалось, что это было в далекую молодость, когда они только встречались. Он был таким горячим, таким страстным. А потом это вдруг куда-то все исчезло. Нет, он не перестал быть таким, юношеская пылкость и ненасытность оставались в нем и по сей день, только к ней он их больше не проявлял. Она вообще сомневалась в том, что он когда-нибудь питал к ней истинную страсть. Он лишь исполнял свой супружеский долг, иначе это назвать было нельзя. А с некоторых пор и это перестал делать. Уже не один год он спал с ней в одной постели, не прикасаясь. А она его не

принуждала, и пыталась радоваться тому только, что он с нею. И боялась, что наступит день, когда он уйдет, навсегда, и будет спать уже в другой постели, с другой женщиной.

Как ей хотелось его обнять, погрузить пальцы в золотистую шапку волос и погладить их. Она давно этого не делала, но помнила, какое удовольствие получала от этого, ощущая пальцами и ладонями мягкость и шелковистость его волос. Он положил ладонь ей на грудь и погладил, скорее, это было не осознанное движение, а может, он просто забыл, что она не может больше почувствовать его ласку. Он целовал ее руки, не задумываясь над тем, что она не ощущает его прикосновений.

Никогда больше она не сможет его обнять, не почувствует его объятий. Не погладит его волосы, его тело... Не прикоснется к нему, не почувствует его тепло, гладкость его кожи, упругости мышц, изящества и совершенства линий его вечно молодого тела. Не почувствует его прикосновений, его ласки... как сейчас. Он гладит ее грудь, а она не чувствует. А ведь она так мечтала, что когда-нибудь он вот так к ней прикоснется, и по телу ее пройдет сладкая дрожь, потому что она все еще желала его, мечтала о его любви так же, как в тот момент, когда впервые его увидела.

Она помнила это так четко, будто это было вчера. Он носился по полю, раскидывая в стороны своих дружков, гоняясь за мячом с таким фанатизмом и одержимостью, что никто не мог его остановить. Разгоряченный, возбужденный, агрессивный, выкладывающийся в игру в полную силу, словно от нее зависела его жизнь. Высокий, стройный, сильный, ловкий и невероятно красивый. Он почти не изменился с тех пор, только уже не казался таким юным, как тогда. А потом она увидела, как он катается на серфинге. Когда он не тренировался в спортзале и не играл, он с друзьями носился по волнам, бросая вызов стихии. Ничего более красивого и захватывающего она в своей жизни не видела. Он даже предложил и ее этому научить, но Куртни отказалась. И она подарила ему дорожную доску, от которой он пришел в такой восторг, что кружил свою невесту по пляжу до тех пор, пока у нее не закружилась голова так, что затошнило, а когда он ее отпустил, она упала в песок, потеряв равновесие. А он хохотал над ней, как сумасшедший.

Она любила смотреть, как он катается, и поначалу часто ходила с ним на пляж, отложив все дела. А потом он перестал брать ее с собой. Она стала там лишней. У него образовался постоянный круг друзей-серфингистов, с которыми он проводил время на пляже, он стал одним из членов почетного серфинг-клуба, ездил на всякие соревнования и сам принимал участие. Постепенно серфинг стал вытеснять футбол из его жизни, пока он совсем его не бросил.

Теперь он уже не так часто вставал на доску и скользил по волнам, но все же совсем отказаться от этого, как от футбола, не мог. Было время, когда он загорелся желанием научить Кэрл, но девочка больше предпочитала наблюдать за ним с берега, не веря в то, что когда-нибудь сможет этому научиться. Поняв, что в ней нет нужного рвения, он бросил эту затею.

Отец Куртни называл его бездарным и никчемным. Но Куртни никогда так не считала. Он был талантлив в спорте, ему давалось легко все, за что бы он ни брался. Он хорошо играл в футбол, овладел серфингом, умел ходить под парусом, и у него даже была своя лодка. Разве это бездарность? Просто он никогда не ставил перед собой высоких целей, не стремился к вершинам, к успеху, к славе. Научился до «хорошо», и дальше не стремился. Но Куртни всегда верила в него. Верила, что если бы он только захотел... Но потом отчаялась, что он когда-нибудь возьмется за ум, поняла, что ему нравится то, как он живет, и он ничего не

хочет менять. Он хотел и стремился всегда только к одному — жить в свое удовольствие.

Но вот настал момент, когда все изменится.

— Рэй, — она заглянула ему в глаза, — у меня к тебе просьба. Не простая просьба.

— Все, что угодно, милая моя, — шепнул он, поглаживая ее по щеке.

— Компания. Дело всей жизни моего отца и моей. Я не хочу, чтобы кресло, на котором когда-то сидел он, которое всю жизнь занимала я, досталось чужому человеку. Ты должен занять мое место, Рэй.

— Куртни, — с ужасом прошептал он. — А если я не смогу?

— Ты сможешь. Я знаю, иначе я бы тебя об этом не просила. Больше не кому, Рэй. Кэрол... она не справится. У нее не тот характер. А ты сможешь. Я знаю, что говорю. Глаз у меня наметанный, я вижу, кто может, а кто нет.

— Хорошо, я попробую. Я постараюсь. Для тебя. Ради тебя. Но ведь ты будешь мне помогать, подсказывать, учить? Не собираешься же ты полностью отойти от дел?

Она лишь вздохнула и задумчиво посмотрела куда-то перед собой.

Рэй уговаривал ее поспать, но она так и не уснула до утра. И они больше почти не разговаривали. Она просто лежала и смотрела куда-то перед собой невидящими глазами, как будто мыслями была далеко отсюда. А потом, когда Рэй, не выдержав, уснул, прижавшись щекой к ее руке, она повернула голову и стала смотреть на него. И тогда слезы медленно покатались по ее щекам, но лицо по-прежнему оставалось неподвижным и почти непроницаемым. Почти. Потому что сейчас под маской хладнокровия застыла безнадежная тихая печаль.

Ей так хотелось погладить его по голове, поцеловать в златовласую макушку... как никогда еще ничего не хотелось. Ее Рэй... Только им одним жила она все долгие годы с того момента, когда увидела его впервые. И только с ним она была слабой, позволив своей любви властвовать над собой. Почему ты, спрашивала Кэрол, терпишь его столько лет, ты, такая сильная и властная женщина, позволяешь ему так с собой поступать? Ответ был банален и прост. Потому что я его люблю. Потому что эта любовь сильнее меня.

И теперь она поняла, что, не смотря ни на что, он все-таки стоил такой любви. Потому что сейчас он был здесь, спал у ее постели. Потому что, открыв глаза, она увидела его рядом. Потому что он умел быть преданным, по-настоящему преданным. Она не ожидала. Он изменял ей всю жизнь, он хотел с ней развестись. Но теперь, когда с ней случилась беда, он забыл обо всем, и склонил свою прекрасную голову у ее постели. Если бы он ее любил... Но ведь он не любил. Может быть, как-нибудь по-своему и любил, привязался, ведь столько лет вместе — хочешь, не хочешь чужими не останешься. Но как женщину, как жену — нет. Она никогда не обманывалась на этот счет. И вот без любви этот человек готов был отказаться от своей жизни ради ее искалеченной жизни. Он не собирался ее бросать, и он не лукавил.

И сама Куртни не могла бы сказать, почему она плачет — от счастья или от горя. Она знала лишь одно — никогда она не чувствовала к нему такой всепоглощающей любви, как сейчас. Ее отец говорил, что она выбрала себе не *того* мужчину. Она тоже так думала, потому что он не смог дать ей простого женского счастья, своей любви, а причинял столько страданий! Но только сейчас она поняла, что сердце ее не ошиблось, что он именно *тот* мужчина. Потому что он не бросил ее теперь. И никто не осмелится после этого сказать, что он плохой муж...

Время шло, близился рассвет. А она лежала и все смотрела на него.

Она думала о том, как не просто быть сильным человеком, как могут считать

некоторые. И как тяжело оставаться сильным и мужественным до самого конца. Но она сможет. Она всегда преодолевала все испытания, которые посылая ей жизнь. Она справится и с этим, самым тяжелым. Ради себя и ради тех, кого любила...

Утром Куртни выпроводила Рэя из палаты, велев позвонить Уильяму Касевесу и Кэрол, пока она еще не вышла из дома, и попросить ее захватить кое-какие вещи в больницу. Также она попросила связаться с Джеком Рэндэлом и передать, что она хотела бы с ним поговорить, сегодня же. Никого больше видеть пока она не пожелала.

Когда Рэй ушел, она потребовала, чтобы ее обмыли и вымыли голову.

Тем временем Кэрол, поговорив с Рэем, сама позвонила Джеку, гадая, хватит ли у него смелости явиться в больницу теперь, когда Куртни пришла в себя. Ведь наверняка она поняла, что не случайно попала в аварию и кто за этим стоит. Куртни была очень умной женщиной, и Джек это знал. Хватит ли ему наглости посмотреть ей в глаза после того, что с ней сделал? Что же будет? Как поведет себя Куртни? Публично объявит его виновным в этой аварии и заставит отвечать? Сможет ли заставить? Война между ней и Рэндэлом? Об этом даже подумать было страшно. Но то, что Куртни закроет на это глаза, было невозможно. Значит, война. Смертельная. До тех пор, пока один не уничтожит другого.

Джек выслушал Кэрол и лишь сухо ответил, что все понял. И положил трубку, так и не сказав, придет в больницу или нет. А Кэрол поехала в дом Куртни, чтобы собрать вещи, которые та просила. Впервые за эти дни Кэрол ощутила радость и облегчение. Рэй сказал, что Куртни прекрасно держится, лучше, чем можно было ожидать. Она спокойна, решительна, энергична, и уже с самого утра поставила на уши всю больницу, как очнувшаяся ото сна королева... или дракон.

Кэрол и Дороти быстро собрали сумку с вещами, которые она потребовала. Фен и мусс для укладки волос, косметика, любимые духи, дорогущее нижнее белье, постельное белье, блузка, украшения, крестильный крестик. Кэрол улыбалась, укладывая все это в сумку. Куртни... она всегда оставалась Куртни, даже теперь. От сердца отлегло. Куртни не подавлена, не сломлена. Как всегда, она быстро ориентируется в сложившейся ситуации и немедленно начинает действовать.

Когда Кэрол вошла в палату, она не сдержала улыбки, увидев у постели маникюрщицу Куртни, которая что-то весело щебетала и хохотала, работая с ее руками. Куртни полусидела, подпертая подушками, и смеялась над шутками и сплетнями, в которые ее посвящала давняя подруга. Кэрол с удивлением увидела, что она уже успела искупаться... ну, или ее искупали, если выразаться точнее. Мокрые черные волосы рассыпались на плечам и подушкам, и на их фоне лицо ее казалось как никогда бледным и изможденным. Вокруг глаз залегли глубокие темные тени. Но глаза ее по-прежнему блестели живым энергичным огнем и внутренней силой.

Наклонившись над ней, Кэрол поцеловала ее в щеку.

Женщина ласково ей улыбнулась.

— Ты все принесла?

Кэрол кивнула.

— Тогда давай, помогай приводить меня в порядок. Я выгляжу как никогда ужасно. Меня это расстраивает и выбивает из колеи. Займись пока волосами.

Нанеся немного мусса на ее прямые влажные волосы, Кэрол высушила их феном, начесала и красиво уложила. Пока Нэнси приводила в порядок ноги Куртни, делая педикюр,

Кэрол сделала Куртни макияж.

Кэрол вдела ей в уши ее любимые серьги, а на шею повесила цепочку с крестиком. По палате медленно разливался аромат ее духов.

Переодеть ее не получилось из-за многочисленных проводков, подсоединенных к ее телу, которые врачи категорично запретили снимать. Куртни подчинилась, с отвращением поглядывая на непонятные приборчики, к которым вели все эти проводки.

— Я похожа на робота! — фыркнула она.

Когда Кэрол поднесла к ней зеркало, Куртни придирчиво себя оглядела и осталась довольна. Кэрол тоже почувствовала себя увереннее, увидев прежнюю Куртни, ухоженную, сияющую.

— Позови Рэя. Теперь нужно сменить постельное белье. Негоже мне лежать на этих воняющих хлоркой простынях.

Рэй вошел в палату с охапкой цветов и просиял, увидев Куртни.

— Ну вот, совсем другое дело! — воскликнул он. — Узнаю свою жену-красавицу! И не подумаешь, что пять дней без сознания провалялась!

Куртни улыбнулась.

Но, приглядевшись, Кэрол снова упала духом. Смертельная бледность проступала даже сквозь крем-пудру, которую она нанесла на лицо Куртни. Женщина выглядела усталой и изможденной. Дыхание было неровным и тяжелым. Она не чувствовала боли в своем поломанном разбитом теле, но знала обо всех его многочисленных повреждениях. Знала, что ее сердце все еще слишком слабо, чтобы справляться самостоятельно. Что только благодаря этим приборчикам, на которые она так презрительно смотрела, она все еще жива. Доктора говорили, что это лишь вопрос времени, когда она достаточно окрепнет и наберется сил, необходимость в них отпадет. А пока ее искалеченное тело не в состоянии самостоятельно удерживать в себе жизнь.

И Куртни действительно ощущала себя каким-то роботом, став одним целым с этими проводками и приборами. Она видела на мониторе подпрыгивающую точку, слышала тихое попискивание. Это ее сердце. Казалось, оно билось не в ее груди, а на этом экране.

Через катетер, вставленный в вену на запястье, медсестра без конца вводили какие-то лекарства, а когда не вводили, ставили капельницу. Куртни вела себя покорно, позволяя делать с собой все, что им было нужно.

Когда Нэнси ушла, и в палате остались только Рэй и Кэрол, Куртни велела им сесть поближе.

— Пришло время нам поговорить, — сказала она слабым, но твердым голосом. — Рэй, я оставляю компанию на тебя, теперь она принадлежит тебе. Я очень надеюсь, что ты позаботишься о ней, и она и дальше будет обеспечивать безбедную жизнь тебе, а потом и твоим детям. Уильям поможет тебе. Ты, Кэрол, будешь получать постоянный и хороший доход, пока будет существовать компания, и это позволит тебе не задумываться о деньгах. Патрику я также отвоюю долю. До совершеннолетия проценты от прибыли будут поступать на его счет в банке. Даже если компания развалится, мои счета обеспечат вас и ваших детей на всю жизнь. В общем, о деньгах вам беспокоиться не придется. Мы с Джеком давно уже подготовили все необходимые документы. У него хранится копия моего завещания. Оригинал у Касевеса.

— Подожди, Куртни... — испуганно пролепетал Рэй. — При чем здесь завещание? Вспомнишь о нем лет эдак через пятьдесят...

— Нет. Время пришло. Я умираю.

— Нет, Куртни, о чем ты говоришь? Врачи утверждают, что твоей жизни уже ничто не угрожает...

— Не врачи решают, когда пришло время для смерти, — холодно отрезала Куртни и с нежностью посмотрела на остолбеневшую Кэрол.

В этот момент в дверь постучали, и на пороге показался улыбающийся Уильям Касевес.

— Идите, прогуляйтесь, — велела Куртни Рэю и Кэрол. — Мне нужно поговорить с Уильямом. А Джек еще не пришел?

Касевес отрицательно покачал головой.

Рэй и Кэрол вышли.

Заметив, как бледна и напугана девушка, Рэй попытался ее успокоить.

— Это она на всякий случай... подстраховывается. Она не умрет. Кризис миновал, так говорили врачи. Теперь ей только нужно набираться сил.

Кэрол молчала, уставившись в окно застывшими, широко раскрытыми глазами. Рэй тоже замолчал.

Вскоре Уильям вышел и сказал, что Куртни просила Кэрол зайти, одной. Девушка бросила на него внимательный взгляд, но старик опустил глаза под стеклами очков и отвернулся.

Кэрол вошла в палату и присела у постели Куртни.

Осторожно взяв ее за руку, девушка подняла на нее преисполненный страданием взгляд. Куртни улыбнулась ей.

— Не переживай так, моя девочка. Не надо. Ты уже и так много горя хлебнула... может статься, что и еще придется. Ты должна быть сильной всегда. Обо мне не горюй, я свое уже прожила.

— Куртни, не говори так, пожалуйста, — простонала Кэрол и, уронив голову ей на руку, разрыдалась. — Все будет хорошо. Ты поправишься.

— Кэрол... я хочу, чтобы ты была счастлива. Хочу умереть, зная, что все у тебя будет хорошо. Держись Рэя, девочка, он всегда тебе поможет, поддержит. Он все сделает для тебя. А Джека забудь. Я всегда знала, что ничего у вас не получится. Только ты никогда никого не слушала, своевольничала. Это ничего, я еще хуже. Когда расшибаешь лоб, лучше осознаешь и прочувствуешь ошибку. Ты молода, у тебя вся жизнь впереди, все еще устроится. И счастье ты свое найдешь. И любовь. Да и искать далеко идти не надо, — Куртни улыбнулась. — Вон, стоит за дверью мужчина, который тебя любит.

Кэрол бросило в краску, но она нашла в себе силы отшутиться:

— Ты об Уильяме? Так он же жуткий бабник!

Куртни тоже улыбнулась, но продолжила также серьезно:

— Послушай меня, девочка. Хоть раз в жизни послушай, и сделай так, как я тебе велю. Рэй будет тебе хорошим верным мужем. Не думай, что он бабник и будет поступать с тобой так же, как со мной, изменяя направо и налево. Нет. Он уже перебесился, успокоился, нагулялся и потерял к этому интерес. Теперь ему нужно другое. Семья, любовь, дети.

— Куртни... — возмущенно начала Кэрол, но та ее резко оборвала.

— Не перебивай меня! Он будет именно таким мужем, какой тебе нужен, Кэрол. Он молод, красив, полон сил и здоровья. Он будет жить для вас, для тебя, Патрика и детей, которых ты ему родишь. Будет заботиться о вас, любить. Он готов к этому, более того, он в этом нуждается. Я поняла это. Поняла, что наш бестолковый мальчишка, наконец-то,

повзрослел. И я хочу, чтобы он был счастлив. Обо мне не думай. Не смей его отталкивать из-за меня. К тому времени, когда вы... меня уже не будет. Не думай обо мне, потому что мне уже будет все равно. Я буду мертва, а вот вы... вам еще жить.

— Нет! Нет! Нет! — стонала Кэрол, обливаясь слезами. — Никогда... ни за что... я не хочу... Я не отпущу тебя! Ты мне нужна, я люблю тебя! Не поступай так со мной... Не покидай меня... хоть ты не покидай меня. Кроме тебя у меня никого больше нет...

— Нет, есть. Патрик и Рэй. *Это* твоя семья. Я хочу, чтобы так было. Вы — самые дорогие мне люди, я люблю вас. Я хочу, чтобы вы были вместе, потому что так вы сможете быть счастливыми. Не отталкивай Рэя, Кэрол, я очень тебя прошу. Я знаю, что ты очень упрямая. Но сейчас... ради него, ради себя... ради меня, что бы там, на небесах, я была спокойна, зная, что он счастлив, что с ним такая хорошая, такая верная женщина, как ты, что он рядом с тобой и Патриком, заботиться о вас и оберегает... не упрямься, Кэрол. Ты будешь любить его, как мужчину, как мужа, я знаю это, потому и настаиваю на том, чтобы ты была с ним. Его не возможно не любить. И помни, что я сама этого хотела. Что это было мое последнее желание, моя последняя просьба к тебе.

— Но почему, Куртни? Почему ты меня об этом просишь? Как ты можешь? Ведь ты так его любишь... и сама же отдаешь его другой женщине...

— Он в любом случае будет принадлежать другой женщине, и я хотела бы, чтобы это была ты. А я его все равно теряю. А впрочем... он никогда и не был моим, никогда. Да, я его люблю, и я его ревную, но это лишь до тех пор, пока я жива. А его чувства к тебе... они настоящие, Кэрол, я это поняла. Всю жизнь я эгоистично держала его подле себя, зная, что он несчастен, что я никогда не дам ему настоящей семьи, не рожу детей. И я так и отпустила его... до самой смерти. И он собрался просидеть всю оставшуюся жизнь возле моей постели. И за это я простила ему все. Даже любовь к тебе... которой он меня и погубил... Я отпускаю его. Пусть моя смерть не будет напрасной. Пусть она приведет вас к счастью, любви и благополучию. Будьте вместе... Это предначертано самой судьбой. Ты и он. Я это поняла.

— Нет, Куртни! Что ты говоришь? Ты что, с ума сошла? Рэй любит тебя, он хочет быть с тобой, поэтому он и здесь, с тобой. А я для него была всего лишь капризом.

— Нет, Кэрол. Это не так, и ты не должна так думать. Он любит тебя так, как только может мужчина любить женщину. И я не виню его. Любовь никогда не спрашивает, кого бы мы хотели любить... И ты ни в чем его не вини. И себя тоже. Никого. Виноваты все, и не виноват никто, — она грустно улыбнулась. — Так мне нравится это фраза Джека... Возьми мою руку, девочка, прижми к своей голове... Я благословляю тебя. Пусть мое благословление будет сильнее проклятия твоей матери. Будь счастлива, доченька. Там, на небесах, я буду молить за тебя Деву Марию. За тебя и за Патрика. Жаль, что я не увижу моего маленького мальчика. Но... это к лучшему. Я не хочу, чтобы он запомнил меня *такой*... Храни вас Господь, Кэрол. А теперь позови Рэя. Я хочу поговорить с ним.

— Куртни! — зарыдала Кэрол.

— Иди, говорю. И хватит причитать. Смотреть противно. Чтобы я не видела больше слез, ясно?

Кэрол поднялась и, сжавшись, выскочила из палаты. С тихим стоном она промчалась мимо опешивших мужчин, не заметив, что рядом с Рэем и Уильямом стоит Джек.

Рэй бросился за ней и остановил захлебывающуюся в слезах девушку.

— Стой, куда ты бежишь? Что такое? Что она тебе сказала? Обидела?

Кэрол отвернулась от него.

— Иди. Она зовет тебя. И мне кажется, она сошла с ума.

Рэй побледнел и поспешил в палату.

К Кэрол подошел Джек.

— Что случилось? Почему ты плачешь?

Но она не ответила ему. Отвернувшись, она уставилась в окно, смотря на небо сквозь пелену слез.

Наверное, Куртни сейчас говорит Рэю то же самое, что говорила ей. Она просто не в себе. Не стоит обращать внимания на ее слова. Ее жизни ничто не угрожает. Она будет жить, а Рэй останется с ней. Он не уйдет, даже если она будет его прогонять. И она, Кэрол, будет заботиться о ней. Они оба будут.

Рэй долго был в палате. Джек терпеливо ждал, присев на кушетку и не проронив больше ни слова. Когда Рэй вышел, лицо его было серым, а глаза покраснели от слез. Не в силах вымолвить ни слова, он кивнул Джеку, приглашая войти. Тот поднялся и спокойно скрылся за дверью. И тогда Рэй тихо прошептал:

— Она говорит, что умирает. Но ведь врачи... Почему она так говорит?

— Порой, человек лучше всяких докторов знает, жить ему или нет, — отозвался Уильям.

— Но почему? Почему она отказалась бороться? — Рэй потер пальцами глаза, чтобы скрыть слезы. — Она же была такой сильной...

— Она такой и осталась.

— Но она вела себя так, будто прощалась со мной. Это... это было ужасно... невыносимо. Попросила, чтобы я ее поцеловал, перед тем как выпроводила. И так смотрела... Господи, у меня теперь всю жизнь будет стоять перед глазами ее взгляд... Зачем она позвала Рэндэла? О чем они там секретничают, хотел бы я знать!

Джек присел на стул, не поднимая глаз на Куртни, которая пристально изучала его взглядом. Некоторое время они молчали. Потом Куртни тяжело вздохнула и прервала затянувшееся гнетущее молчание.

— С кем ты опять подрался, Джек? Я уже начинаю привыкать к твоей вечно побитой физиономии. Ты ж, насколько мне известно, не любитель выяснять отношения с помощью кулаков.

— Зато есть те, которые «любители», — угрюмо ответил он.

— Уж не с Рэем ли опять сцепился? Не хорошо ты поступаешь, Джек. А Рэй правильно делает, что заступает за Кэрол. Он ее в обиду никогда не даст.

— Ему есть теперь, о ком заботится, а со своей женой я уже как-нибудь сам разберусь! — огрызнулся он.

— А ничего тут разбираться, Джек. Отпусти ее. Ну, не вышло у вас, что поделаешь? Не губить же друг другу жизни из-за этого.

— Я люблю ее, Куртни. Я хочу сохранить нашу семью.

— Об этом надо было раньше думать, Джек. Теперь поздно. Если ты сломаешь ее и заставишь, счастливее от этого не станешь ни ты, ни она, ни ваш сын. Только хуже будет, помянешь мое слово.

— Ты позвала меня, чтобы учить, что делать?

— Я просто забочусь о своей девочке. Хочу исправить свою ошибку, когда я позволила ей выйти за тебя. Я поверила в тебя, Джек. Но я ошиблась. Хватит крови, Джек. Угомонись.

пока всех не погубил, в том числе и себя.

Он побледнел.

— Я прощу тебя, Джек... перед тем, как умереть. Но ты должен мне поклясться, что оставишь в покое моего мужа. Считай, что я отдала свою жизнь за его право жить, что я расплатилась за его грешную любовь к твоей жене. Клянись мне, Джек, если не хочешь, чтобы я умирала, проклиная тебя. Ты меня убил. Ты мой должник. И я вправе требовать от тебя.

— Я не хотел, Куртни. Тебе бы я никогда не навредил... по своей воле. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Я так тебя уважаю. Ты... ты стала мне как вроде вместо матери... ну... что-то такое я к тебе чувствовал... сам не знаю, как объяснить.

— Я понимаю, Джек. Я давно это поняла. И я знаю, что не меня ты хотел наказать. Потому и прощу. Пожалуйста, ради меня, если ты так меня уважаешь... так относишься ко мне — не трогай мужчину, которого я люблю больше жизни. Не будет мне покоя, если ты не перестанешь на него охотиться. Я отдала свою жизнь вместо него. Я умираю для того, чтобы он жил.

Джек виновато кивнул.

— Хорошо, Куртни. Я обещаю тебе. Но... Куртни, какого черта ты уселась в его машину? — взорвался он, подскочив. — Ведь ты никогда не брала его машины, никогда! Почему же именно теперь?

— Судьба так распорядилась, Джек. Таким образом она защитила и уберегла Рэя. У меня сломалась машина, и я забрала его «Астон» из сервиса, просто потому, что он был ближе, чем дом, а я спешила на деловую встречу. Странно, чтобы машина, только что побывавшая в мастерской, вышла из-под управления, — она лукаво улыбнулась ему. — Руль отказал. Что-то там сломалось, да, Джек? А если бы за рулем был Рэй, а не я, он бы не выбрался из машины живым, ведь всем известно, что он ездит, как сумасшедший.

— Куртни, я терпел, я очень долго терпел! Ради тебя, ради Кэрол! Ты должна меня понять, должна! Он... этот гад... он залез в трусы к моей жене, и я должен это стерпеть? Должен был сидеть, сложа руки, и ждать, как это делала ты, когда он уложит ее в постель?

— Джек, не кричи так... услышат...

— Пусть слышат! Для кого это секрет? Да ни для кого!

— Я понимаю тебя. Понимаю, потому и готова простить. Но только за себя, потому что я лежу сейчас на этой койке мертвым грузом, а не он. За него бы я не простила. Помни о своем обещании, Джек. Если ты навредишь Рэю, я из могилы встану, чтобы тебе отомстить. Ты меня знаешь.

Он кисло улыбнулся.

— Да, знаю. И не удивился бы. Но... ты действительно меня прощаешь? Этого не может быть... нельзя простить такое...

— Прощать не всегда легко, Джек. Для этого тоже нужно иметь и силы и мужество. А вот у тебя их хватало только на то, чтобы мстить. А простить — силенок маловато. Конечно, отомстить проще. Только это не всегда нужно... и не всегда правильно. Как сейчас, например. Я все равно умру, и оттого, что ты будешь мучиться чувством вины, все равно ничего не изменится. Ты не можешь меня понять, я знаю. Потому что сам бы ты никогда не простил... а тем более такого... А я прощаю.

Он вдруг в бессилии упал на стул и опустил голову на руки.

— А я не прощу, — чуть слышно сказал он. — Сам себе не прощу, никогда. А оттого,

что ты меня простила, мне еще тяжелее. Лучше бы ты меня ненавидела, лучше бы пыталась отомстить. А так... ты отправила меня в полный нокаут, Куртни.

— Я дам тебе возможность искупить передо мной свою вину.

— Как? — он поднял голову. — Что я могу сделать для тебя? Только скажи. Все! Все, что угодно, клянусь! Найти тебе самых хороших хирургов? Помочь с компанией?

— Компания... нет, об этом я не буду тебя просить. Мое место теперь будет занимать Рэй, и только тебе решать, работать с ним или нет. Я только попрошу ему не мешать. Не мешать делу, которому я посвятила всю свою жизнь.

— Об это не беспокойся. Я никогда не наврежу твоей компании, даже если теперь она будет принадлежать Рэю. Но почему ты не хочешь посадить во главе Кэрол? Рэй... он же все пустит под откос. Это все равно, что посадить младенца управлять компанией. А Кэрол я бы помог. Ты же знаешь, я прекрасно во всем разбираюсь.

— Я знаю, Джек. Но мое место должен занять Рэй. И ты его недооцениваешь. Он справится, вот увидишь.

— Что ж, посмотрим. Это даже интересно. Но ты рискуешь компанией... Впрочем, это твое дело. Но Кэрол из компании уйдет. Она не будет работать с ним.

— Ах, Джек! — вздохнула Куртни. — И ты еще удивляешься, почему от тебя ушла жена? Ты деспотичен, Джек. Ты подавляешь людей, лишаешь их воли, элементарной свободы, возможности самим принимать решения. Так нельзя.

— Я делаю это только потому, что я умнее и лучше знаю, как надо поступить. А Кэрол всегда сама искала себе покровителя, который бы распорядился ею и брал на себя все трудности. Так что это ее устраивало, не надо утверждать обратное.

— Да, она действительно во всем тебя слушалась... и подчинялась. Но это было, пока ты ее не предал. Теперь она не подчинится, потому что не верит тебе больше. И не поверит. Послушай мой совет, Джек. Оставь ее. Ты ее потерял. Ты потерял ее любовь, ее доверие. Она мягкая уступчивая девочка, но иногда она бывает непреклонной, ты сам это знаешь. Вы молоды, устраивайте свои жизни. Ну не получилось, что теперь, не вешаться же. Ты найдешь себе другую женщину. Позволь и ей попытать счастья, она заслужила его... одни страдания и беды всю жизнь ее преследуют. Я вижу в твоих глазах упрямство, Джек. Но ты только погубишь и себя и ее... и сделаешь несчастным Патрика, когда он поймет, что его родители ненавидят друг друга.

Он молчал, потупив голову. Куртни тоже замолчала, устав от долгого разговора.

— Мы отвлеклись, Куртни. Ты сказала, что я могу искупить свою вину. Я слушаю тебя.

— Помоги мне, Джек... помоги умереть.

— Что?!

— Только тебя я могу об этом просить, потому что ты один можешь сделать это для меня. Там, в тумбочке, шприц. Всего лишь немного воздуха в мою вену — и все.

— Нет! — он резко подскочил. — Ты спятила? Ты хочешь, чтобы я тебя убил? Это мое искупление, по-твоему — добить тебя?

— Да, Джек. Это милосердие. И ты должен проявить ко мне милосердие после того, что со мной сделал. Ты всегда и все доводишь до конца, сделай это и теперь. Не бросай меня вот так... Ты должен меня понять. Это не жизнь, мой мальчик. Это мука. Остаться живой в мертвом теле. Я не хочу так жить. И не буду. Я хочу уйти достойно, хочу, чтобы меня помнили, как сильную и энергичную женщину, подвижную, живую, а не как никчемное полуживое существо, которое даже в туалет не в состоянии сходить самостоятельно. Боже,

это не для меня. Я не хочу превращаться в это существо. Я хочу до конца оставаться такой, какой я была всю жизнь. Освободи меня, Джек. Сжался. Если бы я могла сама... я бы не взваливала это на тебя. Но я не могу даже пальцем пошевелить. Ты меня понимаешь, я уверена. Слабый может понять только слабого. А сильный поймет сильного. Ведь ты бы тоже не стал так жить, Джек.

— Кэрол... она никогда мне этого не простит, — в отчаянии прошептал он. — Она не поймет.

— А ей и не нужно знать. Никому не нужно. Это будет только наша с тобой тайна, Джек. Ты всегда мне помогал. Помоги и теперь. В последний раз. Если не ты... больше веде некому. Никто на это не осмелится. Пожалуйста, Джек. Ты сможешь.

Он подошел к тумбочке и выдвинул ящичек. Пальцы его дрожали, когда он прикоснулся к запечатанным одноразовым шприцам и достал один. Медленно он распечатал его и сунул обертку в карман пиджака. Присев на стул у постели, он поднял на Куртни умные серые глаза. А она подумала о том, что никогда еще не видела столько боли в этих холодный безжалостных глазах.

— Джек... я тебя любила, не смотря ни на что... люблю и сейчас. Как сына, как брата, как друга — не знаю, как. Но люблю. Ты необыкновенный. Единственное... не будь так беспощаден с людьми. Научись идти на компромисс, хоть иногда. Это, прежде всего, тебе и принесет пользу. А теперь давай, Джек... не тяни.

— Ты хорошо подумала? — хрипло спросил он, разглядывая шприц в руках.

— Ты же знаешь, я всегда все тщательно обдумываю и взвешиваю все «за» и «простав», а когда принимаю решение, то уже не меняю его. Никто не узнает, Джек. Во мне едва теплится жизнь, все подумают, что я сама умерла. Мое сердце с трудом работает, и то благодаря этим аппаратам. Никто не удивится, если оно не выдержит. Я сказала Рэю, что не хочу в случае смерти подвергаться вскрытию. Касевес и ты... мои адвокаты, вы этого не допустите. Вы сможете, я знаю. Так что тебе нечего опасаться, Джек. Смелее. Сними заглушку, набери в шприц немного воздуха... чуть-чуть... достаточно лишь пузырька...

Джек сделал все, что она велела. Вставив шприц в катетер, он замер.

— Куртни... ты прощаешь меня? Правда прощаешь?

— Я прощаю тебя Джек.

Она услышала, как он судорожно сглотнул.

— Подожди! — сказала она. — Обещай мне, что оставишь мою девочку! Что вернешь ей Патрика! Что не будешь ее преследовать и принуждать! Обещай мне, Джек!

— Нет.

— Обещай.

— Нет!

— Обещай! Позволь мне умереть спокойно, ни о чем не тревожась. Джек, пожалуйста! Не мучай меня.

Он стиснул зубы, заиграв желваками, и не без усилия выдавил:

— Хорошо. Я обещаю.

Куртни облегченно вздохнула и, прикрыв на мгновение глаза, улыбнулась.

— Вот и хорошо. Я знаю, что ты не обманешь меня, Джек. Теперь я могу уйти. Прощай, Джек, — она взглянула на него спокойными грустными глазами.

— Прощай, Куртни.

На лице его появилось решительное и твердое выражение, руки вдруг перестали

дрожать, и он хладнокровно и без колебаний надавил большим пальцем на шприц, выпуская воздух в катетер. Потом убрал шприц в карман, и вернул на место заглушку.

На несколько мгновений он замер, выпрямившись на стуле и неотрывно смотря на Куртни. Протянув руку, он прикрыл ее веки над застывшими черными глазами, потом наклонился и, приподняв ее еще теплую руку, красивую, ухоженную, прикоснулся к ней губами.

Затем решительно встал и вышел из палаты.

— Позовите врача, — сказал он глухим голосом, хладнокровно встретившись с взглядом Рэя. — Все. Ее больше нет.

Он отвернулся и пошел прочь, вздрогнув от отчаянного вопля Кэрол, но не остановился и даже не посмотрел на нее. Видеть ее горе для него сейчас было невыносимым. Это было слишком. Даже для него.

Вечером Джек заехал к ней, но она ему не открыла. Она даже не отозвалась на его настойчивые звонки.

Джек мог бы подумать, что ее нет дома, если бы не слабый свет в окне ее спальни. Когда он попытался открыть дверь своим ключом, замок не поддался. Он тихо выругался и пнул дверь, досадуя на то, что прозевал, когда она сменила замок.

Вернувшись домой, он начал ей названивать, но она не брала трубку.

Джек начал волноваться. Человек, которого он приставил сегодня для наблюдения за ней, сообщил ему, что, вернувшись из больницы в свою квартиру, девушка больше не выходила. Два раза к ней приходил высокий светловолосый мужчина, но она ему не открыла. Рэй. Как же Джек его ненавидел. Он так и знал, что теперь, когда Куртни не стало, этот плейбой станет набиваться Кэрол в утешители. Но пока в своей жене он не разочаровался. Она не пустила Рэя на порог, вот молодец! Впрочем, его, Джека, тоже... Это ему уже меньше нравилось. Как бы чего не натворила, дуреха. Ведь наверняка сейчас сидит там и размышляет над тем, кто больше виноват. И, как всегда, большую часть вины взвалит на себя. Уж очень она любит обвинять себя во всех несчастьях. Убивается, наверное, так, что даже представить страшно. Куртни свою ведь боготворила... Если решит, что виновата в ее смерти, еще, чего доброго, что-нибудь с собой сделает. Однажды же уже едва с собой не покончила.

Сидя над телефоном, Джек задумчиво курил. Сам он уже пришел в себя после потрясения от последней встречи с Куртни, лишь на душе все еще было гадко и тоскливо. Впервые в жизни он испытывал настоящую скорбь. В сердце его была боль. Он грустил о Куртни, искренне грустил. Она была единственной женщиной, с которой он ощущал себя на равных, чей авторитет и ум признавал. А сегодня он убедился в том, что она действительно достойна настоящего, самого глубокого уважения. Так, как ее он, пожалуй, собственного отца не уважал. И даже самого себя... Потому что он не знал, достаточно ли в нем сил и мужества не только для того, чтобы жить, но и для того, чтобы достойно умереть, когда придет время. Он боялся смерти, и он не хотел умирать. Никогда. И ему казалось, что он не смог бы предпочесть смерть жизни, какой бы она не была, как это сделала Куртни. Хотя... если бы он оказался на ее месте, возможно, он думал бы иначе. Лучше действительно умереть достойно, сильным и отважным, чем превратиться в ничто и жить ничтожеством.

Куртни была очень мудрой женщиной. Ее будут помнить такой, какой она была до аварии, здоровой, сильной, волевой, энергичной. А если бы она осталась жить, образ той

«железной» леди постепенно был бы вытеснен другим — беспомощная, жалкая, зависимая и несчастная женщина, вызывающая к себе только жалость и сочувствие. Нет. Куртни была бы не Куртни, если бы она это допустила. Джек испытывал трепет перед ней, восхищение. Он один до конца узнал силу этой женщины, когда смотрел в ее спокойные решительные глаза, обрывая ее жизнь. Конечно, ей было страшно. Одному Богу известно, как, наверное, ей не хотелось умирать и что творилось у нее в душе в эти мгновения... о чем думала она в последние секунды своей жизни... Со всей своей проницательностью Джек не смог этого понять. Она превосходно умела скрывать свои чувства и мысли, а самообладание не изменило ей даже теперь. Действительно, железная женщина. И он знал, что никогда не забудет ее последний взгляд, где было столько воли и силы. И не забудет, что чувствовал сам, убивая ее. Наверное, это были самые тяжелые мгновения в его жизни. Лишить жизни того, кого любишь, кого уважаешь... что ж, на это требуется не меньше воли. Она попросила об этом его, потому что знала, что он сможет сделать это, и он не смог ей отказать. И лишь в первые минуты после ее смерти он почувствовал слабость, которая не позволила ему подойти к Кэррол и заставила сбежать. Но такое с ним не длилось долго, когда все-таки случилось, что бывало очень редко. Он быстро успокоился и снова воспрянул духом, упрямо игнорируя чувство вины перед Куртни. Если кто и виноват, так это Рэй. Смерть Куртни была роковой случайностью. Он, Джек, не виноват в том, что Куртни вдруг взбрело в голову впервые в жизни прокатиться на машине мужа. Разве виноват охотник, если в его ловушку угодил не тот зверь, на которую он ее ставил? Джек чувствовал досаду и злость. И злился он именно на Рэя. Прекрасная женщина холодным мертвым телом лежит в морге, а этот похотливый урод продолжает разгуливать по свету и волочиться за его женой, радуясь, что избавился от собственной, да еще и заграбастал себе все ее состояние. За всю жизнь палец о палец не ударил, тогда как Куртни все силы отдавала работе — и что? Она мертва, а он взобрался на ее золотой трон и нахлобучил на голову ее корону, став единственным полноправным владельцем ее компании, всего имущества и денежных средств, короче, всего, чего она добивалась тяжким трудом всю свою жизнь, пока он жил в свое удовольствие. Разве это справедливо? Его место на помойке. Джек сам составлял ее завещание. Он был возмущен и не понимал, почему она оставляет все человеку, который всю жизнь ни во что ее не ставил, не ценил и только и делал, что таскался по бабам. Как она могла передать компанию отца и свою собственную в его руки? Немыслимо. Такая умная женщина и сотворила такую глупость, собственноручно поставив крест на компании, доверив ее этому прохиндею. Джек пытался ее вразумить, когда они составляли завещание, но Куртни осталась непреклонна. Что ж, ее дело.

Джек подумал и, взяв трубку, набрал домашний номер Куртни... нет, теперь уже Рэя. Но с ним он не собирался разговаривать. Ответила домработница.

— Добрый вечер, Дороти. Это Джек Рэндэл, — приветливо сказал он в трубку.

— Здравствуйте, мистер Рэндэл. Рэя нет дома...

— Я хочу поговорить с вами, — мягко перебил ее Джек. — Точнее, попросить вас об услуге.

— Слушаю вас, мистер Рэндэл, — вежливо отозвалась старушка. — Что я могу для вас сделать?

— Я прошу вас съездить к Кэррол. Она не открывает двери, не отвечает на звонки. Она сердится на меня. Но вам она должна открыть, — он нервно прочистил горло. — Я переживаю... как бы с ней чего не случилось.

— Конечно, я немедленно еду к ней. Такое горе... нельзя девочке оставаться сейчас одной, — заволновалась Дороти и всхлипнула в трубку.

— Я сейчас заеду за вами и отвезу...

— Нет, я на такси, так быстрее.

— Позвоните мне, пожалуйста, скажите, как она.

— Конечно. Не волнуйтесь.

Дороти перезвонила ему через час, и в голосе ее он сразу уловил беспокойство и тревогу. Она говорила, что Кэрол впустила ее, угостила чаем. Девушка спокойна и даже не заметно по ней, чтобы она плакала. Но глаза «страшные», как выразилась старушка.

— Мистер Рэндэл, мне кажется, она не в себе, — дрожащим плаксивым голосом жаловалась Дороти. — Говорит какие-то непонятные вещи... про какое-то проклятие, про смерть... У меня мороз по коже до сих пор от ее слов. Говорит, что уедет после похорон, пока все из-за нее здесь не вымерли, что ей надо жить в стороне от людей, потому что она проклятая. У меня в голове все перемешалось, ничего я не поняла из того, что она пыталась мне объяснить. Ах, мистер Рэндэл, вы бы забрали ее домой. Плохая она, совсем плохая. Нельзя ей там одной...

И Дороти поспешно положила трубку, когда в комнату вошла Кэрол.

Девушка устремила на нее подозрительный взгляд.

— Кому ты звонила, Дороти?

— Дочка, твой муж волнуется...

— Не хочу о нем слышать! Никогда, слышишь? — резко оборвала ее Кэрол. — И не смей ему обо мне докладывать, иначе я и тебя больше на порог не пущу!

Дороти обижено помолчала, потом робко попыталась сказать:

— Рэй тоже...

— Хватит! И о нем мне не напоминай!

— Но он... он-то при чем?

— При всем! Ненавижу их обоих! Они убили Куртни, — Кэрол в бессилии опустилась на диван рядом с Дороти и уткнулась ей в плечо лицом. Она не плакала, а только стонала, как от нестерпимой боли. Дороти погладила ее по плечу, обливаясь слезами.

— Крепись, моя девочка. Нет больше нашей Куртни... ничего уж не поделаешь. Жизнь такая. Жестокая она. Никто не виноват. Несчастье это, большое несчастье. Уж сколько людей на дорогах гибнут, время такое... А ты не упрямясь, к мужу возвращайся. Любит он тебя. Без Куртни тяжело тебе будет, а муж у тебя человек не простой, с ним ты, как за каменной стеной.

— Ага, с колючей проволокой и решетками, — горько отозвалась девушка.

— Девочка, он твой муж. Нехорошо от мужа бегать. Не приведет это к добру. Он же у тебя такого крутого нрава. Все равно ведь не отпустит.

— Мужа я похоронила шесть лет назад. Вот мой муж, — Кэрол поднялась и взяла с полки урну с прахом Мэтта. Дороти задохнулась от ужаса и перекрестилась.

— Ох, как ты не боишься держать в спальне *это*? Страшный же он был человек, а такие не знают покоя после смерти. Боже, спаси и сохрани, — старуха опять перекрестилась в суеверном ужасе, вращая расширившимися глазами, словно искала в комнате не успокоившийся дух кровавого грешника.

Кэрол побледнела от ярости.

— Заткнись, старая дура! Убирайся из моего дома!

Подхватив опешившую женщину под мышки, она оторвала ее от дивана, заставив встать, и, прежде чем та успела что-либо сообразить, вытолкала за дверь. Залившись слезами, Дороти ушла, неприятно удивленная поведением Кэрол. Никогда девушка слова ей неприветливого не сказала — и на тебе! Никак опять рассудок ее мутится. Наверное, пришло время снова подлечиться в госпитале...

Кэрол не плакала. Она была в оцепенении. Она лежала, прижимая урну к груди, и смотрела в окно. Ее сознание никак не могло принять тот факт, что Куртни больше нет. Поэтому она была спокойна и даже не чувствовала боли и утраты. Она засыпала и снова просыпалась, но не поднималась.

Снова приехал Джек. Он так настойчиво звонил, что она, не выдержав этого звона, который, казалось, пронзал насквозь ее отупевший мозг, встала и открыла ему дверь, не забыв предварительно спрятать под кровать урну с прахом Мэтта.

— Кэрол... я так волновался, — растерянно проговорил Джек, встревожено всматриваясь в ее лицо. — Как ты, милая моя?

— Не знаю... вроде ничего, — вяло ответила Кэрол. — Я спала.

— Я тебя разбудил? Извини, — он привлек ее к себе и обнял. — Но почему ты не открывала мне? Почему не берешь трубку?

— Я хочу побыть одна, — Кэрол покорно прижималась к нему, не пытаясь отстраниться. — Джек, ты же обещал, что не будешь на меня давить. Пожалуйста, уходи.

— Я пришел не давить, — ласково сказал он и погладил ее по голове. — Просто я знаю, как тебе сейчас тяжело. Поехали домой, солнышко. Я позвоню отцу и велю ему возвращаться. Утром они с Патриком будут здесь. Ведь ты соскучилась по нашему мальчику?

Он поднял к себе ее лицо и заглянул в измученные глаза.

— Да... конечно соскучилась. Очень соскучилась. Они прилетят завтра... утром? Правда? — лицо ее оживилось и осветилось радостью. — Ты меня не обманываешь?

— Нет, не обманываю, — он улыбнулся и, наклонившись, поцеловал ее в губы. — Одевайся.

— Нет, я не поеду. Привези его ко мне, сюда. Пожалуйста, Джек, привези мне моего малыша.

— Нет, Кэрол, сюда я его не привезу. Поэтому поехали домой.

Радость исчезла с ее лица, и она медленно отстранилась от него.

— Какой же ты все-таки жестокий, Джек, — тихо сказала она.

— Это ты жестока, и ко мне, и к Патрику. Как же ты не понимаешь, что своим упрямством делаешь все только хуже, для всех нас. Я не буду тебя больше просить, Кэрол, сейчас я делаю это в последний раз. Возвращайся.

— Вернуться? После того, как ты убил Куртни? — глаза Кэрол сузились. — Джек, ты что, ненормальный?

— Я ее не убивал, — холодно возразил он.

— Ты теперь и меня убьешь, да? Ведь я знаю, что это ты подстроил аварию.

Он снисходительно улыбнулся.

— Ты ошибаешься.

— Я не люблю тебя больше, Джек. Я тебя ненавижу. И хватит за мной бегать, чего привязался, как назойливая муха, а? Где твоя хваленая гордость и надменность? Может, еще в ногах у меня поползаешь, умоляя тебя не бросать?

Он побагровел, глаза его почернели. Кэрол попятилась от него назад, но он молниеносно схватил ее за руку и вышел за дверь, таща за собой.

— Все, хватит! Я дал тебе возможность вволю повыведываться и надо мной поиздеваться — достаточно!

— Отпусти! Я не пойду! Я не хочу!

— Домой, я сказал! — он грубо затолкнул ее в лифт. — И придержи свой язык. Если я еще раз услышу или узнаю, что ты обвиняла меня в смерти Куртни... Придержи свои бредни при себе, ясно?

Крепко взяв ее за плечи, он впери в нее свой невыносимый яростный взгляд.

— И только попробуй еще раз от меня уйти... и я тебя убью.

По дороге он успокоился и смягчился, поглядывая на молчаливо и неподвижно сидящую рядом жену. С отстраненным лицом она тоскливо смотрела в окно, на освещенные огнями улицы. Она больше не спорила и не пыталась ему сопротивляться. Казалось, она даже не замечает его, думая о чем-то своем. Джек не пытался с ней заговорить. Да и говорить сейчас не о чем. Он не собирался насильно тащить ее домой, но теперь, когда она винит его в смерти Куртни, он больше не мог рассчитывать на то, что она вернется сама. Нет, считая так, она бы никогда не вернулась. К тому же он боялся и не хотел оставлять ее сейчас одну. Теперь, когда она будет дома, с ним, ему будет легче убедить ее в своей непричастности к аварии, добиться снова ее доверия и смягчить ее сердце. Поупрямится, да успокоится. Ведь она любит его, чтобы не говорила. И это его главный козырь.

Остановившись у дома, он вышел из машины и, открыв дверцу, подал ей руку. Все с тем же отстраненным видом Кэрол вложила кисть в его ладонь и позволила отвести себя в дом. Не говоря ни слова и не ответив на приветствие Норы, она прошла мимо нее в спальню. Джек велел Норе разогреть ужин и подать в спальню, и пошел следом за женой.

Когда он вошел, она уже лежала на постели, и снова тоскливо смотрела в окно. Опустившись в кресло, он взял трубку и позвонил Джорджу, чтобы она могла слышать их разговор. Он велел отцу возвращаться, сказав, что Кэрол вернулась домой, но тот возразил.

— Я сказал, что привезу мальчика в нормальную семью, а то, что ты ее притащил домой, еще ничего не значит. Я не позволю, чтобы малыш слышал, как она обвиняет тебя в смерти Куртни, и как вы грызетесь! Вот как помиритесь, так мы и вернемся.

Джек разозлился.

— Я не спрашиваю тебя отец, когда ты планируешь вернуться, я сказал, чтобы ты завтра же привез моего сына домой!

Он заметил, что Кэрол смотрит на него с затаенной мукой и надеждой в глазах.

— Ты меня слышишь, отец? Утром же вылетайте.

— Я слышу тебя, сынок, я стар, но пока еще не глухой. Надеюсь, ты тоже не стал туг на ухо? Или мне повторить еще раз то, что я сказал? Я знаю, что пока ничего хорошего мальчика дома не ждет, и ему лучше здесь, подальше от вас и ваших проблем. Я не позволю вам причинить ребенку страдания вашей междоусобной войной. К тому же похороны, рыдающая Кэрол... все это ни к чему видеть ребенку.

— Вот именно, отец... Кэрол сейчас тяжело, а сын ее утешит, отвлечет. И она скучает по нему. Видел бы ты, с каким страданием она на меня сейчас смотрит, — Джек бросил теплый взгляд на нее. — К тому же, я уверен, что когда Патрик будет здесь, у нас все наладится гораздо быстрее.

— А я не уверен. Я понимаю, что ей тяжело, что она любила Куртни, но не надо делать

из ребенка отдушину. Сам ее утешай, на то ты и муж, черт бы тебя побрал! И сам исправляй все то, что натворил и налаживай ваши отношения, а не используй для этого ребенка! Вам-то что, вы перебеситесь и успокоитесь, а ребенку травму можете нанести, ведь детская душа такая хрупкая! Пока вы там воюете и деретесь, мы с ним здесь живем легко и беззаботно. Ему хорошо, весело, не переживай.

— Отец... — Джек поднялся и раздраженно стал мерить комнату шагами. — Это мой сын, и я лучше знаю, где ему сейчас надо быть! И это мне решать, а не тебе, я его отец!

— Отец он! — презрительно хмыкнул Джордж. — Да ты даже с бабой своей справиться не можешь, куда тебе сына воспитывать? Чему ты его научишь? Быть таким же идиотом и размазней, как ты?

Джек резко остановился, яростно заиграв желваками.

— Ах ты, старый осел... — выдохнул он возмущенно. — Что б завтра Патрик был здесь, ясно тебе? Или ты никогда его больше не увидишь!

— Да пошел ты, щенок! Еще указывать он мне будет! Это вы его никогда не увидите, если за ум не возьметесь, можешь так и передать своей обожаемой жене!

— Отец, не выводите меня...

— Ой, напугал! С твоим сыном все в порядке, иди лучше, трахни как следует свою жену, что б вся дурь из нее вышла и шелковая опять стала. Тогда и мы с Патриком приедем. И не пытайся сам его забрать, Джек, ты меня знаешь, ребенка я не отдам. Слушай меня, обалдуй, если своя голова не работает, я ж для вас стараюсь... для тебя.

— Я заберу его. И пошел ты к черту, без тебя разберусь!

— Нет, ты его не заберешь. Мы сегодня отправляемся с ним в путешествие. Автостопом. Мальчишка в восторге. Нас с ним ждут приключения, и не пытайся нам помешать, только ребенку настроение испортишь. Мы позвоним через неделю, узнаем, как у вас с Кэрол дела.

И, прежде чем Джек успел что-либо сказать, Джордж прервал связь.

Джек с досадой бросил трубку в кресло и повернулся к Кэрол.

— С ним бесполезно спорить.

Она ничего не ответила, отвернулась и снова уставилась в окно.

— Кэрол... ведь он прав. Рику действительно лучше сейчас с ним, чем с нами. Мы с тобой думаем только о себе. Наш сын будет страдать, если вернется сейчас к нам. Я сам очень по нему скучаю, но так действительно пока будет лучше. Для него. Разве ты не согласна? Или тебе наплевать на Рика?

Она промолчала.

Что ж, придется Джорджу вечно скитаться по свету с Патриком, дожидаясь, пока у нее с Джеком все станет по-прежнему. Они просто шантажируют ее, оба, отобрав у нее ее мальчика.

Спрятав лицо в подушку, Кэрол беззвучно заплакала, чувствуя безумную тоску по ребенку. Как мечтала она прижать его к груди, чтобы его маленькие ручки обняли ее, чтобы он поцеловал ее... Как хотела услышать его голос, увидеть его маленькое хорошенькое личико, красивые ясные глазки... Она бы обняла его и забыла обо всем на свете.

Нора принесла на большом подносе ужин, но Кэрол даже не повернулась, как не просил и не настаивал Джек. Тогда он перевернул ее на спину силой и, наклонившись, поцеловал в губы. Кэрол отвернулась.

Схватив ее за подбородок, он снова повернул к себе ее лицо.

— Не отворачивайся от меня, — тихо сказал он, и в его голосе послышалась ярость,

которую он пытался скрыть за спокойствием и мягкостью. Снова наклонившись, он коснулся губами ее шеи, обвивая ее талию руками.

Кэрол с силой оттолкнула его и попыталась вскочить, но он уложил ее на место и уселся сверху. Сорвав с нее блузку и избавившись от своей рубашки, он вздрогнул и побелел от бешенства, когда она вдруг ударила его по лицу. Кэрол попыталась столкнуть его с себя, но он, разозлившись, не позволил ей это сделать.

Несколько минут они яростно боролись, оба задыхаясь от бешенства. Джек с трудом с ней справлялся, потому что в нее опять словно бес вселился. Она отбивалась с той иступленностью и агрессией, какие ему уже доводилось в ней наблюдать. И он все еще поражался этому, как тогда, когда она бросалась на него с ножом, когда дралась с ним, так не похожая на его Кэрол. В самом деле, что с ней произошло, что за дьявол в нее вселился? Откуда столько злобы, столько жестокости и агрессии? Где его мягкая и покорная жена? Так не похожа она была на себя в эти моменты, как будто перед ним был абсолютно другой человек...

Кровь в нем закипела, зашумела в ушах, сердце гневно и злобно колотилось в груди, уязвленное ее нежеланием близости с ним. Ни одна женщина не может его отталкивать, а она — тем более. Как она смеет? Его злость смешалась с сумасшедшей страстью, которая вдруг его захлестнула в их схватке. Никогда ему еще не приходилось драться с женщиной, чтобы ею овладеть, и это подействовало на него опьяняюще, пробудив в нем какой-то совсем первобытный и животный инстинкт, подавив в нем все человеческое. Он хотел одного — взять эту строптивую сучку, чтобы она скулила под ним от удовольствия и знала, кто ее хозяин, и что его нельзя отвергать.

И чем больше она сопротивлялась, тем сильнее он зверел. С его злостью росло его возбуждение, и он вдруг стал получать от происходящего какое-то дикое удовольствие. Заметив, что он улыбается, Кэрол еще больше рассвирепела. Он еще и радуется, гад! Ненависть и гнев переполнили ее, и она схватила со столика настольную лампу и обрушила на него. Он разразился громкими ругательствами, а она смогла, наконец, спихнуть его с себя и вскочить. Она вздрогнула, когда он швырнул лампу о стену, и обернулась.

Он рванулся к ней, и она толкнула ногой столик, перевернув его вместе с подносом с посудой. Он отскочил назад под звон и грохот, затем перепрыгнул через эту преграду и схватил Кэрол.

Нора, ужинавшая в одиночестве на кухне, изумленно застыла на стуле, подняв глаза вверх, откуда доносились крики, ругательства и грохот, словно там рушилась комната. Выскочив из-за стола, Нора бросилась к спальне хозяев и нерешительно застыла под дверью, пытаясь понять, что там происходит. Прикрыв рот ладонью, она в ужасе прислушивалась к драке за дверью.

«Боже, он ее убивает! Что делать-то?» — испуганно думала она, не находя в себе мужества вмешаться. Но любопытство перебороло страх, и она осторожно приоткрыла дверь.

На полу, в хаосе разгромленной комнаты, Джек срывал с отчаянно сопротивляющейся жены остатки одежды. Нора перестала дышать, увидев, как он стащил с себя брюки и, отшвырнув их ногой, набросился на Кэрол. Она яростно закричала, пытаясь вырваться.

«Пресвятая богородица! Вот ненормальные! Перепугали до смерти... — Нора улыбнулась. — Думала, они убивают друг друга, а они так мирятся, видите ли! Чокнутые...»

Она понимала, что нужно закрыть дверь и уйти, но не могла заставить себя это сделать,

заворожено наблюдая за безумством на полу, дрожа всем телом от охватившего ее волнения. Никогда она не видела такой страсти, даже в фильмах о любви, которые любила смотреть. И это после пяти лет совместной жизни! Что же было, когда они только познакомились?

Кэрол все еще делала попытки освободиться, но уже не такие рьяные. Она вскрикивала и извивалась под ним, но уже не понятно было, от злости или от страсти. А он походил на дикого зверя, истязающего ее своей похотью, рычащего и стонущего в своем неистовстве, с искаженным от страсти и удовольствия лицом...

Да, именно таким и представляла себе Нора его в постели, необузданным, горячим, властным. Задыхаясь, она наблюдала за сладострастными движениями его молодого гибкого разгоряченного тела, за переливающимися под влажной кожей мускулами, дрожала, слыша его хриплые стоны, которые становились все громче и нетерпеливее. Заметила, как содрогнулась под ним девушка с выражением мучительного наслаждения на лице, и обессилено обмякла, прикрыв глаза. А через мгновение замер и он, уронив голову ей на плечо. Нора заметила промелькнувшую на его лице самодовольную блаженную улыбку, услышала, как он зашептал о любви, и тут же поспешно прикрыла дверь, испугавшись, что он ее заметит.

Она ушла, зная, что никогда не забудет того, что увидела. Она была уже не молода, и стыдилась своего влечения к хозяину, у которого работала уже столько лет. Она тщательно скрывала это и от него, и от всех остальных, понимая, что он никогда не посмотрит на нее, как на женщину. Все, что она себе позволяла, это мечтать о его объятиях в своей комнате, где никто не мог ее видеть... пока другие, помоложе и посимпатичнее, вкушают любовь этого потрясающего мужчины. Да еще и находят в себе силы ему сопротивляться, как эта молоденькая дурочка, которую он почему-то так любил. Ах, молодая она, ничего еще не смыслит, ни в мужчинах, ни в любви. А она, Нора, жизнь бы отдала за то, чтобы оказаться на ее месте в те минуты на полу, которые она лишь наблюдала со стороны, спрятавшись за дверь. Что ж, каждому свое.

Кому-то любовь, а кому-то предстоящая уборка в разгромленной спальне...

Прошло три дня. За это время Кэрол не сказала Джеку ни слова.

Тихая, молчаливая, безучастная ко всему, она бродила по дому или сидела в спальне.

Она не плакала, но ее глаза казались влажными, как будто в них постоянно стояли слезы. Она ничего не ела, или совсем отказываясь от еды или делая вид, что ест. Когда Нора попыталась с ней поговорить, она в ярости вышвырнула ее за дверь и велела больше не попадаться ей на глаза. Кэрол рассердилась на нее еще до этого, услышав случайно, как та рассказывает Джеку, что «опять звонил мужчина с надорванным хриплым голосом и просил к телефону Кэрол». Кэрол поняла, что это был Тим. Наверное, и Джек это понял.

Позже, когда Нора была одна, Кэрол зашла к ней на кухню, с трудом сдерживая в себе холодную ярость.

— Объясни-ка мне, милочка, почему это ты не зовешь меня к телефону, когда меня спрашивают? И почему говоришь об этом не мне, а Джеку, а?

Нора растерялась.

— Я... я подумала, что вы сейчас не в настроении с кем-то разговаривать, — она совладала с собой и устремила на Кэрол дерзкий вызывающий взгляд. — Я посчитала, что вам сейчас не до мужчин. Извините, если я ошиблась.

В печальных меланхолических глазах девушки вдруг вспыхнула такая злоба, что Нора

невольно отвела взгляд и отошла, делая вид, что у нее полно работы. Но не могла удержаться от желания уязвить ненавистную хозяйку.

— У вас появился новый воздыхатель? А что, Рэй уже прискучил? И как только Джек тебя терпит? Совсем обнаглела... Один пороги оббивает, не прогонишь, другой названивает! Ни стыда не совести. Хорошо, хоть ребенок не видит, как нас осаждают ваши любовники! Зачем же вы так? Не хорошо. Дождетесь, вышвырнет вас Джек за порог.

На губах Кэрол застыла холодная презрительная улыбка.

— Ты так думаешь, Нора? Скорее он вышвырнет тебя, когда заметит, что ты стала забывать свое место, поломойка! Занимайся своим делом, и не забывай, что ты всего лишь прислуга. И если мне кто-нибудь будет звонить, будь добра пригласить меня к телефону. Тебе понятно?

Нора опустила глаза и поджала злобно губы под неприязненным горящим взглядом хозяйки.

— Да, — процедила она сквозь зубы.

— И совсем не обязательно докладывать обо всем Джеку.

Развернувшись, Кэрол ушла к себе.

А Рэй действительно уже не один раз приходил, пытаясь с ней встретиться, но появившийся в доме в качестве охранника чернокожий верзила каждый раз выпроваживал его со двора, не пуская и на порог дома. Так распорядился Джек. Кэрол не пыталась этому воспрепятствовать и не вмешивалась, украдкой наблюдая из окна, как огромный африканец со странным именем Хок выставляет Рэя за ворота. Но Рэй всегда был упрямым. Он был уверен, что Джек удерживает Кэрол силой, что она не могла сама к нему вернуться.

— Кэрол! Кэрол, ты слышишь меня? — кричал он под окнами. — Позвони мне, малыш! Ты же можешь мне позвонить! Я не дам тебя в обиду, клянусь тебе, не дам!

А она думала только о том, что нужно поскорее уехать. Тогда у Джека не будет надобности расправляться с Рэем. Если она исчезнет, у этих двоих не останется повода для такой вражды, и есть шанс, что тогда Джек оставит Рэя в покое. Ведь преждевременная смерть Рэя может поставить Джека в щекотливую ситуацию, потому что многим было известно об их обоюдной неприязни и многолетнем соперничестве. Не факт, конечно, что Джек позволит усадить себя за решетку, но это подозрение могло бросить тень на его репутацию, к которой он теперь относился с большой щепетильностью и придавал ей большее значение, чем в молодые годы, когда именно на своей скандальной и темной репутации построил такую головокружительную карьеру. Хотя мысли и душа Джека — потемки. Нельзя было предугадать, что творится у него в голове, и как он поступит в той или иной ситуации.

Кэрол знала одно. Если она останется, то Рэй уж точно отправится вслед за Куртни... и всеми остальными. А может и Тимми, если Джек и к нему ее приревнует. Не известно, что еще там наплела ему Нора. Уехать, как можно скорее, и увезти с собой все свои тридцать три несчастья. Деньги у нее есть. Можно продать квартиру Куртни, как бы ей этого не хотелось. Но жить здесь ей все равно нельзя. На эти деньги она с Патриком проживет, пока не устроится на работу. Она не думала о том, чтобы воспользоваться завещанными ей Куртни деньгами и акциями компании. Нет, она не смеет это сделать после того, как свела Куртни в могилу.

По ночам, во сне она видела плачущую Куртни, слышала ее упреки.

«Это ты! Ты во всем виновата!».

Ее голос, ее рыдания Кэрол слышала и днем и ночью, и во сне и наяву. Кэрол ощущала себя так, будто жизнь покинула ее тело. Нежное мягкое сердечко преданной добродушной Кэрол молчало. Той Кэрол больше не было. Ее агония закончилась вместе с жизнью той, которую она привела к гибели в благодарность за ее добро, которой причинила столько боли, завладев сердцем Рэя. Внутри было что-то страшное и темное, бесконечно безнадежное, над чем разверзлась, как над пропастью, ее душа. А еще злость. И ненависть. На все и на всех. И на себя в первую очередь.

Когда Нора собирала тарелки с нетронутой едой, над которыми она для вида посидела, между ними снова вышел разлад. Кэрол безучастно слушала ее ворчание по поводу того, что она отказывается есть, но ее словно вернули к жизни слова, которые она уже не могла пропустить мимо ушей.

— Что, совесть замучила? Или только пытаешься продемонстрировать, какое у тебя великое горе? Не старайся, все равно никто не поверит. Если бы ты хорошо относилась к этой несчастной женщине, приютившей тебя, или хотя бы уважала ее, не стала бы спать с ее мужем!

Кэрол подскочила, как ужаленная, и в слепом бешенстве набросилась на служанку. Схватив ее за волосы, она подобрала с подноса десертный нож и с искаженным безумной яростью лицом просунула пальцы женщине в рот, оттянув вниз ее нижнюю челюсть. Нора завопила, увидев, как она заглядывает ей в рот, целясь туда ножом.

— Высовывай свой грязный язык, гадина! Пора его немного укоротить, слишком он у тебя длинный!

Нора оттолкнула ее, и Кэрол, бросив нож, схватила ее обеими руками, протащила через всю комнату и изо всех сил вышвырнула за дверь.

— Не попадайся мне больше на глаза, или я за себя не ручаюсь! — прорычала девушка и захлопнула дверь. А через секунду следом за Норой вылетел и полный поднос.

Когда пришел Джек, Нора бросилась к нему с безутешными рыданиями, рассказывая, как его жена набросилась на нее с ножом и пыталась отрезать ей язык.

— Значит, правду о ней написали в газетах! — жалобно скулила она. — Что она психопатка и маньячка! Боже, ужас-то какой...

— Помолчи! — грубо оборвал ее Джек, заставив ее мгновенно притихнуть. — Держи свой язык за зубами, иначе я сам тебе его отрежу! Моя жена глубоко страдает, а ты ее чем-то расстроила, вот она и припугнула тебя!

— Вы просто не видели... — чуть слышно прошептала Нора. — Она не пугала. Она засовывала мне в рот нож... она на самом деле хотела отрезать мне язык. Видели бы вы ее глаза... Вы можете сердиться на меня, можете выгнать, но я все равно вам это скажу — ваша жена сумасшедшая и место ее в дурдоме! Я к ней и близко больше не подойду, и буду запираюсь на ночь. Я бы ушла, да идти мне не куда. И к вам я привыкла. Не обижайтесь на меня, мистер Рэндэл. Но боюсь я. Как бы беды не было. Опасна она. А еще ребенок... Впрочем, не мое это дело. Извините.

И она поспешно удалилась, бросив напоследок на него перепуганный взгляд. Джек поднялся в спальню и пытался поговорить с Кэрол, но она молчала, даже не повернувшись к нему, разглядывая в окне синюю полосу океана и быстро темнеющее небо. Бледное и неподвижное, осунувшееся и похудевшее за эти три дня, лицо ее походило на маску невыразимой скорби, в которой она замкнулась от всего мира. Джек и понимал и не понимал, что с ней происходит. Он не знал, что ему делать. Тревога и беспокойство его

достигли предела. Сначала его бесили и выводили из себя эти ее новые выходки, молчание, отказ от еды, отстраненный безучастный вид, и все это он воспринимал, как бунт. Но сейчас он уже даже злиться не мог на нее. Она представляла собой одно сплошное страдание, ему стало ее непомерно жалко. Как бы не старался он ее утешить, поддержать, отвлечь, он не мог до нее достучаться. Она обращала на него внимание и слушала только, когда он говорил о Патрике. Создавалось впечатление, что это было единственное, что ее теперь интересовало. А с ним она была чужая, холодная, безразличная, какая-то очень далекая. Лишь время от времени он замечал, как в ее глазах вспыхивала жгучая ненависть. Но не это его беспокоило. Ее притянутая за уши неприязнь уйдет, когда он убедит ее в своей непричастности к гибели Куртни. Самое ужасное было то, что он вдруг перестал ощущать ее любовь к нему. Но поверить в то, что он вот так внезапно стал ей безразличен, он не мог. Так не бывает. Она не могла его вот взять и сразу разлюбить. Она никогда не сможет его разлюбить, он так считал. Это невозможно.

Его все больше угнетало то, что между ними происходит. Он устал от этого, желая прежнего мира, покоя и согласия, уюта, теплоты, комфорта, которые он всегда ощущал дома, в окружении своей семьи. Он соскучился по Рику. И еще больше — по Кэрол. По той, другой Кэрол, его Кэрол, нежной, уступчивой, ласковой, любящей, заботливой. Ему хотелось, чтобы она снова смотрела на него с восхищением и обожанием, чтобы улыбалась ему, прижималась к нему по ночам и с готовностью отвечала на все его желания.

Два дня назад, взяв ее силой и с боем, он получил незабываемое удовольствие. Но она его перехитрила, поняв, что сопротивления его только раззадоривают, и перестала противиться. В тот же вечер, когда он снова воспылал желанием, она встретила его ласки смиренно, но с отвратительным равнодушием, пренебрежением и холодностью, которые подействовали так, будто его окатили ледяной водой, мгновенно сбив с него весь пыл. Он был в страшной ярости. Но она победила. Он просто не смог заниматься с ней любовью, когда она так равнодушна, хоть и понимал, что, скорее всего, она просто притворяется, потому что, не смотря на все свои сопротивления, там, на полу, она получила не меньшее удовольствие, чем он.

Эта безжизненная мумия, стоявшая сейчас у окна и невидящими глазами разглядывающая небо, ему не нравилась и абсолютно не устраивала. Даже больше, чем злобная и ненавистная фурия, бросающаяся на него с ножом или с кулаками, которая хоть и не нравилась, но дико возбуждала. Ему не нужна была ни та, ни другая. Он хотел увидеть прежнюю Кэрол. Он в ней нуждался, очень нуждался, и впервые почувствовал это за пять лет. Вспомнил, как плохо ему было, когда перестал видиться с ней после смерти Мэтта. Так плохо, как никогда. Вспомнил, как ему ее не хватало, как он по ней тосковал, как терзался своей неуправляемой любовью. И жизнь была не мила, и работа, и ничего не хотелось, и мысли все только о ней... Он не хотел, чтобы это повторилось. Он больше не допустит. Она будет с ним, потому что он этого хочет.

Он помнил, что ему понадобилась вся его сила воли, чтобы заставить себя выгнать ее после того, как она, наконец, оказалась в его постели. Так хотелось забыть про свою обиду и уязвленную гордость, но он не мог. Не мог простить ей целый год своих мучений, на которые она его обрекла. Того, что отталкивала, что хотела убежать от него, и убежала бы, не запири он заранее дверь. А когда она ушла, он почувствовал себя самым несчастным человеком на свете. Да, он мстил, он хотел унижить ее, причинить боль, и только потом смилостивиться и над собой, и над ней, и позволить любить. Да, он смалодушничал, оставив

себе свою игрушку — Даяну, но только забавы ради, уверенный в том, что никогда Кэрол об этом не узнает. Он не хотел делать ей больно, но для него всегда было естественно то, что у мужчины должны быть женщины. Самой природой так велено. Он так привык, и для него это было нормальным. И он искренне удивлялся и не понимал, почему его измены заставили Кэрол усомниться в его любви. Разве не видит она, как сильно он ее любит? Разве он был плохим мужем? Нет, он изо всех сил старался, чтобы и ей, и Патрику было с ним хорошо. И ведь она всем была довольна. А теперь хочет все перечеркнуть, разрушить, не желая прощать ему какой-то его прихоти, которая для него самого значила не более чем просто каприз. Он готов был попытаться жить по ее правилам, если для нее это так важно, и стать верным добропорядочным мужем. Может, это на самом деле не так уж страшно, как ему всегда представлялось. Ну, в крайнем случае, он будет более осторожным, чтобы больше не попасться, как глупый мальчишка...

Но она не хотела принимать никаких условий. Она ничего не требовала, отказываясь от него, от их семьи с такой легкостью, что его переполняли обида и возмущение. Но он все еще не признавал, что она искренна и тверда в своих намерениях, что ее уход — обдуманное и непоколебимое решение, а не обида и порыв его наказать и заставить страдать в отместку, за которым скрывалось намерение в итоге вернуться. Но вот если она будет считать его виновным в смерти Куртни — это уже будет серьезной помехой в их любви и совместной жизни. Но это тоже не проблема. Он ее разубедит, как только она немного придет в себя после потрясения и горя. Вот только расправиться с Рэем теперь было слишком рискованно. Если с ним что-нибудь случится, она, не задумываясь, свалит это на него, Джека. И переубедить ее будет уже тяжелее. К тому же, он обещал Куртни...

«Поживем — увидим, — размышлял Джек. — Пока просто не буду подпускать его к Кэрол. Но, сдаётся мне, этот малый не успокоится, особенно теперь, когда нет Куртни».

Джек думал, как бы от него избавиться, чтобы и не очень нарушить данное Куртни слово, и все-таки избавиться от этого назойливого наглеца раз и навсегда. И его осенило. А не отправить ли Рэя в тюрьму? Плевое дело, когда он усядется в кресло управляющего крупной строительной компании со своими куриными мозгами. Если сам не облажается, так Джек ему не заметно подсобит, что б облажался лет эдак на десять тюремного заключения. А Кэрол посадить на его место. Пусть управляет, все при деле будет, и некогда будет думать о своих обидах и подозрениях. А он ей будет помогать и подсказывать. А Рэй в тюрьме за все поплатится. Такого сексапильного красавчика там на части порвут, а когда он выйдет на свободу, то уже не будет помнить о том, что он мужчина.

На следующий день была назначена панихида.

В церкви собралось столько народу, что не все уместились внутри, и еще толпа стояла у входа. Проститься с Куртни пришли все сотрудники ее компании, друзья и недруги, партнеры и конкуренты по бизнесу. К тому же собралась пресса.

Джек Рэндэл с женой приехали последними. Выйдя из машины, они мгновенно оказались под прицелом многочисленных фотоаппаратов, в лицо знаменитого адвоката полезли микрофоны, оглушили посыпавшиеся со всех сторон громкие беспорядочные вопросы. Журналисты хотели знать ответы на вопросы о внезапной кончине одной из самых сильных женщин города, лидера крупной строительной компании, подробности трагедии, а также, кто будет ее приемником и займет ее место. И именно на Джека Рэндэла обрушилась пресса, не только как на личного и первого адвоката усопшей, но и как ее поверенного,

друга, ее правую руку и ее покровителя, охранявшего ее бизнес, а к тому же еще и зятя. Пресса была уверена, что только он один может дать ответы на все интересовавшие ее вопросы, что он знает все и обо всем, как никто другой. И это на самом деле было именно так.

Но Джек Рэндэл сейчас не был расположен к общению с прессой, поэтому раздраженным и властным жестом отвел от себя микрофоны.

— Потом... не сейчас! — буркнул он и, придерживая жену под руку, прошел сквозь стену репортеров, недовольно шурясь от фотовспышек, красивый, элегантный в строгом черном костюме, но мрачный и угрюмый.

Прямая и бледная, с застывшим, скованным горем лицом, рядом с ним шла жена. Казалось, она не замечает ни репортеров, ни фотоаппаратов, смотря мимо и сквозь них своими изумительными прекрасными глазами, которые неестественно блестели от сдерживаемых слез. У нее был вид только что вышедшей из салона красоты женщины, впрочем, как всегда, когда она выходила из дома. Она была истинной воспитанницей Куртни Мэтчисон, которая, не смотря на то, что природа не наделила ее красотой, всегда умела выглядеть прекрасно. Но ее протеже превзошла ее, потому что, помимо умения выглядеть шикарно и безупречно, обладала еще и красотой.

И сейчас, даже в момент искреннего горя, которое не вызывало ни у кого ни малейших сомнений в его подлинности, она не посрамила свою обожаемую покровительницу, отдавая ей должное своим прекрасным безупречным обликом и не стесняясь подражать ей в том, чтобы оставаться великолепной женщиной в любой ситуации, и в радости, и в горе.

Да, Кэрол как никогда постаралась над своей внешностью, для *нее*, для Куртни, и только для *нее*. Куртни никогда бы не простила, если бы она заявила в такой день, посвященный *ей*, в ином виде. Куртни учила ее быть красивой. Всегда. Не смотря ни на что. Кэрол хотела, чтобы Куртни знала, что она помнит все, чему *она* ее учила, и всегда будет такой, какой *она* хотела бы ее видеть. Что всегда Куртни будет оставаться ее идеалом, ее образцом для подражания. Кэрол так хотелось, чтобы весь мир узнал, что значила для нее эта женщина, и сколько преданности *ей* она хранила в своем сердце.

Сегодня, на виду у всех, она будет сильной. Потому что этого всегда требовала от нее Куртни. *Она* этому ее учила. Руки Кэрол дрожали, как в лихорадке. Она боялась. Боялась того момента, когда увидит Куртни в гробу. Боялась, что не хватит сил достойно через это пройти.

Джек крепко сжимал ее трясущуюся руку, как будто хотел передать ей часть своих неиссякаемых сил и мужества, постоянно бросал на нее встревоженные сочувственные взгляды, смотря своими холодными стальными глазами, которые в эти мгновения наполнялись лаской и нежностью. Кэрол не замечала, сколько любви было в его взгляде, поглощенная своим горем. Но невольно взяла его под руку, нуждаясь в его поддержке, когда они входили в просторный зал храма, переполненный людьми. Джек прикрыл теплой ладонью ее кисть, дрожащую на его руке. Кэрол посмотрела на него. Губы его тронула ласковая грустная улыбка, и он невесело ей подмигнул, пытаясь приободрить. Кэрол хотела улыбнуться в ответ, и не смогла. Она прижалась плечом к его плечу, превратившись, наконец-то, в *его* Кэрол, которая любила его и искала у него защиты и поддержки.

И так они прошли по ковровой дорожке через весь зал в гнетущей тишине и под пристальные взгляды всех присутствующих. Кэрол ничего не замечала вокруг, неотрывно смотря на красивый открытый гроб, который с каждым шагом становился все ближе.

Когда они подошли к нему, Кэрол застыла, с удивлением смотря на Куртни, словно не могла понять, что она делает в этом гробу. Не могла поверить, что это Куртни. Она была красива, так красива, как никогда при жизни, и выглядела совсем молодой. Лицо ее было все таким же строгим и суровым, но в уголках губ Кэрол разглядела застывшую улыбку. Кэрол отстраненно подумала о том, что тоже бы хотела быть такой прекрасной, когда смерть возьмет ее жизнь. Даже теперь Куртни не изменила своим убеждениям и правилам. Быть прекрасной, всегда. Даже мертвой.

И только теперь Кэрол почувствовала, что оцепенение ее проходит, впервые с того момента, когда Джек сказал, что Куртни больше нет, что только сейчас она осознала, что Куртни умерла, увидев ее мертвой, в гробу.

Все вокруг вдруг пошатнулось, и Кэрол почувствовала, как сильные руки Джека придержали ее, и смутно до ее сознания дошло, что это она качается, а не храм. Кэрол повернулась и взглянула на Джека. Медленно, как можно незаметнее для других, она убрала с себя его руки. Руки убийцы. Горячая волна ненависти захлестнула ее, ненависти, смешанной с пронзительной болью. Он увидел это. Он понял. И побледнел.

Они отошли от гроба, и навстречу им выскочил Рэй. Поцеловав Кэрол в щеку, он взял ее за руку и увлек за собой, к отведенным для них местам в первом ряду. Усадив девушку на лавку, он заглянул ей в глаза.

— Как ты, солнышко?

Высвободив от него свою руку, она отвернулась, проигнорировав его вопрос. По другую сторону сел Джек. Кэрол не смотрела ни на того, ни на другого, устремив взгляд на гроб. Она сидела прямо и напряженно, между ними, и это было для нее нестерпимым. Внутри все горело от ярости и ненависти к этим двоим, ей казалось, что они давят на нее с двух сторон, давят так, что она не могла ни вздохнуть, ни расслабиться. Ей приходилось подавлять в себе безрассудные порывы пересесть на другое место, подальше от них, но она не могла это себе позволить на виду у всех. Это не останется незамеченным. Ничего, она потерпит, ради Куртни. Скоро она избавится от этих двоих, будет далеко-далеко отсюда, и сможет, наконец, вздохнуть свободно. Боковым зрением она замечала, как Рэй то и дело косится на нее. Он даже попытался снова взять ее за руку, но Кэрол резко вырвалась, на этот раз не сумев скрыть своего раздражения и злости.

Заметивший это Джек бросил на Рэя насмешливый презрительный взгляд, чрезвычайно довольный тем, как стала реагировать на него Кэрол. А он, несчастный, не мог понять, что с ней происходит и почему она так к нему настроена. Ведь он не знал, что Кэрол винит его в смерти Куртни, возможно, даже больше, чем Джека. Не знал, что авария была подстроена, чтобы расправится с ним, похотливым жеребцом, открыто, в наглую волочащемся за чужой женой. Что Куртни отдала свою жизнь вместо его жизни. А он об этом даже не догадывался, не понимая, какой ценой остался жив... Но Кэрол-то знала, и Джеку этого было вполне достаточно. Все, у этого плейбоя не осталось никаких шансов. Она не желает его даже видеть. А он, Джек, перебросит долю своей вины на него в глазах Кэрол, что-что, а убеждать он умел. Но, если этот красавчик и дальше будет надоедать...

Джек чувствовал на себе его злобные неприязненные взгляды, но ни разу на него не взглянул, спокойно слушая выступления друзей и партнеров Куртни, которые по очереди выходили из зала, чтобы сказать о ней свое последнее слово. Рэй его сейчас совершенно не интересовал, зато его внимание привлекал кое-кто другой.

Джек заметил его еще на улице, выхватив из толпы своим цепким взглядом сразу же,

как только вышел из машины. Впрочем, его трудно было не заметить. Он выделялся огромным ростом и сверкающими на солнце необычными пепельными волосами. Джек заметил, как пристально он смотрел на него и Кэрол, пока они шли к храму. Теперь он стоял у боковой стены, среди людей, которым не хватило места, чтобы сесть, и ни на секунду не отрывал глаз от Кэрол, которая, погрузившись в себя, не догадывалась о его присутствии. Зато все внимание Джека было обращено к нему, хотя внешне он этого не показывал. И этот мальчишка, не предполагая, что он за ним наблюдает, продолжал во все глаза пялиться на Кэрол.

Не выдержав, Джек повернулся и в упор посмотрел на него, перехватив его взгляд. Тот отвел глаза, но не сразу, что еще больше разозлило Джека, как и спокойный тяжелый взгляд, которым тот пренебрежительно смотрел прямо ему в глаза. И только когда на лице Джека отразилось насмешливое презрение, парень отвернулся, безошибочно угадав, что хотел этим сказать ему Джек. «Ты куда лезешь, урод? Прежде чем засматриваться на женщин, взгляни лучше на себя в зеркало и вспомни о своей безобразной морде!». С удовлетворением Джек разглядел на его лице выражение ярости и с трудом удержался от улыбки. Но потом окинул парня пристальным взглядом, тщательно разглядывая. Глаза его зло прищурились.

Как только он отвернулся, Тим снова уставился на Кэрол.

Кровь у Джека закипела. Покосившись на Рэя, он увидел, что тот тоже заметил упорно смотрящего на Кэрол парня, и недоуменно разглядывает его, нахмутив густые темно-русые брови. Кэрол, заинтересовавшись тем, на кого это так сердито смотрит Рэй, проследила за его взглядом. С удивлением она слегка кивнула Тиму, поздоровавшись. Он почтительно склонил голову.

— Кто это? — прошептал Рэй.

Кэрол посмотрела на произносящего у трибуны речь Касевеса, снова проигнорировав вопрос. Джек по-прежнему хранил молчание, и тоже смотрел на Касевеса. Когда он закончил говорить, неожиданно поднялась Кэрол и решительно вышла к микрофону. Джек выпрямился и весь напрягся, проводив ее встревоженным взглядом.

Бледная, красивая, во всем черном, с уложенными в строгую, но красивую прическу золотистыми волосами, она замерла, устремив в зал плачущие без слез глаза, в которых притаилось странное отчаяние. Она заговорила очень тихо, почти шепотом, но голос ее был отчетливо слышен в тишине огромного зала.

— В самые тяжелые моменты своей жизни, я называла ее мамой... называла при своей живой матери. Иногда она называла меня дочерью, хотя я ей таковой не была. Она спасла меня, защитила, когда я была чужим, ничего для нее не значащим ребенком. Она приняла меня в свой дом, в свою семью. Я обязана ей всем. Всем. Даже тем, что я стою здесь, живая... А она... — Кэрол осеклась и, обернувшись, посмотрела на покойную. Глаза ее расширились, а лицо вдруг посерело.

Джек взволнованно поднялся и шагнул было к ней, но остановился.

Кэрол снова заговорила. И он не узнал ее голоса.

— Я умоляла Господа взять мою жизнь и сохранить ее... но он не услышал меня. Я так и не отблагодарила ее. И никогда не смогу этого сделать. А я так об этом мечтала... Она любила меня, любила до последнего вздоха... любила, когда должна была ненавидеть...

Тут подскочил Рэй, но Джек властно схватил его за руку, остановив.

— Что она несет?! — прошипел, задыхаясь Рэй. — Останови ее, Джек!

— Она говорит только правду... то, что есть на самом деле, — шепнул в ответ Джек. —

Ведь действительно, Куртни должна была ненавидеть, а она все равно любила, и тебя и ее... вопреки здравому смыслу и всякой логике! Так что заткнись и не лезь!

Кэрол отошла от микрофона и склонилась над гробом.

— Прости меня, — прошептала она так, что никто не мог слышать ее. — Прости! Если бы только знала, как я себя ненавижу... как больно мне от того, что причинила тебе боль... что навлекла на тебя смерть. Никогда я себя не прощу. Мамочка, моя мамочка... Что же я с тобой сделала? Как же мне теперь с этим жить? Встань и позволь мне занять твое место...

Но Куртни лежала и лишь нежно улыбалась ей уголками неподвижного рта, молодая, беззаботная. Она не ведала больше боли и страданий, она оставила их им, живым. Ей, Кэрол. В этом и есть ее наказание. Ее проклятье. Жить, хоронить тех, кого любит и ощущать свою вину, не зная никогда покоя. А также ненавидеть мужчину, дороже и важнее которого не было в ее жизни.

Кэрол не знала, как у нее хватило самообладания досидеть до конца.

Она смотрела на Джека, который что-то красиво говорил в микрофон, блистая своим превосходным ораторским талантом, которого все слушали, затаив дыхание, и который заставил прослезиться каждого присутствующего.

О, да, он умел красиво говорить, говорить так, что его хорошо поставленный приятный голос, его слова слушали не ушами, а сердцем. Кэрол смотрела на него с холодной презрительной улыбкой на губах, которые кривились от отвращения и невыразимой неприязни. Она ненавидела его, даже если он был искренен в своей печали и сожалении, не могла и не хотела сейчас это скрывать. Ни сейчас, ни потом.

И он, заметив, как она на него смотрит, с трудом сохранил невозмутимость и окончил свою речь.

Когда говорил Рэй, она опустила взгляд и не смотрела на него. Она хотела ненавидеть его и не могла.

Он говорил сбивчиво, голос его дрожал, и слова его были наполнены любовью и болью. И вид у него был какой-то жалкий и виноватый, в отличие от Джека, который всегда держался с важностью и высокомерием, никогда не позволяя показать себя слабым, просто человеком, а не богом...

Медленно Кэрол подняла глаза на Рэя.

Он был очень красивым в черном костюме, который превосходно сидел на его крепкой спортивной фигуре, и Кэрол снова им невольно залюбовалась. И вдруг подумала о том, что, может быть, с таких вот взглядов, которые ей самой казались невинными, все и началось? «Ты всегда на меня так смотрела» — вспомнила Кэрол его слова. И она закрыла глаза, из которых вдруг побежали слезы. Боже, и Куртни тоже видела ее взгляды, в которых она, Кэрол, просто не отдавала себе отчета, порой даже не замечала, и никогда не придавала им значения, не догадываясь, что их замечает Рэй и принимает по-своему. Но ведь она всего лишь восторгалась тем, как он красив... и только. Или не только? Если не побояться быть откровенной, ведь еще девочкой ей казалось, что она немного в него влюблена, даже когда считала его своим отцом. Она думала, что это ее маленький секрет, а он знал, он понял, почувствовал своей мужской душой... и просто отреагировал. Она его спровоцировала, сама того не понимая, и еще удивляется и возмущается, как он мог ею увлечься! Она сама, первая это начала. Дура, идиотка. Нет ей прощения. Более того, она все еще продолжает так же на него смотреть, а потом изумляется, чего он так к ней прицепился. Наверное, и Джек замечал это, потому так и ревновал.

Когда все закончилось, Кэрол первая бросилась к выходу, чувствуя, что в ней не осталось больше воли держаться. Она плакала, а Куртни ей запретила это, поэтому она поспешила уйти. А также убежать от Джека.

Он бросился было за ней, но его кто-то задержал.

Кэрол выскочила на улицу, но ее кто-то схватил за руку и остановил. Обернувшись, она увидела Рэя.

— Пстой, — взволнованно проговорил он. — Поговори со мной, Кэрол. Ты сердишься на меня? За что?

Кэрол попыталась освободиться, но он еще сильнее в нее вцепился, схватив обеими руками за плечи.

Он хотел что-то сказать, но вдруг дернулся и вскрикнул. Отпустив ее, он отскочил в сторону и обернулся, посмотрев сначала на оскалившегося и рычащего на него пса, а потом — на свою порванную штанину.

— Вот гад! Он меня укусил!

Кэрол улыбнулась сквозь слезы, узнав Спайка, и подняла взгляд на подошедшего Тима.

— Кэрол... все в порядке? — настороженно спросил он, изучая Рэя мрачным взглядом.

— Да, спасибо. Извини, я... я должна идти! — Кэрол развернулась и побежала по улице. Рэй рванулся было следом, но пес преградил ему дорогу, злобно рыча сквозь обнаженные острые зубы. Рэй бросил на его хозяина яростный взгляд.

— Убери своего пса!

Но Тим отвернулся от него, и проследил взглядом за Кэрол, которая мгновение спустя скрылась в переулке. Из храма вышел Джек и остановился, ища взглядом Кэрол. Тим посмотрел на Рэя, потом на Джека, который задержал на нем свой взгляд, и, не сказав ни слова, неторопливо пошел прочь. Пес посеменил за ним, все еще гулко ворча.

— Это еще что за красавчик с разодранной мордой? — прорычал Рэй, задыхаясь от ярости.

— Где она? — резко отозвался Джек, проигнорировав вопрос, не отрывая взгляда от удаляющегося Тима.

— Сбежала, — Рэй повернулся к нему и улыбнулся. — Что, опять прошляпил? Ну и лопух же ты, Рэндэл!

— Заткнись, придурок, — презрительно отозвался Джек.

— Придурок? Это еще вопрос, кто из нас придурок. От меня, по крайней мере, жена не бегала!

Джек оторвал взгляд от Тима и посмотрел на Рэя.

— Ты что-то путаешь, Рэй. Это от тебя Кэрол всегда бегала, разве нет? И сейчас тоже от тебя убежала. И так будет всегда. Она ненавидит тебя. Ты просто дурак, если думаешь, что теперь, когда нет Куртни, ты можешь на что-то рассчитывать. Наоборот. Мертвой, Кэрол будет еще преданней ей, чем живой.

И Джек отвернулся и, сев в свою машину, уехал.

А Рэй остался стоять на месте, подавленно опустив взгляд себе под ноги. Потом посмотрел на храм.

— Господи, никогда и ничего я у тебя не просил... а теперь прошу. Дай мне ее. Пусть она будет моей.

Он зажмурился, когда сквозь облако вдруг прорвался ослепительный луч солнца и ударил его прямо по глазам.

— И что это значит? — проворчал он, пряча лицо. — Да или нет? Плевать, все равно будет по-моему.

Тим нашел Кэрол в тупике между домов. Спрятавшись там, она сидела прямо на земле, сжавшись в комочек, и безутешно рыдала. Остановившись, он присел и, что-то прошептав на ухо Спайку, подтолкнул его вперед.

Пес подошел к девушке и лизнул ее за руку. Вздрогнув, Кэрол подняла голову. Она опешила, когда собака, упершись передними лапами в ее колени, стала слизывать с ее лица слезы. Потом отвернулась, заслоняясь руками и невольно улыбаясь.

— Ой, Спайк, не надо! — она поднялась, вытирая ладонью лицо, и взглянула на стоявшего невдалеке Тима. Улыбнувшись, он подошел к ней.

— Как ты меня нашел? — удивилась Кэрол.

— По запаху, — губы его снова тронула улыбка, только теперь лукавая. Наклонившись, он потрепал своего пса за ухо. — Спайк у меня превосходный следопыт.

Кэрол удивленно посмотрела на пса и растерянно проговорила:

— Прямо сокровище, а не собака.

— Это точно!

Он перестал улыбаться и устремил на нее робкий взгляд.

— Я... я приехал, чтобы принести тебе свои соболезнования. Я звонил, но эта женщина... домработница, сказала, что ты не желаешь подходить к телефону.

— Нет, Тим, она просто ничего мне не сказала. Я бы подошла, — она низко опустила голову, пряча заплаканное лицо. — Спасибо, что приехал. И извини, что я вот так... что убежала.

— Ничего, от нас со Спайком не убежишь, — пошутил он.

— Я просто хотела побыть одна.

— Плохое место ты выбрала для уединения. Тебя может обидеть здесь какая-нибудь шпана. Опасно такой красивой девушке одной забредать в такие закоулки.

Кэрол промолчала, продолжая смотреть себе под ноги. Тим протянул ей руку.

— Пойдем, поищем другое место... менее грязное и злое.

Но она качнула головой и снова присела, обхватив плечи руками и прислонившись к стене. Смущенно постояв на месте, Тим тоже присел и нерешительно прикоснулся к ее руке. Он не знал, что сказать. Он не умел утешать. Кэрол медленно опустила голову ему на руку, снова сев на землю, и замерла. Тогда он тоже уселся прямо в пыль и хотел погладить девушку по голове, но не решился, побоявшись повредить красивую прическу. Поколебавшись, он погладил ее по плечу.

Посмотрев на них, Спайк улегся рядом и, тяжело вздохнув, будто понимал, что происходит, положил голову на передние лапы. И так они долго сидели, почти не двигаясь, пока Тим не прервал молчание.

— Кэрол... а поехали домой?

Она подняла голову и взглянула на него.

— Куда?

— Домой. В Фарго. Погуляем, ходим на озеро, к нашей хижинке... вернее, туда, где она раньше была. Вспомним наше детство. Я всегда скучал по той поре... потому что только

тогда я был счастлив. Когда был совсем маленьким. Там похоронены мои родители. С тех пор, как меня увезли в Израиль, я навещал их всего один раз, когда искал Даяну. Знаешь, я их совсем не помню. Но бабушку помню хорошо. Я так мечтал вернуться, а когда вернулся... оказалось, что и возвращаться было не к кому. Разве что к мертвым. Город родной, но такой чужой, такой пустой... И как будто не я был тем мальчиком, что когда-то там жил... Знаешь, Кэрол, ведь я теперь совсем другой. Ты даже не представляешь себе, насколько другой. Ведь у меня даже имя другое. Я давно уже не Тимми Спенсер. И мне так непривычно, когда ты и Даяна называете меня этим именем — Тим. Оно мне такое чужое, как и не мое. Ведь женщина, которая меня украла, в подделанных на меня документах дала мне другое имя и фамилию. И национальность. Я гражданин Израиля. И зовут меня Ноэль. Ноэль Мидони.

Глаза Кэрол расширились от удивления.

— Ноэль?

— Да. Или Нол, так меня называют. И я еврей.

Мгновенье она оторопело смотрела на него, позабыв обо всех своих печалях, и вдруг прыснула от смеха.

— Еврей? — повторила она и расхохоталась.

Тим обрадовался, что смог ее рассмешить, и тоже засмеялся.

— Да, смешно, — согласился он не без доли горечи. — Но так оно и есть. Вот так можно стереть с лица земли одного человека, Тимми Спенсера, например, и создать из ничего другого, Ноэля Мидони. И попробуй, докажи, что я тот, кто официально умер четырнадцать лет назад.

— Джек отказался тебе помочь?

— Да я и не спрашивал. Само собой, я думаю. Но, если честно, мне все равно кем быть — Тимом или Ноэлем, лишь бы из страны не турнули. В Израиль возвращаться не хочется. Хочу быть американцем.

— Сейчас... подожди, — Кэрол покопалась в сумочке и достала ручку и блокнот. Написав номер телефона Уильяма Касевеса, она протянула листик Тиму.

— Вот, этот человек тебе поможет. Это мой друг. У него обширные связи, для него твоя проблема — не проблема. Я попрошу его помочь тебе. Джек Рэндэл не единственный юрист в мире! — добавила она с пренебрежением.

Взяв листочек, Тим помолчал, а потом решил спросить, смутившись:

— Вы с ним помирились?

— Нет, — Кэрол поднялась на ноги и, взяв его за руку, потянула вверх, чтобы он тоже встал. — Ой, у тебя брюки выпачкались. Давай, я стряхну...

Слегка наклонившись, она ладонью попыталась отряхнуть его брюки и вдруг замерла, краснея, смутившись от того, что делает — прикасается к его ягодицам. Убрав руки, она отступила назад. Ее повадки, с которыми она обращалась с ним раньше, когда он был мальчиком, сейчас неуместны. О чем только она думает? Додумалась же похлопать по заднице взрослого мужчину. Он сам удивился, но все же не воспротивился.

— Э-э, давай-ка сам, — смущенно пробормотала она.

Пока он отряхивался, Кэрол занялась тем же, выворачиваясь в попытке увидеть собственный зад, чтобы убедиться, достаточно ли чиста ее юбка.

Тим с улыбкой окинул ее внимательным взглядом.

— Почти чисто, — сказал он.

— Почти? Нет, так не пойдет. Где, не вижу... — она выгнулась еще сильнее, но он

осторожно взял ее за руку и повернул спиной к себе.

— Давай, я стряхну, — с усмешкой сказал он и, наклонившись, стал ладонью смахивать пыль с ее юбки.

Кэрол покорно стояла, не шевелясь.

— Что, так грязно? Не оттирается? — спросила она, поворачивая к нему голову.

— Да нет... уже оттерлось. Просто делаю вид, что отряхиваю.

— Что? Зачем?

— Понравилось.

Кэрол отступила, изумленно смотря на него.

— Ч-что... понравилось?

— Ну-у... юбка понравилась. Что же еще?

— А-а, — Кэрол отвернулась, чтобы скрыть растягивающую губы улыбку. — У тебя тоже брюки ничего.

— Правда?

— Угу.

Ну вот, теперь она узнает шалунишку, каким он когда-то был. Разве что шалости стали немного другими. Но все же он смог ее немного отвлечь от тяжелых мыслей и ноющей боли в груди, от ее отчаяния. И Кэрол согласилась поехать в город их детства и предаться воспоминаниям. Может, хоть на один день ей удастся сбежать из невыносимого и горького настоящего в далекое прошлое, которое уже не казалось таким уж ужасным.

Они побывали на озере, вспоминая, как Тимми в нем едва не утонул, а Спайк совершил свой великий подвиг, спася ему жизнь. Положили цветы на могилы его родителей и бабушки. Постояли возле дома, в котором когда-то жила его семья, и который теперь принадлежал кому-то другому. Побывали также у дома, где жила семья Берджесов. Долго сидели на бревне в роще, где был их сарайчик, в котором они проводили столько времени. Тим расчистил могилку Спайка. На дереве все еще сохранилась надпись, вырезанная Эмми. Они вспоминали свое детство, сидя рядышком на бревне, унесшись в далекое прошлое. А потом Кэрол стала рассказывать, как она жила после того, как он исчез. Все рассказала, и сама этому удивилась. Но ведь наверняка он и так все про нее знал, Даяна ему поведала об этом во всех подробностях, или это была бы не Даяна. Рассказала о пожаре, о том, как жилось ей с матерью, как она продала ее, как хотела покончить с собой, как ее забрал отец, который, как потом выяснилось, и не отец вовсе. Рассказывала, как жила у Куртни. И на этом ее рассказ закончился, закончился на том, когда кончилось ее детство и начиналась взрослая жизнь, где был Мэтт, Джек, Рэй...

Тим выслушал ее внимательно, с интересом, не перебивая. Продолжения оборванной на середине истории требовать не стал. Да и зачем? Все ведь и так знал от Даяны. Все да не все. Потому что даже Даяне она не открывалась до конца.

А Тим рассказал свою историю. Не очень подробно, правда, не так, как она, с урывками и недомолвками, но Кэрол не обиделась на него за то, что он пытается скрыть что-то, о чем бы ему ни хотелось вспоминать. Она задала ему только один вопрос, не удержавшись. Почему он не захотел жить с взявшей над ним опеку богатой вдовой, и сбежал в никуда, на улицы.

Он покраснел до корней волос, смешавшись, и Кэрол поспешила сменить тему, не настаивая на ответе.

Но любопытство ее разгорелось еще больше. Похоже, его расстроило то, что он не смог

ей ответить откровенностью на откровенность. Ведь она поделилась с ним даже тем, как поступила с ней мать, отдав мужчине еще девочкой. После долгих мучительных колебаний, он решил ответить на ее вопрос, хотя не рассказывал об этом даже Даяне.

— Я не сразу понял, зачем я ей понадобился. Она была молода, и мне казалось странным, что она решила заняться воспитанием подростка... мне было уже пятнадцать, а обычно, если и забирают в семьи детей, то помладше. Когда я у нее об этом спросил, она сказала лишь, что я «славный мальчик». Но даже тогда мне и в голову не пришло...

Он смущенно улыбнулся, снова заливаясь румянцем, увидев, как расширились глаза Кэрол.

— Ну, в общем, вот так... вижу, ты поняла.

— Боже, Тимми, но ведь ты был еще ребенком!

— Я был на год старше тебя... когда с тобой это произошло... — он осекся, пожалев о том, что сказал. — Ой, прости меня.

— Мне не было еще четырнадцати, ты прав. И я была ребенком. Я даже выглядела ребенком, девочкой, даже не девушкой пока... У меня еще даже мыслей об этом не появлялось... я имею ввиду, о сексе. Поэтому я бегала от мужчин, как от огня, и ни с кем не могла встречаться... пока не встретила с Мэттом... своим первым мужем, — голос ее наполнился бесконечной болью, которую она не смогла скрыть. — Мне было девятнадцать. До этого я ни с кем не встречалась. Рэй меня все время этим подкалывал.

— Рэй... это тот, кого цапнул сегодня Спайк?

— Ну да. Он.

— Красивый, — тихо заметил Тим, не смотря на нее.

Кэрол удивленно взглянула на него.

— Я сразу понял, что это он. Даяна мне о нем рассказывала. Ты, конечно, извини, но она мне все уши прожужжала о себе, да о тебе, когда мы встретились. Ведь больше ей рассказывать и не о чем было...

— Ничего.

Кэрол заметила, что он еще хочет о чем-то ее спросить, но не решился продолжать эту тему, понимая, что не стоит лезть туда, куда не следует. А Кэрол не хотела говорить ни о Рэе, ни о Джеке. Да и зачем? Ведь есть Даяна, которая с удовольствием все расскажет, если еще этого не сделала, в чем Кэрол сильно сомневалась, как она, Кэрол, вскружила голову мужу приютившей ее женщины, и он на глазах у всех ее вожделеет, даже не пытаясь это скрыть, унижая и оскорбляя тем самым свою бедную жену. Пусть думают, что хотят. Скоро она заберет Патрика и уедет.

Заметив, как она изменилась в лице, Тим пожалел о том, что затронули болезненное или неприятное.

— Ну, так вот, — с улыбкой продолжил он свой рассказ. — Вдовушка эта оказалась не из простых... И я сдернул от нее.

Глубоко вздохнув, Кэрол устремила на него сочувствующий ласковый взгляд.

— Не побоялся...

— Нет. Не захотел быть игрушкой. Пришлось скрываться — она искала меня. Полиция меня однажды ей доставила, но я опять сбежал и больше не попадался. Далеко ушел. Очень далеко.

Кэрол лишь покачала головой.

— Не понимаю... взрослых, что ли, мало, зачем детей принуждать? И вообще... как

можно хотеть ребенка?

— Ну, что до меня, то я уже не был тогда ребенком. Я выглядел старше своего возраста... был уже высоким и крепким... отличался от сверстников, в общем... не только изувеченным лицом. Но я... я так и не понял, чего она так ко мне тогда привязалась. Ведь я... у меня ведь это, — он поднял руку к щеке со шрамами.

Кэрол нежно улыбнулась.

— Ну и что?

— Как это что? — изумился он.

— Ты все равно красивый... и видный парень.

— Я был бы красивым... если бы не это.

— Нет, ты красив даже с этим.

Он внимательно посмотрел ей в лицо.

— Ты, правда, так думаешь или просто утешаешь меня?

— Нет, я не утешаю и не думаю, я говорю тебе то, что вижу. И мне странно, что ты сам этого не видишь. Или притворяешься, что не видишь.

Он угрюмо промолчал. Кэрол поняла, что он не поверил в ее искренность. Они погуляли по парку, задержавшись у того места, где на него напал Убийца. И Кэрол поведала ему о том, что она при помощи Джека сделала с Кейт Блейз, как они наказали ее. Тим потерял дар речи, услышав это. Кэрол понимала, что нельзя рассказывать такие вещи, потому что это было преступлением, но когда она увидела, какая боль отразилась в его глазах, когда он смотрел то место, где на него напал ротвейлер, ей захотелось, чтобы он узнал, что то, что с ним случилось, не осталось безнаказанным.

— Ты отомстила за меня? — как будто не поверил он.

— На самом деле, все подготовил и устроил Джек. Куда мне... Но я... я согласилась на это. И я радовалась, когда заставила ее пройти через то, что по их вине довелось испытать тебе. Этот ротвейлер не убил ее, но изуродовал. Так было задумано. А потом мы хотели, чтобы она погибла в огне... как Эмми. Но она выжила и сбежала. Джек не нашел ее, — она побледнела под пристальным удивленным взглядом Тима. — Да, я знаю... то, что мы сделали, ужасно. И я раскаиваюсь и жалею, что...

— А как ты думаешь, раскаялась ли она в том, что сожгла Эмми и собственную сестру, что превратила Даяну в калеку? Моя бабушка умерла, не пережив того, что со мной случилось. Даяна осталась одна, в приюте, как какая-то бездомная... — голос его задрожал от ярости. — О себе я уже не говорю. Я не думаю, что Кейт сожалеет.

Он помолчал, продолжая смотреть на то место, где когда-то рвал его огромный ротвейлер. Кэрол тоже посмотрела туда и содрогнулась, вспомнив его крик, рычание и лязг зубов собаки, кровь, хруст ломаемых мощными челюстями костей... маленький мальчик, который не может защититься от сильного животного... И отвернулась. Нет, даже теперь, спустя столько лет, эти воспоминания были для нее невыносимыми. А каково же ему?

Кэрол украдкой покосилась на него, всматриваясь в шрамы. Под приподнятым воротом черной рубашки она разглядела изуродованную рубцами шею. Каким чудом он выжил? Ведь эта тварь порвала ему горло... и все равно не загрызла... как могла хрупкая детская шейка это выдержать? Как он, ребенок, смог выжить после такого? Ведь рана на шее была серьезной, если не смертельной, раз были повреждены голосовые связки. И вот он стоит здесь, рядом с ней, и только эти шрамы и затаенная боль в глазах напоминают о том, что именно он был тем самым мальчиком, которого у нее на глазах загрызла собака...

Словно какая-то неведомая сверхъестественная сила охраняет его жизнь, совершая чудеса и вырывая его из цепких рук самой смерти, которая не раз уже в него вцеплялась. Благословенный. Тот, кто должен быть с ней. Кто своим светом отгонит от нее тьму. Человек, над которым не властно ее проклятие, и оно не сможет ему навредить.

«Когда я стану высоким и красивым, ты выйдешь за меня замуж?», — спрашивал ее маленький мальчик, так похожий на сошедшего с небес ангелочка. «Хорошо, Тимми, я выйду за тебя замуж», — отвечала она, отстраненно думая о том, что, может быть, так и будет.

Теперь ей об этом напомнил взрослый мужчина все с той же ангельской внешностью, ожесточенной и посуровевшей, но все равно казавшейся такой же светлой и невинной. Джек посчитал его внешность обманчивой, и Кэрол знала, что Джек прекрасно разбирается в людях, видит их насквозь. Может, он и прав. Но ведь даже падший ангел остается ангелом. И, наверное, это был ее ангел, который появился в ее жизни теперь, когда она осталась совсем одна, не знала, как жить, и даже не имеющая право умереть, потому что у нее был сын. Когда она поняла, наконец, что есть ее жизнь в этом мире — это гибель для других, что она должна стать отшельницей, чтобы не убивать своим проклятием. Рядом с ней не могут быть другие мужчины, Мэтт погиб, Джека ждет то же самое. Она губит их своим проклятием.

А рядом стоит тот, кто «благословлен самой судьбой, самим провидением», как говорила Габриэла.

Значит, она верно думала в детстве, что этот ангелочек может быть предназначен ей судьбой.

Кэрол исподтишка его разглядывала. Значит, это он? Он ее мужчина? Не Мэтт, не Джек, а все тот же Тимми, вернувшийся из мертвых, чтобы напомнить ей о своей обещании? И он сам ни о чем не догадывается. Не знает, что она — тьма, а он — свет, что она проклятая, а он благословленный, и что только он может и должен быть с ней. Так сказала Габриэла. А Кэрол верила в ее слова. Трудно было не верить.

Ей было так плохо. Она всех потеряла. Куртни умерла, Джека и Рэя она вынуждена навсегда вычеркнуть из своей жизни. Слава Богу, что хоть Патрика она может оставить подле себя, не опасаясь за его безопасность. А тот, кто должен заменить тех, кого она любила, был абсолютно чужой и для нее, и для Патрика. Это не был больше Тимми, которого она любила в детстве — это почти незнакомый ей мужчина, которого она совершенно не знала, далекий ее сердцу, ее мыслям. Вся ее душа рвалась к Джеку, к Рэю, который стал таким родным и близким. А этого парня, который даже не был больше Тимми, а каким-то Ноэлем, она видела всего третий раз в жизни, и вынуждена смириться с мыслью о том, что только он один может быть в ее жизни, помимо Патрика. Он, который, по сравнению с Джеком и Рэем, был ей безразличен и не нужен, и для которого она значила не больше, чем он для нее. Что за нелепость? Почему Мэтт не мог быть *ее* мужчиной? Почему не Джек, по которому так разрывалось сейчас ее сердце? Почему он, этот странный и непонятный Ноэль? Почему в эти невыносимо тяжелые мгновения, топившие ее в горе, скорби и отчаянии, с нею находится он, этот чужой посторонний человек, утешает ее, а от тех, кто ей дорог, кого она любит, она бежит, пытаясь заставить себя их ненавидеть, а может, возненавидев на самом деле? Ну почему судьба так над ней издевается? Закончится ли это когда-нибудь?

Впрочем, ведь Габриэла не говорила, что этот благословенный должен быть *ее*

мужчиной. Она сказала лишь, что он должен быть рядом. Тимми может быть ей другом, как и раньше. Интересно, зачем он здесь, с ней? Почему? Потому что они были близки в детстве, потому что он так же одинок, как и Даяна, и она, Кэрол, и поэтому так крепки их прежние связи, завязавшиеся еще в детстве? Или не поэтому? Зачем напомнил ей о ее обещании принадлежать ему? Сказал, что вспомнил об этом, когда увидел ее. Значит ли это, что она должна понимать его слова, как признание в том, что понравилась ему, как женщина? И именно по этой причине он сейчас с ней, а не потому, что они дружили в детстве?

Они побродили по парку. Проходя мимо тира, Кэрол остановилась.

— А помнишь, как ты любил сюда приходить и стрелять? — вспомнила она с улыбкой. — У тебя неплохо получалось.

Он грустно улыбнулся.

— Не хочешь зайти? — ненавязчиво предложила Кэрол.

— Ну... давай зайдем... раз он до сих пор еще существует...

Кэрол наблюдала, как он взял в руки ружье и зарядил, но когда он взглянул на нее, отвела глаза. Он передал ей ружье.

— Ну, хочешь попробовать?

— У меня никогда не получалось, — смущенно призналась Кэрол.

— Это не значит, что не надо пытаться. Держи, вот так. Нет, не правильно... вот так.

Он наклонился позади нее, помогая держать ружье, и, прищурив один глаз, посмотрел на мушку.

— Ах, теперь понятно, почему я так редко попадал в цель в этом тире — ствол загнут, — прошептал он Кэрол на ухо. — Посмотри.

Кэрол зажмурила один глаз и тщательно присмотрелась.

— Ты уверен? Мне кажется, все в порядке.

Он взял другое ружье и вскинул на плечо. По легкой улыбке, промелькнувшей на его губах, Кэрол поняла, что и то ружье такое же, как это. Положив ружье на место, он снова занял свое место позади девушки.

— Так что, не будем? — шепнула она, поглядывая на наблюдающего за ними хозяина тира, все того же, что и много лет назад.

— Ну почему же, давай попробуем. Целься выше... на полсантиметра.

Кэрол наклонилась и, упершись локтями о столешницу, прицелилась.

— Куда хочешь стрелять? — поинтересовался Тим.

— Хочу вон того огромного белого кота. Он похож на моего Аккурсио. Я бы подарила его Мелисе. Но вряд ли я попаду.

И она оказалась права, хоть и целилась так, как ей сказал Тим, на полсантиметра выше цели.

— Держи оружие крепче и тверже, чтобы оно не плясало у тебя в руках, — тихо посоветовал Тим.

Кэрол вцепилась пальцами в ружье и выстрелила, но опять промазала, забыв, что надо брать выше на полсантиметра. Отчаявшись, она собралась положить ружье на стойку, но Тим задержал ее.

— Попробуй еще. Давай, я помогу тебе, — он наклонился и положил локти на стойку, невольно прижавшись к Кэрол сзади. Девушка вспыхнула и слегка выпрямилась, бросив на него быстрый взгляд. Он покраснел, но на нее не взглянул, придерживая ружье и целясь.

— Этот кот будет твоим. Сосредоточься, — шепнул он. — Вот, я навел. Стреляй.

Он положил ладонь ей на кисть, которой она поддерживала ружье, слегка сжал ее, и ствол твердо замер, перестав плавать из стороны в сторону в ее неуверенных и нетвердых руках. Кэрол нажала на курок, не целясь и не задумываясь, забыв о белоснежном коте, потому что мысли ее занимала крепкая теплая ладонь, сжимающая ее руку, и так нескромно примостившийся сзади огромный молодой парень, толи Тимми, толи Ноэль, который накрыл ее собой, как парашют травинку. И никогда Кэрол еще не ощущала себя такой маленькой и хрупкой, как сейчас. Она даже не сразу сообразила, что попала в цель.

Наблюдающий за ними хозяин выпрямился, не веря глазам своим. Презрительный и пренебрежительный взгляд, которым он смотрел на молодого человека с изувеченным лицом, удивляясь, что он делает рядом с такой красивой роскошной женщиной, и та насмешливая жалость, с которой он слушал советы парня о том, как стрелять, воспринимая как тщетные попытки произвести на свою спутницу впечатление знатока, что он здесь наблюдал постоянно, вдруг сменились растерянностью и недоумением. Вручая обрадованной девушке приз, хозяин снисходительно улыбнулся. Если в его тире кто и попадал по мишеням, то случайно.

— Превосходно стреляете, — заметил мужчина, скрывая насмешку. — А вы, молодой человек, будете? Или боитесь посрамиться перед дамой?

— Боюсь, — улыбнулся Тим. — Но рискну. Еще мальчиком я мечтал выиграть у вас главный приз.

— Пожалуйста. Один выстрел триста долларов. Приз часы «Роллекс» или золотой браслет для дамы, на ваш выбор.

Тим выложил на стойку требуемую сумму.

— Один выстрел?

— Два, — уверенно ответил Тим, заряжая ружье. — На часы и на браслет.

Довольный хозяин спрятал в карман шестьсот долларов, радуясь неожиданной прибыли. Не часто к нему заходят такие самоуверенные и отчаянные простофили, выкидывающие на ветер деньги. Девушка ответила на его широкую радостную улыбку, почему-то посмотрев так, будто это он был простофилей.

Вскинув ружье, Тим выстрелил два раза подряд, даже не целясь, как показалось Кэрол. Хозяин смертельно побледнел, пораженный, и подошел поближе к мишеням, чтобы убедиться в том, что парень действительно попал, и зрение его не обманывает. Потом с невыразимой обидой и возмущением на лице выложил на стойку призы.

Тим с улыбкой надел на запястье Кэрол браслет.

— Это тебе.

— Ой, не надо. Уж лучше Даяне подари...

— Нет. Тебе. Пусть это будет символом моей благодарности за то, что ты помнила меня... что ты сделала ради меня, — сказал он, имея ввиду Кейт Блейз. — Сегодня я понял, что у меня есть не один настоящий друг, а два. И один из них — ты.

— А другой — это тот, кто приехал с тобой из Израиля?

— Да, — Тим присмотрелся к часам. — Как ты думаешь, они настоящие?

— Не знаю, я в часах не очень разбираюсь. Вот браслет настоящий, дорогой, это точно.

— Значит, мы не зря отвалили за это шесть сотен?

— Не знаю, как часы, но этот браслет стоит намного больше того, сколько ты отдал за два выстрела, — Кэрол улыбнулась. — Спасибо. Можно тебя поцеловать?

— А? — почему-то испугался он.

— Просто поцеловать... это не страшно.

Он страшно смутился, застеснялся, но все же наклонился. Кэрол поцеловала его в щеку, на которой были шрамы, не позволив ему подставить другую, что он попытался сделать, когда понял, куда она собралась поставить свой поцелуй.

— Зачем ты... — прохрипел он, но не договорил и замолчал, отвернувшись с какой-то горечью на лице.

— Наверное, это не честно. Ну, я имею в виду то, как мы получили эти вещицы, — заметила Кэрол, сделав вид, что не заметила его поведения.

— Нечестно? Почему это?

— Ну, потому что ты хорошо стреляешь.

— А что, в тире должны стрелять только те, кто не умеют?

— А вдруг мы его разорили?

— Не переживай, пока он не выпрямит стволы, ему это не грозит. Он мошенник. И он дурил меня, когда я был ребенком и еще ничего не понимал в оружии. И не меня одного. Всех. Так что носи браслет со спокойной совестью, я его заработал более, чем честно, потому что стрелял из подпорченного ружья.

— Ты молодец, — восхитилась Кэрол. — Как у тебя получилось, ведь сам говоришь, что стволы погнуты?

Он лишь улыбнулся в ответ уголком рта.

— Это ты на войне научился так стрелять? Сам или научили? Правда, что ты был первоклассным снайпером? — не сдержала любопытства Кэрол.

Он изменился в лице, остановив на ней вдруг ставший тяжелым взгляд.

— Откуда ты это знаешь?

— А что? — растерялась Кэрол, расстроившись. — Ты делаешь из этого тайну? Зачем?

— Я не делаю тайну, — сухо сказал он. — Но ты верно заметила — я был... солдатом. Больше нет.

— Но ведь ты... ты же по-прежнему отлично стреляешь. Почему же тебе нельзя вернуться в армию?

Он с еще большим настороженным удивлением посмотрел на нее.

— Послушай, откуда ты все знаешь?

Кэрол опустила взгляд.

— Извини, Тимми. Я лезу не в свое дело. Больше не буду, прости.

Некоторое время они молча шли по аллейке. Тим шел напряженный и настороженный, Кэрол это не столько видела, сколько чувствовала.

— И все же, — прервал он затянувшееся молчание. — Откуда тебе все обо мне известно?

— Ну, совсем не все. Только то, что тебя очень ценили в армии, а после ранения... комиссовали, — сконфуженно ответила Кэрол.

— И кто тебе об этом сказал? Даже Даяна не знает.

— Джек.

— Какой еще Джек?

— Мой муж.

Тим заиграл гневно желваками.

— А он откуда знает?

— Он всегда все знает, — тихо ответила Кэрол, низко опустив голову. — Я его не

просила, он сам... Ты сердишься?

Он помолчал.

— Нет, не сержусь. А муж у тебя не простой, это я уже понял. И слишком любопытный.

— Да, есть немного, — извиняющимся тоном сказала Кэрол. — Но он удовлетворил свое любопытство и забыл. А то, что я знаю... тебе это так неприятно? Почему? Ведь... ведь ты должен гордиться тем, что ты мастер, профессионал, что добился успеха, стал значимым. Ведь, наверное, на войне это гораздо тяжелее сделать, чем в мирной жизни, так ведь? Почему же ты ведешь себя так, как будто стыдишься?

— Нет, я не стыжусь. Я горжусь... собой и своим умением. Но здесь не война и не армия. Не военные, которые понимают, ценят и восхищаются подобным мастерством. Здесь мирные люди, для которых снайпер значит только одно — убийца. Я не хочу, чтобы так обо мне думали. Я не убийца. Я солдат. А здесь вряд ли увидят в этом разницу.

— Я понимаю... я знаю. И я горжусь тобой, тем, что ты стал настоящим профессиональным военным. Или как это говорится, я даже не знаю...

— Теперь я никто. Я не нужен, я стал профнепригоден. Меня выкинули, как никчемную вещь, даже не предоставив мне шанса доказать, что я не безнадёжен.

— А почему бы тебе не вернуться? Может быть, проверят, что ты по-прежнему мастер своего дела, и возьмут назад. Не хочешь попробовать?

— Нет. Я не вернусь, — в его голосе послышалась упрямая обида. — И меня не допустят в армию. Потому что у меня действительно проблемы со здоровьем.

— Но ведь ты отлично стреляешь!

— Да, случается. А бывает, что я промахиваюсь, когда хочу взять стакан, — напряженно и резковато сказал он. — Мне горько, но я понимаю, что в армии мне действительно больше не место, а на войне — тем более. Потому что это может стоить жизни не только мне, но и другим.

Кэрол сочувствующе помолчала, а потом тихо спросила:

— Тебе здесь плохо?

— Не то чтобы плохо, Кэрол. Просто мое место не здесь. Я себя нашел, и потерял. Война, винтовка... это моя жизнь, это мое... я рожден для этого. Там я жил. Был собой. А здесь я... как рыба, выброшенная на песок. Я не знаю, кто я, зачем я здесь и как мне жить. И дело в том, что мне и не интересна эта жизнь. Мне скучно, тоскливо. Я просто скис от этой однообразной и скучной жизни, как молоко. Я снова потерялся. В *этом* мире я не могу найти свое место. Я стал просто никем, бродягой, ни кола ни двора... каким был до того, как пошел служить. И опять брожу, не зная куда и зачем мне идти, как неприкаянный какой-то.

— Ну, зачем ты так? — Кэрол погладила его по плечу. — Все наладится, ты привыкнешь.

— Нет. Я просто знаю. Я понимаю, тебе тяжело меня понять. Война... она одних ломает, других затягивает, как тряпина. Ты пропитываешься ею до мозга костей, и отдаешь ей свою душу, как дьяволу, и иначе жить уже не можешь и не хочешь. И это то, что происходит со мной. Я здесь, а моя душа осталась там. А здесь... я не чувствую вкуса жизни, сердце не бьется, кровь не играет, дух не захватывает от ощущения опасности или победы... и не интересно, и не страшно, и силами и смелостью меряться не с кем... в общем, там я жил, а здесь я существую.

— Тимми, но мирная жизнь не так уж скучна и неинтересна, как тебе кажется. Ведь миллионы людей так живут. Ты просто еще не освоился, не привык. Твоя растерянность

пройдет. Ты найдешь себя и здесь, и поймешь, что любая жизнь прекрасна. Не будь так категоричен. Строй свой мир заново, другой, если прежний разрушился. Например, я как раз и собираюсь это делать, хоть мне и кажется, что жизнь моя разбита... и жить не хочется, и сердце не бьется, и чувствуешь себя мертвой.

Тим внимательно посмотрел на нее.

— Твой мир разрушился?

— Да... и мне не впервые так кажется.

— Но почему? Из-за измен мужа?

— Нет... с этого только начался мой крах, — она горько, с сарказмом улыбнулась. — Я тоже ощущаю себя потерянной, неприкаянной и одинокой... одной, во всем мире. А если у меня отберут и сына... тогда и жить незачем.

— Ты так плакала... Расскажи мне, Кэрол. Я подумал, ты помирилась с мужем, раз вернулась к нему...

— Я не вернулась, я просто жду, когда придет сын, чтобы забрать его и уехать.

— Ты хочешь уехать? Куда?

— Далеко. Очень далеко. Я пока не знаю. Не знаю такого места, где Джек не смог бы меня найти.

— Так выходит... ты бежишь от него?

— Он не отпустит меня. А я с ним жить не хочу. Я уже пленница.

— Но, может, тебе с ним поговорить... ну, он же человек, в конце концов, не будет же он тебя заставлять.

— Он уже это делает. И он не человек. Только я слишком поздно это поняла. Но мы говорили о тебе, а не обо мне. Я просто хотела тебе сказать, чтобы ты не опускал руки, чтобы пытался жить так, как вынужден. Постепенно все наладится. Когда умер Мэтт, мой муж, мне казалось, что я умерла вместе с ним. Но оказалось, что нет. Я пережила, с трудом, но пережила. И с тех пор мне кажется, что теперь я переживу все, что угодно.

— Даяна рассказывала... что ты очень его любила. Что любишь сейчас и будешь любить всегда.

— Да.

— А... Джек?

Кэрол ответила не сразу.

— А Джек был моей ошибкой.

Тим не стал больше пытаться ее вопросами.

— А чем ты занимаешься? — спросила у него Кэрол, чтобы отвлечься от себя и своего опустошенного внутреннего мира. — Даяна мне говорила, что вы с другом, вроде бы, нашли работу.

— Да нет, не то, чтобы работу... так, то там, то сям, друг подкидывает работенку. Не на что мне здесь рассчитывать. Без гражданства, без образования... я ведь и школу не окончил. Я же говорю, нет мне здесь места. Да и с таким лицом меня вряд ли возьмут на приличную работу.

— Да что ты прицепился до этого лица! — вспыхнула Кэрол, не удержавшись. — Лицо, как лицо! Ты на себя в зеркало когда-нибудь смотрел? Ты высокий, ты мужественный, и лицо у тебя очень привлекательное. Ты же мужик... такой мужик, настоящий, до мозга костей... и эти отметины просто теряются на фоне всего этого! Если хочешь знать мое чисто женское мнение, то они не делают тебя менее привлекательным и интересным. И работе

они не помешают. Знаешь что? Приходи в нашу компанию. Рэй теперь там за главного.

— И что я там буду делать?

— Работать и учиться. Все учатся. Постепенно вникнешь во все, войдешь в колею... Я по себе знаю. Когда я пришла туда работать, сама ничего не знала.

— Нет, Кэрол, — перебил он. — Спасибо за желание мне помочь, но... нет. Не переживай за меня, я как-нибудь разберусь с тем, куда мне себя деть.

— Но почему ты не хочешь?

— Это не то... понимаешь, я привык к свободе, независимости. И я... мне трудно усидеть на одном месте. Нет, Кэрол. Офисы, бизнес, бумаги — это не для меня. Я просто не хочу пытаться, потому что знаю, что все равно сбегу от этого, брошу.

— Тяжело с тобой. Что же тогда ты хочешь?

— Так вот я и говорю, что сам не знаю. Потому что я ничего не хочу, кроме военной формы и винтовки в руках.

— Но, Тим, ты же сам говоришь, что это невозможно, а жить-то все равно как-то надо! Чем-то заниматься, деньги зарабатывать, в конце концов! Неужели военному некуда себя деть в мирной жизни? Разве негде здесь проявить твои военные навыки и способности, твой опыт? Пойди в полицию.

— Не возьмут. Разве что бумажки перебирать.

— Ну, тогда... телохранителем, или охранником.

— Не хочу. Жалкая работа. Не хочу. Ничего не хочу.

— Тимми, — в отчаянии взмолилась Кэрол. — Но ведь ты же военный, ты превосходный стрелок...

— Да, — снова перебил он, не дав договорить. — В том-то и дело, что это все, что я умею — стрелять. Кэрол, ты не переживай, у меня все в порядке. И работа у меня есть. Я не пропаду. И деньги зарабатывать я умею.

— И что же у тебя за работа?

— Работа, как работа. Как и все остальные «работы». Ты что-то делаешь, тебе за это платят. Везде все одинаково.

— Ну, хорошо, если так. А тебе хоть нравится или так?

Он тяжело вздохнул.

— Нет, не нравится. Но я решил, что буду заниматься этим. Ничего другого мне не остается. И, кстати, я делаю успехи. Я уже востребован.

— Ты меня заинтриговал. Чем же ты занимаешься?

— Тем, что умею. Вернее, я учу этому других. Стрелять, я имею в виду.

— О, здорово. Об этом я как-то и не подумала. И что, есть желающие?

Он как-то странно улыбнулся.

— Есть. Все больше.

— А как платят?

— Хорошо платят. Я даже уже повысил ставки.

— Молодец, здорово придумал.

Он отвернулся, смотря в сторону, ясно давая понять, что больше не хочет об этом говорить.

Они зашли в мотель, чтобы поужинать, а так же Кэрол захотела поведать Пегги и Мелису, которой несла красивого пушистого кота. Пегги выказала бурную радость, увидев ее, бросившись на нее с объятиями. Но потом озадачилась и встревожилась, всмотревшись в

девушку.

— Ой, что это с тобой, Кэрол? Черная вся какая-то, что лицо, что одежда... случилось что?

— Куртни умерла, — отозвалась безжизненным голосом та.

— Пресвятая Дева... — опешила Пегги. — Горе-то какое. Но почему?

— Авария. Пег, пожалуйста... не могу я сейчас... не спрашивай, — голос Кэрол осип и задрожал от сдерживаемых слез.

Пегги притянула ее к себе и крепко обняла. И ойкнула от изумления, обратив, наконец, внимание на спутника Кэрол. Отстранив девушку, она приветливо улыбнулась молодому человеку.

— С кем это ты?

— Это Тимоти Спенсер. Мой друг.

— Ох, надо же, и бывают же совпадения! Здравствуйте, Тим, я Пегги. Кэрол говорила вам, что у нее был друг в детстве, которого звали так же, как вас? Только он, бедняжка, умер. И такой страшной смертью умер!

— Собака загрызла? — чуть улыбнулся Тим.

— Ой, какая у вас улыбка приятная! Ну, да, собака. А вы знаете, да? Она рассказывала? Бедный мальчик, такой ведь мальчик был, ну прямо ангел, ей-богу! И Кэрол так по нему убивалась. И по ночам орала, как ненормальная, думали, рехнется. Еще бы, страху-то натерпелась. Ведь у нее на глазах собака мальчишку и сожрала, да, — Пегги закивала, чтобы придать своим словам больше убедительности.

Кэрол лишь бросила на нее усталый безразличный взгляд и слегка покачала головой. Пегги, она и есть Пегги. Были бы уши свободные, так она наплетет по самые нехочу. А Тим явно пришелся ей по душе, раз она сразу так охотно завела разговор. Только вот тему неудачно выбрала.

— Сожрала? — удивился Тим.

— Сожрала! Тело-то и не нашли.

— Да нет, как это — сожрала? Чушь, — возмутился он. — Как можно такое придумать?

— Так не выдумки это! Пропал мальчишка, тела-то нет, значит, сожрала! Куда ж оно деться могло?

— Да вот... пред вами.

— Что?

— Ну... тело, — он не выдержал и засмеялся.

— Что вы имеете в виду? — не поняла Пегги.

— Он имеет в виду, что собака его тогда не сожрала, — сказала Кэрол и тоже улыбнулась. — Пегги, да соображай же ты, наконец! Это тот самый Тимми Спенсер, а не какой-то другой. Или ты думаешь, что у меня есть целая куча Тимми Спенсеров?

— Не может быть! Вы меня разыгрываете! Это невозможно!

— Пег, накорми нас, мы голодные. И дай что-нибудь выпить. Я с ног валюсь. А где Мелиса? Я подарок ей принесла.

— А! — отмахнулась Пегги. — С подружками где-то носится. Пойдемте-пойдемте, Тим, не стесняйтесь.

Схватив его под руку, Пегги повела его за собой, жадно и без смущения разглядывая, забыв о Кэрол, которая уныло поплелась следом.

— Ах, какой вы стали... кто бы мог подумать... такой был ангелочек, маленький,

хорошенький... а теперь такой большой мальчик... такой... уф! А какие у вас шрамы... Обожаю мужчин со шрамами! Они придают такой мужественный вид. Это так волнующе, так сексуально. Вы согласны? Наверное, вам женщины уже об этом говорили? Потрясающе!

Кэрол вымучено улыбнулась, увидев, как шокировано таращит на нее глаза Тим, как на сумасшедшую. Он даже предпринял слабую попытку высвободиться от нее, но она еще крепче обхватила его руку, буквально повиснув на нем.

— Да вы не переживайте, я вас не домогаюсь. Хотя... если бы вы мне встретились чуть пораньше, или вы были бы сейчас постарше, я бы ни за что вас не отпустила. Всю жизнь мечтала о таком мужчине. Что б глянула, и обомлела! Впрочем, млеть мне и сейчас ничего не мешает. Но это ж не возбраняется? Я же женщина.

Он растерянно обернулся к Кэрол, которая непринужденно улыбнулась ему. Смешной. Когда же он перестанет принимать женщин, которым понравился, за ненормальных? Отдать бы его сейчас Пегги на растерзание, она бы ему мозги вправила и показала, какие он способен вызвать в женщине желания...

Пегги разместила их за столом, сама его накрыла. Попросила Тима откупорить бутылку вина. Пегги недоуменно распахнула глаза, когда он наполнил только два бокала. Поймав ее взгляд, он натянуто улыбнулся.

— Я не пью.

— Мы с Кэрол тоже не пьем. Но сейчас надо. За встречу, за ваше чудесное воскрешение... За Кэрол, в конце концов. Может с вином к ней немного вернется жизнь. Мы должны составить ей компанию. Погляди на нее. Вот смотрю и не могу определиться, на кого она сейчас больше похожа — на приведение или на сфинкса. Как тебе кажется, Тим?

Он посмотрел на девушку. Она сидела за столом безучастно, словно не видя и не слыша ничего вокруг, разглядывая свои руки. Судя по тому, что она никак не отреагировала на слова Пегги, она на самом деле их не слышала. Наклонившись к молодому человеку, Пегги зашептала:

— Никогда ее еще такой не видела. Надо нам с тобой что-то с ней делать. Не дело это. Давай, наливай себе, не выделывайся, как манерная девица.

Тим покраснел.

— Но... мне нельзя.

— Можно. Для Кэрол можно. Мы должны ее поддержать.

Взяв бутылку, Пегги решительно наполнила пустой бокал вином и вручила ему. Тим принял бокал, с тревогой поглядывая на бардовое ароматное вино.

— Да нормальное вино! Что ты смотришь на него так, будто я яд в него подлила? Эй, Кэрол, ты с нами? Выпьем.

Кэрол равнодушно взяла бокал.

Тихая и молчаливая, она медленно ела, а Пегги старательно подливала в ее бокал вино. Постепенно румянец проступил на ее щеках, а кожа на лице стала приобретать нормальный здоровый цвет. Но она по-прежнему оставалась полностью погружена в себя.

Когда Тим вышел на несколько минут, Пегги под села к ней.

— Ну-ка, объясни, почему это ты с этим мальчиком? Где твой муж?

— У меня больше нет мужа, — безжизненным голосом отозвалась Кэрол, не поднимая на нее глаз.

— Как это нет? Он что, тоже умер?

— Да Бог с тобой, Пегги. Я же сказала что у меня нет мужа, а не что нет Джека.

— А разве это не одно и то же?

— Уже нет.

— Но почему? Он тебя бросил?

— Нет, это я его бросаю.

— Ты что, больная? Таких мужчин не бросают, дуреха! Опомнись, совсем от горя крыша съехала, что ли?

— Было бы неплохо, — все так же равнодушно отозвалась девушка.

Пегги в замешательстве смотрела на нее, ничего не понимая.

— У него что, другая появилась?

— Она не появилась, она была. Все это время. И это была Даяна.

У Пегги отвисла челюсть. Поспешно налив в бокал вина, она залпом его осушила.

— Боже, что за дурдом у тебя вечно в жизни творится! Ну нет, чтобы жить спокойно, как все нормальные люди... Ну и черт с ними, с этими мужиками. Забудь, правильно! Мужья у тебя какие-то неправильные, ну не могут по нормальному — один, видите ли, умер, о тебе не подумал, второй вообще подлец какой-то! Ну их всех, раз обижают они тебя, не думай о них. А этого паренька в утешение себе нашла? Неплохой паренек, правда, уж больно застенчивый, но это не такой уж страшный недостаток. Приготовить вам комнату, останетесь?

— Я, пожалуй, останусь, не хочу возвращаться сегодня. Да и сил нет.

— А он, разве он уедет, если ты будешь здесь?

— Не знаю. Как захочет. Если надумает, надеюсь, выделишь ему комнату... за счет заведения.

— Подожди... ты не хочешь ночевать с ним в одной комнате? Почему?

— Пегги, между нами ничего нет...

— Так самое время это исправить! А почему бы нет? Ты свободная теперь женщина, сама себе хозяйка.

— Отстань, Пег, — с бесконечной усталостью прошептала Кэрол, и глаза ее наполнились слезами.

— Послушай, Кэрол, — в голосе женщины зазвучала нежность и любовь. — Нельзя так, как ты. Встряхнись, отвлекись. Это как раз то, что тебе сейчас нужно, поверь мне. Сразу станет легче, вот увидишь. Я знаю, что говорю, плохого не посоветую. Выпей, и в постель с этим крепышом. Тем более, парень — то, что надо, все при нем. Чего тебе еще надо? Грех одной спать, когда такой мужик рядом.

— Ну так и составь ему компанию.

— Да я бы с радостью, но ведь он меня не захочет.

— А почему ты думаешь, что он меня захочет?

Пегги изумленно вскинула тонкие рыжие брови.

— Да если он нормальный мужик... кто ж откажется от такой молодой да красивой? Да он уже об этом только и думает, или я ничего не понимаю в мужчинах!

— Он думает только о своих шрамах и о том, что не может понравиться женщинам.

— Он что, идиот?

— Наверное, это ему попадалось слишком много идиотов, и скорее всего большинство из них были женского пола. Много ли надо, чтобы ранить человека?

Пегги покачала головой.

— Ах, бедный мальчик! Нужно ему помочь и выбить из него эту дурь!

— Вот и помоги.

— Думаю, лучше это сделать тебе. От того, что его возжелает такая старая и некрасивая тетка, как я, у него вряд ли прибавится самоуверенности. А вот ты, это совсем другое дело. Ведь он тебе нравится? Только если не кривя душой, а?

— Нравится. Довольно интересный и притягательный парень.

— Ну, вот и ладненько. Только странный он немного. Дикий какой-то.

— Он только что пришел с войны.

— А, ну так я сразу заметила, какой у него голодный волчий взгляд. Бабы, наверное, давно не было. Слушай, а может, у него вообще женщин не было, может, он девственник? Судя по всему, так оно и есть. Смотрит на тебя, и краснеет, как девица. Такой трогательный, ей-богу!

— Пегги, помолчи, он может услышать.

— Просто руки чешутся взяться за этого мальчика, этого ангелочка невинного! — зашептала Пегги, не успокаиваясь. — Ах, где мои двадцать лет!

Время шло, а Тим не возвращался. Кэрол и Пегги переглядывались, переглядывались, потом вышли посмотреть, куда это он запропастился. Но они так его и не нашли.

Выскочив на улицу, Кэрол в отчаянии огляделась по сторонам.

— Тимми!

Пегги растерянно застыла рядом.

— Он ушел, — простонала Кэрол. — Он услышал и ушел!

Она обернулась к Пегги с искаженным от ярости лицом.

— Черт бы побрал твой паршивый язык, Пег!

— Боже... да что же я такого сказала... — расстроилась та. — Никуда он не денется, не паникуй. Успокойся, и придет, вот увидишь. Когда мужчина так смотрит на женщину, как он на тебя, он не уйдет. Руку даю на отсечение, что сегодня он будет спать в твоей постели... или я ничего не понимаю в мужчинах!

— Ты ничего не понимаешь в мужчинах! Ничего! — Кэрол отвернулась, прикрыв лицо ладонями, с трудом удерживая слезы.

— Ну, прости меня, Кэрол. Я же не хотела ничего плохого. Не хотела все испортить. Все наладится.

— Нет. Он никогда больше не придет и не позвонит. Я знаю.

Это было последней каплей.

Кэрол вернулась в дом и накачалась виски до беспамятства. Ну вот, и Тимми получил свою ложку дегтя, едва только приблизившись к ней. Ну почему она не заткнула вовремя этой глупой курице рот? Почему позволила нести всю эту чушь и так унижить и оскорбить Тимми?

Она уже не помнила, как Пегги, шатаясь и бормоча заплетающимся языком проклятия, дотащила ее до комнаты и уложила в постель. И упала рядом, не менее пьяная.

Было уже за полночь, но Нора еще не ложилась. Она бродила по дому, придумывая себе какие-то дела, но каждые десять минут подходила к широкому окну и выглядывала на веранду. Там, на ступеньках, застыла неподвижная фигура Джека. Рядом стояла бутылка бренди и стакан. Сильный ветер, дующий с океана, трепал его волосы и рубашку, светлым пятном выделяющуюся в темноте. Свет на веранде он намеренно выключил, и сидел вот уже больше двух часов в одиночестве и темноте. А Нора украдкой за ним наблюдала. Никогда

она такого еще не видела. Никогда он не сидел на веранде, прямо на ступеньках, такой одинокий и печальный, попивая спиртное.

Он не пил, сколько Нора его знала. Лишь одно время она заметила, что он прикладывался к бутылке. Это было очень давно, когда он еще жил один. Она начала находить по утрам открытые бутылки со спиртным, иногда пустые, иногда не допитые. Нельзя было сказать, чтобы он пил много и увлекался, но это происходило каждый день, понемногу, но регулярно. Нора тогда очень беспокоилась. В то время он был очень раздражителен и зол, бросался на нее с ругательствами по малейшему поводу, а иной раз и без повода, просто выплескивая на нее свое напряжение. Но Нора не обижалась. Она знала, что у него что-то случилось, что-то плохое, и он очень остро на это реагирует. Приступы агрессии сменялись подавленностью и апатией. И это не проходило. Время шло, и Нора замечала, что все это не только не проходит, но и усугубляется еще больше. Она удивлялась. Она хорошо знала Джека. Он был очень сильным человеком, а через неприятности просто перешагивал, едва нахмурившись. Ничто не могло выбить его из колеи. Она гадала, но не могла понять, что же это такого произошло, шли месяцы, а он становился только все более злым и угрюмым. А потом она однажды нашла ответ. Убирая его постель утром, она обнаружила под подушкой фотографию молодой красивой девушки. Нора была поражена. Неужели это все из-за женщины? Неужели такого сильного мужчину, к тому же всегда презирающего женщин, могла лишить покоя какая-то девчонка? Ответ был слишком банален и прост, а потому так ее шокировал, став полной неожиданностью. Джек всего лишь влюбился. Наконец-то влюбился. И, судя по всему, довольно крепко. Поверить в то, что его настолько зацепила какая-то женщина, было трудно. Нора всегда считала, что к его холодному жесткому сердцу невозможно подступиться. А теперь он страдал от любви, как какой-то впечатлительный мальчишка, и не мог с этим справиться. Но еще труднее Норе было поверить в то, что любовь его безответна, что его отвергли. Ей казалось это невозможным. Но ничего другого на ум ей не приходило, ведь этой девушки, по которой он тайно вздыхал, с ним не было. И он злился из-за этого, как никогда. Нора умирала от любопытства, но спросить так и не решилась. Так продолжалось больше года. Потом однажды она обнаружила его дома в стельку пьяным. В тот день он должен был лететь на процесс в другой город, но она так и не смогла привести его в чувства, и он никуда не полетел. Он спал мертвым сном на кушетке в гостиной, а Нора бесшумно занялась уборкой. Она сразу поняла, что у него была ночью женщина. По взъерошенной измятой постели, которая к тому времени все еще сохраняла аромат дорогих духов, по длинному светлому кудрявому волосу, запутавшемуся в его темных волосах. Чисто женской интуицией, Нора поняла, что это была *та самая* женщина. Но она не поняла, почему он тогда так напился? От радости, что ли?

После этого он вообще превратился в зверя. Он готов был разорвать все, что ему попадалось в руки. Нора старалась не попадаться ему на глаза, и к его возвращению домой ее там уже не бывало.

Потом он, вроде бы, немного успокоился, и вдруг совсем изменился, превратившись в само воплощения радости и счастья. И женился. На *ней*.

Нора не смогла заставить себя хорошо относиться к его жене. Не потому, что *она* была плохая или не достойная его, нет. Нора видела, что *она* хорошая женщина, добрая, мягкая, ласковая, совершенно беззлобная. Кэрол была полной противоположностью Джека. Она любила его и могла с ним уживаться, она с уважением и симпатией относилась к ней, Норе,

и никогда не позволяла себе грубого слова. Наоборот, если Кэрол что-то не нравилось, она предпочитала промолчать, чем высказать свое недовольство Норе. А вот Джек никогда не молчал, не стесняясь давать Норе нагоняи. Поэтому Нора так и не научилась воспринимать Кэрол, как хозяйку, зато по-прежнему трепетала перед Джеком, боясь больше смерти его недовольного взгляда. Нора ревновала, жестоко ревновала его к жене, и завидовала ей, удивляясь, как этой тихой бесхитростной девочке с грустными меланхолическими глазами удалось так привязать к себе этого необузданного и строптивого дьяволенка Джека. Поэтому не смогла ее полюбить. Только поэтому. Из-за ревности и зависти. Одним взглядом своих красивых проникновенных глаз, подернутых поволокой, которые топили даже сердце Норы, девчонка умирляла его дикий горячий нрав, превращая его похожим на ласкового и доброго котенка, каким Нора никогда его раньше не видела. И ему самому нравилось быть таким рядом с ней. Но Нора знала, что эта идиллия не вечна. Такие разные люди, как Кэрол и Джек, не могли бы долго быть вместе. Нора чувствовала, что девушка не так проста и покорна, как кажется. В тихом омуте черти водятся. И глаза ее прекрасные были похожи на омут, обманчиво чистый и прозрачный, но слишком глубокий и таинственный. Нельзя было угадать, что там, на глубине. Нора не верила, что любовь Джека будет долгой. Когда дело касалось женщин, он был всегда непостоянен и слишком любвеобилен. Женщины были всегда лишь игрушками, не более, пока он не встретил Кэрол. Она тоже была игрушкой, только любимой, с которой он ни за что не хотел расставаться. Так считала Нора. И вот, наконец, любовь их дала трещину. Нора видела, как начал рушиться их мирок, и знала, что скоро от него ничего не останется.

Кэрол как подменили с того самого момента, когда она узнала, что ее муж не такой, как ей того хотелось. И она взбунтовалась. Куда делись ее кротость и покорность, она сразу выпустила свои зубы, даже не зубы, а клыки, превратившись в какого-то звереныша, осмелившегося драться и кусаться с таким сильным хищником, как Джек. Только силы не равны. Нору огорчало то, что Джек отказывается ее отпустить, чтобы катилась на все четыре стороны, ненормальная. Она не понимала его. Он, такой гордый и надменный, никогда не держался за женщин. Наоборот, он всегда сам от них избавлялся. Что с ним? На что сдалась ему эта ненормальная? Или не сможет он себе женщину найти, в сотни раз красивее и лучше этой?

Сидит и страдает. Ждет. Ее ждет. А она, потаскушка, где-то шляется. И хватает же смелости. Что будет, если она так и не придет? Страшно представить. Может, совсем сбежала? Тогда еще полбеды. А если заявится завтра... Он же ее убьет. Невозможно даже представить, чтобы Джек такое стерпел. Не прийти ночевать домой! Ну и нахалка. Безумица. С огнем играет.

Не выдержав, Нора вышла к нему и остановилась рядом. Наклонившись, положила ладонь на его плечо. Он бросил на нее раздраженный взгляд.

Нора почувствовала, что он дрожит, что напряжен. И взгляд его был страшен. Женщина убрала руку, и попыталась улыбнуться.

— Джек, уже поздно. Ветер ужасный, вы заболаете.

Он отвернулся и снова уставился в темноту.

Нора присела, изучая взглядом его лицо. Каменное, с застывшим на нем выражением безмолвной ярости. Уголки жестких властных губ слегка опущены, и злобно, и презрительно. Казалось, он вот-вот зарычит, как разъяренный зверь. Темные волосы шевелятся на голове, как живые, от ветра. Не хотела бы она сейчас оказаться на месте его

жены. Даже если она сейчас заявится, худо ей будет. Уж лучше ей вообще не появляться больше.

— Джек...

— Что? — гаркнул он, заставив ее вздрогнуть. — Нора, иди спать.

— Вам тоже лучше пойти. Ни к чему вам здесь сидеть. Не изводите себя, Джек. Оставайтесь самим собой, даже теперь, особенно теперь.

— Что ты имеешь в виду? — он бросил на нее исподлобья мрачный взгляд.

— Сильным, независимым, ни от кого, а тем более, от женщины. Мужчиной, который никогда бы не сидел вот так, напиваясь, на пороге в ожидании, когда жена его вернется домой. Мужчиной, который бы просто забыл и больше не вспоминал. Который не умеет прощать.

— Нора, разве у тебя нет больше дел? Пойди, займись ими! — процедил он сквозь зубы.

— Джек, ну не злитесь. Не злитесь на меня, я-то тут при чем? Я просто хочу помочь вам, потому что не могу видеть, как вы...

Он резко поднялся, стряхнув с себя ее руку, которую она снова положила ему на плечо.

— Я сказал, иди! Убирайся и не суй свой нос куда не следует, потому что только благодаря этому я держу все эти годы тебя в своем доме!

— Нет, не только из-за этого.

— Что?

— Еще потому, что только я способна стерпеть ваш бешеный нрав, — Нора улыбнулась горькой, но мягкой улыбкой.

Злоба исчезла с лица Джека, остались лишь печаль и усталость.

— Прости меня, Нора, я не хотел быть грубым. Не хотел тебя обидеть.

— Я знаю, поэтому никогда не обижаюсь. Пойдемте, Джек. Я сделаю вам горячего чая... с пирожными. Хотите пирожных?

— Пирожных? Да, хочу, — чуть слышно подавлено ответил он.

Он пошел в кабинет и разместился в удобном кресле. Нора принесла ему чай и пирожные, как обещала. Но он к ним так и не прикоснулся. Раздался телефонный звонок. Сердце у него подскочило. Взяв трубку, он почувствовал резкий прилив невыносимого раздражения, услышав голос Рэя. Этот тупица доставал его весь день и весь вечер, звоня через каждый час и спрашивая, не вернулась ли Кэрол.

— Нет, ее нет, — с трудом сохраняя остатки хладнокровия, ответил Джек и на этот раз.

— Я не пойму, чего ты сидишь? — кипятился Рэй на том конце провода. — Неужели тебя совершенно не волнует, куда исчезла твоя жена? А если с ней что-нибудь случилось, если она попала в беду?

— В таком случае, в следующий раз подумает, прежде чем сбегать, — холодно ответил Джек.

— Ты, бездушная скотина... а еще говорил, что любишь ее! Ни черта не любишь! Как ты можешь быть так спокоен? Ведь у нее нет такой привычки, исчезать бесследно, убегать. Вспомни, в каком она была состоянии... вдруг она сделает какую-нибудь глупость... Я звонил Берджесам, но там она не появлялась. У Пегги не берут трубку. Что ты молчишь, ублюдок? Ты собираешься ее искать или нет?

— Нет.

Рэй разразился грязными ругательствами, а Джек равнодушно положил трубку. Дыхание его стало тяжелым. Он хотел сам позвонить и Берджесам, и Пегги, но так и не позвонил. Этс

было слишком унижительно, искать ночью жену. Объяснять чужим людям, что она сбежала от него. Но Рэю-то что, он, наверное, с превеликим удовольствием поведал Кармен о том, что происходит, рассказал, какой он, Джек, подлец, что довел их смиренную девочку до того, что она сбегает из дома, от него.

Что ж, у Берджесов ее нет. Он так и думал.

Взяв трубку, он набрал номер Даяны. Услышав ее сонный голос, он приветливо поздоровался.

— Джек! — девушка задохнулась от радости. — О Боже, Джек...

— Даяна, — фальшиво мягким голосом перебил он ее восторженные вопли. — Скажи, твой брат дома?

— Тимми?

— У тебя есть другой брат? — рот Джека исказился от эмоций, которые он с трудом в себе еще сдерживал, но голос он по-прежнему контролировал, как отлично выдрессированного зверя, чего нельзя было сказать о лице.

— Нет, его нет.

У Джека сдавило горло, и он потянулся к воротнику, чтобы расстегнуть, но обнаружил, что рубашка и так расстегнута до самой груди.

— Он сегодня не появлялся?

— Он уехал рано утром... больше не приходил. А что, Джек? Ты хочешь приехать? Приезжай. Я одна, — голос Даяны дрожал от радости и слез.

— Ты уверена, что он не придет? Почему? Он тебе звонил?

— Нет, он не звонил. Но я знаю, если он до сих пор не пришел, то до утра его уже не будет. Ты приедешь, Джек?

— Что? — скривился он, как будто ее слова только сейчас до него дошли, и потерял над собой контроль, почувствовав, как все внутри вдруг взорвалось. — Пошла к черту, сука!

Вскочив, он с яростным воплем швырнул телефон о стену. Потом смахнул со стола поднос и ударил кулаками по столешнице, не в силах сдержаться.

— Грязная потаскушка! — прорычал он. — Я убью тебя!

Под дверью вздрогнула и взволнованно перекрестилась Нора...

Рэй звонил в мотель в Фарго, пока не дозвонился. Трубку сняла Мелиса и рассказала ему сонным голосом, что Кэрол у них, что она и мама напились так, что она, Мелиса, не смогла их разбудить, когда пришла домой. Поговорив с девочкой, Рэй оделся и вышел из дома.

Через некоторое время, уже ближе к утру, он вошел в мотель и спросил у сонной дежурной, в каком номере Кэрол. Девушка протерла глаза и с изумлением уставилась на него.

— Какая Кэрол?

— Хозяйка, — терпеливо ответил Рэй, подарив девушке легкую красивую улыбку. Девушка мгновенно разомлела.

— А вы кто?

— Я Рэй Мэтчисон. Брат Наоми. И муж Кэрол.

На лице девушки отразилось сомнение.

— Но у нее был другой муж. Я помню.

— Теперь я.

— Но я не знаю, в каком номере миссис Рэндэл. Она же не регистрировалась.

— Ладно, тогда зови Наоми. Или я сам пойду ее искать по всем комнатам. И еще, милая моя красавица, не говори больше «миссис Рэндэл». Она больше не Рэндэл.

— Да? А кто же?

— Мэтчисон. Как было и как должно быть.

Девушка пожала плечами и пошла будить Пегги. Рэй пошел за ней, не собираясь ждать у стойки, как какой-то посторонний. Девушка не стала возражать. Заглянув в одну из комнат, она тихонько окликнула:

— Мисс Стевард!

Так как та не отзывалась, девушка вошла в номер и, склонившись над кроватью, слегка потрепала управляющую за плечо. Рэй зашел следом и остановился позади девушки, разглядывая в темноте комнату.

— Что? — прохрипела недовольно Пегги. — Я же сказала, не беспокоить...

— Здесь ваш брат. Он просил вас разбудить.

Подняв голову, Пегги сосредоточила свой взгляд на высокой мужской фигуре за спиной девушки.

— Рэй? Что случилось?

— Где Кэрол?

— Кэрол? — Пегги посмотрела на постель рядом с собой. — Ой, не знаю. Она здесь, сс мной была.

Со стороны ванной комнаты донесся чуть слышный стон. Рэй бросился туда и включил свет. Кэрол стояла на коленях, склонившись над унитазом. Ее выворачивало наизнанку. Заслонившись рукой от внезапно вспыхнувшего света, она обернулась.

— Рэй... я умираю, — плаксиво простонала она и опять наклонилась к унитазу в приступе рвоты.

Рэй отступил назад и повернулся к Пегги.

— Ты что, с ума сошла? Зачем ты ее так напоила? Похороны через несколько часов!

— Так она сама... — виновато пробормотала Пегги, покачиваясь на месте.

Рэй развернул ее и направил к двери.

— Иди, отсыпайся. Я сам о ней позабочусь, — он взглянул на девушку. — Как твое имя, красавица?

— Джуди.

— Джуди, я очень тебя прошу, завари крепкого черного чаю и принеси сюда, хорошо? Сделаешь?

— Хорошо, — застенчиво улыбнулась ему девушка, заливаясь румянцем, готовая сделать все, чтобы он не попросил, обезволенная и одурманенная его очарованием, коим он всегда бессовестно пользовался, превращая женщин в своих безропотных рабынь.

Закрыв за Пегги и Джуди дверь, он захватил стакан со столика и вернулся к Кэрол.

Она оставалась в том же скрюченном состоянии, но уже не рвала. Услышав, как он вошел, она подняла дрожащую руку и нажала на кнопку слива.

Рэй набрал из-под крана полный стакан воды и протянул девушке.

— Пей.

Кэрол прополоскала рот, сделала пару глотков и протянула стакан ему обратно.

— Нет, все пей. До дна.

— Не могу.

— Пей, Кэрол, — присев рядом, он сам поднес стакан к ее губам. — Давай, мой

птенчик. Тебе полегчает. Доверься мне.

Прикрыв влажные глаза, Кэрол позволила ему влить в себя все содержимое стакана. Но через секунду все это выплеснулось наружу. Рэй успокаивающе погладил ее по голове.

— Вот так, хорошо. Еще пару стаканов, и я от тебя отстану.

Кэрол было слишком плохо, чтобы спорить. Когда из желудка у нее стала выходить чистая вода, Рэй поднял ее с пола, поставив на ноги.

— Ну как, полегче?

— Да... не тошнит больше...

Открыв краны, он придержал девушку, пока она умывалась.

— Фи...

— Что такое?

— Во рту противно.

Открыв шкафчик, Рэй достал запечатанную зубную щетку и пасту. Потом протянул девушке ополаскиватель. Наблюдая за ней, он придерживал ее за талию, и не сдержал улыбки.

— Ну, и зачем же ты так накачалась, а?

— Да я много и не пила, — простонала Кэрол, промокая лицо полотенцем и покачиваясь. — Просто не ела три дня... вот оно и дало...

— Как же ты на похороны пойдешь? На ногах даже не стоишь.

Глаза Кэрол наполнились ужасом.

— Ой, что же я наделала! Как я могла...

— Так, не паникуй. Я тебя на ноги поставлю. Только слушайся меня. Для начала раздевайся и под холодный душ. Сразу в себя придешь.

Кэрол отупело смотрела, как он расстегивает на ней блузку, и вдруг в голове у нее прояснилось.

— Ой, что ты делаешь?

— Помогаю тебя раздеться, — невозмутимо ответил он, снимая блузку.

Кэрол прикрыла грудь руками и резко отвернулась, чуть не потеряв равновесия.

— Я сама... выйди...

Она зажмурилась, пытаясь справиться с головокружением. Рэй тем временем проворно расстегнул юбку и стащил вниз.

— Прекрати! Рэй! — возмущенно вскрикнула Кэрол, поворачиваясь к нему. Опустив голову, она посмотрела на юбку на полу и потянулась за ней.

— Да не бойся ты, глупая, это же я, а не кто-то другой, — усмехнулся ласково он. — Я просто тебе помогаю. Ты же сама не справишься. Еще поскользнешься, упадешь, придется в больницу тебя везти, и на похороны не попадешь. А ты должна там быть, и в нормальном виде, слышишь? Или Куртни для тебя уже ничего не значит?

Уголки губ ее горько и отчаянно поползли вниз, а по щекам побежали слезы. Большие пьяные глаза беспомощно смотрели на него.

— Не плачь, солнышко. Все будет хорошо. Сейчас ополоснешься прохладной водой, взбодрись. На похоронах будешь в лучшем виде, я тебе это обещаю.

— Рэй... что же делать... что же мне делать?

— Для начала — в ванну, — подхватив девушку за талию, он поставил ее в ванну. — И постарайся не упасть. Да, кстати, мы забыли кое-что снять.

Обхватив ее стан руками, он ловко расстегнул застежку бюстгальтера и, прежде чем

девушка успела среагировать, снял его. Вспыхнув, Кэрол порывисто отвернулась, и, поскользнувшись, едва не упала.

— Так, без резких движений, пожалуйста! — строго сказал Рэй, придерживая ее, а потом взялся за ее трусики.

— Нет! — вскричала Кэрол, вцепившись в тонкую ткань.

— Ладно, — не стал настаивать он и, протянув руку, начал откручивать краны. Кэрол сжалась под холодной водой, обрушившейся на нее сверху, пошатываясь и отчаянно обхватив себя руками в попытке спрятать свою наготу. Но в голове ее действительно начало проясняться, и комната уже не так шаталась перед глазами. Кровь быстрее побежала по венам, и она почувствовала, как силы возвращаются к ней. Кожа ее покрылась мурашками, она задрожала, но продолжала стоять под холодными струями, получая от этого какое-то странное удовольствие. Подставив лицо воде, она не двигалась, прислушиваясь к тому, как по телу бегут прохладные приятные струйки, лаская и успокаивая, забираясь под тонкую ткань трусиков. В голове было пусто. Вода стала теплее. Кэрол сама не заметила, как улыбнулась. Забыв обо всем на свете, она представляла, что стоит под дождем. Под сильным дождем, который барабанит по ее телу, доставляя легкое удовольствие. У нее появилось ощущение, что она засыпает. Она погружалась во что-то теплое и приятное, и почувствовала вдруг сексуальное возбуждение. Сейчас она заснет, и увидит восхитительный сон, в котором будет заниматься любовью с Джеком...

Он вдруг прижался к ней сзади, целуя ее шею и плечо, обжигая кожу горячим тяжелым дыханием, руки его медленно заскользили по ее телу. Теплые ладони накрыли груди и слегка сжали в нежном сладострастном порыве...

Кэрол вздрогнула и распахнула глаза, отгоняя пьяное наваждение.

— Рэй! — задохнулась она, предпринимая попытку выскочить из ванны, но он прижал ее к себе, обхватив сильными руками. Кэрол забилась, стараясь вырваться.

— Отпусти! Я закричу!

Схватив ее одной рукой за запястья, он прижал их к ее груди, а другой продолжал ласкать ее тело. Ладонь его заскользила вниз, погладила плоский упругий живот и скрылась под тонким шелком трусиков. Кэрол невольно замерла...

Теплые струи продолжали биться о ее тело, и Кэрол снова задрожала, но теперь уже в крепких тисках мужских рук, из которых нельзя было вырваться. Она хотела позвать на помощь Пегги, и не смогла. Вместо этого закрыла глаза и застонала. Его ласки вдруг лишили ее всей воли, она перестала сопротивляться, позволив ему прикасаться к себе. Впрочем, и не позволить не могла... Мысли снова растворились у нее в голове. Осталось лишь тело, в котором нарастало наслаждение в плену нежных умелых рук. Она слышала его страстное хриплое дыхание, слышала, как он задыхается, чувствовала, как дрожит, прижимаясь к ней сзади. Его дрожь передалась ей, ей тоже стало трудно дышать. Она вдруг услышала, как с тяжелыми выдохами из ее груди вырываются тихие стоны... И вот, когда ее удовольствие под его умелыми ласками готово было обрушиться на нее со всей своей силой и остротой, он остановился, медленно отпустил ее и, поцеловав в щеку, выпрыгнул из ванны.

— Извини, солнышко... опять бес попутал. Не сердись, ради Бога. Черт, я весь мокрый! В чем же теперь поеду?

Сквозь плену в глазах Кэрол посмотрела на него, пошатываясь и продолжая дрожать всем своим разгоряченным телом, которое он так ловко раздражил и так безжалостно оставил в самый последний момент...

Ничего не понимая, Кэрол продолжала смотреть на него. Вымокшая под душем одежда прилипла к его телу, с волос за воротник сбегали маленькие капельки. Сорвав с крючка полотенце, он с улыбкой набросил его на девушку и, легко подхватив ее на руки, вынес из ванной. Сев на постель, он посадил Кэрол себе на колени, как ребенка, и стал энергично растирать полотенцем.

— Ну, тебе лучше? — участливо спросил он.

В дверь тихо постучали. Стащив с девушки полотенце, он откинул покрывало.

— Ныряй под одеяло. Джуди принесла чай. Сейчас выпьешь, и совсем полегчает. Да, и я бы посоветовал тебе все-таки снять с себя мокрое белье... под одеялом я ничего не увижу, не переживай.

Он направился к двери, на ходу расстегивая мокрую рубашку.

Приняв у Джуди поднос, он поблагодарил ее улыбкой. Глаза девушки заблестели, разглядывая его рельефное мускулистое тело под рубашкой.

— Что с вами? Вы весь мокрый? — почему-то шепотом спросила она.

— Забыл раздеться, когда принимал душ, — он бросил на нее игривый лукавый взгляд, и заметил, как приближается Пегги, которая нахмурилась, расслышав его слова.

— Как Кэрол? — настороженно спросила она, подозрительно изучая его глазами.

— Уже лучше. Скоро будет совсем хорошо.

Пегги внимательно взгляделась в его глаза, горевшие жгучей страстью и с трудом контролируемым желанием. Опустила взгляд ниже, на джинсы. Рэй лишь улыбнулся, ничуть не смутившись, даже забавляясь в душе над тем, как побагровела бедняжка Джуди, выкатив глаза. Главное, чтобы Кэрол не заметила, поэтому он не включал в комнате свет.

— Джуди, милая, ты не поможешь мне с одеждой? Не сотворишь ли для меня чудо и не высушишь ли ее к утру, пока я здесь привожу в чувства свою жену? Нам рано надо уезжать.

Он засмеялся, когда Пегги изумленно вскинула брови.

— Кого ты приводишь в чувства, я не расслышала?

— Наоми, ты еще здесь? А я думал, ты уже давно спишь. Джуди, ты подождешь, я вынесу тебе одежду?

Девушка кивнула.

Рэй зашел в номер, поставил на стол поднос, потом в ванной разделся и, обмотав бедра полотенцем, вернулся к двери. Вручив Джуди джинсы и рубашку, он поблагодарил ее пленительной улыбкой, но девушка не заметила ее, во все глаза разглядывая его тело. Рядом с ней пошатывалась пьяная Пегги.

— Рэй... — попыталась что-то сказать она.

— Спокойной ночи, сестренка! — ослепив ее улыбкой, он решительно закрыл дверь.

Отвернувшись, Пегги побрела к себе.

— Все, пропала девчонка.

Кэрол неподвижно лежала под одеялом, отвернувшись от двери. Наклонившись над ней, Рэй обнаружил, что она спит. Взяв поднос, он присел рядом и легонько потряс девушку за плечо.

— Эй, солнышко, очнись. Чай.

С трудом разомкнув тяжелые веки, Кэрол приподнялась. Одеяло сползло вниз, и, вспомнив, что на ней ничего нет, она поспешно подтянула его до самого подбородка. Рэй сделал вид, что ничего не заметил.

Кэрол окинула его настороженным взглядом.

— А где твоя одежда?

— Так я же весь вымок, ты забыла? Вот и отдал на просушку. Осторожно, горячо, — он вручил ей чашку с дымящимся чаем. — Как ты себя чувствуешь?

— Ну... не совсем трезвой, — Кэрол опустила глаза, стараясь не смотреть на его великолепный обнаженный торс. После его ласк возбуждение не покидало ее тела, и она стыдилась этого. Ей вдруг захотелось, чтобы он ушел. Немедленно.

— А как ты здесь оказался?

— О, теперь вижу, что ты начинаешь трезветь. Приехал, как же еще? Узнал, что ты здесь, и приехал.

— Зачем? — напряженно спросила она.

— Зачем? Потому что я волновался, переживал. Ведь кроме тебя у меня никого больше не осталось. И я знаю, как тебе сейчас плохо. И мне тоже плохо, Кэрол. Или ты не веришь?

— Верю.

— Это наше горе, Кэрол. Потому что мы потеряли нашу Куртни. Может, ты не веришь, но мне не менее больно, чем тебе. Я не любил ее, как женщину, но любил, как человека, я привык, привязался, она стала частью моей жизни, и этого не выкинуть, не забыть, не изменить. Стало вдруг так пусто... — он устремил наполнившиеся слезами глаза в пространство. — Я не могу находиться в доме. Мне все время слышится ее голос, я жду, когда она войдет в комнату. Так не по себе... так одиноко... как никогда. Я чувствую себя виноватым перед ней. Ведь я так и не сделал ее счастливой, а она заслуживала и любви, и счастья. Но я никогда о ней не думал. Я всегда думал только о себе. Я понимаю, что ты сердисься на меня. Но вспомни... мы же семья. Мы всегда были вместе, и в горе особенно. Почему же теперь ты от меня отвернулась? Почему не хочешь меня знать, как будто я совсем чужой тебе? Кроме тебя, мне и поговорить не с кем... поделиться тем, что на сердце. Кэрол... Джек сказал, что ты меня ненавидишь. Неужели это правда?

Кэрол уткнулась лицом в колени, отставив чашку. Рэй молча смотрел на нее, не двигаясь.

— Нет, — чуть слышно шепнула она. Плечи ее затряслись в беззвучных рыданиях. Он придвинулся ближе и положил ее голову себе на грудь. Поцеловав ее в макушку, он крепко обнял хрупкие обнаженные плечики.

— Поплачь, малыш, поплачь, ничего страшного. Иногда нужно плакать. Я мужчина, и то... — он всхлипнул и потерся веками о ее волосы, вытирая слезы. — Наша Куртни заслужила наших слез. Сейчас, вдвоем, друг с другом, мы можем быть слабыми. Завтра мы должны быть сильными. Будет тяжело, очень тяжело. Но у тебя есть я. Знай это, помни об этом, всегда. Ты можешь рассчитывать на меня, я всегда помогу, поддержу... все сделаю для тебя... ради тебя... жизнь отдам, если потребуешь... Не отдаляйся от меня, не надо. Ведь кроме меня у тебя никого нет, а я всегда буду тебя защищать, никому не дам в обиду. Никому.

Но она только плакала, уткнувшись ему в голую грудь и заливая ее слезами. Ей не хотелось терять его. Ведь он прав. Кроме него у нее никого больше нет. А он такой родной, такой надежный. Он никогда не причинит ей зла, его не нужно бояться, как Джека. Их Рэй. Куртни и ее. Но если она не оставит его, он умрет. Как Куртни, как Мэтт... как все остальные. Ей будет его не хватать, она знала. Она даже не представляла себе, как будет жить без его озорной мальчишеской улыбки, без приятного веселого смеха, без его шуток и проказ, без его вечных приставаний, к которым она уже так привыкла. Кто сможет

рассмешить ее, когда ей захочется плакать, кроме него, кто разозлит своими мальчишескими добродушными выходками, кто утешит, кто будет кидаться с кулаками на ее обидчиков, кто еще сможет заставить ее сердечко замирать от восторга от одного только взгляда, как это делал он? Кто еще сможет внести в ее черный мир столько света, сколько вносил он? С кем еще она сможет сражаться на корте, или состязаться в шарлатанстве в карточных играх, пронестись на роскошном спортивном автомобиле так, что дух захватывало, когда сможет еще полюбоваться на его великолепную сильную фигуру, скользящую по волнам на доске для серфинга? Ничего этого больше не будет в ее жизни, не будет Рэя, не будет хотя бы того, кто мог его напоминать. Потому что это был Рэй, и он такой был один, другого похожего не существовало. Только у него одного были такие лукавые хитрющие лисьи глаза, взгляд которых растоплял любое сердце. И он был рядом с ней столько лет, что казалось, что он был в ее жизни всегда. И Кэрол безумно, до боли хотелось, чтобы он и дальше был рядом. Всегда. Он был ей нужен. Она любила его. Он был частью ее жизни, как он сам только что выразился, говоря о Куртни. И вдруг вот так сразу, она теряет их обоих. Это было для нее просто невыносимым. Она не только лишается тех, кого так любит, но и теряет свое вечное и неизменное, как ей казалось, прибежище, где она всегда могла укрыться от окружающего мира и забыться от своих печалей рядом с ними, Куртни и Рэем. Они не согреют ее больше своей любовью, она не будет чувствовать их надежной и постоянной поддержки. Их семья, которой они всегда так гордились, их мирок, разбит, потому что основанием всего была Куртни. Ее не стало, и сразу все рухнуло.

И Кэрол позволила себе захлебываться в горьких рыданиях в объятиях Рэя, которыми он пытался защитить ее от всего мира и всех бед, и, скорее всего, это было в последний раз. Больше она не подпустит его к себе, никогда. Это для него слишком опасно. Подняв голову, она посмотрела ему в лицо. Губы ее дрожали, глаза блестели в темноте от слез. В свете уличных фонарей, который проникал в комнату, она хорошо видела его лицо. И она позволила себе им полюбоваться, в последний раз. Посмотреть в красивые синие глаза, которые стали так дороги ее сердцу. Как же... как же она будет без него? У него будет другая семья, он найдет себе женщину, заведет детей, как и хотел. И никогда уже не будет *ее* Рэем, преданным ей, заботливым.

Подняв дрожащие руки, Кэрол коснулась пальцами его лица.

— Я никогда не забуду тебя, — прошептала она. — Как никогда не забуду Куртни. Я буду любить вас всегда.

— Кэрол... мне не нравится, как ты сейчас говоришь. Ты что, прощаешься со мной?

— Рэй, теперь уходи. Иди в другой номер.

— Ты опять меня гонишь? Это когда-нибудь кончится или нет?

— Иди, Рэй. Забудь меня. Строй свою жизнь, такую, как хотел. Найди себе женщину, заведи семью. Куртни бы этого хотела.

— Куртни хотела, чтобы мы с тобой были вместе!

— Нет, она не хотела, она просто пыталась нас убедить в том, что она этого хочет. Она любила тебя, а ни одна женщина не может желать, чтобы ее мужчиной владела другая. Ты просто тратишь понапрасну время и нервы, гоняясь за мной. И играешь с огнем. Я имею в виду Джека. У нас разные дороги, Рэй, пойми же ты это наконец!

— И какая дорога у тебя, по-твоему?

— Я пока не знаю.

— Ты хочешь остаться с Джеком?

— Нет, с ним я не останусь. Я даже говорить о нем не хочу. Спасибо тебе, Рэй, — она выдавила улыбку и погладила его по щеке. — Спасибо, что приехал... что беспокоишься обо мне. Не смотря ни на что... на то, что причиняю тебе боль...

— Да, причиняешь, и ты даже представить себе не можешь, какую, — обиженно отозвался он и тоже погладил ее по щеке. — Но я никогда на тебя не сердился за это... ведь ты не принуждала меня к тому, чтобы я тебя любил.

— Не надо, Рэй. Иди. Пожалуйста, иди, — Кэрол отодвинулась от него, придерживая на груди покрывало. — И будь счастлив.

— Я не уйду, Кэрол. Никогда не уйду от тебя... как бы ты меня не гнала, — он быстро обнял ее и с мучительным стоном прижался к губам в страстном поцелуе. Девушка попыталась вырваться, но он опрокинул ее на спину и сорвал с нее покрывало, не отрываясь от ее рта, чтобы не дать ей возможности что-нибудь сказать, что-нибудь такое, что заставило бы его отказаться от того, о чем уже так давно мечтал, как тогда, когда она вынудила его своим жестоким ультиматумом оставить ее в постели и уйти.

Избавившись от полотенца, он прижался к ней обнаженным телом. И в этот момент понял, что чтобы она там не говорила, он уже не отступит. Он просто не сможет, даже если захочет. Она продолжала отчаянно брыкаться, а он — целовать и ласкать ее тело жадными, дрожащими от вожделения руками. Никогда в жизни он еще не хотел женщину так, как ее. Его страсть томилась в нем так долго, и другие женщины не приносили облегчения. Он желал ее, только ее. И она была единственная, которая ему не покорялась, лишив его покоя. Сначала было вожделение. Потом неудовлетворенная страсть переросла в любовь, нежную, самозабвенную, всепоглощающую. Он сам никогда не думал, что способен на такие чувства. Потом на ней сосредоточилась вся его жизнь, все остальное померкло и перестало иметь значение. Сердце его истекало кровью, безжалостно терзаемое страданиями и ревностью. Но он ждал и надеялся, что придет его время... Ведь иначе быть не может. Сама Куртни дала ему свое благословление на любовь и жизнь с *ней*. Куртни была мудрой женщиной, если она так сказала, значит, она поняла, что это судьба, чтобы он и Кэрол были вместе. А Куртни редко ошибалась.

Только эта упрямая капризная девчонка продолжает сопротивляться. Ей не достаточно крови, которой она у него выпила, она хочет заставить его мучиться еще, хочет продлить его невыносимую пытку... Только на этот раз она проиграет. Он не пойдет больше у нее на поводу, как глупый мальчишка. Пора вести себя с ней, как мужчина... стать самим собою, не бояться больше показать себя мужчиной, через руки которого прошло множество женщин, который умел соблазнить и подчинить, заставить отдаваться, терять голову, разжигать в женском теле такое желание, которому невозможно было сопротивляться. Ему всегда было не по себе, когда Кэрол называла его ловеласом или бабником, или какими-то еще словечками, выдуманными женщинами для нормальных мужчин с естественными сексуальными порывами, и ему хотелось выглядеть в ее глазах другим. Хотел, чтобы она не думала о нем, как о бездушном охотнике за женскими телами, чтобы знала, что он способен на любовь, на постоянство, на верность... если она будет с ним. Что он не бабник. Он никогда не признавал этого, не признавался в связях с женщинами и изменах жене, даже когда Кэрол видела его с любовницами. И ему хотелось убедить ее в обратном, чтобы она смогла поверить в него.

Но теперь ему было наплевать. Он больше не мог с этим бороться, страсть извела его, а она не дается, упрямец. И он будет с ней тем, кем был на самом деле — обольстителем,

искусителем, в совершенстве отточившим искусство любить в своих многочисленных практических занятиях с разными женщинами. Ладно, пусть знает, все равно она так всегда и считала, что у него было миллион женщин, как у «последнего бабника», как она говорила. Он сам предпочитал называть себя иначе — просто опытным и знающим свое дело любовником. И он этим гордился. Женщины его любили, и ни одна не покидала его постель по собственной инициативе. Уж где-где, а здесь он был в себе уверен на сто процентов. И пришло время этой девочке узнать, что такое «Казанова», как его всегда бичевала она и Рэндэл, а он почему-то обижался, принимая, как насмешку и оскорбление. А может, надо было воспринимать, как комплимент?

Сначала Кэрол престала сопротивляться, потом уже самозабвенно отдавалась его ласкам, забыв обо всем на свете. Тряслась, как в лихорадке, от вожделения, и стонала так, будто он изводил ее нечеловеческими пытками. Она уже сама к нему тянулась, жадно ласкала его тело, искала губами его рот, готовая его принять. Но он не спешил. Он никогда не спешил. Пусть чуть-чуть подождет, помучается, изнывая от страсти и не получая желанного удовлетворения, как он мучился все эти годы. Пусть этот момент станет для нее таким же радостным, сладким и вымученным, как и для него. Пусть она страдает от желания. Пусть молит его сделать это...

— Кэрол... да? — прошептал он ей на ухо.

Она порывисто сжала его в объятиях, пытаясь как можно сильнее прижать к своему разгоряченному жаждущему телу, обхватила его бедра ногами и подалась к нему. Он прижался к ней, но на этом остановился. Девушка жалобно застонала.

— Ты согласна? Скажи... да?

— Да... да... пожалуйста...

Он закрыл глаза и застонал от захлестнувшего его восторга и удовольствия, медленно проникая в ее тело. Ногти девушки больно впились ему в спину, из ее приоткрытого рта вырвался короткий крик, стройные длинные ноги стиснули его мертвой хваткой. Он подался назад, вызвав протестующий возглас, улыбнулся, когда она снова вскрикнула и задохнулась от удовольствия, когда он вернулся, и на это раз настолько глубоко, насколько возможно...

Она ответила ему не меньшей страстью, чего он и хотел. А он вспомнил, как это прекрасно, заниматься любовью с любимой женщиной, владеть той, которая была в твоём сердце, мыслях, мечтах. Любить не только телом, но и душой. И никогда его не переполняло столько счастья и восторженной, всепоглощающей радости, как в эти мгновения, когда ему наконец-то принадлежала та, которую он так давно желал и любил. И он наслаждался этими минутами, не позволяя нетерпению и безумству завладеть собой и погнать на всех порах к удовлетворению. Девушка дважды с криками наслаждения содрогнулась под ним, не отличаясь терпением, пока он с глухими стонами, подстроившись под ее третий оргазм, не заставивший себя ждать, не присоединился к ней.

Невероятное облегчение, и физическое, и душевное, и эмоциональное снизошло на него, он уткнулся лицом в грудь девушки, поддавшись охватившему его блаженству и слабости, разлившейся по всем мышцам. Она тоже не двигалась, тяжело дыша. Он почувствовал, как руки ее соскользнули с его плеч и безвольно, как не живые, упали на простынь. И вдруг из груди ее вырвался такой жалобный, такой отчаянный стон, что сердце его больно кольнуло. Он вскинул голову, посмотрев ей в лицо, которое вдруг исказила гримаса боли. С рыданием Кэрол столкнула его с себя, но Рэй схватил ее и сжал в объятиях, не позволяя вскочить. Она снова забилась в его руках, в ярости колотя по нему кулаками.

— Ненавижу тебя! Ненавижу!

— Кэрол, не надо... умоляю, не надо так! Все хорошо, все так, как должно быть, — он стал нежно целовать ее залитое слезами личико, стараясь успокоить, безмерно расстроенный ее реакцией на то, что между ними произошло. — Я так тебя люблю, мое солнышко, моя хорошая... Успокойся, не плачь. Ты рвешь мне сердце. Не надо так со мной, не надо...

Он прижал ее к груди, переполненной любовью и горечью, и Кэрол, затихнув в его объятиях, безутешно разрыдалась. Господи, Куртни еще не успели похоронить, а она уже переспала с ним... Жестокая боль внутри стала каменеть. Леденящий холод разливался в груди. Она самая последняя дрянь. Неблагодарная, подлая сучка. Шлюха. Самая настоящая шлюха. Она отдалась Рэю, предав Куртни, и это случилось именно здесь, в мотеле, где она росла среди шлюх... и сейчас и здесь она стала одной из них. А может, она всегда была одной из них, только сама не хотела этого признавать. Ведь недаром люди называли ее здесь потаскушкой. Только она была еще хуже. Шлюхи продавали свое тело, зарабатывая на этом деньги, а она продала свою душу, совершив самый грязный, бесчестный, отвратительный и подлый поступок в своей жизни, которому не было ни прощения, ни оправдания.

Тяжесть навалилась на нее, сдавив со всех сторон, и изнутри, и снаружи. Кэрол закрыла глаза, чувствуя головокружение в опьяненном мозгу. Она была пьяна. Оправдания не существует. Это только значит, что она не просто шлюха и дрянь, а пьяная шлюха и дрянь. Завтра она протрезвеет и в полной мере осознает и прочувствует то, что натворила...

Похороны Кэрол перенесла с трудом. С большим трудом.

Ей так и не удалось протрезветь окончательно, мысли путались, глаза слипались, в голове пульсировала мучительная боль. Все тело ломало, дрожь от слабости и нервного напряжения не оставляла ее с того момента, когда Рэй разбудил ее на рассвете. Он напоил ее крепким кофе, заставил выпить какие-то таблетки, искупал под холодным душем. Она молчала и подчинялась, как поломанная кукла, которую пытались привести в порядок. Она даже не воспротивилась, когда он снова ею овладел, и, не смотря на ужасное самочувствие и физическое и душевное, снова получила от этого удовольствие, и лишний раз убедилась в том, что она всего лишь похотливая сучка, не умеющая владеть своим телом. Презрение к самой себе отвратительной горечью подкатывало к самому горлу, она чувствовала эту горечь во рту.

Она нашла в себе какие-то еще силы, чтобы привести себя в порядок.

Пока она сидела перед зеркалом, Рэй старательно гладил ее одежду. Осторожно и аккуратно он водил горячим утюгом по ткани, склонившись над гладильной доской и высунув от сосредоточенного напряжения кончик языка между губами. Кэрол наблюдала за ним в зеркало, чувствуя смутное удивление. Она была уверена, что Рэй никогда не брал в руки утюг, но теперь в этом усомнилась. Он умел гладить, и делал это уверенно и почти мастерски! Заметив ее взгляд, он улыбнулся.

— До того, как я женился, мне приходилось самому о себе заботиться. Ведь я не всегда был богатым и разбалованным... Я всего лишь детдомовец. Ты удивишься, когда узнаешь, что я много чего умею. Даже готовить. Мне просто нужно вспомнить.

Кэрол отвела глаза и ничего не ответила. Рэй гладит ей юбку — невероятное зрелище! И может быть, еще вчера это бы ее позабавило и развеселило. Он встревожено, с немой мольбой смотрел на нее, страдая оттого, что то, что сделало его счастливым, ее превратило в такое несчастное разбитое существо, на которое ему было просто больно смотреть. Он даже чувствовал себя виноватым. Радость его померкла. Его любимая женщина была несчастна оттого, что стала с ним близка. Это его жестоко ранило в самое сердце. Он хотел верить в то, что это только чувство вины перед Куртни. Что это пройдет. Как бы хотел он, чтобы она подарила ему хоть тень улыбки или теплого нежного взгляда, чтобы сказала хоть слово. Но она была холодной, равнодушной, чужой. Возможно, она его даже ненавидела, теперь уже на самом деле. Она воспринимала то, что с ними произошло, не как любовь, а как предательство. Она предала свою обожаемую Куртни, и только это имело для нее значение. На него ей было наплевать, на его чувства, любовь, на то, что рвет ему сердце. Жестокая. Какая жестокая. Думает о мертвых, которым уже все равно, которые не могут больше чувствовать боли, и заставляет страдать живых. Отчаяние заползало ему в душу, как бы не пытался он его от себя гнать. С ужасом он думал о том, что совершил непоправимую роковую ошибку, соблазнив ее. Что, взяв ее тело, он потерял ее сердце, ее любовь. Что она никогда не простит ни себе, ни ему того, что они сделали. Что станет его ненавидеть. Что он ее потеряет. Навсегда.

Ну почему она так все усложняет? Почему нельзя просто позволить себе и ему любить,

быть счастливыми? Почему не дает ему ни малейшего шанса? Куртни больше нет, а он мог бы сделать ее счастливой. Даже Куртни это понимала.

Он пытался поговорить с Кэрол, но она молчала. Ему казалось, что его слова просто не доходят до ее сознания, она намеренно не желает их воспринимать, заблокировавшись от него так, что он не мог к ней пробиться. Она не покорилась ему, даже теперь. Наоборот, между ними вдруг разверзлась пропасть. Он поспешил. Он это понимал. Нужно было подождать еще, а он сломался. И сломал ее.

Он пытался не показывать печали и отчаяния, демонстрируя только свою любовь. Вел себя уверенно, как будто случилось только то, что должно было случиться, что это не то, в чем можно раскаиваться и о чем надо сожалеть. Нет. Он вел себя так, словно она уже принадлежала ему, давно принадлежала, и так будет всегда. Она должна это понять и перестать этому противиться.

А еще главное, чтобы об этом пока не узнал Джек. Рэй боялся не за себя, а за нее. Джек зверь, причем бешеный зверь, он может ее и убить в приступе ревности или чтобы наказать. Рэй не мог этого допустить. Если Рэндэл не отпустит ее, Рэй намеривался его убить. Да, он был готов на это, чтобы защитить и освободить Кэрол от этого подонка, и уже обдумывал возможные варианты. Что ж, даже если не выйдет перевернуть все так, чтобы самому выйти чистым из воды и не угодить за решетку, по крайней мере, Кэрол будет свободна от этого монстра. Рэй поклялся Куртни защищать и оберегать ее, но даже без этой клятвы он бы это делал, потому что никого дороже ее у него не было.

Впервые в жизни ему не удавалось достучаться до Кэрол, заставить улыбнуться. Она смотрела сквозь него. Он словно потерял над ней свое очарование, свою силу, благодаря которым он мог развеселить ее в любой ситуации, утешить, поддержать.

Он помог ей одеться, она не сопротивлялась. Поддавшись порыву, он стиснул ее в объятиях и прижал к себе.

— Ах, Кэрол... — простонал он. — Я же люблю тебя! Так люблю...

А она вдруг оттолкнула его, вскрикнув от внезапной ярости, и выбежала из номера. Он поспешил за ней. Столкнувшись на лестнице с Пегги и встретившись с ее взглядом, девушка отвернулась, мучительно краснея. Из-за угла выглядывало любопытное личико Джуди, которое запыхало краской при их появлении. Девица облизнула губы, не отрывая от Рэя сладострастного взгляда. Кэрол готова была провалиться сквозь землю, ненавидя Рэя. Конечно, Пегги и эта девица не просто понимали, что происходило в номере, где она осталась с Рэем наедине, но наверняка и слышали.

Пегги коснулась руки Кэрол, заглядывая ей в лицо понимающим нежным взглядом, но та опять отвернулась и вышла на улицу. В этот момент Кэрол злилась и на нее за то, что оставила ее с Рэем в таком неменяемом состоянии. Кэрол злилась на весь мир, хоть и понимала, что виновата только сама. Пегги не укладывала ее в постель с ним, он ее не насиловал, дважды спросив у нее согласия. Кэрол знала, что Пегги не осудит ее, но все равно было невыносимо знать, что она слышала ее несдержанные пьяные крики удовольствия ночью. А что до этой Джуди, так Кэрол не удивилась бы, если бы та подслушивала под дверью.

Рэй рванулся следом за Кэрол к двери, но Пегги резко придержала его за руку.

— Сукин ты сын! — прошипела она. — Когда ты уже нае...ся? Глаза твои бесстыжие, что ты на меня смотришь? Девчонку-то зачем? Взгляни на нее! Взгляни, что ты с ней сделал! Она же боготворила Куртни! Тебе не стыдно?

— Помолчи, ты ничего не понимаешь! — бросил Рэй, вырвавшись из ее цепких рук. — Я люблю ее! А твое дело держать язык за зубами, даже если Рэндэл тебя распнет... ты поняла?

Пегги смерила его угрюмым взглядом.

— Что, испугался?

— А ты подумай, что он сделает с ней, если узнает, и не задавай мне idiotских вопросов!

— А что ж ты не подумал, когда в постель ее тащил?

— Пег, хватит! Пожалуйста. Ты просто не так все воспринимаешь. Я изменился, я теперь другой. Я люблю Кэрол. Это не каприз, не развлечение. Клянусь тебе! Я все тебе объясню, мы поговорим, но позже, хорошо? Сейчас я должен идти, пока она не сбежала от меня. Если Рэндэл будет спрашивать...

— Не беспокойся, я могила. Но только ради Кэрол, а не для тебя, понял? — Пегги презрительно поджала губы, когда он впервые в жизни запечатлел на ее щеке поспешный поцелуй, выражая свою признательность, и, провожая его недружелюбным взглядом, процедила сквозь зубы вслед. — Изменился он! Если х... — она выругалась, — вместо мозгов, то это уже не исправишь. Чертов самец...

И покосилась на Джуди, которая поспешила ретироваться, сделав вид, что ее вообще тут не было и она ничего не слышала. Пегги вздохнула, подумав о том, что сегодня же девочку придется уволить и отправить куда подальше, на тот случай, если Джек Рэндэл пожелает узнать, как и с кем его жена провела эту ночь. А Пегги совсем не хотелось, чтобы у Кэрол были неприятности. Да и у непутевого братца — тоже. Хоть Пегги его и недолюбливала, но не настолько, чтобы отдать на растерзание орогаченному Рэндэлу. А Джуди это будет уроком на будущее, чтобы не проявляла чрезмерное любопытство.

Они чуть не опоздали на похороны.

Прищуренными злобными глазами наблюдал Джек, как они торопливо приближаются в процессии, выскочив из машины Рэя. Рэй придерживал Кэрол под руку. Девушка неуверенно шла на высоких тонких каблуках, Джек заметил, как она пару раз покачнулась, но Рэй ее придержал, сильнее сжав ее руку, почувствовав, как она задрожала под пристальным взглядом Джека.

Они остановились чуть в стороне от него, не подойдя ближе. Джек отвернулся и больше не смотрел на них, пока не был завершён ритуал погребения. Присутствовало не так много народу, как на панихиде. Пришли только самые близкие и друзья Куртни.

Кэрол вдруг стало плохо, когда рабочие начали бросать землю на крышку опущенного в могилу гроба. Ей показалось, что она увидела Куртни в толпе людей. Красивая, высокая, она стояла за спинами двух мужчин и смотрела прямо на нее, а вокруг нее клубился черный туман.

— Как тебе мой муж, Кэрол? Хорош, правда? Хоть бы подождали, когда я уйду... — Куртни вдруг оказалась напротив нее, совсем рядом, и поцеловала Рэя в губы. Он вздрогнул и недоуменно коснулся пальцами губ.

— Я не сержусь. Будьте счастливы. Прощай, моя девочка, — Куртни наклонилась к ней и коснулась ее щеки теплыми мягкими губами.

Кэрол покраснела, потом побелела, чувствуя, как слезы заливают лицо, и скользнула вниз, потеряв сознание от ужаса и острой оглушительной боли, пронзившей ее всю насквозь,

от макушки до кончиков пальцев. Рэй, стоявший рядом, подхватил ее, не дав упасть. Джек подошел к ним, и, оторвав взгляд от мертвенно бледного лица жены, посмотрел на испуганного и растерянного Рэя, держащего ее.

— Убери руки от моей жены, — процедил он сквозь зубы и, вырвав бесчувственную девушку из его объятий, подхватил ее на руки и понес к своей машине. Сжав кулаки и вдохнув поглубже, чтобы не сорваться и не поддаться ревности, Рэй пошел за ним.

— Вспомнил, наконец-то, что у тебя есть жена? — зло бросил он. — Когда я ее отыскал и привез, пока ты просиживал штаны дома, наплевав на нее и даже не пытаюсь узнать что с ней и где она!

— Я узнаю, не переживай, — холодно отозвался Джек. — И где она была, и что делала.

— Не напрягайся. Она была у Пегги. Я смог дозвониться туда и Мелиса мне сказала, что она у них. Я приехал утром и застал и Кэрол, и Пегги в стельку пьяными.

— Я заметил, что она и сейчас не очень трезвая, — резко бросил Джек, усаживая жену в машину. Склонившись над ней, он похлопал ее ладонями по лицу, пытаясь привести в чувства. — Почему ты мне не позвонил, а сам туда поперся?

— Так тебе ж не было интересно, где она, — скривился от неприязни Рэй. — Больно нужно мне тебе звонить и докладывать! И сам могу о ней позаботиться.

Кэрол приоткрыла глаза и, увидев перед собой Джека, сразу зажмурилась. Рэй засмеялся над ним.

— Так вот отчего она в обморок упала — она теряет сознание от одного твоего вида! — подковырнул он.

— Заткнись, — Джек выпрямился и внимательно посмотрел на него. — Она была там одна?

— Что ты имеешь в виду? Нет, с Пегги...

— Я имею в виду того двухметрового мальчика со шрамами на лице!

На лице Рэя отразилось непритворное удивление, и Джек незаметно вздохнул с облегчением.

— Нет, она была одна. А что это за парень? — Рэй нахмурился. — Почему ты думал, что она была с ним? Кто он такой? Откуда он взялся?

Уловив в его голосе нотки ревности, Джек раздраженно фыркнул.

— Займись своими делами, вдовец! У тебя их сейчас будет невпроворот. Вступай в наследство, получай компанию, и отвяжись от нас!

Рэй побледнел от ярости и, оттолкнув его от машины, наклонился к Кэрол. Взяв ее за руки, он потянул ее к себе.

— Вставай, малыш. Поехали домой.

— Что ты делаешь? — раздался за его спиной голос Джека.

Рэй взглянул на него через плечо.

— Она не поедет с тобой, она не хочет. И я не позволю тебе ее заставлять. Ты не смеешь ее принуждать, Рэндэл.

Рэй замолчал и снова повернулся к Кэрол, когда она отняла у него свои руки. Встретившись с его красивыми синими глазами, Кэрол отвела взгляд и почувствовала, что краснеет. Невольно в ее каком-то отупевшем сознании ясно промелькнули воспоминания о том, что между ними происходило совсем недавно. И тут же испуганно сжалось сердце, когда она подумала о том, что Джек заметит их взгляды, прочитает их мысли, ведь никто не мог делать это лучше него. Страшно было даже подумать, что тогда будет. С Рэем. С нею. Но

нужно попытаться сделать невозможное. Очень нужно. Обмануть проницательность Джека, его способность угадывать ее мысли, чтобы он не догадался, не узнал. Потому что это вопрос жизни и смерти. Если не ее, то уж Рэя — точно.

— Рэй, я же тебе уже все сказала. Оставь меня в покое. Отвяжись. Куртни умерла, а ты мне не нужен. Не нужна твоя забота. У меня есть Джек. И я поеду с ним, — голос ее прозвучал твердо и уверенно. Оттолкнув Рэя, она решительно захлопнула дверь машины и отвернулась, так и не взглянув ему в лицо. Она не хотела видеть то, что отразилось в его лице, в его глазах после ее слов. Она знала, что это причинит ей боль. Опять боль. Она не могла больше чувствовать боль, у нее не осталось сил ее выносить.

Но даже теперь, когда он был ранен в самое сердце, упрямство взяло над ним вверх, и Рэй вцепился в дверь и распахнул ее. Но Джек отшвырнул его от машины сильным резким движением, а чьи-то другие мощные, с огромными железными мускулами, руки скрутили его, как мальчишку, и потащили в сторону. Рэй отчаянно сопротивлялся, пытаясь вырваться.

— Убери свои гребаные вонючие лапы, чертов ниггер! — рычал он на огромного африканца, которого уже успел люто возненавидеть и чью силу он не первый раз на себе испытывал. — Что, Рэндэл, ты теперь ходишь с телохранителем? Боишься, что я опять надеру тебе задницу?

— Сэр? — Хок бросил на Джека вопросительный взгляд. Тот кивнул, и на Рэя обрушился сокрушительный удар оскорбленного гордого чернокожего исполина, опрокинувший его на асфальт. Полуоглушенный Рэй приподнялся и тряхнул златовласой головой, пытаясь прийти в себя. Пошатываясь, он поднялся и посмотрел вслед удаляющемуся черному «Феррари». Боже, как же ненавидел он этот «Феррари», эту Рэндэловскую тачку, которую тот так любил, что не хотел менять ни на какие другие, словно она была его неотъемлемой частью. Роскошная, вечно новая и сияющая, идеальная и пижонистая, как и ее хозяин. И такая же черная, как его душа.

— Кэрол! — закричал Рэй, уверенный, что она его услышит. Она услышала. И обернулась. Посмотрела на него. А через секунду «Феррари» скрылся за поворотом, увозя от него его любовь.

— Я тебе не верю, — прошептал он, смотря туда, где в последний раз видел ее, словно она могла его слышать. — Ты просто хочешь защитить меня от Рэндэла. Все не так, моя девочка. Это я должен защитить тебя от него. И я могу. Могу.

А Кэрол откинула голову на мягкое сиденье и закрыла глаза. Главное, сосредоточиться и ничем себя не выдать, не пропустить Джека в то, что было у нее внутри, в мыслях, в сердце. Нужно забыть о том, что произошло. Этого не было. Это был только сон, не более. Ничего не было. Не было. Если она сможет убедить себя в этом, перестанет об этом думать, Джек не увидит в ней этого.

Ей было страшно. Она знала, что все ее усилия будут напрасны. Стоит только встретиться с взглядом Джека, и он сразу все поймет. Ей никогда и ничего не удавалось от него утаить. Умный и проницательный муж, угадывающий мысли и читающий в твоей душе, это с одной стороны хорошо, но с другой — ужасно, когда есть, что скрывать. Она никогда не умела лгать. Она была почти уверена, что не сможет совладать с собой, покраснеет и сразу же отведет взгляд, как только он заглянет ей в глаза. Что тогда будет? Он опять ее побьет? Или придумает наказание похуже и жестче? Джек Рэндэл не умеет прощать. Он беспощаден с теми, кто его оскорбил или унижил. Он уничтожил свою мать за то, что она бросила его ребенком, не задумываясь и не сомневаясь, что же тогда он сделает с женой,

сделавшей его роконосцем?

Тяжесть не отступала, продолжая давить и изнутри, и снаружи, как будто ее придавило камнями, а все ее внутренние органы увеличились и напряглись, пытаясь столкнуть обрушившую на них тяжесть и грозясь окончательно раздавить ее своим напором. Вот бы умереть. Это было бы избавлением, окончанием ее вечной пытки. Не было бы боли, вины, отчаяния и этого беспросветного и безнадежного мрака вокруг нее, внутри нее. Как там говорила Элен? «Дым пекла Преисподней. Он повсюду. Он душит меня. Я не могу это больше выносить. Я в аду».

Кэрол стала задыхаться. Вместо кислорода в ее легкие проникала темный удушливый дым. У него был горький привкус. Отвратительный привкус. Вкус крови. Вкус смерти. Запах падали. Гниющей плоти. К горлу подкатывала тошнота. Дым обжигал, проникая в нее, наполняя ее. Больно. Невыносимо больно. Он добрался до сердца. Оно запекло, жжение усиливалось, пока не превратилось в жгучую всепоглощающую боль. Словно горела ее душа. Как будто она в самом деле попала в геенну огненную.

— Я в аду. В аду. Габриэла... Габриэла... услышь меня... ты слышишь... слышишь... я знаю... помоги... помоги... Габриэла! Габриэла!

Она кричала изо всех сил, но не слышала собственного голоса. Но Габриэла ее слышала. Перед Кэрол вдруг появилось ее старческое, изборожденное морщинами лицо, совсем рядом Кэрол увидела ее неподвижные, смотрящие куда-то в пространство глаза. Холодная высохшая рука накрыла лицо Кэрол, словно положили намоченное в ледяной воде мягкое полотенце на ее сгорающую, плавящуюся в огне кожу, принеся мгновенное облегчение. Холод стал разливаться по ее телу, проникая и наполняя собой каждую клеточку, дошел до ее сердца, охватил горящую душу. Жжение слабело, боль отступала. Как хорошо. Холод. Никогда не думала Кэрол, что холод — это так приятно. Что это спасение. Она всегда не любила холод, не любила мерзнуть. А теперь поняла, что холод лучше, чем обжигающий жар, приносящий такую сумасшедшую боль.

— Спасибо... Габриэла... — прошептала Кэрол.

— Спи. Отдыхай. Набирайся сил, они тебе нужны. Спи. И увидь то, что тебе дано видеть... Спи. И смотри. Ты должна видеть... сны... должна их видеть... в них спасение... или гибель... они расскажут... только пойми. И не бойся снов. Не бойся видеть. Не бойся заглянуть в грядущее и воспротивиться ему... воспротивиться своему проклятию... это не судьба, эти люди не должны были умереть так и тогда, нет, но это проклятие имеет такую силу, что вторгается в предначертанное и ломает. Души их не знают покоя, потому что покинули этот мир не в свое время. Они должны были жить, но жизнь их прервана злой силой, тела уничтожены и истлели, души не могут вернуться, но и не могут уйти, потому что путь в забвение для них закрыт... и пути в жизнь нет. Они и не здесь, и не там. Они во мгле, в том, что ты всегда называла черным туманом... как узники в заточении... как потерявшиеся дети в ночи, не знавшие дороги ни назад, ни вперед. Не отпускай туда живых, не позволяй умирать не своей смертью, не предначертанной судьбой, убереги их жизни и их души. И не сгинь сама. Даже не думай о том, чтобы приблизить к себе смерть. Нельзя. Спи Спи.

— Да... я сплю... сплю... как скажешь, Габриэла. Сплю...

И она видела. Обрывками. Одна картина неожиданно сменялась другой. Она не могла все понять. Она видела их. Всех. Мадлен, Эмми, Розу Дэй, Мег Блейз, бабушку Тимми.

Мэтта, его первую жену и незнакомого мужчину, которому он свернул шею, Элен, несчастную бедняжку Эмили, Куртни. Они бродили вокруг нее в темной плавающей дымке, то исчезая в черных клубах тумана, то появляясь вновь. А Кэрол чувствовала свою вину и молила о прощении. Она помнила, что сказала ей Габриэла. Она ни в коем случае не должна допустить, чтобы в этот странный, не поддающийся ее пониманию плен попали другие. Ее проклятие — это не только смерть, это еще и что-то за ее пределами. Это проклятие существует и там, вне жизни и вне этого мира. Это черный туман, который поглощает и удерживает всех жертв ее проклятия, ломая не только жизнь, но то, что должно было быть за ее пределами. Кэрол раньше думала, что этот туман — это ад, который поглощает души. Но это не ад. Это что-то, что не пускает даже в ад. Как сложно, как нелепо и непонятно. Бред. Сумасшествие. Безумие. Все это может быть только плодом больного рассудка, и только, не больше. Она больная. Сумасшедшая. Что-то себе навидумала, и сама не может теперь в этом разобраться, запуталась, увязла и окончательно свихнулась.

На руках ее лежал Джек. Тяжелый, неподвижный. Взгляд серых глаз застывший и невидящий. Посредине высокого умного лба маленькое кровавое пятнышко, из которого медленно стекают густые струйки крови ему на виски, теряются в густых каштановых волосах. Кэрол кричит, зовет его, но он не слышит. Он мертв. Но глаза его все еще кажутся живыми, он сморит в небо и не понимает, что умер. Он не успел этого понять.

Что это? Будущее? Грядущее? Но где ответы? Где самое важное? Как это произошло, почему, когда и как этого не допустить?

«Не позволяй ему умереть. Его смерть понесет за собой страшные последствия. Нельзя, чтобы он умер, нельзя».

Но как это предотвратить, если не знать, что к этому приведет? Как понять, что нужно делать, а чего — нельзя? Слишком сложно.

Пятнышко на лбу. След от пули? Его застрелили? Или он застрелился сам? Как Мэтт... Но стрелять самому себе в лоб не очень удобно. Обычно дуло приставляют к виску или подбородку. Или в рот. Боже, какой ужас. О чем она только думает? Застелили или нет? Или это не пуля?

Лоб заливала кровь. Может, смерть наступила не поэтому? Может это была поверхностная рана, и не она его убила? Как понять? Как поверить в то, что на ее руках лежит мертвый Джек? Это невозможно. Невозможно, чтобы пронзительный, полный жизни силы и энергии взгляд стал безжизненным. Невозможно, чтобы неуязвимый, никогда не ломающийся Джек, в котором заключено столько силы, твердости и жизнестойкости, лежал вот так мертвым у нее на коленях, поверженный, уничтоженный. Такой молодой, полный сил и здоровья... и мертвый. Невозможно. Нет.

Потом она занималась сексом с Рэем. Ей было так хорошо, так легко. Блаженством было охвачено не только ее тело, но и душа. Она смотрела на него и наслаждалась его светящейся красотой, тем, что этот роскошный мужчина, всегда приводивший ее в восторг, принадлежит ей. И вдруг увидела Джека. Он стоял и наблюдал за ними. Значит, он жив! Он не умер. Не умер, потому что он просто не мог умереть. Но он изменился. Что-то в нем изменилось. И в тоже время это все равно был он. Прическа другая. Джек никогда такой раньше не носил. Кэрол показалось, что он стал выше и крепче. Под безупречно качественным и дорогим костюмом были сильные широкие плечи, спортивное телосложение. Такой же стройный и изящный, только намного мускулистее. Мышцы накачал, что ли? Зачем? Кэрол была в замешательстве. Это был он и не он. Вроде бы те же

глаза, серые, пронзительные, цепкие, но... какой цепенящий в них холод, какая страшная ненависть, какая безжалостность, жестокость. И поволока. Жуткая поволока. Как тень безумия. Страшные глаза, ужасные... нечеловеческие. Бывало, чтобы у Джека появлялся такой взгляд, что сердце замирало от страха, но вот *такого* Кэрол никогда не видела.

— Шлюха, — сказал он. — Предательница. Ты ответишь.

Тимми... грудь его залита кровью. Рубашка насквозь ею пропиталась. На губах кровавая пена. В синих глазах удивление. Грудь дрожит и тяжело вздымается, судорожно пытаюсь дышать...

Прошрое? Она теперь видит, как его расстреляли в плену?

Благословенный. Смерть не берет его.

Снова Джек. Точнее тот, кто так на него похож. Боже, что он делает? В руках у него нож. Страшный визг. Руки его в крови. Нож в крови. Он улыбается. Какая страшная, жуткая улыбка. Что-то, или, вернее, кто-то корчится рядом с ним. Красное с белым. Оно визжит. Это тело. Живое тело. Человек. Изрезанный на куски человек. Женщина. Невозможно. Это невозможно. Это просто кошмарный сон. Просто сон. Джек никогда такое не сделает. Он жесток, но не настолько. Он убийца, но не такой... Он вдруг обернулся, посмотрев прямо ей в глаза.

«Мама, — сказал он незнакомым грубым мужским голосом. — Не смотри».

Кэрол отшатнулась от него. Это не Джек! Это Патрик! Но такого не может быть. Она просто сходит с ума. Она ненормальная. Закрыв лицо руками, она закричала, пытаюсь проснуться. Нет, она не хотела ничего видеть, ничего знать!

Но как она ни кричала, она не смогла себя разбудить.

Куртни. Плачет.

«Что ты со мной сделала! За что? Я же любила тебя...».

Кэрол плачет вместе с ней, ползает у нее в ногах, корчится от боли, как подыхающая собака у ног хозяина. Она готова на все, чтобы все изменить, но не знает, как.

— Повторяй за мной, Кэрол, — говорит Куртни. — Повторяй и запоминай, чтобы передать мои слова Джеку. Говори... Джек, ты мне обещал. Ты дал слово. Ты солгал. Даже теперь. Ты обещал отпустить Кэрол. Обещал не причинить вреда Рэю...

— Джек, нельзя лгать мертвым, — повторяла за Куртни Кэрол. — Я не позволю. Ты ошибаешься, если считаешь, что я не достану тебя теперь. Достану, Джек. Оставь то, что задумал. Не смей трогать моего мужа. Не мучай мою девочку. Ответь за свои слова, подлец, хоть раз в жизни... хоть раз будь честным. Мне нет покоя, и тебе я его не дам... если не сдержишь слово, которое мне дал...

Все перемешалось у Кэрол в голове. Она уже не понимала, где живые, где мертвые, кто умер, а кто нет, где прошлое, где будущее, а где настоящее. Сновидения кружились вокруг нее, как смерч. Слова, образы... она уже ничего не понимала в этом хаосе. Мэтт, Эмми, Куртни, Джек, Рэй, Тимми, какие-то чужие люди, которых она никогда не видела прежде.

— Не уходи, Кэрол! — кричал Рэй.

— Убирайся! Уйди от меня! Проклятая! Я хочу жить! Уходи, уходи! — злился Джек,

куда-то ее толкая, гоня от себя.

— Мама! Мама! — раздавались вокруг детские голоса. — Мы хотим жить! Ты обещала нам жизнь...

— Мама! Мама! — узнала она голос Патрика, и сердце ее пронзила боль. — Не допусти... Спаси меня... Мамочка... Спаси папу. Я люблю папу. Не отбирай у меня его... Мама! Мне страшно... я один, совсем один. Мне плохо. Темно. Я проклятый? Я вижу тьму. Я вижу смерть. Она рядом. Прямо возле меня. Она шепчет мне плохие вещи... какой-то туман... совсем черный. Тяжело дышать. Мертвые. Я вижу мертвых. Как страшно. Где я, мамочка? Что произошло? Почему я один?

Она кричала, звала его, бегала и металась, пытаясь его найти, и не могла. Только слышала его горький плач где-то во мраке. Она потеряла своего мальчика. Он затерялся в этом мраке. Как же она допустила? Как могла упустить своего малыша? Как его найти, как вернуть?

Она замерла в ужасе и отчаянии, услышав, как он пронзительно кричит. И вдруг происходит что-то странное. Детский голос постепенно и плавно менялся, становясь ниже и грубее, пока не превратился в голос взрослого мужчины. Долгий страшный крик. Только начался он тоненьким голосом ребенка, а оборвался голосом мужчины, захрипевшим под конец мучительной смертельной агонией.

— Сынок! Сынок! — вопила Кэрол.

Но он молчал. И Кэрол вдруг поняла, что его больше нет. Он умер.

И она упала и забилась в такой же смертельной агонии, которую только что слышала в его голосе, чужом, незнакомом, но его. Она знала, что этот мужской голос принадлежал ее Патрику. Но он не мог умереть. Смерть не возьмет его. Так говорила Габриэла.

Господи, господи, с ума сойти. Как во всем этом разобраться? Как понять? Невозможно. Но ведь Габриэла не говорила, что Патрик будет жить вечно. Нет, он человек и тоже когда-нибудь умрет. Она слышала голос умирающего сына, но это был голос взрослого мужчины. Возможно, это даже был старик. Определить это было невозможно.

Она никогда в этом не разберется. Никогда не научится понимать свои сны. Если в них вообще есть какой-либо смысл. Может, это всего лишь игра ее воображения. Если она все равно ничего не понимает, зачем они появляются и мучают ее? Она не умела быть ясновидящей, не умела пользоваться даром, который появился неизвестно откуда и для чего. Слишком сложно. Слишком неясно. Если она не научится понимать свои видения, управляться с этим даром, то это просто сведет ее с ума. Мозг ее не выдержит такой нагрузки. Сердце разорвется от страха и отчаяния. Она не хотела видеть то, что будет. Не хотела знать, кто как умрет. Потому что не знала, как это предотвратить. Это жестоко. Очень жестоко. Держать на руках мертвого Джека, которого она так любила. Слышать предсмертный крик сына и понимать, что он умер.

— Не хочу! Не хочу! — умоляюще кричала она, не понимая, кого она молит об избавлении этого невыносимого мучительного дара. — Не хочу ничего знать! Хочу быть такой, как все, жить в неведении! Знать слишком больно, слишком страшно! Не хочу!

И она зажимала уши и зажмуривала глаза, чтобы ничего больше не видеть и не слышать. Она отказывалась. Отказывалась знать. Пыталась не подпустить к себе эти невыносимые страшные видения. Они говорили лишь о том, что впереди нет ничего хорошего, что все будет только страшнее. Опять смерти, опять боль... И она, одна со своим проклятием, наблюдающая, как умирают все вокруг. Она кричала, но ее никто не слышал. Безнадежность,

ужас, смерть — вот все, что она видела впереди.

Какие-то звуки, чьи-то голоса пытались прорваться к ней, но она продолжала отчаянно зажимать уши.

— Нет, нет, не хочу.

Веки ее были плотно сомкнуты, но все равно она видела какие-то мелькающие тени, которые пытались проникнуть в ее глаза, ее мозг.

— Не хочу. Не буду.

Но она все равно слышала чей-то чужой голос, добравшийся до ее сознания.

— ...Шестнадцатого марта тысяча девятьсот девяносто первого года привести в исполнение приговор, вынесенный второго сентября тысяча девятьсот девяностого года...

Кэрол медленно разжала уши, невольно прислушиваясь.

— ... Кэролайн Рэндэл...

Кэрол распахнула глаза.

— ... Высшая мера наказания...

Она удивленно оглянулась. Какие-то чужие люди. Мужчины. Странное помещение. Что происходит? Где она?

— ...Будет приведен в исполнение в газовой камере...

Что?!

— ...Будет пущен газ... пока не наступит смерть...

Чьи-то холодные руки коснулись ее и завели в странную маленькую комнату. Ее заставили сесть на странный стул и зачем-то приковали к нему. Тяжелая дверь захлопнулась, Кэрол расслышала стук задвигающихся замков...

И снова огонь, невыносимое жжение, боль, разрывающая ее ноздри, глотку, легкие, грудь. Она хотела кричать и не могла произнести ни звука.

«Габриэла! Габриэла! Спаси меня!» — мысленно взывала она.

Ее душа снова попала в пекло. Она в аду. Габриэла не появилась, не облегчила ее боль. Тьма навалилась на Кэрол осязаемой давящей тяжестью... и раздавила ее...

Она вдруг поняла уголком угасающего сознания, что умирает. И последнее, что она ощущала — это панический, слепой ужас и отчаяние, настолько сильное, что остановило удары ее сердца. Боль исчезла, тяжесть отступила. Ничего. Только тишина и мрак. Она мертва...

И вдруг ослепительный свет.

Ужас захлестнул ее, заставив завопить во все горло.

— Спасите! Я не хочу умирать! — завизжала она, воспользовавшись неожиданной возможностью, вернувшей ей способность дышать и говорить.

Она увидела перед собой растерянное и испуганное лицо. Знакомое лицо. Да это же доктор Гейтс! Но... где она? Кэрол повела глазами вокруг. Маленькая ужасная комнатка исчезла, она больше не была прикована к жуткому стулу смерти, а лежала на обыкновенной кровати в светлой просторной комнате. Окно. Небо, солнце. Боже, как хорошо. Она жива. Это только сон.

Она снова сосредоточила свой взгляд на лице доктора. Почему-то оно было белым и напуганным, а глаза увеличены вдвое, таращась на нее с таким недоумением, что Кэрол доктор показался невероятно смешным и уродливым с такой гримасой. Она почувствовала, что тело бьет крупная дрожь. Ей казалось, что она все еще ощущает слабое покалывание и жжение в носоглотке и легких. Дыхание было тяжелым и неровным. Как будто то, что с ней

произошло во сне, было на самом деле. Наверное, она напугала доктора своим воплем. Она схватила его за руку, чувствуя, как ужас, захлестнувший ее во сне, все еще сжимает ее сердце, но уже не с такой смертельной силой. Она снова попыталась заговорить.

— Боже... — голос походил на странный, чуть слышный хрип. — Я только что умерла. Меня казнили.

— Успокойся, Кэрол. Это всего лишь сон. Сейчас я введу тебе успокоительное... это необходимо. Ты на пределе. Пожалуйста, отпусти мою руку. Ты причиняешь мне боль.

Кэрол разжала пальцы. Встряхнув рукой, Гейтс потер ее ладонью, поморщившись от боли.

— Надо же... какая небывалая сила для женщины, — удивленно пробормотал он. — Ты чуть не сломала мне кисть.

Он выглянул за дверь и позвал медсестру. Кэрол приподняла голову. Это стоило ей невероятных усилий, потому что все тело сковывала непреодолимая слабость. Что с ней? Она заболела?

— Где я? — прохрипела она все тем же чужим хриплым голосом, и при этом горло ее больно засадило. Это от газа. Нет, о чем это она? Не было никакого газа, это только сон. Наверное, она просто так сильно закричала, когда просыпалась, что сорвала голос.

— Где я? — повторила она, стараясь говорить громче.

— В госпитале. Ты здесь уже три дня.

— Я в психушке? — Кэрол рванулась, пытаясь подняться, но тело не подчинилось ей. — Но почему? Я здорова, со мной все в порядке!

— Нет, Кэрол. Не совсем. Не волнуйтесь, я тебе просто помогу, как уже сделал это однажды, помнишь? Все будет хорошо. Главное не волнуйся. Ты немного полечишься и вернешься домой.

— Три дня... вы сказали три дня? Но этого не может быть. Я была на похоронах... я заснула... мне так кажется.

— Да, можно и так сказать. Ты заснула. Только ты не просыпалась четыре дня. Приляг, Кэрол. Ты очень ослабла. Я поставлю тебя на ноги, не волнуйся. Только не противься мне. Не мешай. Договорились?

Ошеломленная, Кэрол опустилась на подушки. Что-то белое на плече привлекло ее внимание. Опустив глаза, Кэрол коснулась пальцами какой-то странной белой пряди. Вроде волосы. Седые, мертвые. Откуда на ее плече чьи-то седые волосы?

— Что это? — Кэрол приподняла прядь и увидела, что она тянется... с ее головы! Это ее волосы!

— Что с моими волосами? Что вы сделали с моими волосами?

— Ничего страшного, Кэрол, не надо расстраиваться.

— Дайте мне зеркало! Что со мной? Я что, седая?

— Мне жаль...

— Но как... Этого не может быть! Я не могу поседеть, мне всего двадцать шесть лет!

— Иногда такое случается.

В палату вошла медсестра с маленьким подносом, который поставила на тумбочку у кровати и взяла оттуда шприц.

— Отойдите от меня! Что вы со мной сделали? Не трогайте меня! — у Кэрол от страха внезапно прорезался голос, и она оттолкнула приближающийся к ней шприц. — Отпустите меня! Я не сумасшедшая! Я хочу домой!

— Кэрол, ты обязательно вернешься домой, но для этого тебе нужно подлечиться, ты меня понимаешь? Не противься. И успокойся. Здесь тебе никто не хочет причинить зла. Мы пытаемся помочь.

— Не надо мне помогать, просто выпустите меня отсюда!

— Кэрол, чем сильнее ты будешь нам противиться, тем дольше ты здесь пробудешь, — доктор вдруг схватил ее за руки и вжал их в постель, кивнув медсестре. Та молниеносно твердой натренированной рукой вонзила в руку девушки иглу. Кэрол дернулась и стала отчаянно сопротивляться, яростно крича.

— Все хорошо, все хорошо, — приговаривал доктор, продолжая удерживать ее сильными цепкими руками. — Это всего лишь транквилизатор, Кэрол. Ты успокоишься и уснешь.

Слишком ослабленная, чтобы вырваться из мужских рук, девушка жалобно застонала и постепенно затихла, отключившись. Гейтс выпрямился, отпустив ее. Повернувшись, он поймал изумленный взгляд медсестры.

— Она же... она же совсем седая! — проговорила та ошеломленно и посмотрела на девушку. — Час назад, когда я сюда заходила, у нее были нормальные волосы. Что произошло, доктор?

Гейтс устало вздохнул.

— Я не знаю. Не отходите от нее, Джейн. А я позвоню мистеру Рэндэлу...

Джек приехал сразу же, отложив все дела, когда доктор Гейтс сообщил ему, что Кэрол пришла в себя.

Доктор его встретил и проводил в палату, где лежала его жена, все еще находясь под воздействием транквилизаторов.

Джек с первого взгляда не узнал Кэрол и решил, что доктор ошибся палатой. Но, приглядевшись к женщине на кровати, неподвижно лежащей под капельницей, он застыл на месте, как громом пораженный. Глаза его расширились, кровь отхлынула от лица, отчего оно приобрело пепельный оттенок.

— Что с ней? — вырвалось у него. — Ее волосы... Почему?

— Трудно сказать определенно. Но я склонен предполагать, что причиной тому послужил сильнейший эмоциональный стресс, нежели какая-то физическая патология или болезнь. Точнее, я хочу сказать, что это следствие психической болезни, а не физической.

Слова доктора пролетели мимо ушей пораженного мужчины. Он смотрел на Кэрол, но видел Элен, которая лежала на белых простынях, раскинув серебристые мертвые волосы по подушке. То же худое изможденное лицо, с той лишь разницей, что было без морщин, молодое и красивое.

— Почему? — снова спросил он у доктора, который призадумался, посчитав, что адвокат не удовлетворен его объяснением. В голову ему не пришло то, что тот его попросту не слышал.

— Возможно, это был сон. И из-за нездоровой психики, ослабленной и взбудораженной стрессами и эмоциональными переживаниями, он повлек за собой еще один сильнейший стресс, который и привел к таким вот печальным последствиям.

— Сон? Господи, да что же такое может присниться, чтобы поседеть, а? — у Джека появилось неприятное ощущение, что все это уже когда-то происходило, и эти слова он уже говорил ранее. И он отчетливо помнил, где и когда это было, но отказывался верить в то, что

такое возможно. У него даже мелькнула мысль, что он сам спит, и во сне события из прошлого смешались с настоящим. Ведь в жизни и в реальности такое невозможно.

— Она пришла в себя в таком ужасе, с такими страшными криками, что даже я испугался. Она сорвала голос, закричав, что не хочет умирать. Видимо, ей приснилась собственная смерть. И это потрясло и напугало ее настолько, что привело к омертвлению...

— Она что-нибудь говорила... ну, о своем сне? — бесцеремонно перебил его Джек, обратив на доктора странно блестящие глаза, в которых застыла тень страха и недоумения.

— Да... она что-то говорила о том, что она только что умерла... что ее казнили, — припомнил Гейтс, слегка нахмутив сосредоточено брови. — А что? Вы что-то можете добавить? На вас лица нет.

— Просто... просто почти тоже самое произошло и с ее матерью. Находясь в психиатрической клинике, она вроде бы пережила во сне свою смерть и поседела. Только у нее еще сердечный приступ случился. Мне говорили, что у нее было слабое сердце. Вы можете это как-то объяснить?

— Возможно. Болезнь вашей жены наследственная, она перешла от матери. Поэтому могут быть совпадения. Она может протекать совершенно по-другому, может — точно так же, а возможны похожие моменты. Думаю, мне нужно ознакомиться с историей болезни ее матери. Возможно, сопоставить с болезнью Кэрол. Мне следовало сделать это раньше, но я понадеялся на то, что в этом не будет необходимости. Я ошибся. Думаю, самое время изучить ее мать. Боюсь, болезнь Кэрол принимает устрашающие обороты. Вы говорили, что у нее начались вспышки неуправляемой агрессии и несвойственной ей жестокости, вплоть до кровожадности и жажды убийства. А также проявление физической силы, несвойственной ее телосложению и мышечным массам. У психически нездоровых людей с такими вот склонностями к агрессии наблюдается поразительная физическая сила. С ними тяжело справиться. Даже с женщинами. Из всего того, что вы мне рассказали, я могу сказать, что ваша жена опасна, но, как я вижу, вы это уже и сами поняли. Наследственность берет свое. И это хорошо, что мы вовремя ее изолировали... что нельзя сказать о ее матери, которая успела стать маниакальной убийцей.

Заметив промелькнувшее в серых глазах Джека горькое отчаяние, Гейтс поспешил его утешить.

— Не отчаивайтесь. Возможно, в случае с вашей женой все поправимо. Мы будем наблюдать, лечить. Если невозможно искоренить болезнь, мы сделаем все, чтобы ее подавить и не позволить прогрессировать. Но... как врач, я не могу давать вам каких-либо гарантий. Вы должны быть готовы и к неутешительным результатам. Мы, врачи, не Боги. Мы лишь пытаемся, а Бог располагает. Но проблема в том, что на этот раз Кэрол отказывается подчиниться. Если в прошлый раз она признавала, что нуждается в помощи и что с ней не все в порядке, то сейчас она отказывается это делать. Это может крайне осложнить мою задачу. Когда пациент препятствует лечению, это препятствие серьезное, и его трудно преодолеть. Насильственное лечение, в большинстве случаев, не бывает удачным и не приносит должных результатов. Ваша жена может навсегда остаться здесь. Пока она будет вызывать хотя бы малейшее подозрение на то, что опасна, мы не выпустим ее. Ее мать, к сожалению, слишком страшный пример того, что может представлять собой и Кэрол.

Джек молчал, мрачный, понурый, с долей удивления изучая взглядом свою жену, словно не мог поверить, что это она и все, что происходит, это с ней, все, о чем сейчас говорит доктор — это все о ней. Что его тихая нежная Кэрол, такая добрая и беззлобная девочка,

опасна, да еще настолько, что ее нельзя выпускать в общество. Но он сам был свидетелем того, что с ней случалось и в кого она превращалась — в злобную безумицу, бросающуюся на него с ножом или с пугающей жестокостью пытающуюся раздробить ему голову табуреткой. Не мог забыть полный ужаса взгляд Норы, которая уверяла, что хозяйка бросалась на нее с ножом и пыталась отрезать язык. И почему-то он верил Норе. Он знал ее много лет, она бы не стала так клеветать. Ему казалось, что он знал и Кэрол. Но она стала меняться так быстро и так явно, что он растерялся. Он уже не знал, чего от нее ожидать. Она шокировала его все больше. Он не все понимал, не мог некоторые вещи объяснить самому себе. У него было отвратительное и горькое чувство, что он теряет свою Кэрол, а на место его жены медленно, но неизбежно вползает кровожадная психопатка Элен, этот монстр в женском облики, превращая его жизнь в кошмар.

Смотря на Кэрол, такую хрупкую, бледную, так не похожую на себя с этими седыми волосами, сильно похудевшую за последние четыре дня, он почувствовал укол болезненной жалости. Протянув руку, он робко, даже боязливо коснулся ее волос, словно боялся о них обжечься. Как будто на нее надели парик. С нежностью он погладил ее по голове.

Нет, он не позволит, чтобы она его покинула. Не допустит безумицу Элен к его Кэрол. Его жена станет прежней. Она не повторит судьбу своей матери, окончившей жизнь в дурдоме безнадежной психопаткой. Он спасет ее, как всегда спасал. Без него она погибнет. Понимала ли она это? Давно бы уже погибла. Когда-то он спас ее от тюрьмы, теперь спасет и от этих не менее страшных стен. Стен психиатрической больницы. В его личном понятии, это было еще страшнее обычной тюрьмы.

Она сорвала голос. Он помнил, как сорвал голос Мэтт, этот психопат, когда вопил в приступе своего безумия. Неужели с Кэрол происходит то же самое?

Джек обернулся к наблюдающему за ним доктору и впери в него тяжелый решительный взгляд, требовательный, властный, не признающий компромиссов.

— Вы должны ее вылечить. Даже если это невозможно.

— Мистер Рэндэл, с таким понятием, как «невозможно», трудно бороться. Это слово говорит само за себя. Вы умный человек и должны понимать, что невозможно — значит невозможно.

— Нет. «Невозможно» — это то же «возможно», только для этого нужно поднапрячься. Невозможно — так говорят лентяи, не желающие бороться болваны. Надеюсь, что вы не из их числа. Если так, я подыщу для Кэрол другого доктора.

— Думаю, мы забегаем вперед. Речи о невозможности ее выздоровления пока нет. Так что специалисты по «невозможностям» вам пока не требуются, — Гейтс примирительно улыбнулся.

— Я просто хотел сказать, что у вас есть только один вариант — вылечить, — сухо сказал Джек. — Другого я не приемлю.

Гейтс не стал спорить. Он питал безграничное уважение перед знаменитым и всемогущим адвокатом, но сейчас он казался ему неразумным. Любой нормальный человек должен понимать, что не все подвластно человеческой воле. Его, Джека, воле. Но когда-нибудь настанет момент, когда он это поймет, когда убедиться, что в жизни каждого человека бывают моменты, когда он бессилен что-либо изменить, не смотря на все свое желание и могущество. Судя по всему, таких ситуаций пока попросту не было в жизни Джека Рэндэла. Что ж, Гейтс искренне надеялся, что болезнь его жены не превратится в такую вот ситуацию. Как врач, он знал, что самое невыносимое и тяжелое бессилие

испытывает человек, наблюдая за страданиями или смертью кого-то ему дорогого и любимого, и терзается, когда не может помочь и предотвратить все это. И в такие моменты человек осознает, насколько он ничтожен и беспомощен перед многими вещами... Перед судьбой и жизнью. Перед Богом, которому нельзя приказать. Придет время, и Джек Рэндэл это узнает по себе. Когда-нибудь жизнь поставит его на место и покажет, что не все ему подвластно.

Когда Кэрол снова открыла глаза, первое, что она увидела — это угрюмое лицо своего мужа. Он не успел заметить, что она проснулась, и она поспешно сомкнула веки. Стоило ей его увидеть, как перед глазами появился Рэй, его красивое, напряженное от страсти и наслаждения лицо в моменты их близости. Сердце бешено заколотилось в ее груди, щеки загорелись. Но она вдруг почувствовала, что перед ним, Джеком, она не испытывает ничего, что походило бы на раскаяние или чувство вины. Наоборот, какое-то сладостное чувство появилось в ней, ранее не ведомое. Злорадство, удовлетворение, как у человека, осмелившегося дать сдачи на повергнувший его удар. Кто сказал, что он единственный мужчина в этом мире? Это он сам так думает, наверное? Она тоже так думала, но не теперь. Ей было хорошо с другим, не важно, с кем, пусть с Рэем. Может, единственное, что было хорошего в том, что она угодила в постель к Рэю, так это то, что рассеялось ее наваждение, чары, которыми окутывал ее Джек все эти годы. Она убедилась, что он не только не единственный, но и к тому же не лучший. Ее безумная страсть к нему, похожая на болезнь, которая заставила ее когда-то потерять голову, утратила вдруг над ней свою власть, отравленная его связью с Даяной, а теперь и вовсе покинула ее, ретировавшись перед другим мужчиной, внезапным ураганом вырвавший эту страсть из ее тела. Рэй. Теперь она смотрела на него другими глазами. Для нее это был уже другой Рэй, тот, которого она не знала раньше. Она понимала, что никогда больше не сможет воспринимать его так, как прежде. Отныне он только мужчина. Прекрасный и мерзкий. Порочный, бессовестный и нежный, любящий. Сломавший ее и заставивший ее согласиться, хотя самой ей казалось это невозможным, чья любовь вынудила ее откликнуться и кричать от удовольствия в его объятиях, подаривший незабываемое наслаждение, и тем самым причинивший сильнейшую душевную боль. Она ненавидела и презирала себя, но к нему испытывала противоречивые чувства.

В отличие от нее, у него было оправдание. Его любовь. Он мужчина. Разве можно требовать от мужчины благоразумия, когда он одержим страстью? Если он не считал зазорным предпринимать попытки уложить ее в постель под носом у Куртни, то что можно от него ожидать, когда ее больше нет? Он живой-то ей верность никогда не хранил... В общем, Рэй он и есть Рэй. Он всегда им был и всегда будет. Его поведение Кэрол не удивило, ни капельки. Зато шокировало свое собственное. Но она не хотела об этом думать. Она не могла ни объяснить сама перед собой, ни оправдаться. Она знала одно — это ее уничтожило, раздавило, окончательно. Ей так казалось.

Одно хорошо — нет больше влечения к Джеку. Она не мечтала больше о нем, о его любви. Мысли о близости с ним не вызывали никакого волнения. Но не сменилось ли все это еще худшим? Почему, едва открыв глаза, она думает о Рэе, а не о том, что она заперта в психушке, а волосы ее почему-то превратились в космы столетней старухи? Не о своих жутких снах и о том, что делать, а вспоминает, как бесстыдно трахалась с этим самцом, сумевшим превратить ее в самку, в животное, утратившее все человеческое. И самое

постыдное было то, что она чувствовала, что эта самка все еще в ней, потому что мысли о Рэе отзывались в ее теле сексуальным возбуждением. Даже во сне она продолжала отдаваться ему. Кэрол готова была себя за это убить. Чувствовала, как в ней появилась какая-то непреклонная жесткость к себе самой, обусловленная самонеприязнью и самопрезрением. Всю жизнь она ощущала несправедливость по отношению к себе со стороны людей, когда ее бичевали презрением, когда отвергали, винила во всем свою мать. Душа ее бунтовалась и возмущалась, не понимая за что и почему. А теперь даже написанная о ней статья, которая в свое время причинила такую сильную боль, не вызывала больше возмущения. Бунт внутри нее успокоился, когда она признала тот факт, что никакой несправедливости по отношению к ней нет. Наоборот, люди не все о ней знали. Убийца, шлюха, неблагодарная дрянь, соблазнившая мужа приютившей ее женщины, но еще и орудие смерти, проклятая, загубившая столько жизней, и в основном тех, кто ее любил. Исчадие ада. Гроза внутри нее успокоилась, и стало тихо и темно. И как будто тяжелый камень продолжал давить на нее изнутри.

Она продолжала лежать с закрытыми глазами, чувствуя, как медленно катятся по щекам слезинки, и вздрогнула, когда Джек взял ее за руку.

— Кэрол?

Ей не хотелось открывать глаза. Она чувствовала себя обессиленной, потерянной. Не хотелось возвращаться в эту жизнь, ставшей ей отвратительной. Но вдруг что-то словно толкнуло ее, заставив открыть глаза. Она вспомнила крики Патрика, которые слышала во сне. «Спаси меня, мамочка! Мне страшно, мне плохо, я один, совсем один!». Его детский голосок как будто снова прозвучал в ее ушах, и Кэрол, задохнувшись от ужаса, рванулась вверх, оторвавшись от подушки. Ее переполненные безумным страхом глаза уставились на Джека.

— Джек! — хотела крикнуть она и удивилась, когда из горла вырвался какой-то жалкий чуть слышный звук, а горло больно засадило. Скривившись, она сглотнула.

— Спокойней, Кэрол, тебе лучше пока не говорить, — сказал Джек, укладывая ее обратно на подушку. — И ляг, ты слишком слаба, чтобы вставать. Ты четыре дня была без сознания, и единственное, что сохранило в тебе какие-то силы, это эти бесконечные капельницы! — он с досадой махнул рукой на стоявшую рядом подставку для капельницы. — Теперь ты должна слушаться врачей и делать то, что они говорят. Принимать пищу и лекарства, чтобы восстановить силы... и здоровье.

— Почему? Что случилось, Джек? — прошептала Кэрол. — Почему я здесь? Зачем ты позволил?

Положив локти на колени, он устало провел ладонью по лицу.

— Кэрол, это необходимо. Ты нуждаешься в лечении и...

— Нет, я не нуждаюсь, — возмущенно возразила Кэрол. — Я не сумасшедшая! Забери меня отсюда!

— Обязательно. Обязательно заберу, как только тебе станет лучше.

— О чем ты? Я немного ослабла, но, думаю, мне нужно просто поесть, и я приду в норму. Это я могу сделать и дома. Поехали домой, Джек, пожалуйста. Мне невыносимо это место. Если я здесь останусь, я и вправду сойду с ума!

— Кэрол, человек, с которым все в порядке, не засыпает беспробудным сном на четверо суток! Не кричит во сне невероятные вещи, похожие на бред, и не просыпается абсолютно седым с такими воплями, что срывает голос! Так что...

— О, мои волосы, — простонала Кэрол и погладила белые, но по-прежнему кудрявые пряди. — Этого не может быть! Я что, похожа на столетнюю старуху? А мое лицо? Что с моим лицом?

— С твоим лицом все в порядке.

— Зеркало! Дай мне зеркало!

— Кэрол...

— Джек, пожалуйста!

Тяжело вздохнув, он поднялся и вышел из палаты. Через несколько минут он вернулся с небольшим зеркалом в руках. Кэрол в ужасе уставилась на свое отражение.

— Боже... какой ужас! — застонала она, разглядывая широко раскрытыми глазами свою абсолютно седую голову, лицо, молодое и красивое, показавшееся ей нелепым на фоне волос столетней старухи. — Что они со мной сделали? Забери меня отсюда немедленно, Джек! Посмотри, что они со мной сделали!

— Кэрол, врачи в этом не виноваты.

— А кто? Кто тогда виноват? Мне двадцать шесть лет, я не могла вот так взять и поседеть!

— Вспомни, твоя мать тоже рано поседела.

— Но не в двадцать шесть лет! Нет, я не останусь здесь, ни минуты! — она приподнялась и откинула одеяло, спуская ноги на пол. — Я уйду сама, если ты оказываешься меня забрать отсюда!

— Нет. Ты никуда не уйдешь, — Джек взял ее за плечи и властно уложил на место. — Ты останешься здесь и будешь делать все, что скажу тебе я и доктор Гейтс. И чем больше ты будешь противиться, тем дольше пробудешь здесь.

Кэрол устремила на него умоляющие глаза, всегда задевающие его за самое сердце, но не всегда заставляющие ей уступать.

— Джек, я не сумасшедшая. Со мной все в порядке, я знаю. Этот обморок... его можно объяснить как-то иначе. Возможно, я не справилась со стрессом, и мой мозг включил защитную реакцию, отключившись. Но я пришла в себя, в голове у меня все в порядке. А волосы... наверное, это тоже стресс. После похорон Куртни. Это не так уж ужасно, как мне вначале показалось. Я просто покрашу волосы, и забуду об этом неприятном случае. Ты не веришь мне, Джек? С каких это пор?

— Дело не в том, верю ли я тебе или нет. Но я не могу отрицать очевидное, Кэрол. Ты ведешь себя странно. Ты стала неуравновешенной, агрессивной. Ты дважды на меня бросалась с явным намерением прикончить, ты пыталась отрезать язык ни в чем не повинной Норе. Ты отказывалась от еды, стала похожей на мумию. Тебе просто кажется, что с тобой все в порядке, потому что ты не видишь себя со стороны. А я вижу. Видел, какое безумие моментами появляется у тебя в глазах...

— Это не безумие, Джек, это элементарная и самая обыкновенная злость! Или считаешь, что у меня для нее нет повода? Нет повода тебя ненавидеть и протестовать против того, чтобы быть твоей заключенной? Ты припираешь меня к стенке, распоряжаясь моей жизнью и мною, как своей собственностью...

— Да, так и есть, ты — моя собственность, — невозмутимо перебил ее Джек. — Но я предпочитаю называть это иначе, хоть это одно и то же — моя жена. И я имею полное право распоряжаться и тобою и твоей жизнью. Только раньше у тебя это вовсе не вызывало какого-либо недовольства.

— Потому что раньше я думала, что я любимая женщина, а не просто собственность.

— Ты любимая женщина. Моя любимая женщина. А слово «моя» подразумевает собственность. Разве нет? Я никогда не выпускаю из рук то, что принадлежит мне, тем более, если это мне еще и нужно. А ты мне нужна, я уже устал это повторять.

— Тогда заведи меня отсюда, — снова взмолилась Кэрол.

— Кэрол, прекрати капризничать. Я уже все сказал об этом. Как только ты станешь прежней, нежной и спокойной, я заведу тебя домой.

— А-а, так это своего рода шантаж? Так ты решил сломить мое сопротивление, заперев в психушку? Думаешь, сможешь таким образом заставить меня снова тебя полюбить?

Он поднял на нее потемневшие глаза.

— Мне никогда не приходилось тебя заставлять меня любить. Ты это делала сама и будешь делать, пока жива.

На лице Кэрол отразилось удивление и замешательство.

— Но, Джек... я уже тебя не люблю. И ты сам в этом виноват. Если ты убил мою любовь к тебе, зачем же наказывать меня и запираешь в дурдоме? Думаешь, от этого я стану лучше к тебе относиться?

— Я не запираю тебя в дурдоме! — взорвался он. — Я просто хочу тебе помочь, не позволить тебе превратиться в такую же психопатку, как твоя чокнутая мамаша!

— Но я же говорю, что пока со мной все в порядке! Ты всегда мне верил, а теперь нет?

— Я верил тебе, потому что ты мне не лгала.

— А сейчас что, разве я лгу?

— Ты пытаешься, — он насмешливо усмехнулся. — Это довольно смешное и жалкое зрелище, должен тебе заметить, потому что ты совершенно не умеешь это делать. Взять хотя бы твои попытки убедить меня в том, что ты меня больше не любишь. Лучше помолчи и не смейся людей.

Кэрол покраснела от ярости, но не стала спорить, понимая, что этим все равно от него ничего не добьются. Ей необходимо выйти отсюда, и только он может это сделать для нее. Интересно, он правда уверен в том, что у нее с головой не все в порядке или просто делает вид? Неужели он не видит, что она здорова, он, который всегда насквозь ее видел? Или это наказание, месть? Или таким образом он хочет усмирить ее бунт против него, дабы приползла она к нему на коленях, моля выволочь из этого ада и забрать ее домой? А разве не это уже она делала сейчас, только он видел ее неискренность, за которой таилось желание выбраться отсюда, а потом снова от него сбежать. А может, он намерен навсегда ее здесь похоронить?

— Джек, а если я скажу, что постараюсь стать прежней, что попытаюсь наладить все... все, что разрушилось... нашу семью... нашу любовь? Тогда ты заведешь меня домой?

— Я буду очень рад, если ты так скажешь, и еще больше обрадуюсь, если ты так и сделаешь, — он смягчился и погладил ее по щеке. — Я понимаю, что тебе здесь неприятно находиться, но придется немного потерпеть. Если я заведу тебя сейчас, это может понести за собой необратимые последствия. Болезнь...

— Болезнь? Какая болезнь?! — взвилась Кэрол и в ярости оттолкнула от себя его руку. — Ты не слышишь меня или не хочешь слышать, а, Джек? Я же говорю, я не больная! И не говори так!

— Если ты не больная, тогда дай мне разумное объяснение тому, что с тобой происходит, — голос его наполнился холодом. — Ты орала как ненормальная в машине,

когда мы ехали с кладбища, что ты горишь, что ты в аду, и ты совсем не походила в те минуты на спящего человека! Твои глаза были открыты, ты стонала, ты задыхалась, и ты до смерти меня перепугала, черт бы тебя побрал! Я устал от всего этого, хватит с меня твоих припадков! Подлечись!

— Я не сумасшедшая. Я... я тебе все объясню. Только ты же не поверишь, — в отчаянии прошептала Кэрол.

— Все же давай попытаемся, — резко ответил он. — Начнем с того, что ты мне скажешь, кто такая Габриэла.

— Откуда ты о ней знаешь?

— Ты звала ее, когда горела в аду, — с насмешкой бросил Джек.

Кэрол, уязвленная его издевкой, покраснела. Порыв все ему рассказать иссяк так же внезапно, как и появился. Если она начнет рассказывать ему про ясновидящих, проклятие, видения, он не поверит. Он никогда не верил во все это. Но было то, во что он верил. Интуиция. Шестое чувство.

— Джек, я вижу сны. Ты об этом знаешь. Знаешь, что они не совсем обычны. Помнишь, как ты сам говорил, что я обладаю интуицией чувствовать беду, смерть, как животные? Ты мне должен поверить. Тебе придется. Потому что это объясняет то, что я знаю такие вещи, о которых узнать никак не могла. Наверное, ты задумывался над тем, как я узнала о том, что ты шептал моей маме за мгновенья до ее смерти? Ты нашел ответ?

Он помолчал.

— Нет.

— Правильно, потому что ты ищешь логичное объяснение, а его не существует. Это мои сны, Джек. Они мне обо всем рассказывают. Я не могу объяснить это, но я чувствую, я вижу. И сейчас я спала эти четыре дня для того, чтобы увидеть. И я видела. Видела много страшного. То, что я должна предотвратить. Наверное, поэтому я и поседела, — она помолчала. — Джек, я потеряла Патрика. Он звал меня, а я не могла его найти. И я так и не нашла его. О, Джек, его ждет что-то страшное. Я видела ужасные вещи... Видела его взрослым. О, ты себе даже не представляешь, *каким* я его видела... и что он делал. Мы должны помешать этому, не допустить, чтобы наш мальчик стал таким. И я... я слышала его, когда он умирал...

Джек порывисто подскочил.

— Замолчи, Кэрол! Как у тебя язык поворачивается такое говорить?

— Пожалуйста, выслушай меня! Наш сын в опасности, и ты тоже, я должна вам помочь, убережь вас от беды! А ты мне мешаешь это сделать! Ты должен меня отпустить. Меня и Патрика...

— Так, понятно, к чему ты клонишь. Ты и впрямь ненормальная, если думаешь, что таким образом заставишь меня позволить тебе забрать сына и сбежать. Или я стал похож на больного идиота, а, любимая?

— Ты не понимаешь! Я видела! Я держала тебя на вот этих руках, и ты был мертв! А этого нельзя допустить, ни в коем случае нельзя...

— Полностью разделяю твое мнение и могу тебя успокоить — умирать я не собираюсь!

— Ты мне не веришь, но если ты меня не отпустишь, ты умрешь. Я даже знаю как. Наклонись.

— И как же, интересно?

— Наклонись.

Когда он наклонился к ней, Кэрол коснулась вдруг задрожавшим пальцем его лба. Сердце ее защемило от приступа острой боли.

— Вот здесь, — чуть слышно шепнула она, и в голосе ее прозвучал ужас и сдерживаемые слезы, как будто она уже смотрела на труп.

— Что здесь? Здесь находятся мои уникальные мозги. Я умру от их переизбытка? — ухмыльнулся Джек.

— Нет, от пули. Вот сюда.

В ее глазах отразилось столько страха и отчаяния, что он вдруг побледнел и резко выпрямился, оттолкнув ее руку.

— Да пошла ты! Прикуси свой язык, не кличь беду на меня! — голос его прозвучал сдавленно, а на лице его Кэрол заметила промелькнувшую тень страха. Глаза ее налились слезами. Она почувствовала всю силу и остроту своей привязанности к нему в эти мгновения, смотря на него, живого, сердитого и такого родного, и с замиранием сердца вспоминая его застывший мертвый взгляд и смертельную маленькую ранку над ним. Эта картина так ясно и четко запечатлелась в ее памяти, что она до сих пор ощущала тяжесть его тела на своих руках... О, если бы он ей поверил, возможно, он смог бы помочь ей во всем этом разобраться и подсказать, что делать и как этого не допустить, ведь он такой умный, в тысячи раз умнее нее!

— Тогда как ты объяснишь мне то, что я знаю, как и отчего умерла моя мать, и когда именно это произошло, хоть ты и приложил все усилия, чтобы скрыть это от меня?

— Я скорее поверю в то, что ты каким-то образом додумалась до этого, догадалась, чем в то, что ты видела это во сне. Это бред и чепуха, и я никогда в это не поверю. Сны есть сны, это всего лишь наше воображение. И выбей из головы все эти глупости, пока окончательно не свихнулась! Если ты ясновидящая, или как там это называется, почему же ты не предотвращаешь беды? Почему позволила умереть своему обожаемому возлюбленному Ланджу, почему не спасла Куртни? Почему не знала, что Спенсер жив, и что я... ладно это неважно. Почему, а?

— Что ты лгал мне все эти годы? — с горечью закончила за него Кэрол. — Признаюсь, этого я действительно не знала. Возможно потому, что я вижу только смерть. А на измены мой дар себя не растрчивает.

— Дар? Красиво звучит. Так что же ты не отвечаешь на мой вопрос? Если тебе дано видеть, кто и как умрет, почему же ты это допускаешь?

Слова его отозвались болью в ее сердце, лишний раз напомнив о вине. Она спрятала мокрые глаза.

— Потому что я не знала раньше. Я предчувствовала, но не думала, что мои сны так важны, чтобы их воспринимать всерьез. И я не могу с этим справиться, я не все понимаю, не могу разобраться в том, что вижу. А авария... я поняла слишком поздно. Я знала, что пришла смерть, но сначала думала, что за тобой, потом была уверена, что за Рэем. Я видела сон, но не правильно его истолковала, не до конца поняла.

— Любопытно, — Джек присел на край кровати и, переплетя пальцы на коленях, улыбнулся. — И когда же я умру? И кто меня пристрелит? И почему это произойдет непременно, если я не отпущу тебя и Патрика? Неужели меня пристрелит твой рьяный защитник-вдовец, дабы убрать меня с дороги и занять мое место?

Кэрол вздрогнула. Рэй. Вот, пожалуйста, и ум Джека, который даже не говорил серьезно, а просто забавлялся над ней. А если бы он поразмышлял всерьез, он наверняка

составил определенный список тех, кто мог бы желать ему смерти. Впрочем, этого было мало. Он мог умереть и случайно, даже попав под шальную пулю, и не обязательно от руки врага, тщательно распланировавшего покушение. Просчитать все было невозможно, тем более планы самой смерти, но, по крайней мере, можно было бы проявлять большую бдительность и осторожность, выявив наиболее явные и возможные источники опасности. Например, Рэй. А вдруг ему и вправду взбредет в голову эта безумная мысль? Он очень упрям, вспыльчив, легкомыслен и не ведает страха. И одержим идеей ее защищать. Кто знает, на что способен доведенный до отчаяния человек, одолеваемый любовью и ненавистью?

Кэрол внезапно сделалось дурно, она откинулась на подушки и едва не застонала. Рэй может сделать это и из самозащиты, просто опередить Джека, чтобы он его не убил, узнав о том, что он спал с ней. Ситуация накалилась. Нужно уехать, немедленно. От них обоих. Пока они не перебили друг друга.

— Почему ты молчишь? Я угадал?

— Нет. Я не знаю, как это произойдет и когда. Знаю только, что это случится, если я буду с тобой. Мне просто нужно уехать. И все.

Не дай Бог, он подумает, что от Рэя может исходить опасность. У нее вдруг появилось чувство, что своими откровениями, в которых она не могла дать четких и определенных ответов, она может лишь все усугубить и осложнить. Что, поверив ее словам, Джек может начать избавляться сам от всех, кто может представлять для него какую-либо угрозу. И первым в списке будет, несомненно, ее непримиримый поклонник Рэй, не скрывающий своих намерений их разлучить во что бы то не стало.

— Я понимаю, что ты мне не веришь. Просто будь осторожным, Джек. И сделай так, как я тебя прошу — позволь мне уехать, исчезнуть из твоей жизни.

Он склонился над ней, упершись ладонями в постель по ее бокам, и улыбнулся.

— А знаешь, я готов рискнуть своей жизнью ради того, чтобы ты оставалась со мной. Ведь я чертовски отчаянный парень, разве ты не знала?

Он не верил. Отшучивался. Но ясно давал понять, что ее требование-просьба ее отпустить отклонена раз и навсегда. Даже если она будет запугивать его смертью. Но если бы он поверил, отступил бы он тогда, он, который привык бросать вызов даже смерти и никогда не отступающий даже перед ней? Кэрол склонна была думать, что нет, поэтому осознала всю бесполезность своих попыток открыть перед ним правду и заставить поверить. Нет, не так нужно ей действовать. Если она начнет всем рассказывать о своих видениях, ее попросту сочтут за сумасшедшую и запрут в психушке. Впрочем, это уже произошло. А она только усугубляет свое положение.

— Что же, одно я знаю точно. Могу поделиться, если хочешь, — решила она на последнее откровение, не удержавшись.

— Ну, поделись, — он с улыбкой наматывал на палец ее белый локон, любуясь им так, будто его новый цвет, или бесцветие, пришлось ему по душе.

— Шестнадцатое марта тысяча девятьсот девяносто первого года, — чуть слышно прошептала она дрожащим шепотом.

— Что будет шестнадцатого марта девяносто первого года? — снисходительно, как у больного ребенка, спросил он.

— Казнь. Моя казнь. Это день моей смерти.

Джек вздрогнул и выпустил ее локон из пальцев, но Кэрол продолжила, смотря в

пространство глазами обреченного, приговоренного к смерти:

— Это будет газовая камера. В ней я и умру. Второго сентября девяностого года мне будет вынесен приговор. Боже... — глаза ее расширились чуть ли не на пол лица. — Это же так скоро! Я не доживу и до тридцати лет! Она меня обманула! Она сказала, что смерть меня не тронет, что мне ничто не угрожает. Она меня обманула!

Изменившись в лице, Джек обнял ее и постарался успокоить. Но Кэрол затрусило, как в лихорадке, от захлестнувшего ее страха и отчаяния, и она разрыдалась, как перепуганный ребенок.

— Я не хочу! Не хочу! Спаси меня, Джек! Я не хочу умирать!

— Кэрол, успокойся. Это бред. Ты молода, ты здорова, и ты будешь жить долго-долго, как и я. Мы будем с тобой вместе. Я не дам тебя в обиду, — он тихо засмеялся, заглядывая в заплаканное личико. — Что ж ты себе такую смерть страшную выдумала? Казнь, да еще газовая камера... прямо фильм ужасов какой-то. Предлагаю другой вариант. Мы будем жить вечно. Согласна?

— Ты, правда, меня защитишь? Ты им не позволишь это со мной сделать? Ты обещаешь?

— Да, обещаю.

— Но... ведь я видела тебя мертвым до того, как умерла сама. Ты не сможешь меня защитить, потому что сам уже будешь мертв.

— Хватит, Кэрол! Это уже переходит все границы! Ты издеваешься надо мной, смеешься, или ты всерьез веришь в то, что говоришь?

— Джек, но я... я же умерла. Я умерла в своих видениях. И это было так правдоподобно... Я даже могу тебе описать...

— Послушай меня! Сны — это ничто! Мы живем в реальности. Мы можем хоть сто раз умирать во сне и хоронить других, но это не мешает жить дальше нам и всем остальным, кто снился нам мертвыми. Любой здравомыслящий человек видит разницу между сном и реальностью! Поэтому тебе нужно побыть здесь, Кэрол, и пройти курс лечения.

Отстранившись, Кэрол устремила на него подозрительный взгляд.

— А может, это ты отправишь меня в газовую камеру, а, Джек, после того, как я не позволю тебе самому умереть?

Он взглянул на нее с почти веселым удивлением, но она продолжила, проигнорировав его реакцию, захваченная своим новым предположением:

— Ты же бываешь таким беспощадным. Вдруг пожелаешь со мной расправиться, отомстить за что-то, а? А что, вполне легко в это поверить. Обидевшую тебя мать заразил СПИДом, не угодившую жену отдал на растерзание своему приятелю-закону. Почему нет, да, Джек? Сам же мне говорил, что скорее убьешь меня, чем отпустишь.

Он оттолкнул ее назад на подушки, злобно сжав челюсти.

— Ты и вправду больная! Будешь сидеть здесь, пока не вылечишься. А если не вылечишься, останешься здесь навсегда! Может, ты опять неверно истолковала свои сны, и приняла комнату для буйных сумасшедших за газовую камеру?

— Но разве я не права, даже если я и больная? Если я, например, наставлю тебе рога, разве ты меня не убьешь?

— Убью, — спокойно отозвался он.

— Но ведь не собственными руками? Не компрометируя же себя, ведь так? Придумаешь какой-нибудь оригинальный способ...

— Это уже будет зависеть от степени моего самообладания. Когда на меня находит ревность, мне его всегда недостает. Так что, если речь пойдет о «рогах», как ты выразилась, то, скорее всего, я прибью тебя собственными руками прежде, чем успею подумать о том, чтобы себя не скомпрометировать.

Кэрол отвернулась, всхлипнув.

— А еще говоришь, что любишь меня! Разве это любовь, ты, чудовище?

— Да, я люблю тебя. Очень люблю. Потому и убью, если надругаешься над моей любовью.

— Ты надругался над моей любовью, я же тебя не убиваю!

— Я мужчина. Это другое дело. А к чему этот разговор? На сторону потянуло, милая моя? Или жажда мести покоя не дает?

— Да нет, просто хотелось убедиться в том, что ты способен и меня прихлопнуть, как муху, что я значу для тебя не больше, чем это насекомое. Что ж, теперь мне будет спокойнее жить и знать, что мой муж может стать моим убийцей, если на него вдруг нападет недовольство.

— Я люблю тебя, и просто предупреждаю, чтобы ты не вздумала причинить мне боль, с которой я буду не в состоянии справиться. Сама видела, что ревность со мной делает, я срываюсь, а потом раскаиваюсь. Но это только говорит о том, как сильно я тебя люблю, разве ты этого не понимаешь?

— Странно ты доказываешь свою любовь.

— Свою любовь я уже не раз доказывал, помогая тебе, все для тебя делая, или нет? А если ты доведешь меня до отчаяния и заставишь потерять от ревности голову, как я потерял ее от любви... Я не угрожаю тебе и не хочу запугать. Просто я знаю, что я не справлюсь с собой, если ты отдашься другому мужчине. Я уже натерпелся, когда ты встречалась с Ланджем, и это стоило мне всего моего самообладания, больше не осталось. Но тогда была немного другая ситуация. Ты не принадлежала тогда мне, не была моей женой, моей женщиной. Скорее, ты была его женщиной, и я это признавал, поэтому, забавляясь с ним в постели, ты не изменяла мне. А сейчас все иначе. Не надо делать из меня монстра, я не такой. И к тебе я питаю самые нежные чувства, на которые только способен мужчина. Я не враг тебе, Кэрол. Я тот, кто любит тебя всем сердцем, кому ты нужна не меньше, чем жизнь... Можешь мне не верить, но это так. И я всего лишь борюсь за нашу любовь, за наше счастье, которое ты так стараешься разрушить. Подумай, действительно ли ты этого хочешь?

Кэрол расслышала, как тихо закрылась дверь, и обернулась. Он ушел.

Он ни о чем не догадался, не разоблачил ее в измене! Потому ли, что она была поглощена другими мыслями, забыв об этом, и поэтому он не прочитал ее мыслей, которых в ее голове в тот момент просто не было? Или он вообще не воспринимал ее всерьез, считая, что у нее проблемы с головой? Если бы она открыто заявила, что спала с Рэем, не принял бы он это за ее бред, как и все остальное? Он знал, как предана она Куртни, и ему затруднительно было бы поверить в то, что она улеглась в постель к Рэю, едва та отдала богу душу. Да, Джек был о ней лучшего мнения. От этой мысли Кэрол горько ухмыльнулась. Что ж, она тоже была о себе мнения иного. И сама удивлена. А то, что Джек так безоглядно верил в то, что ее преданность и любовь к Куртни непоколебимы и тверды, как гранит, что никогда не позволят ей поддаться Рэю, заставили ее еще больше устыдиться, обострив ее страдания до невыносимости.

Сначала Кэрол решила подчиниться, чтобы поскорее выйти отсюда, но когда поняла, как серьезно и интенсивно врачи взялись за ее лечение, испугалась, что это приведет к тому, что из здоровой они превратят ее в настоящую сумасшедшую. Страх завладел ею, заставив отчаянно сопротивляться. Она знала, что абсолютно здорова, а они пичкали ее какими-то сильными препаратами, под воздействием которых она ощущала себя так, будто рассудок действительно начинает ей изменять. В своих бесконечных беседах с доктором Гейтсом она старалась убедить его в том, что здорова, но у него было иное мнение. Она умоляла Джека забрать ее отсюда, но он оставался непреклонным, чем подогревал ее неприязнь к нему. Отчаяние стало овладевать Кэрол. Если они не выпускают ее отсюда, когда она здорова, то когда же отпустят? Не тогда же, когда она свихнется? Или этого они и добиваются? Кэрол не верила больше Джеку, она безумно стала его бояться. А если он знает о том, что она спала с Рэем, только вида не подает, и уже расправился с ней, упрятав сюда раз и навсегда, не собираясь позволить ей выйти? И никто не сможет ей помочь, некому за нее вступиться. Лишившись своей могущественной покровительницы, Куртни, единственного человека, который мог защитить ее от Джека, она оказалась полностью в его власти. Он мог делать с ней, что угодно, потому что самой ей было не по силам с ним бороться. А она должна была выйти, чтобы помочь Патрику. Она не знала, как. Но его голос постоянно звучал у нее в голове. «Спаси меня, мама!». Ее материнское сердце разрывалось. Она молила Джека позволить ей хотя бы увидеть мальчика, тоска о котором причиняла ей тяжелые муки, но даже в этом он ей отказал, сославшись на доктора Гейтса, который утверждал, что пока это строго противопоказано. Противопоказано? Ее собственный сын ей противопоказан? Да кто они такие, чтобы так говорить и так с ней поступать?

Ярости и негодованию Кэрол не было границ. Она отчаянно взбунтовалась, отказываясь принимать лекарства и беседовать с доктором. Когда к ней пытались применить насилие, она с остервенением защищалась, дралась, но ее сопротивления всегда безжалостно подавлялись. Ее определили в отделение для буйных. Это привело девушку в еще большее отчаяние, когда она осознала, что бессильна помешать тому, что с ней делают. Ее агрессия сменилась апатией. Запертая в палате, она страдала от страха запертых помещений, преследовавшего ее с детства. Сильные препараты, которыми ее насильно пичкали, лишали ее остатков воли. Уголком плохо подчиняющегося сознания она понимала, что ее превращают в овощ. И ее ненависть к Джеку росла. Она была уже почти уверена, что он хочет ее таким образом уничтожить. Иначе он не позволил бы такое с ней делать.

Он навещал ее каждый день. Не всегда она способна была с ним разговаривать, находясь под воздействием лекарств, которые или погружали ее в глубокий сон, или тормозили ее сознание, превращая в слабоумную, ничего не понимающую, без мыслей, желаний. Иногда, когда она могла что-либо ему сказать, она говорила лишь одно:

— Помоги мне.

Он кивал и целовал ее в губы, но каждый раз уходил и оставлял ее здесь, позволяя чудовищам в белых халатах над ней издеваться. Кэрол не знала, сколько прошло времени с тех пор, как она здесь оказалась. Реальность стала ускользать от нее под воздействием лекарств, она утратила счет времени. Когда ее не обкалывали и не опаивали, и сознание ее прояснялось, ей казалось, что она здесь уже вечность.

И вдруг что-то изменилось. Медсестра, заступившая на дежурство, не сделала ей ни одного укола, не запихнула в рот ни одной таблетки. Сознание Кэрол прояснилось. И тогда девушка шепнула ей на ухо, что во время вечернего обхода она должна притвориться спящей,

как будто находится под действием лекарств, как и должно быть. Кэрол лишь удивленно кивнула в ответ, не совсем понимая, что происходит. Эта девушка хотела ей помочь? Почему? Не стоит ли за этим Джек? Может быть, он просто не в силах ее отсюда забрать прямо и открыто, как она требует, что это не так просто, как ей, уверенной, что он все может, кажется. Он не оставил ее, не отдал на растерзание этим докторам, как она думала. Ведь он всегда ей помогал.

Надежда затеплилась в сердце Кэрол, она воспрянула духом, с трепетом и волнением ожидая, что будет дальше. Джек вырвет ее из этого проклятого места, напрасно она в нем сомневалась, и этот кошмар, наконец-то, закончится. Ждать пришлось не долго. Ночью в палату пришла та самая медсестра и велела ей подниматься с постели.

— Одевайся, — шепнула девушка и вручила ей одежду и обувь.

Кэрол не надо было упрашивать. Не задавая вопросов, она мгновенно подчинилась, быстро облачившись в джинсы и майку и обувшись в кроссовки. Пальцы девушки взволнованно стиснули ее кисть.

— Иди за мной. И ни звука. Поняла? И захвати это больничное барахло с собой, нельзя его здесь оставлять.

Кэрол кивнула. Она заметила, что девушка крайне напряжена и напугана предстоящей ей задачей. Но, тем не менее, она решительно вывела пациентку из палаты и повела по безлюдным коридорам. Как Кэрол поняла, они пришли к пожарному выходу, от которого у медсестры имелся ключ.

Без приключений они выбрались во двор, а потом и на улицу. Кэрол разглядела спрятавшуюся во мраке машину, и сердце ее заколотилось от радости. Остановившись, ее спасительница указала пальцем на машину.

— Туда!

— Спасибо! — шепнула Кэрол, бросив на нее взволнованный признательный взгляд.

— Поспеси! — девушка раздраженно подтолкнула ее вперед, нервничая все больше.

Казалось, что нервы ее на пределе.

Расслышав, как тихо зашумел двигатель, Кэрол бросилась к машине.

Распахнув дверцу, она вскочила внутрь, и машина тут же тронулась с места, увозя ее из этого проклятого места. А Кэрол застыла на сиденье, пораженная, когда увидела, кто был ее спасителем.

— Как ты, малыш? — взволнованно спросил он и, потянувшись к ней, горячо поцеловал в губы. Выпрямившись, он повернулся к дороге и, придерживая руль одной рукой, другой успокаивающе погладил ее волосы. И, нахмурившись, снова повернулся и взгляделся в нее более внимательно. Лицо его шокировано вытянулось.

— Что с тобой? — выдохнул он. — Почему ты... такая белая? Что они там с тобой делали?

Девушка не отвечала. Нащупав в темноте ее руку, он ободряюще ее сжал.

— Теперь все будет хорошо. Не бойся. А волосы — это ерунда. Покрасишь.

Кэрол молчала, испуганно смотря на него. А он вдруг улыбнулся, сверкнув в темноте белыми зубами, так радостно и самодовольно, что девушка наконец-то пришла в себя от удивления.

— Рэй, ты что, с ума сошел?

— Прямо уж и не знаю, радоваться или огорчаться мне из-за твоего удивления, — весело отозвался он. — Кого ты ожидала увидеть, что так удивилась, а? Помимо меня у тебя

еще имеются влюбленные безумцы, готовые похитить тебя из психушки?

— Нет... но ты и впрямь безумец! Рэй, ты хоть понимаешь, что ты наделал? Джек...

— Я все понимаю, Кэрол, не беспокойся. Я забрал тебя из дурдома, в который тебя утек твой ненаглядный муженек. И мне плевать, как он на это отреагирует. Только ты имеешь для меня значение. И я не позволю ему так с тобой поступать, — в голосе Рэя появились резкие ожесточенные нотки. — Да, Куртни умерла и не может за тебя постоять, но он забыл, что еще есть я!

Но сердце Кэрол все больше наполнялось страхом и тревогой. Если бы она знала, что это Рэй вызволяет ее из беды, она ни за что бы не покинула свою палату. Джек его просто уничтожит, когда узнает. Уж эта выходка со стороны Рэя наверняка переполнит чашу его терпения.

— Рэй, он убьет нас обоих, — прошептала она.

— Не переживай, солнышко. Я все продумал. Доверься мне. Скоро ты поймешь, что я не такой глупый и никчемный, как ты думаешь. Я заткну его за пояс.

— Рэй, я никогда так не думала. Но ты сошел с ума! Ты что, бросаешь вызов Джеку? Это же самоубийство.

— Я уже давно бросил ему вызов, Кэрол. И, как видишь, я пока еще живой.

— Только потому, что он тебе это позволил.

Рэй внезапно разозлился, бросив на нее полыхнувший огнем взгляд, но сдержался.

— Поживем — увидим, — сухо сказал он. — Пока я всего лишь не позволяю ему превратить тебя в ненормальную в психбольнице. Не трусь, Кэрол. Или тебе пребывание в дурдоме по душе? Я вижу, что два месяца, проведенные там, не оставили на твоей прелестной головке ни одного живого волоса. Еще через месяц тебя самой бы в живых не осталось, с такими-то темпами и таким лечением, которое, черт возьми, заставляет девушек сидеть! Нужно за себя бороться. Или бороться, или погибнуть.

— По крайней мере, я погибну одна, — горько шепнула Кэрол. — Я готова на это, если это уберезет от опасности тебя.

Он смягчился, да так, что едва не расплылся по креслу. На лице его снова появилось выражение ликующего счастья.

— Я это знаю, Кэрол. Поэтому ради тебя я готов на то же самое.

— Рэй, ты не понимаешь, что я пытаюсь тебе сказать! Я не хочу, чтобы ты мне помогал! Я же просила тебя оставить меня в покое! Ну почему ты так упрямишься? — голос ее задрожал от сдерживаемых слез.

— Послушай, мое солнышко, если ты думаешь, что я буду тебя к чему-то принуждать, то ты ошибаешься. Я просто хочу тебе помочь.

— Джек узнает, что ты помог мне сбежать...

— Как, интересно? Если ты так волнуешься за мою безопасность, то уверяю тебя, малышка Мевис все сделает так, чтобы это выглядело, как случайность, благодаря которой ты смогла покинуть больницу. Сама, без посторонней помощи. Я же говорю, мы с ней все тщательно продумали.

— Ты говоришь об этой молоденькой медсестре? Но откуда ты ее знаешь?

— Познакомился.

— Познакомился? И сразу же подбил устроить побег для меня? — усомнилась Кэрол. — Не ври, Рэй, говори правду. Они никогда бы не пошла на такой риск...

— Детка, женщины ради меня шли и не на такой риск, — просто и без зазнайства

прервал ее он, словно говорил о чем-то совершенно естественном и не стоящем ни малейшего удивления.

— Ты что, вскружил голову этой бедняжке и заставил ее пойти на это безумство? А если узнают, что она замешана?

— Никто ничего не узнает, даже твой всезнайка Джек. Девчонка толковая и выкрутится, даже если возникнут затруднения.

— Она может тебя выдать, если Джек припрет ее к стенке.

— Не выдаст. Никогда. Даже если он будет ногти ей вырывать, а я не думаю, что он пойдет на это. Так что успокойся и перестань труситься от страха. Расслабься и наслаждайся свободой.

Кэрол продолжала с удивлением смотреть на него.

— Ты так уверен в этой девушке? Но почему?

Он лишь улыбнулся в ответ, не взглянув на нее.

— Рэй, но как тебе удастся?

— Кэрол, ну не спрашивай, ты же прекрасно знаешь, что я хорошо разбираюсь в женщинах и могу найти подход к любой, даже самой мужененавистной мегере.

— Ты затаскиваешь их для этого в постель?

Он непринужденно засмеялся.

— Совсем не обязательно. Я просто пользуюсь тем, что женщины не могут мне отказывать, когда я о чем-то прошу. Но если бы я спал со всеми, кого мне когда-либо приходилось о чем-то просить, во мне бы уже не осталось никаких сил для этого. Нет, себя, любимого, я не отдаю, кому попало.

— Хочешь сказать, что уломал девчонку устроить побег просто так? Взглянул на нее своими игривыми красивыми глазками, и она сразу же настолько потеряла голову, что готова была сделать все, чтобы ты не попросил?

— Да. Правда, мне пришлось еще и поулыбаться. Но, думаю, дело того стоило, — и мягко добавил. — Я с ней не спал. И не собираюсь. Но, если бы понадобилось, ради тебя я бы пошел на что угодно.

— Не сомневаюсь, и не без удовольствия, как я полагаю!

Он бросил на нее веселый взгляд.

— Эй, ты никак ревнуешь? Зря. Я теперь само воплощение верности и неприступности.

— Да, воплощение, только абсолютно противоположное тому, что ты сейчас назвал, — фыркнула Кэрол, ощущая раздражение и недовольство, вызванное ничем иным, как страхом за него. Она лихорадочно обдумывала, как выйти из сложившейся ситуации так, чтобы он не пострадал. И злилась на него за его упрямство и дерзость, которые могут стоить ему жизни. Да и ей тоже. Уж лучше бы она оставалась в психушке.

— Рэй, верни меня обратно. Это же можно устроить? Твоя медсестра поможет.

— Боже, неужели я опоздал, и тебя успели там лишит рассудка? Спокойней, девочка, не нервничай так. Сейчас мы приедем в безопасное место, где Джек тебя никогда не найдет. Придешь в себя, успокоишься, и тогда подумаем, как нам действовать дальше. Хотя у меня уже есть кое-какие планы, только, боюсь, ты еще не готова их обсудить.

— Какие планы?

— Позже, любовь моя, позже. Отдохнешь, перестанешь труситься от ужаса, тогда и поговорим.

— А что это за место, куда ты меня везешь?

— Это всего лишь квартира, которую Джек ни за что не сможет вычислить, как бы не старался. И там ты будешь вне его досягаемости и, следовательно, в полной безопасности.

— Он найдет меня, даже если я спрячусь под землей или улечу на самую далекую звезду.

— Нет. Только если он не станет обыскивать каждую квартиру в городе. Даже если так, у него на это уйдет достаточно времени для того, чтобы мы успели обдумать наши дальнейшие действия и оставить это убежище. Кстати, тебя там ждет роскошный ужин, мягкая постелька и приятный сюрприз.

— Сюрприз? Почему ты уверен, что он будет мне приятен? — все еще ворчала Кэрол, не смиряясь и сердясь.

Он загадочно улыбнулся.

— Потому что я знаю. Ты бросишься мне на шею и расцелуешь от радости.

— Да, если увижу там живую и невредимую Куртни. Больше обрадовать меня ничто не сможет до такой степени.

— Увидим.

Сердце Кэрол вдруг встрепенулась.

— Патрик? Там Патрик?

— Пока нет, Кэрол, но не расстраивайся, скоро он будет с тобой, я даю тебе слово. Он самая важная часть моих грандиозных замыслов! — он нежно улыбнулся мгновенно поникшей девушке, вспышка радости которой угасла так же быстро, как и появилась.

Понимая, что деваться ей больше не куда, по крайней мере, пока, Кэрол позволила отвезти ее в это загадочное и укромное местечко, которое даже Джек не сможет разнюхать, как надеялся Рэй. Только сама Кэрол не заблуждалась на этот счет, как он. Джек найдет ее, в этом не было никаких сомнений. Но уверенность Рэя все же заставила зародиться в ней хоть и слабому, но теплому лучику надежды. Разглядывая его хитрое самоуверенное лицо, Кэрол не могла не признать, что он всегда обладал такими завидными качествами, как ловкость, изворотливость и хитрость. Насколько Кэрол помнила, никогда и никому не удавалось взять его за горло так, чтобы он не сумел выкрутиться. Скользкого и изворотливого, его невозможно было ухватить и удержать даже самой цепкой и сильной хваткой. И Куртни тому пример, а уж рук посильнее и хватче ее стоит поискать! Никогда Рэй не был простачком. Он умел лгать, притворяться и хитрить, умел вести двойную жизнь так, что никогда и никем не был пойманным. Ведь встречался же он где-то со своими многочисленными любовницами, наверняка у него имелись для этого специальные гнездышки, и, возможно, даже не одно, которые даже Куртни не смогла разоблачить. Он всю жизнь ловко водил ее за нос, может, у него получится обвести и Джека? Один прожженный и коварный брехун без стыда и совести и хитрющий подлец против другого такого же. Кто кого? Это было бы довольно интересно, если бы не предвиделся плачевный конец одного из этих отчаянных ловкачей. И почему-то Кэрол думала не в пользу Рэя, не смотря на все его признанные ею таланты.

Но мысли ее стало занимать совсем другое. Она сжалась на сидении, смотря в окно и больше не поворачиваясь к нему. По телу гуляла нервная дрожь, а почти забытая и задавленная сильными препаратами душевная боль снова заняла свое место в груди. Она почти пожалела о том полусознательном состоянии, в которое ее постоянно вводили врачи, приглушая все ее эмоции и чувства. А теперь, когда он сидел рядом, как живое напоминание о ее предательстве Куртни и себя самой, ее снова обуревали сильнейшие эмоции. Это была и

злость, и негодование, и возмущение, и горечь. Как на себя, так и на него. Кэрол не могла определиться, на кого она злилась больше и кого больше винила. Невыносимый стыд сжигал ее изнутри, заставляя пылать ее лицо.

А он сидел такой невозмутимый и самодовольный, с уверенным лицом, красивым, немного хищным из-за сходства с лукавым и бессовестным зверьком. Проклятый наглый лис. Все-таки сцапал ее. И это ее спаситель? Кто б от этого спасителя бы еще спас... Кэрол совсем не нравилось все это. Она бы предпочла, чтобы он был где-нибудь подальше. Конечно, кроме его объятий ей ничего не грозит, но именно это и было для нее самым ужасающим и недопустимым. Она находилась в крайнем напряжении, готовая проявить самое отчаянное сопротивление, на какое только была способна, при малейшей его попытке или даже намеке на домогательство. Хоть и поздно было уже сопротивляться, но она не хотела повторять то, что натворила. Этого больше не будет. Никогда.

Он бросал на нее косые взгляды, видимо догадываясь о ее мыслях и напряжении, но оставался все таким же непринужденным, словно они были такими же друзьями, как и раньше и ничего между ними теперь не стояло. И он совсем не походил на человека, которого бы мучили угрызения совести, и это злило Кэрол еще сильнее. Более того, она буквально кожей ощущала его жгучее желание продолжить их постельные приключения, едва начавшиеся и так жестоко прерванные. Но она была иного мнения. Этого мимолетного и короткого «приключения» хватило для того, чтобы потерять все самоуважение и отравить ядом всю ее душу. И она считала, что это худшее, что могло случиться с ней в жизни, и до сих пор недоумевала, как могло такое произойти. Но Рэя, судя по всему, это совсем не удивляло. Самодовольный самец, уверенный в том, что перед ним не устоит ни одна женщина. А может, так и есть, и самодовольство его вполне обосновано, если даже она не устояла со всеми своими принципами и любовью к Куртни? Но как же он мог так с ней поступить, зная, как будет она страдать и винить себя после этого?

Поджав губы, Кэрол готова была взорваться от злости и обиды, когда он остановил машину — которую, кстати, Кэрол видела впервые в жизни — и не сдвинулась с места, когда он вышел. Обойдя машину, он открыл с ее стороны дверь и протянул ей руку. Девушка продолжала сидеть, упрямо скрестив на груди руки и упершись взглядом в лобовое стекло, всем своим видом демонстрируя протест и недовольство его очередным вмешательством в ее дела, в ее жизнь, о котором его никто не только не просил, но и наоборот, просили избавиться от его чрезмерной заботы.

Он постоял, положив руки на крышу и дверь, подождал, а затем с лукавой усмешкой поинтересовался:

— Как я понимаю, ты хочешь ночевать в машине?

— Да, если ты намерен сам остаться там, куда хочешь меня отвести, — резко ответила Кэрол.

Он озадачено потер пальцем гладко выбритый подбородок и вздохнул.

— Я уйду, если ты так захочешь.

— Да, я так хочу.

— Хорошо. Пойдем, я провожу тебя, покажу квартиру, вручу сюрприз и уйду... раз тебе так невыносимо мое присутствие.

— Представь себе.

— Все еще злишься на меня? — горько спросил он.

Кэрол прожгла его красноречивым взглядом, стараясь, чтобы в нем отразилось как

можно больше неприязни и обиды. Он отступил назад, позволяя ей выйти.

— Что ж, хоть разговаривать со мной стала — это уже прогресс, — удрученно сказал он с таким несчастным видом, который бы тронул кого угодно, но только не ее. Коварный притвора, уж она-то знала о его таланте «находить подход к женщинам» и растоплять их сердца. А при свете комнаты ей еще предстоит любоваться его прекрасными невинными глазами, способными превращать самых умных женщин в обыкновенных дурочек и идти у него на поводу послушными наивными собачонками. Сама Кэрол не раз бывала в этой же роли, не говоря уже о Куртни. Оставалось только удивляться, как ему удавалось из своих хитрющих лисьих глаз строить такие искренне невинные и ангельские, которые могли ввести в заблуждение кого угодно, даже тех, кто знал его, как облупленного и понимали, что ничего невинного, а тем более, ангельского в нем отродясь не было и никогда не будет. Но на этот раз она была полна решимости проявить твердость и не верить в его блестящие затаенными слезами глаза, полные раскаяния и смирения, не верить несчастному страдальческому виду и умоляющему о примирении взгляду, даже если во всем этом будет доля искренности. Конечно, его огорчает ее поведение, в это она верила, могла поверить даже в то, что он на самом деле страдает, но все равно запретила себе обращать на это внимание.

Выйдя из машины, она выпрямилась перед ним и вызывающе посмотрела прямо в глаза.

— Так ты действительно уйдешь? Ты даешь мне слово?

— А у меня есть выбор? Даю, не могу же я оставить тебя в машине, — буркнул он и повел ее в подготовленное им загадочное супер-убежище. Это оказалась самая обыкновенная квартира в самом обыкновенном доме в несколько этажей. Может, во всей этой обыкновенности и заурядности и был весь секрет конспирации? Но внутри убежище оказалось неожиданно восхитительным, как самое настоящее любовное гнездышко заядлого ловеласа, созданное для удовольствий не только тела, но и души, как маленький райский уголок для Адама и Евы. Удивленно и не без доли восхищения Кэрол разглядывала все вокруг, медленно переходя из одной комнаты в другую. Роскошь сочеталась с красотой, уютом и комфортом, все располагало к неге и пробуждало какую-то чувственность. Кэрол одолевало любопытство, потому что впервые ей удалось заглянуть в тайный мир Рэя и на него самого с той стороны его личности, которую он всегда тщательно скрывал. И она была поражена, хотя бы вот этой заурядной квартирой, которую он так мастерски сумел превратить в райский уголок. Что ж, она всегда подозревала, что он не лишен романтики и обладает тонкой и чувственной натурой. И к тому же, превосходно знает женщин и то, как и чем производить на них сильное и шокирующее впечатление, бросающее их ему в ноги. Интересно, способности обольстителя — это в крови, или просто приобретенный опыт? Нет, в случае с Рэем, это в крови, несомненно. Плюс опыт. И берегитесь, несчастные женщины.

Почувствовав, что очарование обстановки действует на нее, Кэрол предприняла попытку его разрушить. Изогнув губы в ехидной ухмылке, она еще раз окинула взглядом комнату, на пороге которой остановилась, не решившись идти дальше. Это была спальня. Спальня, которая способна была вызвать мысли о сексе у самой строгой и целомудренной монашки.

— Сдается мне, это убежище создавалось совсем не для укрытия сбежавших пациентов психбольниц! — заметила она. — Стало быть, здесь ты забавлялся со своими никогда не переводящимися любовницами, да, Рэй? М-да, не могу не отдать тебе должное... производит впечатление. Только не доставай одну детали. Вон там, над этой восхитительной кроватью,

не плохо бы смотрелась фотография Куртни с огромными оленьими — или лосевыми — рогами над ней.

Отступив от спальни, она обернулась и устремила на Рэя насмешливый взгляд. Тот побагровел.

— Я не говорил, смею тебе напомнить, что эта квартира принадлежит мне!

— А и не надо, я сама об этом догадалась. Трудно не догадаться. Может, она официально и не твоя, что, скорее всего, так и есть, дабы тебя нельзя было здесь вычислить, но это обустроенное в ней прекрасное гнездышко явно твое, Рэй, и не надо убеждать меня в обратном. Только у меня здесь какое-то неприятное чувство дискомфорта. Мне кажется, что я здесь совсем не к месту. Другого «убежища», не предназначенного так явно для твоих любовниц, у тебя нет?

Она красноречиво поморщилась, выказывая свое недовольство. Рэй не сводил с нее угрюмого пристального взгляда. Кэрол тяжело вздохнула.

— Ладно, так и быть, останусь здесь. Не на улицу же идти, в самом деле. Пойдем, я закрою за тобой двери. Надеюсь, сюда не заявится какая-нибудь девица и не устроит мне скандал со сценами ревности? И тебя тоже попрошу немного воздержаться от того, чтобы приводить сюда девочек, пока я здесь. А то я как-то неловко себя буду чувствовать. Договорились? Ну, тогда все, спокойной ночи.

Но он не сдвинулся с места, не отрывая от нее глаз.

— Зачем ты так, а? — хрипло, с упреком спросил он.

— Спокойной ночи, — с неискренней елейной улыбкой повторила Кэрол и, взяв его под руку, решительно развернула и повела на выход. Но он внезапно вырвался и, схватив ее за талию, прижал к стене. Стиснув ее в страстных объятиях, он застонал, пожирая ее губы жадными поцелуями. Вскрикнув от негодования, Кэрол попыталась его оттолкнуть.

— Рэй! Ты же обещал! Ты дал мне слово! Уходи!

— Прости... но я тебя обманул, — прохрипел он, задыхаясь. — Я хочу тебя... я умру, если ты сейчас же не будешь моей.

— Ах ты, скотина! Умирай, мне нет дела! Отпусти меня, я закричу!

Он впился в ее рот, предотвращая возможные крики, вдавив ее в стену своим дрожащим от нестерпимого желания телом. Не прошло и пары секунд, как он расстегнул на ней джинсы и стащил с ее бедер. Так как штаны были на нее великоваты, они упали на пол, как только он выпустил их из рук. Наступив на них ногами, Рэй приподнял девушку, буквально выдернув ее из штанин. На трусики у него терпения уже не хватило, и они, разорванные, отправились на пол следом за джинсами. Все это он проделал так быстро и ловко, что Кэрол и опомниться не успела, как он закинул ее ноги себе на талию и через мгновение был уже внутри нее. Она даже вскрикнуть не успела. Такой яростный и молниеносный напор стал для нее полной неожиданностью по сравнению с тем, как терпеливо вел он себя в прошлый раз, ломая ее волю и подавляя сопротивление ласками, а не силой, как сейчас. Она не ожидала от него такого, но это в данный момент его совершенно не волновало.

Пригвоздив девушку к стене, он позволил страсти управлять своим телом и не пытался ее сдержать или подавить, разрешив себе потерять голову. Его сильные мощные движения, лишённые мягкости и нежности, отзывались в ее теле быстро нарастающим наслаждением... И она уже сама сжимала в объятиях его великолепное тело, отвечая на поцелуи с такой же сумасшедшей страстью, с какой он ее любил.

Когда она опустила трясущиеся от слабости ноги на пол, а он обвил ее талию руками,

чтобы поддержать в эти мгновения сладостного бессилия, и снова прижал к себе, она сама подставила ему губы, которые он стал целовать с трепетом и радостью, поняв, что она не хочет больше сопротивляться их новым отношениям. В глазах ее он не увидел больше ярости или демонстративной неприязни, только какую-то печальную нежность и теплоту. Она не отводила больше глаз, открыто любуясь его лицом и, подняв руку, с улыбкой погладила его по взъерошенным густым волосам. А он упал на колени и прижался к ней, дрожа от переполнившей его радости, которую трудно было держать в себе и которая требовала немедленного выхода. Он бы с огромным удовольствием закричал во все горло, выплескивая восторженные эмоции, но от этого ему пришлось воздержаться, дабы не напугать соседей. Тогда он стал осыпать виновницу своего счастья жаркими благодарными поцелуями и что-то захлеб лепетать о своих чувствах. Такого с ним никогда не происходило. И впервые он чувствовал себя таким счастливым и таким влюбленным.

Его жизнь обернулась сказкой. Он чувствовал себя так, словно заново родился, да к тому же, родился с крыльями за спиной, благодаря которым теперь сможет летать. Бред. Он сам это понимал, но ничего не мог поделать со своей глупой, почти детской, всепоглощающей радостью, такой огромной, что он просто не знал, как ее выразить. Как выразить ей, любимой, как он счастлив, как любит ее. Даже возможность показаться жалким и смешным в своей пылкости и подобострастии, не заставила его быть более сдержанным. Он не хотел быть сдержанным. Он устал сдерживать свои чувства. Они рвались наружу, и он просто не мог их удержать.

Сначала он заметил на ее лице некоторое удивление, а потом она просто обняла его, прижала к себе и улыбнулась, слушая его несвязные, возможно, неуклюжие и не очень красивые, но искренние и страстные признания в любви, которые лились из него каким-то неуправляемым потоком, как прорвавшимся сквозь плотину. Он так не походил сейчас на того ловеласа, каким был, превратившись в оглушенного любовью мальчишку, не умеющего и двух слов связать перед женщиной.

Когда он немного успокоился и стал снова более-менее напоминать ей того Рэя, которого она знала, он подхватил ее на руки и понес в ванную, откуда они не скоро вышли, совместив купание с другими удовольствиями. Кэрол, переставшая сопротивляться, приятно удивила его, обнаружив собой искусную любовницу, умеющую обращаться с мужским телом так, что Рэй был удивлен. Болезненный укол ревности коснулся его сердца при мысли о том, что Джек постарался над нею, создавая орудие для собственного удовольствия, что у него, впрочем, блестяще получилось. Интересно, приходила ли ему в голову мысль, что всем тем, чему он ее научил, будет наслаждаться еще кто-то, кроме него?

Если все пойдет по построенному им с Мэвис плану, отсутствие Кэрол обнаружится только утром. Это значит, что Рэндэл в данный момент преспокойненько дрыхнет дома, уверенный в том, что Кэрол надежно заперта в дурдоме, в который он ее упрятал. Эх, думал не без злобной радости Рэй, знал бы он, что жена его сейчас не на больничной койке, а в огромной роскошной ванне в море густой пены с ним, Рэем, самозабвенно и с удовольствием предается нежной обжигающей страсти, чувственным наслаждениям, разделяя с ним, наконец-то, голод и огонь его любви. Лежит Рэндэл и почесывает во сне голову, на которой пробиваются крепенькие и ветвистые рожки. Подобные мысли так развеселили Рэя, что он не удержался и засмеялся. Кэрол недоуменно посмотрела на него, а он швырнул в нее клочок пены, озорно улыбаясь во весь рот. Она тоже улыбнулась и, собрав охапку густой пены, водрузила ему на голову. Ему понравилась ее идея, и он сделал то же

самое, соорудив из пены на ее голове что-то, отдаленно напоминающее корону. И сам пришел от этого в такой восторг, что выскочил из ванны и побежал за фотоаппаратом, голый, мокрый и весь в пене. Вернувшись, он нацелился на Кэрол объективом и без предупреждения щелкнул.

— Рэй... зачем?

— Ну как же не запечатлеть мой шедевр из мыльной пены? Я отправлю его на какой-нибудь конкурс и непременно прославлюсь!

— Это я прославлюсь, запечатленная голышом в этой ванне. Хватит, Рэй, не надо меня фотографировать!

— Ладно, тогда ты меня сфотографируй, — он протянул ей фотоаппарат.

— Что, прямо в таком виде? Ты же шокируешь тех несчастных, кому придется эти фотографии печатать! Хоть прикройся чем-нибудь, — глаза Кэрол заискрились нежностью и вождением, скользя по его обнаженному телу, к которому не могла бы остаться равнодушной ни одна женщина.

Зачерпнув пены, он наклеил ее себе вокруг бедер.

— Так пойдет?

— Подожди, — Кэрол поднялась из воды и попробовала сделать ему такую же корону, как у себя, и только потом, заливаясь безудержным хохотом, сфотографировала. Отложив фотоаппарат в сторону, он запрыгнул в ванну и притянул девушку к себе.

— Теперь мы с тобой настоящие король и королева, — смеялся он. — Кстати, а ты не забыла, что мы приглашены на сказочный бал в Диснейленд?

— Ты что, правда собираешься туда ехать? — засмеялась Кэрол.

— Конечно! Мне очень понравилось быть принцем! Тем более, что моя принцесса теперь со мной, — он с блаженным вздохом откинулся на бортик ванны. — Я тебя короновал и взял в свое королевство. Разве оно не прекрасно? Такое теплое, мягкое и пушистое!

Он стал взбивать руками пену, демонстрируя ей свое «королевство».

— И моя корона, и это королевство — всего лишь мыльный пузырь, — заметила девушка и смахнула с головы пену.

— Эй, зачем ты разрушила мой шедевр! — возмутился он. — И на что это ты намекаешь? Что моя любовь — всего лишь мыльный пузырь? Ты обидела и оскорбила меня до глубины души! Иди сюда, дрянная девчонка, я тебе покажу, что есть моя любовь!

Он умел быть убедительным, уж этого у него не отнять...

Как хорошо было забыть обо всем на свете и просто наслаждаться любовью этого до неприличия счастливого мужчины, впасть в это сладостное забвение, что она себе и позволила сделать, устав до изнеможения от всяких душевных терзаний и отравляющих душу мыслей. Как приятно было видеть и осознавать, что она способна причинять не только боль людям, что кого-то она может сделать таким счастливым. Жаль только, что счастье это не может быть долгим и ей не суждено его с ним разделить. Но об этом думать сейчас ей не хотелось. Ей действительно было хорошо, так хорошо, как давно уже не было. Тяжесть в груди исчезла, ей хотелось радоваться и дурачиться вместе с Рэем, которого она вновь впустила в свое сердце, уничтожив все преграды, которые возвела между собой и ним. Все было, как в прежние времена, когда между ними была тесная дружба, доверие и взаимная привязанность, разве что теперь ко всему этому прибавилась страсть и интимные отношения. И любовь. И теперь она уже не задавалась вопросом, кто есть в ее жизни Рэй. В

данный момент он был ее любовником. Великолепным любовником, который помог ей забыться, пусть даже ненадолго. Рэй всегда мог ее порадовать и развеселить, а теперь еще и доставлять не только эмоциональные наслаждения...

Куртни была права, когда говорила, что она могла бы любить его, как мужчину. Кэрол даже почувствовала, что безумно, отчаянно этого хочет, больше, чем прежде, не уверенная в том, что не влюблена в него. Наверное, иначе быть не может. И стоит, наконец, признать, что в ее вздрогнувшем при первой встрече с ним сердечке с того момента всегда таилась эта влюбленность, или очарованность — она не знала, как это назвать — этим красивым мужчиной.

Покинув ванную комнату, они оба ощутили зверский голод, и Кэрол напомнила ему о том, что он упоминал о «роскошном ужине». А он тут же вспомнил о сюрпризе.

— Вот, я подумал, что ты хотела бы, чтобы это было с тобой, — тихо проговорил он, вручая ошеломленной девушке урну с прахом Мэтта.

— Как ты вынес ее из моей квартиры? У тебя же нет ключей! И как ты ее нашел, я же ее спрятала? — прошептала шокированная Кэрол.

— Какая разница? — улыбнулся он. — Это что! Сейчас ты у меня начнешь спрашивать, как я достал вот это. Так, приятель, тебя мы пока поставим сюда...

Забрав у нее урну и аккуратно поставив ее на стол, он сунул ей в руки фотографию.

— Оп-па! Ну, не слышу радостных воплей!

В глазах у Кэрол все поплыло от слез, когда она увидела на фотографии Мэтта. Это было потрясением для нее, внутри все перевернулось, когда она увидела дорогое лицо, которое никогда уже не рассчитывала видеть, кроме как в своем воображении.

Наблюдающий за ней Рэй наклонился и заглянул личико, которое она низко опустила.

— Эй, ты что, плачешь? Я думал, ты обрадуешься...

— Я... я рада. Но где ты ее взял?

— Тебе так интересно? Ну, хорошо. Крошка, наш Мэтт был знаменитой личностью, его фотографии печатались в газетах и журналах. Можно просто их вырезать, а можно отнести к специалисту, чтобы он их сканировал и распечатал. Вот, гляди, и журналы, и газеты, и отпечатанные фотографии. Любуйся, сколько душе угодно! Держи, это я для тебя все собрал, храни, если хочешь. И береги от Рэндэла.

— Ах, Рэй... спасибо! — Кэрол бросилась ему на шею и сжала в объятиях со всех сил.

— Ну, наконец-то, дождался! — проворчал он, но в его голосе ясно слышались довольные нотки. — Ну, говорил, что повиснешь у меня на шее от радости, говорил? А ты — нет, нет!

— Спасибо, спасибо, Рэй! Ты даже не представляешь, что ты для меня сделал...

— Представляю, — он погладил ее по спине, прижимая к себе, и умиротворенно вздохнул. Слегка отстранившись, Кэрол в замешательстве посмотрела ему в лицо.

— Но почему? Ты же ненавидел его и... разве ты не ревнуешь? Как странно. Джек уничтожил все, что могло мне о нем напоминать, кроме статуэтки, которая чудом сохранилась, а ты... ты приложил столько усилий, откопав где-то все эти столетние журналы, наделал для меня его фотографий...

— Это всего лишь фотографии, Кэрол, бумага, его изображение, а не он сам. Рэндэл ревнивый дурак, вот и все. Он просто причинил тебе лишнюю и не нужную боль, искореняя из твоей жизни все напоминания о нем. Но разве ты забудешь его, не имея ни одной фотографии? Нет. И я не ревную. Это глупо. А сделал я это потому, что знаю, как для тебя

это важно.

Конечно, Кэрол понимала, что без корысти тут не обошлось, и тем самым он просто хотел вернуть ее расположение и наладить их отношения, но это было не так уж важно. Он хитрюга, подобравшийся с ней к самой незащищенной и слабой стороны, но самый добрый и самый понимающий хитрюга в мире! И Кэрол была благодарна ему за то, что вернул ей самое дорогое, вернул то, что жестоко отнял Джек, что подарил возможность смотреть на любимые черты ее обожаемой звездочки... Надо же, он даже стащил из ее квартиры урну, чтобы отдать ей. А ведь она его даже об этом не просила.

И, похоже, ни фотографии Мэтта, ни даже урна с его прахом, его совершенно не смущали и никак не мешали. Он забыл о них, так и оставив на столе, как будто это были ничем не отличающиеся от остальных обыденных вещей предметы, как картина на стене, или ваза для цветов, или стопочка бумаги для заметок... и ведь он был прав. Это действительно всего лишь предметы, а не соперник, который может помешать его любви или отобрать женщину. Мэтт не был для него ни помехой, ни угрозой. А для ревности у него имелись живые и вполне опасные соперники. Такие, как Джек. С ним нужно было бороться, а не с мертвым бедолагой, давно уже покинувшим этот мир.

Они поели в гостиной за маленьким красивым столиком, который Рэй сам сервировал, не переставая удивлять Кэрол. В полумраке комнаты, под дрожащим светом свечей, они лопали от души и с таким аппетитом, словно не ели уже сто лет, запивая превосходным вином из коллекции Рэя, даже не задумываясь о том, сколько времени и забыв, что уже глубокая ночь. Мыслей о сне не возникало ни у нее, ни у него. Очарование и уют комнаты полностью подчинили себе Кэрол и ее женское чувственное сердце, создавая у нее ощущение чего-то волшебного и сказочного. И дух у нее захватывало, когда она смотрела на сидящего напротив Рэя, похожего при свете свечей на прекрасного греческого бога, на какое-то видение, сладостное наваждение. Влажные волнистые волосы его переливались золотом, плутовские глаза играли огоньками и блестели неестественно ярко из-за отражавшихся в них язычков пламени, плясавших на фитильках свечей и в его зрачках, на лице то и дело сверкала яркая белоснежная улыбка. Нежные тени дрожали на матовой загорелой коже, обостряя и подчеркивая черты лица и линии тела. И за изысканно и романтически сервированным столом он вызывающе и даже бесстыдно смотрелся со своим обнаженным торсом, так как не стал утруждаться одеванием, лишь накинув на узкие бедра маленькое полотенце. Кэрол он любезно предоставил коротенький полупрозрачный пеньюар, специально приобретенный им для нее, как он сказал, ну, или, если это и не было правдой, по крайней мере, пеньюар был новый, о чем свидетельствовали этикетки. Но позже Кэрол убедится, что он действительно купил ей целую кучу нужных и не очень нужных вещей, в том числе и роскошного нижнего белья, которое всем своим видом кричало о его вожделении, что не могло не возмутить Кэрол такой откровенной дерзостью. Да, он все это покупал после ночи в Фарго, она на это надеялась, но проявленная ею единожды слабость не делала ее его собственностью, которую он мог наряжать в тряпки для его удовольствия. Ее задело то, что он повел себя так уверенно, так подготовился к тому, чтобы привести ее сюда, в это любовное гнездышко, будто даже не думал о том, что она может воспротивиться всему этому, тому, чтобы их случайная связь имела продолжение, чтобы превратиться в его любовницу. Но возразить ей было нечего, потому что случилось именно так, как он и планировал. Она здесь, с ним, попивает вино после безумного восхитительного секса, в купленном им соблазнительном пеньюаре, а завтра наденет сексуальное белье, в котором он

так хотел ее видеть... хотя бы просто потому, что другого у нее не было. Она бы могла почувствовать себя его новой игрушкой, с которой он так увлеченно забавляется, подстраивая к своим желаниям и вкусам, если бы не его искренняя, слишком явная любовь и прущее из него со всех сил, напоминающее щенячий восторг счастье. И она не стала заострять на этом внимания.

Закончив ужин, они оставили неубранный стол и умчались в спальню, где бросились на большую просторную кровать, сцепившись в страстных объятиях, и любили друга до тех пор, пока в полном изнеможении одновременно не вырубались, даже не успев понять, что уснули.

Утро — только это уже было далеко не утро — началось с того же.

Охваченная негой, Кэрол выбиралась из постели только для того, чтобы сходить в душ или туалет. Рэй — для того еще, чтобы носить ей в постель еду, кофе, фрукты или сок. Так и прошел весь остаток дня и вечер. Они занимались ненасытным сексом, а в паузах подкреплялись всякими вкусностями, которыми запасся Рэй, вином, дурачились и безудержно смеялись, или сладко дремали в объятиях друг друга, но этим паузам, впрочем, обоюдная страсть не позволяла затягиваться.

Рэй был на седьмом небе, и даже выше. Единственное, что омрачало его безмерное счастье, так это мелькавшая в глазах Кэрол печаль во время перерывов, которые они себе позволяли только для того, чтобы немного отдохнуть и собраться с силами, чтобы продолжить одарять друг друга удовольствиями. Но эту печаль Рэй объяснял себе просто — трудностями, которые они еще не преодолели. Или, вернее, одной большой трудностью — Джеком. Ревнивый, опасный и жестокий муж, не желающий ее отпускать, отобравший ребенка, дабы ее удержать, с которым предстоит схватка не на жизнь, а на смерть, как говорится — это веская причина для беспокойства и печали. Рэй знал, что она боится Джека. Только он не разделял ее страха и неуверенности. Теперь, как никогда, он готов был бороться за свою любовь. Потому что видел, что Кэрол с ним хорошо, намного больше, чем «хорошо», что она открылась для его любви и уже потеряла голову — не потому ли, что влюблена? Хотя он всегда был уверен в том, что она в него влюблена, даже когда они думали, что он ее отец, только сама этого не осознавала или не хотела признавать, но он-то видел, видел это в ее глазах, когда она на него смотрела. Что-что, а уж взгляд влюбленной женщины он мог распознать безошибочно. Мэтт, Джек — это все так, один лишь налет любви на ее сердце, а вот чувства к нему были намного глубже, потому что она сама их туда запрятала, в самую глубину своего сердца, и они там прочно осели, надежно запертые за семью замками, семью печатями и биркой с надписью «табу». Весь налет сойдет со временем, а то, что спрятано глубоко внутри, останется. Мэтт, Джек — они исчезнут, а он, Рэй, останется. Он так думал. Он хотел, чтобы все было именно так. И теперь смел надеяться, что она тоже этого хочет. И собрался за это бороться. Он понимал, что ходит по лезвию бритвы, играет с огнем, с самой смертью, но от этого обладание возлюбленной становилось еще слаще и острее, а страсть и желание — неистовой и отчаяннее. Опасность будоражила в нем кровь, а возможность потерять то, чего он наконец-то с таким трудом добился, потерять ее, свою женщину, не давала ему отдыха, изводя ненасытной страстью, заставляя каждый раз любить ее так, как в последний раз, что и могло случиться. Но он не хотел терять ни минуты лишней, и любил ее так и столько, насколько хватало сил и здоровья. А этого в нем было достаточно для того, чтобы скорее заставить молить о пощаде женщину, чем обессилеть самому и отступить первому.

А так, с короткими передышками, он мог сутками не вылезать из постели. Было бы желание. А оно было, и не только «было» — оно плескалось через край, как бродившее вино из переполненной бочки. Кэрол непринужденно выдерживала такой натиск, и даже давала ответный, молодая, полная сил и энергии, и такая же охотница до удовольствий, как он сам.

Но вечером, когда Кэрол уснула, он поднялся, не без сожалений выпуская прекрасное нежное тело из объятий и покидая уютную теплую постель. Ополоснувшись в душе, он тщательно побрился, вычистил до блеска свои безупречные зубы, причесался, и, вернувшись в спальню, достал из шкафа темно-синий, почти черный, костюм. Подобрал под него бледно голубую рубашку и проигнорировав галстуки, он аккуратно разложил все это на кресле. Потом повернулся и посмотрел на сладко спящую девушку. Бросив взгляд на часы, он поколебался, затем, не выдержав, прыгнул на постель и забрался под одеяло. Кэрол пошевелилась и жалобно промычала что-то невразумительное. Попыталась отвернуться, не открывая глаз и состроив мученическую гримаску, но он лишь плотнее притянул ее к себе, целуя шею и плечики.

— Рэй... я спать хочу, — простонала она.

— Через двадцать минут я уйду, и спи всю ночь.

— Уйдешь? Куда? — Кэрол разлепила веки и приподнялась, но он снова опрокинул ее на спину и накрыл ее губы своим ртом.

— Рэй, объясни...

— Я все тебе расскажу, пока буду одеваться. А так мы просто потеряем время, которого и так мало.

Девушка улыбнулась и выгнулась, подставляя грудь его поцелуям.

— Господи... да сколько же можно, — захихикала она игриво. — Сжалесь. Ни минуты покоя. Что ж ты такой ненасытный?

— Потому что я слишком долго об этом мечтал. Хватит болтать, иди ко мне... я уже соскучился.

Кэрол обняла его, с удовольствием целуя в губы. Кровь ее быстрее побежала по жилам, сердце застучало. Сон и усталость сняло, как рукой, зато потом навалились на нее еще с большей силой. Не в силах даже оторвать от подушки голову, она наблюдала, как Рэй одевается и прихорашивается перед зеркалом.

— Видишь ли, вот уже две недели, как я нахожусь в Париже на специализированных курсах, куда отправил меня Касевес, дабы я поднабрался немного знаний и припомнил те, что получил в университете. Никто, даже он, не знает, что я здесь. Сегодня последний день занятий, а завтра я должен вернуться. И это мое алиби, так как находясь в Париже, я никак не мог украсть тебя из больницы.

— Думаешь, Джек на это купится? Да он наверняка уже знает, что тебя там нет и не было!

— Ну, почему же не было? Очень даже был. Если он начнет проверять, он узнает, что я улетел в положенное время, зарегистрировался в гостинице, исправно, каждый день, посещал занятия, и, как и было запланировано, вернулся после окончания курса из Парижа. То есть, завтра рано утром.

— Но... тебя же там нет, Рэй! Ничего не понимаю!

Он улыбнулся.

— Да, солнышко, но об этом-то никто не узнает. Я прилетел в Париж, зарегистрировался в гостинице, а потом потихонечку улетел обратно, оставив вместо себя своего верного приятеля, который под моим именем будет жить в моем номере и посещать занятия. Сейчас я также «тихонечко» возвращаюсь в Париж и рано утром демонстративно съезжаю из гостиницы.

— Ты думаешь, что никто не заметил, что зарегистрировался один человек, а вместо него

живет другой?

— А кому это надо? Они проверили мои документы, зарегистрировали меня, вручили ключи от номера, не будут же после этого они за мной следить. Это огромная гостиница и там не меньше сотни постояльцев, которые каждый день въезжают и выезжают. За всеми не уследишь. Главное — зарегистрировался, заплатил и вернул ключи, когда съехал. К тому же, мой друг одного типа внешности со мной. Почти тот же рост, тоже светлые волосы и глаза, похожее телосложение. Но я должен сегодня быть в Париже, чтобы самому вернуть ключи от номера и демонстративно сесть в самолет и вернуться в Америку. Это на тот случай, если Джек проявит любопытство.

— Думаешь, он тебя не раскусит? — усомнилась Кэрол, слишком уверенная в непревзойденном уме своего мужа.

— Узнав сегодня утром о том, что ты сбежала из больницы, он, естественно, в первую очередь заподозрит мою причастность к этому. Он, конечно, знает, что я улетел в Париж на курсы по подготовке, и станет выяснять, действительно ли я садился в самолет до Парижа. Узнает, что да, я улетел. Потом позвонит в гостиницу, где я должен был остановиться, и там ему подтвердят, что я там жил все это время. Возможно, он захочет убедиться в том, посещал ли я занятия, но и там ему скажут, что да, посещал, каждый день. А следовательно, я никак не мог участвовать в твоём побеге, по крайней мере, лично. Даже если он на этом не успокоится и пошлет в Париж человека или даже полетит сам, чтобы убедиться в том, что в гостинице проживал все это время я, а не кто-либо другой, станет показывать мою фотографию в регистрационном отделе, ему подтвердят, что именно я у них снимал номер и жил в нём. Поэтому я и регистрировался сам, и закрывать регистрацию лечу сам.

— А если он узнает, что ты прилетел в Париж, а потом улетел? — не сдавалась Кэрол.

— Что ж, для этого ему придется проверять все рейсы и списки пассажиров за две недели, в том случае, конечно, если он получит к ним доступ. Администрация аэропорта никому просто так не предоставляет таких данных.

— Если он захочет, он их получит.

— Возможно. Только это все время, Кэрол. Думаешь, он станет тратить столько времени на меня, когда ему нужно заниматься твоими поисками, пока ты не улизнула от него на край света? Время работает против него и на тебя, и он это понимает. Не думаю, чтобы ему было не достаточно подтверждений в гостинице и от руководителей курсов подготовки, чтобы он начал копаться в регистрационных данных аэрофлота за эти две недели. Какой смысл, если ему люди, абсолютно непричастные, скажут, что все это время я пробыл в Париже?

— А если он уже побывал там и убедился, что вместо тебя там твой друг?

— Кэрол, сначала он звонил и все это выяснял. Так бы сделал любой человек. А потом, если все-таки одолевают сомнения, послал бы гонца или полетел сам, чтобы удостовериться. Но это тоже время, Кэрол. До Парижа лететь не один час. К тому же, сегодня прямых рейсов нет, а первый прямой — это тот, на котором лечу я. Так что если кто и вылетел раньше меня, в Париже первым он не будет. Даже если он одолжил у кого-нибудь частный самолет, и уже в Париже, это ему ничего не даст. Я подумал даже об этом, представляешь, какой я умный и предусмотрительный? Мой друг просто не вернется ночевать в номер, чтобы не быть разоблаченным, а если Джек начнет интересоваться, где он, то есть я, провел эту ночь, он узнает, что я был у своей давней приятельницы, а она это подтвердит. С ней я уже договорился, и она не подведет. А на рассвете я готов встретиться с его гонцом или с ним

самим, и подарю при этом ему свою самую обворожительную улыбку. И воскликну: «Какой сюрприз! А что ты здесь делаешь, Джек?». И полюбуюсь на его раздосадованную физиономию.

Рэй засмеялся, поправляя воротник рубашки, легкомысленно не застегнутой до конца, позволяя видеть сильную шею и полоску загорелой мускулистой груди между расходящимися полочками. Не застегнутый пиджак превосходно смотрелся на его высокой широкоплечей фигуре, а весь костюм в целом придавал ему скорее ловелаский вид, чем деловой. Кэрол всегда находила его очень соблазнительным мужчиной, но впервые в жизни почувствовала что-то, похожее на ревность, созерцая его яркую привлекательную внешность.

— Ты все продумал, Рэй, — задумчиво проговорила она. — И все учел. Кроме одного. самого важного.

Он обернулся и заинтересованно взглянул на нее.

— И чего же?

— Того, кого ты пытаешься обмануть. Я еще не знала ни одного случая, чтобы кому-то удалось обвести вокруг пальца Джека.

— А я знаю. И тебе напомню. Однажды его обвел вокруг пальца твой дружок. Ну, тот, что сейчас стоит на столе в гостиной. Правда, это закончилось тем, что он сейчас находится в этой урне, но надеюсь, что я окажусь более удачливым.

— Рэй, в компании Джека двадцать пять лучших юристов, которых он сам собрал не по всей стране — заметь — а со всего мира. Помимо этого, еще помощники и мальчишки на побегушках, которые есть не только у Джека, но и у каждого его адвоката. Одного дня было бы более чем достаточно для того, чтобы они, организовавшись, перевернули бы весь Париж верх тормашками, не говоря уже об аэропортах!

— Что ж, может быть. Тогда он в первую очередь перевернул бы «верх тормашками», как ты говоришь, Сан-Франциско, чтобы найти тебя. Однако, что-то я не слышу, чтобы он стучался к нам в дверь. Думаешь, он бросит на твои поиски всех своих людей, опозорится перед собственными адвокатами и всей своей компанией, заставив всех с высунутыми от напряжения языками разыскивать сбежавшую от него жену? Чтобы это, к тому же, просочилось и в прессу, и весь мир узнал о том, что от него удрала жена, а он переворачивает мир вверх дном, чтобы ее найти? Нет, его гордость такое не допустит. Он будет вынужден действовать осторожно и как можно незаметнее, подключив к этому только самых надежных и близких ему людей, которым он доверяет и перед которыми может показаться, как одураченный муж... и не только одураченный, — Рэй поднял руку и выставил над макушкой два пальца, изображая рожки, но тут же пожалел об этом, увидев, как покраснела Кэрол с таким выражением лица, будто получила пощечину. Но она ничего не ответила, только спрятала налившиеся слезами глаза и опустила голову. В груди больно заныло. И почему-то мысль о том, что она так поступила с Джеком, на этот раз отозвалась в ней болью и даже сожалением, не смотря на то, что он предал ее первым... или то, если быть точнее, что он никогда не был ей верен.

Как большой гибкий кот, Рэй одним стремительным движением оказался рядом с ней и заискивающе заглянул в поникшее личико. Нежно взяв за подбородок, он поднял ее голову и посмотрел в глаза.

— Эй, красавица, ты чего? Я же тебя люблю... А он не тот муж, перед которым можно испытывать чувство вины и стыдиться. Как он с тобой поступает, забыла? Не буду напоминать и перечислять, чтобы не делать тебе больно, но последнее, что он сделал — это

запер тебя в психушку!

— Он думает, что я нуждаюсь в лечении, — чуть слышно шепнула в ответ Кэрол.

— Ну, конечно! Такой вот весь из себя умный и проницательный, и вдруг превращается в дурачка, который не в состоянии разобраться, сумасшедшая его жена или нет! Кэрол, — голос его стал слаще меда, а в глазах появилось обожание. — Ты — самый верный и преданный человек, которого я когда-либо встречал. А наши с тобой отношения...

— Думаю, ни Куртни, ни Джек твоего мнения бы обо мне не разделили, — с горечью перебила его Кэрол, не пожелав заводить тему об их отношениях. — Не будем больше об этом говорить.

— Хорошо, не будем. Только ты все равно не права по отношению к себе. Очень не права, — он прикоснулся к ее губам, но Кэрол вдруг попыталась отстраниться. Сжав ее в объятиях, он властно овладел ее губами, и только после долгого и страстного поцелуя, отпустил. Обезоружив ее искрящейся любовью и счастьем улыбкой, он встал и поправил на себе одежду.

— Мне пора. Опоздать смерти подобно. Отдыхай, любовь моя, отсыпайся. Холодильник забит едой. Никуда не выходи. Это слишком рискованно. Я вернусь завтра.

Кэрол смотрела на него встревоженными глазами.

— Рэй, будет лучше, если я уйду.

— Нет! — резко и горячо отозвался он, повысив голос, вздохнул и продолжил уже спокойно. — Нет, Кэрол. Тогда он уж точно убьет и тебя, и меня. Поздно отступать, Кэрол. Пожалуйста, жди меня здесь. Просто жди. Я тебе обещаю, что все будет в порядке. Я знаю, что делаю. И я... я ни за что теперь тебя ему не отдам.

Наклонившись, он сжал пальцами ее плечи, а на лице его появилось выражение ожесточенной решительности.

— Не отдам.

Положив ладони ей на скулы, он снова стал целовать нежные полные губки, и лишь усилием воли заставил себя от них оторваться.

— Боже, я опаздываю! — поспешно рассовав по карманам документы и деньги, он схватил ключи от машины и от квартиры и на секунду замер, устремив на девушку подозрительно сощурившиеся глаза. — Пожалуй, я заберу ключи от двери с собой. Если вдруг случится пожар, за окном кухни пожарная лестница. Все, пока!

— Рэй!

Он выскользнул из комнаты.

— Рэй, не смей меня запирать!

Кэрол вскочила и, накинув на голое тело пеньюар, бросилась за ним, но только наткнулась на запертую дверь. Развернувшись, она побрела обратно в спальню и упала на постель. Сладко потянувшись, она в блаженстве замерла и прикрыла глаза, чувствуя себя пресытившейся и выжатой, как лимон.

Рэй был одним из тех мужчин, при одном взгляде на которых понимаешь, что они и секс — это одно и то же, одно целое. Что рождены они только для этого, насквозь пропитанные эротизмом, который чувствовался во всем — в голосе, взгляде, внешности, манере поведения. Таких мужчин Кэрол воспринимала просто, как самцов, созданных природой только для этой цели, заботясь о популяции человеческого рода. К сожалению, эти самцы не спешили размножаться, превосходно научившись водить природу-матушку за нос, но все же добросовестно выполняли свою миссию. Дерзкая сексапильность Рэя всегда

вызывала у Кэрол раздражение, во-первых, потому что она не давала ей жить спокойно и превратила ее в жертву этой чрезмерной любовной пылкости, во-вторых, из-за обиды за Куртни. Что ж, он, несчастный, сам не знал покоя из-за своих чрезмерных потребностей. А теперь он обрушил все это на нее одну. Но нельзя было сказать, что она была не довольна. Она не ощущала себя обыкновенной отдушиной, хотя, возможно, предпочла бы, чтобы это было так. Не задумываясь о самолюбии, которого, как ей казалось, в ней не осталось, она искренне пожелала бы, чтобы эта страсть была всего лишь очередным его увлечением, не больше, которое исчезнет после того, как он удовлетворится, и он потеряет к ней интерес. Скорее всего, так оно и будет. Ему в пылу страсти кажется, что это любовь, а потом она превратится в одну из многих, о которых он забыл, как об осушенном до дна стакане, и отправится на поиски новых приключений и новых объектов для вождения и любовных побед. Потому что такие, как он, просто не могут жить иначе. Конечно, сердцем Кэрол хотелось, чтобы это была настоящая любовь, как женщине ей льстило, что такой мужчина из всех выбрал ее и полюбил так, что не желал больше других, но умом предпочитала, чтобы это было всего лишь заблуждением с его стороны, которое вскоре развеется. Потому, что она любила его, искренне желала ему только добра и не хотела, чтобы он страдал. А тем более, из-за нее. Уж не ясно теперь, что хуже для мужчины — вечные скитания из одной постели в другую с равнодушным сердцем, не способным полюбить женщину, как долгое время жил Рэй, или одержимость только одной женщиной, слепой до безрассудства любовью, превратившего мужчину в раба. А Рэй бросается из одной крайности в другую. То жил бессердечным охотником, озабоченный исключительно тем, чтобы жизнь его протекала легко и без напряжения, эгоистом, использующим женщин только ради своего удовольствия и интереса. А теперь перевернул всю свою жизнь, натянув, как перетянутую струну, которая может лопнуть в любой момент, затеял войну с одним из самых опасных людей. И это Рэй, который всегда морщился и сбегал при малейших признаках каких-то проблем, угрожающих безмятежности и спокойствию его существования? Он, так тщательно и хитро продумывавший не простые планы против Джека, он, который так не любил напрягать свои мозги и заставлять их работать? Куртни, не смотря на все свои усилия, не смогла затащить его в свой бизнес, не зная покоя оттого, что его довольно неплохие мозги пропадают без толку, а теперь он возглавил ее империю. Правда, Кэрол не успела узнать, как продвигаются его дела в этом направлении, но, судя по тому, что он начал с того, что пропустил занятия по подготовке управленцев, прогноз был не утешительным. И все потому, что он направляет свою энергию в другое русло и ставит перед собой другие цели. Вместо того, чтобы заниматься компанией, он воюет с Джеком и возится с ней, отдавая всего себя сердечным делам, а не деловым. И если она что-то срочно не предпримет, все закончится тем, что компания вообще останется без руководителя.

Поразмышляв таким образом, Кэрол почувствовала, как эйфория, в которой она пребывала со вчерашнего вечера, рушится. Дымка забвения рассеивается, возвращая ее к действительности. Что ж, она должна вернуться в реальность, как бы хорошо ей не было за ее пределами. Сказка, в которую она позволила Рэю себя увлечь, закончилась. Она была прекрасной, но очень короткой. Пришла пора выходить из экстаза и беспечного блаженства, самой, пока ее оттуда не вырвали силой. Пора что-то делать. Эта война развернулась вокруг нее, и ее должна закончить именно она, а не один из ее мужчин, убив другого.

И она стала думать, отогнав одолевавшие ее усталость и сонливость.

Если она сбежит отсюда, спустившись по пожарной лестнице, идти ей некуда, без денег

и документов. Вариант тогда один — вернуться к Джеку. Но обмануть его ей вряд ли удастся, если она попытается убедить его в том, что Рэй к ее исчезновению из больницы не имеет никакого отношения. И уж тогда Джек наверняка поймет, какие у нее теперь отношения с Рэем. Если все же еще не понял, в чем она все-таки сильно сомневалась. Поэтому возвращаться к Джеку ей было страшно до безумия. Даже если она вернется и все обойдется — что дальше? Все равно ей надо уехать от него. А как, если он не отпускает, если опять упечет ее в больницу? Нет, туда она не хотела возвращаться, ни за что. Уж лучше умереть. Но и умирать ей не хотелось. Нужно воспользоваться предоставленным ей шансом, тем, что выскользнула из цепких рук Джека, и исчезнуть, пока опять не попалась. Тогда ей уже вряд ли удастся вырваться.

Она заставила себя сползти в кровати и взять телефон. Решительно она набрала номер и с взволнованно стучащим сердцем ждала, когда снимут трубку. А, услышав голос Уильяма Касевеса, обрушила на него поток отчаянных умоляющих слов, захлебываясь от одолевавших ее слез. Некоторое время опешивший старик молча слушал ее, потом все же мягко, но решительно перебил.

— Кэрол, я правильно тебя понял? Ты хочешь, чтобы я помог тебе сбежать от мужа?

— Не только сбежать, но и скрыться так, чтобы он меня не нашел! Умоляю вас, Уильям, вы единственный, кто может мне помочь!

— Где ты, деточка? Разве ты не в больнице?

— Нет. Рэй забрал меня оттуда и я... я не знаю, где я. Он привез меня в какую-то квартиру. Я здесь со вчерашнего вечера.

— Но Рэй же должен быть в Париже...

— Я знаю.

— А Джек? Он знает?

— Нет.

— Рэй что, с ума сошел? А ну-ка, дай ему трубочку.

— Его нет, он ушел. Запер меня и ушел. И он действительно сошел с ума, Уильям! Мне нужно немедленно уехать, иначе случится беда. Ты же знаешь Джека. И знаешь Рэя, знаешь, каким он может быть упрямым. Если я не исчезну, кто-нибудь умрет, и ты понимаешь, что это будет Рэй. Его нельзя образумить, Уильям. Да, к тому же, уже поздно. Если Джек узнает, что он похитил меня из больницы, что я была здесь, с ним... ну, ты и сам все понимаешь. Джек и без того его ненавидит.

Уильям задумчиво молчал. Он, конечно, знал о влюбленности Рэя в Кэрол, знал о его легкомыслии, безрассудстве и упрямстве, но все же не ожидал, что он настолько потеряет голову. Понимал, что и пытаться образумить его не только бесполезно, но и поздно. Касевес пощадил чувства девушки и не стал спрашивать, насколько поздно, но он и сам догадался. Он не мог винить девочку. И, как мужчина, понимал Рэя, даже если и не одобрял. Касевес любил Куртни, как если бы она была его родной дочерью. Любил он и Рэя, как сына. Он знал его еще с тех пор, когда он мальчиком встречался с Куртни. То есть с семнадцати лет. И, не смотря на то, что парень был далек от идеала и примерное поведение было только его маскировкой, Уильям всегда питал к нему симпатию, если не отеческую любовь. Рэй чем-то напоминал ему его самого в молодости, такого же неуемного охотника за любовью женщин. Рэй был дорог его одинокому сердцу, особенно теперь, когда не стало Куртни. А его вызов Джеку Рэндэлу хоть и был безрассудным, но не мог не вызвать уважения своей мужской храбростью и дерзостью, не побоявшегося и решившегося настоять на своем и побороться за

женщину.

Уильям тяжело вздохнул в трубку, понимая, что Джек Рэндэл не тот, над кем можно одержать победу. По крайней мере, не Рэю. И старику совсем не хотелось похоронить Рэя следом за Куртни. А к тому и шло. Еще одни похороны могут стать непосильным испытанием для его слабого сердца. К тому же, по мнению старика, для настоящего сердцеда, каким, несомненно, являлся Рэй, чем восхищал Уильяма, тоже относящего себя к таковым, смерть от орогаченного мужа — самое унижительное и постыдное поражение. Хотя, обычно, такие именно так и кончают — гибнут от руки разъяренных мужей соблазненных женщин. Но не все, и Касевес был тому живой пример. Но он всегда был благоразумен, осторожен и не лез на рожон, как это делал сейчас Рэй. Рэй нарушил важнейшее правило — не терять голову, и это может стоить ему жизни. Касевес очень бы не хотел, чтобы этот молодой, жизнерадостный и не в меру энергичный парень пал жертвой собственной похоти, тем более, он был единственным из семьи Куртни, кто мог управлять компанией. Если его не станет, компанию приберут к рукам чужие люди. Это было недопустимо в глазах Касевеса. Компания, на которую положил всю свою жизнь его лучший друг Патрик, над процветанием которой так усердно и успешно работала Куртни, продолжив дело отца — и для чего, чтобы в результате плоды трудов этих двух жизней пожал кто-то посторонний? Нет. Кэрол Касевес в расчет не брал. Хоть она и вступит в наследство и станет владелицей компании в случае смерти Рэя, управлять она не сможет. И, скорее всего, компанию приберет к рукам Джек. Конечно, компания от этого только выиграет, заполучив такого управленца, как Рэндэл, но лично Касевес чисто из принципиальных взглядов был категорически против. Во-первых, Куртни хотела видеть на своем месте именно Рэя, а во-вторых, Уильям никогда не испытывал приязни к Рэндэлам, не смотря на глубокое уважение к их непревзойденным профессиональным качествам и уму, что и послужило тем, что однажды он порекомендовал Куртни Рэндэла-младшего себе на замену, когда сам не смог работать так, как прежде. И Касевесу ни разу не пришлось пожалеть о своей рекомендации, и даже вынужден был признать, что молодой адвокат стал лучшим щитом и опорой в бизнесе Куртни, превзойдя своего предшественника. Более того, Рэндэл стал ей другом. Настоящим другом, отдавая делу Куртни больше внимания и сил, чем от него требовалось. И, возможно, Рэндэл больше, чем кто бы то ни было, заслужил привилегию занять место Куртни, но вряд ли ему это было нужно. Скорее всего, совсем не нужно. Душа его навеки отдана другому делу, от которого он ни за что не хотел отказываться. Касевесу было известно, что Джордж Рэндэл не раз предлагал ему податься в политику и строить карьеру уже на этом поприще, но Джек не хотел оставлять свою работу, к которой был так привязан. Многие, и Касевес был в их числе, поддерживали в этом Рэндэла-старшего, считая, что из Джека вышел бы грандиозный политик с его умом, хваткой, дерзостью и непреклонной целенаправленностью. Было также известно, что Джек все же задумался над этим, но пока не предпринимал никаких шагов в новом направлении, которое могло привести его к еще большим вершинам. Исходя из всего этого, напрашивался вывод, что ненужная и не интересная ему более без Куртни строительная компания может стать для него только обузой. Следовательно, все надежды возлагались на одного Рэя.

— Знаешь что, девочка, если ты хочешь, чтобы я разобрался во всей этой каше, которую вы заварили, тебе придется быть со мной откровенной и все рассказать. Все. Начни с того момента, когда ваши отношения с Рэем вышли на новую стадию. Видишь ли, твоего отъезда будет недостаточно для того, чтобы прекратить эту дурацкую войну между Рэем и Джеком.

Если твоему мужу известно о ваших отношениях, он станет мстить. А Рэй не может сбежать и спрятаться, как ты, потому что он нужен здесь, в компании. Поэтому я хочу знать, как обстоит ситуация и насколько Джек в курсе. Единственный возможный способ защитить Рэя я вижу в том, чтобы убедить Джека в его непричастности к твоему исчезновению, и, главное, чтобы он даже не думал о том, что между вами что-то было. Я ясно выражаюсь?

— Да, — выдавила Кэрол. — А вы считаете это возможным?

— Я подумаю над этим, но для этого мне нужно знать как можно больше, чтобы сориентироваться в ситуации.

С пылающим лицом, сгорая от мучительного стыда и испытывая невероятные страдания, она рассказала ему все, начиная с того, как сбежала после панихиды от Джека. Она была уверена, что Касевес в гневе, что он разочарован и возмущен, что его симпатия к ней сменилась отвращением, и возможно, теперь даже откажется ей помочь, узнав, какая она бессовестная и бесстыжая — забралась в постель с Рэем даже раньше, чем похоронили Куртни. И ей даже в голову не могло прийти, что старик, молчаливо выслушивающий ее мучительные и сконфуженные излияния, нежно улыбается.

— Вы меня презираете теперь, да? — не удержавшись, спросила Кэрол, закончив свой рассказ.

— Нет, — серьезно ответил он.

— Нет? Но почему?

Он тихо засмеялся.

— То, что я сделала... это же подлость...

— Ах, деточка, я много пожил и много всяких подлостей повидал. Настоящих. Не надо убиваться, девочка. Ты доказала Куртни свою преданность. Она умирала, зная, что ни разу ты не ответила на притязания ее мужа, что сделала практически невозможное, устояв перед ним. Если честно, я наблюдал со стороны, и я не ожидал, что такая нежная и мягкая девочка, как ты, окажется такой непреклонной и устоит перед его обаянием. Но даже если бы это и случилось тогда, раньше, я бы не стал тебя осуждать. И Куртни тоже, хоть и злилась бы. Потому что оба мы понимали, что Рэй из тех мужчин, которым волей-неволей уступают все. Но мы ошибались. Не все. Ты не уступила. Ты давала ему отпор не один раз и не один год. И именно это говорит о твоей натуре.

— Но ведь я все-таки уступила, — чуть слышно всхлипнула Кэрол. — А не должна была, никогда.

— Почему? — лукаво спросил старик. — Разве тебе было плохо с ним? Уверен, что нет. Куртни больше нет. Что плохого в том, что ты сделала его счастливым после всех страданий, которые ему причинила своим упрямством? Твой муж стал для тебя врагом, он тебя предал, отнял сына и погубил Куртни, и ты осталась одна в такие тяжелые минуты... Нет ничего удивительного в том, что ты потянулась к Рэю. И если бы твоим мужем был не Джек Рэндэл, а кто-нибудь другой, то я бы сказал, что все нормально и сожалеть не стоит. Но вынужден сказать, что это была ошибка, страшная и роковая ошибка. Да, Куртни уже нет, но есть Джек, и его не брать во внимание никак нельзя. Было бы лучше, если бы ты и дальше проявляла свою легендарную стойкость перед Рэем... но ничего уже не поделаешь. Не отчаивайся, Кэрол. Я подумаю. Я защищу Рэя. Я сделаю все, чтобы Джек не узнал о вашей связи, а если он уже догадывается, в чем я, собственно, уверен, тогда придется его переубедить.

— Но как?

— Ах, девочка, разве уже позабыты все мои таланты, которыми я когда-то так блистал и которыми был знаменит? Твой муж не прост, но и я тоже.

В сердце Кэрол затеплилась надежда.

— А я? Вы можете мне скрыться?

— Да, думаю, в сложившейся ситуации другого выхода нет. Тебе действительно лучше уехать. Только я хочу уточнить. Ты хочешь спрятаться не только от мужа, но и от Рэя, как я понимаю? Чтобы он тоже не знал, где ты?

— Да, конечно, — без колебаний ответила Кэрол. — Я хочу исчезнуть из жизни обоих. Пусть Рэй занимается компанией, его место здесь, а я здесь оставаться не могу. От меня одни неприятности, а я хочу, чтобы у него все было хорошо, чтобы он наладил свою жизнь. А если мы будем общаться, он так и не возьмется за ум, и, наверное, не забудет меня. К тому же, если я буду поддерживать с ним связь, об этом рано или поздно узнает Джек, и тогда нам обоим уж точно несдобровать, и никто нам уже не поможет. Нет, я уеду насовсем, обрубая все концы.

— Ты хорошо подумала? Ты уверена, что готова это сделать? Что сможешь?

— Да, я смогу. И у меня просто нет выбора.

— А Джек? Может, все-таки не стоит так сгоряча? Было бы разумным попытаться наладить отношения с ним, и тогда не пришлось бы...

— Нет.

Голос ее прозвучал так решительно и уверенно, что Уильям от удивления замолчал. У него появилось ощущение, что он не все знает. Что есть еще причина, самая главная, которая заставляет ее отказаться от всего и от всех, кого она любила, и так резко и кардинально поменять свою жизнь. И он также чувствовал, что она ему эту причину никогда не назовет.

— Хорошо, Кэрол. Я помогу тебе уехать и по возможности так, чтобы Джек не нашел тебя, но этого я не могу гарантировать. Все усилия могут оказаться напрасными перед Рэндэлом, ты сама это знаешь. Но если ты готова попытаться...

— Я готова.

— Тогда давай созвонимся завтра вечером.

— Из-за Джека и Рэя у нас мало времени...

— Я знаю. Очень мало. И оно работает против нас. Сейчас я займусь тем, что подумаю, а прямо с утра займусь осуществлением твоего побега. Не знаю, как насчет спрятать, а вывезти тебя из города так, чтобы об этом никто не узнал, я могу.

— Как?

— По новым документам на другое имя.

— А...

— Кэрол, пока без вопросов. Завтра вечером я все тебе объясню, а теперь мне нужно подумать. Спокойной ночи.

— Уильям! А Рэй?

— С Рэем будет все в порядке, это я тебе обещаю.

— А Патрик? Без него я не могу уехать.

Касевес тяжело вздохнул.

— Тебе придется. Но потом он присоединится к тебе. Я об этом позабочусь.

— Но когда?

— Кэрол, я не могу ответить тебе на этот вопрос! Я не Господь Бог, мне нужно время, чтобы подумать, чтобы дождаться подходящего момента... Черт возьми, украсть ребенка у

Рэндэлов не такая простая задача!

Кэрол вдруг в бессилии опустилась на пол и застонала.

— Эй, девочка, что с тобой? Тебе плохо?

— Что же я делаю? — прохрипела она. — Я подвергаю тебя такой опасности... я прошу о невозможном... Что же мне делать? Что делать? Наверное, есть только одно место, куда я могу сбежать, никому при этом не навредив — в преисподнюю.

— Ты навредишь этим себе, и, в первую очередь, своему сыну! Сиротой его хочешь оставить?

Кэрол только расплакалась, ощущая себя загнанной в ловушку, из которой невозможно было выбраться, не пролив крови.

— Так, успокойся и послушай меня. Сейчас тебе действительно нужно уехать, а там время покажет. Может, все уляжется, и ты вернешься к мужу. Я с тобой связь терять не буду, и мы с тобой еще сотни раз все обсудим и обо всем поговорим. Без сына ты не останешься, не переживай. За Рэя не беспокойся, о нем я позабочусь. Обо мне тоже не думай, я, хоть и стар, но все еще крепкий орешек, о который Рэндэлы могут сломать свои зубы.

— Ну, ладно...

— Кэрол, — Касевес помолчал. — Я понимаю, что Джека ты ненавидишь, злишься на него и никогда не простишь связи с Даяной и смерти Куртни, и шансов у вас с ним нет. Но... а Рэй? Особенно теперь... Разве ты его не любишь, что с такой решимостью вычеркиваешь из своей жизни?

— Люблю, очень люблю. Потому и не хочу погубить его, как погубила Куртни.

Расположившись в мягком кожаном кресле в своем кабинете в офисе, Джек лениво курил и наблюдал за летающей вокруг него мухой, еще с утра залетевшей в открытое окно и весь день жужжащей у него над ухом. А он весь день за ней наблюдал, предпринимая попытки прихлопнуть, когда насекомое оказывалась в зоне его досягаемости. Но зараза всякий раз оказывалась проворнее и, ускользнув, снова принималась его доставать. Кого-то эта муха ему очень напоминала. И Джек наблюдал за ней с такой ненавистью, словно это было не насекомое, случайно попавшее в его кабинет, а его личный враг.

Он не двигался, следя глазами за ползущей по столу тварью, почти равнодушно ожидая, когда она окажется достаточно близко для того, чтобы он смог ее размазать по столешнице. Но запищавший телефон спугнул несчастную, позволив ей в очередной раз избежать смерти. Неторопливо прикурив новую сигарету, он нажал на кнопку селектора.

— Джек, Зак звонит из Парижа, — раздался приятный голос Сары, который почему-то всегда действовал на него успокаивающе, может потому, что в любых ситуациях оставался всегда теплым и невозмутимым, не меняясь даже когда он начинал орать и материться. С этой секретаршей, занявшей когда-то место Ванессы, у него не было никогда никаких проблем. Это была мечта любого начальника, в том случае, конечно, если ему требовались от нее только профессиональные качества. Она была исполнительна, терпелива и очень сдержанна, что было необходимым для работы с таким начальником, как Джек. Даже если она и обижалась на него, когда он срывал на ней плохое настроение или бывал груб, то никогда этого не показывала. Лишь иногда в глазах ее стояли сдерживаемые слезы. Если Джек признавал, что был не справедлив с ней и через чур погорячился, он извинялся, а иногда даже делал ей маленькие незначительные подарки или по дороге в офис с утра покупал цветы и вручал ей, сглаживая нанесенную обиду. И тогда женщина смущенно

улыбалась ему и забывала обо всех своих обидах, в тысячный раз выбрасывая в мусорную корзину заявление об увольнении. И с гордостью и радостью ставила на свой стол в вазу букетик благоухающих цветов. Прибывая в хорошем настроении, Джек мог принести цветы и просто так, и никто этому не удивлялся. Все знали, что ему по душе его личный секретарь, как и то, что их отношения никогда не переступали за рамки деловых, в чем, возможно, и заключался секрет их нерушимого взаимопонимания. К тому же Сара относилась к тем немногочисленным людям, которым он доверял и в которых был полностью уверен. А после того, как Джек вытащил ее старшего сына из беды, когда того задержали с личным пакетиком героина, который незадачливый парень пытался продать, а потом еще и стащил юнца с иглы, успешно прочистив мозги и убедив пройти лечение в наркологической клинике, да еще выделив Саре немаленькую премию на оплату лечения, женщина в своей безграничной благодарности стала одним из преданнейших ему людей. И он перестал замечать в ее корзине для мусора скомканные заявления об увольнении, даже после вспышек его бурного нрава. Эту женщину ему в свое время подыскал Зак, когда Джек с треском и скандалом вышвырнул ее предшественницу, доставшую его своей безмерной любовью. В данный момент Саре было сорок пять лет, у нее был муж и трое взбалмошных и непослушных сыновей, один несносней другого. Она очень тщательно следила за своей внешностью, что было еще одним плюсом в глазах Джека, может быть, выглядела слегка старше своего возраста, замученная проблемными детками, но на нее всегда было приятно посмотреть. К тому же она была умна, образованна и неболтлива. И Джек был чрезвычайно ею доволен, и не хотел на ее место никакую другую, хоть в офисе и ходили толки о том, почему он, молодой мужчина, не возьмет себе в личные секретари кого-нибудь помоложе и посимпатичнее, а уцепился в эту ханжу не первой молодости, да еще подарки ей подкидывает да цветочки приносит, и она одна была удостоена такой чести и такого внимания. Женщины помоложе, работающие в компании, недоумевали и завидовали, но, как бы не лезли из кожи вон, такого расположения со стороны начальника не удостоивались. С остальными особами женского пола он обращался в своей обычной манере — со сдержанной и прохладной приветливостью, за которыми ясно чувствовались пренебрежение и доля презрения, но не как к личности, а как ко всем женщинам в целом. Чем Сара могла завоевать его симпатию и стать исключением, женщинам было невдомек. И это было излюбленной темой для обсуждения. Иногда Сару подкалывали, делая недвусмысленные намеки на интимную связь с шефом, в которую, впрочем, никто и не верил, а просто пытались задеть идеальную секретаршу, но та всегда пропускала такие намеки мимо ушей. Но Джек, услышав однажды, как поддевают его секретаршу, пришел в ярость и чуть ли не в шею вышвырнул насмешницу из офиса и даже не рассчитал, уволив. После этого все прикусили языки. Более того, завистницы не смели даже взглянуть косо в сторону Сары, и наоборот, стали искать ее расположения.

И сейчас Сара была в маленьком списке тех людей, которые помогали ему в его личной проблеме. Целый день она была занята тем, что составляла списки друзей и знакомых Рэя, у одного из которых тот мог бы спрятать Кэрол, как предполагал Джек. Но он вскоре понял, что это бесполезное занятие и ничего не даст. Список принимал устрашающие размеры, приятелям, друзьям и любовницам Мэтчисона не было конца! К тому же, вовсе не обязательно, что Рэй обратился к кому-то из них за помощью, он мог заплатить денег (которых у него было не меряно) первому встречному за то, чтобы тот предоставил ему на некоторое время свое жилье, а самого поместить в гостиницу, или чтобы тот просто

приютил у себя беглянку. Поэтому Джек отказался от проверки его друзей, сочтя это пустой тратой времени. Даже если эта версия и была верной, и Кэрол находится у одного из его приятелей, пока он, Джек, выяснит, у кого именно, ее там уже может и не быть.

Взяв трубку, он выслушал Зака, который был не только вторым после него в компании, но и самым близким и надежным его другом. Возможно, единственным настоящим другом. Он работал у Джека еще с тех пор, когда тот открыл свою первую юридическую конторку, то есть, с самого начала его карьеры. И он был чем-то похож на самого Джека, благодаря чему они и сблизились. Зак был таким же хищником, как и он, жестким, бессовестным и бессердечным, идущий, не задумываясь, на все для достижения цели, и полностью разделял взгляды Джека на жизнь. И он был не менее умным и талантливым, и мог бы быть опасным для Джека, как конкурент или человек, который мог бы побороться с ним за его место на пьедестале, пожелав стать первым, а не вторым. Но в Заке для подобных намерений было недостаточно честолюбия, к тому же он искренне преклонялся перед Джеком и неизменно считал его лучшим. И в его коварную и умную голову ни разу не пришла мысль предпринять попытку «подсадить» своего начальника и друга. А Джек умел ценить преданных ему людей, а также делать все возможное, чтобы эта преданность не ослабевала. Вот только с женой он облажался, умудрившись потерять ее преданность, в которой он когда-то был уверен больше, чем в чьей бы то ни было. Она снова смотрела на него, как на лютого врага, как после смерти Мэтта, но он смог исправить все тогда, сможет и сейчас. В том случае, конечно, если она оставалась верна ему телом, отвернувшись душой. Душу он может «повернуть» обратно к себе, а вот тело, оскверненное другим мужчиной, уже никогда не очистит в собственных глазах и мыслях. Тело, которое принадлежало ему и только ему, к которому не смел прикасаться никто другой и к которому она не имела права никого подпускать... И от одной только мысли, что это могло случиться, его начинала бить дрожь в безудержном припадке бешенства.

— Джек, он был здесь. Я только что натолкнулся на него у входа. Он сдал ключ от номера и с чемоданом отправился в аэропорт. В гостинице подтверждают, что он снял номер две недели назад и пробыл здесь все это время. Правда, эту ночь он провел не в номере, а у своей старой знакомой, которая когда-то была его любовницей. Я с ней побеседовал, и она оказалась очень приветлива, когда я сунул ей сто баксов. Так вот, она призналась, что он был у нее. Только испугалась, подумав, не его ли жена этим интересуется. Я ее успокоил, сказав, что жена его преставилась, а она еще так обиженно возмутилась на то, что он от нее это скрыл. И с радостью его сдала, заявив, что он всю ночь утешался в ее объятиях.

— Зак, ближе к делу. Ты был на этих гребанных курсах?

— Был. Там три преподавателя. Показал им фотографию, они сказали, что вроде бы, он.

— Вроде бы или он?

— Ну, говорили они не очень уверенно. Вроде бы.

— Тогда это не он.

— Но почему? Профессора уже стары, как мир, с толстенными линзами в очках, а занятия проходили с аудиторией из восьмидесяти двух человек. Вполне возможно, что они не могли запомнить каждого, да и зачем им это нужно?

— Зак, ты его видел?

— Ну, видел.

— Заметил бы ты его в толпе и разве не запомнил бы?

Зак ухмыльнулся.

— Понял, к чему ты клонишь. Да, я бы его заметил и запомнил бы, даже непроизвольно.

— Вот и я о том же! Если бы это был Рэй, он не остался бы незамеченным! У него слишком бросающаяся в глаза внешность.

— Я согласен. Такие красавчики не каждый день встречаются. Но, повторяю, мы имеем дело со стариками, да еще и слепыми стариками! Может, они вообще не привыкли разглядывать аудиторию, читают свои лекции, а на людей даже не смотрят. Когда я учился, у меня были такие преподаватели. А один из этих стариков сказал, что Мэтчисон на его лекциях все время спал, и кроме его белобрысой макушки он ничего и не видел. Еще и подшутил. Говорит: «А нет ли у вас снимка его головы сверху, тогда, мол, я бы точно сказал, эта ли макушка присутствовала на моих лекциях или нет, — Зак засмеялся, в отличие от Джека, не лишенный чувства юмора и обожающий всякие шуточки и колкости. — Забавный такой старикашка!

Но Джек его юмора не разделял и раздраженно постукивал ухоженными пальцами по столу, зажав между ними дымящуюся сигарету.

— Что ж, это уже больше похоже на Рэя. Почти готов поверить в то, что это он дрых на лекциях. Хорошенького же преемника выбрала себе Куртни! Ладно, Зак, возвращайся. И покопайся в регистрационной базе данных аэропорта, а я пока схлопочу для тебя разрешение.

— Хорошо, — согласился Зак, но тихонько вздохнул, потому что чертовски устал и на этот раз считал, что Джек проявляет излишнюю дотошность. Но таков был Джек, и Зак знал его, возможно, лучше всех, включая и темные стороны его характера. Зак был не только другом, но и единомышленником и частенько принимал участие в темных делах Джека, какими бы они ни были. И Зак несколько не удивился, услышав то, что сказал Джек далее.

— Даже если он на самом деле пробыл безвылазно в Париже все две недели, это еще не значит, что он не имеет отношения к ее исчезновению. Он мог и не присутствовать при этом, но нанять людей или попросить кого-нибудь из миллиона своих дружков, самых разных, между прочим, среди которых имеются далеко не примерные граждане, вытащить ее из больницы и припрятать до его возвращения.

— А что с девчонкой, ну, медсестрой, которая дежурила в ночь, когда Кэрол пропала?

— Молчит, сука, как партизанка.

— Что, продолжает утверждать, что невинна, как агнец божий?

— Она высказывает предположение, что Кэрол могла уйти через пожарный выход, который забыли запереть после учебной тревоги, которая, кстати, как раз проводилась днем перед тем, как сбежала Кэрол.

— Думаешь, Кэрол не могла бы заметить, что дверь забыли запереть, и не решилась бы бежать сама, без чьей-либо помощи?

Джек тяжело вздохнул, впервые с момента исчезновения жены выдавая другу свое крайне удрученное состояние.

— Я не знаю, — печально отозвался он. — Она очень изменилась за последнее время. Уже и не знаю, чего от нее ожидать. Ее как подменили. И в голове у нее твориться черт знает что.

Угадав его мысли, Зак поспешил его успокоить.

— Я уверен, что с ней все в порядке. Если бы что-то случилось, мы бы уже об этом знали.

— Если ты о смерти, то это не самое страшное, что может с ней случиться. Лучше пусть сдохнет, чем сделает меня рогоносцем. Мне легче будет найти ее в какой-нибудь канаве, чем в чьей-нибудь постели.

— Джек, она не такая. Ты же сам знаешь. Даже если ее забрал из больницы Рэй, это еще не значит, что она добровольно под него уляжется. А насиловать ее он не станет. Если бы мог, давно бы уже это сделал. Так что не накручивай себя раньше времени, причем, я уверен, зря.

Джек ничего на это ему не ответил и положил трубку. Стиснув зубы, он с силой ударил по столу ладонью, попав, наконец, по злосчастной мухе. Скривив брезгливо рот, он взглянул на останки насекомого на своей ладони и поспешил в туалет, чтобы вымыть руки.

Из аэропорта Рэй приехал домой, чтобы пообедать и переодеться перед тем, как ехать в офис. Приняв с дороги душ, он плотно поел, привел себя в порядок и, запрыгнув с непринужденностью мальчишки в свой бардовый кабриолет, помчался в офис.

Там его встретили с радостью. За свое короткое пребывание в роли нового руководителя, он успел завоевать все женские сердца без исключения. Мужчины относились к нему еще настороженно, но тоже медленно и неизбежно поддавались его обаянию. Многие еще не могли свыкнуться с тем, что Куртни больше нет, и ее место занимает кто-то другой. Большая часть компании боготворила Куртни, трепетала перед ней и склоняла головы. Привыкшие к суровому руководителю, жесткому и требовательному, люди растерялись, когда на смену пришел абсолютно противоположный человек. Мало кто имел честь быть ранее знаком с ее мужем, который никогда носа не показывал в офис. Своим появлением он произвел настоящий фурор. Женская половина встретила своего нового начальника с разинутыми ртами и вытаращенными глазами, и поголовно пришла в восторг. Словно вымершая после внезапной трагедии с директором обстановка офиса была взорвана и мгновенно оживлена появлением нового начальника, столь необычного и интригующего. Мужчины не разделяли восторг и радость женщин, мгновенно пустивших слюни при виде такого роскошного начальника-вдовца. Сильный пол отнесся с сомнением и недоверием к новому управленцу, и смотрели на него, как на обыкновенного повесу, легкомысленного и недалекого богатенького мальчика, и ожидали два исхода из сложившейся ситуации — либо его тут же сожрут в бизнесе, либо он все промотает, пустив по ветру всю компанию.

Но, в общем, его приняли доброжелательно, потому что за ним стоял Касевес. А потом он всем нравился все больше, и противников нового директора становилось все меньше. Даже суровая и ненавистная Свон воспылала симпатией к своему новому начальнику, и всячески поддерживала и помогала освоиться. Другие последовали ее примеру, решив для себя, что новый руководитель вполне по душе коллективу и единодушно задались целью помочь ему справиться с той тяжелой задачей, которая выпала на него после смерти жены. Касевес был доволен, что Рэй так легко был принят, даже теми, кто много лет работал с Куртни и глубоко и о ней скорбел. Открытых недоброжелателей у Рэя не было, были лишь сомневающиеся в нем. За несколько дней, проведенных Рэем в офисе перед тем, как отбыть в Париж, он добился лишь того, что расположил к себе коллектив, но, как считал Касевес, это уже имело большое значение и было самым важным, основой, на которой Рэй мог бы не только продержаться, но и начать строить свой успех. Касевес был доволен. В первом испытании Рэй одержал легкую и быструю победу, оправдав перед Уильямом одно из своих качеств, на которые тот делал ставки — умение нравится людям, располагать к себе и

входить в доверие. С улыбкой он заметил, как оживился офис перед возвращением начальника из Франции. Никогда еще Касевес не видел, чтобы сотрудницы так прекрасно выглядели. Даже самые небрежные и невзрачные, всегда озабоченные только работой трудоголички, теперь сияли, и некоторых старик даже не мог узнать с новыми прическами и под тщательным макияжем, приодетых и источающих ароматы духов. С улыбкой Касевес прогуливался по офису, наблюдая за сотрудниками и перевоплотившейся обстановкой, над которой так постарались женщины, дабы угодить обожаемому руководителю. Особое рвение и волнение проявляла личная секретарша Куртни, но за этим всем был виден страх увольнения. Это была довольно милая и приятная женщина, которая работала в компании уже десять лет, но она опасалась, что такой мужчина, как ее новый начальник, пожелает видеть рядом другого секретаря, какую-нибудь молодую жгучую красотку с ногами от ушей и шикарным бюстом. Все остальные смотрели на бедняжку с сочувствием, не сомневаясь, что ей найдут именно такую замену, потому что одного взгляда на Мэтчисона было достаточно, чтобы понять, что он привык к окружению только роскошных женщин, к которым Виктория, секретарь Куртни, а теперь перешедшая по наследству вместе со всем остальным ему, к сожалению не относилась. Тем не менее, она не теряла надежду, обновила прическу, потратила почти все свои сбережения на пару дорогущих костюмов, чтобы выглядеть соответственно своему начальнику. Впрочем, она всегда следила за собой, потому что Куртни терпеть не могла нерях и серых мышей, но сейчас Виктория почувствовала острую необходимость прыгнуть выше своей головы, чтобы выглядеть не только хорошо, а великолепно, ведь от этого зависело, останется она на своем месте, или окажется на улице безработной. Она лично привела в порядок и подготовила кабинет директора, и с трепетом и затаенным ужасом ожидала появления Рэя.

Он не заставил себя ждать, ворвавшись в напряженную и накаленную атмосферу офиса, как ослепительный луч солнца или порыв свежего озорного ветра. Весь сияющий счастьем и весельем, он помахивал кейсом, как нерадивый школьник портфелем по дороге в учебный класс.

— Привет, девчонки! Ой, какие вы сегодня все красивые, аж дух перехватило! Прямо глаза разбегаются, на кого смотреть и не знаю. Не офис, а конкурс красоты какой-то! Может, я не туда зашел?

Ответом ему были смущенные счастливые улыбки и нежный смех. Женщины растаяли, довольные тем, что их усилия не остались незамеченными.

Касевес, вышедший на его голос в холл, увидел, как он остановился, чтобы поболтать с «девчонками», которые обступили его тесным кружком. Уильям не стал вмешиваться, наблюдая со стороны. Женщины слушали его с сияющими глазами и чуть ли не с разинутыми ртами, то и дело заходясь в веселом дружном хохоте. А Рэй плескался в женском обожании, как шальная рыбка в воде, привыкший к тому, что иначе попросту не бывает. Но Касевес, сердясь на него за то, что он махнул рукой на столь важные для него курсы, нахмурился, смотря на него. Это, конечно, хорошо, что он уже пользуется такой любовью среди сотрудниц, но даже этому должен быть предел. Его легкомыслие и подобное фривольное поведение здесь неуместно. Можно и нужно быть приветливым и обходительным, но тоже в пределах допустимых рамок. Он не должен забывать, что он начальник, а не сердцеед, ныряющий в кучку женщин, как в набежавшую волну. Не болтать языком по часу, как с приятельницами и подружками, вместо того, чтобы занять свое место в кабинете и заняться делами.

Терпение Касевеса лопнуло, когда, оставив, наконец, разомлевших дам, Рэй одарил приветливой улыбкой секретаршу, потом сгреб в охапку вышедшую из своего кабинета, чтобы его поприветствовать, Дебору Свон и со смехом запечатлел звонкий поцелуй в уголок ее рта.

— Привет, красавица! — бросил он и, смеясь, скрылся за дверью своего кабинета, оставив шокированную женщину стоять на месте с расширившимися на пол лица глазами. Все остальные уставились на нее, с любопытством ожидая реакции этой старой девы и непримиримой мужененавистницы. Свон покраснела до ушей, растерянным движением поправила прическу и, вздернув подбородок, прошла мимо сотрудников, пытаясь казаться невозмутимой, но от взглядов окружающих не укрылось то, что она не только не рассердилась на выходку начальника, но и осталась ею весьма довольна, и даже польщена. Но это не охладило негодования Касевеса, который решительно направился в кабинет директора и там незамедлительно высказался.

— Ах, старикан, не брюзжи! — ласково отозвался Рэй и, сорвавшись с места, сгреб его в охапку, поднял над полом и закружил, как ребенка. Касевес задохнулся от возмущения и немедленно вырвался.

— Эй, ты не забывайся! Открой глаза, я не одна из столь обожаемых тобою женщин, не хватало еще, чтобы ты и меня поцеловал!

Рэй только засмеялся и чмокнул старика в лоб.

— А вот возьму и поцелую! Ах, Уилл, ну не сердись! Если бы ты знал, как я счастлив! Так счастлив, как никогда в жизни, представляешь? Я готов переобнимать и перецеловать весь мир!

Касевес хмуро отвернулся.

— Смею тебе напомнить, что еще и месяца не прошло, как ты похоронил жену, и твоя радость и веселье выглядят отвратительно! Хоть перед людьми держись соответственно.

Его слова мгновенно умили Рэя. Улыбка исчезла с его лица, которое приняло виноватое и скорбное выражение. Потупив взгляд, Рэй даже покраснел.

— Ты прав. Вот, дьявол! Я урод... Прости меня, Уилл. Я... я просто потерял голову...

— Ты не имеешь никакого права терять голову с той самой минуты, когда ты сел вот в это самое кресло! В твоих руках то, чем жила Куртни, все ее труды и достижения, о ее отце я уже не говорю, зная, что ты никогда не питал к нему симпатии. Но ради Куртни, ради памяти о ней, ты обязан сделать то, о чем она мечтала — достойно управлять компанией. Кроме того, что ты превратил всех сотрудниц в глупых куриц, кудахтающих от радости и распускающих перья при твоём появлении, я не вижу никаких результатов! Это не курятник, Рэй, и ты здесь не в роли петуха, запомни это! Ты — владелец и управляющий компании, и между тобой и твоими подчиненными должна быть соответствующая дистанция. Дистанция! Ты знаешь, что означает это слово?

— Имею представление.

— Так вот здесь как раз то место, где о ней нельзя забывать.

— Хорошо.

Смерив Рэя строгим взглядом, Уильям уселся в кресло и кивнул ему:

— Садись. Хватит прыгать и скакать, вспомни, что ты директор, а не воробей.

— Уже воробей? А как же петух? — немного обиженно хмыкнул Рэй.

— Ладно, перестань дурачиться, будь серьезней. Давай, рассказывай, как прошли занятия в Париже?

— Нормально. Занятия, как занятия, — безразлично ответил Рэй, подбрасывая на ладони ручку.

— Так расскажи, чему тебя там научили.

— Я просиживал там штаны две недели, а ты хочешь, чтобы я сейчас за раз рассказал все, чем меня там загружали столько времени!

— Загружали? Рэй, тебе это необходимо! Иначе ты просто не сможешь делать хотя бы долю того, что от тебя требуется! Ты должен учиться, учиться и еще раз учиться!

— Научусь.

— Это что, Рэй? Поразительная самоуверенность или беспечность? — Уильям подскочил и вырвал у него из рук ручку, прервав его забавы. Откинувшись на спинку кресла, Рэй устремил на него серьезный тяжелый взгляд, довольно редкое для него явление.

— Послушай, Уилл, не я уселся в это кресло, это вы меня сюда посадили. Раз вы решили взвалить на мои плечи эту империю, значит вы, ты и Куртни, были уверены в том, что мне это по силам. Я, конечно, никогда не мечтал о такой чести, но раз вы приперли меня к стенке, и потому что я пообещал Куртни, я постараюсь не подвести. Постараюсь. К сожалению, это все, что я могу пообещать. Не дави на меня.

— Я не давлю на тебя, просто ты должен понять, что тебе надо приложить максимум усилий. Ты прав, мы с Куртни посчитали, что ты сможешь. И ты действительно сможешь, только для этого тебе нужно захотеть. А ты не хочешь, тебе все равно! Так у тебя ничего не получится. Ты толковый парень, смысленый, схватываешь все на лету. Единственное, чего тебе недостает, и что самое главное — это стремления.

— Нет, как раз-таки с этим все в порядке. Стремления во мне хоть отбавляй.

— Что-то я не заметил, — с горечью бросил Касевес.

— Это меня удивляет. Ты должен был заметить, что во мне проснулось честолюбие, что мне надоело, что меня считают ничтожеством. Я хочу доказать обратное. Это кресло — мой шанс. Я никогда не забуду то, что вы поверили в меня, ты и Куртни. И я из кожи вон вылезу и прыгну выше собственной головы, если потребуется, чтобы вас не разочаровать.

Уильям подавил довольную улыбку. Вот это уже другой разговор! Желание кому-то что-то доказать — это мощный стимулятор, даже больший, чем жажда денег и власти, который гонит вперед эффективнее ударов плетью и многим помогает достигнуть вершин и «прыгнуть выше собственной головы». Но продолжение речи Рэя ему понравилось уже меньше.

— Но сейчас у меня есть другие дела, важнее, которые я не могу отложить. Но обещаю, как только я их улажу, я вгрызусь зубами в это кресло и полностью отдамся тому, чтобы стать достойной и настоящей главой компании.

— Какие еще у тебя дела? Что еще может быть важнее компании?

— Это... это личные дела. Дай мне немного времени, совсем немного. Всего лишь несколько дней. А потом я буду полностью в твоём распоряжении.

— Может быть, если ты со мной поделишься, мы сможем вдвоем решить твои проблемы?

— Спасибо, Уилл. Но нет. Дела мои и решать их мне.

Уильям внимательно изучал его взглядом, а потом спросил:

— А могу я узнать, в чем причина твоего безмерного счастья? Что сделало тебя таким счастливым, как никогда?

Губы Рэя тронула улыбка, но, вопреки ожиданиям Касевеса, он не стал отпираться.

— Ты скоро все узнаешь, дружище. Когда придет время. Кстати, хотел тебя спросить. Как ты считаешь, когда, не нарушая приличий и не оскорбляя памяти Куртни, я смогу жениться?

И Касевес потерял дар речи. Но Рэй пытливо смотрел на него, ожидая ответа.

— Так что? Когда?

Уильям с трудом удержался от того, чтобы не влечь ему оплеуху, дабы привести в чувства. Рэй вздохнул и отвернулся, восприняв реакцию старика, как самое обычное ханжество, который жестоко осудил его за столь поспешное желание сменить статус вдовца на новое обручальное кольцо.

— Смею предположить, что избранница твоя — Кэрол?

— Конечно, кто же еще? Сам знаешь, что я давно уже ее люблю.

— Знаю. Но есть одно «но». Она замужем.

— Формально. Между ней и Джеком все кончено.

— Даже если так, с чего ты взял, что она захочет выйти за тебя?

Рэй резко повернулся и пронзил его вызывающим и неожиданно злым взглядом.

— А почему нет?

— Почему? Из-за Куртни, разве сам не знаешь?

— Куртни? — Рэй подскочил, как ужаленный. — Между прочим, Куртни сама этого хотела и даже настаивала! Она даже дала нам на это свое благословение!

— Вряд ли его даст Джек, — мрачно заметил Касевес.

— Его согласие мне не нужно! Он потерял все свои права на нее... если вообще они у него когда-нибудь были! Он скотина! А я ее люблю!

— Рэй, ты неадекватен, ты строишь замки на песке. Кэрол никогда не выйдет за тебя, в независимости от того, какие отношения у нее будут с Джеком. Вернись на землю, мальчик мой, пока не свернул себе шею!

— Нет, не вернусь! — прорычал сквозь зубы Рэй. — И лучше сверну шею! Спасибо за поддержку, Уильям! Всего хорошего. Ты свободен.

Рэй резко развернулся, повернувшись к Касевесу спинкой кресла, не желая больше продолжать разговор. Уильям поднялся и вышел из кабинета. А Рэй подпер голову рукой и грустно вздохнул. Касевесу удалось испортить ему настроение и омрачить его счастье, отравив его душу сомнением.

Порывисто поднявшись, он схватил ключи от машины и вышел из кабинета, решив немедленно поговорить с Кэрол, но прямо на пороге столкнулся со Свон.

— Мистер Мэтчисон, я хотела вам кое-что показать... Вот договор...

— Не сейчас!

— Вы уходите?

— Да.

— Но... вы же только что пришли.

— Я лишу себя премии за покинутое раньше времени рабочее место, — фыркнул он, удивляя всех этой неожиданной сменой настроения. В таком расположении духа его здесь видели впервые. Заметив недоуменные взгляды, он взял себя в руки и улыбнулся. Нежно коснувшись ладонью локтя Свон, он заглянул ей в глаза.

— Мне нужно идти. Пожалуйста, разберитесь со всем пока сами, я вам полностью доверяю.

Свон внимательно смотрела в красивые синие глаза, которые несколько минут назад

искрились от веселья, а теперь вдруг погрузнели.

— Вы чем-то расстроены? — чуть слышно шепнула она, не отрываясь от его глаз. — Я могу вам помочь?

— Можете, — улыбнулся Рэй. — Будьте здесь главной и займитесь всем тем, чем должен сейчас заняться я. У меня некоторые личные затруднения, которым я вынужден уделить все свое внимание. Но как только я их решу, я вернусь к работе и приложу все усилия, чтобы учиться дальше и стать тем, кем хотела видеть меня Куртни. Я понимаю, что я никогда не смогу стать таким руководителем, как она, и вряд ли буду ей достойной заменой, но надеюсь, что хоть что-то из меня получится.

— Напрасно вы так в себе не уверены, — также тихо возразила Свон. — У вас все получится. Мы все здесь так считаем.

— Спасибо. А вы мне поможете? Вы меня научите?

— И вы еще спрашиваете? Я в вашем распоряжении. И работать с вами мне будет так же приятно, как с вашей женой. Смелее, мистер Мэтчисон. Мы докажем нашим конкурентам, что даже смерть Куртни — это еще не конец и нас рано списали со счетов.

— А что, уже списали? — в голосе Рэя послышалось негодование.

— К сожалению, так. Куртни нет, Рэндэл нас покинул. Компания обезглавлена. Многие восприняли это, как неизбежный крах.

— Это мы еще посмотрим! — разозлился Рэй.

— У нас проблемы, мистер Мэтчисон. Серьезные проблемы, которые могут обернуться для нас катастрофой, если их немедленно не решить. У нас в работе пять крупных объектов, один мы теряем из-за того, что не укладываемся в строго оговоренный в договоре срок. Кредиторы требуют расторжения договоров и возвращения денег, что приведет нас к банкротству. Приобретенный недавно участок под торговый центр оказался непригодным из-за почвы...

— Подождите, — Рэй поднял руку, прерывая ее. — Но почему? Откуда разом столько неприятностей?

Свон потупила взгляд, оторвавшись, наконец-то, от так притягивающих к себе лукавых ярких глаз.

— Многие просто напуганы. Кредиторы, например. Они всегда охотно вели дела с Куртни и никогда ни в чем не отказывали, но теперь, когда ее не стало, поставили на компании крест и боятся потерять свои деньги. Почти все отвернулись от нас, требуют расторжения контрактов, даже наши заказчики. Те, для которых мы уже строим, пошли на попятную, а те, с которыми только собирались иметь дела, отправились к нашим конкурентам. Одним словом, никто больше не хочет иметь с нами дел. Основой компании была Куртни, и все считают что теперь, без нее, все рухнет... вот и разбегаются все, боясь оказаться под обломками...

— Понятно, — лицо Рэя вдруг окаменело, что вообще ему было несвойственно, а во взгляде вспыхнул упрямый огонь. — Тогда давайте работать. Касевес уже ушел?

— Думаю, если поторопиться, его можно догнать, он не мог уйти далеко. Но... вы же собирались уходить? — Свон снова подняла на него глаза, слегка вскинув брови.

— Я передумал.

— Но как же ваши дела...

— Я займусь ими позже. Можете подождать меня в кабинете, а я догоню Уильяма.

— Вы? Давайте, я кого-нибудь попрошу...

— Нет, я сам!

Рэй развернулся и, промчавшись мимо удивленных сотрудников, бросился вдогонку за стариком, не заботясь о том, что подумают его подчиненные. Поймав Касевеса уже на улице, он извинился пред ним и попросил вернуться.

— У нас много работы и есть, над чем подумать. Помоги мне, — просто сказал Рэй.

Столь неожиданная перемена, а также странный лихорадочный огонь в его глазах удивил Касевеса.

— А что произошло?

— Я всем покажу... — задышался от ярости Рэй. — Представляешь, компанию похоронили вместе с Куртни! А меня ни во что не ставят! Со мной никто не хочет иметь дела!

— А какой здравомыслящий человек будет иметь дело с неизвестным ему человеком? — попытался успокоить его Уильям. — Я же говорю тебе, еще многое предстоит сделать. И первое — это дать понять всем, что компания не утратила своих сил и возможностей, и что ты с прежним успехом продолжишь дело.

— Я всем утру нос, вот увидишь! — кипятился Рэй. — Пошли, обсудим все в кабинете, там нас ждет Свон.

Помимо Свон, собрались и другие значимые и ведущие в компании личности, чтобы общими усилиями, объединив умы, не позволить зашатавшейся компании рухнуть. Совещание было долгим и очень напряженным. Дела действительно обстояли крайне неважно. Из пяти объектов, в разной степени готовности, только заказчик одного не запаниковал и не пытался расторгнуть договор. Один из объектов, почти готовый к сдаче, стал одной из проблем. Куртни, никогда не боявшаяся идти на риск, не чуралась выгодных и крупных заказов с весьма жесткими условиями в контрактах, каким и являлся именно этот, на огромный торговый комплекс в Нью-Йорке. Объект всегда сдавался в срок, и неприятностей подобного рода не бывало. И сейчас было бы все в порядке, если бы не вдохновленные смертью Куртни и тем, что Джек Рэндэл освободил компанию от своего покровительства, конкуренты не начали строить козни, что и не позволяло закончить с работами в нужный срок. А в этом случае договор расторгался под предлогом не выполнения обязательств с их стороны, и они теряли и построенное здание и все вложенные в него средства. А сумма была огромной. Свон была уверена в том, что за всеми неприятностями стояли конкуренты, которые напустили страху и на кредиторов и на заказчиков, распространяя слухи о неизбежной гибели компании, руководителем которой стал всю жизнь просидевший на шее у жены легкомысленный шалопай с мозгами мальчишки.

Рэй покраснел, потому что разгоряченная Свон высказывалась напрямую, пересказывая то, что она слышала собственными ушами из уст отворачивающихся от них партнеров и клиентов, но промолчал, внимательно прислушиваясь к дискуссии, но пока не принимая в ней участия. Да на него никто и не обращал внимания, словно его здесь и не было и как будто кресло руководителя было пустым...

Касевес тоже молчал и только слушал.

Помимо всего остального, был еще недавно приобретенный участок под небоскреб в том же Нью-Йорке. Но заказчик отказался иметь с ними дело, когда узнал о смерти Куртни, а Свон, ставшая на время во главе компании, настаивать не стала и согласилась расторгнуть договор, потому что обнаружилось, что почва участка совершенно непригодна для строительства здания таких размеров. В этом вопросе их подставил, казалось бы, вполне

надежный эксперт, который не один год работал с Куртни, но, так как участок был приобретен еще при ней, почему-то предавший ее и так подло обманувший, дав ложное заключение о пригодности участка под заказ. Непримируемая Свон провела собственное расследование и узнала, что этому предателю просто заплатил огромную сумму один из их злейших и давних конкурентов, имевший на Куртни зуб и настолько ненавидящий ее лично, что не побоялся проверить эту аферу под носом ее жестокого цербера, Джека Рэндэла.

И тут Рэй узнал, что крах начался именно с ухода знаменитого адвоката, что послужило тому, что все сразу же решили последовать его примеру, решив, что раз Джек Рэндэл умыл руки, отказавшись иметь дело с новой главой компании, то уж остальным это нужно и давно сделать, пока еще не поздно. Поднятая тема о Рэндэле подавила собой все другие. Все, как один из совещающихся, досадовали на уход адвоката и высказывали мнение о необходимости его вернуть. Кто-то даже открыто заявил, что без поддержки Рэндэла компания обречена. Если она не рухнет сама, ее растерзают конкуренты, как сорвавшиеся с цепей псы, увидев, что охраняющий империю дракон отполз в сторону.

Рэй долго слушал, вникая во все происходящее. Касевес наблюдал за ним, с радостью замечая живой интерес в его глазах. Рэй не был подавлен, как любой бы человек на его месте, казалось, он даже не замечал, что в его сторону даже никто не смотрит, словно он был пустым местом. Постепенно его лисьи глаза стали медленно и хитро прищуриваться, и в них загорелся азарт и возбуждение. Он вдруг понял, что стал участником захватывающей и изощренной игры, например, как игры в покер, где делались большие ставки, где были и шарлатаны и ловкачи, и смысл этой игры заключался в том, чтобы обойти, опередить, надуть, перехитрить и в случае удачи грести себе выигрыши. Вот что есть бизнес. Игра. Кто ловчее и хитрее, тот и в выигрыше.

Кровь быстрее побежала по жилам Рэя, волнуя его, и он потер руки под столом, взглянув на все происходящее совсем по-другому — не как на навязанные и нудные обязательства, а как на новое большое приключение. Его посадили за стол, дали в руки карты и сказали — играй. Почему же он растерялся? Разве он не один из самых азартных, ловких и не очень честных игроков, привыкший обводить вокруг пальца тех, кто бросал ему вызов? И кто сказал, что эта новая игра окажется ему не по силам? Пусть прикроют рты, потому что он возьмет карты и задаст им жару.

Уильям улыбнулся, возликовав. Случилось то, о чем он молился. Рэя захватил азарт, как мальчишку, которому вручили новую игрушку. Пресытившись любовными приключениями и интрижками, он почувствовал вкус чего-то нового и захватывающего. Новое поприще, поле боя, пусть не любовное, но не менее интересное, им еще не изведенное, где он может одерживать свои победы и вести бои, бросать вызовы и водить за нос, дать волю своей склонной к интригам и авантюрам неумемной натуре. И Рэй незаметно для всех улыбнулся, поняв, что перед ним открываются двери в новые, не ведомые ранее развлечения, которые обещали стать захватывающими.

Вызов брошен, карты сданы, ставки сделаны. В него бросили сильные карты. Его ход... Отбиться? Нет, пойти в наступление. Игра пошла нечестная, тем лучше. Играть честно скучно. Куртни предали, обвели вокруг пальца, подсунув негожую землю. Но теперь ее место занял он, а он сам кого хочешь вокруг пальца обведет.

Уильям видел, как он задумался и как все больше его лицо приобретает лукавое хитрющее выражение. «Он похож на лису! Как это я раньше не замечал? — подумал Уильям. — Ну, точно лиса, самая что ни есть настоящая!».

И вдруг Рэй подал голос и на удивление всем присутствующим выдвинул конкретные предложения по решению возникших проблем, которые были встречены оглушительное тишиной.

— Как я правильно понимаю, приобретенный участок ни на что не пригоден? И уплаченные за него деньги из нашего бюджета выброшены на ветер? — почти робко начал он.

Свон кивнула.

— Тогда, если он нам не нужен, давайте его просто продадим и вернем потраченные на него деньги.

— Продадим? Как? — ухмыльнулась Свон. — Разве что под огород какому-нибудь фермеру. Это не вернет и части затраченных нами денег, потому что мы платили за него, как за пригодный для строительства, да еще и в подходящем районе.

— Мы продадим его так же, как его продали нам.

— Обманом?

— А почему нет? Если обманули нас, почему мы не можем сделать то же самое?

— Ни одна компания его не возьмет. Они проверят почву, и на этом все закончится.

— Но вы же попались на удочку, почему вы уверены, что не попадутся другие? Или вы считаете себя самыми глупыми и наивными, а своих конкурентов — умнее и опытнее?

Свон покраснела.

— Мы «попались на удочку», потому что нас подвел человек, которому мы доверяли.

— Вы думаете, на свете таких людей мало, которые за деньги готовы «подвести»? — ни лице Рэя вдруг появилась снисходительная улыбка, словно он разговаривал с детьми. Это всех шокировало.

— Рэй, выскажи конкретно, что ты предлагаешь, — вступил в разговор Касевес, поддержав его.

— Я уже сказал. Спихнуть этот гнилой кусок земли каким-нибудь лохам, если в роли лохов не хотим оставаться мы.

— Мы не можем этого сделать. Это пошатнет репутацию компании, — возразила снова Свон. — Если мы начнем обманывать клиентов, мы их попросту потеряем.

— А компания к этой маленькой авантюрке не будет иметь никакого отношения. Мы продадим участок за не меньшую сумму, что и купили, не распространяясь о том, что он непригоден, а обоснуем все тем, что вынуждены продать из-за того, что сделка с заказчиком небоскреба сорвалась. Продадим какому-нибудь частному лицу или фирме. Например, одному из моих друзей.

— Зачем вашему другу покупать этот участок?

— Чтобы его владельцем стал он, а не мы, и вся ответственность падет на него, когда он всучит землю кому-нибудь другому, — Рэй поднялся с кресла, сверкая глазами. — Или можно зарегистрировать какую-нибудь фирму, продать ей землю, а потом от ее лица спихнуть кому-нибудь.

— Ты говоришь о подставном лице или подставной фирме, которой мы якобы продаем землю, все официально оформляем и делаем вид, что умываем руки. А потом, прикрываясь якобы новым владельцем, от его имени заключаем сделку с каким-нибудь простофилей? — сообразил Касевес.

— Да, именно так. Например, завтра мы с тобой едем к нотариусу и оформляем сделку, в которой ты приобретаешь у меня этот участок. Формально. Ты становишься полноправным

владельцем, о чем будут свидетельствовать подлинные документы. А потом мы подыскиваем тебе покупателя, и ты землю продаешь. Мы получаем деньги, компания ни при делах, ты исчезаешь, или я думаю, лучше будет все-таки, если это будет фирма, аннулируется. Вот и все.

Повисло напряженное молчание.

— Но это же мошенничество чистой воды, — подал голос кто-то.

— Ну и что? Разве мы — не жертвы мошенничества? Главное, чтобы об этом никто не узнал. Не компания заключит эту сомнительную сделку, и не ей будут предъявляться претензии. У меня есть приятель, который не откажется от этой авантюры за вознаграждение. Завтра же мы оформим куплю-продажу, и он станет владельцем этого злосчастного участка. Заключение эксперта о пригодности почвы, надеюсь, сохранили?

— Да, — кивнула явно растерянная Свон, с изумлением смотря на начальника.

— Хорошо. Оно пригодится для заключения настоящей сделки.

— Но вряд ли какая-нибудь компания будет покупать участок у какого-то первого попавшегося проходимца...

— Но почему же? Вы сами говорили, что участок в престижном и хорошем районе, и если бы не непригодность почвы, на нем можно было бы сколотить неплохую прибыль, построив что-нибудь. Место-то удачное, так ведь?

— Так. Очень хорошее место. Но даже если на него и польстятся, прежде чем заключать сделку, могут привести своего эксперта для проверки пригодности земли под строительство.

— А мы с ним поступит также щедро, как поступили с нашим экспертом.

— Не все люди продажны! — резко отозвалась Свон.

— А вот и посмотрим, — улыбнулся Рэй. — Даже если сорвется одна сделка из-за неговорчивого эксперта, выгорит другая, где будем иметь дело уже с другим экспертом. Кто-нибудь, да продается. Страна огромна, интересующихся землей много, и экспертов край не мерянный. А нам торопиться некуда. Так, что там у нас дальше? Кредиторы? Их я завтра же беру на штурм своим волшебным обаянием, — Рэй непринужденно засмеялся. — Люди мне никогда не отказывают. Рэндэл? О нем забудьте. Теперь у вас есть я. Так, что там дальше? Конкуренты, строящие против нас козни? О них я подумаю. Что-то вы говорили о торговом павильоне, который мы не успеваем сдать в срок. Когда должны сдать объект?

— Через неделю.

— А сколько еще работы?

— Минимум на месяц.

— Хотите сказать, что мы потеряем столько денег из-за каких-то несколько дней? — Рэй поморщился. — А что, подогнать рабочих нельзя?

— Дело не в рабочих, а в задержке доставки материалов.

— А нельзя достать материалы в другом месте, а не ждать, пока придут заказанные?

— Но... можно попытаться, но а что делать с тем материалом, который придет по заказу? Выбросить?

— Бросить на другой объект или же вернуть.

— Вернуть? Но мы уже все оплатили...

— Они нарушили сроки поставки? Нарушили. Из-за этого нарушаются и наши сроки. Так что возвращайте назад им их барахло и забирайте деньги. Мы должны уложить за неделю, должны! Наймите еще рабочих, пусть работают непрерывно, и днем, и ночью! Если мы потеряем этот объект, мы потеряем и уважение и доверие. А сейчас допустить это

нельзя. Поэтому надо на него бросить все силы.

— Сделать за неделю то, что рассчитано на месяц? Даже не за неделю, ведь пока я закажу новый материал, пока его доставят, а конкуренты опять подставят подножку и помешают доставке прийти вовремя...

— Тогда давайте еще подумаем, — Рэй уселся в кресло и стал медленно крутится в нем из стороны в сторону, смотря перед собой возбужденно горящими глазами, как у игрока за столом игры в покер... Или как у лиса, обдумывающего, как лучше ему забраться в курятник.

Оставшись в кабинете втроем, Рэй, Касевес и Свон до вечера просидели за столом, обсуждая детали своих планов. Вернее, планов Рэя. Свон всем своим видом показывала, что против всяких афер, но Рэй уже вскочил в седло и мчался вперед во весь опор, и остановить его было невозможно. Умная, холодная и расчетливая Свон, тем не менее, была напрочь лишена воображения и какой-либо склонности к интригам. Она предпочитала идти правильными путями, что казалось ей надежным, и, в случае необходимости, идти танком напролом, а не окольными темными и петляющими дорожками. И она поняла, что ее новый руководитель не разделяет ее тактику. Она с первого взгляда определила, что перед ней плут, но она не ожидала, что этот плут еще и мозгами. Она вынуждена была признать, что это самый очаровательный и милый плут, которого она когда-либо встречала. И ей очень хотелось его поддержать. А задуманная им маленькая афера, приобретая все более четкие очертания, казалась практически безопасной, и, в конце концов, показалась Свон даже забавной. С улыбкой она смотрела на молодого мужчину, раскачивающего в кресле, который как мальчишка с неумной энергией не мог усидеть на месте, к тому же возбужденный своей новой игрой. Похоже, их новый директор довольно веселый и озорной человек и с ним будет интересно. И не такой уж бестолковый, как поспешили подумать многие. Надо же, кто бы мог подумать, что у Куртни, этой сухой черствой мегеры, такой молодой и приятный муж, да к тому же такой милашка. И по нему совсем не скажешь, чтобы он убивался за женой. Но она все время была у него на устах, особенно, когда он говорил о работе, и было очевидно, что он перед ней преклонялся. Свон никогда не питала особой любви к Куртни, но уважала ее и побаивалась. И она недолюбливала мужчин. Вся компания была уверена в том, что она сожрет мужа бывшей начальницы и приберет дело себе. Свон действительно так и собиралась сделать. Со своим будущим начальником она познакомилась на панихиде, и была ошеломлена, увидев перед собой самого красивого мужчину, которого она когда-либо встречала. Тогда, на панихиде, он был совсем не таким, как сейчас. Он показался ей потерянным и ошеломленным горем, а от взгляда блестящих от сдерживаемых слез глаз, в которых застыло страдание, у нее дрогнуло сердце. Она поняла, что у нее нет никакого желания ему вредить. Но в компанию он пришел уже другим, ничем не напоминая того человека, которого она видела на панихиде. Следы горя исчезли, взгляд был озорной и веселый. Но Свон заметила, что он как-то весь напрягается и цепенеет, когда входит в кабинет Куртни, а в первый день так и не сел в ее кресло. Да и сейчас он явно все еще ощущал себя не в своей тарелке на ее месте. А еще до его отъезда в Париж, Виктория, с которой Свон находилась в тесной дружбе, как-то шепнула ей, что застала Мэтчисона с мокрыми глазами, когда он сидел за рабочим столом своей жены. Об этом стало известно всем, и всеобщее мнение о том, что он не печалится о жене, сменилось убеждением, что он просто превосходно умеет держать свое горе в себе. А то, что он все время говорил о ней, лишь подтвердило в глазах людей то, что она не покидала его мыслей. Только и слышно

было — Куртни да Куртни. И с такой теплотой он о ней говорил, с такой нежностью, с таким безграничным восхищением, что все начали верить в то, что он свою жену боготворил. Свон это стало неожиданно раздражать, и она с удивлением обнаружила в себе что-то, похожее на ревность. В ней появилось навязчивое желание понравиться ему, завоевать хотя бы долю того восхищения, которым он одарял свою покойную жену. Она не любила мужчин потому, что у нее никогда не ладилась личная жизнь и отношения с сильным полом. Она привыкла считать, что вполне может обходиться и без мужского внимания. И обходилась. А теперь ее взгляд так и тянулся к лукавым озорным глазам того, кто стал ее начальником, она часто ловила себя на том, что украдкой разглядывает его с таким пристальным вниманием, с каким давно уже не смотрела на мужчин. Будучи довольно холодной женщиной, она была шокирована тем, что не только в его присутствии, но и при одном воспоминании о нем, она испытывала самое, что ни есть настоящее и довольно сильное сексуальное возбуждение. Такое с ней было впервые за все ее сорок лет. Она была растеряна и не могла сосредоточиться на работе, сосредоточившись на том, чтобы никто не заметил, что с ней происходит. И она уже злилась на всех сотрудниц, поголовно влюбленных в него. А те, что были свободны от уз брака, уже строили планы по завоеванию соблазнительного вдовца. И только одна Свон знала, что в его сердце уже есть женщина, и это не его жена.

Еще на панихиде она заметила, какими влюбленными глазами он смотрел на Кэрол, и это поразило Свон настолько, что она даже не поверила своей проницательности и решила, что ей просто показалось. Ведь Кэрол была его дочерью, которую он привез от какой-то своей бывшей любовницы. По крайней мере, все в компании так думали. Ни Куртни, ни Кэрол никогда никого в компании не посвящали в тайны их семьи. Правда, однажды пошла толка из-за газет, в которых напечаталась скандальная статья о Кэрол, но эту статью никто не воспринял всерьез и решили, что это козни в адрес Джека Рэндэла. Кэрол хорошо знали в компании, и никто бы никогда не поверил в то, что она маньячка-психопатка, шлюха, а особенно в то, что она якобы соблазнила мужа Куртни и что он Кэрол не отец. Все знали, что Кэрол мухи не обидит, а Куртни она боготворит. Свон видела, как Рэй бросился сломя голову за Кэрол, которая одна из первых вышла из церкви по окончании панихиды. Подгоняемая любопытством, Свон поспешила следом, чтобы понять, что происходит. Видела, как пылко хватал он за плечи Кэрол и что-то говорил с умоляющим выражением лица, как подошел к ним какой-то огромный парень, натравив своего пса на Рэя, и собака укусила его за ногу. Создавалось впечатление, что незнакомец хотел защитить Кэрол от Рэя, что, несомненно, так и было, потому что девушка немедленно убежала. А потом Свон видела короткую резкую перепалку между Рэем и Джеком и, хоть и не слышала их слов, поняла, что оба друг друга ненавидят. И не удивилась, когда Джек не пожелал работать с новым директором — они на дух друг друга не переносили. Интересно, почему?

Когда Рэй пришел в компанию и занял руководящую должность, Свон спросила его о Кэрол, как она себя чувствует, когда приступит к работе и будет ли работать здесь вообще.

— Она немного приболела, но она обязательно вернется на работу. Как же иначе? — ответил ей тогда Рэй, и Свон не могла не заметить, как загорелись его глаза, когда он заговорил о девушке.

— Конечно, ваша дочь обязательно вернется, чтобы вас поддержать, — закинула удочку Свон. Он с изумлением посмотрел на нее.

— Дочь? Боже, эта история стара, как мир, неужели есть еще кто-то, кто в нее верит?

— О чем вы говорите, мистер Мэтчисон?

— Вы решили надо мной подшутить? — улыбнулся он.

Свон недоуменно похлопала ресницами.

— Но разве Кэрол не ваша дочь, которую вы привезли еще девочкой...

— Неужели вы не знаете? Поверить не могу... Куртни и Кэрол до сих пор всем говорили, что я ее отец?

— А разве это не так?

Рэй был ошеломлен и озадачен, не понимая, к чему и зачем Кэрол и Куртни продолжали разыгрывать здесь, в компании, этот маскарад. Его это разозлило.

— Кэрол мне не дочь. Это было недоразумением. Между мной и нею нет никаких родственных связей, но от этого я люблю ее еще больше, — ослепив Свон своей прекрасной улыбкой, он на этом закончил разговор. А Свон теперь знала ответы на свои вопросы, но все держала при себе. Мэтчисон влюблен в Кэрол, отсюда и враждебные отношения с ее мужем. Свон не сомневалась в том, что Кэрол не вернется больше в компанию, Рэндэл ей не позволит. А Рэй даже не пытался скрывать своих чувств к девушке, ведь он практически напрямую заявил о них Свон, хоть его слова и можно было понять иначе. Уж не красивая молоденькая блондиночка являлась теми самыми «личными затруднениями», которым он вынужден уделить все свое внимание, сбегая из офиса, едва в него войдя? Судя по всему, так и есть. Оставалось только одно невыясненное обстоятельство, которое Свон рассчитывала вскоре узнать — является ли Кэрол любовницей Мэтчисона или же он об этом только мечтает. Свон придерживалась первой версии, потому что считала невозможным то, что такого мужчину можно отвергнуть. Хотя, с другой стороны, будь Свон замужем за Джеком Рэндэлом, она бы хорошенько подумала, прежде чем наставлять ему рога, даже с таким мужчиной, как Мэтчисон...

Во всей компании Свон была единственной, кто докопался до всего этого, а она не спешила с кем-либо делиться этой информацией. Она вообще не была сторонницей сплетен и так называемых разговоров по душам с промыванием чьих-нибудь костей. И она была встревожена, опасаясь того, что Мэтчисон перебежал или хочет перебежать дорожку Рэндэлу. Исподтишка наблюдая за Рэем и думая, что с ним может случиться что-нибудь плохое, она испытывала почти физическую боль, что позволило ей сделать для себя открытие, которому она не знала радоваться или огорчаться — что за столько короткий срок, почти не зная мужчину, она полюбила его так, как никогда никого не любила за всю свою жизнь. Это чувство было восхитительным и сладким, но ей почему-то хотелось рыдать и чуть ли не повеситься. Она подозревала, что эта любовь будет для нее непосильной пыткой, если останется безответной. Но почему бы не попытаться, зачем сразу опускать руки и от отчаяния лезть в петлю? Да, она уже немолода и не настолько красива, чтобы заинтересовать мужчину, разбалованного женской любовью. Но ведь Куртни была еще старше нее и вообще красотой не отличалась. Свон всегда считала себя намного привлекательнее ее. Но, тем не менее, он был ее мужем долгие годы, он любил ее, хотя вряд ли хранил верность. Но это было неважным в глазах Свон. Требовать верности от такого мужчины просто глупо, а Куртни была мудрой женщиной. Наверное, поэтому и удерживала подле себя такого красавца столько лет. Свон тоже была умна. Почему бы не попытаться? Свон умела бороться и добиваться. Правда, она никогда не пыталась бороться за мужчину, считая это ниже своего достоинства, но... может, это потому что она никогда раньше не встречала мужчин, стоящих того, чтобы за них бороться? За любовь такого мужчины

бороться не унижительно. Он стоил того. И Свон приняла решение сделать все, чтобы тот, от которого она только усилием воли могла оторвать свой взгляд, стал принадлежать ей. Она поняла, что это был тот, кого она ждала всю жизнь и уже не надеялась встретить. Подумать только, он столько лет был совсем рядом, а она даже не знала об этом.

Мысли о работе сбивались настойчивыми мыслями о ее долгожданной любви, Свон не могла собраться, была растерянной и не в меру взволнованной. Касевес не мог этого не заметить, потому что никогда прежде не наблюдал у этой хладнокровной и сдержанной женщины подобного поведения. Не укрылось от его внимания и то, как она смотрит на Рэя, который, поглощенный внезапным интересом к работе, этого не замечал. Или умело делал вид, что не замечает. Сделанное открытие не понравилось Касевесу. Свон была превосходным специалистом и железной деловой женщиной и имела большое значение для компании, она прекрасно работала все эти годы и вложила немало труда в процветание компании, и было бы обидно ее потерять только потому, что она по уши влюбилась в своего начальника, который, как следовало ожидать, ее любовь оставит без внимания. Рэй никогда не питал слабости к бизнес-леди, если, конечно, они не обладали потрясающе привлекательной внешностью, и вряд ли станет искать себе вторую Куртни, к которой никогда не испытывал влечения. А Свон женщина гордая, к тому же, если она влюбилась — это уже серьезно, потому что такого явления Касевес не мог припомнить с тех пор, как она стала работать в компании. Это значит, что безразличие со стороны Рэя станет для нее смертельной раной, и она уйдет, чтобы не мучить себя созерцанием его равнодушия.

Касевеса охватила досада. Обаяние Рэя было как полезным, так и вредным, как спасительным, так и губительным. Любовь Свон была совершенно лишней и ненужной и могла обернуться для компании катастрофой. Она была и не из тех женщин, с которыми можно было бы покрутить роман и закончить на дружеской ноте. Она из тех, кто берет или все, или ничего. Так что даже если Рэй переспит с ней пару раз для пользы дела, это не разрешит ситуацию. Скорее всего, будет только хуже, если на этом все и закончится.

Но Касевес решил предоставить всеми любовными делами заниматься Рэю самому. Что-что, а в этом деле, выражаясь деловым языком, парень был профессионалом, превосходно разбирался в женщинах и умел с ними управляться мастерски. А у Касевеса и без того забот хватало.

Они покинули кабинет только вечером, составив четкие планы действий по решению возникших затруднений и запланировав на завтра визиты к кредиторам и заказчикам, и целью Рэя было произвести на них настолько благоприятное и доверительное впечатление, чтобы у них снова появилось желание иметь дела с компанией и лично с ним, что, впрочем, было одним и тем же. Рэй в успехе не сомневался.

Попрощавшись с Касевесом, который сел в свою машину и отправился домой, Рэй последовал его примеру. Он намеривался заехать домой, переодеться, принять душ, одним словом подготовиться к свиданию с возлюбленной, к которой рвались и его сердце, и тело, и мысли о которой преследовали его постоянно, как и неуправляемое желание. Потом он незаметно выскользнет из дома, на тот случай, если Джек за ним наблюдает, в чем он даже не сомневался, заберет со стоянки машину, которую он позаимствовал у друга специально для этой цели, и осторожно поедет в свой райский уголок, где его ждала его богиня. Но прежде он хотел проехаться по ювелирным магазинам, чтобы выбрать кольцо для той, которую мечтал видеть своей невестой, а потом и женой. Поэтому ему нужно было поторопиться, чтобы успеть купить кольцо до того, как магазины закроются.

И вдруг его резко подрезал массивный черный внедорожник, заставив ударить по тормозам и остановиться, чтобы избежать столкновения. Разразившись отборным матом, Рэй в ярости выскочил из машины и бросился к ставшей на его пути машине. И удивленно остановился, когда открылась дверь, и навстречу ему вышел Джек.

— Привет, — медленно проговорил он с холодной улыбкой.

— Рэндэл, что б тебя... Это еще что за выходки? Какого хрена ты мне под колеса бросаешься? Жить надоело?

— Мне нет. А тебе?

Рэй нахмурился.

— И мне — нет.

— А мне думается, что надоело. Садись-ка в машину, поговорить надо, — Джек повернулся к нему спиной и распахнул сильнее дверь, собираясь сесть в машину, словно был уверен в том, что Рэй уже запрыгивает в машину, следуя его приказу.

Но Рэй развернулся и направился к своей машине.

— Да пошел ты! Не о чем мне с тобой разговаривать, Рэндэл!

Джек обернулся.

— Струсил, что ли?

— А ты меня на понт не бери. Катись, куда катился на своем корыте, дороги у нас с тобой разные.

Джек пожал плечами и снова отвернулся, усаживаясь в машину. Но другая дверь резко распахнулась и оттуда выскочил его громила-африканец.

Рэй быстро запрыгнул в машину и повернул ключ в замке зажигания, но с места тронуться не успел. Схватив его своими железными руками, африканец выдернул его из машины и, скрутив так, что захрустели кости, потащил к внедорожнику. Не смотря на отчаянные и яростные сопротивления, он затолкнул Рэя в салон и тут же с такой силой ударил, что тот потерял сознание и рухнул на сиденье. С усталым вздохом Зак вышел из машины, а африканец занял его место рядом с Джеком, который тронулся с места и, развернув машину, неторопливо влился в оживленное движение на шоссе. Тем временем Зак сел в бардовый кабриолет Рэя и не без удовольствия покатил по трассе, придя в искренний восторг от великолепной спортивной машины и отметив про себя, что Мэтчисон знает толк в хороших тачках. Или знал...

Не зная, чем себя занять, Кэрол до обеда провалялась в постели, потом навела порядок в квартире, приготовила ужин из того, что нашла в холодильнике. Пересмотрела вещи, которые купил для нее Рэй. К своему удивлению, в ящике она обнаружила даже косметику, и не абы какую, а именно ту, которую предпочитала. Помимо декоративной косметики, ящик был завален баночками и тюбиками, Кэрол даже нашла средства для ухода за волосами. Она была поражена тем, что здесь было только то, что было ей нужно. Откуда Рэй мог знать, какой ей нужен крем для лица или, например, оттенок крем-пудры? Как мужчина может разбираться во всем этом? Не мог же он определить все на глаз. Оставалось только подумать, что Рэй знает о ней гораздо больше, чем она предполагала и чем ему нужно. Даже ее муж никогда не интересовался содержимым ее косметички и всякими подобными женскими принадлежностями, которыми были забиты ящички ее трюмо. А подобная заинтересованность Рэя с целью знать о ней все до мелочей походила уже на фанатизм какой-то. А она даже не замечала, что он так внимательно и тщательно ее изучал, наблюдал и все подмечал. Зачем? Может, он даже знает, какими средствами контрацепции она пользуется? Видимо, все-таки не знал, потому что ничего такого Кэрол не нашла. А вот именно это и не помешало бы. Она уже начинала волноваться из-за проявленной ими беспечности. Ладно, она потеряла голову настолько, что кроме удовольствий забыла обо всем на свете, но он-то умудренный опытом общения с женщинами мужчина, и, насколько Кэрол знала, не смотря на все многочисленные любовные похождения, он никогда не подхватывал никаких болезней, и детей у него не было. Впрочем, это ее не удивляло. Он не походил на мужчин, допускающих беспечность в связях с женщинами. Поэтому она недоумевала, почему он не думал об этом сейчас. Ну не мог же он тоже до такой степени лишиться головы, как она? Или это означает, что он ничего не имеет против, если она забеременеет? А может, он не может иметь детей, только ей об этом не известно?

С самого утра Кэрол не покидали эти мысли, и тревога ее росла. Еще сон... Ей приснилось, что она беременна. К вечеру она уже настолько заиклилась на этой мысли, что была уже почти уверена, что так и есть. Ее переполнял ужас. Боже, как же она могла быть так легкомысленна? Если Джек узнает... А он непременно узнает, если она не уедет. Что делать, если это действительно случилось? Аборт. И тут она вспомнила пророчество Габриэлы. Она предрекала ей скорую беременность и сразу двух детей, близнецов. Вспомнила Кэрол и данную клятву не делать аборты. Но это невозможно! Она не могла родить от Рэя, это же просто кошмар, нелепость!

Кэрол отогнала от себя эти мысли, пытаясь убедить себя, что она сама выдумывает несуществующую проблему. Она не могла взять и вот сразу забеременеть, как после первой же близости с Джеком. Это не может случиться с ней дважды. Или может? Она старалась не думать об этом. Она напрасно нервничает. Все обойдется. А когда придет Рэй, она не позволит ему к себе прикоснуться, пока он не позаботится о том, чтобы их связь осталась без последствий. Она с трепетом и волнением ждала его, предвкушая горячую бессонную ночь. Она поймала себя на том, что мечтает о его объятиях, что с нетерпением ждет, когда откроет ему дверь и он набросится на нее с поцелуями, страстный, пылкий и вместе с тем

бесконечно нежный.

Она тщательно привела себя в порядок, искупалась, надела купленное им вызывающе соблазнительное белье, набросив сверху полупрозрачный пеньюар, подкрасилась. Потом долго расчесывала белые волосы, сидя перед зеркалом. Они изменились только в цвете, оставаясь все такими же густыми, шелковистыми, и даже блеск сохранили. Только теперь он был иной, серебристый. С удивлением Кэрол разглядывала свое тонкое лицо в обрамлении белоснежных вьющихся локонов. Она все еще не могла привыкнуть. Но не могла не заметить, что это ничуть не отразилось на ее красоте. Ей даже шло, как ни удивительно. Но все равно Кэрол не терпелось покрасить волосы, чтобы вернуть себе прежнюю внешность.

Она поговорила с Касевесом. Он сообщил ей, что Рэй благополучно вернулся из Франции, блеснул сообразительностью и умом в офисе и вечером отправился домой. Документы и билеты для нее будут готовы завтра. Все остальное она узнает при встрече. Кэрол не без смущения сказала, что ей нужен светлый парик, рассказав, что теперь она абсолютна седая. Уильяма эта новость шокировала, но он не подал виду. Лишь сказал, что в таком случае, лучше воспользоваться темным париком, чтобы впоследствии ее не так легко было опознать по фотографии, когда Джек станет переворачивать вверх дном вокзалы и аэропорты.

Закончив разговор, Кэрол с взволнованно колотящимся сердцем и с все возрастающим нетерпением стала ждать Рэя. Время шло, но его не было.

В полночь Кэрол уже металась по комнате из угла в угол, ломая от переживаний руки. Ее начало трясти.

Не выдержав, в приступе отчаяния и страха, она бросилась к телефону и набрала номер Касевеса.

— Его нет, — сообщила она дрожащим и осипшим от ужаса голосом.

— Не паникуй, — отозвался заспанный старик. — Сейчас я позвоню ему домой, может, он просто решил не рисковать и не ехать к тебе сегодня, чтобы Джек за ним не проследил.

— Тогда почему он мне не позвонил?

— Кэрол, подожди, я же сказал, сейчас позвоню и узнаю, — он положил трубку, но его охрипший от охвативших его переживаний голос, хоть он и старался это скрыть, лишил Кэрол остатка самообладания. Опустившись в кресло, она прижала сжатые кулаки к губам и тихо завывала от отчаяния.

Он бы пришел, обязательно пришел. А если бы не смог, позвонил бы.

Это Джек. Проклятый Джек. Что он с ним сделал? Жестокий, безжалостный изверг! Как глупо было надеяться на то, что его можно провести! Где сейчас Рэй? Что с ним? Что с ним делает этот зверь? Или уже сделал? Подумав о том, что в эти самые минуты сердце Рэя уже может не биться, Кэрол с трудом сдержала вопль безумной боли.

Упав на колени, она сцепила дрожащие руки и стала горячо молиться.

— Господи, не допусти! Помогни ему, сохрани ему жизнь! Господи, ну услышь меня хоть раз, помоги, помоги! Мы совершили грех, я знаю, но накажи меня, меня одну, но не его! Я в этом виновата, только я! Я предала Куртни, поступила бесчестно, отвратительно! Он всего лишь мужчина, за что его наказывать? Я уеду, я оставлю его, только пусть он живет! Я знаю, что это не мой мужчина, что он принадлежит Куртни, даже после смерти. Я не посягаю. Я уйду. Только пусть он живет. Куртни, Куртни, прости меня, прости нас... помоги ему, Куртни! Ведь ты так его любила...

Ее молитвы прервал телефонный звонок. Вскочив на ноги, Кэрол сорвала трубку и

прижала к уху.

— Кэрол... — голос Уильяма стал совсем сиплым. — Боюсь, случилось то, что и следовало ожидать. Дороти сказала, что он не приезжал домой вечером. И не звонил, чтобы предупредить ее, что не придет. Еще... еще я позвонил Джеку домой. Его домработница сказала, что его нет...

Кэрол опустила в кресло, чувствуя, как начинает неметь тело.

— Мы должны что-то сделать... — простонала она. — Мы должны найти его... помочь...

— Мы ничего не сможем сделать. Ни найти, ни помочь. Мне жаль, Кэрол... Нам остается только ждать и молиться. Тебе нужно уходить оттуда, девочка. Джеку уже может быть известно твое местонахождение.

— Уходить? Но куда?

— Приезжай ко мне.

— Нет... нет... чтобы он подумал, что вы помогли мне от него прятаться... Я никуда отсюда не уйду, — в оцепенении говорила Кэрол. — Пусть приходит и делает со мной все, что хочет. Если Рэй за это поплатился, то я тоже должна... Если он умер из-за меня... я... я тоже готова...

— Не говори глупости, Кэрол! Сейчас же одевайся и сваливай оттуда!

— Нет, я буду здесь. Вдруг Рэй придет, — в голосе ее послышалась мучительная надежда. — А если придет Джек... я плюну ему в морду! Рэй его никогда не боялся, и я не испугаюсь! Пусть меня убивает, все равно я не смогу жить, если он убил Рэя... Я позвоню тебе, Уильям, попозже, сообщу, пришел Рэй или нет... Он придет, обязательно придет, Уильям, ты только не переживай. У тебя ведь сердце... Все обойдется. Джек не тронет его.

Она положила трубку, ни на миг не поверив собственным словам.

Если Джек знает, что Рэй стал ее любовником, это конец. И для Рэя, и для нее. Она знала, что никогда больше не увидит Рэя. Никто его не увидит. Он бесследно исчезнет, и обвинить в этом Джека будет невозможно.

Подтянув ноги, Кэрол сжалась в кресле, обнимая урну с прахом Мэтта. Бояться не надо. Она снова будет с Мэттом, а что может быть прекрасней? С Эмми, Мадлен, Куртни, Рэем... со всеми, кого так любила и кто ее покинул. Патрика только жалко, что без мамы расти будет. Но, наверное, Джек найдет ему другую маму, а ее он забудет.

Она больше не ждала Рэя. Теперь она ждала Джека. Она встретит его с гордо поднятой головой, без страха. Она не боялась его, оглушенная бедой, постигшей Рэя. Она ненавидела Джека. Что ж, подождем... Она ощущала в себе силы и мужество, готовая посмотреть в стальные пронзительные глаза того, кто еще совсем недавно был защитой и опорой, другом, мужем, любовником, семьей и смыслом ее жизни... Как все изменилось за такое короткое время. Она не рассчитывала на то, что Джек простит. Он не умел прощать. Она была замужем за монстром.

Она была готова. Готова исчезнуть бесследно, как и Рэй...

Всю оставшуюся ночь она звонила Уильяму, но так и не дозвонилась.

Что с ним? Почему не берет трубку? Куда он мог уйти в глубокую ночь? Она надеялась, что он отправился спасать Рэя, но сама в это не верила. Уильям сразу сказал, что его невозможно найти. Если бы был шанс, Касевес бы им воспользовался и не сидел, сложа руки. Кэрол не позволяла себе думать, что с ним тоже что-нибудь случилось. Это было

невыносимо.

Небо за окном начало светлеть, когда она расслышала, как закрылась входная дверь, и в прихожей раздались тихие шаги. Судорожно прижав урну к груди, Кэрол медленно поднялась с кресла и замерла, не отрывая широко раскрытых глаз от проема двери, в котором вот-вот должен появиться ее ночной гость...

Рэй очнулся, когда на него вылили ведро холодной воды, и, открыв глаза, обнаружил, что он сидит на полу, уткнувшись лицом в стену, а запястья его пристегнуты наручниками к батарее. Огромный африканец с ведром в руках отступил в сторону, и Рэй увидел перед собой Джека. В черных рубашке и брюках, он со своей безупречностью и элегантностью совершенно не сочетался с царившей вокруг обстановкой. Оглядевшись, Рэй увидел, что они находятся в грязной пустой комнате с полуобвалившимися стенами, из чего сделал вывод, что его притащили в какое-то заброшенное здание.

— Что это, Рэндэл? Твоя новая квартира? — усмехнулся Рэй, усаживаясь на полу поудобнее. — А что, для гостя стульчика не найдется?

Джек молча смотрел на него холодными серыми глазами, поблескивающими в свете фонаря, стоявшего на обломках стены. Лицо его было неподвижно, как лик каменной статуи, но в каждой его черточке застыла холодная ненависть. Пристально изучал он взглядом сидящего на полу мужчину, как если бы видел его впервые, и во взгляде его было презрение, задевшее Рэя за живое. Неужели, говорил его взгляд, она могла променять меня на это ничтожество?

— Что ты на меня уставился, урод? Ты совсем охренел, Рэндэл? Что это значит? — Рэй в ярости заколотил наручниками по трубам. — Что ты себе позволяешь, гаденыш?

Джек оставался все таким же невозмутимым, будто и не слышал его, достал из кармана рубашки пачку сигарет и вытащил одну из них зубами. Дрожащий свет от зажигалки, на мгновение осветивший его лицо, позволил Рэю уловить, как чуть заметно исказились его правильные черты в легкой гримасе жестокой, ищущей выход злобы. Сердце Рэя тревожно забилось, но он отогнал прочь всколыхнувшийся в груди страх, и вызывающе встретил невыносимый взгляд, который, казалось, доставал до самой души, заставляя ее съежиться и забиться куда-нибудь в самый дальний уголок в попытке спрятаться.

— Ну, хватит мне глазки свои строить, говори, чего тебе от меня надо! Что за представление ты устроил и для чего? Прямо боевик какой-то — похищение посреди города у всех на виду, заброшенный дом, наручники... еще этот черный эфиоп, как черт какой-то из преисподней... Захватывающе, конечно, и это приключение, которое ты мне устроил, может, и понравилось бы мне, если бы у меня не трещала башка от удара этого милого негритенка! Говори! Не для того же ты меня сюда притащил и приковал к трубам, чтобы разглядывать! Чего ты так внимательно на меня смотришь, а? Или я настолько соблазнителен, что даже ты не остался равнодушен к моим чарам? — Рэй хрипло засмеялся. — Тогда, извини, Рэндэл, но ты не в моем вкусе, даже если бы я предпочитал мужчин.

Губы Джека дрогнули и скривились, глаза загорелись еще большей неприязнью. Наклонившись, он схватил Рэя за волосы и несколько раз с безжалостной силой ударил его лицом о трубы, с наслаждением наблюдая, как оно заливается кровью, заставляя своего пленника застонать от боли. Кровавая пелена вдруг поплыла у Джека перед глазами, кровь вскипела, внутри что-то взорвалось, окатив его огненной волной. Он услышал собственное

нечеловеческое рычание. Потом он вдруг почувствовал, как чьи-то стальные пальцы сжали его плечо, и от боли пришел в себя, обнаружив, что Рэй превратился в жалкий, залитый кровью комок страдающей плоти, безжизненно повисший на руках, пристегнутых к трубам.

— Если вы его убьете, то так и не узнаете, где она, — раздался рядом низкий глубокий голос Хока.

Джек отступил назад, тяжело дыша. В глазах его медленно прояснялось. Хок протянул ему дымящуюся сигарету, и Джек сделал глубокую затяжку, чтобы успокоиться и взять себя в руки. Потом отшвырнул сигарету и, схватив Рэя за волосы, повернул лицом к себе.

— Где она?

Веки его разомкнулись, и с красного от крови разбитого лица на Джека блеснули ясные голубые глаза, вновь разозлившие Джека своей дьявольской красотой, которую он смог подпортить на его физиономии. Что ж, ничто не мешало ему выколоть эти глаза, имевшие такую странную власть над женщинами, и дальше безобразить и уродовать этого самовлюбленного петуха, мнившего себя Аполлоном и дерзнувшего раздражать его столько времени. Давно надо было поставить его на место.

— Где она? — нетерпеливо повторил Джек.

— Кто?

— Моя жена.

— Твоя жена? — удивился Рэй и растянул окровавленные губы в усмешке, из залитого кровью рта продемонстрировав порозовевшие крупные ровные зубы. — Так это ж твоя жена, почему ты у меня спрашиваешь? И разве она не в больнице? У тебя что, память отшибло? Хорошо, тогда я тебе напомню — ты упек ее в психушку, урод! Зачем? Если она тебе не нужна, отпусти ее, зачем же губить девчонку?

Глаза Джека сузились, испепеляя Рэя своей злостью.

— Не советую тебе притворяться сейчас. Лучше тебе быть со мной откровенным.

— По-моему, я всегда был откровенным, за это ты меня и ненавидишь.

— Ты имеешь ввиду то, что открыто волочился за моей женой, даже не пытаешься скрыть свою похоть?

— Да, а еще то, что никогда не скрывал свое отношение к тебе! Моя откровенной всегда тебя бесила, Рэндэл, а теперь ты к ней взываешь? С чего бы это? И почему ты считаешь, что я притворяюсь? В чем? В том, когда говорю, что ты урод? Это откровенно, Рэндэл, более того, от всего сердца! Ты не веришь? Ладно... давай серьезно, — Рэй перестал улыбаться и внимательно взглянул на своего мучителя. — Почему ты спрашиваешь у меня о Кэрол? Разве она не в больнице?

— Нет, она не в больнице, и я думал, ты мне расскажешь, где она.

— Я? Почему я?

— Потому что это ты похитил ее из больницы.

— Рэндэл, ты что, совсем спятил? Я только сегодня прилетел из Парижа и весь день просидел в офисе! А когда она пропала?

— Как раз тогда, когда ты находился здесь, в городе.

— Сегодня?

— Нет, не сегодня. Ты хитер, Рэй, но не настолько, чтобы провести меня. Я знаю, что ты вернулся из Парижа и все эти две недели пробыл здесь, подсунув вместо себя кого-то, кто на тебя внешне похож. Я даже готов был поверить в то, что это действительно ты дрых на лекциях в Париже, если бы служба аэропорта не предоставила мне другую информацию.

— Понятно, — Рэй тяжело вздохнул. — И что? Если я сбежал с этих нудных лекций, это еще не значит, что я кого-то похитил!

— Тогда к чему все эти предосторожности и маскировка?

— Да чтобы Касевес не узнал... и все остальные в компании. Они думают, что я прошел курс занятий и доволен...

— И не знают, что у тебя как не было мозгов, так и нет, и никакие занятия не помогут им появиться! Говорил я Куртни, что посадить тебя в кресло управляющего, все равно, что своими руками уничтожить компанию!

— Это мы еще посмотрим!

— Мы отвлеклись. Кэрол где?

— Да не знаю я, где Кэрол! Ты идиот, Рэндэл! Может, с ней что-нибудь плохое случилось, а ты вместо того, чтобы ее найти, меня донимаешь! Отпусти меня, я сам ее найду, если ты не можешь. В отличие от тебя, мне не все равно, где она и что с ней! Когда она пропала? Как это произошло? Как ты допустил? Довел девчонку до отчаяния... Я убью тебя, сволочь, если с ней что-нибудь случится!

Джек скривился.

— Не распаляйся, Рэй, все равно не поверю. Ты говоришь много лишнего, а я задал тебе всего лишь один вопрос и жду ответа — где Кэрол?

— Ты глухой, Рэндэл? Я не знаю, где Кэрол! Но очень надеюсь, что где-нибудь подальше от тебя. А теперь сними наручники, если это все, о чем ты хотел со мной поговорить.

— Что ж, не хочешь сказать сам, я тебе заставлю, с огромным удовольствием, — Джек с улыбкой наклонился и прижал окурок к его лицу. Вскрикнув, Рэй отвернулся, пытаясь спрятать лицо за скованные руки.

Засмеявшись, Джек снова коснулся дымящимся кончиком сигареты его кожи.

— Ты у нас за здоровый образ жизни, да, Рэй? Сигареты в рот никогда не брал... попробуй, может, понравится. Фу, как противно воняет твоя подпаленная шкура. А почему ты не куришь? Заботишься о своем здоровье и внешнем виде? Думаешь, это позволит тебе жить вечно? Или сохранит тебе красоту? О, это такие хрупкие вещи, мой друг, и жизнь, и красота. Вчера они были, а сегодня уже нет. Я сейчас могу уничтожить в один миг все то, о чем ты так заботился всю жизнь. Нравится быть красивым? Спортом занимаешься, мышцы свои качаешь, чтобы красоваться ими перед женщинами... А толку от твоих мускулов, когда ты пристегнут к трубе, разве они помогут тебе? Ну, давай, защищай то, о чем печешься всю жизнь — свою внешность, свою жизнь, здоровье, — Джек зажег новую сигарету и продолжил развлечение, прижигая ему шею и руки, которыми Рэй прикрывал лицо. — Ну, может, вспомнил, где моя жена?

— Я не знаю! — прорычал Рэй сквозь стиснутые зубы.

— А зачем же ты тогда вернулся из Парижа? Разве не для того, чтобы устроить побег Кэрол?

— Нет! — в исступлении закричал Рэй. — Чего ты привязался ко мне со своей Кэрол? Я вернулся сюда к женщине, и это не твоя Кэрол!

— Вот как? И что же это за женщина?

— А это тебя уже не касается! Свою личную жизнь я с тобой обсуждать не собираюсь! Но если тебя так интересует, как я провел эти две недели, я тебе скажу — в постели со своей новой девчонкой! Это куда приятнее, чем протирать штаны на идиотских лекциях в Париже!

— А как же твоя великая любовь к Кэрол?

— О мою великую любовь она всегда только ноги вытирала... — голос Рэя задрожал от обиды. — Я к ней со всей душой, а она... она только об одной Куртни всегда и думала. Всегда! А я... я для нее был всего лишь помехой в их отношениях... Куртни, Куртни, Куртни, всегда одна только Куртни! А на меня ей всегда было наплевать! А почему? Разве я меньше ее любил, меньше, чем Куртни? Почему ты требуешь у меня ответа в том, где она? Разве не унизила она меня у тебя на глазах, разве не отказалась от меня? Ты не помнишь, что она сказала? Куртни больше нет, а ты мне не нужен — вот ее слова, и я никогда их не забуду! Ей не нужна моя забота! — гримасничая, процитировал Рэй со злостью. — Ну и ладно, не нужна — и черт с ней! Я тоже человек, я мужчина, а не тряпка, чтобы ноги об меня вытирать! Да у меня в ногах все бабы ползают, и я не какой-то сопливый мальчишка, чтобы вымаливать милости у какой-то зацикленной на предрассудках девчонки! С меня хватит! За кого ты меня принимаешь, Рэндэл, если думаешь, что я буду рисковать шкурой ради той, которая всегда только и делала, что унижала меня и причиняла боль, которая ненавидела меня за то, что я не был верен ее обожаемой Куртни, и за то, что я просто мужик, который, как и любой другой, не смог бы остаться равнодушным к ее прелестям... — он задохнулся, получив от Джека удар в челюсть. — Чего ты злишься, Рэндэл? Сам же хотел, чтобы я говорил откровенно. Да, у тебя соблазнительная жена, но не настолько, чтобы я до конца жизни ползал за ней, как жалкий пес, вымаливая ласки, и терпеливо сносил пинки. Если я ей не нужен, тогда она мне тоже не нужна. И вообще, моя независимость и свобода начинают мне нравиться — у меня море денег и целый мир роскошных женщин! Меня все устраивает. У меня новая жизнь, Рэндэл, и я бы хотел, что бы ни тебя, ни твоей кровопийцы-жены в ней не было. Как когда-то вы говорили мне, сейчас говорю я вам — отвяжитесь от меня! А ты, выместил на мне все свои обиды? Теперь мы квиты? Тогда предлагаю разойтись и никогда больше не встречаться.

— Хочешь меня убедить в том, что ты отказался от Кэрол?

Рэй возмущенно вскинул брови.

— Представь себе, после стольких лет у меня вдруг лопнуло терпение! Или ты считаешь, что оно у меня вечное? Или на моем месте ты поступил бы иначе, а, Рэндэл? Посмотри на меня! Думаешь, помимо Кэрол мне нечем занять свою постель? Да знаешь, какая туда очередь... Так что подавись своей Кэрол. А обо мне пусть больше не вспоминает, можешь так и передать. Я никогда не прощу ей того, как она поступила со мной...

Джек уселся на стул, и, закинув ногу за ногу, затаился, изучая Рэя взглядом, в котором вдруг появилась насмешка.

— Что ж, насчет очереди я осведомлен. Что правда, то правда. Вся женская половина компании выстроилась. Да, дел у тебя по горло, не спорю. У меня тоже. Поэтому закончим наш разговор, и разойдемся. Идет?

— Идет, — прохрипел Рэй. — Не очень-то приятно с тобой беседовать, Рэндэл.

— Что ж, а мне наш разговор нравится. А если бы ты говорил мне правду, нравился бы еще больше.

— Какую еще тебе правду говорить? Я все сказал.

— Неужели? Расскажи, как тебе моя жена... в постели?

Рэй поднял на него глаза, удивленно встретив его пронизательный взгляд. Джек раздраженно поднялся, раздосадованный тем, что не может разгадать этого человека, который либо умел превосходно притворяться и водить за нос даже его, либо на самом деле

был искренен. Со всей своей пронизательностью, Джеку до сих пор не удалось ни за что зацепиться, чтобы уличить его во лжи. Даже синие глаза не лгали. А Джеку всегда было достаточно только посмотреть в глаза, чтобы понять лжет человек или говорит правду. А сейчас получалось, что если верить глазам Рэя, он был сама невинность. Только Джек не верил в это, хоть ему и очень хотелось. Вид беспомощного мужчины, который так открыто бросал ему вызов все время их знакомства, его красивое, вечно молодое лицо, разбитое и красное от крови, следы ожогов на его коже вызывали в Джеке ни с чем не сравнимое удовольствие. Он готов был припомнить ему все, до мелочей, и наказать.

— Разве ты не поимел ее в мотеле перед тем, как привезти на похороны? — Джек сузил глаза, и Рэй заметил, как они вдруг почернели. — Сама отдалась или силой взял?

— Твоими бы устами, Рэндэл... К сожалению, отдается она мне только в моих мечтах, а вот силой я не могу... никогда не мог. Да и унижительно это, женщину принуждать...

Взорвавшись, Джек подскочил к нему и, схватив за рубашку, встряхнул.

— Что ты мне тут лепечешь, мразь? Да она пьяна в стельку была, ты был бы не ты, если бы упустил случай и не трахнул ее! Она сама-то хоть помнит это?

Джек ахнул от изумления, когда Рэй вдруг резко ударил его лбом в переносицу.

— Да пошел ты, ублюдок! Я бы никогда ее не обидел, слышишь, ты! Если бы она захотела, я был бы счастлив, но она слишком любит Куртни... Потому я и отступил, когда понял, что даже после ее смерти она меня к себе не подпустит. Не из-за верности или любви к тебе, Рэндэл, не потому, что я ей не нравлюсь, и она не хочет меня — нет! Не родилась еще та женщина, которая бы меня не захотела, понял, гаденыш? Это все ее глупая фанатичная преданность Куртни! И бороться с ней бесполезно! Потому я и умыл руки. Но если тебе так хочется думать, что я спал с твоей женой — валяй, я не против. Всю жизнь мечтал наставить тебе рога, и не буду противиться, если ты решил сам их себе прилепить. Могу рассказать тебе о своих фантазиях, чтобы ты лучше представлял себе ее в моих объятиях... Ха-ха-ха, Рэндэл, ну ты и идиот! Да если бы мне удалось сломить эту строптивицу, ты бы первым узнал об этом! Это же такое удовольствие, увидеть, как перекосилась бы твоя морда, когда бы я тебе сказал, что трахал твою жену! И это удовольствие стоит того, чтобы рискнуть ради него шкурой и до такой степени тебе досадить. Я бы даже рассказал тебе все в подробностях...

Джек взглянул на молчаливого Хока, неподвижной безучастной статуей застывшего в углу. Тот подошел к Рэю, который замолчал, увидев в его огромной руке нож. Не меняясь в лице, с пугающей невозмутимостью африканец стиснул железными пальцами руку Рэя и медленно стал вводить под кожу лезвие ножа.

Рэй захрипел, сдерживая вопль боли. В глазах у него потемнело, его бросило в пот, и ему показалось, что он теряет сознание. Он застонал, но острая сталь продолжала истязать его руку. На мгновение нож замер, перестав кромсать мышцы, и до Рэя, как издали, донесся голос Джека:

— Все еще будешь утверждать, что не спал с ней?

— Как тебе будет угодно, Рэндэл. Спал, если тебе так хочется... только не трогай меня...

— Мне нужна правда, а не одолжения! Говори правду!

— Нет уж, боюсь, эта правда меня без руки оставит. Лучше я скажу то, что тебе хочется услышать.

Сквозь пелену в глазах Рэй увидел перед собой освещенное светом фонаря лицо Джека.

— Больно?

Рэй сглотнул, пытаясь промочить слюной пересохшее горло.

— Сволочь ты, Рэндэл...

— Так что, не спал?

— Ох, достал... Нет. Не повезло. Зря дергаешься, придурок. Вроде бы умный, а ведешь себя как дурак.

— Ты знаешь, где она. Где?

— Я же сказал, я не знаю. Я даже не знал, что она не в больнице, — Рэй не выдержал и закричал, когда африканец возобновил свою пытку.

— Эй, красавчик, хочешь поглядеть на свою кость, уже видно, — прошептал Хок. — Лучше говори, где блондиночка, пока я все мясо с костей не снял.

Но Рэй обмяк, лишившись от боли чувств. Убрав нож, Хок выпрямился.

— Он не знает. Иначе бы уж сказал, — сказал он, пристально изучая бесчувственного мужчину. — Он не похож на героя, который из-за женщины станет так мучиться. Он слабак, разнеженный и разбалованный плебей, вся его храбрость и дерзость — это на публику. Он даже не может вытерпеть боль. Ведь я даже еще не начал, а он уже в обморок свалился!

Джек тоже внимательно разглядывал Рэя. Наклонившись, посмотрел на искромсанную руку, безвольно висевшую в кольце наручников, из раны лилась кровь, уже пропитав рукав и, стекая вниз, расплывалась бардовым пятном на боку. Джек скривился, разглядев, что в ране действительно виднеется кость...

— Перетяни чем-нибудь, а то истечет кровью, — бросил он Хоку и отошел. Африканец разодрал на Рэе рубашку и перевязал израненное предплечье. Потом похлопал его по щекам, приводя в чувства.

Мужчина медленно открыл глаза и поднял на него затуманенный страдальческий взгляд. Джек подошел к нему и смерил надменным взглядом.

— С возвращением. Что ж ты такой слабенький, а, Рэй? В обмороки падаешь, как девица, при виде крови. А всегда кичился, строя из себя настоящего мужчину. Вот видишь, как оно, не в мускулах мужская сила и не в дерзких словах мужество. Признаться, я разочарован.

Он замолчал, ожидая ответа, но Рэй промолчал и, подтянувшись на скованных руках, сел и прислонился плечом к холодным батареям. С некоторым удивлением посмотрел на порезанную руку, которая почему-то судорожно дрожала, как будто ее бил нервный тик. Превозмогая боль, Рэй сжал кулак, пытаясь унять судороги, пробирающие его изрезанные мышцы.

— Ну, не вспомнил, где Кэрл?

Рэй молчал.

— Что ж, хорошо. На этом и закончим. Я ее все равно найду, не сомневайся. А за то, что ты не захотел пойти мне навстречу, ты дорого заплатишь. Нет, я не убью тебя, не бойся, — Джек снова сунул в рот сигарету и отошел, бросив Хоку равнодушное. — Кастрируй его.

Обернувшись, Джек улыбнулся, увидев как и без того большие глаза Рэя расширились на пол лица от такого приговора. Он подтянул ноги, прижав колени к груди, как будто хотел защититься таким образом и не подпустить к тому, на что покушались. Африканец схватил его за щиколотки и грубо рванул, вытянув длинные мускулистые ноги и заставив мужчину растянуться на полу, повиснув на руках. Подавляя отчаянные сопротивления, Хок уселся на его крепкие бедра и, положив нож ему на живот, начал неторопливо растегивать на Рэе

брюки. Задыхаясь от ужаса, Рэй следил за его руками. А Джек, стоя в сторонке, наблюдал за ним. Даже кровь на лице Рэя не помешала ему увидеть, как тот побелел, отчаянно дергаясь в попытке помешать африканцу.

Оторвав взгляд от его лица, Джек перевел его на брюки, которые Хок резко стащил с Рэя вниз по бедрам. Рэй замер, сразу почему-то почувствовав себя беззащитным, словно штаны были каким-то щитом, прикрывающим его, без которого он стал уязвим и беспомощен. Взяв нож, африканец коснулся лезвием его тела, заставив крупно вздрогнуть.

— Рэй, даю тебе последний шанс, — подал голос Джек. — Скажи, где Кэрол, и уйдешь отсюда целым и невредимым. Мужчиной.

Рэй сомкнул веки и сжал кулаки, пытаясь унять дрожь в теле.

— Я не знаю... — чуть слышно ответил он.

Он не видел, как Хок и Джек обменялись взглядами.

— Приступай, — велел Джек.

Рэй с трудом сдержался от вопля ужаса, почувствовав холод стали на своей плоти. Но нож лишь прикоснулся, но боли пока не причинял.

— Он весь дрожит, — заметил Хок. — Он умрет, не выдержит.

— Думаешь?

— Уверен.

Джек подошел к ним и склонился над Рэем. Тот открыл глаза и посмотрел на него, тяжело дыша от ярости и страха.

— Что, в штаны наложил, храбрец? — усмехнулся Джек.

— Давай поменяемся местами и посмотрим, какой ты храбрец, когда тебе начнут отрезать яйца! — прорычал Рэй, багровея от бешенства, быстро вытесняющего из него страх.

— Что ж, живи, сучонок, — процедил сквозь зубы Джек, вложив в эти слова всю свою неприязнь. — И благодари за это Куртни, царство ей небесное.

Хок улыбнулся, натягивая Рэю брюки обратно, так же неторопливо и тщательно застегнул их, и только потом поднялся. Отстегнув наручники от трубы, он поднял Рэя на ноги и скрепил ему запястья за спиной.

Джек стиснул пальцами подбородок Рэя, повернув к себе его лицо, и заглянул в горевшие яростью глаза.

— Только учти, если ты опять попадешь мне под ноги, я тебя не пощажу. А если вдруг захочешь отомстить за нашу сегодняшнюю беседу, сам себя и накажешь, но не меня. Я тебе не по зубам, ничтожество. Хочешь жить — держись от меня в стороне. Что же до Кэрол... считай, что ты меня убедил. Я скорее поверю в то, что ты действительно не знаешь, где она, чем в то, что в тебе столько мужества, что, защищая ее, ты готов был расстаться со своим дражайшим сокровищем. Но ты его непременно потеряешь, если приблизишься к моей жене.

— В гробу я тебя видел, Рэндэл, — прошипел Рэй и, вырвавшись из его цепких пальцев, отвернулся.

Африканец вывел его на улицу и усадил в машину. К удивлению Рэя, это был его кабриолет. Джек скрылся на внедорожнике, а Хок неторопливо уселся за руль кабриолета и, напевая какие-то варварские песни, покатил по дороге. Рэй обессилено оперся плечом о дверь, закрыв глаза и стиснув зубы, молча страдая от боли в руке и избитом теле. Но сердце его радостно билось. Он был удивлен. Когда он очнулся в этом полуразвалившемся здании, прикованным наручниками к трубам, он понял, что живым он оттуда уже не уйдет. Но Рэндэл его отпустил. Почему? Неужто вправду поверил в то, что он не причастен к

исчезновению Кэрол? Как-то не верится в наивность Рэндэла. Этот сученок просто поражал своим умом и прозорливостью! Но в то, что он, Рэй, не прикасался к Кэрол, он все-таки поверил, потому что в противном случае, Рэндэл бы его не отпустил. В этом Рэй был уверен. Джек был убежден в том, что Кэрол никогда не уступит ему, верил в то, что ее преданность Куртни и любовь к ней — лучшая защита от соблазна ответить на его любовь.

Стало быть, даже если Рэндэл все же считает, что он помогает Кэрол скрываться, то он думает, что девушка по-прежнему держит его на расстоянии, и уверен в том, что он не станет ее насилловать. А может, и правда поверил в то, что он не имеет к этому никакого отношения. Что ж, возможно именно убежденность Рэндэла в том, что он ничтожество и слабак, и спасло ему жизнь. Рэндэл его недооценил. Что ж, Рэй и сам не знал раньше, что в нем столько упрямства, которое может стоить ему жизни. Он думал о том, что сейчас приедет к Кэрол, сожмет ее в объятиях и будет наслаждаться своей победой, пока хватит сил.

Но Хок привез его в какой-то домик и, выгацив из машины, повел внутрь. Рэй был слишком обессилен и измучен, чтобы сопротивляться. Но там какой-то человек, судя по всему, доктор, обколол его раненную руку, отчего боль сразу утихла, и потом наложил швы. Рэй покорно отдал себя в руки врача, почти не ощущая боли от иглы, кромсающей его руку. Когда незнакомец наложил повязку и подвесил руку на бинт, перекинутый через шею, Хок принес Рэю стакан с доброй порцией виски. Рэй молча выпил, после чего доктор занялся его лицом.

Вскоре Хок остановил кабриолет у дома Рэя и вышел из машины.

— Будь осторожен, белый. Твоя отвага вызывает уважение, но не позволяй, чтобы она переросла в безрассудство. Я бы огорчился, если бы мне пришлось тебя убить, потому что настоящих мужчин не так уж и много осталось в нашем времени. Надеюсь, мы больше не встретимся. Прощай, белый.

Рэй проводил его удивленным взглядом, потом вздохнул и, поставив машину в гараж, поднялся к себе.

Осторожно обмывшись, стараясь не намочить повязку, он смыл остатки крови, а грязную одежду засунул в мусорную корзину. Потом оделся и, разбудив Дороти, велел ей каждому, кто бы ни поинтересовался, говорить, что он выпил снотворного и крепко спит. В дом никого не пускать. Старушка сквозь слезы таращила на него заспанные глаза, разглядывая разбитое лицо и перебинтованную руку. На ее вопрос, что с ним случилось, Рэй ответил, что подрался в баре. Потом отправил старушку обратно в постель, повелев ни о чем не беспокоиться, а сам выскользнул через черный ход и, убедившись, что его никто не видит, поспешил на стоянку, где стояла машина, в которой он увозил из больницы Кэрол. А на углу улицы он заметил черную небольшую машину, стоявшую так, что его дом был превосходно виден тем, кто мог находиться в салоне. Рэй не удивился, уверенный в том, что Джек приставил к нему слежку. Но еще не было такой слежки, от которой бы он не смог уйти.

И вскоре Рэй уже мчался по ночному городу, под светлеющим небом, на черной неприметной машине, почти не чувствуя усталости и дискомфорта в избитом теле, с трудом управляясь раненной рукой, онемевшей от анестезии и не желающей подчиняться. Он ощущал себя измученным и больным, но душа его пела и ликовала и, опьяненный предвкушением встречи с Кэрол, он ощущал себя таким же счастливым, как и несколько часов назад, когда ехал к ней, до того, как Рэндэл ему помешал. Рэй огорчился, вспомнив, что так и не купил кольцо, чтобы сделать Кэрол предложение. Ничего, он сделает это завтра.

Вернее, уже сегодня. У него много дел, и он займется ими, только сначала немного отдохнет.

В квартире было темно, лишь из спальни был виден слабый свет торшера. У Рэя сжалось сердце, когда он подумал, что Кэрол могла уйти. Подойдя к спальне, он остановился и вздохнул с облегчением, увидев девушку.

Кэрол стояла, прижимая к груди урну, прямая, с гордо вздернутым подбородком, но сразу поменялась в лице при виде Рэя. Быстро поставив урну в кресло, она со стоном бросилась в его объятия и разрыдалась.

Он прижал ее к себе, улыбаясь, с наслаждением вдыхая запах ее волос и тая от упоительного счастья при виде ее слез из-за него.

— Живой! Ты живой! — стонала она, с таким отчаянием сжимая его в объятиях, словно боялась, что он может исчезнуть. — Ах, Рэй, где же ты был? Я чуть с ума не сошла... я думала, что уже никогда не увижу тебя...

— Успокойся, любимая, не плачь. Все хорошо. Я не мог тебя предупредить, извини, — он погладил ее по голове, а потом заскользил ладонями по ее телу, соблазнительные формы и тепло которого не мешала ему ощущать тонкая ткань пеньюара. Кэрол подняла к нему залитые слезами глаза и со страданием на лице коснулась пальцами его припухших разбитых скул. По щекам ее снова побежали слезы.

— Это Джек? Это он сделал? Тебе больно? О-о, а что у тебя с рукой? Кровь... смотри кровь пропиталась сквозь повязку. Что с рукой?

— Ничего, милая, ерунда. Все заживет.

— Я же говорила... говорила... — Кэрол закрыла лицо руками, уткнувшись головой ему в грудь. — Он же зверь... Он все знает, да?

— Нет, ничего он не знает. Если бы знал, я бы сейчас перед тобой не стоял. Я выкрутился. Это главное.

— Выкрутился? — Кэрол снова взглянула на него, не веря в это. — Но как тебе удалось? Рэй тяжело вздохнул и грустно улыбнулся, отводя переполненные болью глаза.

— Удалось, как видишь.

Кэрол внимательнее всмотрелась в его избитое и необычно бледное лицо, и сразу заметила, как оно осунулось, отчего казалось похудевшим и измученным. Сердце ее заныло, когда она попыталась представить, какой была для него эта ночь, и что он пережил. Зная Джека, она понимала, что Рэю пришлось нелегко. Но поразительно, что он сумел выскользнуть из цепких рук Джека! Как? Неужели перехитрил?

Она хотела расспросить обо всем, но заметила, что Рэй с трудом держится на ногах, а в глазах его появилась мука, которую он уже не в силах был скрывать.

— Ложись, — обняв за талию, Кэрол подвела его к кровати и, откинув покрывало, осторожно уложила его на мягкие простыни. Откинувшись на подушки, Рэй закрыл глаза, подавляя гримасу боли, искажившую его лицо. Руку пронзала нарастающая боль, как будто нож африканца снова ковырял его мышцы. Тело налилось тяжестью и непреодолимой слабостью, казалось, каждая косточка, каждый мускул, каждая клеточка ныла и болела от перенесенных побоев. Ожоги, оставленные сигаретой, горели. Почувствовав себя в безопасности, рядом с Кэрол, он вдруг совсем обессилел, не в состоянии больше сопротивляться своему изможденному состоянию.

— Рэй, тебе плохо? Тебе надо в больницу...

— Нет, я уже был у врача. Со мной все в порядке. Пожалуйста, помоги мне раздеться.

Кэрол расстегнула пуговицы на рубашке и осторожно сняла ее с него.

С недоумением она стала разглядывать маленькие темные пятнышки на его шее, груди, на лице.

— Что это? — прошептала она и, освобождая его руки от рукавов, заметила такие же пятна и на руках. — Это ожоги? Боже мой... что он с тобой делал?

Она застонала, сжавшись рядом на краешке постели. Приподнявшись, Рэй взял ее за плечи и притянул к себе. Обняв ее, он положил ее рядом, страстно целуя в губы.

— Что бы он ни делал, это не помешает мне тебя любить, — прошептал он, развязывая пояс на пеньюаре.

Неторопливо он раздвинул полочки, открывая себе на обозрение прекрасное тело в роскошном белье, в котором он грезил ее видеть. Мгновенье он просто смотрел на нее, тяжело дыша.

— Ох... какая же ты... — простонал он и зарылся лицом в пышную нежную грудь. Пальцы девушки погрузились в его волосы, она выгнулась навстречу его ласкам, прикрыв от удовольствия глаза.

Он опустился на спину, отдаваясь во власть ее рук и губ, стремящихся унять его боль и утешить взбудораженную душу, переполненную гневом от пережитых унижений и издевательств. Что ж, Кэрол это компенсирует. Ее ласки — это гораздо большее унижение для Рэндэла, чем то, которому он подверг его, Рэя. И не смотря на свое избитое тело, Рэй ощущал себя победителем. Боль уступила место наслаждению, заставив его забыть обо всем неприятном, что произошло с ним, он думал только о женщине, прекрасной, соблазнительной, любуясь ее восхитительным телом, которое столько лет не давало ему покоя, изводя мучительной страстью.

— Рэй... — Кэрол села ему на живот, возвышаясь над ним своей дерзкой обнаженной красотой и позволяя ему ласкать свое тело не только взглядом, но и жадными нетерпеливыми руками.

— Что? — прохрипел он, задыхаясь от переполнявшего его желания и не желая больше ждать ни секунды, и погладил ее бедра, притягивая к себе. Но девушка неожиданно напряглась, воспротивившись.

— Я не хочу так больше... мы должны быть осторожнее, — дрожащим от возбуждения голосом сказала Кэрол.

— О чем ты? — бездумно отозвался он и, сев, впился в ее рот, прижимая ее к себе все плотнее.

— О том, что если ты не бесплодный, то я могу забеременеть! — раздраженно ответила Кэрол, уже сама страдая от нетерпения и злясь, что не может, как раньше, забыть обо всем и просто отдаться безумству их страсти. Она злилась на него, потому что он об этом не думал, не позаботился о безопасности, чтобы они могли, ни о чем не заботясь, предаваться удовольствиям.

— А-а... хорошо... — также бездумно ответил он и, сжав ладонями ее ягодицы, приподнял и медленно опустил, погружаясь в ее тело.

— Что — хорошо?

— Если забеременеешь.

Девушка дернулась в его объятиях и попыталась вырваться.

— Эй! Ты чего? — очнулся он. — Я что-то не то сказал?

— Я не хочу беременеть! Ты спятил!

Рэй привлек ее к себе и поцеловал разбитыми губами, задыхаясь от ставшего невыносимым возбуждения.

— Хорошо, хорошо, не бойся. Я же пошутил. Иди ко мне, моя сладкая... Я скажу тебе... отстранишься... и все дела...

Успокоенная, Кэрол перестала противиться. Рэй откинулся на подушки и сквозь чуть прикрытые веки наблюдал за плавными сладострастными движениями ее красивого гибкого тела, разглядывал ее, испытывая ни с чем несравнимое душевное удовольствие при виде наслаждения, которое отражалась в каждой глубоко любимой им черточке этого нежного личика. Ей было с ним хорошо. Очень хорошо. Так хорошо, что ее стоны переросли в крики, которые были музыкой для его ушей, бальзамом для души и лучшим лекарством для попоранной Рэндэлом гордости.

Рэй стиснул ее бедра, впившись пальцами в горячее тело, в порыве страсти не задумываясь о том, что может причинить ей боль своей силой, и застонал, когда по телу девушки пошла крупная судорожная дрожь, а ее крики превратились в тихий жалобный хрип. Но даже в такой момент она заметила, что как раз самое время отстраниться, а он или забыл, или не захотел предупредить ее, как обещал. Со стоном, она заставила себя в этот самый сладостный момент прерваться, но он вдруг с еще большей силой схватил ее за бедра, не позволяя отстраниться. Из груди Кэрол вырвался счастливый стон, и в первый момент она даже была благодарна ему за то, что не позволил испортить самый восхитительный момент, которым оба насладились полностью и вместе. В бессилии упав ему на грудь, Кэрол дрожала и задыхалась, и все никак не могла успокоиться, пока его сильные руки не обняли ее и не положили на простыни. Обвив его шею руками, она стала страстно его целовать, а он поглаживал ее вздрагивающее тело, успокаивая.

— Извини, я увлекся... Завтра обязательно зайду в аптеку. Ты не сердись?

Кэрол посмотрела в ласковые красивые глаза и лишь улыбнулась, слишком счастливая, чтобы сердиться. Удобно устроившись в его объятиях, она положила голову ему на мускулистую грудь и умиротворенно вздохнула.

А через минуту они уже спали глубоким счастливым сном, утомленные долгой бессонной ночью, тяжелой для обоих, и прижимаясь друг к другу так, как только могут прижиматься влюбленные, обретшие друг друга тогда, когда на это уже и не надеялись и мысленно простились.

Но безмятежный сон их не длился долго. Кэрол проснулась, когда Рэй начал тихо стонать во сне и беспокойно вертеться. Заглянув ему в лицо и погладив по щеке, она обнаружила, что у него жар.

— Рэй! Рэй, тебе плохо?

В наполненной предрассветными сумерками комнате на нее блеснули из-под приоткрывшихся век горящие нездоровым огнем глаза. Он потянулся к девушке и сжал ее в крепких объятиях.

— Кэрол... я люблю тебя, — хрипло сказал он.

— Тебе плохо? Тебе больно?

— Что? А, нет, все нормально, моя любимая. Спи.

Немного высвободившись из крепких объятий, Кэрол снова взглянула ему в лицо. Он спал. Но вскоре опять начал стонать и время от времени что-то несвязно бормотать. Кэрол гладила его по груди, не смыкая глаз, вслушиваясь в его чуть слышное бормотание и пытаясь разобрать слова.

— Да пошел ты! — вдруг вскрикнул он, заставив ее вздрогнуть от неожиданности, и, резко дернувшись, проснулся. Увидев рядом девушку, он успокоился и, сползая с подушек, спрятал лицо у нее на груди. Прошептал опять что-то невнятное о любви, он умиротворенно вздохнул и затих. Обнимая его, Кэрол гладила его густые мягкие волосы, перебирая их пальцами, и беззвучно плакала. Расскажет ли он ей о своей встрече, если так можно выразиться, с Джеком? Нет, наверное, потому что в этом мало приятного было для него. Джек издевался над ним. Возможно, даже пытал. Рэй никогда ей не расскажет об этом, она знала. Но она сама видела, что Джек с ним сделал. Рэй спал, а она разглядывала его разбитое лицо, его тело, на котором все яснее были видны следы от ударов, и обливалась слезами. Только теперь заметила почерневшие запястья, налившиеся гематомами. На белой повязке на руке расплылось кровавое пятно. Что же там, под бинтами, что столько крови? Стараясь его не разбудить, Кэрол осторожно целовала ссадины и синяки, гладила его кожу, всем сердцем желая облегчить его боль. В груди буйствовали горечь и ненависть. О, как могла она выйти замуж за этого подонка, эту сволочь? Если бы она послушала тогда их, Куртни и Рэя, советовавших держаться подальше от Джека, все было бы иначе теперь. Куртни бы не погибла, а Рэй не стонал бы сейчас от боли после того, как Джек выместил на нем свою ненависть. Она не верила, что на этом все закончится. Она не могла понять, каким образом Рэй остался жив, если Джек подозревает его хотя бы в том, что он помогает ей скрываться от него, отпустил ли его Джек сам, или Рэю удалось вырваться. Рэй ничего ей не рассказал, и она даже не знала, что думать. Он сказал, что Джек ничего не знает, но она не могла в это поверить. Или Рэю удалось убедить его в своей непричастности, перехитрить? Даже если так, это не продлится долго, Джек все узнает, и тогда Рэю уже ничего не поможет. То, что произошло сегодня — это только начало.

Рассвело, а Кэрол так больше и не уснула.

К ее удивлению вскоре проснулся и Рэй. Выглядел он плохо, а чувствовал себя, судя по всему, еще хуже, но все равно поднялся со словами, что у него важная встреча.

— Рэй, какая встреча? Ты же на ногах еле стоишь, — возразила Кэрол. — И... и посмотри на себя в зеркало. Ложись, прошу тебя. Куда ты собрался?

— Извини, солнышко, если бы только знала, как мне не хочется никуда даже выходить и оставлять тебя, но надо. У меня действительно назначена очень важная встреча, и я пойду на нее в любом виде. К тому же, мне надо съездить домой. Джек установил за мной слежку, у моего дома стоит машина. Я ускользнул от них, они не заметили, а Дороти будет всем говорить, что я болею и сплю. Джек этим удивлен не будет, — он неприязненно, с горечью ухмыльнулся. — Поэтому мне надо помельтешить в доме перед окнами, чтобы они убедились в том, что я там. Черт! — он тяжело вздохнул, разглядывая себя в зеркале. — У меня сегодня запланированы встречи с кредиторами. Придется отложить. Думаю, в таком виде, я не смогу убедить их в том, чтобы они со мной сотрудничали. Я сейчас не похож серьезного бизнесмена, управляющего крупной компанией, да?

Кэрол обескуражено пожалала плечами, виновато улыбнувшись.

— Нет, ты похож на хулигана, которому хорошо наподдали в каком-нибудь баре, — ласково пошутила она и, обняв его за талию, встала на цыпочки и потянулась к его губам. — Прости, что так получилось...

— Так, вот этого я чтобы больше не слышал. Ты ни в чем не виновата, — он поцеловал ее. — Помоги мне принять душ. Рука что-то совсем не работает, да что б не намочить повязку...

— Хорошо-хорошо, пойдём.

Кэрол осторожно обмыла его под душем, но он, когда она стала его намыливать, затащил её к себе в ванну. Душ и энергичный секс взбодрили его и подняли настроение. Взгляд загорелся, лицо утратило изможденную бледность, на щеках появился румянец, движения снова стали легкими и упругими, избитое тело, размявшись, приобрело свою обычную гибкость и силу. Плотно и с аппетитом позавтракав вместе с Кэрол, он выпил две чашки кофе, оделся и отправился первым делом в аптеку за бинтами, чтобы сменить повязку на руке. Кэрол напомнила ему о другой необходимой покупке, которую нужно сделать в аптеке. Он молча кивнул и ушел. Пока его не было, Кэрол вымыла посуду и убрала постель. Он вернулся минут через десять и, вручив девушке бинты, попросил сменить повязку.

Разбинтовав его руку, она ахнула, увидев под засохшей кровью многочисленные безобразные швы. Встретив её вопросительный взгляд, Рэй непринужденно улыбнулся.

— Давай, малыш, промой сначала.

Опустив налившиеся слезами глаза, Кэрол осторожно, боясь причинить ему боль, смыла кровь и наложила чистую повязку. Услышав, как она шмыгает носом, Рэй поднял к себе её лицо и вытер слезы.

— Перестань, не надо плакать. Это все заживет. Доверься мне, я обещаю, что все будет хорошо. Потерпи, совсем немножко. Всего пару дней. И мы больше не будем прятаться.

— Рэй, что ты задумал? Почему ты не хочешь ничего мне рассказать? К чему вся эта таинственность? Я никуда тебя отсюда не выпущу, пока ты не расскажешь мне, что ты намерен делать!

— Успокойся, моя красавица, — он с улыбкой стал целовать её губы, взяв её лицо в ладони.

— Как я могу успокоиться? — отстранившись, Кэрол прижалась спиной к стене и спрятала лицо в ладонях. — Боже, что же вы оба делаете? Разве вы не понимаете, что рвете мне душу?

Рэй обнял её и вздохнул.

— Понимаем. Только эта ситуация сама собой не разрешится. Вопрос в том, кто её разрешит — я или он. Если он, то я вряд ли останусь в живых.

— А если ты? Рэй, посмотри на меня! — Кэрол схватила его за лицо и наклонила к себе. — Что ты задумал? Ты хочешь... навредить Джеку? Хочешь сделать что-то плохое?

— Кэрол...

— Поклянись мне! Поклянись, что не сделаешь с ним ничего плохого! Ты хочешь его убить, да? Поэтому ты так уверен в себе? — девушка в отчаянии вцепилась ему в рубашку. — Не смей, слышишь меня, не смей! Даже не думай, потому что я никогда тебя не прощу! Я... я тебя убью, если ты с ним что-нибудь сделаешь!

Лицо у Рэя окаменело, взгляд вдруг стал холодным.

— Ты... ты все ещё его любишь?

— Люблю, Рэй, поэтому ты сделаешь мне очень больно... А я знаю, что ты никогда не причинишь мне намеренно боль, ведь правда, Рэй? И не только мне, но и Патрику, ведь так, а? — она смотрела на него блестящими от слез красивыми умоляющими глазами. — Рэй, я не хочу, чтобы из-за меня кто-нибудь из вас пострадал, ни ты, ни он. Пообещай мне, Рэй.

— Не волнуйся, любовь моя, я не собираюсь его убивать или как-то вредить ему. Я не такой, как он, разве ты не знаешь? На большее, чем поколотить, я не способен.

— Да, я знаю... ты не такой, как он. Прости меня, просто я так волнуюсь, так боюсь. И

ты ничего не хочешь мне рассказывать.

— Но почему не хочу? Просто у меня нет времени. Вот приду и все расскажу, хорошо? А ты пока отдыхай, а то бледная такая... — он поцеловал ее, прикрыв от удовольствия глаза, и, захватив солнцезащитные очки, пошел к двери. Кэрол уныло поплелась следом проводить его.

— Ты оставишь мне ключи или опять запрешь?

— Оставлю, если ты пообещаешь мне, что не сбежишь.

— Да куда я денусь? — обречено отозвалась девушка.

— Пожалуйста, не делай никаких глупостей. Не вздумай звонить Джеку и пытаться с ним о чем-то договориться. Погубишь нас обоих. Я скоро вернусь и все тебе расскажу. Хорошо?

Кэрол кивнула, и он вручил ей ключи.

— Рэй... а если не вернешься? — прошептала она дрожащим голосом.

— Тогда скажешь спасибо своему обожаемому Джеку, — горько бросил он и хотел уйти, но она придержала его за руку. Прижавшись к нему, она наклонила его голову и с чувством поцеловала в губы. А он вдруг набросился на нее, срывая пеньюар и жарко целуя в шею и грудь, и овладел с таким неистовством, словно сто лет к ней не прикасался. Кэрол ясно почувствовала в нем какое-то остервенение и властность, которые раньше у него не замечала. Так иногда любил ее Джек, когда злился и желал продемонстрировать ей свою власть над нею. Она закрыла глаза, представив себя в его объятиях, и сердце ее наполнилось сладостной болью, заняло от безудержной тоски. А тело загорелось таким огнем при одной только мысли о нем, что мгновенье спустя все в ней взорвалось мучительным наслаждением, потом еще раз, и она настолько погрузилась в свои мечты, что позволила мужским сокам вновь излиться в нее, забыв о своем страхе перед зачатием. И только когда она открыла глаза и встретила с синими глазами, наваждение ее развеялось. Она выдавила из себя улыбку и с удивлением заметила, что он как-то странно на нее смотрит, с гневом, смешанным с болью. Отстранившись, он натянул брюки и, не сказав ни слова, вышел, хлопнув дверью. Кэрол изумленно застыла на месте, продолжая прижиматься к стене. Что с ним? Неужели он понял, что в своих мыслях она сейчас была не с ним? Но как?... Это невозможно...

Опустившись на пол, она уронила голову на колени. Из глаз снова побежали слезы. Сердце продолжало саднить.

— Джек... ах, Джек... ну почему так, почему?

И впервые за все это время она плакала по нему и по их утерянной любви. Она знала, что никогда они больше не будут вместе, никогда не вернуться в их маленький мирок, где любили друг друга и были счастливы. А как счастливы, она поняла лишь теперь. Но потом слезы ее высохли и сердце снова наполнилось льдом, когда она вспомнила Мэтта, Даяну, Элен, Куртни... Всех тех, кого она не могла ему простить. И пробившаяся вдруг через все это любовь была вновь подавлена жгучей неприязнью и обидами. И Кэрол жалела лишь о том, что позволила своей извечной слабости перед Джеком вновь взять над ней верх, да еще в такой момент, оскорбив и ранив Рэя...

Первым делом Рэй поспешил на запланированную еще несколько дней назад встречу, боясь опоздать.

Подъезжая к назначенному месту, он замедлил ход и остановился у обочины рядом с человеком, стоявшим у дороги.

Перегнувшись через сиденье, Рэй открыл дверь и взглянул на него.

— Подвезти?

Человек кивнул и уселся рядом, захлопнув за собой дверь машины, а Рэй тронулся с места и покатил дальше. Потом открыл бардачок и, достав оттуда фотографию, вручил своему спутнику. Не говоря ни слова, тот уставился на снимок. Скосив глаза, Рэй украдкой его разглядывал. Этого парня он видел впервые. Его порекомендовал одни из надежных приятелей Рэя, которому тот без опасений доверил свою проблему. Приятель был не простым. И этот парень, сидящий сейчас в его машине — тоже. У него была внешность типичного еврея, но довольно симпатичного и даже приятного, что немного удивило Рэя, не говоря уже о молодости этого юноши. С большой натяжкой ему можно было дать лет двадцать пять. Рэй удивился потому, что ожидал увидеть кого-нибудь постарше и посерьезней, а не этого сопляка. Но лицо этого сопляка выдавало в нем прожженного и закаленного жизнью, причем жестокой и тяжелой, человека. И Рэй перестал сомневаться в том, что он именно тот, кто ему нужен. А взгляд черных, как сама преисподняя, глаз развеял последнюю неуверенность.

— Я знаю, кто этот человек. Все знают. На него покушались пять раз, но так никому и не удалось его пришить. Он опасен и мстителен.

— Последнее должно волновать вас только в том случае, если вы не уверены в том, что справитесь с работой. Если так, то говорить нам с вами больше не о чем. Жаль, что я потратил на вас свое время. Меня уверили, что вы хоть и новенькие в этом деле, но безусловно выполняете работу и уже успели за короткий срок приобрести популярность.

— Это так. И вы не зря потратили время. Вы просто неправильно меня поняли. Я всего лишь говорил о том, что чем сложнее и рискованнее заказ, тем выше гонорар. Об успехе дела можете не волноваться. Мой снайпер не промахивается.

— Да, я знаю. Мне говорили. О деньгах не думайте. Я заплачу столько, сколько скажете, и даже больше, если вы все сделаете чисто и профессионально. Вот, это аванс, — Рэй вынул из бардачка конверт и положил на колени собеседнику. Тот без смущения заглянул внутрь и, по-видимому, остался доволен содержимым. Положив в конверт фотографию, он спрятал его во внутренний карман пиджака.

— Когда? — холодно спросил Рэй.

— Я сообщу вам вечером. На этом же месте, в десять вас устроит?

Рэй кивнул и остановил машину. Молодой человек вышел и пошел своей дорогой, а Рэй поехал своей.

Оставив машину на стоянке, он пешком дошел до дома и, убедившись что загадочная машина все еще стоит на своем месте, осторожно и незаметно пробрался в дом через черный ход. Напугав своим неожиданным появлением Дороти, он поинтересовался, спрашивал ли

его кто-нибудь. Женщина рассказала, что звонил утром какой-то мужчина, не пожелавший представиться, потом звонили из офиса и из больницы, в которую ночью забрали Касевеса. Всем Дороти говорила только то, что велел Рэй — что он болен и спит беспробудным сном под воздействием хорошей порции снотворного. Поблагодарив Дороти и отказавшись от завтрака, Рэй нацепил на нос солнцезащитные очки, чтобы скрыть заплывший синяками глаз, демонстративно вышел из дома, выкатил из гаража свой роскошный кабриолет и помчался в офис, наблюдая в зеркало заднего вида за следующей за ним на расстоянии темной машиной с тонированными стеклами.

Не снимая очки, он торопливо вошел в офис, равнодушно здороваясь по пути со всеми, кто встречался, и не обращая внимания на удивленные взгляды, которыми его провожали. Свон о чем-то разговаривала с Викторией и, увидев его, обе замолчали. У секретарши отвисла челюсть при виде избитого лица начальника, Свон же внешне осталась совершенно невозмутимой, лишь слегка побледнела, что, впрочем, никто не заметил, даже он.

Поздоровавшись с женщинами, Рэй попросил своего заместителя зайти с ним в кабинет. Свон, не задавая вопросов, с той же невозмутимостью, которая могла посоперничать только с невозмутимостью Куртни, зашла за ним в его кабинет и прикрыла дверь.

Присев на край стола, Рэй снял очки и посмотрел на женщину.

— Как видите, к сожалению, все свои запланированные на сегодня визиты я вынужден отменить. Думаю, и здесь оставаться не имеет смысла, разве что смешить своей подпорченной физиономией сотрудников. К тому же, я неважно себя чувствую. Я бы попросил вас...

— Хорошо, я все поняла, — перебила его Дебора, слегка улыбнувшись.

Рэй улыбнулся в ответ.

— Вы уверены, что с вами все в порядке? — участливо поинтересовалась она с беспокойством во взгляде.

— Да, пока да.

— А ваши проблемы... о которых вы мне говорили вчера? Они решены?

— К сожалению, пока нет.

— Я могу вам помочь?

Он бросил на нее веселый взгляд и приятно засмеялся. Оторвавшись от стола, он подошел к ней и слегка коснулся ее плеча.

— Не беспокойтесь, но все равно спасибо. А теперь мне нужно идти. Кстати, вы знаете, что Касевес в больнице?

— Нет, не знаю, — ее эта новость явно огорчила. — Сердце? Серьезно?

— Нет, вроде. Плохо стало, старик позвонил своему доктору, тот и забрал его в больницу. Насколько мне известно, приступа не было. Но старику придется подлечиться. Я сейчас еду туда, узнаю все подробно, вам позвоню.

— А можно мне с вами?

— Ну, поехали, почему нет? — он надел очки, чтобы не шокировать и без того пораженных подчиненных и, открыв дверь, вежливо пропустил Свон вперед. — Я буду ждать вас в машине.

Свон задержалась на пару минут, чтобы отдать распоряжения Виктории, и невольно проводила его взглядом, любясь высокой, по-юношески стройной и гибкой фигурой. Потом заскочила в свой кабинет, поправила прическу, макияж и, захватив сумочку, с трепещущим сердцем пошла на улицу.

Он ждал, присев на крыло своей машины, такой же великолепной, как и он сам, как подумала Свон. Разбитые губы и лоб, расплывшийся по щеке синяк в сочетании с мощными плечами и угадывающимися под рубашкой крепкими мускулами, придавали ему скорее более мужественный вид, чем поверженный и жалкий, как у человека, которого хорошо отлупили. Он галантно открыл перед ней дверь машины, подарив ослепительную улыбку, от которой у нее подогнулись ноги, и она поспешила сесть, чтобы не упасть. Закрыв глаза, она перевела дыхание.

«Боже мой, какой мужчина!» — в который раз восхитилась она.

Она боялась посмотреть на него всю дорогу, прилагая невероятные усилия, чтобы унять дрожь в теле.

Он сидел рядом, непринужденно управляя машиной, и тоже молчал, погружившись в свои мысли, судя по выражению его лица, не очень веселые. Свон заметила, что он старается не пользоваться левой рукой, положив ее на дверь машины, и лишь придерживал слегка руль, когда другой рукой переключал скорость. Под рукавом иногда показывались бинты, что не ускользнуло от внимания проницательной Свон. Обратила она внимание и на припухшие от гематом запястья. Женщина понимала, что такие следы могли оставить либо веревки, либо наручники. Скорее всего, наручники, потому что от веревок потерлась бы кожа и были бы ссадины.

Увидев ювелирный магазин, он вдруг оживился и притормозил.

— Можно вашу руку?

— Что? — растерялась женщина, взглянув на раскрывшуюся перед ней крепкую ладонь.

— Можно взглянуть на вашу руку?

Недоуменно приподняв брови, Свон вложила кисть в его руку. Опустив взгляд, Рэй внимательно посмотрел на ее пальцы.

— Как раз тот размер, что мне нужен, — улыбнулся он радостно и выскочил из машины. — Пойдемте, поможете мне выбрать кольцо.

Прежде чем Свон успела сообразить, что он от нее хочет, он уже распахнул дверцу и помог ей выйти. И потом, непринужденно взяв ее под локоть, повел в ювелирный магазин, где они провели не меньше получаса, пока Рэй развлекался, перебирая самые дорогие украшения, и примеряя их на свою спутницу. Его глаза горели радостным возбуждением, на лице сияла улыбка, и это счастливое выражение немного странно смотрелось на избитом лице. Он в пол уха выслушивал советы продавца и самой Свон, и своим выбором продемонстрировал непревзойденный вкус и то, что знает толк в драгоценностях и женских украшениях. Почему-то лично Свон этому ничуть не удивилась. Он приобрел изумительной работы кольцо с превосходным брильянтом и такой стоимости, что Свон с трудом удалось сохранить свою невозмутимость, которая выручала ее в самых неожиданных ситуациях. Увлечшись, он купил еще и гарнитур под это кольцо — сережки, браслет и колье. В отличие от него, у Свон настроение упало до такой степени, что она с трудом сдерживала слезы и с еще большим трудом пыталась это скрыть. Пока он выписывал чек, она разглядывала витрину, ощущая себя самой ненужной и самой несчастной женщиной на свете, сторающей от любви к мужчине, влюбленного в другую, молодую и красивую. Как больно было видеть, с какой радостью он выбирает ей подарки, с легкостью, даже не задумываясь, отдавая за них баснословную сумму. Свон никогда не делала таких подарков. Впрочем, и мужчины такие ей никогда раньше не встречались. А Рэй Мэтчисон был разбалован жизнью и не привык себе ни в чем отказывать, одного взгляда на него было достаточно, чтобы это понять.

— Можно вас еще раз попросить примерить вот это, — услышала она над ухом его приятный томный голос и, подавив тяжелый вздох, позволила ему надеть на себя очередную безделушку, задаваясь вопросом, не собрался ли этот состоятельный вдовец скупить весь магазин. Рэй подвел ее к зеркалу.

— Ну, что скажете?

— Думаю та, для которой вы его выбрали, будет довольна, — мягко ответила Дебора, невольно коснувшись рукой поблескивающего на груди кулона на искрящейся алмазным напылением цепочке.

— Рад, что вам понравилось, потому что я выбрал это для вас.

— Что-о? — невозмутимость на этот раз ей изменила, и она повернула к мужчине вытянувшееся от изумления лицо. А он лишь улыбнулся.

— Только очень вас прошу, не надо говорить, что вы не примите мой подарок, что не можете, не хотите и всякое тому подобное. Это просто маленький презент за то, что я отнял у вас время и мучил целых сорок минут, превратив вас в манекен.

— Но я была только рада вам помочь, и мне было совсем не трудно... — пролепетала женщина, совершенно растерявшись, что уж совсем ей было не свойственно.

— Я знаю. Но это не единственная причина, по которой я вам делаю подарок. Видите ли, признаюсь, это коварный ход, дабы заручиться вашей поддержкой и дружбой, потому что вы самый умный и самый ценный человек в компании и вы мне очень нужны.

— Мистер Мэтчисон...

— Я вас оскорбил, и вы сейчас швырнете мне в лицо мой подарок, скажете, что ваше расположение нельзя заслужить таким вот образом, жалкими подачками. Но я вам скажу, что вы еще и очень красивая женщина и эта вещица вам очень идет, а помимо коварства и расчета, я от всей души хочу сделать вам приятное. Просто так. Потому что у меня прекрасное настроение и я счастлив, как никогда в жизни, но ни с кем не могу поделиться своим счастьем, потому что я не имею право на счастье, похоронив жену. Вы тоже можете меня осуждать, но, пожалуйста, примите от меня эту вещицу. Хорошо?

Впервые в жизни Свон почувствовала себя совершенно беспомощной, осознавая, что взгляд лукавых синих глаз лишил ее всякой воли и обрел над ней безграничную власть. Она почувствовала себя рабыней, зная, что никогда и ни в чем не сможет ему отказать и сделает все, чтобы он не сказал. Все.

— Хорошо, — смущенно ответила она. — Спасибо.

— Вот и прекрасно! — он подставил ей руку, и Дебора робко положила кисть на сильное предплечье. Так они вышли из магазина и подошли к машине. Свон заметила, как он бросил внимательный настороженный взгляд на стоящую неподалеку машину. Дебора тоже обратила на нее внимание, она знала, что эта машина следует за ними по пятам от самого офиса. Она всегда и все замечала, даже мелочи, на которые другой человек попросту не обратил бы внимания. Куртни всегда говорила, что ей нужно было идти не в бизнес, а в разведку. Свон пришла к выводу, что за Рэем следят, и она даже догадалась, кто... или по чьему поручению, потому что вряд ли Джек Рэндэл сам бы таскался за Рэем день и ночь. Свон навела справки и узнала, что Кэрол сбежала из больницы. Картина стала для нее ясна. Рэй прячет девушку от Рэндэла, а вчера, похоже, у мужчин состоялся серьезный разговор. Судя по всему, Рэндэл не смог от него ничего добиться, вот и установил слежку, рассчитывая на то, что Рэй выведет его на неверную жену. Поэтому Рэй и решил зайти с нею, Деборой, в ювелирный магазин, чтобы у Рэндэла не возник вопрос, для кого он покупал драгоценности.

А колечко Рэй покупал неспроста. Уж не собрался ли он делать предложение жене Джека Рэндэла?

Сев в машину, Свон бросила на Рэя внимательный взгляд. На сумасшедшего вроде не похож. На идиота тоже. Тогда она сидит рядом с самым дерзким и отчаянным человеком, которого когда-либо встречала.

— Дебора, вы не очень рассердитесь, если я вас поцелую? — вдруг спросил он, напряженно сидя в кресле и смотря в зеркало заднего вида.

— Что? — снова забыв про правило невозмутимости, поразились она, широко распахнув глаза. Он не стал повторяться, заключил ее в крепкие объятия и прильнул к ее губам в глубоком поцелуе. Дебора не сопротивлялась, едва не застонав от страстного желания, и прикрыв от удовольствия глаза. Когда он отпустил ее, она задыхалась от возбуждения и ощущала себя так, будто проглотила стакан виски, ударившего в голову и замутившего ее разум. Его поцелуй был таким чувственным и восхитительным, что она даже не заметила его холодность и равнодушие. Этого поцелуя было достаточно для того, чтобы она поняла, что этот мужчина превосходный любовник. Впрочем, она и раньше в этом не сомневалась.

— Извините, но этот поцелуй, возможно, сохранит мне жизнь, — прошептал он, оторвавшись от ее губ и посмотрев в глаза. — Вы не будете сердиться и не вlepите мне пощечину за наглость?

Она невольно улыбнулась.

— Нет, если от этого действительно зависит ваша жизнь. Вы хотите, чтобы эти люди в машине, а точнее, Джек Рэндэл, подумали, что вы увлечены мною и больше не интересуетесь его женой?

На его лице отразилось удивление, но он не ответил, только ухмыльнулся и, повернув ключ в замке зажигания, плавно двинулся с места. Свон молчала, кусая губы от волнения.

— Пожалуйста, не сердитесь на то, что я вам сейчас скажу, — проговорила она. — Вы мне симпатичны и я считаю, что вы добьетесь успеха в нашем бизнесе, поэтому я не хотела бы, чтобы с вами что-нибудь случилось. Я, конечно, лезу не в свое дело, но все же... Рэй... Я знаю Джека, он очень опасный человек...

— Я тоже знаю Джека, — мягко перебил ее Рэй.

— Тогда вы должны понимать...

— Я понимаю.

Свон озадачено замолчала, не отрывая от него встревоженного взгляда.

— Вы что, хотите умереть из-за какой-то девчонки? Рэй, опомнитесь, вы же взрослый и умный мужчина...

— Я не собираюсь умирать, — улыбнулся он. — И вообще, я не совсем понимаю, о чем вы говорите, о какой такой девчонке.

Свон замолчала, понимая, что он не собирается с ней откровенничать и поддерживать дальнейший разговор на эту тему.

— Пожалуйста, будьте осторожны, — шепнула она немного погодя. — И вы можете рассчитывать на меня. В любой ситуации.

Он ответил ей теплой улыбкой.

Они недолго побыли у Касевеса, вернее, не стал задерживаться Рэй, убедившись в том, что старик в порядке и ему ничто не угрожает, кроме очередного профилактического лечения. Рэю показалось, что Уильям как-то странно смотрит на него, а когда он только вошел в палату, у старика заблестели и покраснели глаза, а на лице отразились такие радость

и облегчение, как будто он увидел вернувшегося с того света человека.

На вопрос Касевеса, что с ним произошло и кто его так разукрасил, Рэй непринужденно ответил, что, когда он возвращался вчера домой, его подрезали какие-то уроды, он с ними сцепился. Вышла драка. Касевес сделал вид, что поверил, пробурчав недовольно что-то вроде того, что Рэй, как всегда, в своем репертуаре, лезет в драки, не думая головой, что он уже взрослый мужчина, а не мальчишка, и пора уже научиться решать проблемы не с помощью кулаков, а по уму. Рэй покорно выслушал проповедь. Свон украдкой улыбалась, поглядывая на своего начальника. Чем больше она о нем узнавала, тем сильнее он ей нравился.

— А я, было, подумал, что ты опять с Рэндэлом сцепился, — закинул удочку Касевес, пристально изучая взглядом мужчину. — Уже привык как-то к тому, что вы постоянно друг другу морды квасите.

Свон позволила себе от удивления приоткрыть рот, расслабившись, потому что на нее никто не смотрел. Вот это новость! Как бы не напрягала она свое воображение, она так и не смогла представить себе чопорного и надменного Рэндэла дерущимся, хоть и была осведомлена о его взрывном нраве. Она даже не думала, что найдется кто-то, кто поднимет на него руку. А оказывается, она очень многого не знает. Многого интересного.

— Когда это было, чтобы *мы* друг другу морды квасили? — Рэй презрительно фыркнул. — Это он с побитой мордой ходит после наших схваток, а не я. Кишка у него тонка, чтобы до морды моей дотянуться, вот и стал прятаться от меня за своего черного верзилу.

Заметив, что Рэй начал распалиться, Касевес еще больше его поддел.

— Разве? Что ж тогда он тебя так отделал, а?

Побагровев, Рэй подскочил.

— Не надо много храбрости и силы, чтобы бить прикованного наручниками... — он резко осекся, и краска мгновенно схлынула с его лица, когда он осознал, что проболтался. Так глупо и нелепо.

Сердито насупившись, он вызывающе посмотрел на Касевеса.

— Ну и что? Да, он решил мне отомстить за то, что я набивал ему морду, и я этому не удивляюсь. Рэндэла не знаешь, что ли? Самому мне наподдать силенок маловато, а хотелось, вот и нашел способ, — он приподнял рукава, продемонстрировав следы от наручников. — Ты доволен? Да, это он меня избил, но то, как он это сделал, не делает ему чести. И я его выловлю, когда рядом не будет его цербера, и переломаю все кости! И для этого мне не нужно пристегивать его к трубам!

И он вышел, хлопнув дверью и даже не попрощавшись со Свон, обиженный, уязвленный и безумно злой. Но через несколько минут открылась дверь, и он заглянул в палату.

— Простите, Дебора. Вы идете? Я отвезу вас в офис.

— Нет, я еще задержусь. Мне нужно кое-что обсудить с Уильямом, — она поднялась со стула, нежно улыбнувшись.

— Как знаете. Тогда до свидания. Пока, Уилл! Поправляйся.

— Рэй! — окликнул его Касевес, пытаясь задержать, но тот уже закрыл дверь, сделав вид, что не услышал его. Упав на подушки, Уильям закрыл глаза.

— Господи, вразуми этого сумасшедшего, — в отчаянии прошептал он, забыв о присутствии Свон. — Совсем голову потерял... Погибнет... не переживу ведь...

— Не погибнет, — твердо и решительно заверила Свон, подсаживаясь к нему

поближе. — Об этом я и хотела с вами поговорить. Я вижу, вы в курсе того, что происходит. Я тоже. Поэтому давайте подумаем вместе над тем, как нам сделать так, чтобы кресло управляющего компанией вновь не опустело.

Приехав домой, Рэй, согнувшись с выражением смертельной муки на лице, еле передвигая ноги, поплелся в дом, всем своим видом демонстрируя, как ему плохо. Но как только он оказался за дверью, и его преследователи перестали его видеть, он выпрямился и легкой бодрой походкой отправился на кухню подкрепиться. Потом, повелев Дороти всем говорить, что он болен и отсыпается, выскользнул через черный ход, взял на стоянке машину и помчался к любимой. Остановившись по пути, он купил великолепный букет цветов, бутылку шампанского и огромную коробку конфет, и загруженный всем этим, вскоре предстал перед ней.

— Ой, а что, у нас какой-то праздник? — улыбнулась Кэрол, забирая у него цветы.

— Да! Будем отмечать то, что мы с тобой, наконец-то, вместе! Что ты меня больше не отталкиваешь... Будем пить за то, что ты сделала меня таким счастливым... самым счастливым мужчиной на Земле! В общем, отметим мою победу!

— Победу? И кого ты победил? — засмеялась Кэрол.

— Тебя! Это было тяжелее всего. А со всеми остальными я теперь и подавно справлюсь! — он рассмеялся и обхватил девушку руками, в одной из которых была бутылка шампанского, а в другой коробка конфет.

Кэрол обняла его за шею и, приподнявшись на носочки, прижалась к его губам в долгом страстном поцелуе.

— Ты так ушел... я не поняла, ты за что-то рассердился на меня? — оторвавшись от его губ, она заглянула ему в глаза. Он улыбнулся и чмокнул ее в кончик носа.

— Я рассердился? Нет, конечно! Я просто расстроился, что надо уходить от тебя, когда мне так этого не хотелось.

— Да?

— Да.

— Ну, тогда пошли отмечать твою победу, — Кэрол забрала у него бутылку и, развернувшись, отправилась на кухню. Он пошел за ней и хлопнул ее по упругой ягодице, а девушка игриво подпрыгнула, сделав вид, что возмущена. Нахмурившись, повернулась к нему, а он улыбнулся, поглаживая ладонью ее соблазнительную попку.

Накрыв в гостиной маленький столик, они расположились друг напротив друга и подняли бокалы за «победу» Рэя. Опустошив бокал, Рэй закинул в рот конфету и поднялся.

— У меня для тебя подарок. Сейчас принесу, в пиджаке лежит.

Вернувшись, он открыл обтянутую бархатом коробочку и продемонстрировал девушке великолепный гарнитур. Кэрол ахнула, беря в руки коробочку.

— Ой, какая красота! Рэй, это же бриллианты! Ты сошел с ума!

— Тебе нравится? — улыбнулся он.

— Господи, и ты еще спрашиваешь!

Подняв ее со стула, он подвел ее к зеркалу и неторопливо, не скрывая своего удовольствия, надел на нее украшения. Мгновенье они оба смотрели на ее отражение в зеркале. Потом Рэй вздохнул и обнял ее, прижавшись сзади.

— Ты чем-то расстроен? Что с тобой?

— Я... я просто боюсь. Ужасно. Так боюсь, что коленки трясутся от ужаса.

— Боишься? Кого? Джека?

— Нет, тебя.

— Меня? Ты шутишь?

— Нет. В твоих руках моя жизнь, мое сердце, моя душа... В твоих силах сделать меня самым счастливым... или самым несчастным. И сейчас как раз такой момент... потому я и боюсь, — смотря на нее в зеркало, он, обнимая ее одной рукой, другой медленно поднял перед нею открытую коробочку с кольцом. Кэрол замерла, уставившись неподвижным взглядом на кольцо.

Лицо ее медленно стало наливаясь бледностью.

— Рэй... что ты делаешь? — прохрипела она, отстраняясь от него.

Вынув кольцо из коробочки, он надел его на тонкий пальчик и поцеловал его. Потом развернул ее лицом к себе и посмотрел в глаза, нежно придерживая за плечи.

— Кэрол, я делаю тебе предложение. Я люблю тебя, я давно уже тебя люблю. Я хочу, чтобы ты всегда была рядом, со мной, в моем доме, в моей постели... как любимая женщина, как жена. Я люблю Патрика, и он любит меня...

— Рэй! — вскрикнула почти истерически Кэрол, перебив его. — Пожалуйста, перестань! Ты говоришь о невозможном, разве ты сам этого не понимаешь?

— О невозможном? Почему невозможном? — упавшим голосом прошептал он, смотря на нее мгновенно наполнившимися отчаянной болью глазами. Кэрол не выдержала такого взгляда и, застонав, отвернулась.

— Рэй, я же замужем, ты что, забыл? Джек никогда не допустит развода, он не раз мне об этом говорил. А если я буду настаивать, он грозился лишит меня родительских прав, — она села в кресло и сжалась, обхватив себя руками. — Пожалуйста, Рэй, не рви мне душу. И себе тоже. Я не свободна, а ты только что похоронил жену. Рэй, Куртни умерла, месяца еще не прошло, а ты предлагаешь мне занять ее место, стать твоей женой.

Он подошел к ней и, опустившись на пол у ее ног, потерся щекой о ее колени. Кэрол вдруг ощутила влагу на своей коже. Это были слезы. Его слезы. Наклонившись, она зарылась лицом в его волосы, лаская их пальцами. Долго они так просидели в полном молчании, пока он его не прервал, тихо спросив, не поднимая головы:

— А если отбросить все и ни о чем не вспоминать, если бы были только я и ты... ты бы вышла за меня?

— Так ты ж жуткий бабник, — улыбнулась она и с нежностью потерлась щекой о его мягкие шелковистые волосы. — Я не такая сильная, как Куртни, чтобы носить такие тяжелые огромные рога. Боюсь, даже голову поднять не смогу, буду волочить их по земле.

Она говорила это ласковым шутливым тоном, чтобы не обидеть его.

— Это все в прошлом. Мне не нужны больше женщины, мне нужна семья, ты, дети, — серьезно ответил он. — Я был бы верным, клянусь тебе. Я уже так нагулялся, до тошноты... И я давно уже охладел к женщинам... с тех самых пор, как полюбил тебя. Нет такой женщины, которая заставила бы меня тебя предать... рисковать твоей любовью... нет, ни одна женщина этого не стоит. И я не буду таким глупцом, как Рэндэл. Я буду любить тебя и сделаю все, чтобы ты была счастлива со мной.

— Ну, тогда, конечно, я бы вышла за тебя.

Он вскинул голову, поднимая на нее загоревшиеся радостью глаза.

— Скажи... ты меня любишь? Хоть чуть-чуть любишь, как мужчину?

— Как сказала мне перед смертью Куртни, тебя не возможно не любить. И я поняла по

себе, что она была права.

— А Джек? — ревниво спросил он. — Ты же говорила утром, что любишь его.

Кэрол грустно вздохнула.

— Я не знаю, что я чувствую к Джеку, я перестала понимать свои чувства к нему. Я ненавижу его, боюсь, но он почему-то остается мне дорог. Наверное, я очень привязалась к нему, привыкла. Я злюсь на него, но ему зла не желаю. Мне его не хватает, я скучаю, мне все еще очень больно... Но я понимаю, что никогда к нему не вернусь. Мне даже этого не хочется. Но он пять лет был моим мужем, у нас с ним была семья, и мне тяжело вот так сразу потерять и его, и семью. Возможно, я всю жизнь буду жалеть, что у нас с ним так ничего и не получилось... но это ничего не изменит. «Любовь моя глотнула смертельную дозу яда, и мне нужно выкинуть ее из сердца, чтобы не умереть вместе с ней» — так было написано в каком-то любовном романе, и эта метафора так позабавила меня, что я ее запомнила. Думала, что эта полная чушь, и только теперь поняла, что эти слова имеют смысл. Это то, что сейчас чувствую я.

— Помнишь, как ты убивалась по Мэтту? Как плакала о нем... я никогда не забуду, потому что сердце мое разрывалось, когда я видел, как ты страдаешь. Ты не забыла его, я знаю, но ведь ты полюбила другого мужчину, ты была с ним счастлива, пусть даже и не долго. Ведь так?

— Так. Ты хочешь сказать, что для меня еще не все потеряно, и я смогу быть счастлива с другим?

— Не с другим, а со мной. Я заставлю тебя забыть Рэндэла, и не подпущу к тебе больше ни одного мужчину. Хватит, натерпелся, — он подхватил ее на руки и, поднявшись, понес в спальню.

А спустя некоторое время он усадил девушку на стул поближе к окну и под ее изумленные взгляды решительно натянул на руки латексные перчатки.

— Так, пора заняться твоими волосами. Вот, посмотри, я краску выбрал, пойдет такая? — он сунул Кэрол коробочку с краской для волос.

— Рэй, — девушка подняла на него округлившиеся глаза, — ты что, собрался красить мне волосы?

— Ну да. В парикмахерскую тебя отпустить я пока не могу, так что придется самому. Не дело молодой женщине с седыми волосами ходить, — он забрал у нее коробочку и, открыв, заглянул внутрь.

— Рэй... разве ты умеешь красить волосы?

— А что тут уметь? Вот, есть инструкция, сейчас прочитаю, и ты у меня будешь выглядеть так, словно вышла из лучшего салона красоты, — усевшись сверху на стол, он стал сосредоточено изучать инструкцию.

Кэрол, наблюдая за ним, рассмеялась.

— Ой, Рэй, какой ты забавный!

— Ты не хочешь мне доверить свои волосы? Думаешь, у меня не получится? — он отложил инструкцию и спрыгнул со стола. — Я все прочитал, это проще, чем я думал! Раз плюнуть! Ну, приступим?

— Приступим, — кивнула Кэрол, улыбаясь во весь рот и хихикая. — Только осторожнее, не заляпайся. А то придется выкинуть одежду — не отстирается. И мне на плечи накинь что-нибудь. Возьми у меня в ящичке какой-нибудь крем, намажем по основанию волос и уши...

— Уши кремом? Зачем?

— Чтобы потом краску легче было оттереть, если намажешь. И постарайся меня сильно не вымазывать.

Рэй фыркнул.

— Если ты все знаешь, могла бы рассказать, а не вынуждать меня читать инструкцию, — отвернувшись, он отправился в спальню за кремом, а Кэрол тем временем подготовила краску.

Вернувшись, он вооружился кисточкой и принялся за дело, да с таким интересом, что это превратилось в очередную забаву. Никогда еще Кэрол не получала такого удовольствия от этой нудной процедуры, которую Рэй умудрился превратить в игру. Без рубашки, в одних джинсах, он старательно возился с ее волосами, а Кэрол, наблюдая за ним в зеркало, хохотала. А он ворчал на нее, чтобы не крутила головой. Эта картина была еще более забавная, чем та, на которой она созерцала Рэя за гладильной доской, с высунутым языком утешающим ее юбку. Сердце ее переполняла нежность, когда она наблюдала его старания.

К ее удивлению, он прекрасно справился с задачей. Разглядывая в зеркало золотистые волосы, она не нашла к чему придраться. Он смотрел на нее, ожидая оценки своих трудов.

— Надо же... молодец, — не без удивления сказала Кэрол. — Может, тебе оставить бизнес и податься в салон красоты?

— Оставлю это, как запасной вариант, — засмеялся он, довольный собой. — У нас там еще осталось шампанское, пойдем, отметим успех нашего предприятия. Видишь, какой я у тебя, на все руки мастер! Скажи, что нет!

— Что правда, то правда! — Кэрол обняла его и поцеловала. — Ты такой интересный... забавный. С тобой и не соскучишься и не пропадешь! Прямо сокровище, а не парень!

Он зарделся от удовольствия и, вдруг быстро наклонившись, просунул голову ей между ног и выпрямился. Девушка вскрикнула и засмеялась, оказавшись под потолком.

— Ой, Рэй, высоко... отпусти!

— Конечно, высоко! В отличие от твоего Рэндэла, недостатка в росте у меня нет! — положив руки ей на колени, он, пританцовывая, вышел из кухни. — Пригнись!

— У него нормальный рост, — тихо и обиженно проговорила Кэрол, мгновенно утратив хорошее настроение. — Не всем же быть под два метра.

— Всего лишь метр восемьдесят девять, дорогая! А у него? Метр двадцать?

— Нет, метр семьдесят восемь, и это нормальный для мужчины рост! Поставь меня на ноги! — рассердилась Кэрол и предприняла попытку спрыгнуть, но он придержал ее.

— Эй, детка, шею свернешь, не дергайся! Ты что, обиделась на меня из-за этого коротышки? Видишь ли, на рост можно по-разному смотреть, для тебя, например, он высокий, потому что ты на него смотришь снизу вверх, а для меня мелковат, потому что мне приходится наклоняться, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Ну, знаешь! — рассвирепела Кэрол. — Опустить меня на пол!

— Да я же пошутил, зайчик! Ты что, обиделась?

— На пол, я сказала!

Он присел и, соскочив с его плеч, Кэрол распахнула шкаф и выдернула оттуда джинсы. Скинув пеньюар, она, подпрыгивая на одной ноге и задыхаясь от возмущения, стала натягивать штаны.

— Не понял... Ты куда-то собралась?

— Я ухожу.

Рэй подскочил к ней и, схватив за талию, оторвал от пола и прыгнул на постель. Вжав ее в покрывало своим телом, он положил ладони ей на скулы и заискивающе улыбнулся.

— Да ладно тебе. Чего ты так завелась? Горой стоишь за своего муженька, да? А он это заслужил?

— Слезь с меня! — прошипела она.

Он вздохнул и примирительно улыбнулся.

— Ну, хорошо, не буду я трогать твоего Рэндэла. Не злись. Нормальный он мужик, нормальный. Я просто ревную, разве ты не понимаешь? Хочу затмить его в твоих глазах. Или это невозможно?

— Рэй, ты, вроде, умный мужчина, а ведешь себя иной раз, как глупый мальчишка.

— Влюбленный по уши мальчишка, — поправил он с озорной улыбкой. — Поэтому ты должна все мне прощать. Я собой не владею. Это мною владеет любовь. Было бы из-за чего ссориться! Кстати, ты прекрасно смотришься в бюстгальтере, трусиках и одной штанине!

Он обнял ее, целуя. Кэрол сердито пыталась его оттолкнуть, но он лишь засмеялся и, прижав ее руки к покрывалу, стал нежно целовать грудь. Девушка постепенно расслабилась и забыла и о своей обиде, и о Джеке.

Уже в постели они допили шампанское и доели конфеты и больше не вылезали из нее до самого вечера.

Накувыркавшись в постели, как озорные игривые котята, они уснули, счастливо сжимая друг друга в объятиях.

А потом Рэй вдруг подскочил и, бросив взгляд на часы, вылетел из постели, как ужаленный. Приподнявшись, Кэрол сонно и непонимающе смотрела, как он торопливо одевается.

— Что случилось? Ты куда? — хрипло спросила она.

— Я ненадолго, любимая. У меня встреча.

— Встреча? Рэй, без пятнадцати десять, какие могут быть встречи? С кем? — в ее голосе появились ревнивые нотки, которые привели его в восторг. Засмеявшись, он наклонился и чмокнул ее в губы.

— Я договорился с приятелем, он попросил у меня займы. Отдам ему деньги и сразу же вернусь.

— У этого приятеля длинные шикарные ноги и грудь пятого размера?

— О, нет. К ногам его я не приглядывался, а груди у него нет вообще, если ты, конечно, имеешь ввиду женские прелести. Я же сказал тебе, солнышко, что с прошлым покончено. Я теперь другой. Впредь у меня есть и будет только один приятель с длинными шикарными ногами и роскошной грудью — ты!

Кэрол недоверчиво фыркнула и отвернулась, почему-то безмерно расстроившись. Он присел у кровати и повернул к себе ее личико.

— Эй, малыш, ты чего? — он жалобно сдвинул брови, но глаза его искрились каким-то злорадным счастьем, словно ее ревность являлась для него манной небесной.

— Я? Нет, я ничего, — ответила Кэрол, сама себе удивляясь.

— Я клянусь тебе, что никогда не прикоснусь ни к одной другой женщине. Ну, разве я когда-нибудь не держал данное тебе слово?

— Рэй, я просто спросила. Не надо мне давать никаких клятв, что за глупости? Иди, ты же опаздываешь, как я поняла.

— Я быстро, — он еще раз ее поцеловал и выскочил из комнаты.

А Кэрол опустила на подушки и свернулась комочком, чувствуя, что в ее и без того израненное сердце пробралась еще одна новая боль. Если раньше она воспринимала бесконечные любовные связи Рэя с женщинами, как что-то естественное, то теперь это вдруг стало причинять ей муку. Ее переполняла горечь, когда она думала о том, что у него будут другие женщины, когда она уедет, и возможно, найдется та, что навсегда приберет его себе. А о ней, Кэрол, он забудет. Наверное, судьба у нее такая, что мужчины, которых она любила, оказываются в чужих постелях. Она зареклась не думать об этом. Хватит с нее сердечных страданий и ревности из-за Джека. А на собственнические чувства к Рэю она вообще не имеет права. Он никогда не был ее мужчиной и не будет. Скоро все закончится. Она уедет и забудет обо всем. И попробует начать новую жизнь. И больше никаких мужчин. Хватит, сыта по горло.

Рэй опоздал на десять минут и, подъехав к назначенному месту, выругался от досады, не найдя взглядом еврея, с которым договорился встретиться. Притормозив, он задумался, растерянно барабанив пальцами по рулю.

Заметив, что на него смотрит какой-то человек, Рэй перехватил его взгляд и напрягся, когда тот приблизился к машине и, открыв дверь, без приглашения уселся в кресло. Рэй уставился на него, нахмурившись, пытаясь вспомнить, где уже видел этого огромного парня со шрамами на лице. И, вспомнив, удивленно приподнял брови. Да это же неведомый ему приятель Кэрол, который натравил на него свою собаку у церкви на панихиде по Куртни!

Незнакомец вытащил из нагрудного кармана рубашки фотографию и протянул Рэю. Взглянув на нее, Рэй узнал тот самый снимок, который утром отдал еврею.

— Кто вы? — взволнованно спросил он, сузившимися глазами разглядывая молодого человека.

— Вы меня не помните? — отозвался тот слабым больным голосом.

— Помню. И вашу собаку тоже. Но откуда у вас этот снимок и что вы делаете в моей машине?

Парень повернул голову и устремил на него яркие синие глаза, которые можно было бы назвать ангельски прекрасными, если бы не тяжелый ледяной взгляд, пробирающий до костей, очень странно смотревшийся на этом миловидном юношеском лице.

— Этот снимок сегодня вы передали мне через моего посредника, Рэй Мэтчисон. Это муж Кэрол, Джек Рэндэл, с которым я лично знаком. Обычно я не задаю вопросов, но сейчас иная ситуация и я хочу знать причину, по которой вы хотите, чтобы я убрал его. Поэтому я пришел, чтобы с вами поговорить. Я не буду стрелять в этого человека, если вы мне не объясните, почему я это должен сделать.

— Ты — киллер? — Рэй положил локти на руль и уткнулся лбом в руки. — Вот черт! Вляпался... Почему, ты спросил? Потому что ты киллер, а я плачу тебе деньги. Такого объяснения тебе не достаточно?

— Нет, не достаточно.

— А ты что, приятель Рэндэла?

— Нет, скорее неприятель. Этот ублюдок та еще мразь, и я бы не без удовольствия послал ему привет из своей винтовки.

— Так в чем тогда проблема?

— В том, что он муж Кэрол.

Глаза Рэя сузились, пристально изучая молодого человека.

— И что?

— А то, что я не хочу навредить ей и не знаю, хочет ли она становиться вдовой. Насколько мне известно, она любит своего мужа.

— А что тебя связывает с Кэрол?

Парень замялся. Рэй выпрямился в кресле, прожигая его вдруг ожесточившимся взглядом.

— Что-то я не припомню, чтобы ты был в списке ее знакомых. Я никогда тебя раньше не видел, если не считать тот день в церкви, а я все знаю о Кэрол. И всех из ее круга общения.

— Очевидно, не всех, — холодно ответил парень и замолчал, ясно давая понять, что дальнейшие объяснения не последуют.

— Кто ты такой? Что такого, как ты, может связывать с Кэрол? Она не из тех женщин, у которых в приятелях встречаются наемные убийцы.

— Она не знает, чем я занимаюсь. И я рассчитываю на то, что ты ей этого не скажешь. Тогда и я ей не скажу, что ты планируешь пришить ее мужа... если мы все-таки не договоримся и я откажусь от заказа.

— Так ты все-таки возьмешься за это?

— Я еще не решил. Я хочу поговорить с тобой об этом, серьезно и без ужимок. В любом случае, наш разговор останется между нами. И наша встреча тоже. Я пришел к тебе, раскрывшись и позволив узнать, что я киллер, и ты первый и единственный, кто об этом теперь знает, если не брать в расчет моего напарника.

— Я знаю. Мне говорили, что он решает все вопросы, а стреляет снайпер, которого никто еще в глаза не видел. Умно. Конспирируешься? О тебе идет слава, не хочется ею наслаждаться?

— Такая слава мне не нужна. Она приносит мне работу, и мне этого достаточно. Но мы отвлеклись. Скажи мне сначала... как Кэрол?

Рэй с трудом скрыл нахлынувшие на него ревность и раздражение, уловив в его голосе через чур теплые и нежные интонации при произношении ее имени. Он слишком хорошо помнил, как он смотрел на нее в церкви, а также помнил, каким взглядом провожал его тогда же Рэндэл. Рэндэл знал гораздо больше, чем он, Рэй, об этом парне, кто он и откуда появился. Рэя это раздосадовало. Как же он мог прозевать этого парня, пропустить, как он появился в жизни Кэрол? То, что он в нее влюблен, было очевидным, и Рэй подумал о том, что этим можно очень кстати воспользоваться.

— А почему я должен тебе о ней рассказывать? Я ведь даже не знаю, кто ты такой, кроме того, что ты киллер, а это не больно-то располагает к такой откровенности. Может, она бы не хотела, чтобы я тебе о ней рассказывал.

— Может, и не хотела бы, — пожал могучими плечами парень. — Но у нее хоть все хорошо? Успокоилась она после смерти Куртни?

— Ты и жену мою знаешь? — задохнулся Рэй.

— К сожалению, не имел чести. Так что, ты так и не ответишь на мой вопрос?

— Что ж, хорошо, я все тебе расскажу. Тогда, может, для начала ты мне представишься, раз мы будем вести такую откровенную беседу?

— Меня зовут Ноэль Мидони.

Рэй изобразил приветливую улыбку и пожал ему руку, подумав о том, что более нелепого и дурацкого имени еще не слышал.

— Что ж, Ноэль, пожалуй, начну с того момента, как твоя собака цапнула меня за ногу и из-за тебя Кэрол убежала в истерике куда глаза глядят. Кстати, какого хрена ты вмешиваешься, да еще так грубо, а?

— Мне просто показалось, что она не хочет с тобой разговаривать, и ты хватал ее за руки. Я просто заступился.

— Тебя никто не просил! Я не тот, от кого ее нужно защищать. Я сам всю жизнь ее оберегаю и защищаю... и в основном, от ее мужа. Уже не раз приходилось морду ему набивать за нее.

— За то, что он поднимает на нее руку?

— Слушай, я смотрю, ты много чего знаешь! Не только за это. Он столько зла ей причинил, она из-за этого подонка столько горя хлебнула... В общем, убежала она тогда, а он, сволочь, даже искать ее не стал. Я сам ее нашел и привез на похороны.

— Ты поехал за ней в Фарго? — удивился парень.

Рэй смерил его полыхнувшим гневом и изумлением взглядом.

— А ты откуда знаешь, где она была?

— Неважно. Знаю, и все. А почему ты ее привез? Без тебя бы она не приехала, что ли? Зачем ты за ней таскаешься, если она от тебя убежала?

— Она убежала не от меня, а от мужа. А я не привык к тому, чтобы она исчезала, и в отличие от него, мне не все равно, где она и что с ней. И сама бы она не приехала, потому что даже на ногах не стояла. А после похорон Рэндэл ее увез и запер в психушку. Что ты на меня вытаращился? Да, чтобы не сбежала опять. Она же уйти от него хотела, а он не отпускал. Сына отобрал. Грозился прав родительских ее лишить. В общем, как я понял, он собрался ее там похоронить, в этом дурдоме, потому что когда я ее оттуда выкрал, она была уже седая до последнего волоска.

— Как седая? Почему?

— Хотел бы я знать, что они там с ней делали, что она поседела, только она не хочет рассказывать. Ясно, что просто так не седеют в таком возрасте. Сдается мне, я как раз вовремя ее оттуда выдернул. Теперь я прячу ее от мужа. Полюбуйся, что он вчера со мной сделал, мерзавец. Сigaretами жег, бил, руку до костей искромсал, — Рэй заскрежетал зубами при воспоминании об этом. — Выпытывал, где она.

— Ты ему не сказал?

— Как я могу сказать? Он же убьет ее. Я сам еще жив только потому, что он хочет выследить, где я ее прячу. А как найдет ее, крышка нам с ней, обоим. Потому и хочу я его убрать, понимаешь? Выбора другого у меня нет. Можно даже сказать, что это самозащита. Или мы, или он нас.

Ноэль задумчиво помолчал. Рэй уловил в его лице сомнение.

— Она знает, что ты хочешь сделать? — спросил парень.

— Нет, не знает. Что ты, она бы никогда не согласилась на убийство. Скорее, сама умрет. Только я не допущу этого, не позволю этому подонку до нее добраться.

Парень скосил на него подозрительный взгляд.

— Зачем ему ее убивать? Может, тебе просто мешает ее муж, потому что сам на нее претендуешь? И ты решил его прикончить, потому что он ее не отпускает. Так ведь?

— Да, я люблю ее, и никогда этого не скрывал, ни от кого, ни от него, ни от своей жены. Потому он сразу и подумал на меня, когда она пропала из больницы, что я ее оттуда забрал. Только люблю ее я уже давно. Я любил ее еще тогда, когда она была одержима

Ланджем. О нем ты тоже знаешь? — Рэй метнул на него колющий взгляд, но парень не ответил. — Если бы я хотел убрать с дороги Рэндэла, я бы сделал это еще до того, как они поженились.

— Почему ж не сделал, если любил ее, отдал другому? — неприятно ухмыльнулся парень.

Рэй бросил на него презрительный взгляд.

— Может, для тебя ничего не стоит убить человека, а я не могу. Не мог. Даже мысль такая мне в голову не приходила. К тому же, она любила его, ну, или думала, что любила... а я никогда не смог бы причинить ей боль.

— А сейчас?

— А сейчас все изменилось! Она не хочет больше быть с ним, а он ломает ее, мучает... И он действительно ищет ее для того, чтобы наказать, расквитаться.

— За то, что женщина разлюбила, ее не убивают!

— Зато убивают за то, что полюбила другого. По крайней мере, Рэндэл именно это и собирается сделать, — Рэй горько усмехнулся. — Вот и ищет, чтобы насадить на свои рога и разорвать, как бешеный бык, которому по носу врезали. Хотя у Кэрол рожки куда покрепче и побольше, могла бы пободаться с ним, если бы захотела. Только не такая она, сидит и ждет, когда он придет и расправится с ней. А я защищаю свою женщину. Теперь тебе все ясно? Что скажешь? Возьмешься или нет?

Ноэль отвернулся и посмотрел в окно.

— Это правда... что ты ее любовник?

— А зачем мне тебе врать?

— Чтобы я его убил, дабы он не убил за это ее.

Рэй открыл бардачок и достал бумажный конверт с фотографиями.

— Не веришь, вот, взгляни. Только сегодня напечатал. Никогда бы не показал тебе эти снимки, только не веришь ведь, откажешься от дела. А это смерти подобно. Нет у меня времени другого киллера искать. Не сегодня-завтра выйдет он на нас, и все.

Ноэль медленно вынул из конверта несколько фотографий и покраснел, увидев улыбающуюся девушку в густой пене в ванной, сквозь которую угадывались очертания красивого обнаженного тела. По плечам были рассыпаны мокрые белые волосы... На другой фотографии красовался в неглиже Рэй, залепив пеной таз...

— Ладно, хватит глазеть! — Рэй вырвал у него из рук снимки, не желая, чтобы он увидел другие фотографии, на которых Кэрол была запечатлена в более откровенном виде, и без того злясь, что пришлось показать ему фотографии.

Парень взял с панели снимок Джека Рэндэла и снова засунул в карман.

— Через два дня. Раньше не могу. Нужно время на подготовку, — сказал он холодно и вышел из машины.

Вздыхнув с облегчением, Рэй проводил его взглядом, с удивлением увидев, как за ним поковылял тот самый пес, который, видимо, ждал возле машины, пока они говорили. Жутковатый парень. От его взгляда мурашки по коже бегают, смотрит, словно через оптический прицел своей винтовки, злобно, ненавистно. Впрочем, эту злость и неприязнь Рэй принял лично на свой счет, и был прав. Расстроился, паренек, заревновал. Непокойно стало Рэю. Как бы не вздумал этот наемник убрать и его заодно вместе с Рэндэлом. Что у Кэрол за талант такой, всяких подонков к себе притягивать! Маньяк — психопат, Рэндэл — сволочь, еще и наемного убийцы ему не хватало! А он, обыкновенный нормальный человек,

должен с ними за нее бороться. Где он выискался, этот демон, замаскировавшийся под невинную ангельскую внешность? Станный парень, опасный, сразу чувствуется. Да еще эти шрамы на лице, как устрашающая маска... У Рэя создалось неприятное впечатление, что этот Ноэль знает о Кэрол больше, чем следует, если не все. Вспомнил, как непринужденно тот поинтересовался, почему он не убрал Рэндэла, чтобы не отдавать ему девушку? И передернул плечами, чувствуя, как встревоженно заколотилось сердце. Ясен пень, тот, кто стреляет в людей за деньги, не станет задумываться, убрать или не убрать того, кто мешает ему лично. Развернув машину, Рэй поехал домой, зная, что с этого дня, даже если Рэндэл отправится на тот свет, он будет оглядываться по сторонам и думать о том, не целится ли в него этот влюбленный киллер.

Будь она неладна, эта девчонка! Не будет ему с ней покоя до конца дней, наверное, пока не прикокнет его кто-нибудь из ее кровожадных воздыхателей! Интересно, почему так? Почему она, такая нежная, женственная, добрая, беззащитная, тихая и кроткая притягивает к себе таких мужчин, этих монстров в человеческом облики? Пусть бы Ландж нашел себе какую-нибудь маньячку, Рэндэл выбрал бы себе мегеру и фурию под стать себе, а этот урод со шрамами влюбился бы в какую-нибудь киллершу. Нет, им зачем-то нужна эта милая беззлобная девочка. Прямо как в сказке. Красавица и чудовища. Рэй усмехнулся своим мыслям. А он, стало быть, отважный принц, отбивающий ее от этих чудовищ. Было бы смешно, если бы не было так грустно. И страшно.

Этот парень не выходил у него из головы, и позже, прижимая к себе и поглаживая горячее обнаженное тело девушки, разглядывая ее лицо с прикрытыми глазами и выражением блаженства, он почувствовал острый приступ ревности, гадая о том, что все-таки за отношения у нее были с этим громилой. Насколько Рэй знал женщин, этого высокого крепкого парня любая бы посчитала лакомым кусочком и нашла бы соблазнительным, не смотря на шрамы. Бабы всегда млеют перед здоровыми сильными мужиками, а этот был еще и привлекательным. Если бы не обезображенное лицо, можно было бы сказать — красивым. Рэй вспомнил, как тогда, у церкви, посмотрела на этого парня Кэрол. Рэй не мог припомнить, что бы она еще на кого-нибудь смотрела с такой ласковой нежностью, что казалось, что она сейчас погладит его по щечке и прижмет его голову к своей груди. Вспомнив об этом, он еще больше рассвирепел, но старательно придержал свои чувства в себе.

— Да, кстати, я случайно встретил твоего приятеля. Он спрашивал о тебе и передавал привет, — непринужденно сказал он, поигрывая с ее локоном. Приподняв голову, Кэрол удивленно посмотрела на него.

— Какого приятеля?

— Ну, того, который натравил на меня своего пса на панихиде. Он представился Ноэлем.

Лицо девушки осветила радостная улыбка, больно резанувшая по сердцу Рэя. Приподнявшись на локте, она пылливо уставилась на него загоревшимися глазами.

— Он в городе?

— Наверное, раз я его здесь встретил, — буркнул Рэй. — А что, он не местный? И вообще, ты не хочешь мне рассказать, кто он такой? Почему я ничего о нем не знаю?

— Рэй, это Тимми, брат Даяны. Я же рассказывала, что он жив.

— Тимми? Этот... мрачный парень, от которого у меня мурашки по коже — тот ангелочек, о котором ты рассказывала... который на той фотографии? — поразился Рэй.

— Он самый. А почему ты так удивлен? И почему ты говоришь, что он мрачный? Какие еще мурашки, что за глупости... Симпатичный милый парень.

— Ага, милый. Значит, это он тогда так отделал Рэндэла, что он столько времени в больнице провалялся? — Рэй злорадно ухмыльнулся.

— Ну да, он.

— И ты, стало быть, с ним общаешься?

— Не то, чтобы общаюсь. Нет. Так, встречались пару раз.

— И все?

— Что ты имеешь в виду?

— То самое.

— Да ну тебя, Рэй! У тебя одно на уме, нельзя же так!

— А откуда он знает, что ты была в Фарго, когда с панихиды сбежала?

— Так мы вместе там были. Я когда убежала, он меня нашел, вот мы и поехали вспомнить детство. Он тогда мне здорово помог отвлечься от всего... Не смотри на меня так, Рэй, «отвлечься» можно и другим способом, а не только тем, который ты предпочитаешь! Мы ходили к нашей хижинке, гуляли, зашли в тир. Знаешь, он классно стреляет.

— Правда?

— Да. Он на войне снайпером был. Джек о нем все узнал и мне рассказал. Представляешь, в восемнадцать лет его взяли в плен и расстреляли, а он выжил. Просто чудо, правда? А потом его еще раз ранили, в голову, и после этого комиссовали. А он теперь мучается, не может обычной жизнью жить.

— А чем же он теперь занимается?

— Он инструктор по стрельбе, ну, учит людей стрелять.

— А-а, понятно. Инструктор, значит. Это он тебе сказал?

— Ну да.

— Так что там насчет вашей прогулки в Фарго?

— Ничего, — Кэрол погрузилась. — Плохо все закончилось. Нелепо. Зашли к Пег, а она язык распустила, глупости всякие говорить стала, а он услышал и ушел.

Рэй пристально посмотрел на нее.

— А что же такого сказала Пег, что он так обиделся?

— Да ерунду всякую...

— Какую ерунду?

— Рэй, ну оно тебе надо? Ты что, сестру свою не знаешь? Болтает, головой не думает.

Рэй обиженно притих. Кэрол посмотрела на него и погладила по щекам.

— Да она все в постель меня с ним укладывала. Говорит, что это как раз то, что мне нужно в такой момент.

— И из-за этого он ушел? — брови Рэя изумленно поползли вверх. — Он что, больной? Может, его не в голову ранили, а в место пониже, вот и сбежал?

Кэрол засмеялась.

— Рэй, ну не все ж такие как ты... Она еще говорила, что он похож на девственника, потому что краснеет, когда смотрит на меня... что он уже мечтает о том, чтобы... А он взял и ушел. Гордый он и ранимый. Оскорбился.

— Да куда уж, девственник! — фыркнул Рэй. — Если он девственник, то я английская королева! Иногда просто поражаюсь с вас, женщин, до того вы бываете слепые и глупые! Да тебе просто повезло, что он не затащил тебя под первый попавшийся куст, даже не

спрашивая, хочешь ты или нет. Уж я-то в мужиках разбираюсь не хуже, чем в женщинах.

— Рэй, ты что?! Тимми не такой!

— Да, не такой! Помниться, когда-то ты до хрипоты со мной спорила, доказывая, что Рэндэл честный, хороший и благородный и ему можно доверять. А я говорил, что пожалеешь ты еще, что с ним связалась, только никто меня не слушал. И кто из нас оказался прав?

Кэрол удрученно промолчала.

— Джек — это другое дело, — тихо возразила она. — А Тимми я знаю с детства. Он всегда был добрым и ласковым мальчиком. И он любил меня. Из-за меня он и подвергся нападению собаки...

— Люди меняются, Кэрол. Человека создает жизнь, она может изуродовать, ожесточить, озлобить... Когда ты его знала, он был маленьким мальчиком. Откуда ты знаешь, каким его воспитала жизнь? Разве не смотрела ты ему в глаза? Это глаза человека, побывавшего в преисподней, а оттуда ангелами не выходят. Тебе не надо с ним общаться, Кэрол. Он другой. Совсем другой, не такой, как ты. И этот человек тебе не нужен.

— Рэй, у него просто была не легкая жизнь, ему многое пришлось пережить... Его разорвала эта собака, похитила какая-то сумасшедшая, оторвала от родных, увезла черт знает куда... Потом беспризорная жизнь, скитания, потом война и то, что он там пережил... Конечно, это все не ушло бесследно, но это еще не значит, что он плохой, такой, что его нужно избегать. Нет, я никогда с тобой не соглашусь. Он одинокий. И несчастный. Мне бы очень хотелось его поддержать, только он этого не хочет. Он гордый. Он был таким внимательным со мной, таким мягким, совсем как в детстве, а тут Пег со своими пошлостями. Все испортила!

— Что испортила?

— Нашу вернувшуюся дружбу, испоганила ее грязью.

— Кэрол, никогда ты меня не слушала, а потом жалела об этом, разве нет? Послушай хотя бы сейчас то, что я тебе говорю. Это уже не тот Тимми, которого ты так любила в детстве. Я разбираюсь в людях, солнышко. У этого парня шрамов в душе больше, чем на теле, и от этих рубцов она стала жесткой и твердой. Тебе не нужен такой человек. Он плохой с точки зрения нравственной или просто человеческой. Лично я всегда делил людей на две категории — светлых и темных. Так вот он темный. Как и Рэндэл. А ты светлая. И рядом с темными делать тебе нечего, сама уже могла убедиться на примере с Рэндэлом.

— Ты просто ревнуешь, Рэй.

— Нет, моя сладкая. Я просто не хочу, чтобы ты из огня опять попадала в полымя, а с тобой именно так всегда и случается. От Ланджа чуть живая вырвалась, да в руки этой мрази Рэндэла... Не обижайся, но на этот раз я прав. Впрочем, я всегда был прав, только ты никогда мне не верила.

Кэрол нечего было возразить, поэтому она промолчала и плотнее прижалась к нему, положив голову ему на грудь. Уж что-что, а в людях Рэй не ошибался. Он предупреждал ее насчет Мэтта, что он опасен, насчет Джека, и даже догадался, что они оба ее обманывали, скрывая правду, то, что Мэтт болен. Рэй знал, что у нее ничего не получится с Джеком, что она совершает ошибку, выходя за него... Рэй всегда оказывался прав. Что ж, может, он и сейчас прав. Что она знает о том, кто когда-то был Тимми? Только то, что вся его жизнь — это выживание, борьба. И возможно, он смотрит на жизнь другими глазами, не так, как большинство людей, глазами хищника, привыкшего зубами вырывать свое право на существование, не страшась ни крови, ни смерти, и имеющего свои понятия и взгляды и на

мир, и на людей, и на то, как ему жить. Впрочем, какое это имеет значение для нее? Он ушел в тот вечер в Фарго, поставив точку в их отношениях. И уже не имеет значения, права ли была Пег или нет, когда говорила, что он ее желал...

А ночью она опять видела кошмар. Видела Джека, как он вышел на улицу из какого-то незнакомого ей помещения, видела его сзади так, будто стояла за его спиной. И вдруг он упал. И она снова держала на руках его бездыханное тело и смотрела в неподвижные мертвые глаза, на кровавую точку на лбу, из которой вытекала густая темная кровь... И она увидела его убийцу.

Это был Тимми.

С воплем отчаяния и ужаса она подскочила на постели. В ту же секунду ее обняли сильные руки, и она услышала над ухом голос Рэя.

— Все хорошо, малыш, все хорошо. Это всего лишь сон. Я с тобой, успокойся.

Нервы ее не выдержали и, уткнувшись ему в грудь, она разрыдалась.

Рэй обнимал ее и успокаивающе поглаживал то голову, то спину, то плечи, шепча нежные слова. Когда она немного успокоилась, он принес ей горячего чая, думая, что она замерзла, потому что ее бил озноб, хоть в комнате и было тепло. Держа чашку дрожащими руками, Кэрол выпила чай.

— Ну, рассказывай, что такого страшного тебе приснилось, — ласково проговорил Рэй, с нежной улыбкой заглядывая ей в лицо и поправляя ее растрепавшиеся волосы.

— Я видела, как убили Джека. Я вижу это уже не первый раз. Его застрелил Тимми.

Рэй застыл, взгляд его замер на девушке, но в темноте невозможно было увидеть выражение его глаз.

Кэрол нервно улыбнулась, бросив на него полурастерянный, полунапуганный взгляд.

— Бред... правда? — выдавила она.

— Нет, это не бред, это сон, просто сон, — спокойно сказал он.

— Зачем Тимми убивать Джека... Тимми не такой, он бы не стал... — бормотала она сама себе, опускаясь на подушки. — Не из-за Даяны же... за это не убивают... Этого не может быть...

— Конечно, не может, Кэрол, — мягко перебил Рэй и лег рядом, обнимая ее. — Это всего лишь сон.

— Сон, — эхом отозвалась девушка, и голос ее дрогнул. — И это самое страшное...

Дождавшись, когда Рэй уснет, она выскользнула из его объятий и, взяв телефон, спряталась в ванной.

Там взволнованно набрала номер Даяны.

— Алло, — услышала она сонный голос подружки.

— Привет, — почти шепотом сказала Кэрол. — А Тимми дома?

— Ты на часы смотрела, ненормальная? — ненавистно прошипела Даяна. — Пять часов утра! Не пошла бы ты!

— Даяна, мне очень нужно поговорить с Тимми. Если он дома, пожалуйста, дай ему трубку.

— А что случилось? Что тебе нужно от него? Что ты к нему привязалась?

— Мне нужно ему сказать... вернее, попросить...

— Попросить? Да кто ты такая, чтобы его о чем-то просить? Попроси своего мужа или Рэя! Тебе их мало, еще и в брата моего когти свои запустить решила? Не выйдет, милая. Не

смей сюда больше звонить. И Тима забудь!

Даяна бросила трубку. Но Кэрол в отчаянии снова набрала ее номер. Дозвониться у нее больше не получилось — Даяна отключила телефон.

— Кому ты звонишь?

Вздрогнув от неожиданности, Кэрол подняла глаза на Рэя. Наклонившись, он вдруг вырвал у нее из рук телефон.

— Кому? — требовательно повторил он. — Джеку?

— Нет. Тимми. Я хотела... этот сон... — лицо у Кэрол вдруг посерело, когда она вспомнила, что когда-то вот так же отобрал у нее телефон Мэтт с такой же ревностью к Джеку. Словно время повернулось вспять, заставив ее напугаться так же, как тогда.

Рэй смягчился. Поставив телефон на пол, он подхватил девушку на руки и понес в постель. Положив ее на простыни, он нежно поцеловал ее в губы.

— Солнышко, все будет хорошо. Ну что ты себе всякие страсти выдумываешь, а потом их боишься, а? Что ты сказала Тиму?

— Ничего. Даяна не позвала его к телефону. И отключилась.

— Кэрол, что ты собиралась ему сказать? Тимми, мне приснилось, что ты убил моего мужа, пожалуйста, не делай этого? Ты хоть понимаешь, как это выглядит? Ты хочешь, чтобы он принял тебя за ненормальную?

— Рэй, но это правда.

— Что правда?

— Мои сны. Это дар, понимаешь? Я вижу будущее. Вижу приближающуюся беду. Если бы я вовремя растолковала свой сон, я бы смогла спасти Куртни. И Мэтта. А теперь я должна спасти Джека. Понимаешь, он не должен умереть, этого нельзя допустить, потому что его смерть повлечет за собой страшные последствия, что-то ужасное... Рэй, помоги мне. Даже если ты думаешь, что я чокнутая, пожалуйста, помоги. Я дам тебе адрес, слетай в Лос-Анджелес, поговори с Даяной, она всегда млела перед тобой, разузнай, что у нее в голове. Может, она подбивает Тима расправиться с Джеком, чтобы отомстить ему. Тим любит ее, он все для нее сделает. Не известно, что она могла ему наговорить, чтобы заставить расправиться с Джеком.

— И ты думаешь, что она вот так возьмет и все мне сразу выложит? Мол, знаешь, Рэй, а мы задумали убить Джека.

— Рэй, но ты же всегда добивался от женщин того, что тебе было нужно. Тем более, Даяна всегда тобой болела, сам знаешь. Ну, или встретиться с Тимми и попроси его подойти к телефону, когда я буду звонить в определенное время, о котором с ним договоришься. А я сама уже с ним поговорю. Хорошо, Рэй? Ты сделаешь это для меня?

— Разве я когда-нибудь тебе отказывал? Ты всегда из меня веревки вила, негодяйка. Хорошо, завтра я слетаю в Лос-Анджелес, а Рэндэл пусть поломает голову над тем, зачем я навещался к Даяне. А теперь спи, мой цветочек. Разве ты забыла, что твоего сученка-мужа ни пули не берут, ни машины не давят... и как там его еще пытались прикончить, не знаю. Его настоящее имя, наверное, Дункан Макклауд, а не Джек Рэндэл. Помни, что он у нас бессмертный, и не переживай.

Немного успокоившись, Кэрол прижалась к горячему сильному телу Рэя и закрыла глаза. Она была обессилена, ночь выдалась утомительной. Рэй только под утро позволил ей уснуть. Она начинала уставать от его любовного натиска, и все больше удивлялась тому, сколько в нем сил и желания. Его неутомимый любовный голод стал ей казаться странным.

Или он желал ее настолько сильно, или это уже походило на одержимость. Правда, Кэрол не знала, бывает ли такое в любви. Судя по аппетитам Рэя, бывает. Но самое удивительное было то, что в постели с ним она превращалась в такую же одержимую, как и он. Это было потрясающе. Даже Джеку было далеко до «постельных» талантов Рэя. И кроме того единственного раза утром, Кэрол не вспоминала о муже в его объятиях. Ей казалось, что она больше не желала Джека, что ее страсть к нему угасла окончательно. А то, что с ней произошло утром, это всего лишь был всплеск тоски, последняя агония умирающей любви. Все ее желания, особенно плотские, были теперь направлены на Рэя.

А этой ночью он приложил все усилия, все умение и мастерство, чтобы раз и навсегда выбить из нее мысли о Рэндэле и его любви. Никогда в его объятиях женщина не думала о другом мужчине, и для Рэя это было пощечиной. Никогда он не чувствовал себя таким униженным и оскорбленным, как в тот момент. Это привело его в такую ярость, что он поспешил уйти, чтобы не позволить себе своей ревностью испортить отношения с Кэрол, которых он добился с таким трудом. На нее за это он не сердился. Зато его ненависти к Рэндэлу не было предела. Кэрол все еще страдала о нем, но преимущество Рэя было в том, что он был с ней, а не Рэндэл. А еще в том, что он, Рэй, ничего так не умел, как заставлял женщин забывать обо всех остальных мужчинах и грезить только о нем одном. И он понял, что этой ночью одержал победу над Рэндэлом, когда услышал, как мечтательно прошептала девушка во сне всего одно тихое слово, сделавшее его счастливым — «Рэй». И никогда он не слышал, чтобы его имя произносили с такой любовью.

Утром он уехал. Как обычно, прокрался незаметно в свой дом, потом демонстративно уехал на кабриолете, почти с равнодушием наблюдая за преследующей его машиной. Навестил Касевеса в больнице, вернулся домой, поболтал с Дороти, и до вечера отсыпался. Потом помельтешил перед окнами, чтобы наблюдатели убедились в том, что он дома, и незаметно улизнул.

По дороге он придумывал, что скажет Кэрол о своей вымышленной поездке в Лос-Анджелес. Заехал в магазин, купил продуктов, забежал в цветочную лавку и, выбрав самый красивый букет, помчался дальше, представляя, как девушка выйдет его встречать в прихожую в прозрачном пеньюаре, под которым будет видно сексуальное нижнее белье, один вид которого на ее красивом теле бросал его в сладострастную дрожь... Или вообще ничего не будет, кроме тонкого пеньюара, и тогда он вообще сойдет с ума и набросится на нее прямо с порога. И чем ближе он подъезжал к их укромному гнездышку, тем сильнее становилось его возбуждение. Он надеялся, что она отоспалась днем, как он, потому что этой ночью, впрочем, как и предыдущей, сон в его планы не входил.

Сердце его взволнованно заколотилось, когда он не увидел света в окнах, но подумал, что она просто спит. Захватив пакеты с продуктами и цветы, он закрыл машину и поднялся в квартиру.

— Эй, любимая, я пришел! — окликнул он, поставив пакеты на пол и включая свет в прихожей. — Кэрол! Ты что, в ванной?

И вдруг он ощутил вокруг себя страшную, тоскливую пустоту, сердце его больно заныло и, уронив цветы, он бросился сначала в одну комнату, потом в другую, заглянул в ванную и на кухню, уже зная, что ее там нет. Горло его сдавило от ужаса. Рэндэл! Он ее нашел!

Как безумный, он бросился к двери, и только сейчас заметил прикрепленную к ней записку. Резко остановившись, он сорвал бумажку с двери и, развернув, сразу узнал почерк

Кэрол.

«Не ищи меня, Рэй. Когда ты будешь читать эту записку, меня уже не будет в городе. Я уезжаю, очень далеко, и надеюсь, что Джек меня никогда не найдет. Пожалуйста, постарайся меня понять. Я не хотела причинить тебе боль, наоборот, я уехала, потому что хочу, чтобы ты жил, чтобы у тебя все было хорошо. Я не могла допустить, чтобы из-за меня погиб кто-нибудь из вас, ты или Джек. Моя последняя просьба к тебе — умоляю, прекрати эту вражду с Джеком. Я никогда не вернусь, и вы меня не найдете. Вам нечего больше делить. Пожалуйста, пожалей меня, Рэй, я не хочу оплакивать одного из вас и чувствовать свою вину. Ты знаешь, что для меня это будет непосильное бремя. Я никогда тебя не забуду. А ты меня забудь. Я причиняю одни несчастья, и без меня тебе будет лучше, вот увидишь. Ты удивительный мужчина и найдешь женщину, с которой сможешь построить такую семью, о которой мечтал. У нас с тобой никогда не было будущего, я всегда это знала. И ты должен это признать, хотя бы теперь. Найти меня не пытайся, я этого не хочу. Даже если у тебя получится меня отыскать, это ничего не изменит. В твоей постели было много женщин, но жена у тебя была одна, и место Куртни в роли жены я никогда не займу. Мы никогда больше не увидимся, Рэй. Прощай».

В глазах у него поплыло, буквы вдруг размылись, и Рэй не сразу понял, что это слезы. Опустившись на пол, он уткнулся лицом в письмо и тихо застонал.

Едва Рэй уехал утром, зазвонил телефон. Сердце Кэрол встревожено забилося, и она нерешительно сняла трубку. Кто мог звонить сюда? Кто знает, что Рэй здесь?

— Алло, Кэрол? — услышала она голос Касевеса, и вздохнула с облегчением.

— Уильям, как ты меня напугал! — улыбнулась она. — Как ты себя чувствуешь? Рэй сказал мне, что ты в больнице.

— Рэй... я б этого Рэя... — процедил сквозь зубы негодуяще Уильям. — Где он, кстати?

— Нет его, ушел.

— Вот и хорошо. Ты не передумала уезжать?

В горле у Кэрол внезапно пересохло, в груди что-то больно заныло.

— Нет, — решительно ответила она, не обращая внимания на то, что творилось в душе.

— Тогда собирайся. У меня все готово. В десять тебя будет ждать мой курьер, который все тебе расскажет, даст инструкции. У него документы.

— Курьер? Какой курьер?

— Я не могу сам встретиться с тобой, да и опасно это. Мне пришлось посвятить в наши планы еще одного человека, но это надежный человек, можешь не сомневаться, который мне помог в осуществлении твоего побега. Через этого человека мы с тобой будем держать связь. Джек ни за что не догадается. Как будешь на месте, пошлешь мне через этого человека весточку. Удачи тебе девочка. За Патрика не переживай, мы уже об этом думаем.

— Мы?

— Да, я и наш союзник. Ну, все, не будем терять время. Я не прощаюсь с тобой.

— Спасибо, Уильям, — преисполненная чувством благодарности прошептала Кэрол. — А Рэй? Если мой отъезд ничего не изменит, и они с Джеком по прежнему будут грызть друг друга глотки? Если Джек с ним что-нибудь сделает?

— Ничего он не сделает. Я позабочусь о Рэе, о нем не переживай. И вражду эту бессмысленную прекращу. Предоставь это мне. Уезжай спокойно и думай о себе. Удачного

пути.

Поспешно перерыв шкаф Рэя, она отыскала спортивную сумку, сложила туда немного одежды из той, что купил для нее Рэй, положила урну с прахом Мэтта и все журналы и фотографии, подаренные Рэем.

Рэй, Рэй... Она старалась не думать о нем, не представлять, как он придет сюда и обнаружит, что она сбежала, бросила его. Она крепилась изо всех сил, чтобы не плакать. Поспешно написала три письма. Поколебавшись, сунула в карман сумки фотографию Рэя, на которой он мыльной пеной пытался прикрыть свою наготу, когда они дурачились в ванной. На этом снимке он был как живой, такой, каким был на самом деле — озорной, веселый, красивый, с улыбкой и взглядом мальчишки. И счастливый, каким никогда не видела его Кэрол, пока была жива Куртни. Ей было горько от этого его счастья, которое в ее глазах казалось кощунством по отношению к Куртни, оттого, что она сама испытывала радость и что-то, похожее на счастье, в его объятиях, забывая обо всем, даже о своей покровительнице, предаваясь этой греховной постыдной любви. Наверное, не раз перевернулась в гробу несчастная Куртни, когда они со счастливыми стонами содрогались в объятиях друг друга на вершине наслаждений, она, ее воспитанница, в преданности которой не было ни у кого сомнений, и он, обожаемый, любимый муж, за которого она, Куртни, отдала свою жизнь. Предатели. Кэрол была уверена, что они за это поплатятся, оба. И Элен тоже вертелась в гробу оттого, что ее дочь, которую она ненавидела всю свою жизнь, наслаждается любовью мужчины, которого она всегда считала своим, не смотря ни на что, и которого любила с раннего детства и до последнего вздоха. Вот какая она, жизнь. Две женщины, две вечные соперницы, безумно любившие его, так и не добились его любви, они умерли с этой любовью в сердце, так и не став счастливыми. А его любовь досталась ей, какой-то девчонке, дочери одной и воспитаннице другой из этих двух женщин. Любовь, которую она не могла принять. Которую отвергнет, причинив боль, которую он всю жизнь причинял Элен и Куртни. Можно было бы назвать это возмездием, отмщением за мать, за Куртни, если бы она делала это с намерением отомстить, наказать, а не по необходимости. Но то, что она причинит ему боль, мучило ее. Она искала утешения лишь в том, что тем самым спасает ему жизнь. Проклятая жизнь. Почему всегда все так сложно, почему приходится делать что-то, что рвет сердце, ломает, заставляет страдать, чему противится все в душе?

Она думала так, смотря на кольцо, которое он ей подарил. Чтобы доставить ему удовольствие она уступила его просьбе не снимать кольцо с пальца, а он с радостью называл ее своей невестой и говорил, что они обручены. Она не позволяла себе об этом думать, но знала, что в глубине души ее зародилось желание, чтобы было именно так. Она бы хотела обнять его и прошептать ему «да», и никогда не снимать это кольцо. И она стыдилась того, что было у нее в душе, стыдилась этого робкого желания быть с ним. Стыдилась того, что поддалась его чарам, потеряла голову, позабыла о совести и долге. Того, что протянула руку к запретному, чужому, позволила вожделению затмить ее любовь и преданность Куртни, и даже горе, о котором забыли оба, и она, и он в порыве своей страсти.

Сняв кольцо, Кэрол положила его рядом с другими украшениями из бриллиантов, которые он ей подарил в честь их «обручения».

— Прости меня, — шепнула она и закрыла коробочку, обтянутую бархатом. — Ты подаришь это кольцо какой-нибудь другой женщине, которая примет его без сомнений и угрызений совести... у которой не будет мужа, способного сломать и отнять твою жизнь...

Многое бы она отдала ради возможности взглянуть на него еще раз, хотя бы одним

глазком и издалека, прежде чем уехать. Мысли о Джеке она вообще не подпускала к себе. В этот момент она ненавидела его, как никогда.

Только из-за его эгоизма и упрямства она вынуждена уехать. Если бы он согласился с ней расстаться, она могла бы остаться. Ведь пророчество Габриэлы говорит о том, что Джек в опасности только в том случае, если она рядом с ним. Но ведь можно же было жить в одном городе и не быть «рядом». Город большой. Все, что нужно — всего лишь расстаться, отелить свои жизни друг от друга, и жить дальше, каждый по-своему. Но Джек не из тех, кто идет на компромисс. Он всегда гнет свое, гнет, пока не сломает. Ломает всех и вся, но неужели на свете нет ничего и никого, способного сломать его?

Кэрол была полна решимости. И не только желание спасти Джека и Рэя от своего пагубного проклятия двигало ею. Она не хотела больше подчиняться Джеку. Все в ней взбунтовалось против него. Он не сломает ее, как других, потому что она сильная, сильнее его. С каждым новым ударом судьбы ей всегда казалось, что она не переживет, не выдержит. Но она все еще жива. Все умирают вокруг, а она живет. Страдает, но живет. Живет, похоронив Эмми, Мэтта и Куртни. Ей хватило сил это пережить. Что есть Джек Рэндэл и его пинки по сравнению с этими сокрушительными ударами и незаживающими, слишком глубокими ранами, нанесенными ей жизнью? У нее осталось два слабых места, по которым он мог ее ударить — Патрик и Рэй. От Рэя она уже отказалась во имя его жизни, а за Патрика готова была бороться. Она будет драться за него так, как любая мать за своего ребенка, будь та мать человеком, животным, птицей — за своего детеныша все сражаются на смерть, ведомые инстинктом, который сильнее инстинкта самосохранения — инстинктом материнства. Она бросала Джеку вызов, как сказал бы Рэй, и знала, что Джек его примет. Она уезжает, но на этом все не заканчивается, а только начинается.

Отныне только Патрик важен, в нем смысл ее жизни. Он есть ее жизнь. Он — единственное, что у нее осталось, и она не позволит Джеку отобрать у нее и его. Иначе зачем, для чего тогда жить?

Без малейших колебаний Кэрол покинула квартиру Рэя, стараясь больше о нем не думать и, взяв такси, поехала к указанному Касевесом месту встречи с его помощником. Увидев Дебору Свон, которая решительно направилась к ней, заметив, как девушка вышла из машины, Кэрол застыла на месте от удивления.

— Здравствуй, Кэрол, — сухо и сдержано поприветствовала Свон. — Пойдем.

Прочитав на лице девушки сомнение, она улыбнулась.

— Разве Касевес не сказал тебе, что тебя буду здесь ждать я?

— Нет, не сказал. Но как так получилось...

— Я сама вызвалась помочь.

— Сама? Но почему? Зачем тебе это? Разве Касевес тебе не объяснил, что Джек...

— Может рассердиться, если узнает, что мы тебе помогли от него сбежать? Знаю. Только Рэндэл мне не указ, что хочу, то и делаю, и не собираюсь спрашивать у него на то согласие. Пойдем.

Она повела Кэрол за собой. За углом стояла припаркованная машина, ключи от которой Свон ей вручила со словами:

— Сначала поедешь на машине как можно дальше, а уж потом в каком-нибудь городе сядешь на самолет. Так тебя труднее будет вычислить.

Они сели в машину, где Свон передала ей документы на другое имя.

— Насчет документов не волнуйся, придраться не к чему, Касевес ведь хлопотал, проше

говоря. Смело предьявляй и не робей. Единственное, не забудь свое новое имя. В багажнике канистры с бензином, чтобы тебе лишний раз не светиться на автозаправках, и еще я припасла еды, так что езжай вперед и не останавливайся нигде до ночи. Переночуешь в каком-нибудь мотеле, там разберешься.

Кэрол молча слушала ее, тоскливо смотря в пространство перед собой. Казалось, она не воспринимает ничего из того, что говорит ей Свон, погружившись в свои мысли. Женщина одернула ее и внимательно заглянула в глаза.

— Ты все поняла?

Кэрол кивнула, не в силах вымолвить ни слова. На лице Свон вдруг отразилось сочувствие, даже жалость.

— Я понимаю, что это нелегко, но ты должна уехать, — проговорила она. — Мы с Касевесом сделаем все, чтобы Джек тебя не нашел. И Патрик скоро будет с тобой. Дай нам на это только немного времени. Я лично тебе обещаю, что сын будет с тобой, слышишь меня? Не надо только плакать. Я ненавижу слезы.

— Я не плачу, — спокойно отозвалась Кэрол, смотря на нее сухими, но до боли печальными глазами, переполненными отчаянием. — Я верю тебе, Дебора. Я знаю, что на тебя можно положиться, что ты сильная женщина, которая всегда всего добивается. Я очень благодарна тебе за то, что ты мне помогаешь. Спасибо. Я у тебя в долгу. И... я умоляю тебя, верни мне сына.

— Я же дала тебе слово. Уезжай спокойно и думай только о том, как улизнуть от мужа и понадежней спрятаться. Устраивай свою новую жизнь, обосновывайся, а там и сынок твой к тебе присоединится.

— Я еще хотела тебя попросить об услуге. Вот два письма. Одно Джеку. Ты не могла бы как-нибудь не заметно его подбросить ему, ну, хотя бы под дверь дома. Попроси какого-нибудь прохожего мальчишку, чтобы тебя не заметили. А вот второе. Это в Лос-Анджелес, для моего друга. Здесь написан адрес. И это очень важно. Нужно, чтобы он его прочитал, обязательно, и как можно быстрее.

— Ладно, давай сюда свои письма. Сегодня же отправлю в Лос-Анджелес своего личного курьера, доставит он твое письмо ему прямо в руки, — Свон взяла письма. — Не забудь надеть парик и темные очки. Ну, кажется все. Пора прощаться.

— А все же, — тихо сказала Кэрол, пристально смотря на нее. — Кроме деловых отношений, нас ничего не связывало, Дебора. Почему ты берешь на себя такой риск и такие заботы, помогая мне?

— Ты права, нас с тобой ничего не связывает и на твои проблемы мне глубоко наплевать, — напрямик и в упор сказала Свон, испепеляя девушку тяжелым взглядом. — Я помогаю не тебе.

— Не мне? А кому же?

— Тому, кого ты губишь. У тебя нет сердца и совести, девочка. Ты играешь мужчинами и их жизнями, как марионетками, стравливаешь их и забавляешься, наблюдая за тем, как они из-за тебя грызутся. Так нельзя. Убирайся отсюда подальше и не возвращайся, никогда. Только ради того, чтобы ты не вернулась, я вырву у Рэндэлов твоего сына и верну тебе. А за это потребую с тебя обещание никогда сюда носа не показывать и никогда и ничем не напоминать о себе Рэю.

— Рэй, — чуть слышно выдохнула Кэрол. — Вот из-за кого ты идешь на такой риск... Ты его любишь?

— Да, люблю. Так люблю, что тебе не понять, потому что сама ты не способна на такую любовь. Ты привела его к краю пропасти, а я его оттуда отведу. Такой мужчина не должен страдать и погибнуть ради твоих забав и твоего тщеславия. Уезжай, Кэрол. Я не желаю тебе зла, я тебе помогу, но сюда, в город, к Рэю я тебя больше не подпущу.

— Я не забавлялась и погубить его не хотела. Поэтому я и уезжаю, разве ты не понимаешь? Я хочу, чтобы у него все было хорошо, чтобы он был счастлив...

— У него все будет хорошо, и он будет счастлив. Я о нем позабочусь.

Кэрол с легкой печальной улыбкой смотрела на нее, чувствуя, как глаза наливаются слезами.

— Это хорошо. Он мечтает изменить свою жизнь, хочет семью, детей, любви, настоящей, искренней. Думаю, лучшей женщины, чем ты, ему и пожелать не надо. Ты красивая, сильная... одного типа с Куртни. А он привык к тому, чтобы такая женщина была рядом. А ты... если верить слухам, не могла найти счастья с мужчинами. Не любила их. А Рэя... вот так сразу полюбила, так сильно?

— Просто я никогда раньше не встречала таких мужчин, как он, — сухо ответила Свон. — И действительно никогда не любила по-настоящему, так, как полюбила его. Он забудет тебя. И он будет моим. А ты правильно заметила, что я всегда добиваюсь своего.

Кэрол отвернулась и посмотрела в лобовое стекло, чтобы скрыть от нее застывшие глаза слезы. Она все еще пыталась удержать на губах улыбку. Разве не должна она быть рада тому, что Дебора Свон, эта сильная умная женщина, так предано любит Рэя? Она поможет ему в бизнесе, защитит от Джека, станет поддержкой и опорой. Она не такая суровая, как Куртни, она женственна и красива. Наверняка, она сможет стать хорошей женой и матерью. Все лучше, чем какая-нибудь бестолковая вертихвостка с необъятной грудью и двухметровыми ногами, которая будет знать только одну заботу — на что потратить его деньги. А Дебора женщина хорошая, что не говори.

— Надеюсь, у вас все получится, — проговорила Кэрол как можно искренне и рискнула посмотреть ей прямо в глаза. — Я никогда не дам ему о себе знать, никогда больше не появлюсь в его жизни. И я буду только рада, если он как можно скорее меня забудет. Позаботься о нем, Дебора, он же как непутевый капризный мальчишка, ему твердая рука нужна, чтобы направляла, сдерживала, оберегала. Джек ненавидит его. Я боюсь за Рэя.

— Не переживай. Я этой акуле плавники повыдергаю, если оскалится на Рэя.

— Что ж, тогда я желаю счастья вам обоим. Рэй... он необыкновенный. Твое сердце не обмануло тебя.

— И тебе счастья, Кэрол. Ты молодая еще, красивая, оглянуться не успеешь, как новые обожатели появятся. Устроишь и свою жизнь, главное, от Джека отвязаться, а то ведь не даст он тебе жизни, девочка. Я знаю, что ты неплохая девушка, и если и причинила кому зло, то ненамеренно. Пора, езжай, заболтались мы с тобой. Вот мой домашний телефон. Если какие проблемы возникнут, звони. А как доберешься до места, позвони обязательно, чтобы мы знали, что ты удачно доехала. Касевес волнуется, а с его сердцем нельзя.

— Позвоню, сразу позвоню. Спасибо, — Кэрол вдруг потянулась к ней и крепко обняла. Свон тепло ей улыбнулась и, ободряюще подмигнув, вышла из машины.

А Кэрол завела мотор и вывернула на дорогу, почти ничего не видя перед собой из-за слез. Она ощущала себя самой одинокой и самой несчастной женщиной на этом проклятом белом свете. Белом? Какой глупец так сказал? Нет, вокруг нее он черный, как в ее снах. Лишь иногда мрак немного развеивается, создавая иллюзию света и тепла, чтобы потом

сгуститься еще сильнее и окутать ее в свою черную беспроглядную и безнадежную тьму, из которой ей никогда не вырваться. Никогда. Это проклятие, которое наслано на нее какой-то злой душой, проклятие, от которого никто не в силах ее избавить.

На следующий день, приехав вечером домой, Джек нашел под порогом странный конверт, на котором было написано только его имя. Нахмурившись, он зашел в дом и, отложив кейс, собрался распечатать конверт, но мгновенно забыл о нем, услышав голос Патрика.

— Папа! Я приехал! — в восторге закричал мальчик, мчась ему навстречу с протянутыми руками и радостной улыбкой. Джек изменился в лице, увидев его, мрачное угрюмое выражение сменилось счастливой широкой улыбкой. Со смехом подхватил он сына на руки и подбросил вверх, а потом сжал в объятиях, прижимая к груди.

— Ну, наконец-то! Неужели ваше путешествие закончилось? Ты нас совсем забыл! Я чуть не умер, так по тебе скучал!

— Я тоже скучал. А где мама? Она все еще в больнице?

Улыбка медленно сошла с лица Джека и, подняв взгляд, он увидел перед собой отца. Тот смотрел на него испытывающим взглядом.

— Привет, Джек, — сдержанно и скупое, какими всегда и были их отношения, поприветствовал его Джордж. Он знал о том, что Кэрол сбежала из больницы и не дает о себе знать, и не вернулся бы, если бы Патрик сам не запросился домой, заскучав по родителям. Возразить ребенку он не смог, и они прилетели без предупреждения, решив сделать сюрприз.

Джек погладил сына по голове.

— Маме пришлось улететь в срочную командировку, она же не знала, что вы приедете. Мы думали, что вы не вернетесь, пока весь мир не исколесите. Напутешествовались?

— Нет, что ты, пап! Это так интересно, мне так понравилось, только я по вам соскучился. Вот побуду чуть-чуть дома, и мы с дедом опять отправимся путешествовать. Мы с ним уже договорились. А когда мама приедет? Я так соскучился. Давай ей позвоним и скажем, чтобы возвращалась. Пойдем, пап, давай прямо сейчас позвоним, — схватив отца за руку, Патрик потянул его к телефону. Бледный и растерянный, Джек остановился.

— Сынок, она сейчас в такой глухомани, где нет телефонов.

— А разве такое бывает, чтобы не было телефонов? — усомнился мальчик.

— К сожалению, бывает.

— Компания, в которой мама работает, будет там строить новый дом?

— Да, собираются.

— А-а, понятно, — Патрик грустно вздохнул. — Ладно, тогда придется ждать. Пап, но если бы она знала, что я приеду, она бы ведь не уехала, да?

— Конечно, не уехала бы. Мама очень по тебе скучала, и даже обижалась, что ты так надолго уехал. Она очень любит тебя, сынок. Надо было все-таки позвонить.

— Да, надо было, — снова вздохнул мальчик, а потом оживился. — Пап, я вам столько подарков привез! Пошли скорее смотреть!

— Патрик, ты пойдешь, распакуй сумку с подарками, а папа сейчас переоденется и к тебе присоединится, — вмешался Джордж. — Что ж ты на него прямо с порога бросаешься, он же только с работы пришел, ему и поесть надо. Иди пока к себе, а мы скоро придем, и будем

вместе смотреть подарки.

Мальчик кивнул и умчался в свою комнату.

— Ну? — Джордж вперил в сына мрачный взгляд. — Ты нашел ее?

— Нет, — сквозь зубы ответил тот. — Пошли в кабинет, там поговорим.

Захватив кейс и конверт, Джек вместе с отцом разместился в кабинете.

— Ты следишь за этим самцом хреновым?

— Поставил ребят. Ничего. В основном дома отлеживается после нашей с ним беседы.

— Что-то не верится. Может, плохо работают, ребята твои?

— Может. Вчера заменил на других. Что ты смотришь на меня? Не самому же мне за ним день и ночь по пятам ходить! Проколется, если его рук дело, вопрос времени.

— А если все же не он? Ищешь?

— Ищут. Как сквозь землю провалилась, сука.

— Других проверял? Касевес, подружка ее эта, шлюха... Пегги, кажется. Кто там еще у нее есть?

— Да никого у нее нет. Шлюху проверил, Берджесы вообще ничего не знают, кроме того, что Куртни умерла. С Даяной они враги. Друг детства ее тоже не при делах, у него занятие посерьезней, чем похищение больных девиц из дурдома — новая звезда среди киллеров. Вот разберусь с Кэрол, и этим молодчиком займусь, отправлю его в газовую камеру*. Потом и до сестрички его дело дойдет. Планов у меня много.

— А что с Кэрол делать будешь, когда найдешь?

— Посмотрю по обстоятельствам. Но если честно, такой злой я на нее, что сам себя боюсь. Кажется, увижу ее — прибью.

— Ну, зачем же так жестко? Будь снисходителен, сам ведь говорил, что у нее не все дома. Не виновата девчонка в том, что мамаша ее сумасшествием наградила.

— Тогда пусть сидит в психушке, пока не вылечится. Мне ее выходки уже поперек горла, — Джек фыркнул и, взяв конверт, распечатал. — Это что еще за анонимное послание?

Джордж с любопытством посмотрел на него.

Джек резко побледнел, лист бумаги задрожал в его руках и упал на стол. Джек поднял на отца шокированный взгляд.

— Не может этого быть... — прохрипел он слабым голосом. — Она бросила меня... Папа, она меня бросила...

Сердце Джорджа пронзила острая боль, когда он вдруг увидел перед собой потерянного и напуганного мальчика с глазами, наполненными безумной болью и отчаянием. «Папа, она меня бросила» — точно также и с таким же выражением лица, с тем же взглядом произнес его сын много лет назад, когда мать оставила его. Сильный жестокий мужчина исчез, в нем вдруг ожил тот самый мальчик, жестоко раненный женщиной, собственной матерью.

— Бросила, — повторил Джек, сидя в кресле и смотря куда-то в пространство ничего не видящими глазами.

Джордж схватил письмо и пробежал по нему глазами.

«Я уезжаю, Джек, пожалуйста, не преследуй меня. Я не хочу и не буду жить с тобой. Я больше тебя не люблю. Я вообще не понимаю, как я могла любить такого человека, как ты. Живи по своим законам, так, как привык, убивай, мучай, изводи людей, но меня не вынуждай делить с тобой эту жизнь. Надеюсь, что когда-нибудь в тебе проснется совесть и появится что-то человеческое. Но лично я никогда не прощу тебя. Не прощу того, что ты погубил тех, кого я любила. Мэтта, мою маму, Куртни. Но зла тебе я не желаю. Поэтому хочу

тебя предупредить, что ты в опасности. Пожалуйста, будь осторожен. Берегись пули. Поверь мне, если хочешь жить, даже если по-прежнему считаешь меня сумасшедшей. Только я здорова, Джек, а ты мне не поверил, впервые, и бросил на издевательства в руки этих врачей. А может, ты сделал это специально, чтобы погубить меня или наказать за то, что воспротивилась твоей воле. Тебе виднее, а я уже ничему не удивлюсь. Не удивлюсь, если ты все-таки найдешь меня и придешь за расправой. Ведь ты любишь учинять расправы. Только я перед тобой ни в чем не виновата. Ты сам все разрушил. Мне кажется, что ты сам просто до конца не понимаешь, что ты сделал. С людьми, которых я любила. Со мной, с моей душой, с моей жизнью. И вряд ли ты поймешь. Я знаю, ты будешь беситься из-за того, что вышло не по-твоему, и только это будет иметь для тебя значение. Ты не задумаешься о том, какую боль я увожу с собой. Потому что все, что имеет для тебя значение в этом мире — это ты сам. Мир должен крутиться вокруг тебя, а если кто-то этого не желает, того ты уничтожаешь. Ты и меня из бед вытаскивал для себя, а как только бы я стала тебе не нужна, ты бы выкинул меня из своей жизни и не вспомнил бы. Лучше бы так и было, лучше бы ты просто выкинул меня из своей жизни, чем разрушил мою. У меня никого не осталось благодаря тебе. Даже от Рэя я вынуждена отказаться из-за твоей ревности, а ведь он практически меня спас, когда забрал у матери, и вырастил. Я ему обязана. Оставь его в покое. Он не сделал ничего плохого тебе, он всего лишь меня оберегал, и он имел на это право, он его заслужил. К моему бегству из больницы и из города, он не имеет отношения, и ты зря его мучил. Но даже здесь он мне помог, хоть и невольно, отвлекая на себя твое внимание, и ты, преследуя его, пошел по ложному пути и не нашел меня. Ты должен был подумать о том, что я никогда не стала бы подвергать опасности Рэя. Можешь следить за ним и дальше, только это тебе ничего не даст. Как и тебе, я оставила ему письмо, в котором с ним простилась. Надеюсь, что теперь ваша вражда прекратится. Будь человеком, оставь в живых хоть одного из тех, кто мне дорог. И еще. Хочу, чтобы ты знал. Эти пять лет, что мы прожили вместе, я была счастлива. Сейчас мне мое счастье кажется всего лишь иллюзией, но это уже не имеет значения. Мне жаль, что у нас с тобой ничего не получилось, но не надо за это мстить мне. Все могло бы быть иначе, если бы ты согласился меня отпустить. Мне не пришлось бы бежать. А у Патрика оставались бы оба родителя, и я, и ты. Может быть, когда-нибудь ты изменишься, и мы сможем жить рядом, общаться, ради нашего мальчика. Только я знаю, что этого не будет, потому что скорее изменится весь мир, чем ты. Хотелось бы попрощаться с тобой, но что-то мне подсказывает, что мы еще увидимся. Ведь ты не оставишь меня в покое, да, Джек? Я знаю, что бы я ни говорила и ни делала, ты все равно останешься верен себе и своим принципам. Только помни, что преследуя меня, ты гоняешься за своей смертью. Я пытаюсь тебя спасти, но выбор за тобой».

— Она тебе угрожает? — изумился Джордж. — Надо же, кто бы мог подумать. Такая кроткая с виду девочка. Стерва, сука, дрянь. Бросить сына! Вот никогда бы не подумал, что она на это способна!

— Не способна, — холодно проговорил Джек, к которому уже вернулось все его самообладание. — Она бы ни за что не бросила Патрика, я знаю. Она рассчитывает его забрать. Или надеется, что я сам ей его отдам.

Джек взял трубку и набрал номер. Джордж встревожено наблюдал за ним.

— Зак! Людей в аэропорты и на вокзалы, немедленно! Зачем? Не задавай idiotских вопросов! За моей женой! Все проверь, узнай, покидала ли она город и когда. Что я тебе рассказываю, ты сам знаешь, что делать. Если она покинула город на машине... Мне

плевать! Хоть пешком! Я хочу знать, когда и в каком направлении. Давай, Зак, работай. Кстати, что там с Мэтчисоном? — выслушав Зака, Джек вдруг взорвался. — Какого черта! Почему мне не доложили?

Бросив трубку, он вскочил и стал нервно мерить комнату шагами.

— Так... Рэй со вчерашнего дня ушел в запой. Ребята, которые его пасут, говорят, что он до утра в гордом одиночестве накачивался в каком-то баре, потом вышел на улицу и пытался усесться за руль, и свалился прямо возле машины в беспамятстве. Мои ребята его подобрали и отвезли домой. В кармане нашли записку. Судя по всему, от Кэрол. Зак ее еще не видел, ребята не придали ей значения, потому что не в курсе всего, а просто поставлены наблюдать и докладывать. Сейчас один из них привезет записку. Что ж, если Рэй пьет со вчерашнего вечера, значит, Кэрол уже точно нет в городе. Надо узнать, кто подкинул записки. И с Рэем еще раз побеседовать. Правда, это немного затруднительно — не успел глаза продрать сегодня, как уже набрался опять до невменяемого состояния, как ребята доложили. На него это не похоже. Видимо, Кэрол действительно и ему помахала ручкой.

Джордж исподлобья следил за ним глазами.

— Джек, зачем? Зачем ты собрался ее искать? Где твоя гордость? Пусть катится на все четыре стороны! Не смей бегать за бабой, Джек, опомнись!

Резко остановившись, Джек повернулся к нему и пронзил колючим взглядом.

— Ты предлагаешь мне поступить так, как когда-то поступил ты — позволить своей жене выкинуть меня из своей жизни, как надоевшего пса вышвыривают на улицу? Допустить, чтобы мой сын страдал и был несчастен из-за того, что его бросила мать? История повторяется, не так ли, отец? На роду у нас написано, что ли, быть брошенными женщинами, женами и матерями? Если так, то мой сын будет исключением. Нет, я всегда считал, что ты поступил неправильно, отпустив с миром мою мать, позволив ей разбить не только твою жизнь, но и мою. Я поклялся, что мои дети никогда не повторят мою судьбу, не будут расти без матери и страдать от этого, как страдал я! Мой сын будет расти в семье, с мамой и папой, так, как и должно быть.

— Он маленький, ты можешь жениться на хорошей доброй женщине и...

— Он не настолько маленький, чтобы не знать, кто его мать. Мать всегда только одна, и нужна ребенку именно она! Я найду эту дрянь, я вылечу ее, и она будет жить здесь, в этом доме, со мной и с Патриком! Отец, я же говорю, у нее не все в порядке с головой, она сама не понимает, что делает. Она одержима какими-то бредовыми идеями, она нуждается в помощи, но сама этого не понимает. Поэтому я должен ее найти. Она подлечится и станет прежней, ласковой, мягкой... моей Кэрол... — он опустил в кресло, вдруг поникнув и утратив всю свою злость. — Она любит меня. Это все болезнь... это пройдет, и все станет на свои места, все будет, как прежде.

Поднявшись, Джордж подошел к нему и положил руку на плечо.

— Я не узнаю тебя, Джек. С каких это пор ты стал обманывать сам себя? Если она больна, это может быть неисправимо. Вернув ее, ты сделаешь еще хуже и себе, и Патрику. Не надо, сынок. Мы, Рэндэлы, всегда были гордыми, всегда были выше других, и ты, как никто другой, это доказал. Это всего лишь женщина, сынок. Рэндэлы никогда не бегали за женщинами. Я не побежал, и не знал, что ты меня за это осуждаешь. Нужно быть сильным. Не унижайся, не позорься, гоняясь за женой, перед людьми, которые пред тобой преклоняются, перед всем миром... Отпусти ее. Это единственно верное решение.

— Но что я скажу Патрику? — с мукой проговорил Джек.

— Скажем, что его мама умерла. Это лучше, чем правда. Лучше пусть думает, что она погибла, чем бросила его.

— Нет. Ни за что. Ты сам хоть думаешь, что ты говоришь? Сказать ребенку, что его мама умерла! Я не враг своему сыну, чтобы так его мучить. Нет, я верну ему маму, верну семью.

— Джек...

— Все, отец, помолчи. Я уже решил. Какая может быть гордость, когда рушится моя жизнь, когда мой ребенок может стать несчастным... когда эта несчастная больная один на один со своим помешательством. Я сказал тебе, что я все исправлю, все верну, и семью, и благополучие. Так и будет, — он помолчал, а потом тихо добавил. — За всю свою жизнь я полюбил только одну женщину, и я знаю, что никогда не полюблю еще раз. Ведь ты тоже всю жизнь любил мою мать и так и не сошелся больше ни с одной другой женщиной. Наверное, я тоже такой. Более того, я никогда не думал, что полюблю женщину... я же их всех ненавидел. А теперь... Папа, я даже не представляю себе жизни без нее...

— Это слова ничтожества и слабака!

— Слабака? — Джек подскочил, побелев от ярости, и грохнул по столу кулаком. — Слабаки это те, которые позволяют себя бросать! А я не позволю! Я могу бросить, но не меня, ясно? И только потому, что у нее больной рассудок, я готов ее простить за то, что она возомнила себе, что может меня оставить. А если бы она сделала это в здравом уме, я бы ее убил... потому что я ее предупреждал. Впрочем, еще посмотрим. Сначала я найду ее, а потом решу, что с ней делать. Я, я буду решать жить нам с ней вместе или нет, а не она! Я притащу ее сюда и ткну мордой о порог моего дома, как шавку, сбежавшую от хозяина! А теперь закрой свой рот, отец, пока я тебе сам его чем-нибудь не заткнул! Не выводи меня, я итак зол.

Он замолчал, услышав робкий стук в дверь.

— Да? — рявкнул он раздраженно.

На пороге показалась с виноватым видом Нора.

— Простите, что помешала, — пролепетала она, отводя взгляд от злющего лица Джека. — Мистер Рэндэл, вас спрашивает молодой человек... он... он говорит, что он ваш брат. Мне проводить его к вам?

Выражение ярости на лице Джека сменилось удивлением. Он переглянулся с отцом.

— Что ж, проводи, — опасно мягким голосом велел Джек женщине, усаживаясь в кресло с неприятной кривой улыбкой на губах. Нора поспешила скрыться за дверью, заметив недобрый блеск в глазах молодого мужчины, который очень хорошо знала, и в такие моменты старалась не попадаться под руку хозяину. Вернувшись в холл, она кивнула, приглашая гостя следовать за ней.

— Вы очень не вовремя, — шепнула она юноше. — Он злой, как черт.

Впустив его в кабинет, она удалилась, преодолевая любопытство.

Откинувшись на спинку кресла, Джек окинул представшего перед ним молодого человека любопытным взглядом, не соизволив подняться ему навстречу. Джордж тоже без смущения занялся разглядыванием гостя.

Тому от силы можно было дать лет двадцать, и то с натяжкой. В отличие от Джека, который внешне ничего не взял от матери и походил на отца, младший сын Рамоны поразительно был на нее похож. Столь явное сходство слегка шокировало обоих Рэндэлов. Парень был высок и по-юношески худощав, но пропорционально сложен и строен, как

покойный отец, от которого он унаследовал рост и телосложение. В остальном он был почти точной копией матери — темно-русые непослушные волосы, большие бесхитростные карие глаза, бледная кожа, чувственный и нежный, как у девушки рот. Он выглядел совсем еще мальчиком, черты его лица были правильными и тонкими, производя довольно приятное впечатление. И во взгляде, и в самом лице ясно читались добродушие и наивность, что вызвало на губах Джека ехидную ухмылку. И этот слюнтяй и простачок с невинными добрыми глазками его брат? Вот бы удивились люди, если бы узнали.

Парень стоял у двери, не смея сделать вперед ни шага, и растеряно, смущенно переводил взгляд с одного мужчины на другого. Они впились в него такими взглядами, что парень оробел настолько, что не мог пошевелиться, как заяц, оказавшийся перед двумя коршунами. Особенно невыносимым был для него взгляд того, кто волей судьбы был его единственным братом. Шон гордился этим родством, он хвастал всем подряд, что он брат знаменитого Джека Рэндэла, только ему никто не верил, даже друзья. Шон восхищался своим братом, боготворил его, мечтал с ним познакомиться и подружиться. Он понимал, что это будет не так просто, Рэндэл славился жестким характером, а мать рассказывала, что он груб, высокомерен, тщеславен и злобен. Но она всегда советовала ему сблизиться с Джеком, добиться его расположения, завоевать его любовь, и тогда весь мир будет у его ног с поддержкой и покровительством такого брата. Но Шон по натуре своей не был корыстен, не переняв эту черту у матери. Он искренне и наивно жаждал обрести настоящего брата, которого уже любил, хоть и не был с ним знаком. Он не собирался требовать от него помощи и покровительства, все, что ему было нужно — это возможность называть его своим братом, обрести в нем не только родственника, но и друга. Но он робел и не находил в себе достаточно решимости, чтобы встретиться с ним. Он все откладывал и откладывал, пока не появился горький, но веский повод.

И вот он стоял перед ним, своим братом, который изучал его надменным холодным взглядом, не только не пожелавшего выйти ему навстречу, но даже не поднявшегося со своего кресла за рабочим столом. В том, как Джек Рэндэл смотрел на него, не было и тени приветливости, зато чувствовалось презрение и доля возмущения, как будто появление этого молодого человека он воспринял, как неслыханную наглость.

— Здравствуйте, — преодолевая смущение и неловкость, вызванные столь холодным враждебным приемом, прервал затянувшееся молчание гость. — Меня зовут Шон. Я сын Рамоны... младший, — добавил он поспешно.

Джек вежливо, но холодно улыбнулся.

— Здравствуй. Ну, проходи, что застрял у порога? — он кивнул в сторону свободного кресла напротив стола.

Юноша немного расслабился и приободрился. Просияв радостной улыбкой, он прошел через комнату и присел в кресло. Джордж переводил взгляд с одного на другого, забавляясь в душе сложившейся ситуацией. Какими поразительно разными были эти два брата! Каким простым, невинным и беззащитным выглядел этот симпатичный милый мальчик против Джека, и каким сильным, коварным и опасным смотрелся Джек рядом с этим юнцом. С каким благоговением и затаенным страхом быть отвергнутым смотрел мальчик на него, робея и не зная, как себя вести, что говорить, чтобы понравиться суровому брату, не понимая в своем простодушии и наивности, что это невозможно, не замечая хищного взгляда и злобной болезненной ненависти, которую питал к нему Джек с самого его рождения. Любовь матери к Шону была источником этой ненависти в сердце Джека. Он думал только

о том, что в то время, когда он ощущал себя одиноким, покинутым, отверженным, мучаясь в тщетных попытках понять, что в нем не так, чем он не такой, что мать его так безжалостно и решительно выкинула из своей жизни, в это время этот мальчишка купался в ее любви и заботе, наслаждаясь ее материнской нежностью и лаской, принимая все это как должное и даже не задумываясь о том, что может быть иначе. Интересно, когда он узнал, что у него есть старший брат, и задавал ли он матери вопрос, почему она оставила его?

То, что Шон был так не похож на него, если вообще не был полной противоположностью, еще большее разозлило Джека. Это только подтвердило ему, что Рамона не хотела его, Джека, потому что он родился именно таким, а не другим, не таким, как ее обожаемый и милый добренький мальчик Шон. Такие, как Шон, нужны всем, таких любят, к таким тянутся, а от таких как он, Джек, все бегут, как от чумы, заразы, и только те вьются вокруг него, кто ищет выгоду от его ума и таланта, да те, с которыми его связывают деловые отношения. А как человек он никому не нужен. Никому. Может быть, одному только отцу, который никогда не скажет об этом, не даст это почувствовать. А еще Патрик был утешением. Вот человек, которому он по-настоящему необходим, который любит его преданно, самозабвенно. Но он еще ребенок, он не знает до конца своего отца. Может, он тоже отвернется от него, когда поймет, какой он на самом деле, не такой, какими должны все быть — добрыми, честными, бескорыстными. Даже Кэрол его бросила, а он никогда от нее этого не ожидал. Что ж, раз его бросила мать, то что тогда говорить о других? Кому он будет нужен, если не нужен самому близкому человеку — матери? Страшная черная злоба поднималась в его душе, затмевая от него весь белый свет. Постепенно он начинал осознавать и прочувствовать, каким сокрушающим ударом было для него бегство Кэрол, ее предательство. Под яростной злостью, подавляющей в нем все остальные чувства, он начинал чувствовать где-то глубоко внутри горькую обиду и жестокую боль. И это приводило его еще в большую ярость. Все в нем перевернулось, взбудоражилось, вскипело, и с каждой минутой ему все тяжелее было держать себя в руках и не позволять чувствам взорваться и выплеснуться наружу. Еще этот сопляк появился невесть откуда, чтобы вообще довести его до белого каления.

Джордж наблюдал за сыном, слишком хорошо понимая, что с ним происходит. Джек ненавидел весь мир, жаждал разорвать всех и каждого, кто бы ни попался под руку, давая волю своему безудержному бешеному нраву. С тревогой Рэндэл-старший поглядывал на юношу, которому от всей души посоветовал бы сейчас убраться, пока Джек на нем не оторвался. Но молодой человек жадно разглядывал своего кумира, радуясь долгожданной встрече и не подозревая, какие тучи над ним сгустились, искрясь электрическими разрядами, готовыми вот-вот обрушиться на его ни в чем не повинную голову.

— Ну, выкладывай, что привело тебя в мой дом, — спокойно сказал Джек, не отрывая от него переливающихся металлическим блеском глаз.

Тень печали легла на еще почти детское лицо парня. Опустив глаза, он тихо сказал внезапно охрипшим голосом:

— Мама... умерла. Сегодня утром. Я приехал, чтобы лично сообщить вам об этом.

— Ну вот, хоть одна приятная новость, — чуть слышно шепнул Джек сам себе, злорадно ухмыльнувшись.

— Что? — Шон вскинул на него растерянные глаза, подумав, что не правильно расслышал его слова.

— Я говорю, какая неожиданность! А что случилось?

— Она долго болела... от меня скрывала, а потом — раз... и все... Мне сказали, что это СПИД, но я не могу поверить... откуда? Я думаю, может врачи ошиблись, ведь такое бывает.

— Все бывает, — вздохнул Джек и, наконец-то оторвавшись от кресла, протянул руку своему брату. — Прими мои искренние соболезнования.

Шон порывисто вскочил и горячо пожал ему руку.

— Спасибо. И вы тоже... примите мои соболезнования.

— Я? — Джек снова уселся в кресло, недоуменно приподняв брови. — А при чем здесь я?

— Как при чем? — обомлел Шон. — Ведь она и ваша мама тоже. Она мне рассказывала.

— Вот как? Рассказывала? И что же она рассказывала? — в голосе Джека появилась ядовитая издевка.

Шон смутился, покраснел и виновато понурил голову.

— Она говорила, что у нее есть сын, которого она вынуждена была оставить из-за сложившихся обстоятельств...

Лицо Джека резко ожесточилось, черты обострились, глаза потемнели, став почти черными. Но внешне он все еще сохранял хладнокровие.

— Правда? И когда же произошло это чудо и к ней вернулась память, и она вспомнила о том, что у нее есть еще один сын?

Шон вжался в кресло, подняв на Джека умоляющий взгляд.

— Я узнал совсем недавно... пару месяцев назад. Я так обрадовался, что у меня есть брат, так хотел познакомиться с вами, только не решался, боялся, что вы не захотите...

— К сожалению, у меня не такая хорошая память, — Джек поморщился и пожал плечами. — И я не помню, чтобы у меня была мать. Извини, парень, но это какая-то ошибка. У меня нет матери, — жестко закончил Джек.

Шон понимающе промолчал, не зная, что сказать.

Джек откинулся в кресле и посмотрел на отца. Тот с каменным лицом застыл на месте, смотря куда-то перед собой невидящими глазами. В отличие от Джека, он не остался к трагической новости так равнодушен. Джека всегда злило то, что отец продолжал любить мать после всего того зла, что она причинила им обоим, что так и не нашел ей замену, не забыл, хоть никогда и не показывал этого. Только Джек все равно знал, всегда знал, что отец хранит в сердце прежние чувства к этой предательнице и потаскухе. Не понимал этого, не одобрял и жестоко осуждал. И сейчас его печаль о ней, его скорбь, застывшая на лице, взбесили его.

Чтобы как-то успокоиться, он схватил со стола пачку сигарет, вытащил одну и стиснул зубами. Снова подскочив с места, Шон заискивающе подставил ему зажигалку. Джек напрягся, но смилостивился и прикурил.

— Похороны послезавтра, — осторожно и робко заметил парень.

Джек не ответил.

— Вы придете? — уже совсем тихо спросил Шон.

— Нет.

— Но... как же так?

— Да вот так. Это твоя мать, ты ее и хорони. А я свою похоронил уже давно.

Шон взволнованно поднялся, и на лице его появилось негодование.

— Как вы можете так говорить? Ведь она ваша мать, как бы то ни было, и она любила вас. Я понимаю, что вы обижены на нее, но теперь, когда ее не стало...

— Понимаешь? — прервал его Джек с презрением. — Да что ты можешь понимать, щенок?

— Джек! — оборвал его Джордж сурово.

Джек перехватил его взгляд, бледнея от ярости, но Шон вмешался, снова привлекая к себе его внимание.

— Пожалуйста, вы должны ее простить! Она хотела этого, она говорила об этом перед смертью. Говорила, что тяжкий грех лежит на ее душе, что она только теперь увидела и осознала, как непоправима и велика ее ошибка, как сильно она вас ранила, покалечила и превратила... простите, в урод. Но говоря это, она не мела ввиду что-то плохое и оскорбительное, не подумайте... Наверное, она хотела сказать, что ее поступок отравил вашу жизнь, вашу душу...

— Я понял, что она хотела сказать! — оборвал его Джек. — Помолчи лучше, парень.

Шон с досадой прикусил губу, уже не впервые ругая себя за излишнюю откровенность и неумение фильтровать то, что нужно говорить, а что нет. Он всегда рассчитывал, что его поймут, но получалось только еще хуже. Он хотел донести до Джека то, как раскаялась мать, что поняла, что совершила ужасное и непростительное, как отразилось это на брошенном сыне и на его жизни, покалечив, изуродовав его внутренний мир и взгляд на мир окружающий. Так, по крайней мере, понял ее слова он, Шон.

— Вот, это она просила передать вам, — парень вынул из кармана запечатанный конверт и протянул Джеку. — Она написала это перед смертью.

Джек небрежно разорвал конверт и, развернув лист бумаги, прочел последние слова матери, обращенные к нему.

«Прости, и сам будешь прощен — так говорят мудрые, так учит нас Господь. Я прощаю тебя, мой мальчик, и молю о прощении тебя. Прощай. Твоя мама».

Смяв лист, Джек бросил его на стол и загнул в комке бумаги сигарету. Даже перед смертью она не написала ни слова о любви, даже не намекнула. Она его прощает! Вот дура. Думала, что его замучает совесть? Думала, что ему нужно ее прощение?

«Отправляйся к дьяволу, потаскуха, со всеми своими грехами и прощениями, а я еще плюну на твою могилу», — подумал он, безучастно разглядывая, как тлеет подоженная бумага.

Шон побледнел, задрожал, увидев, как обошелся Джек с последним письмом матери. Негодование и обида за горячо любимую мать захлестнули его. Что же это за человек такой, что не желает примириться даже с мертвыми, что продолжает ненавидеть даже после смерти и не прощает, когда его об этом молят на последнем издыхании? И молит не абы кто, а мать, родная мать! Какое сердце бьется в груди такого человека, каменное или просто мертвое, бесчувственное, неживое, потому и такое равнодушное?

Шону, горько разочарованному и оскорбленному, захотелось врезать тому, кто был его братом, чтобы заставить чтить память о матери и не порочить ее таким отношением, но он не сделал этого. Мама очень хотела, даже требовала от него, чтобы он подружился и сблизился с братом, она предупреждала о его крайне непростом нраве, а он, Шон, пообещал, что выполнит ее последнее желание. Он внимательно посмотрел на Джека и постарался уверить себя в том, что не вправе осуждать его, никто не вправе, потому что никто не знает, что у него в душе сейчас, что было все эти годы и в тот самый момент, когда он узнал о том, что не нужен той, что была ему необходима, как любому ребенку. Шон не знал, как бы он вел себя на его месте, возможно, так же. Ведь это в его глазах его мама была хорошей,

любимой, нежной и ласковой, самой заботливой, самой лучшей. А для Джека она была совсем другой. Самой худшей, самой презренной и отвратительной. Наверное, так. Шон попытался оправдать его, думая, что эта непримиримая ненависть и обида говорит лишь о том, что в душе его живет такая боль, что ничто не может ее пересилить, ни время, ни смерть, и именно она не позволяет Джеку простить. Шон не стал бы так думать, если бы знал, что, угадай Джек его мысли, он бы от души посмеялся и позабавился над такой детской наивностью и стремлением даже в чистой воды злобе, ненависти и самой обыкновенной жажды мести искать что-то светлое, трогательное, мелодраматичное.

Не было в его сердце ни капли сожаления и скорби. И он совсем не ощущал себя виноватым, неправым или «плохим», как любят выражаться люди. Наоборот. Сердце его переполнялось ни с чем несравнимой сладостью и радостью. Он считал, что нет ничего в мире, что могло бы сравниться с тем удовольствием, какое доставляет осуществленная месть, даже секс, и чем она беспощадней и жестче, тем больше в ней сладости, тем полнее удовлетворение. Этого удовлетворения он ждал долгие годы, месть его была длительной, неторопливой, постепенной. Медленно, мучительно он разрушал жизнь своего злейшего врага, каким объявил для себя мать еще в детстве, толкал к пропасти, забавляясь над бессмысленными сопротивлениями и наивным неведением и непониманием, что является объектом для травли. Что ж, зато умирала она, зная, что произошло на самом деле с ее жизнью и с нею самой, кто затравил ее до смерти так изощренно и беспощадно. И все же она не сказала ни слова об этом Шону. Что ж, Джек понимал, почему она не открыла сыночку глаза. Она не оставила надежду спихнуть ему своего ублюдка, чтобы теперь он с ним нянчился вместо нее. Не за этим ли этот наглец к нему явился? Здрасьте, вот я, ваш брат, прошу любить и жаловать! А отец еще и заступает за этого ублюдка! Как он может? Уж не намекает ли он на то, чтобы он распростер объятия этому сученку?

Видя, что Джек не делает ни шага ему навстречу, что принимает его в штыки, Шон совсем растерялся и упал духом, поняв, что его брат вовсе не разделяет его родственных чувств и желания сблизиться.

— Джек, — почти с нежностью сказал Шон, — я не сделал вам ничего плохого. Зачем вы смотрите на меня с такой неприязнью? В чем моя вина, скажите мне, если она есть?

Джек молчал, изучая его мрачным взглядом.

— Вы должны понять... вы и наша с вами кровная связь очень важны для меня. Вы мой брат. Единственный. И другого у меня никогда не будет. И у вас тоже. Я не навязываюсь, просто... просто мы могли бы иногда встречаться, общаться. Я очень этого хочу. Я всегда мечтал о брате. А вы, вы разве нет?

— Нет, — сухо ответил Джек.

— Но оказалось, что у вас есть брат. Что в этом плохого? Я не доставлю вам никаких хлопот, я ничего не требую, если вы об этом подумали. И мама, она так хотела, чтобы мы подружились. Я восхищен вами, я преклоняюсь перед вами и горжусь тем, что ваш брат. Я вас еще не знаю, но поверьте мне, я уже вас люблю, люблю просто потому, что вы мой брат.

— Хватит! — вдруг взорвался Джек, подскочив и заставив парня вздрогнуть от неожиданности. — Что-то заболтался ты, парень, аж голова разболелась! Я тебе не девушка, чтобы ты мне тут в любви объяснялся, побереги свое блестящее красноречие для девчонок! Ты мне не брат, ясно тебе, щенок? Как вообще ты посмел заявиться в мой дом, ты, жалкий выродок своей матери-потаскухи, ее грязный ублюдок! Ты, а не я ее грех, запомни! А теперь убирайся из моего дома и не смей показываться мне больше на глаза, если не хочешь, чтобы

я раздавил тебя, как червя, попавшего под ноги!

Побелев, парень отшатнулся от него и, резко развернувшись, бросился вон из комнаты. Джордж успел заметить его покрасневшие от слез глаза, и, вскочив, поспешил за ним. Джек изумленно посмотрел ему вслед. Он услышал, как отец окликнул Шона, как извинился за сына и попросил не воспринимать близко к сердцу его слова, уверяя, что он произнес их только от обиды и злости, да к тому же в порыве ярости. Спросил у парня время и место похорон и пообещал прийти, признавшись, что очень любил его мать.

Проводив юношу и тепло с ним попрощавшись, Джордж хотел вернуться в кабинет, но остановился, увидев, как Джек вышел в холл. Подойдя к отцу, он остановился напротив.

— Ты пойдешь на похороны? — угрожающе тихим голосом спросил он.

— Да, пойду. И тебе советую, — холодно ответил Джордж. — Зачем ты мальчика обидел? Он пришел к тебе со всей душой, такой преданной, чистой, открытой, а ты грязи в него накидал. Идиот! Как не крути, он твой брат! Прими его, ты, остолоп, иначе совсем один останешься! Всех разогнал! Оглянись, Джек, кто у тебя есть — ни жены, ни семьи, ни родственников, ни сестер, ни братьев! Только я, старик, да сын малолетний! Хватит гнать от себя людей, иначе так и сдохнешь в одиночестве!

— Ничего, я привык к одиночеству. А ты не больно-то его и скрашивал! Что, убудка этого пожалел? Так давай, пригрей его, приголубь, пожалей! Ведь без маминой сиськи остался всего-то в двадцать годков! Понравился он тебе, да? Мальчиком его называешь! А я всю жизнь был идиотом, остолопом, чудовищем! Я не такой сын, какого бы тебе хотелось, да? Вот он — да, как раз то, что нужно! Ты бы слова ему никогда грубого не сказал, не обозвал, не был бы таким черствым и бесчувственным, как со мной! Иди к нему, иди к своей потаскухе! Забыл, как она кинула тебя, променяла на другого мужика! Гордости у тебя нет, отец, иди, унижайся, оплакивая ее! О тебе она и не вспоминала. О нас не вспоминала! Она бросила нас, отец, бросила!

— Она сделала это при жизни, а теперь она мертва, Джек. С мертвых не спрашивают. За свои грехи она теперь будет отвечать не перед нами. Нужно простить, Джек. Прошло много времени, ты взрослый человек, а не ребенок. Нельзя таить обиду всю жизнь, тем более на того, кого уже нет. Зачем? Ненависть — это бремя. Скинь его, прости, и тебе сразу станет легче, вот увидишь.

— Не для того я ее в гроб упрятал, чтобы прощать! — бросил, как плюнул Джек. — Что ты вылупился на меня? Да, это я, я отомстил за нас обоих, я убил ее любовника, разрушил ее жизнь и свел в могилу! Хочешь знать, как? Я уколол ее зараженным шприцом. И она об этом знала, когда подыхала, я ей рассказал! Только вот сыночку своему она не сказала, иначе бы он не говорил мне так пылко о своей любви. Я отомстил, отец, отомстил! За тебя, за себя, за нас...

Поток его злобных восторженных слов был прерван, когда Джордж внезапно кулаком ударил его по лицу, да с такой силой, что Джек отлетел от него и с грохотом рухнул на журнальный столик, опрокинув его. Сверху на него с полок посыпались фигурки из коллекции Патрика.

— Ты чудовище! — бросил ему Джордж, и на этот раз в этом привычном слове, которым он всегда называл сына, не было лукавой теплоты, затаенной любви и открытой гордости, как всегда. На этот раз он вложил в это слово как раз тот страшный отвратительный смысл, какой оно в себе и заключало на самом деле.

Залитое кровью лицо Джека перекосилось в жуткой гримасе.

— Пошел вон! — завопил он. — Вон из моего дома, старый урод! Иди и пресмыкайся перед этой сдохшей тварью и ее ублюдком, предатель, ничтожество! Ты мне больше не отец!

— Что ж, воля твоя. Тогда ты мне больше не сын. С нетерпением жду твоего возмездия, Джек, и уверен, что ты не заставишь себя ждать, или я тебя плохо знаю. Только я не беззащитная женщина, какой была твоя мать, и разобью тебе морду, если посмеешь на меня оскалиться, щенок. Зубки коротки, мою шкуру не прокусят. Вытри кровь, мерзавец, и поднимайся, пока сын не увидел!

Отвернувшись, Джордж надменно и спокойно вышел на улицу.

— Катитесь все к черту! — прохрипел Джек и, приподнявшись, уткнулся затылком в стену и закрыл глаза. — К черту.

«Мне никто не нужен, — подумал он уже про себя с обидой и горечью. — Только вы еще поплатитесь за это».

Как только за Джорджем захлопнулась дверь, в комнату влетела Нора и со стонами, ахами и охами упала рядом с Джеком на колени, заглядывая в залитое кровью лицо.

— Как вы? Поднимайтесь, давайте, я вам помогу...

Джек с рычанием оттолкнул ее от себя с такой силой, что женщина распласталась на полу, и, встав, побрел в кабинет. Нора поднялась на ноги и перекрестилась, услышав, как он с яростными дикими воплями начал громить комнату. Вниз сбежал перепуганный Патрик и подскочил к ней, с опаской косясь в сторону кабинета.

— Что это, Нора? — прошептал он, обхватив ее ручонками и прижавшись к подолу. Женщина погладила его по голове.

— Ничего страшного, мой хороший. Твой папа немного расстроен и таким образом просто снимает напряжение. Понимаешь, иногда бывает, что так разозлишься, что хочется что-нибудь схватить и разбить. У тебя так бывает?

— Да-а, иногда, — протянул мальчик. — Тогда папа *очень* разозлился. Ой, а кто разбил мои статуэтки?

Огорченный мальчик бросился к полкам и, присев, стал собирать осколки, обиженно шмыгая носом.

— Брось, поранишься. Я сама уберу. Не расстраивайся, папа привезет тебе другие, такие же или еще лучше. Не будем пока ему мешать. Пойдем, я сделаю тебе молочный коктейль, — бросив напоследок встревоженный взгляд в сторону кабинета, Нора повела мальчика на кухню, чтобы отвлечь его внимание от беснований безудержного Джека, который дал, наконец, выход своей ярости.

Возвращаясь с работы, Свон резко притормозила у бардового кабриолета, возле которого покачивалась хорошо знакомая ей высокая мужская фигура, которую она узнала даже сзади. Бормоча ругательства, Рэй, слегка наклонившись, разглядывал переднее колесо машины и выпрямился, когда его окликнула Дебора.

— Добрый вечер, мистер Мэтчисон, — улыбнулась она. — Проблемы?

Когда он обернулся, она не без удивления увидела, что он пьян настолько, что с трудом стоит на ногах.

— А-а, это ты! Я хотел сказать... вы, — заплетающимся языком поправился он. — Да вот, пробил колесо.

— Садитесь, я вас отвезу. А машиной пусть сервисная служба займется, — перегнувшись через сиденье, Дебора открыла дверь.

— А, черт с ней! Все равно уже надоела! — махнул рукой на машину Рэй и неловко уселся в кресло. Женщина лукаво поглядела на него.

— И куда же это вы ехали? — она едва удержалась, чтобы не добавить «в таком состоянии».

— Да я здесь в баре был... зашел освежиться, пропустить стаканчик. Только там скучно до жути. Решил заехать домой за доской и отправиться на пляж. Сегодня ветер, волна должна быть хорошая. Только тронулся и напоролся на что-то! Будь они неладны, эти дороги, валяется черт знает что под колесами!

— Вы занимаетесь серфингом? — изумилась Свон.

— Не-е, не занимаюсь уже. Просто катаюсь иногда. А вы считаете, что я для этого уже стар?

— Стар? Побойтесь Бога, мистер Мэтчисон! Вы себя в зеркало видели?

— Видел сегодня утром. Ужасное зрелище! — он пьяно засмеялся.

Свон не согласилась с этим, но промолчала. Нет, не ужасное, скорее, жалкое. Ее охватил ужас, когда она подумала о том, что могло бы случиться, если бы он не пробил колесо и в таком состоянии поехал домой, а еще того хуже — к океану, и полез бы в воду, на волны, когда на земле-то, на ровном месте, не держится. Безумец. Как порой полезно, что на дорогах попадаются гвозди. словно само проведение бросило его под колеса его машины.

— Я, конечно, не хочу вмешиваться, но, думаю, благоразумнее будет серфинг на сегодня отменить, — осторожно сказала она.

Он вздохнул, печально смотря на проносящиеся за окном улицы.

— Да, наверное, вы правы. Что-то... кажется, я немного лишнего выпил, — пробормотал он и провел ладонью по лицу, пытаясь привести себя в чувства. — Тогда... высадите меня возле какого-нибудь бара.

Добора бросила на него удивленный взгляд.

— Мистер Мэтчисон, давайте я лучше отвезу вас домой.

— Домой? Нет, я не хочу домой... я не могу там, не могу, — голос его вдруг задрожал и, откинувшись на сиденье, он закрыл глаза. — Этот дом такой большой, такой пустой, тихий, безжизненный. Я остался в нем совсем один. Мне тяжело там. Я не могу там находиться... без Куртни, без Кэрл. Знаете, я всегда мечтал о свободе, жить так, как захочу, чтобы никто мне не мешал, никто не навязывал свои правила. И вот это случилось. Я свободен, я богат, сам себе хозяин, могу делать, что хочу, я независим... и так одинок. Совсем один. У меня никого нет. Мне сорок один год, а у меня нет ни семьи, ни жены, ни детей. Только огромный пустой дом, в котором остались одни воспоминания и который доводит меня до отчаяния. Я вошел вчера в него, оглянулся и понял, что это и есть моя жизнь — та же пустота.

Свон заметила, как по щеке его медленно покатила слеза.

— Куртни... моя Куртни... Почему я только теперь понял, как много она значила в моей жизни... для меня... Если бы я мог вернуться назад, в прошлое, я бы все изменил, все. А вам... вам когда-нибудь хотелось вернуться назад, чтобы что-то исправить? — он повернулся и посмотрел на нее покрасневшими затуманенными пьяными глазами.

— Конечно, хотелось, — тепло ответила Свон. — Не отчаивайтесь, вы молодой мужчина, у вас все еще будет, все впереди. Вашу жизнь наполнят другие люди, которых вы полюбите, будет и семья, и дети... если вы сами того захотите.

— Да. Может быть, — безразлично, с глубокой безнадежностью сказал он. — Только счастья так и не будет. И любви тоже.

— Ну почему же?

— Потому. Убежало от меня мое счастье и моя любовь, — он горько усмехнулся и замолчал.

Свон продолжала коситься на него с удивлением. На его лице остался мокрый след от одной единственной слезы, но такой красноречивой, такой горькой. Дебора впервые видела мужские слезы и такую тихую, но глубокую и отчаянную печаль, застывшую в каждой черточке его лица. Он, конечно, пьян, и не слабо пьян, потому и раскис, как обычно бывает со многими, кто пытается утопить свое горе в бутылке. Но то, что ему по-настоящему плохо было очевидно. И Дебора не могла не понимать, что было тому причиной. Вернее, кто. Еще совсем недавно он светился от счастья и совсем не считал себя одиноким, и смерть жены на это не влияла. Теперь же, когда эта девчонка уехала, он превратился в безутешного страдальца, оплакивающего свою разбитую жизнь. И чтобы он не говорил, не смерть жены повергла его в такое отчаяние, ведь он так радовался жизни, похоронив ее. А теперь убивается только из-за того, что от него улизнула любовница. Свон никогда не понимала мужчин. Как можно одновременно страдать и за женой и за любовницей? Желать вернуться в прошлое, к жене, чтобы все исправить и изменить, и вместе с тем убиваться за другой женщиной?

Этот мужчина настораживал ее, он жил не разумом, а сердцем, чувствами, настроением, а потому не мог быть постоянен и надежен в любви. Она понимала это, но уже ничего не могла с собой поделать. Поглядывая на его красивое неподвижное лицо, она чувствовала, как щемит от болезненной любви сердце, как душит безудержная, какая-то дикая страсть. Никогда еще она так не желала мужчину. Она боялась сама себя. Боялась одолевавшее ее желание наброситься на него, порвать на нем одежду, чтобы увидеть его великолепное тело, трогать его, целовать, прижиматься... Подобные порывы шокировали ее саму, заставляя то бледнеть, то краснеть, дрожать от волнения и обуревавших ее чувств. Вцепившись в руль, она уставилась на дорогу, борясь с одолевавшим ее безумием.

— Напомните мне ваш адрес, — сказала она, сама не понимая зачем, ведь прекрасно знала, где он живет.

— Нет... только не туда, — простонал он, с трудом выговаривая слова.

— Так, а куда же тогда?

Но он не ответил. Присмотревшись, она увидела, что он вырубился.

Остановив машину, Свон минуту неотрывно смотрела на него, затем, резко развернувшись и помчалась в другую сторону, поддавшись безумию.

До дверей своей квартиры ей пришлось тащить его практически на себе. Ей удалось его разбудить, но он еле передвигал ноги, спотыкался и терял равновесие и, похоже, больше уже не понимал, где он и что происходит, покорно идя туда, куда вели. Открыв дверь, Свон завела его в квартиру, дотащила до спальни и уронила, не удержав, на кровать. Распластавшись на спине, он замер и тихо захрапел. Переведя дух, Дебора вернулась в прихожую и закрыла дверь.

— Боже, какой ужас! — прошептала она, на мгновение прижавшись спиной к стене и схватившись за гулко колотящееся сердце. — Что он обо мне подумает!

И тут же со счастливой улыбкой бросилась в спальню.

Осторожно разув его, она присела рядом и с нежностью погладила его густые волнистые волосы. Долго она так сидела, почти не двигаясь, разглядывая его, любуясь. Он спал беспробудным пьяным сном. Медленно она расстегнула на нем рубашку и стала

гладить упругие мышцы. Никогда не доводилось ей прикасаться к такому прекрасному телу, и она делала это с благоговением, словно касалась бесценного шедевра. Она обожала искусство, преклонялась перед живописью, но особую слабость питала перед скульптурами. Каким прекрасным образцом, моделью для скульптора или художника мог бы послужить этот мужчина.

Наклонившись, она поцеловала его в чуть приоткрытые губы, но он не отреагировал, даже дыхание его не сбилось, словно он и не почувствовал, продолжая спать глубоким безмятежным сном. Горькое разочарование и болезненная досада охватили Свон, да с такой силой, что она едва не набросилась на него, чтобы растормошить и привести в чувства. Но испугалась, что если он придет в себя и поймет, где он, то может уйти, а это сейчас показалось ей невыносимым.

Забыв обо всем на свете, она стала целовать его тело, ощупывать его, ласкать. А он спал, как ни в чем не бывало, даже когда она расстегнула на нем джинсы и скользнула под них рукой, но вскоре опомнилась, испугалась и поспешно застегнула ему штаны, смутившись при мысли, что он может проснуться и застать ее за этим занятием.

Она лежала и не смыкала глаз, наслаждаясь его близостью, тем, что он спит в ее постели, рядом с ней. Давненько уже не бывало мужчины в ее спальне. А сейчас она все бы отдала, чтобы он остался здесь. Навсегда. Во сне он обнял ее, и Дебора млела от счастья в его объятиях. А желание ее достигло предела и, не в силах больше терпеть, она зажала меж ног его мускулистую ногу и терлась о нее до тех пор, пока из груди ее не вырвался сладостный стон... А потом устыдилась. Никогда с ней не происходило такого. Впервые она не могла совладать с собой. Это было так бесстыдно, так некрасиво, то, что она делала. Но угрызения совести были быстро вытеснены мечтами о близости с ним, сладостными от предвкушения того, какое наслаждение подарит ей эта дикая необузданная страсть. Этот мужчина пробудил в ней огонь, даже не прикасаясь, огонь, который не могли зажечь самыми страстными ласками ее бывшие любовники. Она была холодной, мертвой. Что же произошло, почему так получилось, что она вдруг из равнодушной женщины превратилась в похотливую самку, льнущей к совершенно чужому, почти незнакомому мужчине, одержимая вожделением, влюбленная до фанатизма? Свон не находила ответы на свои вопросы, но одно знала точно — без этого мужчины ей уже не жить. И это была не наивная горячая девчонка, а она, умная, рассудительная, расчетливая и холодная взрослая женщина. Объяснению это не поддавалось. По крайней мере, для самой Свон.

И вдруг его руки заскользили по ее телу, он прижал ее к себе, заставив затрепетать. В темноте она не видела его лица, но слышала, что дыхание его стало тяжелым, и поняла, что он проснулся. Свон задрожала от радости и волнения.

— Кэрол, — хрипло позвал он, плохо выговаривая слова, — просыпайся, моя сладкая. Я хочу тебя... не могу терпеть...

Свон напряглась и попыталась его оттолкнуть, но он хрипло засмеялся, задирая ей юбку. Вжав ее в постель своим телом, он погладил ее обнаженное бедро и нашел в темноте ее губы. Свон не нашла в себе воли для сопротивлений и ответила на страстный горячий поцелуй, застонав от животного желания, подавившего в ней все остальное, даже боль от сознания того, что он в пьяном наваждении возжелал совсем не ее.

Он овладел ею с таким жаром и нетерпением, не раздеваясь и с нее стащив одни только трусики, с такой неистовостью и страстью ее любил, что Свон забыла обо всем, даже о Кэрол, и его нежные нашептывания о любви позволила себе принять на свой счет. Она

стонала и кричала от удовольствия, а потом на нее обрушилось такое наслаждение, какого никогда она не испытывала раньше, и на мгновение она словно провалилась куда-то, а когда очнулась, он уже умиротворенно и как ни в чем не бывало похрапывал рядом со спущенными штанами, которые не потрудился ни снова надеть, ни снять.

Свон была слишком счастлива от пережитого наслаждения, которое подарил ей этот мужчина, и постаралась не вспоминать о том, что он заблуждался, как только может заблуждаться напившийся до беспамятства человек, не разобравшийся в темноте, кто с ним. Но мысли о девушке пробивались даже через эту пелену опьянения, а страсть его к ней была настолько велика, что пробудилась в нем даже в таком состоянии. Это обескуражило Свон, но не настолько, чтобы она отчаялась.

Силен, ничего не скажешь, подумала с одобрением она, гоня от себя болезненные мысли о Кэрол. Башка не работает, а то, что пониже, готово к добросовестному выполнению своих обязанностей в любом случае. Горячий мужчина, страстный. Да это с первого взгляда видно. Ничего, она женщина умная, не станет терзаться из-за того, что он думает о другой — это пройдет. В конце концов, Кэрол только-только выскочила из его постели, вот он и ищет рядом с собой именно ее, да еще, к тому же, судя по его пылкости, не успел насытиться и поостыть к ней. Видно, их любовная связь началась совсем недавно.

Только он не походил на тех мужчин, которые надолго зацикливаются на одной женщине. Внимание такого мужчины легко переключается с одной женщины на другую. А что до любви... Страшно подумать, скольким женщинам, наверное, он в порыве страсти нашептывал о любви. Так думала Свон, преисполненная решимости вытеснить из его сердца девушку и занять ее место. Кэрол никогда не вернется, а она здесь, с ним. И всегда добивалась того, к чему стремилась.

Открыв утром глаза, Рэй застонал от мучительной боли в голове и отвратительной сухости во рту. Увидев, что находится в незнакомой комнате, он медленно сел, недоуменно и озадачено поглаживая раскальвающуюся от боли голову. Он обнаружил, что сидит на не разобранный постели, одетый, но без обуви.

Сморщившись, он старательно напрягал память, пытаясь вспомнить, как здесь оказался, а главное — с кем. И округлил от удивления глаза, когда в комнату с улыбкой вошла Дебора Свон.

— Доброе утро. Как самочувствие? — приветливо поинтересовалась она, протягивая ему стакан с холодной минеральной водой.

— У-у-у, — протянул Рэй, обескуражено и виновато пряча голову под ладонями. — Боже ты мой!

Потом сообразил, что раз он одет и спал на не расстеленной постели, то, возможно, между ним и этой женщиной ничего и не было. Ужасно, но он ничего не помнил с того момента, как куда-то ехал в ее машине. Такое с ним случалось, если он сильно переусердствовал со спиртным. Опустив руки, он поднял голову и настороженно взглянул на женщину. Она все еще держала перед ним стакан. Взяв его, Рэй тремя большими жадными глотками освежил горло и снова посмотрел на нее.

— Ничего не помню, — виновато признался он и, заметив на полу свои туфли, стал торопливо обуваться. — Я что, у вас дома?

— Да, у меня, — невозмутимо ответила Свон. — Я хотела вас вчера отвезти домой, но вы так воспротивились, говорили, что вам там очень плохо и одиноко и что вы ни за что туда

не поедете. Я не знала, что мне с вами делать, вы на ногах не держались, а потом и вовсе уснули. К тому же вы не назвали мне свой адрес. Мне ничего не оставалось, как привезти вас к себе.

— О-о, простите меня, ради Бога! Мне так неловко... В следующий раз проезжайте мимо меня и не останавливайтесь.

Дебора приятно и легко рассмеялась.

— Ничего страшного, мистер Мэтчисон. Страшно подумать, какие вы приключения себе могли найти, если бы я не подобрала вас. Кстати, уже сменили колесо на вашей машине, она стоит под окном, в целостности и сохранности.

— Спасибо. Огромное спасибо, — смущенно пробормотал Рэй и, поднявшись, стал поправлять взъерошенное покрывало. Свон коснулась его плеча.

— Оставьте, я сама. Да ну что вы так виновато на меня смотрите! — она нежно ему улыбнулась, и усмехнулась про себя, подумав о том, что бы он сказал, если бы вспомнил, как набросился на нее ночью и как любил. — Меня совсем не затруднило уступить вам свою постель. Не смущайтесь. С каждым случается.

Он благодарно улыбнулся ей в ответ, не размыкая губ.

— Надо же... ничего не помню, — повторил он растерянно. — Я... я не доставлял вам больше никаких хлопот?

Свон спокойно смотрела в его яркие синие глаза.

— О чем вы?

— Ну, понимаете... — он спрятал глаза. — Когда я много выпью, во мне кровь играет, и я иногда могу делать глупости...

— Ах, вы об этом! Да, было такое. Вы собирались покататься на доске в океане. Это было бы просто самоубийством в таком состоянии, в каком были вы.

— Да, припоминаю. Действительно, собирался. Выходит, вы мне жизнь спасли. Теперь я у вас в долгу.

— Да ладно вам, мистер Мэтчисон! Все хорошо, и не волнуйтесь, об этом никто не узнает. Можете на меня положиться, — заметив, как он успокоился и украдкой с облегчением вздохнул, убедившись, что между ними ничего такого не было, она почувствовала досаду, но поняла, что поступила правильно, не сказав ему об этом. Это было трудным, но мудрым решением. Всему свое время, а время для таких близких отношений еще не пришло. Этот случайный мимолетный, к тому же им не желанный секс, только бы все испортил. Это даже забавно. Он уже стал ее любовником, а сам даже об этом не знает. Что ж, Свон не собиралась затягивать паузу в их интимных отношениях. Он мужчина одинокий, к тому же страстный, вряд ли привык к воздержанию. А уж она не зазеваается.

— Не стесняйтесь, почувствуйте себя, как дома. У меня давно никого не было в гостях, так что мне даже приятно. Я женщина одинокая. Вы, наверное, сейчас не очень хорошо себя чувствуете. Можете принять душ, не стесняйтесь, а я пока сварю вам кофе.

— Нет, большое спасибо, но я лучше пойду. Извините еще раз, пожалуйста. До встречи, Дебора, — улыбнувшись ей, он решительно вышел из комнаты. Свон пошла за ним, чтобы проводить, нацепив на лицо маску невозмутимости, под которой пыталась скрыть болезненное огорчение. Но его уже и след простыл.

Бросившись к окну, она увидела, как он подошел к своей машине и дружелюбно помахал ребятам в черном «Седане», который стоял неподалеку и до сих пор таскался за ним по пятам. Потом сел за руль и, резко рванув с места, умчался прочь. «Седан» поспешил за

ним. А Свон продолжала стоять у окна, смотря на улицу сквозь пелену слез. Он не мог не понимать, что нравится ей. И сбежал от нее. Потому ли, что все еще был одержим Кэрол, или она, Свон, просто не привлекала его, как женщина? Конечно, нелегко обратить на себя внимание, когда вокруг столько молодых и красивых, как эта Кэрол, будь она неладна. Кэрол уехала, но есть еще целый мир других женщин, которые могут ему приглянуться. Это мужчина, за которого нужно будет вести борьбу всегда, даже если удастся его заполучить, бороться, чтобы удержать. Но Свон готова была на эту вечную борьбу ради того, чтобы он принадлежал ей, как принадлежал столько лет своей жене. Куртни не красавица и намного старше его, но она смогла его на себе женить и удерживать до конца. Почему тогда не сможет она? Сможет. Потому что теперь от этого зависела вся ее жизнь.

А Рэй, приехав домой, с удовольствием расслабился в наполненной до отказа ванне, наглотавшись таблеток от похмелья и головной боли. Положив на лицо маленькое полотенце, смоченное в холодной воде, он старался ни о чем не думать, но горькие мысли сами лезли в раскальвающуюся от боли голову. Все его замыслы и планы полетели к черту, как и вся жизнь. Ничего ему больше не хотелось. Он чувствовал себя опустошенным и больным, не так телом, как душой. Хотелось опуститься на дно ванны и утопиться. Только храбрости не хватало. И он знал, что будет жить дальше и, как и раньше, страдать от своей безнадежной любви к той, которой не был нужен. Он всегда это понимал, но отказывался в это поверить, считая просто невозможным то, что его может отвергнуть женщина. Что Кэрол сопротивлялась ему только из-за Куртни.

Но Куртни больше нет, а она все равно от него сбежала, так подло, подарив ему надежду и любовь, не сказав ни слова, даже не попрощавшись, зная, какую боль ему этим причинит. Никогда с ним так не поступали, никогда так не ранила женщина. Она просто выкинула его из своей жизни, даже не задумываясь, как лишнюю и не нужную помеху. Да, какое точное определение — помеха. Это то, чем он был для нее с тех пор, как стал проявлять к ней нежные и более глубокие чувства. Всего лишь помеха. Он и его любовь всегда ей мешали, и в ее отношениях с Куртни, и в личной жизни, и она даже не пыталась этого скрыть. Его любовь, такая чистая и светлая, была ей отвратительна, она воспринимала ее как что-то постыдное, заслуживающее только одного осуждения. Рыдала и кричала, что ненавидит его в один из самых счастливых для него моментов в его жизни, когда он ею овладел. Смотрела на кольцо, которое он ей преподнес с таким благоговением и с такой любовью, предлагая не только себя и свою любовь, но и всю свою жизнь, так, будто он протянул ей стакан с ядом, отшатнулась, побелела вся. Никогда, ни на один миг, она не откликнулась на его любовь, знала, что и не сделает этого, даже когда отдавалась ему, обнадеживая, с такой пылкостью, с такой страстью и нежностью. Обнимала его, целовала, дарила жаркие взгляды и ласки, а сама планировала свой подлый побег. Рэй не понимал, почему она так жестоко с ним поступила. Не из-за Джека, нет. Слишком поздно он понял, что даже если бы Джека не стало, она все равно бы никогда не приняла его предложения и из постели бы своей его вышвырнула. И Рэй даже был рад, что Ноэль-Тимми, вдруг отказался выполнить заказ и вернул аванс, сославшись на письмо Кэрол, в котором она просила его не причинять вреда Джеку. Этот парень еще и набросился на него с возмущением и упреками в том, что он, Рэй, разболтал обо всем Кэрол и открыл ей то, что он наемный убийца и собрался пристрелить ее мужа. Рэй пытался его убедить в том, что ничего не говорил Кэрол, что ему самому было недопустимо признаваться в том, что он задумал убить Джека. Объяснил, что Кэрол на

самом деле ничего не знает, что все это просто удивительное совпадение, потому что она увидела сон, в котором ей приснилось, что Тим убивает Джека, а она всегда была очень впечатлительна к своим снам и, скорее всего, просто подстраховалась для собственного успокоения, так, на всякий случай. Тим вроде немного успокоился, но все равно остался недоволен и распрощался с ним довольно сердито, попросив больше его не беспокоить.

Теперь Рэю было на все наплевать, даже на Рэндэла. Он понимал, что Кэрол кто-то помог уехать, и даже знал, кто. Касевес. Больше не кому. Первым его порывом было броситься к нему и добиться признания, куда он спрятал Кэрол, но, уже войдя в палату, он так и не сказал о Кэрол ни слова. Касевес не признается и не скажет. А если даже скажет, то что толку? Ну, приедет он к ней, чтобы лишний раз убедиться, что не нужен, чтобы дать ей еще одну возможность осквернить своим презрением его любовь и опять его отвергнуть, унижить и причинить нечеловеческую боль. Да еще он может вывести на нее Рэндэла, который того и ждет.

Он спросил у Уильяма о самочувствии, а потом больше не сказал ни слова, только сидел, разбитый, раздавленный, во власти черной тоски и бесконечного отчаяния, тщетно пытаясь с ними бороться. И устремлял на Касевеса взгляд, полный немого горького укора и раздирающей сердце боли. «Что же ты со мной сделал? — говорил он, не произнося ни слова. — Отнял единственное, что я любил». И он ушел, даже не сказав ему «до свидания» и не пожелав выздоровления, зная и давая понять, что никогда ему этого не простит.

Они поняли друг друга без слов. Вернее, понял его Касевес, а он даже не пытался понять, почему он так поступил, не хотел понимать, потому что это не имело для него значения. Касевес знал, что для него значила Кэрол, что в ней и только в ней он видел свое счастье, свое будущее, о котором мечтал. И обвел его вокруг пальца и ударил в спину вместе с ней. Они, единственные, кому он доверял и кого любил.

Никогда больше не заговорит он с Касевесом о ней и о том, что они сделали, никогда не спросит, где она. И никогда не откроет больше перед ним свое сердце. Ни перед ним, ни пред кем-либо другим. Разве что...

С изумлением он уставился на появившегося пред ним Патрика, который без стука зашел в ванную и стащил с его лица полотенце. Увидев радостное детское личико и настоящую невинную любовь, с которой на него смотрел этот малыш, Рэй почувствовал сквозь боль в сердце какое-то смутное удовольствие. Вот кому он действительно нужен, вот кто его обожает. Его маленький друг, всего лишь ребенок, но что может быть прекрасней любви ребенка, искренней и чище? Но и этот малыш не принадлежит ему, и в любую минуту у него могут отобрать и его любовь, лишив его последнего утешения. И уже в который раз, смотря на мальчика, он испытал почти болезненное желание иметь собственного ребенка, слышать вокруг себя топот маленьких резвых ножек и звонкий детский голосок, зовущий его папой.

Значит, Кэрол уехала без сына. В таком случае, она еще вернется за ним, или Касевес отправит мальчика ей. И тогда Рэй никогда его больше не увидит.

— Рэй! Привет! — радостно воскликнул мальчик. — Я приехал!

Рэй улыбнулся, садясь в ванной.

— Привет, приятель. Как путешествие?

— О-о, ты себе даже не представляешь! Мне столько нужно тебе рассказать! Вылезай, я принес тебе подарки, пошли посмотреть.

— Подарки? Мне?

— Ну да. А потом пойдём на пляж, ладно? Я купил себе доску и хочу, чтобы ты посмотрел, хорошая она или нет. Помнишь, ты обещал научить меня кататься? Давай начнём прямо сегодня, давай?

— Рик, мне кажется, ещё рановато...

— Ничего не рановато, я уже не такой маленький, как раньше. Ну, пожалуйста, Рэй!

— Ну, ладно. А отец знает, что ты у меня? И он отпустил? — с сильным сомнением спросил Рэй.

— А! — мальчик махнул рукой. — Ему сейчас не до меня, он меня даже не замечает. Даже подарки мои смотреть не стал, — в голосе его прозвучала горькая обида. — Его нет дома, а Нору я предупредил.

Погрустнев, он добавил:

— И мама уехала в командировку. Дед поссорился с папой и ушел вчера. Папа запретил мне к нему ходить. Лучше бы я и не приезжал сюда. Приехал, и никому до меня дела нет.

— Папа поссорился с дедом? — поразился Рэй. — Почему?

— Не знаю. Я слышал, как папа на него вчера кричал, дед глаз ему подбил, и папа его выгнал. А теперь такой злой стал, что я даже боюсь к нему подходить.

— Ну и ну! — Рэй с трудом удержался от ехидной ухмылки. Вот это новость! Неужели Рэндэлы друг с другом сцепились? Неужто эта могущественная парочка, отец и сын, наводящие ужас на всех и вся, всегда горой стоявшие друг за друга, разбилась? Что же могло такого произойти, что они набросились друг на друга? Чем закончится эта довольно серьезная ссора? Если Джордж поднял руку на Джека, а тот выгнал его, вряд ли они вот так запросто простят это друг другу, оба обладая одинаковыми характерами с такой гордыней и надменностью. Рэй не мог себе представить, кто из них первый предпримет попытку помириться, зная, что ни тот, ни другой этого не сделают и скорее сожрут друг друга, чем переступят через свое легендарное упрямство и высокомерие.

— Подожди меня в комнате, — повелел он мальчику. — Я сейчас выйду.

Патрик вышел за дверь, а он ополоснулся под душем, смывая мыльную пену и, став на мягкий коврик, обтерся полотенцем. Ничего ему сейчас так не хотелось, как упасть на кровать и не шевелиться, он чувствовал себя ужасно после двух дней беспробудного пьянства, хоть головная боль и проходила постепенно. Но зато чувство бесконечного одиночества уже не так давило на него, и Патрик светлым лучиком ворвался в его затянутый черными тяжелыми тучами мир.

И вдруг заметил, что Патрик наблюдает за ним в приоткрытую дверь, жадно разглядывая. Увидев, что его обнаружили, мальчишка даже не смутился. Улыбнувшись, Рэй натянул трусы и вышел к нему с самым что ни есть невозмутимым видом.

— А правда, что девчонки любят сильные мускулы? — наивно поинтересовался мальчик, продолжая его разглядывать с неприкрытым восхищением.

Рэй рассмеялся.

— Ну, лично я никогда не встречал таких, кому бы это не нравилось.

— А меня дразнили хлюпиком, ну, тот, которому я гантелей по морде надавал, помнишь? — с досадой вспомнил Патрик. — И что теперь, меня не будут любить девчонки?

— Ну, во-первых, ты совсем не хлюпик. А во-вторых, никто не рождается атлетом. Ты делаешь по утрам зарядку, как я тебя учил?

— Э-э... нет, — мальчик покраснел и виновато опустил голову. — Мне скучно делать это одному. Вот если бы с тобой...

Наклонившись к нему, Рэй уперся ладонями в колени, заглядывая в маленькое личико.

— Слушай, а ты не хочешь заняться спортом? Для мужчины это необходимо. Запишись в какую-нибудь секцию, и тебе не будет скучно с другими мальчиками. Тебе нравится что-нибудь конкретное? Вот я, например, любил футбол. Ну, и серфинг, конечно.

— И теннис, — напомнил Патрик. — Я тоже хочу играть в теннис и уметь кататься на доске. Но больше всего... больше всего мне нравится бокс.

— Это довольно жесткий вид спорта.

— Знаю, — с трепетом проговорил мальчик. — Но мне так нравится. Я всегда смотрю по телевизору. Это... так классно. Особенно когда с кровью...

Рэй удивленно хмыкнул.

— Какой ты кровожадный мальчик.

— Кровожадный? Это как?

— Это когда кровь любишь.

— А, да, люблю. Хочу заниматься боксом! Папа запрещает мне драться, а мне все время хочется. А там я смогу это делать.

— А почему тебе все время хочется драться? Тебя что, обижают?

— Да нет. Меня все боятся, — с гордостью похвалился он. — Как боятся моего папу. Только незнакомые мальчишки задираются. Просто мне нравится кого-нибудь бить.

— Нравится? А ты не задумывался над тем, что причиняешь человеку боль? Разве это хорошо?

— Хорошо-о, — дрожащим от странного возбуждения голосом протянул мальчик. — Мне хорошо.

Рэй выпрямился, озадачено его разглядывая. О чрезмерной агрессивности, драчливости и жестокости мальчика он был осведомлен, но никогда не задумывался об этом раньше, не придавая значения. Все дети по-своему жестоки. К тому же он был уверен, что малыш просто не понимает еще, что причиняет в драках кому-то боль, какой вред может нанести, ударив, например, своего противника тяжелой гантелей по лицу. А оказывается, он очень даже все понимал. Какая-то смутная тревога зародилась в сердце Рэя. По телу прошел холодок, когда он увидел и услышал, как этот маленький мальчик почти со сладострастием произнес эти странно и жутко звучащие детским голоском слова: «Хорошо-о. Мне хорошо».

— Нет, Патрик, это плохо. Одно дело защищаться или отстаивать свою честь и достоинство, или заступаться за слабого — это нужно. А бессмысленное кровожадное насилие — это удел психически нездоровых людей.

Мальчик крупно вздрогнул.

— Я не сумасшедший. Ты расскажешь папе, да, Рэй? Пожалуйста, не надо, а то он опять заставит меня ходить к психиатрам, а они сами все чокнутые. Ведь я больше никого не бью. Я исправился.

— Разве я когда-нибудь ябедничал на тебя родителям? Обижаешь.

— Я знаю, Рэй, ты настоящий друг. Самый лучший. Так что, ты запишешь меня на бокс?

— Если ты обещаешь мне не бросаться на людей без веских на то причин. А уметь постоять за себя мужчина должен уметь. Но, к сожалению, с боксом придется немного подождать — ты еще слишком мал. Если хочешь, можем пока записаться в секцию восточных единоборств, это тоже штука неплохая.

— Ну, ладно, давай пока туда, — вздохнул мальчик. — Все лучше, чем зарядка по утрам в одиночестве.

Пока Рэй одевался, Патрик не отрывал от него пристального взгляда.

— Рэй, а почему тебя не любит мой папа? — неожиданно спросил он.

— Не любит? Правда? — невинно удивился Рэй.

— Да. Я давно уже заметил, только так до сих пор и не понял, почему, ведь ты такой хороший, такой классный. Я, например, очень тебя люблю. А папа и дедушка — нет. Почему?

Рэй пожал плечами.

— Может быть, потому что я другой, не такой, как они. А может, они просто ревнуют тебя ко мне. Думаю, что твой папа запретит тебе со мной общаться и сделает все, чтобы ты меня разлюбил, — грустно заметил он.

— Я никогда тебя не разлюблю! А если он запретит... я не послушаюсь! Он мне к деду запретил ходить, а я все равно буду! Если они поссорились, я-то тут при чем? Я с дедушкой не ссорился. И тебя я не брошу, потому что ты мне настоящий друг. А друзей нельзя предавать, папа сам меня этому учил.

Присев напротив него, Рэй обнял его и жадно прижал к груди.

— Я тоже люблю тебя, мой мальчик. Очень люблю. И хочу, чтобы ты помнил об этом, всегда, что бы ни случилось.

Отстранившись, Патрик пытливо взглянул ему в лицо подозрительно и, как показалось Рэю, зло прищуренными глазами.

— Рэй, а правда то, что ты трахаешь мою маму?

Рэй с трудом сохранил непринужденное выражение лица, но почувствовал, как загорелись щеки. Тогда он нахмурился, сдвинув брови и раздув от возмущения ноздри. Испугавшись, что он рассердится и обидится, мальчик поспешил оправдаться:

— Я просто слышал, как дед говорил что-то такое папе по телефону. Только я, конечно, не поверил. А еще... — Патрик с загаженной мукой в глазах смотрел на него, выдавая Рэю свои страдания из-за услышанного. — Еще то, что ты хочешь отобрать маму у папы. Отбить, чтобы она стала твоей женой.

Рэй положил руки на его хрупкие маленькие плечики, полностью накрыв их ладонями, и слегка сжал пальцами, смотря прямо в серые умные глаза, глаза Джека, странно смотревшиеся на этом невинном детском личике.

— Нет, Рик. Наверное, ты что-то не правильно понял, или твой дедушка просто так шутил, а ты принял за правду.

— Значит, это все неправда?

— Конечно, нет.

— Ты клянешься?

— Послушай, Рик. Твоя мама была еще девочкой, когда пришла жить в этот дом, ко мне и Куртни. А твоему деду и отцу просто не нравится, что мы с ней дружим, вот они и говорят всякие гадости. Я очень люблю и тебя, и твою маму, но не так, как они думают.

— Как сестру, да?

— Ну... да, что-то вроде того.

— А разве сестру целуют так, как ты ее поцеловал на конкурсе в Диснейленде? Так целовал ее только папа, когда думал, что я этого не вижу. Так целуются в кино эти... как их... влюбленные, вот.

— Так это же было понарошку. Ведь я был принц, а она принцесса, а в сказках принц всегда целует принцессу, когда спасет. Ты же сам слышал, как все кричали, чтобы я ее

поцеловал. И все понимали, что это не по-настоящему, что это просто игра. А ты не понял разве?

— Нет, я понял. Только это выглядело, как по-настоящему, а не как понарошку. Может, поэтому папа и дед стали такое про тебя говорить?

— Может, и поэтому. Наверное. Но ты-то мне веришь?

— Ты так и не поклялся. Поклянись своей жизнью. Скажи: «Что б мне сдохнуть, если я вру».

Рэй обижено поджал губы, осуждающе покачав головой.

— Не веришь, значит. Хорошо. Я клянусь и что б мне сдохнуть, если я вру. Ты доволен?

Тема закрыта?

Мальчик понурил голову.

— Да. Ты обиделся?

— Да, я обиделся.

— И мы теперь не поедем на пляж? — упал духом Патрик.

— Поедем, — сердито буркнул Рэй и взял стоявшую у стены доску для серфинга. — Это плохая доска. Поехали, я куплю тебе другую. Настоящую. И покажу, чем они отличаются. И заедем в спортивный клуб, запишем тебя в секцию. По рукам?

Патрик запрыгал на месте от восторга и ударил ладошкой по протянутой Рэем руке.

— По рукам! Ой, а про подарки-то забыли! Смотри, что я тебе привез!

*Примечание: *В Калифорнии газовая камера была признана «жестоким и необычным наказанием» и запрещена к применению только в 1996 году. В 2006 году также была запрещена инъекция, таким образом все методы казни были запрещены в Штате.*

Не прошло и двух недель, как Патрик со слезами прибежал к Рэю прямо в офис, чтобы сообщить, что его выгнали из секции. Рэй не удивился его появлению. Мальчик был не по годам самостоятелен, и теперь, когда не было рядом мамы, которая ущемляла его свободу и никогда не отпускала его одного дальше, чем к соседским мальчишкам в гости, уверенно и деловито разъезжал по городу, заказывая себе такси или ловя машину прямо на улице.

Со смехом рассказывал он, что останавливается первая же проезжающая мимо машина, и водители, все как один, спрашивают одно и то же: «Ты что, потерялся, малыш?». И, отложив все свои дела, везут его, куда он скажет. И вытягивают от изумления лица, когда он деловито вручает им деньги, благодарит и, выйдя из машины, важно отправляется по своим делам.

Джек не запрещал ему это, повелев Норе отпускать мальчика одного из дома. Он не хотел видеть в своем сыне беспомощного ребенка, который без мамы не мог бы и шагу ступить, постепенно приучая к самостоятельности. Он не боялся за мальчика. Мальчик был не по годам уверен в себе, сообразителен, деловит и в случае необходимости мог постоять за себя. Он мог дать отпор даже взрослому человеку, что происходило уже не раз, когда он бросался на обидчика, не задумываясь о его возрасте и силе, шокируя своей дерзкой смелостью, агрессивностью и жестокостью. Однажды он чуть не откусил нос учителю по физкультуре, когда тот, по его словам, дал ему затрещину за баловство и непослушание. Джек поверил сыну, а не учителю, который отрицал насилие со своей стороны, а поведение мальчика объяснял тем, что у ребенка попросту с головой не все в порядке. Джек повел себя беспощадно с учителем за то, что тот посмел поднять руку на его сына, да еще и говорить о нем, что он ненормальный. Учитель не только с треском вылетел из школы, лишившись права на преподавательскую и тренерскую деятельность, но и отправился на год в тюрьму по обвинению в неоднократном применении насилия к ученикам. Впрочем, это была правда. Многие дети подтвердили, что он бывал груб и не сдержан и нередко раздавал пинки и затрещины, а потом угрожал, что если дети расскажут об этом родителям, то он, в свою очередь, доведет до их сведения, что они, дети, плохо себя ведут, и пугал тем, что их же и накажут и они получат оплеух еще и от родителей. И Патрик был первым и единственным, кто дал ему отпор, да так, что истекающего кровью преподавателя увезли на неотложке с наполовину откусанным носом. Этот случай превратил Патрика в маленького героя среди ребятишек в школе, и даже старшеклассники стали относиться к нему по-дружески и с уважением. Но после того, как Патрик, опять же на уроке физкультуры, повздорив с какой-то мальчишкой, раздробил его лицо гантелей, едва не забив до смерти и, если бы не вмешательство учителей, так бы, наверное, и случилось, его стали бояться не только ученики, но и учителя. И если бы его отца не боялись еще больше, Патрика наверняка исключили бы из школы. Джек сам хотел перевести его в другую школу, но мальчик воспротивился и сумел переубедить отца, сказав, что здесь к нему уже никто больше задираться не станет, а в новой школе ему опять придется давать отпор задирам, которые будут провоцировать его на драки. Джек вынужден был признать, что мальчик прав, и не стал настаивать. Патрик упивался тем, что перед ним испытывают страх, получал от этого

удовольствие, и Джек это видел, но лишь улыбался, потому что сам был таким же.

Рэй знал обо всем этом, потому что Кэрол всегда делилась с ним и Куртни. Он считал, что в мальчике играет кровь Джека, что он неправильно воспитывает ребенка, вылепливая из него себе подобного монстра, а доверчивая Кэрол не пытается этому воспрепятствовать. И со своей стороны Рэй, пользуясь любовью и доверчивостью, которые питал к нему Патрик, пытался повлиять на мальчика более благотворно, чем его отец и дед, исправить недостатки, которыми наградила его папаша. Он любил Патрика и не хотел, чтобы он вырос еще одним бессердечным подонком-Рэндэлом. К его немалому удивлению, если, конечно, мальчик не врал, Джек пока не противился его общению с ним. Патрик говорил, что отец очень занят, всегда в плохом настроении и ему сейчас не до возни с сыном, у Норы тоже по дому забот полон рот, мамы нет. Рэй понимал, что только из любви к сыну, Джек пока не запретил тому с ним общаться, и потому, что мальчик сейчас был предоставлен сам себе, скучал, искал в Рэе утешение, пока родители были поглощены собственными делами и проблемами. А Рэй искал утешение в нем. И Патрик целыми днями эти две недели ходил за ним по пятам. Рэй сам отвозил и забирал его с занятий в спортклубе, считая, что Патрик еще слишком мал, чтобы самостоятельно кататься по городу. Джек не разрешал ему приезжать к нему в офис, да и сам там почти не находился, а Рэй ничего не говорил против, когда мальчик появлялся с утра у него на работе, находил ему занятие и возил его за собой, когда приходилось выезжать по делам. Забирая его из спортклуба, он вместе с ним возвращался в офис, а не отвозил Патрика домой, где не было ни мамы, ни папы. Сотрудники компании были приветливы и внимательны к мальчику, проявляя любопытство к маленькому сыну Джека Рэндэла, улыбались, наблюдая за тем, как их начальник носится с мальчиком, недоумевали и шептались, гадая, что происходит и почему это такой мужчина, как Рэй Мэтчисон, стал нянькой для чужого ребенка, который обожал его до поросычьего визга. Поначалу некоторые даже подумали, что это его собственный сын, внебрачный. Но слишком явное сходство с Джеком Рэндэлом отметало это предположение, да и сам мальчик, когда начал знакомиться со всеми в офисе, с надменностью и гордостью называл свою фамилию. Всех ужасно веселило и забавляло то, что по офису с важным видом расхаживает маленькая копия Джека Рэндэла. Когда кто-то спросил Рэя о мальчике, он отшутился:

— Вы же хотели вернуть в компанию Рэндэла, вот я вам его и привел.

А теперь мальчик стоял перед ним, растерянный и напуганный, покинув спортклуб раньше времени. Рэй собирался забрать его с тренировки только через час.

— Выгнали? Почему? — удивился Рэй.

— Ну, они сказали, что я испортил «грушу», — ломаясь, признался с неохотой Патрик и, помявшись, добавил. — А еще я сломал одному мальчику руку.

И тут же, подняв на Рэя жалобный умоляющий взгляд, принялся поспешно оправдываться.

— Я же нечаянно! Я не хотел! Нас просто учили одному приему, и я просто правильно его выполнил, нельзя же за это выгонять!

— Ломать кости противнику можно в уличной драке, а не на тренировке, — сурово оборвал его Рэй. — Разве ты этого не понимаешь?

— Понимаю, конечно, понимаю! Говорю же, я нечаянно! Так получилось, понимаешь? Хочешь, я покажу тебе, как так получилось?

— Нет уж, спасибо, только поломанных рук мне и не хватало, — буркнул Рэй, но уже ласково. — Нужно же быть осторожным, Рик.

— Я буду осторожным, очень осторожным! — горячо пообещал мальчик. — Но тренер сказал, чтобы я привел отца. Рэй, пожалуйста, поговори с ним, как будто ты мой папа. Они не догадаются, что ты обманываешь, ведь они и так думают, что ты мой папа, потому что ты меня туда записал и все время привозишь туда и забираешь. Если папа узнает, он опять заставит меня ходить к психиатрам, а я не хочу, я же нечаянно!

Подбежав к нему, Патрик обнял его и жалостливо всхлипнул.

— Ладно, не ной, разберемся. Когда тренер сказал приехать?

— Немедленно.

Вздыхнув, Рэй поднялся с кресла.

— Что ж, тогда поехали.

— Он сказал, чтобы ты приехал один, без меня.

— Почему?

— Сказал, взрослый разговор, не для моих ушей.

— Уж не собрался ли он меня побить? — ухмыльнулся Рэй. — Ты мне все рассказал?

— Да.

— Поехали, посидишь в машине.

Тренер встретил Рэя довольно дружелюбно и учтиво. Это был мужчина маленького роста, худощавый, но очень энергичный и подвижный. В его маленьком кабинете на стене висели многочисленные награды, которые Рэй, усевшись на предложенный ему стул, стал с любопытством разглядывать и пришел к выводу, что у этого спортсмена была неплохая карьера и достойные уважения достижения и победы. Рэй почувствовал легкую зависть и горькую досаду от того, что его мечты о большом спорте так и остались только мечтами, а имеющиеся у него награды за первые места в соревнованиях по серфингу показались ему самому жалкими и ничего не значащими. Его жизнь не удалась, он убеждался в этом все больше и больше. Он считал, что если не осуществились мечты, то жизнь не удалась. Не удалась, если живешь не так, как тебе хотелось бы, занимаешься не тем, о чем мечтал. Он был очень энергичным, выносливым, сильным, здоровым, имея все задатки для того, чтобы стать отличным спортсменом, он был рожден для спорта и любил его, и просиживает штаны в офисе вместо того, чтобы покорять вершины олимпа. Он знал, что сам виноват, потому что из-за своей лени и легкомыслия растратил свою молодость впустую, на безделье, на развлечения, на женщин, зарыл свой талант в землю, как говорится. А теперь, впервые в жизни оглянувшись назад, он вдруг это понял. Понял, что и он и его жизнь — пустое место. Он жил одним днем и ему это нравилось, он не хотел жить иначе, и теперь оказалось, что вся его жизнь состоит только из этих бессмысленных, ничего не стоящих, одинаковых и канувших в небытие дней. Что он будет рассказывать о себе своим детям, если они, конечно у него когда-нибудь появятся? О своем распутстве? О том, как трахал женщин, проматывал деньги, заработанные женой, сидел у нее на шее, он, молодой, здоровый и не глупый мужик? О своем эгоизме, бесконечных обманах, о том, что жил только для себя и любил только себя? О том, как однажды очнулся, прозрел, да поздно было? Промотал он свою молодость, а может быть, и всю жизнь.

Этот тренер, с легкой завистью в глазах его разглядывающий, удивился, если бы узнал, что это он, красивый, пышущий здоровьем и силой мужчина, дорого и со вкусом одетый, разъезжающий на роскошных машинах и владеющий крупной строительной компанией, завидует ему. Что все это он бы променял на кубок олимпийского чемпиона, который скромно стоял на полочке и который он так грустно разглядывал. Вот она, его мечта, прямо

у него перед глазами, но принадлежит не ему и до нее уже никогда не дотянуться. Никогда. Этот тренер не был богат, не был красив, он стал обыкновенным тренером, и его карьера осталась позади, но она была, эта карьера! Его дети, любимая женщина смотрят на этот кубок и знают, что он чего-то стоит, что смог добиться того, к чему стремился. Они им гордятся. А он, Рэй, всегда считал, что самое важное в жизни — это деньги, много денег. Что если они есть, то ничто другое не нужно. Да, у него есть эти деньги, но разве может он похвастать тем, что это он их заработал? Нет. Он просто взял чужие. Все, что он имел — это были не его заслуги и достижения, а тестя и жены. Он сидит на их троне, владеет их состоянием. Мечта настоящего бездельника — ничего не делать, не трудиться, не добиваться, и иметь все, богатство, власть, которые сами на голову свалятся. Наверное, многие бы не поняли его недовольства и печали. Он и сам не совсем понимал, что происходит с ним и с его жизнью. Он всегда мечтал о той жизни, какая была у него теперь, стать богатым и независимым, и понял, что это не то, чего он по-настоящему хотел. Или он изменился, и теперь ему нужно другое, то, чему не придавал значения раньше. Наверное, это просто хандра, напавшая на него впервые в жизни. Или он, наконец, стал стареть, понял, что жизнь пролетает с пугающей скоростью, а он как был пустым местом, так им и остается. Каким бы не был отрицательным и плохим Джек, но нельзя было не уважать его за то, что всего, что он имел — славу, богатство, авторитет — он добился сам. Пусть он жесток, но он умен, он силен. Он личность. И он сделал себя сам. Пусть он надменен и высокомерен, но а почему бы и нет? Разве нечем ему было гордиться перед другими людьми? Им восхищались, перед ним преклонялись, ему подражали. Как им гордился его маленький сын. Конечно, Патрик любил и его, Рэя, но какой разной была это любовь. Он, Рэй, был «таким хорошим, классным», а Джек был богом, «самым-самым». Стоит ли удивляться тому, что его любят женщины, почему его выбрала Кэрол и почему его, Рэя, отвергала и будет отвергать. Что есть Рэндэл, и что есть он — ничто. Она всегда это видела и понимала. Видела, как он жил. Любила, но презирала, считая взрослым мальчишкой, непутевым, ни на что не годным и пустым. И отдала свою любовь мужчине, пусть не такому красивому, как он, Рэй, властному и жестокому, но, в ее глазах, настоящему мужчине. А он, Рэй, так и остался со своей, наверное, уже навеки прилепившейся к нему репутацией легкомысленного повесы, вечного мальчишки. Все его презирали, считали ничтожеством. И Рэндэл в первую очередь. С какой презрительной и насмешливой усмешкой он реагировал на то, что Рэй занял место управляющего в компании. Но Рэй был преисполнен вдруг пробудившимся честолюбием, одержим желанием утереть ему нос. Ему и всем остальным, кто не верил в него. И в кресле Куртни с каждым днем чувствовал себя все более уверенно. Помощь Касевеса он категорично отверг, хоть и понимал, что это глупость и большая ошибка. Он заявил старику, что Свон, влюбленная по уши, прекрасно разбирается во всех делах, была хорошим учителем, советчиком и помощником. Касевес был обижен, но Рэй остался к этому равнодушен. С каждым новым днем его страдания и тоска по Кэрол росли, а вместе с ними и обида на Касевеса. Старик не стал навязываться. Рэй встречи и общения с ним больше не искал.

Тони Блер, тренер Патрика, приветливый и дружелюбный по своей натуре человек, не смотря на легкую зависть, проявлял к Рэю симпатию. Каждый раз, когда они встречались, Блер с удивлением разглядывал его глаза, словно недоумевал, как у такого преуспевающего цветущего мужчины может быть такой печальный, переполненный отчаянием взгляд. Может быть, поэтому он постарался как можно деликатнее подойти к возникшей проблеме с его мальчиком, догадываясь, что, не смотря на весь свой шик и блеск, этот приятный и

приветливый человек в душе несчастен.

— Патрик рассказал вам о том, что произошло? — серьезно, но тепло спросил он.

— Да. Я очень сожалею. Если вы скажите мне, как я могу найти родителей этого мальчика, я готов принести им личные извинения.

— Я сказал им, что это был несчастный случай. На тренировках разное случается. Они не имеют претензий, ни к вам, ни ко мне. Хотя, конечно, могли бы, и были бы правы, но ко мне, а не к вам и вашему ребенку. Я отвечаю за своих учеников, и я несу за них ответственность, когда они находятся в моем зале, — он помолчал. — И вас я попросил прийти не для того, чтобы предъявлять какие-либо претензии. Я хотел поговорить о вашем мальчике. Скажите, вы не замечаете в нем ничего странного?

Рэй озадачено изучал его взглядом.

— О чем вы?

— Пойдемте, я вам кое-что покажу, — Блер вышел из-за стола, и Рэй, поднявшись, пошел за ним. Они пришли в раздевалку, отчего Рэй впал еще в большее недоумение.

— Там, в углу, стоит полутораметровая «груша», я хочу, чтобы вы взглянули на то, что с ней сделал Патрик. Я повесил в зал новые «груши», эта уже очень старая, но на ней когда-то тренировался я сам, поэтому никак не могу заставить себя ее выбросить, вот и притащил ее сюда. Вот она. Посмотрите.

Рэй изумленно застыл на месте, пораженный увиденным. На красной поверхности «груши», сиротливо вжавшейся в угол, жирным черным маркером была нарисована круглая рожица с широко разинутым ртом, словно этот незадачливый художник пытался изобразить кричащего человека. Но не это шокировало. Вся «груша» была истерзана и, судя по всему, ножом. Нарисованная рожица изрезана.

— Вы знаете, что ваш сын носит с собой нож? — приглушенно, как будто опасался, что их кто-нибудь услышит, спросил Блер, пристально смотря на оторопевшего мужчину. Рэй бросил на него растерянный взгляд, по которому тренер понял, что он об этом не знал. Сунув руку в карман, Блер вытащил складной нож с выкидным лезвием. Нажал на кнопку на рукоятке, откуда мгновенно выскочило стальное пятнадцатисантиметровое жало, заставив Рэя невольно вздрогнуть. Блер протянул нож ему рукояткой вперед.

— Вот. Это я отобрал у вашего сына. Не без труда, должен заметить, — он приподнял рукав, продемонстрировав глубокий порез.

Так как Рэй молчал, он продолжил.

— Это, — он указал на истерзанную «грушу», — я обнаружил два дня назад, но не мог дознаться, чья это работа. Сегодня, после несчастного случая, произошедшего с одним из мальчиков по вине Патрика, один из моих учеников — мальчик, который занимается у меня уже два года и которому я доверяю — рассказал мне, что случайно увидел у Патрика этот нож. Он выпал у него из кармана, когда тот переодевался. Ваш малыш оказал мне такое сопротивление, когда я попытался забрать у него нож, что я был просто поражен. У меня создалось такое впечатление, что он готов скорее убить меня этим ножом, чем отдать его.

— Вы преувеличиваете, — сухо сказал Рэй.

— Нет, к сожалению, — Блер еще раз продемонстрировал ему порезанную руку, как доказательство. — Какой мне смысл клеветать на ребенка? Я так понимаю, что об этом он вам ничего не сказал. А можно поинтересоваться, как он объяснил то, что сломал руку мальчику?

— Он сказал, что это получилось случайно.

— Вынужден вас огорчить — он вас обманул. Я видел, как все произошло, но не успел помешать. Он сделал это намеренно, вполне отдавая себе отчет в том, что делает. И я видел выражение его лица, когда мальчик корчился и кричал от боли — он получал от этого удовольствие, ему это нравилось.

Заметив, как в глазах Рэя вспыхнуло негодование, что он собрался возразить, Блер, не позволяя сказать ему ни слова, снова поспешно заговорил:

— Подождите, выслушайте меня до конца. Я заметил, что дети панически боятся Патрика, я не знаю как, но он нагоняет на них настоящий ужас. Никто не хочет работать с ним в паре, он все время «случайно» причиняет кому-нибудь боль. Я не раз пытался ему внушить, что перед ним живой человек, а не тряпчатая кукла, которую можно бить изо всех сил, выворачивать руки и ноги, швырять и бить о пол. Он слушал со смиренным видом, но все равно продолжал так поступать.

— Может быть, он просто еще не научился рассчитывать свои силы, слишком старается, вот и получается, что своим излишним усердием причиняет боль.

— Все стараются, не он один. Я наблюдал за ним. Это очень странный мальчик. Вы никогда не замечали, какой иногда у него бывает взгляд?

— Какой?

— Я не могу объяснить. Но от этого взгляда мне становилось не по себе. Очень не по себе. Страшный какой-то взгляд.

— Послушайте, это всего лишь ребенок! *Пятилетний* ребенок! Что вы ходите вокруг, да около, скажите прямо, что думаете.

— Хорошо. Я думаю, что вам следует серьезно опасаться за своего сына. У него странные, ненормальные и пугающие наклонности. Скажите, вы не замечали, чтобы он мучил и убивал животных?

Рэй побледнел, начиная выходить из себя.

— Нет, я не замечал!

— Напрасно вы на меня злитесь. Я просто хочу обратить ваше внимание на странности мальчика, и удивляюсь, что вы сами этого до сих пор не заметили. На вашем месте, я бы показал ребенка врачам, пока не поздно. Сами понимаете, *каким* именно врачам, — деликатно посоветовал он и заметил, как в глазах Рэя появилась тревога, а злость поутихла.

— Вы думаете, у Патрика... отклонения? — сдавленно спросил он.

— А вы считаете вот это нормальным? — Блер кивнул в сторону изрезанной «груши». — Как следует понимать, эта нарисованная жуткая рожица изображает человека. У вас возникало когда-нибудь желание нарисовать человека и искромсать ножом? Да, это ребенок, пятилетний ребенок, и именно поэтому все это так пугает. У вас были с ним проблемы раньше?

Рэй напряженно промолчал. Блер вздохнул.

— Патрик занимается у меня всего две недели, но из новичков он стал лучшим. Как профессионал, я скажу вам, что из него вышел бы толк. Из всех своих учеников я оставил бы его одного и вырастил бы из него будущего чемпиона. Мальчишка с характером, удивительно силен, ловок и быстр для своего возраста. У него потрясающая реакция. Но есть одно «но», которое делает вашего мальчика непригодным, более того, вынуждает меня исключить его из числа моих учеников и посоветовать вам отдать его в иной вид спорта, исключаящий насилие — это его нездоровая склонность к этому насилию, жестокому насилию. И Патрик приходит сюда именно за этим.

Рэй молчал и разглядывал обезображенную «грушу». Блер с сочувствием смотрел на него, ожидая, что он скажет. А Рэй думал о мальнике, изуродованном гантелями, о посещениях Патриком психиатров, об Элен и ее неизлечимой болезни, о Кэрол и ее странностях, о женщине, которую она убила, во что он до сих пор не мог поверить, о лечении девушки в психиатрической больнице. И сердце его сжалось от ужаса.

— Благодарю вас, — охрипшим голосом проговорил он и, не взглянув на тренера, развернулся и поспешно ушел.

В машине его ждал Патрик.

— Ну, что?

Опустившись на сиденье, Рэй на мгновение замер, все еще не придя в себя и видя перед глазами изрезанную «грушу» с искаженной рожицей. В кармане брюк он чувствовал тяжесть ножа. Повернувшись, он пристально посмотрел на мальчика, так пристально, как никогда еще не смотрел. Этого не может быть. Всего лишь маленький невинный ребенок, такой хрупкий и беззащитный.

— Зачем тебе нож, Рик?

На лице мальчика не дрогнул ни один мускул. Он ждал вопросов и, похоже, подготовился.

— Просто так. Я с ним играю.

— Играешь? И как же?

— Ну, по-разному. Вырезаю рогатки. А еще я люблю вырезать из дерева фигурки. У меня даже уже есть собственная коллекция. Я тебе ее покажу, если хочешь. Правда, у меня пока не очень хорошо получается. Но мне очень нравится, я даже журналы покупаю специальные и учусь. Не кухонным же ножом мне работать! — деловито закончил он.

— Насколько я знаю, для резьбы по дереву есть специальные ножи. А этот совсем для этого не подходит, он не удобен, разве ты не заметил, когда вырезал свои фигурки?

— Заметил. Но я не знал, что существуют специальные ножи. В журналах об этом ничего не написано.

— А зачем ты носишь его с собой?

— Так я при каждой свободной минуте вырезаю свои фигурки, вот, посмотри, — мальчик вытащил из джинсов маленькую, не больше его кулачка, продолговатую обструганную деревяшку, по форме напоминающей неизвестного четвероного животного. — Это наш Аккурсио. Ну, правда, он еще не готов, потому и не очень пока похож. Тебе нравится?

Он заискивающе и смущенно взглянул на Рэя. Тот взял фигурку и стал внимательно разглядывать.

— Да, у тебя хорошо получается. Молодец. Но носить нож с собой нельзя, никакой, понимаешь? Поэтому, если тебе нравится вырезать фигурки, делай это дома. А зачем ты порезал тренера?

— Он был со мной груб, — обиженно пробурчал мальчик. — И он хотел отобрать у меня нож. А он не имеет права, потому что это мой нож! И вообще, это вышло случайно. Я вырывался и нечаянно задел его.

— А то, что ты сделал с «грушей» — это что?

Патрик захихикал.

— Я мальчишек хотел напугать.

— Ты напугал не только мальчишек, но и тренера, и меня.

— Здорово!

— Нет, Рик, совсем не здорово. Тренер сказал, что сделал бы из тебя настоящего чемпиона, если бы ты не отличался таким дурным поведением.

— Ух ты, это правда?

— Твое дурное поведение?

— Нет, про чемпиона.

— Правда. Только он тебя исключил. Из-за твоих проделок.

Мальчик поник.

— Тогда он соврал. Настоящих чемпионов не выгоняют из-за того, что они пошутили.

— Это шутка нелепая и страшная, Рик. И дело не только в этой «груше», — и вдруг его осенило. — Рик, ты любишь ужастики и боевики?

— А кто ж их не любит?

— А твои эти все проделки — уж не подражания ли этих фильмов, а? Тебе хочется быть крутым парнем, которого все боятся и который любит ломать кости всем подряд? Поэтому ты все это делаешь? Поэтому таскаешь с собой нож? Скоро, стало быть, начнешь разгуливать с пистолетом и мочить всех «плохих парней», попадающихся у тебя на пути?

На губах Патрика промелькнула едва уловимая и совсем не детская улыбка, насмешливая и неприятная. Так бы улыбнулся сам Рэй, если бы ему, взрослому человеку, сказали то, что он только что сказал мальчику. У Рэя снова неприятно сжалось сердце от жутковатого и нелепого ощущения, которое у него иногда появлялось и которое сегодня он почувствовал, как никогда, что детская невинность и непосредственность, что сам этот крошечный малыш, как будто был маской, за которой скрывалось что-то совсем другое. Ему часто казалось, что Патрик притворяется и хитрит, пользуясь своим невинным возрастом, как если бы взрослый человек вдруг превратился в ребенка и умело этим пользовался в своих целях. Было очевидно, что Патрик умственно и морально старше своего возраста, но ведь не может же быть, чтобы настолько! Вот и сейчас. Разве может пятилетний ребенок так улыбнуться, насмехаясь над наивностью взрослого человека? Или Рэю это только показалось? Конечно, показалось, иначе и быть не может. Потому что ребенок опустил голову и смущенно покраснел.

— Покажи мне мальчишку, который не хотел бы быть похожим на героев из фильмов и комиксов, — буркнул он. — И скажи, что сам не был таким.

Рэй смягчился, чувствуя, как отлегло от сердца. Ребенок, всего лишь ребенок, здоровый и нормальный, только с обостренной жадой подражания и находящийся под воздействием телеэкранов и ярких фантастических комиксов. Как губка, впитывающая воду, опоганенную нечистотами. Он не жаждет насилия, он всего лишь ему подражает, потому что режиссеры умеют сделать из него красивое и благородное зрелище, создавая этаких крутых парней, непринужденно ломающих кости и стреляющих в людей, умудряясь превращать убийц в героев, достойных восхищения и одобрения. И дети, насмотревшись на это все, начинают думать, что если они будут вести себя также, то их тоже будут уважать. Что сломать другому мальчишке руку — это круто. Что тебя боятся — тоже круто. Круто носить с собой нож. Круто ни во что не ставить взрослых и давать им отпор. И Патрик живой тому пример. Он самый обычный и типичный мальчишка. Он не нуждается в психиатре, а всего лишь — во внимании взрослых, которые бы научили его воспринимать и понимать мир таким, какой он есть на самом деле, а не таким, как показано в ужастиках и боевиках.

Рэй вспомнил, что в детдоме дружил с мальчиком, который говорил, что хочет стать

маньяком, убеждал его, Рэя, что маньяк-убийца — это круто, что круче быть не может. Насколько Рэю было известно, этот малый стал преподавателем и воспитателем в детском доме, посвятив свою жизнь обездоленным детям, а не кровавым убийствам.

Рэй немного успокоился, но все равно весь оставшийся день украдкой поглядывал на мальчика, чувствуя, что все равно что-то не дает покоя, грызет изнутри. Патрик был не таким, как все, даже когда сам пытался продемонстрировать обратное. Казалось, что он был открытым, искренним, непринужденным, доброжелательным, и в то же время чувствовалось, что в действительности он никогда и никому не открывается, даже тем, кого любит и кому доверяет. Он только делает вид. И, наверное, именно это и настораживало. Что скрывать пятилетнему ребенку, зачем притворятся? Как это странно, смотреть на этого малыша, которого он знал с самого рождения, и не понимать, какой он есть на самом деле. Украдкой подглядывать за ним и пытаться угадать, что за мысли появляются в этой головке и что на самом деле побуждает его к такой жестокости и к таким поступкам. А понять нужно. Необходимо. Чтобы все исправить и не позволить маленьким проблемам вырасти до больших проблем.

Спустя некоторое время Патрик ошарашил его неожиданным вопросом.

— Рэй, а правда, что мама не хочет возвращаться домой?

— С чего ты взял? — осторожно спросил Рэй.

Мальчик не смотрел на него, что-то малюя ручкой на листке бумаги.

— Вчера вечером я слышал, как папа с кем-то разговаривал. Он опять злился и ругал на кого-то, кто не может кого-то найти. Мне показалось, что разговор шел о маме. А еще он сказал «Если мы не можем ее найти, тогда я сделаю так, чтобы она вернулась сама!».

— Прямо так и сказал? — улыбнулся Рэй, не показывая, как встревожили его эти слова.

— Да. И еще, что «эта сука сама приползет к нему на коленях».

— Ну что ты, Рик, разве папа может так говорить о твоей маме? Наверное, он просто искал какую-нибудь сбежавшую свидетельницу, которая очень важна для защиты кого-нибудь, кого он представляет в суде, — успокоил мальчика Рэй. Патрик поднял голову, доверчиво взглянув на него.

— Да, я тоже так думаю. Папа не мог так обозвать маму. Я просто не понял, мне показалось, что он имел в виду маму. Я дурак.

Когда Рэй вечером вернулся домой, его ждал сюрприз.

— К вам гости, — недовольно и сердито доложила Дороти, встретив его на пороге.

— Правда? Кто?

Злобно фыркнув, старушка отправилась на кухню, так и не ответив.

Такое поведение Рэй у нее наблюдал редко и, заинтригованный, он прошел в гостиную. Его взору предстала потрясающая картина, заставившая его слегка приподнять брови — в кресле восседала Даяна во всей своей дерзкой вызывающей красоте и, как обычно, выставившей ее на показ. Но на этот раз уж слишком вызывающе и красноречиво. Взгляд Рэя скользнул по длинным, идеальной формы ногам, изящно и красиво скрещенных и почти не прикрытых короткой юбкой, задержался на мгновение на наполовину обнаженной декольте груди, от одного взгляда на которую у него когда-то сводило зубы от желания впиться в нее губами и руками. Посмотрел ей в лицо, надменное, самоуверенное, красивое, и не сдержал легкой улыбки, тронувшей лишь уголок его рта, вспомнив, какие искры пробегали между ними когда-то. Давно он ее не видел, ни разу с тех пор, как Кэрол вышла

замуж за Джека. Казалось, что она стала еще ослепительней и прекрасней. И хорошо знакомые, привычные жгучие искорки прошли по его сладострастному телу, которое всегда так легко отзывалось на женскую красоту. Да и был ли мужчина на свете, у которого оно не отзывалось, если не брать во внимание импотентов и геев?

Взгляд девушки быстро и жадно охватил его с головы до ног, не упуская ни одной мелочи и детали, и впился в его глаза. Обнажив ровные белые зубы в голливудской улыбке, она грациозно поднялась с кресла и приблизилась к нему.

— Привет, Рэй. Удивлен?

— Удивлен.

— Давненько не виделись. Ты все такой же, ничуть не изменился, — голос ее наполнился восхищением и нежностью. Он не ответил, не удивляясь отсутствию в ней пронизательности. Она видела всегда то, что было снаружи, и редко замечала то, что внутри. Возможно, потому что ее это просто не интересовало.

— Прими мои соболезнования. К сожалению, у меня не было возможности выразить тебе их раньше, — она шагнула к нему и обняла, прижавшись своим соблазнительным телом и задержав свои объятия на чуть дольше, чем того требовало дружеское выражение сочувствия.

— Спасибо, — сдержанно ответил он, не ответив на объятие и лишь слегка коснувшись ее плеч кончиками пальцев, отстраняясь. На лице девушки отразилось удивление, а Рэй устремил на нее вопросительный взгляд, ожидая объяснений. Но Даяна сделала вид, что не поняла.

— Как живешь? — непринужденно поинтересовалась она, продолжая мило улыбаться. — Слышала, ты теперь управляешь империей Куртни.

— Это обсуждается в Лос-Анджелесе?

Она засмеялась.

— Нет.

— А, Джек, наверное, рассказал. Извини, не сразу сообразил.

Улыбка застыла на лице Даяны и медленно растаяла. Обижено нахмурившись, она посмотрела в сторону с оскорбленным видом. Рэй продолжал смотреть на нее.

— Так что привело тебя в мой дом?

Она метнула на него разгневанный взгляд.

— Рэй, я сделала тебе что-то плохое или обидела?

— Нет.

— Тогда в чем дело? Почему ты так себя ведешь?

Она изумленно вскинул брови.

— О чем ты, Даяна? Я очень рад тебя видеть, только несколько удивлен и просто спрашиваю, почему ты приехала и почему ты здесь. У тебя что-нибудь случилось?

Она тяжело вздохнула и опустила в кресло.

— Да, случилось. Тимми арестовали. Ему предъявляют какие-то абсурдные нелепые обвинения... Какие-то заказные убийства. Это же бред.

Рэй промолчал, ожидая продолжения.

— Я попросила о помощи Джека. Для этого я и приехала. Уговорила его помочь Тимми. Завтра мы с ним вылетаем в Лос-Анджелес, а пока, если ты не возражаешь, я побуду у тебя.

— У меня? — на этот раз искренне удивился Рэй. — А у Рэндэла что, мало места в доме?

Она опустила взгляд.

— Ты смеешься надо мной, Рэй? Не надо, или я сейчас уйду.

— Смеюсь? Нет, я совсем не смеюсь.

— Там Кэрол и Патрик! Как я могу там появиться?

Рэй расплылся в лукавой улыбке.

— Как, разве он не сказал тебе, что Кэрол уехала?

— Уехала? Как? Когда?

— Вот уж третья неделя.

Даяна побледнела, на красивом лице ее отразилась ярость.

— Вот как? — процедила она сквозь зубы. — Нет, он не сказал. Вот урод! И когда она возвращается?

— Никогда. Она его бросила. Сбежала.

По телу девушки прошла радостная дрожь. Но она понимала, что даже теперь, особенно теперь, нужно быть осторожной и не давить на Джека. То, что он не сказал ей об этом, что не пригласил к себе, говорило о том, что он все еще сердится. Но уже не так, потому что согласился ей помочь. Это значит, что он начинает остывать и его обида на нее дала слабину. Кэрол исчезла, значит, он скоро будет принадлежать ей. Теперь Даяна была в этом уверена. Но не уверена в том, что сама хочет этого, как прежде. Ее любовь вдруг пошатнулась, когда она узнала о том, что Куртни погибла, что мужчина ее мечты, покоровший ее сердце еще когда она была девочкой, прикованной к инвалидной коляске, теперь свободен. Свободен и богат. А сейчас, увидев его, такого же красивого и молодого, она почувствовала, как образ Джека, так долго стоявший у нее перед глазами, блекнет, вытесняемый давними, как мир, мечтами и желаниями. Зачем ей Джек, этот невыносимый надменный мерзавец, вытирающий об нее ноги, когда появилась возможность прибрать к рукам такого потрясающего мужчину, как Мэтчисон, и вместе с ним все его состояние? Рэй был мягким, добродушным, нежным, хоть и лукавым и не лишенным «бессовестности», как выражалась сама Даяна. Но в ее глазах это лишь придавало ему еще большее очарования и шарма. Она знала, за какое место надо ловить таких мужчин и держать их потом, чтобы не улизнули. Все что, нужно — это ухватить покрепче за слабое место, и вить из такого мужика веревки легче, чем из других. Невольно Даяна опустила взгляд на вот уже много лет привлекавшее ее «слабое место» Рэя. Хотя подозревала, что оно у него совсем не слабое. Он заметил ее взгляд и, встретившись с его глазами, девушка невольно покраснела, снова ощущая себя перед ним оробевшей и смущенной школьницей. Он был единственным мужчиной, который на нее так действовал, перед которым она робела, терялась и смущалась, как девственница на первом свидании. Она была взрослой искушенной женщиной, познавшей многих мужчин и считающей, что хорошо в них разбирается, но не могла понять, почему этот мужчина при каждой встрече выбивает ее из колеи одним только своим присутствием и заставляет ее так перед ним благоговеть, смотреть только затаив дыхание. Она знала, что нравилась ему, он не скрывал этого от нее. Но они всегда встречались только под крышей этого дома, в присутствии Куртни и Кэрол, которые никогда не оставляли их наедине, а сам он встреч с ней не искал, что ее очень удивляло и вводило в полное недоумение, потому что в том, что он ее хотел, у нее не было никаких сомнений. Тем не менее... Они встречались пару раз в больнице, когда у Кэрол произошел инсульт, но он уже не смотрел на нее такими жадными глазами, как раньше. А когда она сама напрямую пригласила его в гости в номер, который снимала в гостинице, куда он мог

беспрепятственно прийти, пока Куртни дежурила бы у постели больной Кэрол, он ответил что-то неопределенное и так и не пришел, а она его очень ждала. Это подтвердило то, что она заметила в больнице — главным объектом его вожделения стала Кэрол. Это раздосадовало Даяну, но не удивило. После того, как он забрал Кэрол от Элен, Даяна в первый раз приехала к ним в гости лишь спустя два года. Она тогда была еще в кресле-каталке, и Рэй смотрел сквозь нее. Зато с интересом поглядывал на округлившиеся и налившиеся формы Кэрол, которая в шестнадцать лет превратилась в довольно лакомый кусочек. Даяна сама была шокирована, когда увидела ее после двух лет разлуки. Из худющей замухрышки она преобразилась в аппетитную фигуристую девушку, с тонкой талией, округлыми бедрами и пышной грудью. Даяна тогда сказала Кэрол о том, что ее папаша как-то странно на нее смотрит, пялится на ее задницу и сиськи, разглядывает ноги, но Кэрол только посмеялась и ласково обозвала ее дурочкой. И кто из них тогда был дурочкой? Рэй, как истый мужик, сразу почувствовал своим безошибочным «определителем», что эту девчонку вполне можно определить в свою постель и что никакая она ему не дочь. И раз он все-таки настоял на анализе ДНК, значит, он больше доверял тому, что у него между ног, противопоставляющему свой один единственный аргумент против остальных, заставивших его поверить в то, что она его дочь. И ведь он оказался прав. И она, Даяна, тоже оказалась права. И в том, что он отказался от ее любви, Даяна винила только Кэрол, не в силах поверить тому, что эта бесхарактерная приживалка могла затмить ее в его глазах. Даяна вообще не понимала, как эта плакса и неудачница, дочь шлюхи, могла нравиться мужчинам. Не понимала, чем она их так прочно цепляет. Не внешностью, это уж точно, потому что она, Даяна, была намного красивее ее. Не понимала, почему Джек женился на ней и так отчаянно цеплялся, пока она сама от него не сбежала. Она жаждала получить ответ на мучавший ее столько времени вопрос, и не получала. У Джека был один ответ «Я ее люблю», но это ничего не объясняло. *Почему?*

Почему Рэй стал к ней так холоден и неприветлив, неужели сердится из-за того, что она вырастила на голове его ненаглядной Кэрол рога? Ему ли учить морали и нравственности, ему ли осуждать и ставить в упрек грешную любовь? Хотя свою любовь и связь с Джеком Даяна никогда не считала греховной, считая, что Джек принадлежит ей, а не Кэрол. Но теперь к черту этого строптивца. Есть мужчины посговорчивее, побогаче и покрасивее. И теперь между ней и Рэем ничто не стояло, и Даяна была уверена в том, что сегодня ночью будет спать в его постели. И, разглядывая его, мелко дрожала, предвкушая долгожданную близость с ним. За свой немалый опыт общения с мужчинами, которых повидала самых разных, она не встречала никого, столь соблазнительного, как Рэй Мэтчисон.

Ее вдруг охватило такое нетерпение, что она поднялась с кресла, не в силах усидеть на месте.

— Так что, ты позволишь мне остаться? — охрипшим от желания голосом игриво спросила она, подарив ему многообещающую и недвусмысленную улыбку.

— Оставайся, — ответил он, но совсем не так, как она ожидала. — Дороти приготовит тебе комнату. Пойду, скажу ей, чтобы накрыла ужин на троих.

— На троих? А что... придет кто-нибудь еще? — разочаровано протянула Даяна, не пытаясь скрыть своего недовольства.

— Нет, никто не придет. Только ты, Дороти и я.

— Дороти? Ты садишься за стол с прислугой?

— Дороти не прислуга. Теперь она — вся моя семья. Извини.

Он отвернулся и отправился на кухню. Даяна осталась стоять на месте, озадаченная и удивленная. Да что это с ним?

Ужинали они все-таки вдвоем, потому что старуха, наградив ее ненавистным, а Рэя возмущенным взглядом, отказалась составить им компанию, заявив, что у нее нет аппетита. Рэй непринужденно поддерживал разговор, холодность, с которой он ее встретил, исчезла. Даяна расслабилась. С Рэем всегда было легко общаться, а если он сердился, то не умел делать это долго.

Да, не то, что Рэндэл, к которому на козе не подъедешь. А с Рэем они прекрасно поладят, Даяна не сомневалась. Он, конечно, беспутный и капризный, но зато мягкий, как пластилин. Привык быть под каблуком Куртни, и даже бесхарактерная размазня Кэрол вертела им, как хотела. Ей, Даяне, оставалось его только взять, воспользовавшись своей красотой. В себе она не сомневалась, уверенная, что красота — страшная сила, которой подвластно все. Особенно такие сладострастные и горячие мужчины, как Рэй, которых в жизни заботило только одно — секс.

Даяна смотрела на него и раздражалась все больше, уже не в состоянии думать ни о чем другом. Она не понимала, почему они сидят здесь за столом, болтая о всякой ерунде, впустую тратя время, вместо того, чтобы наброситься, наконец, друг на друга, как давно уже мечтали оба. Чего он тянет? Смотрит своими лукавыми глазами, улыбается, все видит, все понимает, и попивает свое вино, как ни в чем не бывало. Дразнит, что ли? Или ждет, что она сама сделает первый шаг, желая польстить своему самолюбию?

— Что ж, спасибо за ужин, — она улыбнулась ему и поднялась. — Ты не покажешь мне мою комнату, я хочу переодеться.

— Конечно, пойдем. Думаю, Дороти уже все приготовила, — он озорно улыбнулся в ответ.

Они поднялись наверх, и он распахнул перед ней дверь одной из комнат.

— Прошу, располагайся, чувствуй себя, как дома, — мягко и игриво сказал он, пропуская девушку вперед.

Слова «как дома» пришлись Даяне по душе и показались ей многообещающими. Был бы даже забавно стать хозяйкой дома этой откинувшейся мегеры Куртни, которая никогда не нравилась Даяне.

Она обернулась и посмотрела на Рэя, остановившегося в дверях и разглядывающего ее своими веселыми озорными глазами. Медленно приблизилась к нему, не отрывая от него томного горящего взгляда, и, положив ладонь на его широкую грудь, погладила. И вдруг в глазах его вспыхнула насмешка.

Вместо того, чтобы сжать ее в объятиях, он бросил взгляд на часы.

— О-о, — с наигранным сожалением протянул он. — Ну, ты отдыхай, а мне уже пора уходить. Ты же не очень на меня обидишься?

— Как? — лицо у Даяны вытянулось от удивления.

— Я понимаю, что не очень вежливо бросать гостей, но ведь мы свои, правда? Сто лет друг друга знаем, почти родственники, и ты не обидишься, я знаю.

Даяне с трудом удалось сохранить самообладание.

— Что же мне делать здесь одной? Можно мне поехать с тобой?

Он засмеялся.

— Думаю, меня неправильно поймут, если я приду с тобой.

— Почему?

Он вздохнул и с улыбкой покачал головой, как будто удивлялся тому, что она не понимает.

— У меня свидание, Даяна. Извини, но меня ждет женщина, и я не могу взять тебя с собой. Отдыхай.

Подмигнув ей, он закрыл за собой дверь. А Даяна приросла к полу, не шевелясь, и не могла поверить в то, что произошло. Оцепенение сменилось яростью и, схватив свой маленький чемодан, она выскочила из комнаты, задыхаясь от негодования. Спустившись вниз, она увидела Дороти. Старуха с улыбкой устремила на нее насмешливый счастливый взгляд, еще больше взбесивший девушку.

— Уходишь? — усмехнулась Дороти, не скрывая своего злорадства. — А что так?

Даяна была так уязвлена и взбешена, что не могла даже из гордости придать себе невозмутимый вид и найти какую-нибудь вескую отговорку. Да и какой смысл, если эта старуха сама уже догадалась, что произошло. Не нужно быть семи пядей во лбу... Ублюдок! Она никогда ему этого не простит, и еще припомнит! Он еще пожалеет.

— Иди к дьяволу, старая карга! — рявкнула Даяна, чувствуя, как пылает лицо. Старуха расплылась в улыбке.

— Рэй хоть и бабник, но бабник со вкусом и с чувством собственного достоинства, и никогда не опускается до потаскух! — съязвила она, ужасно довольная Рэем, которого всегда осуждала за бесстыдство и распущенность и, по правде, была очень удивлена его поступком, но горда.

— Наоборот, Дороти, он только их и предпочитает, — ответствовала Даяна, задержавшись на мгновенье. — Профессиональных, как Элен, и потомственных, как Кэрол! Да к тому же еще и чокнутых!

— Иди отсюда, белобрысая гадюка, пока я тебе патлы не повыдергала! — взъярилась старуха. — Своих мужиков нет, так ты на чужих заришься, дрянь!

— А-а, не можете мне простить, что Джек любит меня! Только в чем моя вина? Я его к себе в постель силой не тянула! И Рэй твой обожаемый бесится, что не его я выбрала, а Джека, которого он так ненавидит! Он еще приползет ко мне, да поздно будет!

— Он приползет? Лучше сама ползи отсюда, гадина! Ползи к своему гаденышу, этому Джеку, мерзавцу! Сломали девчонке жизнь, выжили на край света, и теперь радуетесь, да? Снюхались, две змеи, одна другой стоит! Подлая ты, она ж так тебя любила!

Фыркнув, Даяна вышла на улицу и хлопнула дверью. Увидев стоящий неподалеку черный автомобиль, она решительно направилась к нему и распахнула дверь. Из темноты салона на нее глянуло изумленное мужское лицо.

— Вы не подвезете меня?

— Куда? — тупо спросило лицо и, когда Даяна назвала адрес Джека, еще больше вытянулось от удивления.

— Э-э... извините, я не могу, — растерянно протянул он.

Даяна раздосадовано захлопнула дверь.

— Придурок! — процедила она сквозь зубы и, поудобнее перехватив чемодан, который, на счастье, был совсем не тяжелый, отправилась дальше по улице в поисках телефонной будки. Остановившись на углу, она озадачено огляделась, ища взглядом прохожих, у которых могла бы спросить, где найти ближайшую телефонную будку, и, обернувшись назад, увидела, как на дорогу выкатил из гаража в своем кабриолете Рэй. С улыбкой помахав парню в черной машине, который отказался ее отвезти, он умчался прочь. Тот поспешил за ним,

резко сорвавшись с места.

Даяна лишь недоуменно пожала плечами, решив, что этот парень был одним из его приятелей, который его ждал, и теперь они покатали вместе куда-то развлекаться. Раненная и оскорбленная тем, что Рэй отправился на свидание к какой-то женщине, а не остался с ней, она побрела дальше наугад, надеясь, что по пути попадет телефон. Она хотела позвонить Джеку. Она потеряла работу и не могла найти другую, все поклонники, готовые осыпать ее деньгами ради любви, куда-то все разом испарились, и она знала, что это пакости Джека, его месть. Она даже подумала, что и за арестом Тимми тоже он стоит, но он, поломавшись, все же согласился помочь, что опровергло ее подозрение. Если бы он засадил Тимми, он бы не стал его вытаскивать. Какой смысл? Но у нее была еще одна проблема — деньги. Вернее, их отсутствие. К своим сбережениям она не хотела прикасаться, надеясь на то, что выкрутится и так. Тимми приносил ей неплохие деньги, но они улетучивались со скоростью звука, потому что Даяна упрямо не желала отказываться о той роскошной жизни, к которой привыкла. Даже переехать в квартиру поскромнее и подешевле она не желала, а эта теперь для нее была сплошным разорением. Брат с неодобрением наблюдал за ее расточительством, но молчал и щедро снабжал ее деньгами. Даяна не задумывалась над тем, откуда он их берет, считая, что у него в запасе еще куча денег, заработанных на войне, и без зазрения совести их тратила. Тимми только что приобрел себе квартиру, но, едва туда переехав, угодил за решетку. Это повергло Даяну в отчаяние. И она со слезами приползла на коленях к Джеку, моля о прощении, зная, что этого он и добивается. Было нелегко, но она добилась своего. Он пообещал вытащить Тимми, естественно, бесплатно, и даже позволил ей себя в благодарность поцеловать. Теперь Даяна не сомневалась, что победа на ее стороне, что благосклонность Джека к ней возвращается. Значит, она все-таки для него что-то значит, и жизнь ее наладится. Кэрол больше нет, и между ними теперь ничего не стоит. Осталось только притащить этого строптивца к алтарю и заставить сказать «да». И она станет Даяной Рэндэл. Звучит. А Рэй... если этот самонадеянный плейбой рассчитывает на то, что она будет за ним бегать, как другие, то он ошибается, и еще будет кусать локти, что упустил шанс, который она ему сегодня предоставила. Ведь он хочет ее, она знала, только решил поведываться, привыкший к тому, чтобы женщины ползали у него в ногах, умоляя о любви. Что ж, еще видно будет, кто у кого в ногах поползает.

Увидев телефонную будку, она прибавила шаг, стуча высокими каблуками по асфальту. Пристроив чемодан на полу, она долго искала монетку в сумочке, потому что никогда не носила кошелек, а в будке не было света. Потом, напрягая зрение, чтобы разглядеть цифры, набрала номер. Трубку сняла Нора и, не скрывая своего недовольства и неприязни, буркнула, чтобы подождала. А Даяна вздохнула, печально задавшись вопросом, почему ее все так ненавидят. Наверное, завидуют. Ее красоте, карьере, успеху у мужчин. Но ей была приятна чужая зависть. Когда-то завидовала она, горько, безумно, завидовала каждому, кто не сидел в инвалидной коляске, как она. Но больше, чем кому бы то ни было, она завидовала Кэрол. Эта зависть отравляла ее любовь к ней, отравляла ее душу. Пока обе они были отверженными, отщепенцами, объединенными поломанными несчастливymi жизнями и одиночеством, Даяна искренне и предано ее любила и жалела. Но жизнь Кэрол изменилась, и Даяна чувствовала себя преданной, когда увидела, в какой роскоши и беззаботности живет подружка, что к ней хорошо относятся и Рэй, и даже эта фурия Куртни, как к родной. Увидела после двухлетней разлуки, как она похорошела, стала холеной, красивой, веселой, как хорошо она одевалась и сколько прекрасных вещей ей покупала Куртни. А она жила в

убогом доме инвалидов, ходила в обносках и питалась едой, по вкусу просто помоями, и никто ее не любил, никто не жалел. Кэрол часто отсылала ей посылки с подарками, с одеждой или всякими вкусностями, но это лишь прибавляло горечи в ее сердце. Даяна воспринимала ее подарки не как желание помочь и поделиться, а как демонстрацию того, что у нее, Кэрол, все это есть, а у нее нет. Она обижалась на Кэрол, считая, что если бы она была настоящей подругой и на самом деле о ней заботилась и любила, то уговорила бы свою добродетельницу приютить у себя и ее. Что им это стоило, богачам, взять ее в свой огромный дом и поделиться куском хлеба! Если Куртни пожалела и взяла ее, Кэрол, она бы могла принять и ее, Даяну. Только загвоздка была в том, что этого не хотела сама Кэрол. Зачем ей это нужно, делиться своим счастьем, заботой и любовью своих состоятельных покровителей? Ведь пока она одна в их доме, она их любимица, и вся их благосклонность и щедрость принадлежит ей одной. Вот так их разделила жизнь, раз и навсегда уничтожив искренность в их дружбе своей несправедливостью. Но эта зависть и обида помогли Даяне бороться, поставили ее на ноги. И тогда уже Даяна смотрела сверху вниз на свою подружку с высоты своего роста, а не снизу вверх из кресла-каталки. И могла снова позволить себе ее жалеть и любить, почувствовав свое превосходство, потому что Кэрол была ничем, пустым местом, подобранным подкидышем и без своей покровительницы ничего не стоила. А она, Даяна, превратилась в принцессу, мир упал ей под ноги, жизнь ей улыбнулась, подарив успех, работу, карьеру, любовь мужчин. По сравнению со всем этим, Кэрол со своей жалкой жизнью теперь казалась ей ничтожеством, и как бы дорого и красиво она не одевалась, Даяна знала, что никогда она не будет так прекрасна, как она, никогда Кэрол не то, чтобы превзойти, но даже не дотянуться до нее по красоте. Когда Джек женился на Кэрол, для Даяны это было страшным ударом. Она посчитала, что Кэрол специально отобрала у нее любимого мужчину, мстя за ее красоту и успех, ведь Кэрол знала, что она выбрала его себе в мужья. Когда она поняла, что Джек женился не из-за ребенка, что он любит Кэрол, доволен своей жизнью и не хочет ничего менять, что она, Даяна, просто игрушка, это окончательно ее подорвало. Она смотрела на себя в зеркало и не могла понять — почему? Чем Кэрол так застит глаза мужчинам, что они перестают видеть, как сказочно прекрасна она, Даяна, и как далеко до нее Кэрол, не только во внешности, но и всем остальном? И ее, Даяну, еще в чем-то обвиняют, когда она просто борется за то, что Кэрол у нее украла? Только она, Даяна, сильная, а Кэрол всегда была ничтожеством, поэтому и проиграла. А она, Даяна, победила, заставив ее сделать ноги с поля боя. Осталось только вернуть Джека.

Услышав его голос в телефонной трубке, Даяна сразу же жалобно залебезила:

— Джек, у меня украли последние деньги. Мне негде ночевать. У меня нет даже на такси! Я стою на улице и не знаю, что мне делать.

— А мне какое дело?

— Джек, миленький, ну, пожалуйста... не бросай меня одну на улице. Здесь столько всяких подонков ходит, мне страшно.

— Где ты?

— Ой, я не знаю, как улица называется. Я в паре кварталов от дома Куртни.

— А что ты там делала, интересно? К Рэю в гости ходила?

— Да нет же, я хотела у него денег занять, чтобы тебя не беспокоить, а его дома нет.

Вот я здесь и стою, не знаю, что делать.

— Подожди, когда он вернется, глядишь, приютит, — с насмешкой посоветовал Джек.

— Во-первых, Дороти захлопнула перед моим носом дверь, а во-вторых, я не хочу его

ждать! Ты же его знаешь, приставать начнет, а я не хочу.

Джек язвительно засмеялся, но все же снисходительно сказал:

— Ладно. Жди, я сейчас подъеду.

— Я возле телефонной будки.

— Хорошо, там и стой. Я тебя найду.

Заметив, как ему несколько раз подмигнули фары черного «седана», Рэй прижался к обочине и остановился. «Седан» подъехал сзади почти вплотную и остановился. Дверь открылась, и из машины вывалился едва уместившийся в одежду детина.

— Решил познакомиться? — хмыкнул Рэй. — Давно пора, а то уже столько дней неразлучны, а я до сих пор не видел тебя в лицо! Кстати, ты отвечаешь на мои приветствия, когда я с тобой здороваюсь, а то мне не видно?

— Разговор есть.

— Ну, говори, раз есть, что сказать.

— Не здесь. В машину пойдём.

Мгновенье Рэй не двигался, разглядывая руль, потом пожал плечом, заглушил мотор, выдернул ключи и вышел из машины. Верзила вежливо распахнул перед ним дверь, видимо проникшись уважением к его смелости. Только это была не смелость, а равнодушие, но ему этого не понять, с ухмылкой подумал Рэй, усаживаясь в машину. К тому же он понимал, что сопротивляться бесполезно, зная, что все равно от Рэндэла он никуда не денется, даже если будет от него бегать. А так хоть трусом ощущать себя не будет и другим повода так думать не даст. Чертовски было приятно, когда он произвел такое сильное впечатление на этого монстра Хока, считая, что только благодаря ему, он выбрался тогда из заброшенного дома целым и почти невредимым. Хок сумел убедить Рэндэла в слабости и ничтожности его, Рэя, в том, что он не из тех героев, которые молчат под пытками, что он слишком слаб, чтобы пережить операцию, мягко выражаясь, которую Рэндэл хотел ему провести — и это его спасло. И все это Хок говорил, сам думая совсем иначе. А Рэндэл, по-видимому, прислушивался к его мнению. Рэй все время ломал голову над тем, почему этот африканец тогда ему помог, но так и не находил ответа на мучавший его вопрос. Напрашивался только один ответ, казавшийся Рэю нелепым и неправдоподобным — что этот чернокожий гигант не так уж жесток. Или еще более нелепый — то, что он, Рэй пришелся ему по душе. Эта мысль забавляла Рэя, и он веселился про себя, думая о том, что это черное чудовище, похожее на закопченного грешника, выскочившего из преисподней, пало очередной жертвой его чар.

— Извини, — виновато улыбнулся громила и резко ударил его по лицу.

Рэй очнулся от прикосновения прохладной нежной женской руки, которая поглаживала его по щеке. Открыв глаза, он обнаружил, что все еще находится в машине, громила сидит на переднем сидении и приветливо ему скалится, видимо, пытаясь изобразить улыбку. Рядом с Рэем сидела похожая на дешевую ночную бабочку девица и во все глаза его разглядывала. Бросив на нее недоуменный взгляд, Рэй поднял голову и посмотрел на прикованные наручниками к ручке над дверью запястья. За рулем сидел еще один незнакомец. Рэндэла не было. Взглянув в окно, Рэй увидел, что машина стоит в неизвестном ему темном переулке.

Ощувив влагу под носом и на губах, он сообразил, что из носа у него течет кровь.

Верзила с переднего сиденья бросил девушке платок.

— На, вытри ему лицо. Извини, браток, пришлось тебя ударить, но готов возместить

неприятное приятным. В знак перемирия.

Взяв платок, девица стала старательно и аккуратно вытирать кровь с лица Рэя, ласково разглядывая.

— Какой ты красивый, — заметила она с нежной улыбкой и бросила на сидящих впереди мужчин гневный взгляд. — Зачем вы его обижаете?

— Ну, так утешь, раз такая добрая. Давай, помалкивай лучше, да делом займись.

— С удовольствием, — девица снова улыбнулась, облизнула губы и расстегнула оторопевшему от удивления мужчине штаны. — Расслабься, красавчик, сейчас тебе будет так хорошо, как никогда в жизни.

А через некоторое время изумленного и ничего не понимающего Рэя вернули к его машине, распрощались с ним, развернулись и уехали, впервые за последнее время оставив его без своего сопровождения.

Повесив трубку, Даяна подхватила чемодан и вышла из будки. Сердце ее колотилось от радости. Она отошла в тень, чтобы не привлекать лишнего внимания и предотвратить приставания мужчин, которые преследовали ее всегда и везде. А сейчас было уже поздно, и она чувствовала себя неловко, торча у дороги, как дешевая шляха. Еще, чего доброго, патруль заберет, или отморозок какой-нибудь запихнет в машину и изнасилует где-нибудь за углом.

Нетерпеливо она переминалась с ноги на ногу, переполненная счастьем и больше не сомневаясь в том, что Джек ее любит. Конечно, напрасно она сомневалась, иначе и быть не могло. Ликование и восторг победительницы переполняли ее, когда она представляла, как будет страдать и мучиться от ревности Кэрол, когда узнает, что они с Джеком вместе. Что он не побежал за ней, как она ждет, а помирился с ней, Даяной. Кэрол поймет, что теперь, когда нет Куртни, она никому не нужна. Рэй совсем не печалится о ней, не бежит следом, а наслаждается жизнью и обретенной свободой, встречается с женщинами, а о ней даже не вспоминает. Джек, судя по всему, тоже начинает успокаиваться, ведь если бы он хотел ее вернуть, уже бы нашел и вернул. Вот так-то, наконец-то справедливость восторжествовала, и каждый получил по заслугам!

Ее размышления были прерваны грубо и неожиданно. Большая ладонь зажала ей рот, сильная мускулистая рука обхватила за талию и, приподняв над землей, потащила во мрак. Даже не успев вскрикнуть, Даяна начала изо всех сил вырываться, но перед ней вдруг возник еще один мужчина и ткнул острием ножа в живот.

— Тихо, хорошо? — прохрипел он. — Не надо кричать и сопротивляться, красавица, если не хочешь, чтобы я воткнул нож поглубже в твой прелестный животик.

Почувствовав боль в том месте, куда давил нож, Даяна застонала и согласно закивала головой, позволив уволочь себя дальше, в неосвещенный и безлюдный тупик между домами.

— Я уберу сейчас руку, — тихо проговорил тот, что ее держал, — и если ты закричишь, мы тебе тут же перережем глотку.

И он освободил ей рот и отпустил. Девушка попятилась от них назад.

— Что вам нужно?

— Такая красивая и такая глупая! — ухмыльнулся один. — Разве не понятно?

— Хорошо-хорошо, я поняла! Я сделаю все, что вы хотите, только отпустите меня. Вам ведь незачем меня убивать, так ведь?

— Посмотрим по настроению. Мы и без твоего согласия сделаем с тобой все, что

захотим, а твоя покорность нам не нужна. Мы любим строптивых.

Они схватили ее за руки и толкнули. Даяна упала на какую-то кучу и по зловонному запаху поняла, что это мусор. Боже, какой кошмар! Быть изнасилованной какими-то подонками на куче мусора, как грязная уличная девка! Кто сказал, что смерть ужаснее этого унижения?

Она закричала, надеясь, что Джек уже приехал и услышит ее. Она понимала, что не справится сама с этими громилами, прохожих на улице почти не было, да и в героев, бросающихся на спасение попавших в беду женщин, рискуя собственной жизнью, она не верила. Ее вопль был прерван ударами по лицу, в рот ей запихнули какую-то грязную вонючую тряпку, подобранную, видимо, здесь же, среди мусора. Даяне удалось выплюнуть тряпку и ее тут же вывернуло наизнанку.

— Фу-у, — брезгливо протянул один из насильников, убирая от нее свои руки. — Вот зараза, все настроение испортила.

— Отпустите! Умоляю вас, отпустите меня! — зарыдала девушка и, воспользовавшись замешательством мужчин, вскочила на ноги. И вдруг увидела приближающуюся мужскую фигуру. Она мгновенно узнала ее, даже в темноте.

— Джек!

Мужчины отступили в стороны, и она с рыданиями бросилась к Джеку. Он поймал ее в свои объятия.

— Скорее, идем отсюда! Их двое, ты не справишься! — она вцепилась в него и попыталась развернуть, но он не сдвинулся с места.

— Джек, пожалуйста, бежим! У них нож! Это глупо, они тебя убьют!

Но он сжал сильными пальцами ее руку и решительно пошел вперед, прямо к наблюдающим за ними с ехидными ухмылками подонкам. Даяна попыталась вырваться, напуганная до смерти его безрассудством. Услышав за спиной тяжелые шаги, она обернулась и тут же успокоилась. За ними шел Хок, такой огромный, что едва помещался в узком промежутке между домами. Даяна улыбнулась и устремила на мерзавцев торжествующий взгляд. Ну-у, сейчас этим уродам не поздоровится!

Джек спокойно подошел к мужчинам, ведя Даяну за собой. Она крепко держала его за руку, прячась на всякий случай за его плечо.

— Что ж вы, ребята, так не осторожно действуете? — проговорил Джек. — Крики, вопли на весь город. Первый раз, что ли?

Даяна улыбнулась, восхищаясь его мужеством и тем, как он осмеливается над ними подтрунивать. Она с наслаждением представляла, что будет дальше и что с ними сделает Джек.

И вдруг он больно схватил ее за плечи и швырнул прямо на них. Сильные руки мгновенно впились в ее тело, не позволяя сдвинуться с места.

Даяна, снова оказавшись в тисках насильников, подняла на Джека ошеломленный взгляд. Он невозмутимо прикурил, и улыбнулся ей.

— Так ты меня звала, красавица? Ну, я приехал. А почему ты так удивленно на меня смотришь?

— Джек... что происходит? — жалобно проскулила Даяна, не пытаясь скрыть охватившего ее ужаса.

— Что происходит? То происходит, что ты поломала мою семью. А ведь я тебя предупреждал, девочка, не один раз, много раз предупреждал — не лезь в мою жизнь.

— Джек, пожалуйста... ты меня пугаешь... прекрати! Я же люблю тебя! А Кэрол тебя не любит и не любила, неужели ты до сих пор этого не понял?

— Она любила меня и любит, и у нас все было бы хорошо, если бы ты, сука, не влезла в нашу жизнь! — он размахнулся и тыльной стороной ладони ударил ее по лицу. — Из-за тебя она перестала мне доверять!

— А разве тебе можно доверять? — чуть слышно проговорила Даяна дрожащим от слез и боли голосом.

Казалось, ее вопрос немного озадачил Джека, словно он задумался, а можно ли ему на самом деле доверять?

Он усмехнулся и пожал плечами.

— Можно, но это глупо! — то ли в шутку, то ли серьезно ответил он.

Но Даяне было не до смеха. По лицу ее побежали слезы.

— Джек, если она не любит тебя, я в этом не виновата. Любила бы — простила, она ведь любит всех прощать. Она просто ухватилась за это, как за повод, чтобы порвать с тобой. Она просто не любит, ты ей не нужен, вот она и сбежала!

— А-а, так ты об этом знаешь? И что, радуешься, да? И еще хватило наглости просить меня о помощи после того, как сунулась в мою жизнь и перевернула ее, как свинья, своим тупым рыльцем! — он ткнул ее ладонью в лицо. — Что ж, тебе есть, чем гордиться — ты единственная, кто осмелился это сделать, и у кого это получилось. Только я никак не пойму, или ты такая смелая и отчаянная, или такая дура? Ладно, вообще-то, мне это не очень интересно. Мне все равно, кто мне досадил, храбрец или дурак.

Наклонившись, он подобрал тряпку и затолкал ее девушке в рот.

— Приятно было побеседовать, милая. К сожалению, мне пора. И так заболтался. Ах, да, а Тимми твой на самом деле наемный убийца. Не беспокойся, я позабочусь о том, чтобы разлука ваша не была долгой, и обещаю, что он снова скоро будет с тобой, если, конечно, ты будешь его дожидаться в аду, а не в раю. Хотя думаю, в рай тебя не пустят, так что когда-нибудь еще увидимся, любовь моя, в пекле, только не скоро еще. У меня вся жизнь впереди... а у тебя уже позади. Передавай привет дьяволу, он, говорят, мой родственник.

Он улыбнулся собственной шутке и похлопал девушку по щеке, отводя взгляд от ее обезумевших от ужаса заплаканных глаз.

— Ладно, я пошел, — сказал он ребятам. — Позабавьтесь, если хотите, только следы не оставляйте.

— А как нам ее... ну...

— Как хотите. Только быстро, что б не мучилась. Что спрашиваешь, — набросился он резко на мужчину, — не знаешь, что ли? И что б больше без воплей, олухи. Хок, отдай им то, что нужно.

Он отвернулся и пошел прочь, не обращая внимания на отчаянное мычание девушки, разрывающее ему сердце и оглушающее его, как самые громкие вопли, которые он теперь будет слышать в своих самых жутких кошмарах. Он знал, что это один из самых ужасных моментов в его жизни, возможно, даже самый ужасный, но все равно не остановился. Впервые он не испытывал удовольствия от своей мести, но знал, что не откажется от нее, даже если она будет причинять ему боль, как сейчас. Боль, которую он испытывал по вине этой девушки, была гораздо сильнее. А его ярости и злости не было конца, когда он думал о том, что она сделала с его жизнью, лишив его самого дорогого — любви единственной в мире женщины, которую он любил. Что ж, Даяна у него отобрала Кэрол, Даяна ее ему и

вернет. А заодно и поплатится за свою наглость. Сама виновата. Он ее предупреждал. Она сама сделала свой выбор.

На следующий день все газеты пестрели громкими заголовками об убийстве известной в стране топ-модели и фотографиями изумительно прекрасной несчастной девушки. Как предполагала пресса, Даяна Спенсер пала жертвой собственной популярности и красоты, которой соблазнился какой-нибудь маньяк или просто подонок, и тому после надругательства не оставалось ничего другого, как убить знаменитую модель, которая, как известно, была любовницей свирепого Джека Рэндэла, дабы не отправится за решетку стараниями адвоката.

А еще через два дня пресса взорвалась новой сенсацией — убийца найден!

Арестован Рэй Мэтчисон.

Каким-то образом в прессу просочились пикантные подробности, сообщавшие, что обнаруженная в теле изнасилованной и убитой девушки сперма принадлежала подозреваемому. На одежде жертвы были так же его кровь и пара волос. К тому же тело было обнаружено всего в двух кварталах от его дома, и Рэй Мэтчисон был знаком с девушкой. В виновности арестованного не сомневались ни полиция, ни пресса, не смотря на то, что он своей вины не признавал. Оставалось только ждать, когда он получит по заслугам.

Все, что теперь интересовало прессу и ее аудиторию — это реакция на все это Джека Рэндэла, вмешается ли он в это дело, и если да, то чью сторону примет — деверя или своей убитой любовницы. Станет ли защищать брата своей жены или же наоборот, сделает все, чтобы ему вlepили, как говорится, по самую катушку.

Джек Рэндэл пока хранил молчание и ничего не предпринимал, то ли раздумывая, то ли чего-то ожидая...

На этот раз, возможно, впервые в жизни Джеку нравилась то, о чем писала и сообщала пресса, и он получал от этого истинное удовольствие, забавляясь над происходящим, особенно над тем, что Рэя почему-то предписали ему в деверя. Пресса охотилась за ним, вооружившись микрофонами, подстерегая у дома и офиса, но он пока не давал никаких комментариев. Он действительно ждал. Но от того, чтобы навестить своего «деверя» в камере, не удержался. Слишком велико было искушение посмотреть на него в новой обстановке, в мире решеток и замков.

По взгляду Рэя ему стало ясно, что тот все понимал, и каким образом здесь оказался и кто над этим постарался, и вполне осознавал безнадежность своего положения. Держался молодцом, спокойно, хладнокровно и, к удивлению Джека, почему-то не набросился на него с кулаками, как он ожидал.

Рэй не задавал ему никаких вопросов и не просил о помощи. Они не сказали ни слова, но поняли друг друга, как никогда. Рэй признавал, что уничтожен, но сохранял достоинство, в очередной раз демонстрируя свое мужество. А Джек лишь подтвердил то, что он прав, не теша себя напрасными иллюзиями.

Рэй понимал его замысел, и Джек это знал, наслаждаясь тем, что тот, кто всегда жаждал разлучить его с Кэрл, станет мостиком, по которому она к нему вернется. Джек представлял себе, что сейчас чувствует Рэй, какая ярость его жжет, но он беспомощен.

Оба знали, что Кэрол вернется, что не оставит его в беде, и, забыв обо всем на свете, падет Джеку в ноги, умоляя спасти Рэя. Естественно, Джек его спасет и докажет его невиновность. Докажет, что Даяна была у него дома, и там они были близки по обоюдному согласию, оттуда и его волосок, который она зацепила. А кровь, например, могла пойти у него случайно носом, а девушка, оказывая ему помощь, могла посадить себе на одежду несколько пятнышек. Потом они, например, поссорились, и она ушла. В общем, неважно, как бы Джек развалил возведенную собственными руками стену, за которой он его замуровал, но наверняка он обдумал это заранее. Но даже если все будет именно так, и Рэй снова станет свободным, а обвинение будет с него снято, его дорожка к Кэрол навсегда будет отрезана, потому что он никогда не сможет доказать, что не спал с Даяной. Ни один, ни второй не сомневались в том, что связи с Даяной она Рэю не простит. Возможно, ей не было бы дела то того, если бы он переспал со всеми женщинами мира, но Даяна — это большая тема. Слишком большая, которая не оставляла ни одного шанса на то, что у Кэрол останется к Рэю хотя бы капля уважения. А правда была слишком невероятной, чтобы в нее можно было поверить. Джеку было смешно, когда он представлял, как Рэй рассказывает то, что произошло на самом деле и каким образом его, деликатно выражаясь, семя попало в тело убитой девушки. «Его подложил туда Джек, а я к ней не прикасался!». Подкидная улика, так сказать. И кровь, и волосы. Вот бы следователи повеселились, слушая его признания. Наверное, поэтому Рэй только молчал на допросах, отвечая всего на один вопрос — ты убил — нет, не я. И все. Больше ни слова.

Но Джеку не понравился взгляд, которым посмотрел на него напоследок Рэй. Хорошо знакомый упрямый вызывающий взгляд, который заставил Джека невольно насторожиться. Вскоре он понял, что скрывалось под этим взглядом.

Как и было задумано, Кэрол примчалась назад сразу же, как только узнала о случившемся.

Как и Рэй, она была уверена в том, что с Даяной расправился Джек, сразу убив трех зайцев — отомстив ей, расправившись с Рэем и в очередной раз сломав ее, Кэрол, вынудив вернуться и, скрепя сердце, закрыть глаза на все и просить за Рэя. Кэрол прекрасно это понимала, сердце ее болело от ненависти, но она ни на миг не допустила мысли, даже малейшей возможности, что Рэй сядет за убийство Даяны. Она готова была на все, чтобы этого не допустить.

Она с рыданиями стояла перед Джеком на коленях, понимая, что он один может этому помешать, как понимала, что нет никого, кроме нее, в чьих силах помешать ему уничтожить Рэя. Просила прощения, пообещала лечь в клинику и пройти необходимый курс лечения, а сама про себя думала о том, что никакие клиники не излечат ее от ненависти к Джеку.

Она горько и безутешно оплакивала Даяну, не смотря на свои обиды, вызывая своим искренним горем недоумение у Джека. Он смотрел на нее, как на ненормальную, когда она рыдала над ее гробом, и не смог удержаться, чтобы не спросить, как она может жалеть ту, что предала ее, ненавидела и причинила столько боли. Кэрол подняла на него заплаканные глаза и сказала каким-то чужим хриплым голосом слова, которые навсегда врезались в его память, хоть и вызвали в то мгновение у него лишь ухмылку своей надменной высокопарностью:

— Тому, у кого нет сердца, никогда этого не понять.

Ему совсем не нравилось то, что Кэрол считает его бессердечным. Он хотел вернуть ее

любовь, а не зародить в ее сердце ненависть. И со всем своим блестящим талантом адвоката доказывал ей свою непричастность к смерти Даяны и к тому, что в этом обвиняют Рэя. Он поддерживал ее в том, что Рэй на такое просто не способен, да ему и незачем насиловать в переулках женщин, когда они все сами добровольно под него штабелями укладываются. Джек объяснил ей, что Дороти подтвердила (а Кэрол потом сама у нее спрашивала об этом), что Даяна к нему приходила, они вместе ужинали, а потом поднялись в комнату. Там Рэй и «наследил» всем, чем только можно было. Естественно, что эти следы не успели затереться, если, едва выйдя на улицу из его дома, Даяна подверглась нападению и была убита. Насильник мог из осторожности использовать презерватив, чтобы не оставлять следов, а может, изнасилования вообще не было. Поэтому и без него, Джека, все так удачно сложилось, что на Рэя взвалили это преступление. Но как бы Джек ни старался, какими бы вескими аргументами не давил на Кэрол, чтобы развеять ее сомнения, он чувствовал, что она не верит ему. Очень хочет верить, но не может. И свою непричастность к аресту Тимми он тоже пытался доказать, что не имеет к нему отношения, и даже добился, чтобы его отпустили на похороны сестры, но даже это ее не убедило. Нет, она делала вид, что верит, и очень старалась скрыть свою уверенность в том, что все эти несчастья только его рук дело. Старалась ради Рэя и Тимми, принося в жертву их свободе себя.

Только Джек не воспринимал это, как жертву, потому что был уверен в том, что она любит его и на самом деле не хочет жить без него. Все со временем уляжется, как он считал, он сможет убедить ее в том, что он не виноват ни в смерти Даяны, ни в обоих арестах, что это просто нелепое стечение обстоятельств, которое, как назло, его так скомпрометировало. Он был уверен, что все наладится между ними. Она подлечится, он освободит дорогих ее сердцу мужчин, она смягчится и снова станет нежной заботливой покорной женщиной. Даяны больше нет, и теперь ей легче будет простить ему измену.

Джек предложил Тимми свою помощь, сказав, что Даяна приезжала, чтобы попросить его об этом, и он хотел бы ее последнюю просьбу выполнить, дабы искупить хоть малую долю своей вины перед ней за то, что не оценил при жизни и причинил столько боли из-за своего эгоизма. Тим выслушал его недоверчиво, но от его защиты не отказался. Расспрашивал подробности об убийстве сестры. Джек не пытался разубедить его в виновности Рэя, наоборот, поведал о том, что этот похотливый мерзавец, всегда считавший, что ему все дозволено, еще давно воспылал страстью к Даяне, на что Тим ему ответил, что сестра ему об этом рассказывала. Джек говорил, что после того, как уехала Кэрол, Рэю сорвало крышу, он пил до беспамятства, а под воздействием алкоголя он всегда преображается, и однажды едва не изнасиловал Кэрол, и он, Джек своими руками вырвал ее из его объятий. В общем, мало ли, что может натворить обезумевший от горя отвергнутый мужчина, одурманенный долгим непрерывным пьянством. Он мог изнасиловать Даяну, а потом просто испугаться и свернуть шею.

«Да, — подумал Тимми. — Испугаться он мог, зная, что я его пристрелю без всяких вопросов и судов».

Джек воздержался от конкретных заявлений, предоставив парню самому делать выводы, но со вздохом поведал, что Кэрол просит его защищать Рэя, и скорее всего, тот скоро будет свободен.

Джек продолжал забавляться в душе, подумав о том, что было бы неплохо натолкнуть этого киллера на кровную месть, натравив на Рэя. Избавился бы тогда сразу от обоих. Что ж, наверное, так и надо сделать. Он освободит этих двоих, чтобы они сами друг друга погубили.

Тим пристрелит Рэя и отправится за решетку до конца своих дней. А он, Джек, как всегда останется ни при чем. И будет жить долго и счастливо, наладив свою жизнь, любя жену, воспитывая сына и поминая добрым словом своих обезвреженных на веки вечные неприятелей.

Но Рэй вдруг нарушил его планы. Этот упрямец отказался от его защиты, когда к нему пришла Кэрол, чтобы самой сообщить, что Джек его вытащит. Как ни уговаривала Кэрол Рэя, он лишь упрямо качал головой.

— Это он ее убил, он меня подставил, чтобы заставить тебя к нему вернуться. И ты вернулась. Уезжай, Кэрол. Я не приму твоей жертвы. Мне легче сдохнуть, чем сломать тебе жизнь и своими руками бросить в пасть к этому монстру. В его постель, — он посмотрел на нее обезумевшими от ревности и боли глазами. — А ведь ты уже в его доме... в его постели... с ним. Уезжай, Кэрол, не мучай меня так! Если хочешь мне помочь, оставь его, как и собиралась, и никогда к нему не возвращайся. Тогда я не буду чувствовать себя побежденным, не буду мучиться осознанием, что моя свобода куплена твоей свободой, что ты живешь с ним, спишь с ним и ненавидишь меня за то, что из-за меня ты позволила ему себя сломать. Ничего у него не получится, ничего.

— Рэй, это все не важно. Главное, чтобы тебя освободили. Я никогда не буду тебя ненавидеть, наоборот, если ты из-за меня пострадаешь, я никогда себе этого не прощу, ты же меня знаешь, и буду всю жизнь мучиться.

— Не из-за тебя. Не ты меня сюда упекла, а Джек.

— Но вы стали врагами из-за меня! Рэй, ну, пожалуйста, не упрячься. Я умоляю тебя. Ради меня, ради моего спокойствия и моей беспощадной совести!

Он горько усмехнулся, взял ее руки в свои и стал целовать.

— Кэрол, не будь такой наивной. Разве ты не знаешь Джека, разве не убедились ты в том, что он никогда и никому ничего не прощает. Если он так жестоко расправился даже с Даяной только за то, что она осмелилась его любить, то неужели ты думаешь, что он оставит в покое меня, если я выйду на свободу? Нет, моя любовь, и ты сама это знаешь. Он вернет тебя, обяжет, а меня потом все равно прибьет. Так что выходить на свободу мне нет никакого смысла, и твое самопожертвование ради меня будет бесполезным. Ты ни в чем не виновата. Я сам виноват, только я один. Только я все равно никогда ни о чем не пожалею, и те мгновения любви и счастья, что ты мне все-таки подарила, стоят того, чтобы заплатить за них такую цену. Ты же сама всегда считала мою любовь грехом, а за грехи всегда расплачиваются. Вот и мне пришло время платить. Не думай обо мне, я не пропаду. Тюрьма, это еще не смерть, не конец. Отсижу и выйду. А ты будешь где-нибудь далеко от Рэндэла, у него не будет поводов меня преследовать, глядишь, позабудет обо мне, пока я в тюрьме прозябать буду. Так что все не так плохо. Главное, не идти у него на поводу. Иначе он всех нас уничтожит.

Они долго спорили, очень долго, со слезами и криками, но так друг друга и не переспорили. Тогда Рэй ее обнял и поцеловал, не обращая внимания на наблюдающего за ними охранника. И Кэрол, подчинившись безотчетному порыву, неистово обхватила руками его шею и прижалась к нему всем телом, отвечая на поцелуй со всей страстью, которая все еще бурлила в ней после их безумной любовной связи. Охранник не стал мешать, наблюдая за ними развлечения ради. Пожалуй, он не вмешался даже если бы эта парочка, которая, похоже, забыла обо всем в порыве своих страстей, расположилась на столе прямо у него под носом, занявшись горячим сексом. На какое-то мгновение, охраннику показалось, что это

они и сделают, забыв о нем и о том, где находится, но Рэй взял себя в руки и, в безудержной досаде поджав губы, прижал белокурую голову девушки к своему неистово колотящемуся сердцу, с яростью и тоской думая о том, что никогда он уже не займется с ней любовью, что, возможно, сейчас он обнимает ее в последний раз.

— Для меня очень важно, чтобы ты знала, что я не спал с Даяной. Спроси у Дороти, она тебе подтвердит. Она пришла и попросилась переночевать, я не стал возражать, мы поужинали, потом я показал ей комнату, но я туда даже не входил. Я сказал ей, что у меня свидание и ушел. Видела бы ты ее лицо! Бедная девочка. Если бы я с ней так не обошелся она бы не ушла... и не умерла бы...

— Рэй, спал, не спал — это уже не важно...

— Нет, важно, очень важно, Кэрол! Для меня важно, чтобы ты знала. Может, это прозвучит невероятно, но я тебе объясню, каким образом... В общем, люди Рэндэла, которых он приставил за мной следить, сразу, когда я вышел из дома после Даяны, усадили меня в машину, двинули по носу. Я вырубился, но когда очнулся, у меня из носа текла кровь и, думаю, эту кровь они и взяли, чтобы размазать по одежде Даяны. Они приковали меня наручниками и приказали какой-то шлюхе... ну, собрать мою сперму в баночку. А потом впрыснули в тело Даяны. А меня отпустили. Это так, Кэрол. Я клянусь тебе, как говорит Патрик, что б мне сдохнуть, если я вру! Пожалуйста, верь мне! Верь мне, а не ему, и тогда я не буду чувствовать, что он меня победил, что ему удалось заставить тебя меня презирать...

— Я верю тебе, Рэй. Кстати, я с Джеком не сплю... что б мне сдохнуть, если я вру, — она как-то грустно засмеялась.

— Не верю, — откровенно ответил он. — Не может быть, чтобы он не затащил тебя в постель.

— Между нами все еще очень натянутые отношения, я не проявляю желания, а он не настаивает.

— Змея коварная, медленно, исподтишка, как всегда, подбирается! — прорычал Рэй, сжимая в ярости кулаки. — Умоляю, уезжай, пока не поздно!

— Нет, Рэй, это я тебя умоляю...

Они расстались, так и не придя к согласию. О том, как она уехала, без предупреждения, подло, бросив его, причинив безумную боль, он не сказал ни слова. Кэрол тоже не смогла об этом заговорить и лишь виновато опускала глаза, встречаясь с его взглядом.

Смотрела на него, на скованные наручниками руки, и ей казалось, что время повернулось вспять. Перед глазами у нее стоял Мэтт. Голос Рэя слышался ей голосом Мэтта. Это было невыносимо, и она гнала наваждение прочь. Но реальность была еще ужасней. Перед ней сидел Рэй, со скованными руками, а за его спиной стоял и не спускал с него глаз офицер. Кэрол держала его за руки, как когда-то держала Мэтта, их разделял стол, но казалось, что пропасть. Кэрол разрешили привезти ему кое-что из одежды и, после тщательной проверки, передали сумку ему. Девушка невольно улыбнулась, когда он вошел в комнату своей гибкой непринужденной походкой, как будто в свою гостиную, такой же самоуверенный и великолепный, в черной узкой дорогой рубашке на выпуск с щегольски приподнятым воротником и расстегнутой на груди, в черных джинсах, облегающих стройные бедра, благоухающий приятным ароматом туалетной воды, которую вместе с остальными вещами передала ему Кэрол. Густые светлые волосы, как обычно, были зачесаны назад, открывая высокий красивый лоб и волнами ниспадающие сзади на воротник. Казалось, что он вышел не из камеры, а пришел сюда, как Кэрол, на свидание к

какому-нибудь несчастному арестованному. И сердце Кэрол кровью обливалось, когда она на него смотрела. Как не вписывался он в окружающую его обстановку, оставаясь все таким же роскошным и вызывающе привлекательным мужчиной, словно назло всем, продолжая дерзить и демонстративно игнорировать свое безнадежное унижительное положение.

Ах, ее веселый озорной наглый лисенок, добежался, додерзился, попался все-таки в клетку Джека! И сидит теперь в решетках, в оковах, как опасный дикий зверь. Разве никто не видит, что он безобиден и сидит здесь вместо по-настоящему опасного зверя, который разгуливает на свободе и убивает?

Офицер насмешливым злорадным взглядом поглядывал на него, и не трудно было угадать его мысли.

«Хорохорься, хорохорься, богатенький красавчик! — говорил его взгляд. — Скоро сорвут с тебя твои дорогие тряпки, запихнут в тюремное барахло и отправят в иные хоромы, где братки покажут тебе, что ты есть на самом деле, собьют с тебя шик и блеск, определят жить к параше, и будешь ты благоухать не духами, а дерьмом, мочой и спермой! И сотни раз пожалеешь, что мама не родила тебя уродом, на которого было бы противно и жалко смотреть. Посмотрим, захочется ли тебе там выглядеть таким красивым!».

И у Кэрол шевелились волосы на голове, когда она представляла, что Рэй окажется в этом аду среди безжалостных уродов, от которых он не сможет защититься. Джек сказал ей, что его там разорвут на части, как звери, которым в клетку бросили лакомый кусок. Наверное, Рэй это понимал. Конечно, понимал. Но она не могла ни прочитать, ни угадать его мысли. Он был таким же, как всегда, разве что не таким веселым и беспечным. И в глазах его отражалась какая-то злобная печаль, но взгляд стал еще более упрямым и решительным, как у загнанного в угол и осознающего свою скорую гибель существа, но отказывающегося бояться. Бойся не бойся, все равно не поможет. Раз никогда не выказывал перед своим врагом страха, надо остаться верным себе до конца — так упрямо считал Рэй. Конечно, его одолевал ужас и отчаяние, но никогда он не покажет этого Рэндэлу. А уж тем более, любимой женщине.

Когда Кэрол рассказала Джеку со слезами отчаяния на глазах о том, что Рэй отказывается от его помощи, Джек пришел в ярость, сразу поняв, что задумал этот лис. Сидит за решеткой и все равно огрызается, упрямец. Невыносимый, неисправимый упрямец, каких Джек еще никогда не встречал! Его похороны, так он вылезет и опять уставится на него своими упрямыми наглыми глазами!

Джек сделал ответный ход, добившись от правительства своего обязательного назначения на защиту.

Рэй сокрушил его, разбив все карты. Он сознался в убийстве Даяны, лишив его, Джека всякой возможности добиться для него оправдательного приговора. Джек был ошеломлен. Прежде чем рассказать об этом Кэрол, он решил встретиться с Рэем и убедиться, что он не спятил. Не мог Джек поверить, что он готов собственными руками затянуть на своей шее удавку только ради того, чтобы разрушить его планы и не позволить использовать себя в своих целях, главной из которых была Кэрол. Но, увидев Рэя и его насмешливый взгляд, Джек убедился, что тот в здравом рассудке и вполне отдает себе отчет в том, что делает. Что этот человек, ломая свою жизнь, получает удовольствие от того, что досаждаст этим ему, что утер ему нос даже полностью поверженным. Что станет не мостиком через трещину между Джеком, и Кэрол, а наоборот, несокрушимой стеной, созданной из ее ненависти и боли,

стенной, которая никогда больше не позволит Джеку к ней приблизиться.

— Разрушь мою жизнь, и ты никогда не сможешь перешагнуть через ее обломки, которые рухнут между тобой и Кэрол, убей меня, и ты не перешагнешь через мое тело, как когда-то сказал, потому что даже мертвый, особенно мертвый, я тебя к ней не подпущу. Она никогда не простит тебе того, что ты со мной сделал. Не тешься надеждой, что тебе удастся убедить ее в том, что ты, как всегда, ни в чем не виноват. Она знает все. *Все!* Она, наконец-то, увидела тебя, увидела, какой ты есть и на что ты способен. Никогда она тебе не поверит. Ты зря напрягаешься, Джек. Она открыла глаза и увидела, и ты не сможешь ей их снова закрыть и заставить забыть то, что они видели, — говорил ему Рэй с улыбкой победителя. — Ух, как красиво я говорю, правда? По-моему, во мне пропал поэт, как считаешь, Рэндэл?

— Ты наивен, Рэй. Разве ты не понял, что всегда все выходит по-моему? Хочешь гнить за решеткой — ради Бога, мне это только удовольствие доставит. Сиди взаперти, в аду, и знай, что я наслаждаюсь жизнью вместе с Кэрол. Она любит меня, она хочет мне верить, а тот, кто хочет, рано или поздно поверит, тем более, если я приложу к этому усилия и никто мне не будет мешать. Не будь идиотом, Рэй. Откажись от признания, я докажу твою невиновность, и будем считать, что мы в расчете. Живи и радуйся жизни, только ко мне и Кэрол больше не лезь, и я не буду тебя трогать.

Рэй презрительно усмехнулся, демонстрируя, что не верит в это и никогда не поверит. Джек начал терять терпение.

— Послушай, ты, жалкая тварь, я даю тебе последний шанс. Подумай своей бестолковой башкой, хорошенько подумай, потому что потом поздно будет! Если ты отправишься в тюрьму, ты уже оттуда не выйдешь, это я тебе обещаю. Так что твое признание в убийстве — это не несколько лет за решеткой, а потом свобода, а смертный приговор. Тебе ясно?

— Не потей, Рэндэл, я и без твоих толкований это знаю, — Рэй улыбнулся, не смотря на него, развлекая себя тем, что отбивал по столу наручниками какую-то вертящуюся у него в голове незамысловатую мелодию, и раздражая этим беспорядочным стуком Джека. Потеряв самообладание, тот подскочил и схватил его за грудки.

— Ты хоть понимаешь, что тебя ждет в тюрьме, во что тебя там превратят, ты, красавчик чертов? Да тебя там затрахают до смерти!

— Мне очень приятно, что ты обо мне волнуешься, Джек, но не беспокойся, уж я о себе сам как-нибудь позабочусь.

— Позаботишься? Нет, сладенький, это я о тебе позабочусь, когда отправишься в зону. Так позабочусь, чтобы смерть стала бы для тебя избавлением и спасением, и ты сам наложил на себя руки.

— Не дожدهшься. Видишь ли, я хочу попасть в рай, а самоубийц туда не пускают. Так что тебе все-таки придется самому взять грех на душу.

— Смейся-смейся, пока еще можешь, упрямый идиот. Как говорится, прикажи дураку богу молиться, он и лоб расшибет. Расшибай, мешать не буду, наоборот, даже помогу. Ну, ладно, хоть теперь, перед смертью, так сказать, поведаеть мне, спал с Кэрол? Говори, за нее не бойся, ничего я ей не сделаю, люблю ведь, дурочку. Да и тебе терять уже нечего. Признавайся. Давай, ужаль меня напоследок, неужели не хочется? Неужели не хочешь, чтобы я всю жизнь мучился от ревности, представляя, как ты ее трахал?

Рэй засмеялся.

— Ну, почему же, очень даже хочу. Давай это устроим. Устрой нам с Кэрол свидание наедине, и мучайся потом сколько тебе влезет.

Побелев от ярости, Джек ударил его по лицу, но Рэй устоял на ногах, даже не покачнувшись и смерил его презрительным взглядом, облизывая разбитую нижнюю губу.

— Врешь, гад! Ведь врешь же! Ну, будь мужиком, признайся! Что ты ссышь, как щенок перепуганный, отпираешься, а? В убийстве сознаться смелости хватило, а в том, что бабу трахал — не хватает?

— А тебе что, мало того, что я взял на себя убийство, хочешь еще, чтобы я сознался в том, чего не делал? Отцепись, Рэндэл, достал. Не веришь мне, поинтересуйся у Кэрол. Ты же у нас такой проникательный, загляни в ее глазки и увидишь правду.

Джек отпустил его и отвернулся.

— Заглядывал, — тихо и печально проговорил он, удивив Рэя. — Изменились ее глазки, как у куклы стали, ничего не выражают. Смотрю и ничего в них не вижу.

— Видишь ты все! Видишь, что ты с ней сделал, подонок! Ты ломаешь ее, ты губишь ее, ты уничтожил ее мир и всех, кто в нем был и кого она любила, чтобы она жила в твоём мире, где были бы только ты и Патрик. Разве не этого ты добиваешься, разве я не прав? Если ты любишь ее, как ты можешь быть с ней так жесток? Хочешь превратить ее в обезвоженную оболочку, умертвив все внутри? Остановись, Джек, остановись, пока не поздно, пока не погубил ее. А ведь погубишь! Погубишь, мерзавец! — глаза Рэя вдруг заблестели от слез, а в голосе прозвучало отчаяние.

Джек обернулся и посмотрел на него. Улыбнулся.

— Не ной, благодетель. Отправляйся за решетку со спокойным сердцем, я сделаю Кэрол снова счастливой. И буду счастлив сам. Даже не сомневайся. Что ж, если передумаешь в тюрьму, обращайся, я свое слово сдержу. А если хочешь, чтобы Кэрол страдала из-за тебя — вперед, отправляйся напрямик за решетку, а оттуда и в мир иной. Поплачет и забудет. Я даже позволю ей иногда приносить цветочки на твою могилу. А может, и не позволю. Много чести для такого уroda, как ты.

Пред тем, как уйти, Джек бросил на него внимательный взгляд, и с досадой и недоумением понял, что этот упрямец не сломается, как бы он его не запугивал. С удивлением Джек почувствовал, как что-то, похожее на уважение, появилось в его душе, хоть ему это и категорично не нравилось. Уважать это ничтожество было бы просто унизительно. Только он вдруг понял, что ничтожество это он не может раздавить, даже загнав в угол. Давит, давит изо всех сил, и не раздавит. Кто бы мог подумать, что этот подкаблучник и размазня, любящая пускать слезу, что этот ничтожный бесхарактерный человек, за всю свою жизнь не сделавший ничего стоящего, окажется таким крепким? Вспомнив их беседу в заброшенном доме, Джек только теперь понял, каким был идиотом и слепцом тогда. Теперь-то он понял, что Рэй, без сомнений, знал, где Кэрол, но не сказал бы ему, чтобы он с ним не делал. Как же он, Джек, за столько времени не разглядел его, он, который так хорошо разбирался в людях?! Не разглядел этой твердости под мягкой оболочкой? Нет, он, конечно, знал, как упряма и нагла Рэй, осмелившийся столько лет трепать ему нервы, но не думал, что настолько... Нет, этот парень просто ненормальный. Иначе это объяснить нельзя. Может, отправить его на экспертизу к психиатру? Наверняка, его признают невменяемым.

Когда он сказал Кэрол о том, что Рэй подписал признание, она как будто даже и не удивилась, отреагировав спокойно и хладнокровно. Но Джек все же успел заметить ее ошеломленный взгляд до того, как она спрятала от него свои глаза, что делала теперь постоянно.

— Кэрол, поговори с ним, убеди его отказаться от своих показаний. Я говорил с прокурором, он намерен добиваться для него смертной казни, или минимум пожизненного заключения. Если Рэй не откажется от признания, я ничем не смогу ему помочь.

Кэрол неподвижно сидела в кресле, смотря в сторону с каменным лицом и не поворачиваясь к Джеку.

— Он не откажется, — безжизненным голосом проговорила она.

— Ну и дурак! — не сдержался Джек.

Кэрол не пошевелилась, лишь часто заморгала, сбрасывая с ресниц слезы. И это застывшее бледное лицо, эта маска, под которой она теперь пряталась от него, тронули Джека за живое так, как не тронули бы вопли, рыдания и гримасы нечеловеческих страданий. Он подошел к ней, стал за спиной и наклонился, обвивая ее плечи руками. Зарылся лицом в волнистые мягкие волосы, вдыхая их запах, такой родной, такой любимый.

— Не плачь, любимая, не надо. Я хочу ему помочь, я готов, но я не могу, если он сам этого не хочет и сопротивляется мне. Не расстраивайся. Может, он еще одумается, время пока есть. Поломается, да опять заявит о своей невиновности. Ведь он же не дурак, он все понимает, он не станет сам себя хоронить. Что ж ему, жить надоело? Ему-то? Да ни за что не поверю. Он облагоразумится, и я ему помогу.

— Поможешь? Так, как ты помог Мэтту? Освободить и погубить? — она скинула с себя его руки и резко встала. — Та же игра, да, Джек? И думаешь, я и на этот раз куплюсь? Что Рэй купится? Нет, он не дурак, да и я поумнела. Ты доволен, Джек? Всех уничтожил. Поздравляю. Это надо отметить. Пойду, принесу вина.

Она спокойно вышла из комнаты и действительно скоро вернулась с подносом, на котором стояли два бокала и открытая бутылка вина. Поставив поднос на столик, она разлила рубиновое вино и, подняв бокалы, протянула один ему.

Джек взял его, мрачно и пристально смотря ей в лицо, демонстрируя, что ему не нравится ее неуместный глупый юмор.

— За Мэтта, мою маму, твою маму, за Куртни, за Даяну, и заочно за Тимми и Рэя, да, Джек?

Она отхлебнула вина, наблюдая за ним.

— Что же ты не пьешь? Ты же всегда любил отмечать свои победы. А эти победы, самые важные, мы так и не отметили. Пей, Джек, пей, за каждую свою жертву. Смотри-ка, какое красное вино, тебе оно ничего не напоминает? Похоже на кровь.

И она вдруг резко выплеснула на него свой бокал. Джек вспыхнул и вытер лицо ладонями. Кэрол с улыбкой схватила его за руки и повернула красные от вина ладони вверх.

— Ну, вот, так как и должно быть! Их кровь и твои руки. Иди, отмывай, только все равно не отмоешь, никогда! Знаешь, чьей крови тут недостает? Моей. Этим все и должно завершиться, для полной коллекции, да, Джек?

— Ты что, спятила? Хватит чушь нести!

— Так я ж сумасшедшая, мне положено. Так что изволь терпеть.

Она обошла его и снова вышла. Челюсти ее дрожали, тело судорожно билось в нервной дрожи, и самообладание ее покинуло. Она видела перед собой Куртни, Даяну, Мэтта, мертвыми, такими, как видела в последний раз. И никак не могла представить их живыми. Видела Рэя и его потухший безнадежный взгляд. Неужели и его ей придется видеть в гробу, молодого, красивого, безжизненного? Или жить и представлять, что с ним делают в тюрьме и как он страдает? Она даже не знала, что для нее страшнее, первое или второе. Голова у нее

закружилась, ноги подкосились, и ей пришлось за что-то схватиться, чтобы сохранить равновесие. Что-то оборвалось у нее внутри, словно ниточка, удерживающая в ней демона, который перешел к ней от матери, и который все чаще рвал свои путы и вырывался на свободу, овладевая ею и толкая на безрассудства. Она бросилась в спальню, распахнула гардероб и, поставив скамеечку, достала с верхней полки коробку с пистолетом Джека. Там же отыскала коробку с патронами. Трясущимися руками она, роняя патроны, зарядила пистолет, прикрутила глушитель и, сняв с предохранителя, решительно вернулась в кабинет.

Джек застыл, увидев направленное на него дуло собственного пистолета. Но глаза Кэрол были сейчас гораздо страшнее, безумные, решительные и беспощадные. Пистолет трясся в ее судорожно сжатых руках.

— Ненавижу тебя! Ненавижу! — завопила она с перекошенным, залитым слезами лицом. — Ты убил всех, кого я любила!

— Я никого не убивал, успокойся, ненормальная. Дай сюда пистолет, это не игрушка для психопаток!

— Я не психопатка, это ты больной! Только ненормальный может так спокойно убивать людей!

— Решила вершить надо мной правосудие? — пренебрежительно усмехнулся Джек и равнодушно повернулся спиной. — Ну, давай.

— Повернись ко мне, смотри мне в глаза, убийца! Я хочу видеть твои глаза! Ты... ты... — она скривилась, плача, и нажала на курок.

Ахнув от изумления, Джек рухнул на пол. Прижав руку к плечу, он мгновение смотрел, как между пальцев сочится кровь. Когда он поднял голову и посмотрел на Кэрол, на лице его застыл страх, а от пренебрежения и равнодушия не осталось и следа.

— Кэрол... что ты делаешь? — уже совсем другим голосом сказал он, смотря на нее так, словно не мог поверить в то, что происходит.

— Даяну-то за что? — вскрикнула Кэрол с абсолютно неменяемым видом. — Сам ей голову задурил...

— Кэрол, успокойся! Я не трогал Даяну!

— Трогал! Хватит врать, хватит! Ты убил Куртни! О-о-о, ты ее убил, — застонала она. — Думаешь, я не знаю, что она не сама умерла, что это ты ее убил? Знаю! Я видела... видела...

— Что ты видела? — мягко спросил Джек, зажимая рану ладонью и кривясь от боли, но сохраняя самообладание.

— Ты ей что-то вколол в вену... воздух. И она сразу умерла.

Джек снова устремил на нее расширившиеся глаза.

— Откуда ты знаешь? Ты что, подглядывала в дверь?

— Знаю, и все! Хоть это не будешь отрицать? Ты убил ее, ты!

— Кэрол... она меня попросила... — тяжело дыша, прохрипел он. — Кэрол, мне плохо. Помоги мне. Вызови скорую. Не бойся, я скажу, что сам... по неосторожности... Пожалуйста...

— Нет! Ты же знал, как я ее любила... как ты мог...

— Она сама этого хотела! Она попросила меня, черт возьми, и я не мог ей в этом отказать!

— Я знаю, что она просила, но ты не должен был, не должен! Нет тебе прощения, Джек... Господи, ты хоть сам понимаешь, что ты наделал, Джек, сколько жизней ты

погубил? Зачем... ради чего?

— Кэрол... — простонал он. — Что с тобой случилось, девочка моя? Ты сама понимаешь, что ты сейчас делаешь?

— Я мщу, за всех! Следую твоему примеру! — она подняла выше пистолет, целясь ему в голову. — Я же тебе говорила, держись от меня подальше, говорила!

— А-а, так это ты, стало быть, пустишь пулю мне в лоб? — горько усмехнулся он, с болью и обидой смотря на нее своими умными серыми глазами, как на предательницу. — А я, идиот, был уверен, что ты любишь меня.

На лице девушки отразилось растерянность и испуг, словно она вдруг осознала, что делает. Джек заметил, как задрожали ее губы, а в глазах появился ужас. Кэрол вдруг увидела его мертвое лицо и простреленный лоб, это ужасное видение, преследовавшее ее во снах. Она? Это сделает она?

Она мотнула головой, отгоняя страшное видение, всматриваясь в его лицо, бледное, застывшее и такое родное, такое любимое... в его глаза, проникающие в самую душу и смотрящие на нее с такой искренней любовью...

Боже, это уже было. Уже доводилось ей целиться в любимого мужчину. Она целилась в Мэтта, выбирая, кто из них будет жить. И не смогла в него выстрелить, зная, что если этого не сделает, он ее убьет. Теперь перед ней был Джек, сидя на полу, прислонившись спиной к столу и вцепившись побелевшими пальцами в простреленное плечо. Джек, которого она боялась намного больше, чем Мэтта, лишившегося рассудка. Джек, толкнувший на гибель Мэтта, хладнокровно своими руками оборвавший жизнь Куртни, жестоко расправившийся с Даяной и Рэем... Он молчал и больше ничего не говорил, только смотрел и даже не пытался ей помешать, застыв на полу, оглушенный, раненный ею не только физически, но и душевно, и не пытаясь это скрыть, утратив вдруг всю свою надменность и непробиваемость. Кэрол видела, что он не ожидал от нее такого, не ожидал, что она захочет, а главное *сможет* сделать то, что она сейчас сделала. Кэрол, его жена, любимая, единственная женщина, которая еще совсем недавно смотрела на него такими преданными любящими глазами и так боялась его потерять, выстрелила в него с явным намерением убить, и попала в руку только потому, что не умела стрелять. А теперь целилась более точно, чтобы не промазать больше. Она действительно его ненавидит, по-настоящему ненавидит, настолько, что желает ему смерти.

С удивлением Кэрол увидела, как он вдруг сжался и поник, отпустил кровоточащую руку, как будто она его больше не беспокоила. И отвернулся с таким несчастным видом, словно смотреть на направленный в него пистолет в ее руках ему было невыносимо больно. Он хитрит. Всего лишь хитрит. Он считает ее сумасшедшей, хочет навсегда заживо похоронить в психушке. И сделает это. Она должна остановить его, помешать ему, отомстить. За всех. Если она не сделает этого сейчас, никто его не накажет, все опять сойдет ему с рук. И он опять будет ломать человеческие жизни, уничтожать всех, кто ему не угодил. Что ж, значит это она... своей рукою... мужчину, которого так любила какой-то странной любовью, похожей на неизлечимую болезнь...

Любила и ненавидела одновременно. Жаждала пустить в него пулю и прижаться к его губам в страстном поцелуе, и не могла понять, чего хочет больше. Ну почему, почему он такой? Почему он не может быть просто мужчиной, просто мужем, которого бы она могла просто любить, а не бояться и ненавидеть? Почему она все еще продолжает им болеть после всего, что он сделал? Почему не может избавиться от его власти над нею? Как, как она

может любить и жалеть этого морального уродя, растерзавшего всю ее жизнь? Всего один точный выстрел, и все закончится. Она избавится от него раз и навсегда. Будет держать на руках его неподвижное тело, смотреть в мертвые застывшие глаза... и знать, что это она оборвала его жизнь. Разве она это переживет? Нет. Легче пустить следующую пулю себе в висок, чем жить с этим. Только хватит ли у нее храбрости? Нет.

И она вспомнила о своем другом видении. Ее собственная казнь. Вот оно. Сейчас она застрелит Джека, а его могущественный отец отправит ее за это в газовую камеру, где она умрет. А ее сын будет расти с мыслью, что она убила его обожаемого папу, будет проклинать ее, потому что никто и никогда не объяснит ему всего, а если даже и объяснит, он все равно не простит.

«Остановись! — вдруг прозвучал в ее голове голос Габриэлы, заставив Кэрол вздрогнуть. — Нельзя допустить, чтобы Джек умер. Его смерть повлечет за собой страшные последствия. В нем зло, но это зло ничто по сравнению с тем злом, что дремлет в твоём сыне. Джек — меньшее зло. Пусть это зло остается в этом мире, дабы не выпустить другое... Оставь его. Забирай сына и беги. Только Патрик теперь имеет значение, только он тебя теперь должен заботить. Обо всем остальном забудь. Обо всех забудь. Только Патрик, запомни. В нем страшная сила и страшное зло... И ты должна посвятить свою жизнь тому, чтобы они не поглотили твоего сына. Люби его, окружи заботой, огради от всего, что может спровоцировать в нем ярость. Никакой боли, гнева, злости, обиды... Только любовь и доброта. Может быть, это напрасные надежды, пустые усилия... но ты должна попытаться. Смерть отца, которого он боготворит — это такая боль и ярость, которую уже ничто не сможет усмирить. Если погибнет Джек, потом придется убить и твоего сына. Иного выхода не будет. Как по мне, я считаю, что убить его надо уже сейчас, и не ждать, когда он превратится в монстра. Но ведь ты этого не сможешь сделать. Так что пока делай, что можешь. Сохрани жизнь Джеку. Не позволяй ему умереть».

Кэрол опустила пистолет и бросила его Джеку.

— Мама, — прозвучал за дверью напуганный голос Патрика. — Вы опять ругаетесь? Мамочка... не надо. Пожалуйста! Не ссорьтесь!

Кэрол испуганно обернулась, но дверь была закрыта, и мальчик, вроде бы, не видел, что здесь произошло.

— Иди к себе, Патрик! — строго велела она. — Мы больше не будем ссориться с папой, я обещаю. Иди, сынок, и не переживай.

— Пап! — жалобно проскулил мальчик за дверью.

— Делай, что мама говорит, Рик! — отозвался как можно спокойнее Джек. — Иди в свою комнату. У нас все хорошо, мы больше не ругаемся.

— Ну, ладно. Смотрите, вы обещали. Если будите ругаться, я от вас убегу, и вы никогда меня не найдете! — пригрозил мальчик и ушел.

Кэрол подошла к столу и, взяв трубку, вызвала скорую помощь.

Потом присела перед Джеком, пытаясь разглядеть под пропитавшейся кровью рубашкой рану. Он наблюдал за ней полными страдания глазами.

— Тебе... больно? — прохрипела Кэрол, роняя слезы ему на рубашку.

— Больно... вот здесь, — он коснулся ладонью сердца.

— Я любила тебя, Джек, я так тебя любила! Ну почему ты такой? Зачем заставил тебя ненавидеть? Ты хоть представляешь, какого это, ненавидеть того, кого так любишь?

— Да... я знаю. Что-то такое я испытывал к своей матери. И понимаю тебя. Я не

сержусь. Наверное, на твоём месте я поступил бы также. Только ты ошибаешься, Кэрол. Мэтт застрелился, потому что он был больной. Твоя мама умерла случайно, у нее был инфаркт, а я здесь ни при чем. Да, Даяна меня очень разозлила, но как ты можешь думать, что я мог ее так жестоко и хладнокровно убить? Ну, я же не маньяк, черт возьми, чтобы в подворотнях нападать на женщин и ломать им шеи! А Рэй сам виноват в том, что попал под подозрение, нечего трахать всех подряд, я всегда знал, что до добра это не доведет. И Куртни попала в аварию не потому, что я что-то подстроил... Стоило тебе во мне усомниться, и теперь ты обвиняешь меня во всем, чтобы не случилось! Я любил Куртни, и ты это знаешь! Именно потому, что я ее любил, я сделал то, что она просила! Я знал, знал, что ты никогда этого не поймешь! Если ты видела, почему же ты не вмешалась, почему позволила мне это сделать? Ты понимаешь, какого это, лишать жизни того, кого любишь? Понимаешь, что я чувствовал, и чего мне это стоило? Почему ты не избавила меня от этого, если видела?

— Я увидела слишком поздно... не так, как ты подумал. Я видела это во сне.

— Что? Во сне? Боже, да что же это такое... — откинув голову назад, Джек тихо засмеялся над собой и над тем, как легко попался на ее удочку, сознавшись. Ух, и хитра же, оказывается, эта девочка! Кто бы мог подумать. И умна. Ой, как умна.

— А когда ты разговаривала со мной якобы от имени Куртни, приказывая оставить в покое тебя и Рэя — это тоже хитрость, попытка меня запугать? Признаюсь, тебе удалось. Я даже почти поверил в то, что со мной твоими устами на самом деле говорит покойница.

— О чем ты? — удивилась Кэрол.

— У-у, и притворятся ты, оказывается, умеешь. Черт, похоже, я совершенно не разбираюсь в людях, как думал. Этот Рэй... теперь еще и ты...

Кэрол, так ничего и не поняв, махнула на него рукой и поднялась.

— Куда ты? — встревожился он, и тоже попытался встать.

— Никуда. Пойду за бинтами, чтобы остановить кровь. Сиди, не дергайся.

Но оказать ему первую помощь она так и не успела. Приехала неотложка и забрала его с собой, заверив, что рана не опасна, пуля вышла навывлет, они все обработают, наложат повязку и отпустят его домой. На вопросы о том, что произошло, Джек раздраженно ответил, что сам случайно выстрелил в себя.

— Неужели? — усмехнулся врач. — А перед этим прикрутили глушитель, чтобы никто не услышал, как вы случайно пускаете в себя пулю?

— Да пошел ты! Кто ты такой, чтобы надо мной потешаться? Сказал, сам, значит сам! Прикручивал глушитель и случайно нажал на курок. Не твое дело!

— С полицией вам все-таки объясниться придется.

— Объяснюсь.

Когда его увезли, Кэрол вызвала по телефону такси, поднялась в комнату Патрика и быстро собрала в сумку самые необходимые вещи.

— Мы уезжаем, сынок. Переоденься.

— Уезжаем? Куда?

— В путешествие.

— А папа?

— А папа с нами пока не может. Теперь ты понимаешь, почему мы не разрешали тебе брать пистолет? Папа взрослый и то... видишь, что получилось?

— Как же мы можем уехать, если папа в больнице?

— С ним ничего серьезного. Он сам сказал нам уезжать. Сынок, не спорь со мной. Мы

должны уехать. Я потом тебе все объясню, хорошо?

— А дедушка? Я должен сказать ему до свидания!

— Потом, Патрик. Позвонишь и скажешь по телефону. Пойдем.

Подняв сумку, она взяла мальчика за руку и вывела из комнаты. Захватив по дороге свой чемодан, который даже не успела распаковать, и сумочку с деньгами и документами, она спустилась по лестнице. Внизу дорогу ей вдруг преградила Нора.

— Куда вы?

— С дороги, Нора!

— Нет! Я не пущу! Оставь ребенка, чокнутая! Сама убирайся хоть к дьяволу, но ребенка я тебе не отдам! Патрик, иди ко мне!

Она схватила мальчика за руку, но он вырвался.

— Нет! Я пойду с мамой! А ты всего лишь прислуга, ты не можешь мне указывать! Я пожалуюсь на тебя папе!

Кэрол решительно оттолкнула женщину в сторону, поразив своей силой, и вышла с Патриком на улицу.

Нора бросилась следом, но беспомощно застыла на месте, наблюдая, как они садятся в такси. Потом со стоном бросилась к телефону.

Джек едва вышел из больницы, как ему навстречу выскочил из подъехавшей машины Зак.

— Джек! Она забрала Патрика и уехала! Я послал уже людей в аэропорт и на вокзал, но...

Не говоря ни слова, Джек запрыгнул в его машину.

— Поехали. Никуда она не денется. Я теперь знаю ее фальшивые документы и уведомил и аэропорты, и вокзалы, и прокаты машин. Сейчас позвоню своему приятелю в полицию, и ее задержит первый же попавшийся на пути патруль. Вот сучка неугомонная! Достала уже...

Вернувшись домой, он столкнулся с выскочившей ему навстречу обезумевшей Норой.

— Я пыталась... но она же ненормальная, с ней не справишься!

— Успокойся, Нора. Займись своими делами, — спокойно бросил Джек на ходу, направляясь в кабинет.

— Джек! Вот номер такси, на котором они уехали, я записала. Может, пригодится, — она догнала его и протянула дрожащими руками листок бумаги. Джек взял его, поблагодарив ее улыбкой.

— Молодец, Нора. Спасибо.

Отвернувшись, он скрылся в кабинете.

Зак пошел за ним. Там, расположившись в кресле, Джек дозвонился своему приятелю из полиции, продиктовал ему номер такси. Тот вдруг напрягся.

— Подожди, Джек... Ты уверен, что они уехали именно в этой машине?

— Да. А что?

Полицейский на том конце провода нервно прочистил горло.

— Что? — нахмурился Джек.

— Джек, боюсь... Даже не знаю, как тебе сказать...

— Да не мямли ты! В чем дело?

— Дело в том, что примерно минут сорок назад на это самое такси перевернулся бензовоз и... Свидетели утверждают, что в машине находились, помимо водителя, женщина и ребенок.

— Нет... этого не может быть...

— Джек, был взрыв... пока там работали пожарные, но скоро приступят и наши ребята. Боюсь, там мало что осталось после такого... но мы постараемся установить... Только, боюсь... ведь свидетели видели. Они были в машине, Джек. Мне очень жаль. Прими мои соболезнования.

— Они что... сгорели заживо? — рассудок Джека все еще оставался холодным, хотя тело его уже отказывалось ему подчиняться.

— Нет, не думаю. Они умерли мгновенно. Бочка упала прямо на них. Их раздавило еще до взрыва.

— Раздавило? — удивился Джек и вдруг, закачавшись, рухнул на пол. Зак даже не успел его подхватить, не ожидая ничего подобного. Похлопав Джека по щекам, он привел его в чувства, уверенный, что тот просто слишком ослаб после потери крови, да еще это ужасное потрясение...

Он отказывался поверить в то, что Кэрол и Патрик погибли, даже когда эксперты определили по останкам, что они принадлежат молодой женщине и ребенку, даже когда ему показали почерневший металлический брелок с сумки Патрика, который он сам подарил сыну. Спокойный, хладнокровный, он стискивал челюсти и упрямо качал головой, утверждая, что эта женщина и этот ребенок — не его жена и сын, а кто-то другой. Опознание было невозможным. Когда он посмотрел на то, что удалось собрать после взрыва и пожара, он лишь фыркнул и отвернулся, и все, что его заботило в тот момент — это сдержать охвативший его приступ тошноты. Он загонял своих людей, заставляя искать Кэрол и Патрика среди живых. Но поиски были безрезультатны. Джек был в ярости. Готов был растерзать весь мир. Пока он метался, как сумасшедший, разыскивая живых жену и ребенка, Джордж забрал останки и организовал похороны, не согласовывая свои действия с сыном. Джордж даже не позвонил ему, ни слова не сказал, оставаясь безжалостным, не выражая желания ни поддержать, ни утешить, ни помочь в его горе. Или успокоить и вразумить, заставить посмотреть правде в глаза и перестать вести себя, как безумный. Джек узнал о похоронах в последний момент, это привело его в бешенство, и он попытался помешать.

— Не смей хоронить этих людей под именами моих жены и сына! — набросился он на отца. — Я не позволю!

Вместо ответа Джордж влепил ему увесистую пощечину, пытаясь привести, наконец, в чувства.

— Хватит, Джек. Над тобой уже посмеивается весь мир. Газеты пишут, что у тебя помутился рассудок. Ты, и правда, стал похож на ненормального. Возьми себя в руки, и поехали, похороним их, как подобает.

Джек упрямо закачал головой.

— Что ж, дело твое. Не хочешь, не хорони. Я сам это сделаю, провожу в последний путь эту бедную девочку и своего маленького внука.

Джек посмотрел на него и только сейчас заметил, как сильно вдруг поседел его отец. Но оставался таким же сильным и волевым, не позволяя горю сломать себя.

— Я знаю, Джек, что тебе тяжелее, чем мне. Ведь на мне нет чувства вины. Тебе с этим жить. Ничто не остается безнаказанным в этом мире, сынок. Вот и тебе бог воздал. Если не можешь это выдержать, у тебя есть пистолет. Или держись достойно, или умри, не позорь мою седую голову и нашу фамилию. Среди Рэндэлов никогда не было слабаков и не будет!

Умей отвечать за свои поступки перед самим собой и принимать достойно свое поражение. А если не можешь... тогда отправляйся вслед за своей семьей, которую ты загубил. Только вряд ли твоя жена будет рада встречи с тобой... да и все остальные, кого ты туда отправил.

Не сказав больше ни слова, Джордж ушел.

На похоронах не было никого. Джордж даже не позвал Берджесов. Одному только Уильяму Касевесу он позволил присутствовать. Пришел все-таки и Джек. Бледный, спокойный стоял он у двух гробов, большого и маленького, и ничего не отражалось на его застывшем и словно неживом лице.

Джордж не смотрел в его сторону. Зато Касевес почти не отводил взгляда от Джека, но тот этого не замечал. Казалось, он вообще ничего не замечал вокруг, даже стоявших перед ним двух гробов... того, во что превратилась его семья.

Никто не вспомнил о Рэе. Он сидел в своей камере и недоумевал, почему не приходит Кэрол, почему о нем вдруг все забыли. Он оставался в счастливом неведении, пока к нему не пришла с печальным известием Свон. Не находя слов, она просто вручила ему газету, предоставив узнать обо всем самому. А потом беспомощно смотрела, как он заходится в рыданиях, спрятавшись от нее за своими руками, как будто пытался спрятать от нее свое безумное горе...

За его защиту взялся Касевес, Рэй отказался от признания в убийстве, и вскоре с него были сняты все обвинения. Джек ни во что не вмешивался, не препятствуя его освобождению. С безразличием он ждал, как Рэй бросится ему мстить за Кэрол и Патрика, но тот, не обращая на него никакого внимания, спокойно занялся своим бизнесом, восстанавливая попорченную репутацию, как будто ничего больше его не волновало.

У могил Кэрол и Патрика Рэй побывал всего один раз, оставил скромные цветочки и, не задерживаясь, ушел и больше туда не приходил. Джек наблюдал за ним с недоумением, удивляясь тому, что не очень-то он убивается. Вот, оказывается, какова цена его страстной любви — пока было, кого любить и желать, любил и желал, а как ее не стало — забыл. Ну и черт с ним. Теперь их ничего не связывало, и Джек даже вспоминать о нем больше не хотел. А Тимми он освободил и отпустил на все четыре стороны. И на этого парня ему было теперь глубоко наплевать. Он решил вытащить его из тюрьмы в память о Кэрол, ведь он был ее другом. Насколько он знал, незадачливый киллер свалил отсюда куда-то подальше, не пожелав расправляться с Рэем, видимо, все-таки не поверив в его виновность в смерти Даяны.

И все-таки Рэй не давал ему покоя. Слишком подозрительным было его безразличие. Сомнение снова закралось в сердце Джека, и он стал наблюдать за Рэем более внимательно. Интуиция подсказывала ему, что он похоронил не тех, кого любил. А интуиция его никогда не обманывала. Или это было всего лишь безрассудная мечта, которая не позволяла ему поверить и смириться с тем, что его Кэрол и Патрика больше нет в живых, что никогда он больше их не увидит, потеряв навсегда?

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net